

РОССИЯ и Первая МИРОВАЯ ВОЙНА:

*экономические проблемы,
общественные настроения,
международные отношения*

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ, ДВИЖЕНИЙ
И РЕВОЛЮЦИЙ

Россия и Первая мировая война:

*экономические проблемы,
общественные настроения,
международные отношения*

*Сборник
статей*

*Ответственный редактор
Ю.А. Петров*

Москва
2014

УДК 941(47)
ББК 63.3(2)
Р76

Составитель:
доктор исторических наук
С.М. Исхаков

Рецензенты:
доктор исторических наук *В.Я. Гросул*
(Институт российской истории РАН),
доктор исторических наук *В.Ж. Цветков*
(Московский государственный педагогический университет)

Р76 Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения: сб. ст. / сост. С.М. Исхаков; отв. ред. Ю.А. Петров; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Науч. совет Рос. акад. наук по истории социальных реформ, движений и революций. — М., 2014. — 416 с.

ISBN 978-5-8055-0268-3

Настоящий сборник статей подготовлен на основе материалов международной Научной сессии «Великая война 1914—1918 гг. и Россия», организованной и проведенной в Самаре 3—4 мая 2012 г. Научным советом Российской академии наук по истории социальных реформ, движений и революций, Фондом русской истории (Нидерланды) и Самарской областной универсальной научной библиотекой. В статьях показано влияние Первой мировой войны на экономические проблемы в России, на общественные настроения и политиков, на международные отношения и дипломатию. Публикуются также материалы из архива этого академического Совета.

Для историков и научной общественности.

ISBN 978-5-8055-0268-3

© Коллектив авторов, 2014
© Институт российской истории РАН, 2014

Содержание

<i>С.М. Исхаков. Предисловие</i>	5
--	---

Раздел 1. Экономические проблемы, качество жизни

<i>Ю.А. Петров (Москва). К вопросу о финансовом положении России в годы Первой мировой войны</i>	9
<i>С.А. Толстогозов (Япония). Финансово-экономический кризис и антикризисная политика правительства России в условиях Первой мировой войны</i>	20
<i>В.В. Поликарпов (Москва). Военная промышленность России 1914—1917 гг. в историческом разрезе</i>	32
<i>В.Д. Лебедев (Москва). Развитие авиационной промышленности России накануне и в годы Первой мировой войны</i>	53
<i>Н.Ф. Тагирова (Самара). Хлебная торговля в России 1914—1917 гг.: коллизии рыночного и государственного регулирования</i>	62
<i>Д.В. Анисимова (Москва). Фондовые биржи Петрограда и Гельсингфорса в годы Первой мировой войны: динамика индекса и инфляционный фактор</i>	76
<i>Е.С. Кравцова (Курск). Влияние Первой мировой войны на налоговую сферу российского государства</i>	85
<i>В.Н. Парамонов (Самара). Качество жизни населения России в 1914—1917 гг.</i>	100

Раздел 2. Общественные настроения, политики

<i>О.А. Сухова (Пенза). Первая мировая война как вызов русской ментальности: массовые настроения в провинции в 1914—1917 гг.</i>	121
<i>Н.С. Сидоренко (Челябинск). Эволюция политической атмосферы провинциального общества в условиях Первой мировой войны (на примере губерний Урала)</i>	141
<i>Ю.А. Жердева (Самара). Иллюстрированная пресса как источник формирования образа войны в 1914—1918 гг.</i>	155
<i>А.В. Венков (Ростов-на-Дону). Подвиг Козьмы Крючкова: пропаганда и факты</i>	177
<i>Н.П. Фомичева (Самара). Война 1914—1918 гг. в судьбе самарского либерала</i>	182
<i>В.И. Гольцов (Самара). Проблема патриотизма в трудах В.В. Розанова в годы Первой мировой войны</i>	194
<i>С.В. Тютюкин (Москва). Начало министерской карьеры Александра Керенского в 1917 г.</i>	217
<i>А.В. Калягин (Самара). В.И. Ленин, Г.В. Плеханов и вопрос о социалистической революции в России (апрель — июнь 1917 г.)</i>	228
<i>О.А. Шашкова (Москва). «Люди Фронды» меж двух революций 1917 г.: Из истории собирания наследия Февраля</i>	244

Раздел 3. Международные отношения, дипломатия

<i>В.И. Голдин (Архангельск). Международные отношения на Европейском Севере в годы Первой мировой войны</i>	275
<i>Г.М. Садовая (Самара). Россия и Германия в Первой мировой войне: точка зрения В. Ратенау</i>	290

<i>В. Пискун (Украина)</i> . Институциональное становление дипломатии и внешнеполитические ориентации украинских правительств (1917—1918 гг.).....	305
<i>Л.В. Ланник (Саратов)</i> . Брестская система международных отношений и германская военная элита	323
<i>Г. Мамулия (Франция)</i> . Кавказ и державы Четверного союза в 1918 г.....	337
<i>Дж. Гасанлы (Азербайджан)</i> . Внешняя политика Азербайджанской Республики: первая попытка движения к независимости	361
<i>С.М. Исаков (Москва)</i> . Представители мусульманских народов Европейской России, Сибири, Кавказа, Крыма и Центральной Азии на Парижской мирной конференции	383

Раздел 4. Из архива Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций

<i>П.В. Волобуев (Москва)</i> . Первая мировая война и исторические судьбы России	407
<i>П.В. Волобуев (Москва)</i> . Первая мировая война и историческая судьба России	412

Предисловие

Первая мировая война 1914—1918 гг. — это поистине глобальная катастрофа, вызвавшая невиданные ранее потрясения в жизни всех воевавших стран. Она затронула их экономику, политику, культуру и оказала громадное влияние на весь ход мировой истории, неизменно привлекая внимание историков всего мира.

Изучение этих событий в СССР долгое время происходило под влиянием таких казавшихся незыблемыми идеологических приоритетов, как деятельность партии большевиков, рабочее движение в России и внешняя политика царизма, что наложило отпечаток на их освещение в советской историографии¹. Множество исследований в то же время появилось и на Западе, где и после распада Советского Союза продолжается изучение хода этой войны, ее влияния на крушение Российской империи и их последствия. Несмотря на обилие зарубежных публикаций, было ясно, что в мировой историографии до сих пор есть немало пробелов в освещении такой проблемы, как Россия в Первой мировой войне.

Начало современному этапу в изучении истории войны 1914—1918 гг. в российской историографии было положено в первой половине 1990-х годов. В декабре 1992 г. по инициативе академика Ю.А. Писарева была учреждена Ассоциация историков Первой мировой войны. В нее вошли многие специалисты из академических институтов и ряда университетов. В результате усилий этого большого коллектива ученых, в том числе и сотрудников Совета РАН по истории революций в России во главе с академиком П.В. Волобуевым, была проведена международная научная конференция «Первая мировая война и XX век», посвященная 80-летию Первой мировой войны. Она состоялась 24—26 мая 1994 г. в нашей стране впервые. Большая группа историков, в том числе из ряда европейских стран и США, сделала попытку более глубоко разобраться в механизме возникновения этого грандиозного мирового конфликта, понять роль различных фронтов, на которых шли боевые действия, а также прямые результаты и исторические последствия этого эпохального события.

К началу XXI в. в западной и в российской историографии было многое сделано для устранения перекосов в оценках, преодоления антиисторических подходов, свойственных не только пропагандистской литературе, но и академическим трудам. «Каждый аспект Великой войны исследуется заново, — писал известный американский историк Д. Бивер (1928—2013). — Даже военные и дипломатические аспекты ее пересматриваются. Но именно социальные последствия борьбы, взятые в более широких перспективах, требуют особого внимания. Именно сюда молодые ученые могли бы направить свои усилия с наибольшими результатами. Здесь все аспекты доступны для их новой интерпретации... С открытием архивов России, в течение 80 лет закрытых коммунистами для большинства зарубежных исследователей, свободен путь для действительно творческого изучения. Проблема ясна и возможности есть. Единственное, что требуется, — это упорная научная работа»². Эти слова Бивера, которыми заканчивается последний раздел подготовленной международным коллективом историков книги о состоянии современных исследований о Первой мировой войне сами по себе очень показательны и не расходятся с тем заключением, которое в свое время сделал известный советский историк А.Л. Сидоров.

Отечественным историкам на этом пути предстоит сделать еще очень многое, чтобы и в дальнейшем отходить от устаревших идеологизированных схем и стереотипов, воссоздавая историю этой войны во всей ее противоречивости. Как показывают новые работы, нуждаются в переосмыслении и многие общие вопросы, в том числе вопрос о причинах войны. Не только экономические противоречия, борьба за территориальный раздел мира, но и претензии лидеров тех или иных стран на мировое или региональное личное первенство порождали тяжелые последствия. Много споров идет о том, насколько оправдано было участие России в этой войне и нужно ли было отечественной правящей элите вообще ввязываться

в этот конфликт? Правомерна, например, та точка зрения, согласно которой, кроме чисто имперских соображений и стремления поддержать собственный ложно понятый престиж в ситуации с сараевским (сербским) кризисом, никаких других реальных оснований для этого не существовало. К тому же Россия, ослабленная недавней неудачной войной с Японией и революцией 1905—1907 гг., не была готова к длительному противоборству с таким опасным соперником, как Германия и ее союзники. Огромная империя не могла долго выдерживать непосильное для нее бремя милитаризации всего народного хозяйства, огромных военных расходов и гонки вооружений, а ее политический строй оказался неспособен обеспечить внутренний социальный мир в стране и сплотить все общество, что привело его после Февральской революции 1917 г. к еще более глубокому кризису и тяжелым испытаниям.

Ныне есть немало желающих возложить главную ответственность за поражение России в Первой мировой войне на партию большевиков, однако подобной задачи во имя победы революции она и не ставила. Не выдерживает критики и модная ныне версия, будто в 1917 г. мифическая победа над врагом якобы уже была у России «в кармане» и к моменту подписания знаменитого Версальского мирного договора 1919 г., который подвел, наконец, черту под этой страшной мировой войной, Россия была бы вместе с Англией, Францией и США в стане победителей, а не среди проигравших ее, еще более униженных и опозоренных. В действительности военно-стратегическое положение России к концу 1917 г. было совсем не блестяще, а ее армия воевать не хотела и физически и материально уже не могла.

Перед историками по-новому встали и другие сложные вопросы: как воспринимали войну народные массы, считали ли они ее отечественной, каким был патриотизм разных слоев имперского общества на фоне повсеместного роста национализма и шовинизма, усиленно подогреваемого правящими кругами царской России, и как он постепенно угасал по мере затягивания войны? какую роль играла в России в годы войны идея славянской солидарности и панславизма в противовес широко распространенной в Германии идее пангерманизма? насколько популярны были в России планы европейской интеграции (создание Соединенных Штатов Европы)? как отразилась война на межнациональных отношениях в Российской империи? какие процессы проходили в культуре многонациональной страны? Этот перечень можно было продолжать и продолжать, тем более что Первая мировая война впервые заслужила в современной России по примеру стран Запада название Великой. Правда, вместо победы Россия получила грандиозный революционный взрыв народных масс, который стал их ответом бывшим правителям огромной империи.

Настоящий сборник статей подготовлен на основе докладов участников международной научной конференции, организованной Научным советом РАН по истории социальных реформ, движений и революций совместно с Поволжским отделением этого Совета и проведенной в Самаре 3—4 мая 2012 г. при поддержке Самарской областной универсальной научной библиотеки. Кроме того, здесь опубликованы и некоторые статьи коллег, которые любезно согласились предоставить результаты своих многолетних изысканий по ряду проблем истории Первой мировой войны. В итоге этот сборник является результатом совместных усилий целой группы специалистов, сотрудничающих с нашим Научным советом уже не первый год, заинтересованных в углублении наших знаний о прошлом и их правдивости.

Авторы статей в данном сборнике представляют Россию (Архангельск, Курск, Москва, Пенза, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Челябинск), а также Азербайджан, Грузию, Украину, Францию и Японию.

С. М. Исхаков

¹ См.: Россия в период первой мировой войны и февральской буржуазно-демократической революции (июль 1914 — февраль 1917 г.): библиогр. указ. сов. лит., изд. в 1953—1968 гг. Л., 1975; Первая мировая война: указ. лит., 1914—1993 гг. М., 1994.

² *Beaver D.R. Industrial Mobilization and Military Technology // Researching World War I: A Handbook. Westport, CT, 2003. P. 396.*

Раздел 1
Экономические проблемы,
качество жизни

Ю.А. Петров³ (Москва)

К вопросу о финансовом положении России в годы Первой мировой войны

До Первой мировой войны Германия являлась вторым после Франции кредитором царской России по сумме государственного долга и частным инвестициям. По данным, подготовленным советской делегацией к Генуэзской конференции 1922 г., общая внешняя государственная (по займам государственным и гарантированным правительством) задолженность России к 1914 г. составляла 6330 млн. золотых руб.** Франция являлась кредитором на 3786 млн. руб., Германия — 975 млн., Голландия — 575 млн., Великобритания — 500 млн. и остальные страны — на 494 млн. руб.¹ Кроме того, по имеющимся новейшим подсчетам, в акционерные компании России к 1915 г. было вложено около 1940 млн. руб. заграничных инвестиций, причем и здесь Франция шла на первом месте (594 млн. руб.), опережая Великобританию (491,5 млн. руб.), Германию (399 млн. руб.), Бельгию (230,4 млн. руб.) и США (114 млн. руб.)².

С началом Первой мировой войны все долговые обязательства между воюющими странами были заморожены, однако в период подготовки Брестского мира проблема «русских долгов» вновь встала на повестку дня. По условиям мирного договора в Брест-Литовске, подписанного 3 марта 1918 г., стороны пришли к соглашению, что «с заключением мира оканчивается война и в экономических и финансовых отношениях»³. Согласно дополнительному соглашению к договору, наряду с восстановлением дипломатических и экономических отношений, внешнеторговых прежде всего, «стороны обязывались также после ратификации договора возобновить уплату процентов по государственным обязательствам гражданам другой стороны». Предусматривалось также восстановить права собственности и возместить ущерб гражданам другой стороны от действия законов военного времени⁴.

Вопрос о «русских долгах» позволяет затронуть чрезвычайно важную проблему урегулирования экономических отношений Советской России с Германией сразу после заключения мирного договора. Последние подсчеты государственной задолженности («портфельные инвестиции») и частных капиталовложений германских фирм в России («прямые инвестиции») в конце XIX — начале XX в., обобщающие накопленный в литературе материал, были проведены германским экономистом Р. Тилли в рамках международного исследовательского проекта по истории мировой банковской системы на рубеже XIX—XX вв.⁵ По этим данным общая сумма германских капиталовложений в России к 1914 г. составляла 3,8 млрд. марок, или $\frac{1}{7}$ всех внешних инвестиций Германии⁶.

Новые документы, обнаруженные автором в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в Москве, а также в Федеральном архиве ФРГ в Потсдаме (Bundesarchiv

^{*} *Петров Юрий Александрович* — доктор исторических наук, Институт российской истории, председатель Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций.

^{**} По довоенному курсу 1 рубль = 0,5 \$ США или 2,16 германской рейхсмарки.

Deutschlands, Potsdam), Архиве МИД ФРГ в Бонне (Politisches Archiv des Auswaertigen Amtes, Bonn) позволяют проследить основные этапы урегулирования задолженности России в период между Октябрьской революцией 1917 г. и Ноябрьской 1918 г. в Германии.

В России первый за годы войны подсчет задолженности был проведен в конце октября 1917 г., одновременно с приходом к власти большевиков и провозглашением декрета о мире. Соответствующие данные подготовило Иностранное отделение Кредитной канцелярии Министерства финансов, в котором были сосредоточены внешнеэкономические финансовые расчеты. Однако подготовка советской делегации к переговорам оставляла желать лучшего. Член советской делегации А.А. Иоффе, ответственный за финансовые вопросы договора, в письме из Брест-Литовска на имя Главного комиссара Государственного банка В.В. Оболенского от 17 (30) января 1918 г. сетовал, что из-за неподготовленности вопроса ему туго приходится в дискуссиях с германской стороной. «Вообще всю эту главу (ст. VI проекта мирного договора о восстановлении частных прав. — *Ю.П.*) необходимо внимательнейшим образом обсудить специалистам, ибо тут есть, например, вопрос об уплате процентов; мы понятия не имеем, годятся ли 5% или нет... Так работать нельзя, нужно иметь точные данные и специальные сведения... О государственных долгах мы тоже не могли точно сказать ибо не знаем, аннулированы ли также железнодорожные долги и согласны ли платить немцам проценты за тот период, когда все получали, ибо долги еще не были аннулированы. Ясно, что необходимо все это возможно скорее весьма основательно и серьезно обсудить и сообщить нам результаты. Вы бы посмотрели, как работают немцы. По всем вопросам здесь специалисты, а кроме того, постоянная связь с интересантами, целые тома подготовительного материала. Нужно иметь в виду, что если мы теперь расплываемся, вся эта работа пригодится впоследствии». Попросив адресата «из пяти посылаемых Вам экземпляров передать один Владимиру Ильичу», Иоффе настаивал, «чтобы специалисты обсудили весь этот проект (мирного договора. — *Ю.П.*)»⁷.

О степени осведомленности советского представителя можно судить по его собственному признанию. На переговорах в Брест-Литовске по поводу размера возможной компенсации Иоффе заявил, что «вместе с уплатой на содержание военнопленных по нашей статистике сумма составит 6—7 млрд. марок, а это уже приличная контрибуция. Конечно, — доверительно сообщал он Оболенскому, — эту сумму я высосал из пальца, чтобы бить их “контрибуциями”, но нужно точно установить, в чем дело, ибо они серьезно настаивают на этом»⁸. Иоффе решил напугать противную сторону несообразно великой «потолочной» суммой, рассчитывая отчего-то, что германская сторона разделяет большевистский лозунг мира «без аннексий и контрибуций»...

По-видимому, письмо Иоффе дало толчок интенсивной разработке проблемы в Иностранном отделении Наркомфина. По материалам Кредитной канцелярии были подготовлены обстоятельные справки, согласно которым остаток находившихся в Германии облигаций российских государственных займов составлял 1188 млн. марок, или около 550 млн. руб. по довоенному курсу. Гарантированных российским правительством займов железнодорожных компаний в Германии было размещено на 1134 млн. марок (525 млн. руб.), акций и заложных листов государственных ипотечных банков (Дворянского и Крестьянского), являвшихся, по существу, обязательствами российской казны, — на 280 млн. марок (130 млн. руб.).

Все обязательства российского правительства по отношению к Германии исчислялись, таким образом, в 2602 млн. марок, или около 1205 млн. довоенных золотых рублей. Если же прибавить к этой сумме — как это и сделало Иностранное отделение — остаток находившихся в Германии облигаций займов российских городов

(формально муниципальные займы не имели правительственной гарантии, но по уровню надежности были сопоставимы с государственными обязательствами), которых насчитывалось на сумму 302 млн. марок, или 140 млн. руб., то общий итог задолженности российской казны выразится цифрой 2904 млн. марок, или 1345 млн. руб.⁹ Этот итог, заметим, достаточно близок к сумме государственных обязательств России по отношению к Германии, приводимой Тилли по данным журнала «Der Deutsche Oekonomist», который на 1914 г. определил эту сумму в 2843 млн. марок¹⁰.

Методика подсчета государственной задолженности, использованная чиновниками Иностранного отделения Кредитной канцелярии, состояла в капитализации ежегодно уплачиваемых государственным казначейством процентов в данной стране. В отношении Германии расчет велся исходя из среднего процента 4,5% годовых. Путем пересчета платимых процентов на средний процент доходности и осуществлялась капитализация долга. Надо заметить, что специальной регистрации держателей русских бумаг в довоенной Германии не проводилось (первый такого рода опыт, как будет показано ниже, относится к периоду мировой войны), поэтому метод капитализации является единственным надежным источником расчетов, хотя он и не дает абсолютно точных цифр (ряд займов, например, заключался из иного, нежели 4,5%, процента).

Помимо государственного долга, главной статьёй межгосударственного финансового урегулирования являлись частные инвестиции и иные претензии по состоянию на начало войны (не возмещенные убытки германских подданных за реквизируемые в период войны имущества не учитывались). Согласно выкладкам Иностранного отделения, эта статья долговых претензий равнялась 1555,6 млн. марок, или 721,6 млн. руб. (см. табл. 1).

Таблица 1

**Задолженность России Германии на 1914 г.
(по данным Иностранного отделения Кредитной канцелярии)**

Виды задолженности	Млн. руб.	Млн. марок
Государственный долг:		
Государственные займы	550	1188
Гарантированные правительством займы железных дорог	525	1134
Бумаги государственные ипотечных банков	130	280
Облигации городских займов	140	302
Итого государственный долг	1345	2904
Частные инвестиции и претензии:		
Находящиеся в Германии акции российских акционерных обществ	225	486
Участие германского капитала в русских промышленных предприятиях	200	432
Долг Кредитной канцелярии банкирскому дому Мендельсона в Берлине	17,7	38,2
Долг российских банков германским кредитным учреждениям	112,2	242,3
Суммы германских подданных в российских банках	166,7	357,1
Итого	721,6	1555,6
Всего	2066,6	4459,6

Отметим, что главной статьёй частноправовых долгов являлись германские инвестиции в акции российских акционерных компаний и прямое участие германского капитала (в лице подданных Германского рейха) в российских промышленных предприятиях. Общий итог этих претензий в размере 425 млн. руб., или 918 млн. марок, несколько отличается от данных российского экономиста П.В. Оля, в начале 1920-х годов занимавшегося подсчетом участия иностранного капитала в народном хозяйстве довоенной России. По его расчетам, перед мировой войной участие германского капитала в акционерно-паевых предприятиях России равнялось 441,6 млн. руб. Германские инвестиции шли на третьем месте вслед за французскими (731,6 млн. руб.) и английскими (507,5 млн. руб.)¹¹.

Следует, однако, учитывать, что в реальности сумма иностранных инвестиций была несколько ниже, чем у Оля, и более соответствовала данным Кредитной канцелярии. Исследования с использованием новых источников свидетельствуют, что сумма иностранных инвестиций у Оля на 10—14% превышает их реальный уровень¹². Вероятно, ближе к истине подошел Тилли, который приводит сумму прямых инвестиций Германии в России на 1914 г. в пределах 850 млн. марок (393 млн. руб.), хотя не раскрывает происхождение этой цифры¹³.

Помимо капитального долга, Кредитная канцелярия учла также неполученные гражданами Германии проценты по государственным обязательствам за три года войны в размере 465,9 млн. марок (305 млн. руб.). В итоге общая картина «русских долгов» Германии на конец 1917 г. выглядела следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2

Задолженность России Германии на конец 1917 г.

Виды задолженности	Млн. руб.	Млн. марок
Государственный долг, всего	1650	3369,9
В том числе:		
Капитальный долг	1345	2904
Невыплаченные проценты	305	465,9
Частные инвестиции и претензии	721,6	1555,6
Итого вся задолженность	2371,6	4925,5

Следует подчеркнуть, что приведенные данные представляют собой максимальные цифры, без учета российских контрпретензий. Между тем, по сведениям германского Министерства экономики, российские подданные к 1918 г. владели в Германии различным движимым имуществом (ценные бумаги, векселя, товары и т.п.) на сумму около 531 млн. марок и недвижимостью на 150 млн. марок, всего, таким образом, на 681 млн. марок¹⁴. Российской стороне эти цифры, по всей очевидности, не были известны; во всяком случае, на переговорах в Брест-Литовске они не фигурировали.

Обратимся теперь к подсчетам «русских долгов», проведенным германской стороной. Степень проработки проблемы к мирным переговорам в Брест-Литовске у немцев была действительно выше, чем у советской делегации, хотя общие цифры оказались близки.

Первые признаки оживления интереса к проблеме довоенных долгов в Германии появились в 1916 г., очевидно, в связи с ожиданиями сепаратного мира. Рейхсбанк

в августе 1916 г. объявил регистрацию держателей облигаций русских государственных и гарантированных правительством железнодорожных займов. По завершении регистрации 30 сентября 1916 г. оказалось, что в германском владении находится облигаций российских государственных и гарантированных правительством займов на сумму 1072,2 млн. марок, в том числе на 682,4 млн. облигаций русских железнодорожных займов¹⁵. Разумеется, эта цифра отнюдь не являлась исчерпывающей и окончательной, поскольку проведенная в условиях войны и к тому же в столь сжатые сроки регистрация не могла носить всеобъемлющий характер.

Вплотную темой довоенных долгов германские финансово-политические круги занялись в конце 1917 г. в связи с началом мирных переговоров в Брест-Литовске. 4 декабря 1917 г. в Берлине состоялось рабочее совещание трех ведущих финансистов Германии — Ф. фон Мендельсона (банкирский дом «Mendelssohn & Co.»), А. фон Гвиннера (Deutsche Bank) и А. Саломонсона (Disconto-Gesellschaft). На встрече обсуждался вопрос о создании союза защиты германских держателей русских ценных бумаг, призванного отстаивать интересы немецких рантье ввиду угрозы государственного банкротства России. В ходе обсуждения фигурировали, в частности, данные о русских ценных бумагах в германском владении, зарегистрированных в Рейхсбанке. Общая их сумма к тому времени равнялась 1864 млн. марок, в том числе на 1141 млн. — облигаций государственных и гарантированных правительством займов и на 723 млн. марок — акций частных компаний¹⁶. Эта цифра была официально заявлена германской стороной в Брест-Литовске. «Немцы... — сообщил Иоффе в Петроград в упомянутом письме от 17 (30) января 1918 г., — провели анкету среди всех заинтересованных в России капиталистов, ответы всех составили сумму в 1,6 млрд. марок»¹⁷.

По отдельным категориям ценных бумаг претензии германской стороны выглядели следующим образом (см. табл. 3).

Таблица 3

**Русские ценные бумаги в германском владении к 1918 г.
(по германским данным)**

Категории ценных бумаг	Млн. марок
Акции российских акционерных компаний	543,8
Ценные бумаги с твердой доходностью	179,1
Государственные и городские займы	451,4
Облигации железнодорожных займов	690,2
Итого	1864,5
Всего, с учетом невыплаченных процентов	2250,0

По данным, изложенным в письме 12 ведущих германских банков в Министерство иностранных дел от 26 февраля 1918 г., общий итог германских претензий по государственным и частноправовым обязательствам России равнялся 4—5 млрд. марок¹⁸. Хотя декретом советского правительства от 2 февраля 1918 г. государственные обязательства царской России были объявлены аннулированными, финансово-политическая верхушка Германской империи настаивала на возмещении всех прежних долгов.

Таким образом, общая сумма долговых претензий по обобщающим германским данным примерно соответствовала расчетам российской Кредитной канцелярии.

Правда, ни в том, ни в другом случае не учитывался ущерб, понесенный гражданами обеих стран в связи с репрессивными законами военного времени, поскольку он, по отзывам экспертов, не поддавался сколько-нибудь точному исчислению.

После подписания мирного договора в Брест-Литовске была создана особая комиссия для определения ущерба от действия законов военного времени и уточнения общей суммы претензий по всем видам долгов. Комиссии, которую с российской стороны возглавлял тот же Иоффе, было поручено подготовить финансовое соглашение, являющееся дополнением мирного договора.

В ходе работы над проектом документа советская сторона сделала ряд существенных коррективов. Выяснилось, в частности, что за годы войны сумма русского государственного долга в Голландии выросла на 200 млн. руб., хотя новых займов в этой стране российское правительство не эмитировало. Причина заключалась в том, что часть облигаций русских государственных займов, размещенных в Германии, Франции и Бельгии, была продана их собственниками голландским держателям. Таким образом, реальный итог размещенных в Германии русских займов составлял менее указанных выше 550 млн. руб. Кредитная канцелярия предлагала снизить его примерно до 400 млн. руб.¹⁹

Не исключено, правда, что уменьшение суммы государственных обязательств у германских держателей компенсировалось притоком облигаций, вывозимых эмигрировавшими из России немцами. По сведениям Наркомата финансов РСФСР, с начала войны и до середины 1918 г. в Германию вернулось около 16 тыс. зажиточных семей российских немцев, захвативших с собой и приобретенные в России ценные бумаги, в том числе облигации государственных займов²⁰. Немецкая сторона на этом основании полагала, что таких новых ценностей, не прошедших регистрацию в Рейхсбанке, насчитывалось на сумму 360 млн. руб. Российское же финансовое ведомство настаивало на том, что большая часть этих бумаг прошла регистрацию и поэтому не подлежит повторному учету.

В бумагах наркома финансов РСФСР Г.Я. Сокольников сохранился проект заключения об уплате Германии по государственному долгу. С учетом отмеченных выше поправок вся номинальная сумма аннулированных русских бумаг, принадлежавших немцам, в документе исчислялась в 1380 млн. марок капитального долга и в 220 млн. марок процентов с августа 1914 по июль 1918 г., всего 1600 млн. марок. Из этой суммы предлагалось вычесть около 22% долга, приходящегося на население отделенных от России территорий (Украина, Финляндия, Польша и др.)²¹.

Наркомат финансов РСФСР, кроме того, полагал, что в счет встречных претензий России должно быть зачтено так называемое «русское золото за границей», то есть активы царского Министерства финансов, находившиеся на счетах германских банкиров и предназначенные для обслуживания государственного долга (по этим счетам проводилась выплата текущих процентов). К 1914 г. таких российских авуаров у германских банковских учреждений имелось на сумму 103 млн. марок, к 1918 г. — на 99,1 млн. марок (45,9 млн. руб.). Уменьшение объясняется тем, что из этих средств в годы войны частично продолжали погашаться текущие купоны российских займов.

Главным партнером российского Министерства финансов по размещению займов в Германии являлся лидер так называемого русского консорциума, берлинский банкирский дом Мендельсона, на счетах у которого осело 88,3 из 99,1 млн. марок, переданных русской казной германским банкирам. Суммы эти не были возвращены российской стороне и не фигурировали в германских расчетах. Отметим, что германские партнеры в списке клиентов российского финансового ведомства шли на втором месте после

французских, у которых к началу войны находилось 431 млн. руб. «русского золота за границей», и эти суммы также не были возвращены России после окончания войны²².

Со своей стороны, германские правительственные круги, финансисты и предприниматели разрабатывали собственные планы урегулирования проблемы русских долгов. 8 марта 1918 г. рейхсканцлером Германии был выпущен приказ о дополнительном учете всех находящихся в германском владении облигаций русских государственных займов и вообще всех бумаг с гарантией государства, в том числе прошедших регистрацию в Рейхсбанке в 1916 г., а также перешедших в собственность германских подданных в период после 23 августа 1916 г. и до 3 марта 1918 г.²³ Смысл инициативы был очевиден — максимально полно представить советской стороне перечень претензий, касавшихся русского государственного долга. Однако результаты повторного учета, принесшего, как отмечалось выше, повышение суммы претензий на 360 млн. руб., были оспорены советской стороной.

В деловых кругах возродились надежды на возмещение убытков, понесенных в годы войны проживавшими в России германскими подданными. В Германии был создан особый Комитет высланных из России германских подданных (Ausschuss der aus Russland ausgewiesenen Reichsdeutschen) во главе с крупным предпринимателем Л. Шписом (Spies), до войны совладельцем торгового дома «Шпис и Прен» (Spies & Pohn) в Москве. Комитет требовал полной компенсации имущественных потерь германских граждан, главным образом предпринимателей, насильственно выдворенных из России в период войны²⁴.

Проявили активность и лидеры бывшего «русского консорциума». В мае 1918 г. Иоффе, находившийся в Берлине в качестве полномочного представителя РСФСР, сообщил в Москву о визите директора Disconto Gesellschaft Саломонсона. О важности послания говорит тот факт, что копии письма были разосланы В.И. Ленину, Л.Д. Троцкому и Я.М. Свердлову²⁵. «Он очень много хитрил, я тоже дипломатничал, но кажется в конце концов выяснил, что можно от них иметь, — писал Иоффе. — Консорциум, насколько мне удалось выпытать у Саломонсона, имеет следующий план. Мы должны получить заем и в дальнейшем расплачиваться уже обязательствами этого займа. Для того, чтобы получить заем, мы прежде всего должны уплатить указанные 300—350 млн [марок] процентов (речь шла о наросших за годы войны процентах по русским бумагам, зарегистрированным в Рейхсбанке. — Ю.П.). Для этого мы тоже можем получить в этом консорциуме заем в 1800 млн [марок], причем 300 млн будет снято в уплату указанной суммы».

Таким образом, хозяев «русского консорциума» прежде всего беспокоил вопрос о защите интересов германских держателей русских ценных бумаг, разумеется, интересов и своих собственных. Саломонсон настаивал на гарантиях займа в форме концессий и т.п., но внятного ответа от Иоффе не получил. Тот ограничился просьбой представить записку о намерениях консорциума, пообещав сохранить ее содержание в тайне.

В Москву он сообщил, что находит предложение интересным в плане противодействия «военной партии» в Германии, грозящей новым наступлением на Россию, которому, по оценке Иоффе, «мы не можем воспрепятствовать какими бы то ни было способами». Поэтому, заключал советский представитель в Берлине, «для нас страшно важно заинтересовать реальными выгодами финансовый капитал и сделать из него сторонника мира с нами. Сам факт переговоров о займе, по-моему, имеет громадное значение, а если мы сделаем заем, то уплата процентов, надзор за выполнением гарантий и т.п. принудят их быть очень заинтересованными в том, чтобы мы не воевали».

Тема будущего германского займа стала одной из ведущих на финансовых переговорах в Берлине, в которых с советской стороны помимо Иоффе участвовали Сокольников, Л.Б. Красин и Ю.М. Ларин. В личном фонде наркома финансов Сокольникова содержатся многочисленные справочные материалы об имущественных претензиях Германии к России, в том числе собственноручные подсчеты наркома о выплатах по купонам германских держателей на начало 1918 г. На основе этого источника можно заключить, что Сокольников в целом поддерживал идею Иоффе об уплате процентов по купонам взамен на германский заем, подытожив свои расчеты выводом: «Теперь же может быть условлено, что первый взнос будет сделан 15 авг. с.г. в размере 45 милл. мар.»²⁶.

Предметом расхождений между берлинской делегацией и советским руководством в Москве стал вопрос о возможных гарантиях займа. Письмом от 6 августа, адресованным непосредственно Ленину и Г.В. Чичерину, Иоффе сообщал, что «ваше предложение в качестве гарантии займа выставить только одни концессии, ни в коем случае не пройдет. Концессии, особенно развивающие нашу промышленность, денег не дают, но сами требуют вклада капитала. Как же они могут быть гарантией уплаты долга? Немцы это отлично понимают и потому усиленно настаивают на таможенных доходах и монополиях... С экономической точки зрения здесь даже Сокольников и Ларин, несмотря на всю свою сумбурность, против таких гарантий не возражали...»²⁷.

Заинтересованность Иоффе в займе объяснялась тем, что эта операция должна была стать основой всех расчетов с Германией по российским долгам. В том же письме он извещал руководство в Москве, что по заключенному им предварительному соглашению «мы должны были уплатить немцам 3,5 млрд марок». Иоффе исходил из того, что «весь наш долг оценивается в 5 млрд. марок, из них 1,5 млрд. на Украину и Финляндию и 3,5 млрд. на нас, т.е. 2,5 млрд. заем и только 1 млрд. наличными и товарами». Далее он сетовал, что «комиссия сама изменила это известным Вам образом, полагая, что на Украину нам выгоднее возложить всего 1 млрд. и требуя включения в паушальную (покрывающую все претензии, от нем. Pauschale. — Ю.П.) сумму нашего декрета 28-го». Речь шла о декрете СНК от 28 июня 1918 г. о национализации промышленности в Советской России, который стал очередным этапом экономической политики большевиков, начатой национализацией банков в конце 1917 г. и аннулированием государственных обязательств в начале 1918 г.

Таким образом, на переговорах в Берлине советская делегация сама предложила включить в счет претензий «отступные» за национализированные предприятия, принадлежавшие германским владельцам. Иоффе констатировал, что «комиссии таким образом удалось за 750 млн откупить всю германскую промышленность в России»²⁸. На этом решении, очевидно, настоял Ларин, который, как иронически заметил Иоффе, «по моему мнению, стоит нам эти $\frac{3}{4}$ млрд., а по его мнению спас Россию от великой ошибки, допущенной мной». В итоге советской делегации пришлось пойти на подписание соглашения, общая сумма которого серьезно превысила обсуждавшийся в Брест-Литовске максимум германских претензий.

Подводя итог своему письму от 6 августа 1918 г., Иоффе призвал адресатов, Ленина и Чичерина, осознать, что «все это является максимумом уступок со стороны немцев. Существенных изменений внести ни в коем случае не удастся. Если не считать мелочей, то нужно либо принимать все это соглашение, либо отвергать его целиком и оставаться при Брестских условиях, дающих нам возможность передавать почти все вопросы на обсуждение комиссий и тянуть целый ряд лет. Поскольку это политически целесообразно, судите сами»²⁹. Правительством Ленина выбор был сле-

лан в пользу скорейшего заключения соглашения, несмотря на гораздо более тяжкие его условия по сравнению с первоначальным планом Иоффе.

Российско-германское финансовое соглашение, подписанное в Берлине 27 августа 1918 г. в виде дополнения к мирному договору 3 марта 1918 г. (с российской стороны его подписал Иоффе), отменяло ст. 8 прежнего договора об уплате Россией процентов по государственным долгам и ст. 13—15 о вознаграждении за частноправовые убытки. Вместо этого Россия обязывалась уплатить «для вознаграждения потерпевших от русских мероприятий германцев сумму в 6 млрд. марок»³⁰. Цифра эта представляла компенсацию по всем долгам с учетом взаимных требований.

На Россию, по сути, накладывалась контрибуция, которая с лихвой перекрывала реальные претензии и была призвана погасить не только довоенную задолженность, но и убытки от действия военных законов, о которых, как отмечалось, у германских экспертов было весьма смутное представление, а также от советского декрета о национализации промышленности от 28 июня 1918 г. По условиям финансового соглашения советское правительство обязывалось до 31 декабря 1918 г. осуществить платеж в размере 1,5 млрд. марок кредитными билетами царского правительства на сумму 544,4 млн. марок и на остальную сумму — золотом из российского государственного запаса в объеме 245,6 тонн.

Далее, 3,5 млрд. марок предполагалось позже покрыть отправкой русских товаров на 1 млрд. марок и заключением в Германии нового русского 6%-го займа на 2,5 млрд. марок. Гарантиями этого займа должны были стать разного рода государственные доходы России, в том числе по экономическим концессиям, передаваемым германским подданным. Конкретный перечень гарантий намечалось включить в особое соглашение, при этом германская сторона оговорила, что общий ее доход по этой операции будет не ниже 20%. Остальные 1 млрд. марок, согласно ст. 4 финансового соглашения, обязывались принять на себя отпавшие от России Финляндия и Украина.

Имущества германцев, отчужденные в пользу российского государства, возвращались собственнику при условии, что отчуждение совершено до 1 июля 1918 г. В соглашении, правда, содержалась оговорка, что возврат имущества возможен лишь в случае, если отчуждение отменяется в отношении всего населения страны, т.е. только после официальной отмены национализации. Поскольку же рассчитывать на это можно было лишь в случае падения советского режима, Германия наложением громадной контрибуции пыталась компенсировать утраченные частные инвестиции в российскую экономику. Стороны условились также вернуть владельцам ценности из сейфов национализированных российских банков, равно как и германских, а также выплатить «замороженные» в период войны вклады в частных банках. Соответствующие требования пострадавшим немцам предлагалось направлять особому государственному комиссару, первые выдачи ценностей и выплаты по вкладам намечалось провести до 25 октября 1918 г.

13 ноября 1918 г. в связи с революцией в Германии правительством Советской России все договоры с кайзеровской империей, в том числе договор 3 марта 1918 и финансовое соглашение 27 августа 1918 г., были объявлены уничтоженными: «Всероссийский ЦИК сим торжественно заявляет, что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишились силы и значения. Брест-Литовский договор (равно и Дополнительное соглашение, подписанное в Берлине 27 августа и ратифицированное ВЦИК 6 сентября 1918 г.) в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным. Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территорий и областей, объявляются недействительными»³¹. Позднее Брест-Литовский договор был признан ликвидированным и Версальским мирным договором 1919 г., подведшим дипломатические итоги мировой войны.

Тем не менее, первые выплаты по финансовому соглашению 1918 г. состоялись. До ноября 1918 г. из состава российского государственного запаса было отправлено в Германию два «золотых эшелона», в которых находилось 93,5 тонны «чистого золота» на сумму свыше 120 млн. золотых руб. Кроме того, в октябре по предложению Красина была отправлена еще одна партия весом 3125 кг золота в качестве платы за купленные в Германии 6 млн. пуд. угля для Петрограда³². При передаче этого золота банку Мендельсона сопровождавшие груз в Берлин служащие Народного банка слышали от хозяина банка, принявшего посланцев из Москвы в «своем роскошном кабинете», слова «восхищения по поводу совершившегося в России переворота». Это повлекло за собой реплику о том, что «ему, Мендельсону, как банкиру и богатому буржую, меньше всего пристало ликовать по поводу русских событий»³³. Действительно, вскоре Германии самой довелось пережить аналогичный переворот, положивший конец всеилию прежней финансовой олигархии...

Воспользоваться русским золотом Германии в конечном итоге не удалось. 11 ноября 1918 г. представители Антанты и Германии подписали соглашение о перемирии. В нем, в частности, говорилось о возвращении «российского и румынского золотых запасов, сданных Германии или захваченных этой державой. Это золото должно быть сдано союзникам на хранение до момента заключения мирного договора». Однако по Версальскому мирному договору 1919 г. это золото окончательно перешло к победителям и осело в подвалах Банка Франции. Так Россия, преследуя совсем другие цели, парадоксальным образом покрыла часть своей задолженности бывшим союзникам, хотя Франция отказывалась засчитывать эти активы в компенсацию «царских долгов».

Помимо золота, в Германию советским правительством было переправлено кредитных билетов царского образца на номинальную сумму 203 млн. руб. для погашения государственных долговых обязательств. Средство это, впрочем, оказалось малоэффективным, поскольку царские кредитные билеты, хотя и продолжали котироваться на европейских валютных биржах, но уже не являлись реальным платежным средством. Потери германских собственников, прежде всего представителей деловых кругов, компенсировались из созданного по условиям августовского соглашения «особого фонда», средства которого выдавались по распоряжению российского государственного комиссара. Германские заявители сумели пользоваться этим каналом до середины декабря 1918 г., получив в общей сложности около 56 млн. руб., или 121 млн. марок³⁴.

Таким образом, в период от подписания Брестского мира до Ноябрьской революции в Германии советским правительством было выплачено германской стороне около 584 млн. марок золотом и бумажными денежными знаками в счет погашения довоенной задолженности и ущерба, понесенного германскими собственниками в годы войны.

Эти выплаты очевидно были учтены советской стороной в период подготовки Генуэзской конференции 1922 г., на которой фигурировали цифры довоенной задолженности России Германии в пределах 1900—2010 млн. руб. (около 4,1—4,3 млрд. марок)³⁵. Если же принять во внимание выплаты, осуществленные в рамках финансового соглашения 27 августа 1918 г., то общий итог задолженности России Германии по всем видам обязательств составит примерно 4,7—4,9 млрд. марок. Эта цифра близка к итоговым подсчетам российских и германских экспертов кануна подписания мирного договора, и, по всей очевидности, наиболее соответствует реальной задолженности России военному противнику на момент прекращения войны.

Договором в Рапалло от 16 апреля 1922 г., подписанным накануне открытия конференции в Генуе, Россия и Германия отказались от возмещения военных расходов и убытков, связанных с «исключительными военными законами и насильственными

мероприятиями государственных органов», равно как и от компенсации расходов на содержание военнопленных. Германия, кроме того, приняла на себя обязательство отказаться от претензий, происходящих от действия законов военного времени и мер советского правительства при условии, что не будут удовлетворены аналогичные претензии других государств³⁶.

После Рапалло тема довоенных долгов более не была предметом официальных переговоров между правительствами Советской России и Германии. С ликвидацией Веймарской республики и приходом к власти в Германии национал-социалистов проблема довоенных долгов окончательно перестала влиять на состояние экономических отношений между двумя странами.

¹ Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. 5. С. 302—303.

² Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: очерки. М., 1997. С. 320.

³ Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 125—127.

⁴ Там же. С. 166—183.

⁵ См.: *Tilly R. International Aspects of the Development of German Banking // International Banking, 1870—1914.* New York: Oxford University Press, 1991. P. 90—112.

⁶ *Ibid.* P. 102.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1992. Л. 5—6.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 8632. Л. 1—19.

¹⁰ *Tilly R. Op. cit.* P. 103. Table 4-4.

¹¹ См.: *Оль П.В.* Иностранные капиталы в России. Пг., 1922. С. 290—293.

¹² См.: *Бовыкин В.И.* Французский капитал в акционерных предприятиях в России накануне Октября // *История СССР.* 1991. № 4. С. 159—181.

¹³ *Tilly R. Op. cit.* P. 105. Table 4-5.

¹⁴ Bundesarchiv. Abt. Potsdam. Reichswirtschaftsamt. 1898. Bl. 4.

¹⁵ Politisches Archiv des Auswaertigen Amtes, Bonn (PA AA). Russland. Bd. 10307. A 39439 / Der Praesident des Reichsbank-Direktoriums — an Staatssekretaer des Auswaertigen Amtes, Berlin, 24. November 1917. Подробнее о регистрации российских ценных бумаг в Германии см.: *Хойслер Й.* Российские ценные бумаги с германскими штемпелями 1918 г. // *Российские ценные бумаги: каталог собрания Музейно-экспозиционного фонда Банка России.* М., 2010. Т. 1. С. 726—727.

¹⁶ Deutsch-sowjetische Beziehungen von den Verhandlungen in Brest-Litowsk bis zum Abschluss des Rapallovertrages: Dokumentensammlung. Berlin (Ost), 1967. Bd. 1: 1917—1918. S. 54—57.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1992. Л. 5—6.

¹⁸ Deutsch-sowjetische Beziehungen ... Bd. 1. S. 444—445.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 8632. Л. 11.

²⁰ Там же. Д. 8741.

²¹ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Л. 87.

²² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 7929, 8273.

²³ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Л. 39—39 об.

²⁴ Bundesarchiv. Abt. Potsdam. Auswaertiges Amt. 6230. Bl. 248.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2133. Л. 4—6.

²⁶ Там же. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Л. 63.

²⁷ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2133. Л. 28—29.

²⁸ Там же. Л. 29.

²⁹ Там же.

³⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 445—453.

³¹ Там же. С. 565.

³² О перевозке золота в Германию см.: *Ефимкин А.П.* «Мы заплатили немецким империалистам золото...» // *История СССР.* 1990. № 5. С. 147—151.

³³ См.: *Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва.* СПб., 2005. С. 642.

³⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 8656. Л. 7—8.

³⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 5. С. 302.

³⁶ Там же. С. 223—224.

С.А. Толстогузов* (Япония)

Финансово-экономический кризис и антикризисная политика правительства России в условиях Первой мировой войны

Первая мировая война породила кризис, распространившийся на всю экономику страны и фактически парализовавший Российскую империю, поставив существующий режим на грань краха. Такой кризис не мог быть следствием одного или двух каких-то факторов, изучение его происхождения, структуры и динамики остается актуальной проблемой, внимание которой уделяется не только в России, но и в других странах.

Та модель экономического развития, которая сложилась перед войной и базировалась на экспорте сельскохозяйственной продукции и импорте готовых изделий, как показал С. Томиока в книге «Исследование по экономической истории России» (Токио, 1998), во многом исчерпала свой потенциал. После того, как достигли предела возможности экстенсивного освоения земель в Новороссии, экспорт пшеницы переставал обеспечивать повышение экспортных поступлений. В то же время индустриализация вызывала рост импорта сырья и полуфабрикатов для нужд промышленного производства, что вело к существенному сокращению положительного торгового баланса.

Для понимания причин Первой мировой войны, по мнению Томиока, необходимо отказаться от распространенного подхода, когда торговым отношениям отводится второстепенная роль¹. Война началась в важный период смены модели экономического развития России, когда быстрая индустриализация порождала острые трения с основным торговым партнером, каковым являлась Германия. В торговых отношениях с Германией отражались общие проблемы российской экономики, ибо война сама по себе была в определенной степени порождением тех противоречий, которые нарастали в России. Как показал анализ ситуации, предпринятый Томиока, то, что Россия оказалась в лагере противников Германии, имело важную основу в экономических взаимоотношениях двух стран².

Изучая истоки кризиса, в 1968 г. С. Окада в статье «Экономика военного времени» проанализировал, опираясь на советские источники, экономические процессы в России в условиях войны. Он обратил внимание на тот факт, что объем выпуска продукции промышленности в стоимостном выражении достиг максимума в 1916 г., в то время как выработка на одного рабочего была максимальной в 1915 г. При этом рост происходил в основном в военных отраслях при явном сокращении производств, ориентированных на выпуск продукции потребительского спроса. Окада сделал вывод, что в жертву наращиванию военных усилий были принесены интересы производства потребительских товаров³. Это, в сочетании с быстрым ростом денежной массы, происходившим вследствие увеличения военных расходов, создавало почву

* Толстогузов Сергей Анатольевич — кандидат исторических наук, PhD, Хиросимский университет (Япония).

для разрастания инфляционного кризиса, который развивался по ходу войны и способствовал общему падению производства в конце 1916 г.

В 1980 г. появилась фундаментальная монография Ё. Цудзи «Русская революция и эволюция отношений между трудом и капиталом, 1914—1917»⁴. Во многих моментах Цудзи выразил несогласие с трактовками, утвердившимися в советской науке, в частности выступал против завышения численности пролетариата, оценок прогрессивности процесса концентрации рабочих на крупных предприятиях, игнорирования социального расслоения рабочего класса и многих других положений⁵, отстаивавшихся тогда большинством советских ученых. В то же время он обращал внимание на быстрое падение жизненного уровня населения России в ходе войны, придавая этому фактору первостепенное значение, как определявшему массовое обнищание народных масс.

Экономике и финансам России накануне и в период Первой мировой войны посвящены исследования Х. Накамура, который, как и советские историки, считает, что во время войны со всей очевидностью проявились слабые стороны экономического развития и процесса накопления капитала в России. В книге «Императорская Россия и иностранный капитал» он отмечает, что финансовые резервы, накопленные правительством на случай войны, были израсходованы всего за две недели, и это стало предвестником того, что Россию ждет нечто выходящее за пределы обычного представления о военных трудностях⁶.

Известный в Японии исследователь экономики России С. Ито в статье «Кризис платежного баланса России накануне Первой мировой войны и кризис циклического обращения товаров в Европе», также используя данные советских историков, обращает внимание на характер экономических циклов, пройденных Россией в начале XX в., причем эти три цикла имели различную динамику. После 1900 г. экономика России вступила в полосу затяжного кризиса, на который наложилось влияние революции и войны с Японией, отчего этот цикл был лишен обычной для экономических кризисов стадии подъема и роста. Напротив, в очередной кризис, начавшийся в 1907 г., спад в экономике сменился стадией быстрого роста с конца 1909 г., что более характерно для нормальных экономических циклов.

Как отмечает Ито, период роста сопровождался хорошими урожаями 1909 и 1910 гг., значительно увеличившими поступление зерна на внутренний и внешний рынок и, соответственно, доходы государства. Оживление внутренней конъюнктуры привело к быстрому росту банковского капитала и иностранных капиталовложений, восстановлению темпов железнодорожного строительства, которое, как и в конце XIX в., в значительной степени стимулировало экономическое развитие в целом. Благоприятные явления в экономике были столь заметны, что их нельзя игнорировать при анализе предвоенной ситуации в России. Вместе с тем, по мнению Ито, даже быстрый рост экспорта не смог остановить ухудшение платежного баланса, отражавшее процесс кризисной перестройки всей системы обращения товаров и капиталов в Европе, являвшийся общей основой выравнивания платежных балансов стран континента. Перемены в этой области вызвали общее обострение противоречий, затронувшее и Россию⁷.

Кризисную ситуацию, сложившуюся в ходе Первой мировой войны между февралем и октябрём 1917 г., рассматривал Ц. Хасегава в книге «Жизнь горожан в Петрограде в условиях революции»⁸. На основании исследования газетных материалов он пришел к выводу, что в Петрограде кризисная ситуация наблюдалась в области поддержания правопорядка, в снабжении продовольствием, в вопросах обеспечения жильем

и санитарном состоянии города. Все эти явления были частью остро кризисной ситуации, которая сложилась не только в столице, но и по всей стране⁹. Выводы, полученные на основе материалов, которые, по мнению автора, в целом игнорировались в качестве исторического источника¹⁰, тем не менее, скорее, подтверждают сформировавшуюся прежде точку зрения о быстро ухудшавшейся ситуации в Петрограде.

По заключению Цудзи, массовое появление во время революции 1917 г. фабрично-заводских комитетов также было следствием глубокого кризиса, охватившего экономику России. Фабзавкомы, ставшие хозяевами многих фабрик и заводов, увидев угрозу развала петроградской промышленности, приняли в январе 1918 г. решение о немедленной национализации предприятий. Фабрично-заводские комитеты требовали не допускать сокращения производства своих предприятий, которое приводило бы к уменьшению заработной платы, увольнению рабочих, закрытию заводов и т.п. По мнению японского историка, «в русской истории нет эпизода, который ярче и живее передавал бы атмосферу искренней веры в социализм, когда рабочие чувствовали себя полновластными хозяевами своего цеха, своей мастерской, надеялись на нормальную жизнь, не боялись увольнений, не ощущали авторитарного давления сверху»¹¹.

Для современных японских историков очевидно, что кризис, развивавшийся в России в годы Первой мировой войны, был вызван сложным сочетанием различных причин, коренящихся не только в условиях военного времени. Поэтому японские исследователи анализируют взаимодействие долговременных факторов развития с кратковременными процессами, вызванными войной. Японским ученым удалось существенно углубить понимание предпосылок войны, особенно в плане взаимодействия экономик Европы и формирования торгово-экономических противоречий. Издавна усвоенный японской историографией скептический взгляд на объективную закономерность событий Октября 1917 г. позволил существенно продвинуться в описании различных аспектов кризисной ситуации, сложившейся под влиянием Первой мировой войны с учетом тех особенностей русского капитализма, которые способствовали быстрому углублению кризиса. В этой связи они обращают внимание на характер политики царского правительства, объективно мало соответствовавшей серьезности ситуации и подчас только усугублявшей кризис.

Выводы японских историков, касающиеся экономической истории, в значительной мере делались с позиций базовых положений экономической науки и во многом совпадали с представлениями советских исследователей, изучавших процесс нарастания финансово-экономического кризиса в России и антикризисные меры правительства в годы Первой мировой войны. Это лишний раз свидетельствует, что труды многих советских ученых вошли в классику мировой исторической науки.

Как следует из современной российской историографии, представление о степени опасности финансово-экономического кризиса проникало в правящие круги империи с трудом, и это влияло на выбор путей и способов борьбы с кризисной ситуацией. Отсутствие осознания необходимости, значимости антикризисной политики и понимания ее требований проявилось еще во время мирового экономического кризиса 1900—1903 гг., который затронул все европейские страны, включая Россию. Этот кризис стал первым серьезным испытанием для слабой экономики страны, которая не имела опыта существования в условиях сокращения промышленного производства, аграрных волнений, роста безработицы, закрытия многих предприятий и т.д. Начавшаяся русско-японская война существенно обострила ситуацию. Резкий рост революционного движения указывал на огромные проблемы, заложенные в системе государственного управления и государственного регулирования. Отсутствие

рациональной политики, подменяемой применением средств силового давления, поставило режим на грань падения, что, однако, не побудило «верхи» к кардинальному пересмотру основ своего поведения в кризисной ситуации.

Одним из социальных проявлений кризиса накануне Первой мировой войны были крайне напряженные отношения между рабочими и предпринимателями. В 1914 г. произошло в общей сложности 3,5 тыс. забастовок, в которых участвовали 1,3 млн. рабочих¹².

К тому же в 1913 г. снова обострились проблемы в экономике. Важнейшим свидетельством этого являются статистические данные о снижении производства чугуна и стали в предвоенные годы и в начале войны. Производство чугуна уменьшилось с 283 млн. пудов в 1913 г. до 264 млн. пудов в 1914 г., в 1915 г. — до 225 млн. пудов¹³. По подсчетам К.Н. Тарновского, уже в 1915 г. производство стали сократилось на 20% по сравнению с 1913 г. Динамика очень необычная для страны, вступившей в большую войну, которая требует значительного увеличения производства чугуна и стали для обеспечения потребностей армии. Война не вызвала оживления промышленности и существенного роста производства, а практически с самого начала повлекла сокращение его общего объема.

Бросающаяся в глаза проблема — это катастрофическое падение хлебного экспорта и быстрый рост дефицита внешнеторгового баланса. До войны хлебный экспорт давал возможность иметь постоянный положительный баланс внешней торговли, который перед войной превосходил 300 млн. рублей в год. Уже в 1914 г. имел место дефицит внешней торговли, превысивший 100 млн. руб., после чего он возрастал с каждым годом и в 1916 г. превысил миллиард рублей. Важнейшей причиной было резкое падение экспорта пшеницы (см. табл.).

Вывоз пшеницы из России в 1909—1917 гг. (в млн. пудов)

Пшеница	1909—1913 гг. в среднем	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
По всем странам	258	147	11	14	1,5
Англия	47	19	2	0,3	—
Франция	31	16	7	13	1,3
Германия	21	11	—	—	—

Источник: Тарновский К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны. М., 1958. С. 23.

Сокращался экспорт пшеницы во все страны Европы, включая Англию и Францию. В 1915 г. он уменьшился в 20 раз по сравнению со средним уровнем 1909—1913 гг. Само по себе это катастрофа, когда нарушается процесс воспроизводства в огромном количестве хозяйств, независимо от того, крупные они или нет.

В условиях прекращения импорта сельскохозяйственного оборудования можно было ожидать роста производства сельскохозяйственных машин внутри страны. Напротив, их производство быстро сокращалось уже начиная с 1914 г. В 1915 г. оно уменьшилось почти наполовину и составило только 53,8%¹⁴: сельские производители значительно сократили свои расходы на закупки машин и оборудования.

Падение экспорта зерна было связано с прекращением функционирования экспортных портов на Балтийском и Черном морях, и поэтому наступило сразу после

начала войны. Мурманск к этой роли не был подготовлен, а расширение возможностей Архангельского порта не могло дать полной компенсации потерь экспортеров. Для борьбы с этой ситуацией необходимы были такие чрезвычайные меры, как значительные субсидии сельским производителям, компенсирующие убытки, или поиск новых рынков для сбыта продукции. Если сокращение экспорта в Германию и Голландию было объективно неизбежным, то с катастрофическим уменьшением экспорта во Францию и Англию нужно было бороться, но непонимание значения такого рода проблем даже для государств-победителей вело к обострению экономической ситуации и нарастанию внутренних противоречий.

В краткосрочном аспекте кризисная ситуация казалась даже выгодной: в общем количестве мобилизованных более двух третей, или около 10 млн. человек, были взяты из деревни, что позволило быстро увеличить армию, но трудовые ресурсы в сельском хозяйстве существенно сократились.

Появление недостатка рабочей силы было естественным следствием усиленной мобилизации, как и предпринятые с самого начала попытки решить проблемы сельского хозяйства за счет использования труда военнопленных, женщин и детей. Однако возмещение убыли рабочих рук за счет экстенсивного увеличения рабочей силы влияло на производительность труда в сельском хозяйстве (как и в промышленности) и стало дополнительным фактором постепенного снижения производства.

В промышленности не хватало квалифицированных рабочих, и они концентрировались на предприятиях, выполнявших военные заказы. Использование таких методов, как привлечение женщин, детей и военнопленных, не могло решить проблем добывающей и топливной промышленности. Количество рабочих за три года войны увеличилось более чем на 10% даже при том, что был потерян Варшавский промышленный район с его текстильной промышленностью. Экстенсивное наращивание рабочей силы не могло компенсировать падения производительности труда, что вело в итоге к сокращению производства на транспорте и в добывающей промышленности, а принимаемые жесткие меры по отношению к рабочим не могли сами по себе решить нарастающих проблем падения промышленного производства.

Прекращение торговли с Германией и Австро-Венгрией оказывало воздействие не только в плане сокращения экспорта сельскохозяйственной продукции. Доля Германии в импорте России составляла около 43%, причем из этой страны поступало более половины всех машин, ввозимых в Россию. Возместить эту потерю в короткое время оказалось невозможно, даже имея таких союзников, как Англия и Франция; производство машин и оборудования внутри страны росло медленно, в итоге усиливался износ основных средств.

Военная промышленность России оказалась абсолютно неготовой к войне таких масштабов. Одной из причин, почему внутреннее производство не могло удовлетворить потребности армии, была зависимость от импорта многих материалов. Поэтому пришлось ускоренно наращивать не только производство вооружений, но и смежных отраслей. В эту сторону были направлены основные усилия правительства, которое практически оставило без внимания положение в других отраслях промышленности, особенно потребительского сектора. В 1914 г. по сравнению с 1913 г. гражданское производство составило 96,8%, в 1915 г. — 71,6%, в 1916 г. — 63,3%¹⁵. В 1916 г. сокращение достигло почти 40%, что свидетельствует об острейшем кризисе. Невоенные отрасли промышленности оказались без финансирования и источников поставок машин и оборудования, что, соответственно, обусловило быстрое и лавинообразное усугубление кризисной ситуации, которую правительство оставило полностью без

внимания, не препятствуя закрытию мелких и средних предприятий, обеспечивавших рынок товарами повседневного спроса.

Особые совещания и комитеты все усилия бросили на обеспечение армии и военной промышленности, предприятия в гражданских отраслях, стремясь преодолеть нехватку финансовых средств, добивались военных заказов, поэтому, при отсутствии программы перевода промышленности на военные рельсы, степень милитаризации промышленности достигла 70%, что было больше, чем в других воюющих странах. На производство военной продукции переходили не только предприятия потребительского сектора, но и предприятия, работа которых обеспечивала процесс воспроизводства в промышленности. Пытаясь решать проблемы нехватки топлива и транспорта путем реквизиций, само правительство усиливало дезорганизацию производства.

Наступление кризиса подталкивало к распространению различных форм государственного контроля, так как средства на оплату импортных операций и военных заказов концентрировались в руках государства, что резко усиливало его роль в промышленности, способствуя формированию специфического типа государственного капитализма с непомерно раздутой ролью государства, пытающегося решить проблемы установлением тотального контроля и использованием неэффективных затратных методов.

Помимо резкого сокращения экспорта, 16 июля 1914 г. была закрыта фондовая биржа Санкт-Петербурга и прекратились операции с ценными бумагами, дававшие банкам значительную часть их доходов. Также были приостановлены операции по обмену золота. Для всей банковской системы это был сильнейший удар, а для русских банков, особенно мелких, это была почти катастрофа, требовавшая срочного вмешательства правительства. Положение в частном банковском секторе лишь частично облегчалось переориентацией финансовой системы на обслуживание военных поставок. Все это предопределило ситуацию, когда банкротство государства повлекло за собой катастрофический кризис всей банковской системы и многих предприятий, выполнявших военные заказы.

Само государство поставило себя в сложное финансовое положение в результате плохо продуманных действий. Начало войны сопровождалось запретом продажи спиртных напитков. Лишившись трети своих доходов, правительство проявило непонимание не только важности этого источника финансирования военных расходов, но и опасности быстрого развития финансового кризиса. Прямые налоги приносили менее 10% доходов бюджета. Основу же государственных доходов составляли косвенные поступления от государственных монополий, прежде всего от продажи алкогольной продукции, а также таможенные доходы. Все они вместе давали около 80% регулярных доходов казны. Отказ от государственной водочной монополии в сочетании с падением таможенных платежей с хлебного экспорта вел к кризису всей финансовой системы и в конечном итоге к банкротству государства.

Доходы от винной монополии составили огромную сумму в 1913 г. — 893 млн. рублей, чистая прибыль казны от нее достигала 675 млн. рублей¹⁶. Этот доход в реальности был опорой бюджета России того времени. Восторги официальной пропаганды по поводу наступившего якобы всеобщего отрезвления народных масс на деле лишь отвлекали общественное сознание от факта порочной конструкции бюджета. Отсутствие достаточных средств предопределило недофинансирование армии, несмотря на его приоритетное значение. На решение казавшихся второстепенными проблем, связанных с сокращением экспорта и нехваткой средств в банковском сек-

торе, денег не находилось, поэтому кризис углублялся темпами, сравнимыми с его развитием в Германии и Австро-Венгрии.

Проблема финансовой системы заключалась не только в существовании винной монополии как таковой. Проблема имела значительно более фундаментальный характер структурного плана. Она заключалась в отсутствии гибкой налоговой системы, способной реагировать на разрастающуюся инфляцию. Поэтому в основе кризиса лежало не только отсутствие правильной антикризисной политики, но и структурные проблемы, связанные с отставанием в вопросе о создании в России здоровой бюджетно-финансовой системы.

Развивавшаяся инфляция сопровождалась быстрым обесценением денег. Критическая отметка была пройдена в 1916 г., когда уровень инфляции превысил уровень прироста денежной массы¹⁷ и инфляция вышла из-под контроля. С экономической точки зрения 1916 г. является критически важным для понимания всей ситуации, которая наблюдалась в России.

С 1916 г. страна переживала острую нехватку большинства потребительских товаров. В 1916 г. цены по сравнению с 1914 г. повысились почти в 4 раза¹⁸, что отразилось на потребительском рынке. Тем не менее правительство не предприняло действенных шагов по снижению инфляции, что вызвало углубление кризиса и переход его в более тяжелую форму.

Быстро растущая инфляция затрагивала интересы большинства населения. В конце 1916 г. наблюдался процесс снижения реальной заработной платы практически во всех отраслях промышленности и для всех категорий занятых. К февралю 1917 г. реальная заработная плата была на 46% ниже уровня 1914 г.¹⁹ Это создало почву для массового недовольства властью в период Февральской революции. С октября 1916 г. развертывалась организованная борьба рабочих по экономическим вопросам, и в феврале 1917 г. в Петрограде практически ни дня не проходило без забастовки на каком-либо из предприятий города.

В условиях гиперинфляционного кризиса, развившегося в ходе войны, налоговые источники практически не давали возможности увеличивать доходы государства соразмерно инфляции. Налоги покрывали лишь около 17% военных расходов²⁰. Военный кризис быстро получил отражение в финансах; как и у любого другого финансового кризиса, основным характерным признаком и в данном случае являлась нехватка денег и нарушение нормального денежного обращения. Кризис периода Первой мировой войны отличался от всех других финансовых кризисов несравнимо большим масштабом нехватки ресурсов.

Государство полагалось на самый простой и самый опасный метод финансирования — путем увеличения денежной массы. Однако это не спасало финансовую систему. Россию во время Первой мировой войны постигло банкротство. Признаки его проявились уже в 1915 г., когда Россия фактически прекратила выплаты по внешним долгам. Она была не в состоянии выплачивать проценты, что само по себе означало наступление банкротства. Однако в условиях войны кредиторы не могли объявить о несостоятельности своего важного союзника и предоставили дополнительные кредиты на продолжение военных поставок и покрытие процентов по долгам.

В 1917 г. ежедневные расходы России увеличились в четыре—пять раз по сравнению с начальным периодом войны и достигли огромной суммы — 58,9 млн. руб. В то же время к концу января 1917 г. текущий счет государственного казначейства в Государственном банке насчитывал лишь 208,7 млн. руб., т.е. менее чем на четыре дня. В январе и феврале 1917 г. было выпущено кредитных билетов по 423 млн. руб.,

что равнялось примерно двухнедельной потребности²¹. Учитывая все прочие доходы, правительство могло оплачивать не более половины своих расходов. При наступившем финансовом коллапсе правительство оказалось не в состоянии выполнять и свои внутренние обязательства. Как верно полагал А.Л. Сидоров, «финансовая катастрофа была вызвана не революцией, а империалистической войной. Она наступила уже в 1916 г., а углублялась и расширялась после свержения царизма, при Временном правительстве»²². Под влиянием кризиса наступил тяжелейший кризис не только экономики, но и государства.

Итогом политики царского правительства стало ускоренное развитие инфляции и банкротство правительства уже в конце 1916 г.²³ Кризис наступил, несмотря на то, что правительство могло пользоваться огромными ресурсами своих союзников и Россия была вторым после Великобритании получателем военных займов во время войны²⁴. Страна уже тогда оказалась в крайне сложной ситуации, в какой бывают лишь проигравшие войну страны. Проявления кризиса можно было увидеть в повсеместном нарушении функционирования транспортной системы, в падении производства металлургии, которая должна была, напротив, набирать обороты во время столь крупной войны, в стремительном ослаблении сельского хозяйства, а также в упадке деятельности ведущих военных предприятий, которые не имели недостатка в военных заказах, но тем не менее испытывали острые проблемы.

Развивались многочисленные процессы, сопутствующие острому экономическому кризису: нехватка средств в распоряжении государства, нехватка оборотного капитала у промышленных предприятий и их банкротство, сокращение занятости, резкое снижение жизненного уровня и много других. Практически антикризисные меры царского правительства немало способствовали нарастанию проблем.

По ходу войны развитие событий приобрело характер цепной реакции. Отсутствие средств в бюджете предопределило плохое финансирование убыточных железных дорог. Железнодорожные ремонтные мастерские переходили на выпуск такой продукции военного назначения, как производство боеприпасов, поскольку это давало более стабильные доходы. Недостаточное финансирование железных дорог влекло за собой экономию на обновлении основных фондов, т.е. сокращение закупки новых паровозов и вагонов. Недостаток паровозов и вагонов вызывал быстрый их износ в условиях напряженного использования железных дорог в условиях войны. Помимо этого, сокращались заказы металлургической и другим отраслям промышленности, направленные на удовлетворение нужд железных дорог. Соответственно развивался кризис транспортной системы и тяжелой промышленности, а с ними рост недовольства рабочих, уже длительное время находившихся в конфликтных отношениях с властью.

Масштабом проблем время Первой мировой войны значительно превосходило кризис начала века, однако антикризисная политика правительства мало изменилась. Что из себя представляли меры по расширению государственного регулирования, предпринятые правительством? Например, в отношении самого крупного оборонного предприятия России — Путиловского завода. «Используя специально изданный накануне закон о секвестре, правительство отобрало у этих заводов крупные денежные средства, а самому Путиловскому заводу навязало заведомо разорительную систему управления, рассчитывая затем выкупить его имущество по ликвидационной цене»²⁵. Речь шла, по сути, не об антикризисной мере, а об использовании кризисной ситуации для перераспределения собственности, сокращении или урезании прав частных собственников. Таким образом, правительство ориенти-

ровалось на конфискационную схему национализации предприятия, а не на финансовую помощь ему. В 1915 г. это крупнейшее предприятие военно-промышленного комплекса, заваливаемое оборонными заказами, оказалось на грани банкротства. Причина коренилась опять в финансах — нехватке оборотного капитала. Понятно, что национализация не могла решить проблему нехватки оборотного капитала. Подобное использование бюджетных средств дополнительно сокращало ресурсы, поступавшие в невоенные отрасли промышленности в условиях финансового кризиса.

Административный нажим составлял основу и в социальной политике. В отношении рабочих были приняты такие меры, как отправка их в армию, замена их солдатами, приписанными к армейским подразделениям. На предприятиях вводилась военная дисциплина. Власти не останавливались перед применением оружия для подавления недовольства, и первый случай расстрела рабочих в период войны произошел в Костроме в июне 1915 г.

Закономерно, что в результате такой политики Путиловский завод уже в 1916 г. стал ареной одного из самых ожесточенных трудовых конфликтов. 17 февраля 1917 г. там же началось выступление рабочих, предшествовавшее Февральской революции. Характерна реакция царского правительства — генерал Хабалов, командующий Петроградским военным округом, объявил, что рабочие, требовавшие увеличения заработной платы, должны прекратить забастовку либо они будут отправлены на фронт. Этим генерал демонстрировал в очередной раз намерение применить силу там, где необходимо было решать финансовые проблемы.

Началу конфликта на Путиловском заводе предшествовал слух о возможном сокращении производства и частичном расчете рабочих в связи с недостатком топлива и сырья. 17 февраля требование о 50% повышении зарплаты выдвинула лафетно-штамповочная мастерская. Само по себе такое требование свидетельствует о ненормальной или необычной ситуации. Оно является следствием крайне высокой инфляции, вызвавшей значительное падение жизненного уровня рабочих. Требование было совершенно естественным, в то время как реакция руководства предприятия может вызвать только недоумение. С 22 февраля было объявлено о закрытии завода на неопределенное время²⁶. Администрация решила избавиться от нежелательных элементов, а не облегчить стремительно ухудшавшееся положение рабочих. Применение жестких мер по отношению к рабочим стало обычным явлением для военных предприятий в столице.

Путиловский завод — это только один пример. Немало и других мер правительства игнорировало финансовую сторону имевшихся проблем, только усугубляя их. Начавшийся кризис практически поставил многие предприятия на грань банкротства, что сделало вопрос о занятости крайне актуальным. Для решения вопроса в таких случаях можно было увеличить количество рабочих мест либо за счет расширения производства, либо за счет сокращения рабочего времени существующих работников, что достигалось бы сокращением рабочего дня до 8 часов. Промышленники и правительство проявили упорство и непонимание элементарных основ антикризисной политики, что привело к превращению вопроса о 8-часовом рабочем дне в политический.

В стране отсутствовала удовлетворительная система социального обеспечения, которая бы сгладила рост социальной напряженности. Большинство рабочих держало скотину, разводило огороды и занималось сельским хозяйством, что в какой-то мере помогало им при появлении проблем с занятостью. Однако недостатки такой системы, которая сохранялась еще с петровских времен, быстро проявились в период мирового кризиса, поставив жителей фабричных поселков на грань голодной смерти

и вызвав забастовки и массовые волнения заводских рабочих, быстро ставших «боевым авангардом» революции.

При этом правительство противилось использованию даже таких простых средств взаимопомощи, как создание рабочих касс, что показывало непонимание значения даже не требующих государственных расходов средств борьбы с нарастающим социальным кризисом.

Отрицательные стороны социальной политики царского правительства стали очевидны в период кризиса Первой мировой войны, когда продавшие свои участки после столыпинских реформ крестьяне, ушедшие в город, начали с наступлением экономического коллапса массово возвращаться в деревню и добиваться восстановления своих прав на землю. Это привело к резкому росту социальной напряженности, так как традиционный механизм социальной защиты был разрушен, а новый — не создан.

Многочисленные крестьяне-отходники и сезонные рабочие, на которых обычно не распространялась система социального обеспечения, в условиях нарастающих трудностей в сельском хозяйстве не могли найти источников существования в деревне и становились дополнительным элементом социальной напряженности.

Введение продразверстки также показало склонность царского правительства в отношении сельского хозяйства применять меры неэкономического характера вместо борьбы с финансовым кризисом. Близорукая политика в отношении сельского хозяйства, обеспечивавшего четверть мирового рынка зерна, привела к тому, что правительство положило на то, что Россия является одним из основных мировых производителей продовольствия, и поэтому появление проблем в снабжении продовольствием не прогнозировалось; правительство практически игнорировало вероятность появления продовольственных проблем после резкого прекращения хлебного экспорта. В результате Россия столкнулась с продовольственным кризисом уже в 1916 г. В условиях отсутствия средств на государственную поддержку сельского хозяйства и при этом падения хлебного экспорта из-за блокады основных экспортных портов сельское хозяйство практически через полтора года оказалось неспособным обеспечивать продовольствием страну.

Быстрота, с которой наступил кризис в сельском хозяйстве, указывает на существование важного вопроса: какую роль реально играли товарно-денежные отношения в сельском производстве России? Если кризис в результате прекращения экспорта и сокращения количества рабочей силы был столь стремительным, то это говорит о том, что товарные связи и наемная рабочая сила в сельском хозяйстве стали важными элементами всего процесса воспроизводства, что обеспечило быстроту распространения финансового кризиса. По данным А.М. Анфимова, практически все слои крестьянства имели денежные доходы. Даже у относительно крупных хозяйств, имевших 9—12 десятин пахотных площадей, около трети доходов (32,3%) поступало из источников, не связанных с обработкой земли. У безземельных и малоземельных хозяйств процент подобных доходов был еще большим: 47,8% — у хозяйств, имевших до трех десятин, и 117,1% — у хозяйств, не имевших земли²⁷. Рыночные отношения активно проникали в сельское хозяйство. В России к Первой мировой войне товарно-денежные отношения уже в значительной степени распространились в деревне, поэтому финансово-экономические проблемы, вызванные кризисом, сказывались также на сельском хозяйстве, затрудняя поступление на рынок товарной продукции.

Продовольственный кризис стал непосредственным толчком к «волнениям на продовольственной почве» в феврале 1917 г. в Петрограде. В массовых демонстраци-

ях участвовало значительное количество женщин, которые остро чувствовали провалы политики царского правительства на собственном опыте. Попытка подавить стихийный бунт с помощью войск на той стадии, когда волнения еще ограничивались пределами столичного города, привела к обратной реакции и лавинообразному разрастанию конфликта, революции и свержению монархии. Революция показала тщетность и опасность попыток власти силой ответить на проблемы экономики.

В России кризис привел к развалу денежной системы и банкротству самого правительства с последующей парализацией экономики и банковской системы. Радикальное поведение населения в столице определялось общим ухудшением его экономического положения, а не только количеством запасов продовольствия в городе.

Таким образом, Первая мировая война вызвала в России глубокий кризис, который получил итоговое выражение в финансах. Основным характерным признаком кризиса российских финансов, как и у любого другого финансового кризиса, являлась нехватка денег и нарушение нормального денежного обращения. В условиях инфляционного кризиса налоговые источники государства практически не могли увеличивать доходы правительства соразмерно инфляции.

В арсенале правительства отсутствовала какая-либо рациональная антикризисная политика. Более того, война в начале XX в. рассматривалась в Петербурге как своего рода способ разрядить социально-экономическую ситуацию внутри страны, при этом значительно преувеличивалось влияние кратковременной вспышки патриотических настроений и национализма.

В итоге в ходе войны в России кризис принял крайне острые формы вплоть до коллапса промышленности и финансовой системы. Война породила гиперинфляционный кризис с характерным ростом дороговизны и резким падением стоимости денег. Таких явлений не было ни во время русско-японской войны, ни во время Первой русской революции. Это была редкая и специфическая разновидность глубокого кризиса, который начал проявляться в 1916—1917 гг., когда ускорилось снижение производства. Если производство чугуна в 1916 г. несколько увеличилось до 236 млн. пудов, то в 1917 г. оно упало до 190,5 млн. пудов²⁸. Развившийся уже в ходе войны новый кризис был опаснее обычных кризисов перепроизводства. Он был в меньшей степени связан с долговременными факторами развития и в значительной мере являлся следствием курса экономической политики в первые годы войны.

Динамику кризиса экономики России в период Первой мировой войны можно представить в виде двух последовательных стадий: 1914—1916 гг., когда кризисная ситуация развивалась относительно медленными темпами, и 1916—1918 гг., когда кризис значительно углубился и приобрел всесторонний характер. Быстрота, с которой наступил кризис после начала Первой мировой войны, требует учета того, что экономика страны не смогла полностью восстановиться после затяжного кризиса 1900—1903 гг., усугубившегося под влиянием последствий русско-японской войны. К этому добавилось влияние кризиса 1913 г. и перестройки системы мировых хозяйственных связей. Одновременно были допущены очевидные просчеты правительства уже по ходу углубления самого кризиса. Не учитывая финансовый аспект имевшихся проблем, правительство зачастую было склонно применять силу там, где решения требовали финансовые проблемы. В сочетании с отсутствием осмысленной социальной политики это привело к острейшему социально-политическому конфликту, закончившемуся революцией.

В арсенале правительства преобладали силовые меры. Попытки решать многочисленные проблемы, сопутствовавшие экономическому кризису (нехватка средств

в распоряжении государства, нехватка оборотного капитала у промышленных предприятий и их банкротство, а затем и сокращение занятости и рост безработицы, резкое снижение жизненного уровня населения), путем применения жестких средств экономии и подавления недовольства показали их полную неэффективность и опасность для существования самой системы. Антикризисная политика российского правительства закончилась полным провалом и революцией в 1917 г.

¹ Томиока С. Россия кэйдзайси кэнкю. Токио, 1998. С. 1.

² Там же. С. 315.

³ Окада С. Сэнди кэйдзай — Россия сихонсюги хокай э но мити // Россия дзюгацу какумэй но кэнкю. Токио, 1968. С. 295.

⁴ Цудзи Ё. Россия какумэй то роси канкэй но тэнкай, 1914—1917. Токио, 1980.

⁵ Там же. С. 17—18.

⁶ Накамура Х. Тэйсэй Россия то гайкоку сихон. Токио, 1988. С. 359.

⁷ Ито С. Тайсэн дзэнъя Россия кокусай сюси кики то «Ёроппа» дзюнкан но кики // Игирису сихонсюги то тэйкокусюги сэкай. Фукуока, 1990. С. 466.

⁸ Хасэгава Ц. Россия какумэйка Петрограда но симин сэйкацу. Токио, 1989.

⁹ Там же. С. 312—327.

¹⁰ Там же. С. IV.

¹¹ Октябрьская революция и фабзавкомы: материалы по истории фабрично-заводских комитетов. СПб., 2002. Ч. 4 / сост. Ё. Цудзи. С. V—VI.

¹² Gatrell P. Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, 2005. P. 71.

¹³ Тарновский К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны. М., 1958. С. 35—36.

¹⁴ Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. М., 1926. С. 42.

¹⁵ Там же. С. 39.

¹⁶ Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX—XX в. в.). М., 1954. С. 193.

¹⁷ Там же. С. 147.

¹⁸ Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960. С. 147.

¹⁹ Цудзи Ё. Указ. соч. С. 101.

²⁰ Степанов А.И. Россия в Первой мировой войне: геополитический статус и революционная смена власти. М., 2000. С. 122.

²¹ Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 131—132, 144, 159.

²² Там же. С. 172.

²³ Толстогозов С.А. Банкротство и революционные кризисы // Национальный вопрос в интеграции и распаде СССР. М., 2005. С. 570—578.

²⁴ Степанов А.И. Указ. соч. С. 122.

²⁵ Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю: царизм и военная промышленность в начале XX в. М., 2008. С. 72.

²⁶ Его же. 22—23 февраля в Петрограде // Падение империи, революция и гражданская война в России. М., 2010. С. 10.

²⁷ Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881—1904 гг. М., 1984. С. 159.

²⁸ Статистический сборник за 1913—1917 гг. М., 1922. С. 77.

*В.В. Поликарпов** (Москва)

Военная промышленность России 1914—1917 гг. в историческом разрезе

Для того, чтобы разобраться, в каком состоянии находится изучение вопроса, нужно иметь в поле зрения работы историков 1950-х — начала 1990-х годов. В двух книгах А.Л. Сидорова — диссертации 1943 г. (издание ее было задержано до 1973 г.) и монографии о финансах 1960 г. — представлен материал, всесторонне характеризующий развитие российской экономики во время Первой мировой войны¹. За минувшие 50—70 лет не появилось труда, который при такой же полноте охвата (отвлекаясь от неизбежных частных ошибок и недочетов) поднял бы изучение предмета на более высокую ступень. Другая достигнутая вершина — исследования К.Н. Тарновского о металлургии и П.В. Волобуева о топливной индустрии и экономической политике Временного правительства². В монографии «Советская историография российского империализма» (М., 1964) Тарновский проанализировал и сам процесс изучения экономической проблематики российского «империализма»³. Эта новаторская работа, появившаяся на излете «оттепели», содержит обобщение уроков полувековой деятельности историков и обоснование пересмотра устоявшихся представлений. Конечно, даже лучшие исследования советского времени не могли не уступать давлению навязываемых официальных схем. Тем не менее многие историки серьезно относились к своему научному поиску и, соответственно, к критике источников, а марксистская теория, которой они должны были руководствоваться, предполагала рационализм и логичность.

В 1960-х — начале 1970-х годов в ходе дискуссий специалисты в области экономической и военной истории наметили дальнейшие задачи. На конференции 1964 г. А.Л. Сидоров назвал в качестве «главного недостатка» отставание в исследовании «социально-политической стороны регулирования» — воздействия военной экономики на социальные и политические сдвиги. Конференция выдвинула на очередь разработку ряда «сквозных проблем», включая «национально-особенные проявления», специфические черты российского капитализма и государственного регулирования⁴. На первом плане, таким образом, стояли проблемы теоретического осмысления явлений. В последующие 30 лет усилиями главным образом участника этих дискуссий К.Ф. Шацилло изучение военной экономики продвинулось как раз в том направлении, которое было намечено на упомянутой и других конференциях. Исключительный опыт работы с эмпирическим материалом и размышлений о путях исследования привел Шацилло к ряду обобщений, которые не только сохраняют силу, но и приобрели ныне новую остроту.

С точки зрения проблематики Первой мировой войны, исследования Шацилло, сосредоточенные прежде всего на предвоенном десятилетии, важны особенно тем, что помогают оценить состояние военной индустрии к 1914 г. Кроме того, в них автору удалось раскрыть влияние на военно-промышленную политику стратегических

* *Поликарпов Владимир Васильевич* — кандидат исторических наук. Работа выполнена по проекту РГНФ № 12-31-10020 «Первая мировая война и конец Российской империи».

и внешнеполитических соображений власти, причем развитие вооруженных сил он рассматривал как узловую проблему, связывающую военную организацию страны со «все ее экономическим и культурным строем»⁵. Выявив архаические черты, свойственные российской военной индустрии, Шацилло (как и В.В. Адамов) сделал радикальный вывод о докапиталистической природе этого уклада экономики, идущий вразрез с представлениями сторонников «теории модернизации».

На исследования, столь тесно связанные с военными и внешнеполитическими аспектами экономической истории, естественно, воздействуют процессы, происходящие в идеологии, в чем имели возможность убедиться историки с опытом пережитых «оттепелей» и попятных сползаний. Знаменательные сдвиги в этой сфере были отмечены участниками конференции, проведенной Ассоциацией историков Первой мировой войны в 1994 г. Наряду с «характерным для последних лет восхвалением Романовых и их ближайшего окружения» В.И. Миллер указал также на «стремление части политиков и публицистов “разделаться” с идеей интернационализма» и возрождение национализма в его шовинистическом варианте. Есть «немало тех, кому будет неприятна правда о той далекой... войне», сказал Миллер, и «уповать на “благоприятную” для исследователей историографическую ситуацию... не следует»⁶.

З.П. Яхимович тоже обратила внимание на создавшиеся «условия крутой ломки методологических и ценностных ориентиров» и при этом на стремление историков без «серьезной научной разработки» проблем заполучить откуда-нибудь готовым новый «эталон научной объективности и беспристрастности». Поспешно избавляясь от своих вчерашних воззрений, они проникаются иными идеологическими предпочтениями и примеряют к ним «соображения об объективных либо ложно понятых государственных и национальных интересах». Между тем исследователи, способные критически оценивать источники, не заблуждались относительно того, что «понятие национальных интересов, широко использованное для оправдания войны правящими кругами», получало разное истолкование и внутри господствующих классов, и в массах населения, но не имело объективного содержания⁷.

Приведенные наблюдения, как показало дальнейшее, отражали реалистическое понимание перемен. Сущность поворота определил в своей последней книге Шацилло. Многие авторы, писал он, «вольно или невольно считавшие себя последовательными марксистами... превращались в заурядных великодержавников, апологетов милитаризма», отстаивая задним числом претензии властителей империи на «место в “европейском концерте”», несоизмеримые военно-экономическому потенциалу страны, при губительных для ее развития последствиях. Вяжываясь в войну, режим Николая II ставил перед собой невыполнимые задачи, противоречившие «нуждам и состоянию России». Очевидно, что и Шацилло в своем анализе военно-экономической политики проводил различие между «общегосударственными» интересами с точки зрения «правлящей бюрократической клики» и реальными интересами большинства народа⁸.

В конечном счете после очередной недолгой «оттепели» наступил резкий откат назад. Пропаганда великодержавных установок потребовала от историографии переключиться с обоснования закономерности революции рассмотрением ее «социально-экономических предпосылок» на противоположную задачу: показать, какую процветающую империю погубила беспочвенная злодейская революция. Такого рода вывернутая наизнанку конъюнктура породила истолкование событий войны и революции 1914—1917 гг. под характерным политологически-полицейским углом зрения: революция есть «организованный активной частью контрэлиты с использованием

мобилизации масс антиконституционный переворот»; все это «творят... не массы, а люди с именем и фамилией», пишет Вяч. Никонов⁹. Налицо андрологический, так сказать, поворот: празднует победу тень Ю.В. Андропова, чье ведомство привело к завершению гигантскую идеологическую спецоперацию по замене марксизма-ленинизма клерикально-державным монархизмом, подав еще в 1974 г. сигнал пропаганде выпуском скандального сочинения Н.Н. Яковлева о Первой мировой войне¹⁰.

В поздней фазе этого процесса движение к новым установкам сопровождалось патетическим осуждением прежней идеологии за недостаточное человеколюбие, поскольку она отвергала «абстрактный гуманизм». В итоге же на смену классовому и интернационалистскому (хотя бы формально) подходу пришло в качестве официального государственническое понимание «национальных интересов»¹¹. Человеколюбия от этого не прибавилось, потому что и теперь требовалось осуждать вовсе не насилие как таковое, само по себе, а лишь именно идеологию революционной гражданской («братоубийственной») войны¹². Зато всякий «абстрактный гуманизм» в отношении «неприятеля» столетней давности благополучно изжит, Первая мировая война — уже не империалистическая, а «Великая» война за «национальные интересы».

Получившая ныне законченный вид схема включает отрицание «нужды и бедствий трудящихся масс»¹³ вместе со всеми «объективными предпосылками» крушения царизма. Другая ее неотъемлемая часть — пропаганда бурного роста и имперского могущества. В этой связи данные, касающиеся военно-экономической области, особенно военной промышленности, получают повышенную значимость как обобщающий, итоговый показатель для суждения о жизнеспособности романовской монархии и ее пригодности для модернизации¹⁴. Такая схема предписывает утверждения о необыкновенных достижениях к 1914 г. в общеэкономическом развитии, а к 1917 г. — и в снабжении вооруженных сил, о таких успехах, что «казалось, война почти выиграна» и близится дележ добычи («плодов победы»). Никонову эта «безусловная возможность» «ясно сейчас видна из нашего, исторического далека». «Шесть, максимум десять месяцев терпения, — вычисляет Б.Н. Миронов, — и Россия оказалась бы в числе стран-победительниц, а победа в войне предотвратила бы революцию и гражданскую войну». Февральская революция произошла «в стоявшей на пороге победы Российской империи»¹⁵. Перешагнуть его помешали происки то ли масонской, то ли еврейской, то ли просто купленной («проплаченной») у одних авторов немцами, а у других одновременно и англичанами) агентуры, прикрывавшейся либеральной оппозицией и революционерами. С этим иногда удается соединить подозрение, что и само участие России в несчастной для нее войне противоречило ее «национальным интересам» и было навязано правителям империи той же всемирной «закулисой»¹⁶.

Дело представлено теперь так, что к 1917 г. кризис военного снабжения удалось преодолеть. По оценке Миронова, опирающегося на мнение Г. Каткова, «в 1916 г. снабжение армии... наладилось, в частности снарядный голод [был] удовлетворен... В дальнейшем войска не ощущали недостатка в вооружении». «1917 год Россия встретила на вершине военного могущества... Военно-промышленный комплекс работал на полную силу», — пишет В.Н. Виноградов. Положение в артиллерии «стало действительно неплохим. Кризис со снарядами преодолен». По заключению Ю.С. Пивоварова (и Н. Стоуна), кризиса и вообще не было: «На фронте ничего выходящего за рамки войны не произошло. И дело шло к победе... Разумеется, имелась масса проблем, все они требовали решения. Но ничего, ничего фатального, predeterminedного не было и в помине. Однако грохнуло»¹⁷. К 1917 г. экономика в целом «демонстрировала многие признаки подъема, — добавляет Никонов. — ...Голод и экономический коллапс на-

ступят годом позже как результат деятельности постреволюционных правительств». Тогда же «стало физически не хватать» угля и металла. Не в военной разрухе корень «революционной смуты 1917 г.», полагал также Э.М. Шагин, ибо сама разруха, наоборот, являлась последствием «торжества деструктивного анархического начала», Февральского злокозненного подрыва той власти, которая обеспечивала «нормальное функционирование» всех сфер жизни общества¹⁸. В представлении Никонова, якобы «заканчивалась постройка» четырех дредноутов для Балтийского флота и к кампании 1917 г. промышленность обеспечила русский фронт избытком орудий и снарядов, а сверх того «реализовывалась программа строительства предприятий». Автор указывает на знаменитую программу Главного артиллерийского управления (ГАУ), находившуюся к 1917 г. в начальной стадии выполнения.

Однако политологические пропагандистские миражи — это одно, а действительное состояние военной промышленности — другое. Тяжелая артиллерия, как оказалось, имела «решающее значение»¹⁹. Если с точки зрения командования наличие тяжелой артиллерии, откуда бы она ни взялась, оценивалось как главное условие оперативного успеха, то способность русской индустрии обеспечить фронт тяжелой артиллерией подытоживала общую дееспособность военно-промышленного аппарата империи. Впрочем, предел ставила и нехватка живой силы: иссякала возможность формировать новые батареи («почти по всем калибрам») «вследствие недостатка людей и лошадей»²⁰. Но размер людских потерь зависел опять-таки от нехватки артиллерии. Начальник штаба верховного главнокомандующего В.И. Гурко 9 февраля 1917 г. объяснял М.В. Родзянко (в июне 1916 г. то же самое докладывал царю М.В. Алексеев): «Могучая артиллерия и технические средства, хотя бы такие же, как у наших противников, весьма понизили бы наши потери, но о подобном уравнивании, по крайней мере в ближайшее время, не приходится и думать»²¹. Надежду облегчить положение Гурко не связывал с опорой на русскую промышленность, рассчитывая в предстоявших весной — летом 1917 г. операциях использовать 6-, 8-, 10-, 11-, 12-дм орудия «от наших союзников»²². Тяжелая артиллерия особого назначения к моменту летнего наступления 1917 г. располагала 632 орудиями и минометами, но лишь малая их часть поступила с русских заводов: 258 пушек и 56 минометов предоставили союзники в 1917 г., а до того — они же еще почти столько же²³. Всего, если полагаться на сведения начальника ГАУ генерала А.А. Маниковского, за 1915, 1916 и 1917 гг. тяжелых и осадных орудий разных калибров русская артиллерия получила 1448 стволов, в том числе 602 было изготовлено в России и 846 у союзников (если же взять только полученные до 1917 г. 685 орудий, то 283 и 402, соответственно). Формируемые для операций 1917 г. мортирные батальоны должны были получить 4,5-дм гаубицы из Англии: «Основной тип принятой у нас гаубицы — 48-линейный, но, — по свидетельству Маниковского, — ввиду обнаружившегося недостатка их и невозможности изготовления в достаточном количестве пришлось пойти на подкрепление нас 45-лин[ейной] английской гаубицей»²⁴.

В конце 1915 г., подсчитав потребности фронта до середины 1917 г., Маниковский докладывал Военному министерству, что 1400 48-линейных (122-мм) гаубиц (из требовавшихся 2396) придется заказать за границей. Он предупреждал, что «если заказ [недостающих] гаубиц за границей не состоится, получить их в России не удастся, так как ни один из существующих заводов принять заказ не может»²⁵.

Все 42-линейные (107-мм) тяжелые пушки, имевшиеся к середине 1915 г., были французского изготовления (контракт 1910 г.). При потребности в 808 таких орудий в России ожидали от Путиловского завода 315 пушек, заказанных в феврале и июле

1914 г. (с обязательством начать поставку с апреля 1916 г.; фактически этот завод дал с июня по декабрь 1916 г. 50 и в 1917 г. еще 20). В июне 1915 г. ГАУ запросило и Петроградский оружейный завод, но выяснилось, что он не мог бы одновременно с 42-линейными пушками исполнять наряд на 3-дм пушки, считавшийся в условиях маневренной войны более срочным. Тогда ГАУ адресовалось к Обуховскому заводу, и, хотя там не рассчитывали начать выпуск 42-линейных пушек раньше осени 1916 г. (по 12 в месяц), заказ на 400 пушек все же пришлось дать ему. А требовалось 808. «Так как все производство 42-лин[ейных] пушек на русских заводах следует считать данными заказами совершенно использованным, — докладывал Маниковский 10 ноября 1915 г., — то рассчитывать получить 42-лин[ейные] пушки можно только с иностранных заводов» (французских, английских или японских). На протяжении 1916 г. число 42-линейных пушек на фронтах не превышало 116, а в 1917 г. достигло 172. Обуховский завод по февраль 1917 г. выпустил 51 пушку²⁶.

В ноябре 1915 г., по Маниковскому, негде было взять 428 3-дм горных пушек образца 1909 г. (из требовавшихся 732), и он предлагал либо заказать их за границей (иначе «часть потребности остается неудовлетворенной»), либо поручить Путиловскому заводу, но тогда уже «за счет выпуска с этого завода полевых пушек». В конце концов, когда промышленность в России достигла производительности в 3 тыс. легких пушек в год, на замену расстрелянных, то это был максимум: «Но уже больше этого числа выжать для этой цели было нельзя. Значит, вот предел — 3000 пушек, которые ежегодно можно было при наших средствах приводить в негодность на фронте собственной стрельбой»²⁷. По мнению Гурко, первоначальная катастрофическая нехватка снарядов, по сути, спасла артиллерию от столь же катастрофического износа легких орудий²⁸.

Довольно распространенная у нас, как писал еще Н.Н. Головин, точка зрения, будто накопленные к 1917 г. запасы снарядов с избытком покрывали потребности фронта и их хватило еще и на гражданскую войну, не учитывает, что нужда в снарядах зависела от количества имеющихся орудий, а оно в 1917 г., как и в 1915 г., не выдерживало сравнения с артиллерией противника и союзников. Можно, конечно, дипломатично утверждать вместе с рядом авторов, что к 1917 г. «острота кризиса» была преодолена и армия получила «многое из того, в чем нуждалась»²⁹, или, как пишет С.Л. Федосеев, что удалось решить «большую часть проблем». Однако и по данным Федосеева, «снарядный голод» был преодолен «в основном в легкой артиллерии», и то «только в отношении имеющихся орудий, а не к потребности войск в поддержке артиллерии».

По Головину, вопрос о снарядах также и к легким гаубицам и тяжелой артиллерии «не обострялся, так как количество этого рода орудий было все время значительно меньше нужной для армии нормы»³⁰. Количество имевшихся на фронтах тяжелых 42-линейных пушек было столь ничтожным, что требовалось «и ничтожное к ним количество выстрелов»; орудия крупных калибров получали в 1916—1917 гг. «десятью [часть] того, что им нужно было в действительности»³¹.

Во второй половине 1916 г. внутреннее производство легких снарядов, достигнув максимума, «отставало от требований армии даже по легкой и горной артиллерии», почти треть выстрелов в 1916 г. действующая армия получила из-за границы³². К осени 1916 г. была достигнута лишь та норма снабжения 3-дм снарядами, которая казалась приемлемой в ноябре 1914 г. (2,6 млн выстрелов в месяц), тогда как к 1917 г. она уже устарела, требовалось 3,5 млн, а эта норма «вовсе не была достигнута»³³. Но и для изготавливаемых в России снарядов легкой артиллерии значительная часть взрывателей, дистанционных трубок, пороха поступала из-за границы³⁴. Запас 3-дм снарядов

в расчете на орудие стал удовлетворительным к сентябрю 1917 г., вследствие фактической приостановки боевых действий.

Как известно, и никоновские дредноуты достроить не удалось. С этой задачей промышленность не справилась: к апрелю 1917 г. наибольшей была готовность линейного крейсера «Измаил», остальные корабли «значительно отставали. Хуже всего обстояло дело с бронированием из-за нехватки металла в стране, идущего прежде всего на снаряды и полевую артиллерию... В сентябре Адмиралтейский завод получил разрешение разместить механизмы и котлы, поступающие для крейсеров “Бородино” и “Наварин”, на Мясной улице близ территории завода. Обсуждался даже вопрос о продаже их части и переделке крейсеров... в коммерческие суда». Ни один из четырех дредноутов не был достроен³⁵.

Металла не хватало и на сухопутные вооружения. Выпуск 3-дм снарядов к 1917 г. поглотил столько стали, что подверглись сокращению дальнейшие заказы «ввиду явной невозможности усилить без такой меры производство более крупных снарядов». По словам Маниковского, еще с 1915 г. приходилось «прежде всего заботиться об удовлетворении потребности выстрелов для *тяжелой* артиллерии, хотя бы даже в ущерб полевой», потому что «нельзя готовить одновременно и достаточное количество тяжелых снарядов»³⁶. Усилить подачу тяжелых выстрелов было возможно «только при условии сокращения (и притом значительного) выстрелов к 3-дм пушкам», между тем Упарт (Управление полевого генерал-инспектора артиллерии при Ставке верховного главнокомандующего) «продолжал настаивать и на своих несообразных нормах 3-дм выстрелов, из-за которых наше внутреннее производство более тяжелых снарядов так до самого конца войны и не могло подняться до необходимого уровня»³⁷. Вообще выпуск снарядов «задерживается главным образом из-за недостатка топлива и металла», гласил отчет Военного министерства за 1916 г. Главноуполномоченный по снабжению металлом А.З. Мышлаевский 14 мая 1916 г. докладывал Особому совещанию по обороне, что «общий недостаток в черных металлах выражался в треть существующей в них потребности»³⁸.

21 января 1917 г. Маниковский представил военному министру подробную справку о положении со снарядами. По его словам, оборудование заводов с избытком обеспечивало требуемый Ставкой выпуск 3-дм снарядов (соразмерно количеству наличных орудий), а тяжелых — пока на две трети, но к весне могло достигнуть и назначенной нормы, «если, конечно, этому не помешают неблагоприятные обстоятельства, которые ныне имеют место». Он подразумевал «недостаток отечественного металла и невозможность получить его на ближайшие сроки из-за границы». Подсчет показал: «Требуется снарядной заготовки: для 3 620 000 3-дм снарядов — 2 059 000 пудов, для 1 135 000 тяжелых снарядов — 4 154 000 пудов. Всего — 6 213 000 пудов». А поступает «ежемесячно всего 4 743 000 пудов». Поэтому на тяжелые снаряды предполагалось направить столько металла, сколько позволит пропустить через механическую обработку имеющееся оборудование заводов (2 823 000 пудов), а из оставшихся 1 920 000 пудов «можно изготовить около 3 млн 3-дм снарядов... Вот причины, почему и [даваемые] организации г.-м. Ванкова заказы на 3-дм гранаты были уменьшены против того количества, какое он мог бы выполнять». «В дальнейшем, — докладывал Маниковский, — если положение с металлом не улучшится (а на это пока надежд мало, напротив, есть основание ждать ухудшения), то по мере развития производства тяжелых снарядов придется еще в большей степени сократить наряды на 3-дюймовые». К 1 мая 1917 г. могло бы скопиться 25—28 млн. 3-дм выстрелов, «если, конечно, хватит металлов, пороха и взрывчатых веществ на все количество и легких

и тяжелых снарядов... Наконец, если бы Ставкой и эти ресурсы были признаны недостаточными, то у нас имеется настойчивое предложение французов увеличить подачу нам вдвое наших 3-дм патронов (они производительность их довели с 15 тыс. до 30 тыс. в день)». Но металла для тяжелых снарядов от французов нельзя получить больше, потому что им «еле хватает для своих нужд»³⁹.

Как жаловался военному министру Д.С. Шуваеву начальник Генерального штаба М.А. Беляев 24 мая 1916 г., изготовление снарядов для 6-дм гаубиц («главствующее орудие в современной войне для борьбы за укрепленные позиции») сдерживал «общий недостаток в России металла, выражающийся в общем до 4 млн пудов в месяц»⁴⁰. Тарновский показал, что вследствие нехватки топлива, руды, провозоспособности железных дорог в 1916 г. выплавка чугуна, поднимавшаяся было с 14 млн пудов в январе до 16,5 млн в октябре, «начала стремительно падать». 9 октября председатель Совета министров Б.В. Штюрмер доложил царю, что в ноябре «обнаружится недохватка 1,2 млн. пудов металла, необходимого для выработки тяжелых снарядов», и предстоит выбирать: снаряды или рельсы. Выплавка чугуна в феврале упала до 9,5 млн. пудов. Между тем Министерство путей сообщения (МПС) требовало свыше 8 млн, ГАУ — свыше 11 млн. пудов черного металла в месяц. На январь — февраль 1917 г., по заключению главноуполномоченного по металлу, пришелся «наивысший кризис» металлургии. При ведомственных заявках в октябре 1916 г. на 19 млн. пудов поступило в распределение около 13 млн. пудов металла, в ноябре — уже 11 млн. Составленный его ведомством расчет выявил, что при средней месячной потребности в различных сортах черного металла в 37,6 млн. пудов «вырисовывался ежемесячный дефицит в 14,1 млн. пудов». 22 января 1917 г. на Петроградской конференции союзников военный министр Беляев вынужден был просить о зарубежных поставках, помимо вооружения, также чугуна и стали (удалось выпросить 106 тыс. т, т.е. 6,6 млн. пудов). 1 февраля 1917 г. ввиду «наступившего кризиса» он предлагал «считаться с предстоящим... временным закрытием некоторых обслуживающих оборону заводов»⁴¹, что в действительности и стало практиковаться и распространилось в феврале на Ижорский и Путиловский заводы в Петрограде (с известными последствиями)⁴². «Главные причины катастрофы — транспорт и топливо», а не революция, считали руководители синдиката «Продамет». Более того, в марте — мае 1917 г. выплавка чугуна немного (и ненадолго) восстановилась. Другое дело, что в условиях войны это не изменяло основного: экономика не «демонстрировала многие признаки подъема», как представляется Никонову, а происходило, наоборот, «разрушение материальных ценностей», «истощение производительных сил» из-за роста специальных военных производств⁴³.

Успехи, достигнутые в изготовлении новейших средств ведения войны, кажутся ряду авторов особенно убедительными. Шагин выступал против «надуманных концепций... о якобы присущем России традиционному отставании от стран Запада» и приводил данные о бурном росте автомобилестроения: якобы перед войной действовали три завода, в войну строили еще пять⁴⁴. В постройке грузовиков «несомненно» проявилась, пишет Стоун, «значительная мощь» российской экономики, как и в производстве пушек, снарядов, самолетов; «автомобильная промышленность сделала во время войны впечатляющие успехи» — «пять больших автомобильных заводов выпускали грузовики». «К концу 1916 г. ... был даже построен и работал на р. Суне завод по переработке азота воздуха во взрывчатку — даже в Германии это было последнее слово научной технологии в данной области»⁴⁵. Между тем в действительности в России разработку технологии сжигания атмосферного азота не удалось довести до конца, и, поскольку «у нас опыта в этом отношении нет» (опыт имелся в Германии, Австрии,

Норвегии, США), было признано необходимым «передать постройку и оборудование кислотного завода иностранной фирме с тем, чтобы по установлении производства и по обучении нашего личного состава, предназначенного к управлению заводом, завод был бы передан военному ведомству», докладывало ГАУ Военному совету 12 мая 1915 г. По документально подтверждаемым данным генерала-артиллериста В.С. Михайлова, к 1917 г. на Суне была «произведена лишь часть гидротехнических работ и сделаны заказы на некоторые механизмы»; эта стройка в Кондопоге, с использованием тысяч военнопленных, не близилась к концу и в 1917 г.⁴⁶

Годовой выпуск автомобилей в России тех лет доведен новейшей литературой до 20 тыс. грузовиков⁴⁷. В справочнике 1934 г. действительно названы 20 тыс. грузовых автомобилей, но не как произведенные в России, а как поступившие в армию, и не за год, а «за весь период войны 1914—1918 гг.», и притом не из России, ибо «заграничные закупки... почти полностью покрывали заготовку автоимущества». В компромиссном варианте («произведенные во время войны» и якобы в России) та же цифра, 20 тыс., введена в соответствующую таблицу справочного издания 2010 г. О 20 тыс. «автомашин» в действующей армии к сентябрю 1917 г. сообщает статистический сборник 1925 г. (по материалам Ставки). Автомашинами в этом случае именовались и мотоциклы с самокатами, но не действительное их наличие, а количество, которое положено было иметь по штатам. Фактически войска располагали 13 700 автомобилями, включая санитарные повозки, кухни, цистерны. К началу 1916 г. автомобилей разного назначения имелось в наличии 5283 и ожидалось, по условиям сделанных заказов, поступление до середины 1917 г. еще 4946, из которых российского производства — 1926. Но эти ожидаемые 1926 машин (даже больше — 3000) должны были дать заводы, еще не построенные в России. Действительно существующим являлся до конца войны один лишь Русско-Балтийский завод с годовой производительностью менее 100 автомобилей при значительном использовании заграничных материалов, деталей и узлов⁴⁸.

Заказами за границей ГАУ покрывало и более обыденные потребности. Юго-Западный фронт в апреле 1915 г. требовал 25 тыс. вьючных сѐдел, но оказалось, что российская промышленность может дать в течение ближайших 10 месяцев только 3900 и придется делать заграничный заказ. Действительно, во время войны сѐдла доставляли из-за океана: в марте, мае, июле, августе 1916 г. из США двигались пароходы с более чем 50 тыс. сѐдел⁴⁹. Едва ли вообще прав эксперт, который, довершая средствами статистики «разрушение ангажированных идеологических стереотипов» советской историографии и пересматривая «сложившиеся догмы и перекосы практики изучения отечественной истории», полагает, что во время Первой мировой войны Россия «оказалась в полной изоляции»⁵⁰, иначе говоря не ввозила ничего.

Академическое изучение военной экономики России пережило взлет, обеспеченный сначала официальной приоритетностью проблемы «предпосылок социалистической революции», а затем и теоретическими открытиями «нового направления» 1960-х годов, но оба эти стимула давно устранены, и за последние десятилетия не видно сопоставимых результатов. Исследование традиционной для «эпохи исторического материализма» проблематики, конечно, не прекратилось вовсе, но раздробилось на направления, более узкие по хронологическому, территориальному и отраслевому охвату. Наступившая реакция в этой области не только вызвала концептуальный откат на уровень 1930-х годов, но и привела к оскудению реально используемого круга источников, несмотря на то, что в 1950—1980-х годах были выявлены и заняли свое место в индивидуальных исследованиях важные архивные материа-

лы, изданы крупные тематические сборники документов и видовые серии (журналы Особого совещания по обороне, Совета министров и др.).

Новый (2004) сборник документов «Военная промышленность России в начале XX в.», в котором значительное место отведено материалам 1914—1917 гг., разумеется, еще послужит исследователям. Но в этих материалах преобладают документы, так или иначе связанные со следствием по делу В.А. Сухомлинова; они отражают процессы, происходившие преимущественно все же в предвоенные годы и в начале войны. Другие же, которые касаются дальнейшей военно-промышленной деятельности в середине 1915 — 1917 г., имеют, как правило, инициативный характер, относятся к программе и перспективам заводского строительства, а потому освещают фактическое положение дел лишь фрагментарно, в той мере, в какой это требовалось для обоснования проектов, намерений. Что же касается установления итоговых данных о количестве фактически произведенного в течение всей войны вооружения и о динамике, совокупном объеме и характере поставок, исполненных отечественной и зарубежной промышленностью, а также о действительном размере потребностей войск и степени их удовлетворения, то эта задача в целом еще не решена.

Сравнительные оценки военно-промышленного развития России и других крупных стран противоречивы. В конце 1914 г. в связи с французскими предложениями о поставках снарядов ГАУ считало, что «нельзя сравнивать наших условий развития этого рода промышленности с французской. Стоит только вспомнить наши огромные расстояния, бедную сеть железных дорог, необходимость подвоза сырых материалов за тысячи верст и из-за границы, недостаток подвижного состава... вековую зависимость в отношении станков и механизмов от заграницы, и прежде всего от Германии...»⁵¹. Напротив, новейшее статистическое исследование рисует, по отзыву академика Д.С. Львова, «мощную картину развития России», которая все объясняет якобы «больше и глубже», «чем целые нагромождения исторических изданий... о кривых путях и тернистых судьбах нашего отечества». Оно показывает, что еще в начале XX в. Россия «входила в первую мировую тройку» по 40 «ключевым для тех времен» позициям, а к 1914 г. оказалась уже на пятом месте «по общему уровню технико-экономического развития»⁵². Ранее место России в мире оценивалось обычно скромнее: она вплотную приблизилась к Франции по абсолютному объему промышленного производства и гораздо дальше отставала при расчетах на душу населения. При этом все же гложет сомнение относительно критериев сравнения.

В разгар войны германские войска оккупировали важные центры тяжелой промышленности Франции, дававшие в 1913 г. 64 (84)% чугуна, 58 (63)% стали, 40 (75)% угля, и в результате половину этих средств производства Франция в 1915—1917 гг. ввозила из Англии. В России на территории, не затронутой непосредственно военными действиями, было сосредоточено $\frac{1}{3}$ промышленного производства⁵³. Но из Франции Россия получала большую часть вооружения и боеприпасов, и русскому правительству приходилось вымаливать у союзника, например, тяжелую артиллерию (хотя бы старую!), боеприпасы, винтовки и пр., расплачиваясь собственными солдатами или военнопленными⁵⁴.

Попытку собрать статистические сведения по военной экономике предприняло еще в 1925 г. ЦСУ. В результате оказалось, что данных собственно статистических, т.е. основанных на научно организованных наблюдениях, практически нет и есть только «отрывочные сведения». Специалисты-статистики постарались «собрать, что возможно», издать «наиболее ценное» и пришли к выводу, что «никаких других материалов в обработанном виде пока не имеется, а архивный сырой материал для своей обработки потребует годы»⁵⁵. За минувшее столетие «сырой материал», относящийся к военной

промышленности, так этой обработки и не получил. Исследователи ныне, как и их предшественники, опираются на все те же археографически неполноценные материалы сборника ЦСУ «Россия в мировой войне 1914—1918 года»⁵⁶, а главным образом — на те данные, которые ввели в оборот сами ведавшие деятельностью ГАУ и Упарта генералы — А.А. Маниковский (трехтомник 1920—1923 гг.) и Е.З. Барсуков (работы 1926—1948 гг.)⁵⁷; недавно стал доступен труд казенного в 1929 г. В.С. Михайлова (1928).

Сведения, представленные у Маниковского, порой вводят историков в заблуждение: он стремился повлиять на историческую оценку своего аппарата (ГАУ), а Барсуков, готовивший новые варианты работы Маниковского при переизданиях 1930⁵⁸ и 1937 гг., старался еще и «в пользу» Упарта с его долей ответственности за снабжение фронта. При обращении к приведенным обоими авторами данным зачастую нет возможности судить об их происхождении и степени достоверности. Даже публикуя в 1937 г. (в виде приложения к труду Маниковского) адресованные ему письма начальника ГАУ, Барсуков позволял себе редактировать их с учетом обстановки. Маниковский же не только правил текст цитируемых документов, но и целенаправленно истолковывал их в противоположном реальному смысле. Разумеется, оба генерала не были специалистами по источниковедению и не думали соблюдать нормы археографии, но сверх того они проводили и личную тенденцию. Академического издания трехтомника Маниковского — этого чрезвычайно сложного источника — не существует.

Стараясь убедить аудиторию в том, что он не имеет причин «прибегать к пристрастному освещению деятельности ГАУ в целях самооправдания», Маниковский в то же время писал: «Все обвинения ГАУ относятся к периоду, когда не я был начальником его; с моего же вступления в эту должность (в конце мая 1915 г. — *В.П.*) начался период значительного улучшения»⁵⁹, хотя до назначения начальником ГАУ он являлся правой рукой «главного артиллериста» вел. кн. Сергея Михайловича в Особой артиллерийской комиссии, разделявшей с Сухомлиновым ответственность за развал снабжения фронта в первой половине 1915 г., после чего ее пришлось без лишнего шума ликвидировать.

Потребность армии в винтовках заводы ГАУ в 1916 г. удовлетворяли «примерно лишь наполовину»⁶⁰, и лишь часть недостающего удавалось получить из Франции, Англии, Японии и США. Опираясь на свидетельство председателя Русского заготовительного комитета в США генерала А.В. Сапожникова, Маниковский утверждал, что массовое изготовление винтовки, привычное для русских заводов, оказалось не по силам заводам американским. Дело пошло на лад, по его словам, лишь с прибытием русских артиллеристов, которые научили американцев высокоточной работе. Но, как показывают документы, артиллеристов, знающих производство, не хватало самому ГАУ — настолько, что оно не имело возможности вполне обеспечить своими специалистами в США даже приемку и браковку продукции. Затруднения создала на деле не отсталость американской промышленности по сравнению с заводами ГАУ, а то, что американцы получили от него чертежи с ошибками. Кроме того, ГАУ волюнтаристически доставляло недостающих лекал, а высланные в США старые лекала, изношенные за 25 лет использования на заводах ГАУ (с 1892 г.), отчасти были испорчены, так что американцам пришлось их восстанавливать. В качестве же необходимых для этого образцовых винтовок ГАУ направило на заводы в США изношенные ружья и винтовки военного времени, изготовленные с пониженными требованиями к точности (без такого понижения российские заводы не могли быстро увеличить выпуск)⁶¹.

Главное же и не в этом. По техническим условиям ни американский, ни русский и никакой вообще завод не мог установить у себя столь сложное производство, как

новую для него марку ружья, скорее, чем за полтора-два года. Представители же ГАУ явились на заокеанский рынок, не зная его условий и уже после того, как союзники загрузили своими контрактами наиболее авторитетные оружейные фирмы. При содействии Дж.П. Моргана фирмам Ремингтон и Вестингауз удалось заключить контракты на таких условиях, что ГАУ было лишено возможности дисциплинирующе воздействовать на исполнителя, и американские фирмы пользовались неповоротливостью ГАУ, чтобы «выцыганивать» доплаты и не слишком заботиться о соблюдении русских технических стандартов. Опыт сотрудничества с этими двумя заводами не давал Маниковскому оснований уничижительно оценивать всю военную промышленность США. Технологический драйв шел не из России в США, а в противоположном направлении, недаром генералы ГАУ проявили крайнюю заинтересованность в том, чтобы старая оружейная фирма Пратт и Витни (Pratt & Whitney, Коннектикут) взяла на себя проектирование и устройство нового оружейного завода, который ГАУ наметило к сооружению в Екатеринославе⁶².

К тому же, утверждая, что русским специалистам удалось приучить американские заводы к требуемой высокой точности в работе, Маниковский приписал своим подчиненным лишние заслуги. Из его переписки с представителями ГАУ в США видно, что до конца 1916 г. относительно небольшие партии винтовок проходили приемку только благодаря вынужденному понижению требований со стороны ГАУ (отказ от взаимозаменяемости частей, сдача винтовок в собранном виде и т.п.). Сменивший Сапожникова генерал А.П. Залюбовский в конце 1916 г. писал о низком качестве винтовок Вестингауза, «которые до сих пор не могут проверяться лекалами и приборами за их отсутствием», о «громодном количестве брака» и о том, что завод требует денег, «а качество, несмотря на все усилия приемщиков, почти не изменяется». «Подробное исследование предприятий Ремингтона и Вестингауза... подтвердило мне, — продолжал Залюбовский в январе 1917 г., — что получить в Америке своевременно сносные винтовки нельзя рассчитывать, а потому необходимо принять самые спешные и энергичные меры для расширения выделки винтовок в России, закупая и отправляя для этого здесь станки».

К 1917 г. представители ГАУ осознали разницу между теми задачами, которые решали его собственные ружейные заводы, не жертвовавшие качеством продукции ради экономии, — и стремлением к наживе, руководившим американскими фирмами. «У нас нет средств заставить заводы... преследующие исключительно коммерческие цели, делать действительно годные ружья и в срок, а потому лучше взять у них возможно меньше неудовлетворительных ружей, — сообщал Залюбовский в Петроград 7 декабря 1916 г. — ...Без нового аванса Вестингауз продолжать производство не может, если же выдать ему новый большой аванс, то весьма вероятно, что мы совсем перестанем получать винтовки и деньги потеряем». Отчаявшись добиться своего, чины ГАУ запрашивали из США разрешения начальства разорвать контракты (но на это еще нужно было согласие английских представителей, контролировавших русские заказы в Америке), и часть из них действительно была отменена⁶³. При подобной степени достоверности сведений Маниковского, нахваливавшего, как на продажу, деятельность своего ведомства, полагаться на них без проверки, как это практикуется в новейшей литературе⁶⁴, рискованно.

Немалые усилия были приложены, чтобы наполнить труд Маниковского количественными данными. Издавая посмертно вторую и третью его части в 1922—1923 гг., редакционная комиссия столкнулась с тем, что в рукописи «оказались пробелы», и «для заполнения намеченных А.А. Маниковским таблиц» потребовались поиски в

архивах. Но выявленные материалы давали «значительно различающиеся между собой цифры». Не имея возможности вникать в эти противоречия цифр, Комиссия стала «выбирать более вероятные»⁶⁵.

Проверка некоторых из них по делопроизводственным документам позволяет думать, что встречающиеся несовпадения натуральных показателей выпуска или поставок не вызваны какой-то тенденциозностью редакционной комиссии. Иное дело — те сведения о ценах (в первой части «Боевого снабжения», изданной в 1920 г.), которые принадлежали самому Маниковскому. В сводке цен на боеприпасы, составленной им еще в 1916 г., хищнические расценки, выставляемые частной промышленностью, сравниваются с якобы умеренными ценами казенных предприятий. Ярким цифровым материалом он доказывал, что ГАУ под его руководством снабжало фронт более эффективно и экономно, чем частные заводчики, и тем самым приносило выгоду государству. Составляя в 1916 г. свою сравнительную сводку цен по казенным и частным заводам, Маниковский решал две задачи. Во-первых, получала благоприятное освещение деятельность его ведомства. Во-вторых, создавая видимость, будто на одних только шрапнелях и гранатах казенные заводы сэкономили бюджету миллиард рублей, Маниковский тем самым обосновывал целесообразность отпуска из казны еще 600 с лишним млн. руб. (а фактически не меньше миллиарда) на постройку четырех десятков новых заводов ГАУ.

Для правительства же на первый план выступала политическая проблема. Следовало лишить общественное мнение оснований для критики правительственных органов, «оказавшихся будто бы несостоятельными». Совет министров 3 ноября 1915 г. постановил придать максимальную огласку сопоставлению цен (по пушкам, шрапнелям и др.), подогнанных в пользу казенного хозяйства. Как показал Шацилло, подобные сравнения цен лишены объективного смысла, ибо выявилась намеренная фальсификация: «цены» казенным заводам ГАУ назначало с произвольным понижением против расценок частных фирм. Советской историографии эти ложные сопоставления пригодились для разоблачения хищничества монополий, тогда как в новейшей литературе они используются по их первоначальному назначению: для восхваления военной бюрократии и шельмования «либеральных», «общественных» организаций.

Занижая расценки казенных заводов на снаряды, чиновники проявляли изобретательность. Например, ГАУ проводило большую часть своих затрат на эту цель по статье «строительные ассигнования» либо, когда за снаряды брался завод МПС, — по статье «эксплуатационные расходы» казенной железной дороги. Один и тот же заказ мог быть показан, в зависимости от решаемой бюрократической задачи, с более высокой или, наоборот, более низкой «ценой». «Условная» («номинальная», «последнезаготовительная») цена могла быть на удивление низкой, как в мирное время, но можно было вместо «твердой» цены проставить и цену, учитывающую «биржевые» цены военного времени на материалы и рабочую силу⁶⁶. Очевиден произвольный характер «ценообразования» внутри казенного хозяйства и неправомерность сопоставления таких «цен» с какими-либо другими.

Частные предприниматели, обвиняемые в завышении цен по сравнению с казенными заводами, оправдываясь, обычно сводили дело к мелочам — ссылались на то, что, в отличие от этих заводов, они вынуждены нести дополнительные расходы: земские налоги, проценты по частным кредитам и т.п. Секретность делопроизводства в военно-хозяйственных инстанциях позволяла скрывать от «публики» главное «преимущество» казенного хозяйства — возможность систематической подтасовки цифр при исчислении расходов. Например, Верхнетуринский завод горного ведомства дол-

жен был получать за свою 48-линейную шрапнель «твердую» цену в 32 руб., но «в целях ускорения производства» ему требовалось дооборудование на 700 тыс. руб., и к цене было добавлено 2 руб. 30 коп. Вождь правых Н.Е. Марков, выступая в Думе 29 февраля 1916 г., воспроизвел сравнение цен казенных и частных заводов (по журналу Совета министров за 3 ноября 1915 г.) и, когда подошел к ценам на 48-линейную шрапнель, указал, как и значилось в журнале, цену горных заводов не 34 руб. 30 коп. (32 плюс 2.30), а 21 руб. Для частных заводов он назвал цену 41 руб. 80 коп., хотя именно казенный Обуховский завод исполнял заказ на 48-линейную шрапнель по 41 руб. 80 коп.⁶⁷

Не более надежно и соблазняющее ряд авторов сопоставление цен на пушки частных заводов (9 тыс. руб.) с ценами казенных Петроградского оружейного и Пермского заводов (5—6 тыс. руб.)⁶⁸. 20 августа 1915 г., когда «общественные» организации наконец пробилась к снабжению армии, Военный совет запретил казенным заводам «дополнительные расходы», возникающие сверх «плановых», «относить на кредиты, за счет которых выполняются наряды». Петроградский арсенал в сентябре 1915 г. ходатайствовал о дополнительном отпуске средств и указывал, что эти дополнительные издержки «можно было бы... отнести на кредиты, за счет которых выполняются наряды на изготовление различных изделий». Но Маниковский «во избежание... чрезмерного повышения стоимости этих изделий» провел доплату иначе — «из военного фонда». В 1916—1917 гг., давая наряды Пермскому, Ижевскому заводам и Петроградскому арсеналу на орудия, ГАУ своим решением понизило исчисленную заводами «примерную стоимость» до довоенного уровня, оговариваясь, что «истинная» стоимость изготовления «выяснится по представлении... заводами в ГАУ установленного отчета на поверку» «с тем, чтобы впоследствии, по определении действительной стоимости указанных орудий, установлена была окончательная их цена». Пока заводы исполняли заказы, происходило «вздорожание материалов и рабочих рук», и в результате к первоначальной «цене» изделий казна доплачивала «из военного фонда» многие миллионы рублей, так что в итоге получилось не по 5 или 6 тыс., а по 8 тыс. руб. за орудие⁶⁹. В качестве «цен» своих изделий ведомства указывали произвольные цифры, на деле отражавшие лишь минимальный исходный размер требуемых ассигнований.

Сопоставления цен уязвимы и с другой стороны — ввиду недоразумений, относящихся к частным заводам. Например, по сведениям О.Р. Айрапетова, Путиловский завод брал по 9 тыс. руб. за 3-дм полевую пушку, что совпадает с ценой, указанной Маниковским (та же цена — в журнале Совета министров от 3 ноября 1915 г.). Однако судя по контрактам, заключенным ГАУ с Путиловским заводом в 1914—1915 гг., он делал в 1915 и 1916 гг. 3-дм полевые пушки по цене все же не 9, а 7 тыс. руб. В июле — августе 1915 г. при новом заказе таких же пушек по 7 тыс. руб. Путиловскому заводу, чтобы поторопить его, была обещана премия в 2 тыс. руб. (сверх 7 тыс.) за каждую пушку, которую завод успеет сдать до истечения 1915 г., но одновременно назначена и неустойка в 10% за сдаваемые в 1917 г.⁷⁰ Получить премию в 2 тыс. руб. Путиловскому заводу не довелось, так как даже к концу 1916 г. он выполнил лишь часть (2102 орудия из 2500) из трех других, ранее принятых им (в сентябре 1914 г., январе и марте 1915 г.) заказов⁷¹, а далее должен был получать уже не премию, а штраф, т.е. сдавать орудия не за 7 тыс., а за 6300 руб. Даже при столь выгодных условиях, побуждавших фирмы торопиться с исполнением заказов, принятые ими на себя обязательства оказались непосильными ни Путиловскому, ни «Царицынской» группе заводов по ее контракту на 2500 пушек (также со скользящей ценой).

Использование сфабрикованных в 1915—1916 гг. данных в советской литературе удовлетворяло пропагандистским задачам, но это само по себе еще не делало сомни-

тельной ее научную добросовестность, пока не были выявлены признаки фальсификации в источниках. Новейшая, «постсоветская» «деидеологизированная» и «деполитизированная» историография должна была бы в полной мере считаться с уже поставленной предшественниками проблемой достоверности источников, но, решая внеаучные задачи, вульгаризирует свою методiku.

Социальные аспекты истории военной промышленности наиболее рельефно выразились в политическом поведении рабочих масс. Выдающуюся роль в событиях Февраля 1917 г. сыграли рабочие главных военных заводов столицы. Историки иногда отводят инициативную роль также текстильщицам Выборгской стороны, но речь все равно идет фактически опять-таки о военно-промышленном производстве, поскольку и выборгские мануфактуры были заняты главным образом заказами интендантства⁷². Авторам, рассматривающим этот вопрос под полицейским углом зрения (недосмотрели в Питере, надо было вовремя «додавить» оппозицию), не удается логически последовательно раскрыть движущую силу переворота. С одной стороны, версия об «инспирированных народных выступлениях» отвечает стремлению доказать, что «вдохнителем и организатором» их являлась «либерально-радикальная интеллигенция», а народ был сбит с толку «умелой агитацией и пропагандой», «умелой манипуляцией общественным мнением». Оппозиция «воспользовалась моментом, чтобы вывести народ на улицы» и столкнуть его «с правоохранительными органами». Более того, «оппозиционные круги» якобы «сознательно вели продовольственное дело с таким расчетом», чтобы спровоцировать массовое недовольство⁷³.

С другой стороны, оказывается, нельзя не признать, что «возможность радикальным партиям спекулировать на трудностях» войны и «вывести народ на улицы в решающий момент» была создана все же «недовольством всех слоев населения», «тяготами войны», «материальными трудностями», даже «социальными противоречиями», которым «позволила выйти наружу» «неудачная для России Первая мировая война». Пытаясь объяснить отзывчивость масс на радикальную агитацию и не умея это сделать, политолог вместо причин такого поведения масс указывает на заинтересованность самой «либерально-радикальной интеллигенции» в сочувствии народа⁷⁴, то есть, как и Никонов в подобной ситуации («парадигма», однако), уходит от объяснения. Но этот отложенный вопрос, раз уж он затронут, заслуживал бы внимания.

Почему-то оппозиция вела свою агитацию с успехом, тогда как правительственная «манипуляция общественным мнением» — с использованием «всех доступных средств» (Мионов) — провалилась. И ведь нет оснований объяснять ее провал недостаточным усердием и невниманием власти к охранительной агитации. Не зря же при каждом заводе военного и морского ведомств действовал собственный храм с причтом (средства, ежегодно ассигнуемые на содержание этого, по выражению Никонова, «инструмента пропаганды», не входили в расценки изделий); «отцы» призывали свою военно-промышленную паству «вооружиться спокойствием и терпением, а не искать виновных в нашей неготовности», «не злобствовать», а «каяться, и молиться, и в очищенной совести трудиться»; те же идеи несли в массы Союз русского народа, Общество активной борьбы с революцией и с анархией при Путиловском заводе и т.п. организации. Рабочих Брянского арсенала и Бежицкого завода «батюшки» увещевали так: «приросшая к земле душа», исполненная «животной сытости», думает о мире, но «не надо этого мира, страшен он, страшнее самой кровопролитной войны»⁷⁵. «Пресловутые идеи права, свободы личности... исповедание принципа “человек есть мера вещей”» — все это требовалось «отринуть» в пользу «национальных и государственных интересов»⁷⁶. Однако перевесили «лживые посулы революционе-

ров, безбожников и предателей, увлекших русский народ... в разверстую пасть отступления от Бога и церкви»⁷⁷.

Наряду с собственно церковниками и «либеральная интеллигенция», лучшие умы и перья того, что называлось «культурной элитой», употребили свои таланты вовсе не на борьбу с милитаризмом или подрыв военных усилий власти, а вели все ту же «стилизованную под проповеди пропаганду». В 1914—1917 гг., заполняя столбцы «Русского слова», «Биржевых ведомостей», «Утра России» милитаристскими статьями, православные мыслители силились объяснить «взрослым детям — Иванам и Петрам», этому «человеческому материалу», что война — не братоубийство, а «творческое действие», угодное «Самому Богу», тогда как абстрактный гуманизм («отвлеченный морализм», «гладко-поверхностный гуманизм» и т.д.) «антирелигиозен по своей природе». Они радовались, что наконец-то «пали утопии гуманизма, пассивизма, международного социализма, международного анархизма и т.п.»⁷⁸. В августе 1915 г. Н.А. Бердяев осудил социал-демократов за то, что они отказались участвовать в Особом совещании по обороне и тем самым — «брать на себя ответственность за оборону страны» (в это Совещание, выступая в Думе, заманивал рабочих — в лице их представителей в Центральном военно-промышленном комитете — Н.Е. Марков). Этот шаг Бердяев расценил как «классический образец совершенной отвлеченности и формальной абсолютности в политике». 27 сентября усилия шовинистов встретили еще более твердый отпор. Отказавшись выбирать своих представителей в военно-промышленные комитеты и становиться «слепым орудием» власти, рабочие объяснили (с помощью большевиков) свое понимание «национальных интересов»: это есть «лишь прикрытие» империалистического хищничества, «приманка» для рабочих⁷⁹.

«Проклятый вопрос» нравственного характера — отношение рабочего к труду на военном предприятии⁸⁰ — получал практическое преломление. «Обязанность всех соприкасающихся с рабочими, занятыми в предприятиях по обороне, — всячески выяснять им решительную недопустимость приостановки работ... при каких бы то ни было условиях... Надо ежечасно говорить об этом рабочим», — взывала к своей либеральной аудитории оппозиционная «Речь» 14 марта 1916 г. Думские заседания, посвященные вопросам военно-промышленной политики, превращались в спектакли с заранее распределенными ролями («Надо нарисовать картину.. Надо развернуть картину последствий германского завоевания») и обеспеченным широчайшим освещением в прессе. К «Иванам и Петрам» «либеральные» думцы применяли пропагандистские приемы, испытанные на английских рабочих (разъяснить «значение снарядов для победы и значение работы для снарядов»: на фронте «гибнут братья... всё для получения снарядов»). Патриотическая агитация должна была убедить «рвань» в совпадении ее интересов с интересами военно-промышленных дельцов, бюрократии, власти в целом. Для этого, как утверждает Никонов, правительству не хватало политтехнологической ловкости: «Инструменты внутренней пропаганды были использованы властью явно недостаточно». Надо было больше рассказывать рабочим о правительственных успехах в производстве вооружения. Но ведь эти «инструменты» потому и не действовали, что приходилось пропагандировать, по выражению П.Н. Милюкова (и Бердяева), «довольно фиктивное» единство. «Циммервальд» пустил «глубокие корни» в «широкие массы», и «никакая пропаганда не могла преодолеть» его идеи⁸¹.

Результат напряженных совокупных усилий черносотенцев и «либералов» разочаровывал. Как констатировал Милюков, у этих пропагандистов не было «общего языка» с рабочими военных предприятий⁸², расходились их понятия о нравственности и «национальных интересах». Оборончески настроенный Г.В. Плеханов тоже делал попытки

внушить рабочим, что «даже к стачкам можно прибегать теперь, во время войны, только всесторонне взвесив все их возможные военно-технические... последствия». Министерство внутренних дел в 1916 г. принялось распространять цитированное воззвание Плеханова «для объединения народных масс вокруг общего дела»⁸³. В саратовской глубинке его воззвание, по отзыву губернатора, «хорошо подействовало», но и там «под влиянием административно высланных» часть рабочих высказывалась против войны⁸⁴. В военно-промышленных центрах, не полагаясь только на действенность милитаристской пропаганды, ковать единство приходилось с помощью полиции и войск, розгами и палками, тысячами отправляя бастующих рабочих с военных заводов в окопы, вместо каторги, и прикомандировав на их место солдат, побывавших на фронте, а также внедряя в рабочую среду платную агентуру контрразведки и полиции.

Ход изучения проблемы в прошлом — в сопоставлении с состоянием текущей практики — подсказывает некоторый общий вывод. На первый взгляд, те соображения, которые выдвинули в свое время Шацилло, Яхимович, Миллер, могут казаться то ли отвлеченно гуманистическими, то ли пацифистскими или анархистскими, или вообще удаленными в некое метафизическое пространство. Но по сути стремление к объективному рассмотрению такого идеологически чувствительного предмета, как военно-промышленная политика, как раз и обязывает последовательно держаться точки зрения «отвлеченной справедливости» (Бердяев), или «противогосударственного отщепенства». Без этого условия государственнические, великодержавные, национальные и т.п. идеологические пристрастия слишком легко извратят «начала рационального и эмпирического» (П.Б. Струве), отвечающие общенаучным требованиям исторического ремесла.

В начале 1990-х годов российские историки избавились от обязательных советских идеологических предписаний, и, в частности, в области истории Первой мировой войны открылась возможность отдавать предпочтение тому или иному принципиальному взгляду, высказывать возражения. Такая ценная возможность существовала у них не всегда и еще не отпала⁸⁵, откуда вертикаль исторической науки поглощена выработкой «общей, понятной всем программы действий», или, выражаясь более прямо, «специальной программы мероприятий». В дальнейшем же, когда исполнится обещание «представить российскому обществу более или менее единый взгляд российских интеллектуалов на эту часть российской истории»⁸⁶, возможности будут уже иными: в освещении прошлого российской государственности и участия России в мировой войне совершается движение вспять — к утверждению вполне определенной «единой точки зрения».

¹ Сидоров А.Л.: 1) Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; 2) Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960.

² Тарновский К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны (на примере металлургической промышленности). М., 1958; Волобуев П.В.: 1) Из истории монополизации нефтяной промышленности дореволюционной России (1903—1914 гг.) // Исторические записки. 1955. Т. 52; 2) Из истории синдиката «Продуголь» // Там же. 1956. Т. 58; 3) Политика производства угольных и нефтяных монополий в России накануне первой мировой войны // Вестник МГУ. Историко-философская серия. 1956. № 1; 4) Топливный кризис и монополии в России накануне первой мировой войны // Вопросы истории. 1957. № 1; 5) Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.

³ В основном ее содержание было воспроизведено, с учетом нового в литературе, в запрещенных диссертации (1971) и монографии «Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50-х — 60-х годов» (издана в 1990 г. посмертно, как и «Экономическое положение России» Сидорова).

- ⁴ Первая мировая война, 1914—1918. М., 1968. С. 21—22, 5. Резолюция конференции цитируется по изложению ее во вступительной статье «От редакции».
- ⁵ *Шацилло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906—1914 гг.). М., 1968. С. 6—8. Шацилло цитировал В.И. Ленина.
- ⁶ *Миллер В.И.* Первая мировая война: к анализу современной историографической ситуации // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 60. Та же нота прозвучала у В.С. Дякина: «Пока есть возможность, надо исследовать...» (Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 52).
- ⁷ *Яхимович З.П.* О некоторых вопросах методологии исследования происхождения первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 17, 18, 20; см. также: *Улунян Ар.А.* Балказия и Россия: структура угроз национальной безопасности Российской империи на Балканах, в Центральной и Передней Азии в представлениях российской военной и гражданской бюрократии (1900—1914 гг.). М., 2002. С. 73—74, 138, 139, 166, 202. О научной бессодержательности этого понятия высказывались ранее по докладу И.В. Бестужева участники семинара В.И. Бовыкин, В.М. Кулиш, А.М. Станиславская (Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 406, 416, 422—423, 426). Ныне политология относит «национальные интересы» к своим «базовым понятиям» и усиленно разрабатывает эту «золотую жилу» (Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. [М.], 2010. С. 161).
- ⁸ *Шацилло К.Ф.* От Портсмутского мира к Первой мировой войне. М., 2000. С. 7—12.
- ⁹ *Никонов В.* Крушение России. 1917. М., 2011. С. 13—14. Этот труд содержит сгусток наиболее ходовых в соответствии с конъюнктурой обобщений, чем и удобен для характеристики преобладающих в литературе представлений.
- ¹⁰ См.: *Ганелин Р.Ш.* Политические ситуации конца XX — начала XXI в. и исторические оценки причин гибели царизма // Россия и революция 1917 года: опыт истории и теория: материалы Всерос. науч. конф. СПб., 2008. С. 7—20.
- ¹¹ См.: *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. [Изд. 2-е, доп.] М., 2010. С. 610.
- ¹² Ср. прежнее понимание «братоубийства»: «Вся Европа объята кровавым пожаром братоубийственной войны... вся печать заражена шовинизмом, разлагающе действующим на умы всего населения» (цит. по: *Бас И.* Большевицкая печать в годы империалистической войны. [М.], 1939. С. 164).
- ¹³ *Никонов В.* Указ. соч. С. 550. Однако когда надобно пнуть «психологию толпы, психологию бунта», все же оказывается, что «доведенные тяготами войны до тяжелейшего положения, низы были готовы взорваться» и радикальным партиям было на чем «спекулировать» (Там же. С. 600; *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России, XVIII — начало XX века. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 647).
- ¹⁴ *Stone N.* Organizing an Economy for War: The Russian Shell Shortage, 1914—1917 // War, Economy and Military Mind. Totowa (N.J.), 1976. P. 108—109.
- ¹⁵ Новейшая история Отечества. XX век. М., 1998. С. 172 (вузовский учебник); Новейшая история России: учебник. М., 2013. С. 4—7, 97—98; *Никонов В.* Указ. соч. С. 421; *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России ... С. 639; *Данилов О.Ю.* Пролог «Великой войны» 1904—1914 гг.: кто и как втягивал Россию в мировой конфликт. М., 2010. С. 258; *Оськин М.В.* Брусиловский прорыв. М., 2010. С. 8—9. В книге Е. Белаша «Мифы Первой мировой» (М., 2012) одна из глав посвящена как раз мифу об «утерянных победах», упущенных вследствие «козней темных сил» (с. 215).
- ¹⁶ Воспроизводится мысль, которая «широко всходила» «в толще армии и в глубинах народа», о том «что будто бы война нам была ловко навязана союзниками, желавшими руками России ослабить Германию» (*Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 2. С. 160). На 410 страницах подобные догадки развивает О.Ю. Данилов.
- ¹⁷ *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России ... С. 576, 585; *Виноградов В.Н.* Еще раз о новых подходах к истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 69, 70; *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907—1917). М., 2003. С. 212; *Stone N.* Organizing an Economy for War. P. 108—109, 112, 117; *Пивоваров Ю.С.* Русское настоящее и советское прошлое: размышления с позиций “civic culture” // Труды по россиеведению. М., 2011. Вып. 3. С. 42.
- ¹⁸ *Никонов В.* Указ. соч. С. 415—417, 421, 440, 594, 413, 904; *Шагин Э.М.* Очерки истории России, ее историографии и источниковедения (конец XIX — середина XX в.). М., 2008. С. 160—162, 495, 506, 699; Новейшая история Отечества. XX век. С. 224; Новейшая история России. С. 98.
- ¹⁹ *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг. М., 1922. Ч. 2. С. 40. «Современные условия... выдвигают на первое место вопрос об обладании *тяжелой артиллерией*, без каковой добиться каких-либо решительных результатов ныне не представляется возмож-

- ным», — писал военному министру Д.С. Шуваеву 24 мая 1916 г. начальник Генерального штаба М.А. Беляев (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1745. Л. 265).
- ²⁰ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, март — октябрь 1917 г. М.; Л., 1957. Ч. 2. С. 173, 182.
- ²¹ Цит. по: *Гаврилов Л.М., Кутузов В.В.* Истощение людских резервов русской армии в 1917 году // Первая мировая война, 1914—1918. М., 1968. С. 155. *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 1. С. 123.
- ²² *Gourko V.* Memories and Impressions of War and Revolution in Russia, 1914—1917. London, 1918. P. 220.
- ²³ *Павлов А.Ю.* Скованные одной целью: стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.). СПб., 2008. С. 152; *Белаш Е.* Указ. соч. С. 236—238.
- ²⁴ *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг. Ч. 2. С. 51, 73. Здесь в табл. на с. 73 в итоге за 1915 г. описка: 130, а надо 180.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 41. Л. 53, 65—66. Доклад ГАУ помощнику военного министра А.С. Луккомскому, 10.XI.1915.
- ²⁶ Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 939. Л. 252 и об. (доклад ГАУ 18.VI.1915, утвержден Военным советом 20.VI.1915); Ф. 369. Оп. 3. Д. 41. Л. 53, 65—66; *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг. Ч. 2. С. 81, 121.
- ²⁷ *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг. М., 1923. Ч. 3. С. 133. В январе 1917 г. на конференции с союзниками они «категорически отказались дать нам легкие орудия», докладывал Маниковский правительству 23 июня 1917 г. (РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 410. Л. 10). Французский артиллерист, наблюдавший в 1916—1917 гг. стрельбу русских батарей, отмечал быстрый износ легких орудий: если французские пушки выдерживали 12—15 тыс. выстрелов, то русские — 3 тыс.; гаубицы изнашивались еще быстрее. Он пришел к заключению, что дело в качестве металла, использованного при изготовлении 3-дм пушек в России (правда, отметив, что и во Франции за время войны качество металла несколько понизилось) (*Pascal P.* Mon journal de Russie: à la mission militaire française, 1916—1918. [Lausanne], 1975. P. 157—158).
- ²⁸ *Gourko V.* Op. cit. P. 104—106. Но породила моральный кризис: получив в конце 1914 г. директиву расходовать в день не более одного снаряда на орудие, командир артиллерийской бригады сразу догадался, к чему это приведет: «Нет, Борис Николаевич... — говорил генерал П.М. Волкобой, — наш солдат нам этого не простит. Нас, офицеров, всех зарежут, будет такая революция, какой еще мир не видал!.. Мы все погибнем в ужаснейшем бунте» (*Сергеевский Б.Н.* Пережитое. 1914. Белград, 1933. С. 159—161). В августе 1917 г. он стал свидетелем расправы солдат над другими офицерами и сам едва уцелел. На его глазах были убиты комиссар фронта (Ф.Ф. Линде), начальник дивизии и командир полка. Волкобой, «почтенный старик, с седой бородой... “дедушка”, как звали его солдаты... убежал в землянку, плакал и умолял пошадить... Солдаты со смехом выволокли его из землянки, посадили в автомобиль и... отвезли в штаб его корпуса» (*Краснов П.Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции. [Берлин, 1921]. Т. 1. С. 111—112). Упомянутую директиву Сергеевский датировал 7 декабря 1914 г., Н.А. Епанчин — ноябрем (*Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 411).
- ²⁹ *Шацлло К.Ф.* Корни кризиса вооружений русской армии в начале Первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 555; *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914—1918 гг. Изд. 3-е. М., 1938. Т. 2. С. 104: к концу 1916 г. русская армия достигла «по техническому снабжению ее всем необходимым наибольшего за всю войну развития». Или: вооружена была «так, как она не была вооружена с самого начала войны» (*Васильчиков И.С.* То, что мне вспомнилось... М., 2002. С. 102).
- ³⁰ *Головин Н.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 39—40, 36—37. К тому же в 1916 г. начали поступать выстрелы для таких гаубиц из Франции, Англии и Японии (1,7 млн.; в 1917 г. — еще 906 тыс., тогда как в 1915 г. — лишь 129 тыс.). Что же касается снарядов для гаубиц в 203—305-мм и 254-мм пушек, то с ними «мы справиться до самого конца войны действительно не могли», вообще от русских заводов было получено менее трети выстрелов крупного калибра, остальное поступило из-за границы, в основном в 1916—1917 гг. (*Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг. Ч. 3. С. 222, 234).
- ³¹ *Маниковский А.А.*: 1) Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг. Ч. 3. С. 223, 209; 2) Боевое снабжение русской армии в мировую войну / переработал и дополнил Е.З. Барсуков. Изд. 3. М., 1937. С. 567 (ред. примеч.), 577.
- ³² *Федосеев С.Л.* «Пушечное мясо» Первой мировой: пехота в бою. М., 2009. С. 244, 246—247.
- ³³ *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. С. 581. Ср.: в 1916 г. «не было недостачи в 76-мм патронах» (Там же. С. 586).

- ³⁴ К 1 июля 1916 г. из-за границы поступило 1 230 193 пудов бездымного пушечного пороха (за 1916 г. с русских и зарубежных заводов — 2 594 000 пудов), а потребность на следующий год оценивалась в 3 млн пудов, из которых в России удалось заказать 1 млн. пудов. Из 897 тыс. взрывателей, поступивших в январе 1917 г., 500 тыс. были заграничного производства (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 757. Л. 77 и об.; Военная промышленность России в начале XX в., 1900—1917. М., 2004. С. 629; Экономическое положение России ... Ч. 2. С. 178).
- ³⁵ История отечественного судостроения. СПб., 1995. Т. 3: Судостроение в начале XX в. / И.Ф. Цветков. С. 375, 377.
- ³⁶ Маниковский А.А.: 1) Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг. Ч. 3. С. 142, 127; 2) Боевое снабжение русской армии в мировую войну. С. 566, 597. Это не мешало Маниковскому говорить о сокращении потребности в 3-дм снарядах, объясняя его уменьшением «степени участия в боях легкой пушечной артиллерии» благодаря «увеличению на фронте числа гаубичных выстрелов и тяжелых орудий, обеспеченных выстрелами» (Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. С. 500). Утверждение Маниковского о «несомненном пресыщении ими (3-дм выстрелами. — В.П.) фронтов и резервов» Е.З. Барсуков вымарал (см. с. 566 изд. 1937 г., ср. с. 142 изд. 1923 г.).
- ³⁷ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг. Ч. 3. С. 196—197. Барсуков подтверждал, что месячная подача 3-дм снарядов была сокращена в январе 1917 г. ввиду накопления за зиму значительного их запаса, но также «в целях усиления производства снарядов более крупных калибров» (*Его же*. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. С. 500).
- ³⁸ Военная промышленность России ... [Т.] 1. С. 628; Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, 1915—1918 гг. Публикация. 1916 год. М., 1977. [Ч. 4]. С. 814.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 831. Л. 12—14. Из США французы получили «готовый металл размерами именно для 3-дм снарядов».
- ⁴⁰ Там же. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1745. Л. 266.
- ⁴¹ Тарновский К.Н. Указ. соч. С. 216, 218, 226—228. См. также: Семенников В.П. Монархия перед крушением, 1914—1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В.П. Семенникова. М.; Л., 1927. С. 131—134; Экономическое положение России ... Ч. 2. С. 110; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6251. Л. 151, 92, 171.
- ⁴² По Мионову (Мионов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России ... С. 655) и Никонову, генералы и адмиралы, управлявшие заводами, — сплошь заговорщики да масоны, спровоцировали рабочих «намеренным закрытием предприятий; со стороны заводской администрации бастующие получали сочувствие и вознаграждение». Были ли это выброшенные на улицу рабочие закрытых предприятий или, наоборот, бастующие — для полиции какая разница. «Сочувствие и вознаграждение» бастующим выражалось, как известно, арестами и отправкой в окопы.
- ⁴³ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, март — октябрь 1917 г. М.; Л., 1957. Ч. 1. С. 247. Управляющий делами синдиката «Продамет» П.А. Тикстон — военному и морскому министру, 21.III.1917; Ч. 2. С. 110, 7.
- ⁴⁴ Шагин Э.М. Указ. соч. С. 160—162, 495, 506, 699; Новейшая история Отечества. XX век. С. 224.
- ⁴⁵ Stone N.: 1) Organizing an Economy for War. P. 111—112; 2) The Eastern Front, 1914—1917. N.Y., 1975. P. 210. Откуда взялись сведения об этом достижении, Стоун не указал. Сидоров не располагал источниками для суждения о том, чем все закончилось на Суне, и это его признание (Сидоров А.Л. Экономическое положение России ... С. 445), конечно, создавало свободное поле для домыслов.
- ⁴⁶ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 722. Л. 64—65; Генерал В.С. Михайлов, 1875—1929: Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М., 2007. С. 264; *Нахтигаль Р.* Мурманская железная дорога. 1915—1919 годы. Военная необходимость и экономические соображения. СПб., 2011. С. 117, 179, 177.
- ⁴⁷ Шамбаров В. Окультизм корни Октябрьской революции. М., 2006. С. 142.
- ⁴⁸ Мировая война в цифрах. Л., 1934. С. 33. Табл. 20; Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 81; Россия в Мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 59, 52. Продукция этого единственного завода была «столь низкого качества, что и частные потребители, и государство предпочитали покупать автомобили за границей» (Ткачев В.М. Крылья России: [воспоминания о прошлом русской военной авиации, 1910—1917 гг.]. СПб., 2007. С. 271).
- ⁴⁹ Русские поставщики брали заказы на сёдла для пулеметных команд только после того, как им обещали разрешение «получить из-за границы или Финляндии» «материалы, полуфабрикаты и ленчики в готовом виде или сухой лес для ленчиков». Еще в 1913 г. ГАУ предупреждало, что нельзя рассчитывать изготовить сёдла в России исключительно из русских материалов (РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 115. Л. 145; Ф. 1. Оп. 1. Д. 77797. Л. 144 и об.; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5573. Л. 194, 425; Д. 5574. Л. 127 об., 45).

- ⁵⁰ Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет, 1900—2000: исторические ряды, вековые тренды, периодические циклы. М., 2006. С. 245, 373.
- ⁵¹ РГВИА. Ф. 234. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.
- ⁵² Симчера В.М. Указ. соч. С. 373, 138—139; предисловие акад. Д.С. Львова (1930—2006) (Там же. С. 15). Эти же самые яркие жизнеутверждающие слова ранее пришли на ум акад. Н.П. Федоренко (1917—2006). См.: Федоренко Н.П. Россия на рубеже веков. М., 2003. С. 11, 25. При «конструктивном пересмотре существующих случайных и во многом беспомощных исторических хронологий» Симчера, директор НИИ статистики Росстата, вице-президент Академии экономических наук, опирается не только на имеющиеся «самостоятельную и самодостаточную ценность» собственные его оценки, «полученные автором путем обработки громадного объема данных» (основополагающие расчеты — в его личном архиве), но и на сочинения Г.В. Носовского и А.Т. Фоменко, И.Р. Шафаревича, В.В. Кожина, О.А. Платонова и др. самобытных исследователей.
- ⁵³ Horn M. Britain, France, and the Financing of the First World War. Montreal; London, 2002. P. 85; Hardach G. The First World War, 1914—1918. Berkeley; Los Angeles, 1977. P. 87—88 (в скобках показатели по Мионову: Мионов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России ... С. 577); Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997. С. 56.
- ⁵⁴ «О 6-дм гаубицах Шнейдера... пока не может быть речи, ибо [Альбер] Тома заказ этих гаубиц обусловил присылкою рабочих рук» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6251. Л. 41 об. Ф.Ф. Палицын (Париж) — Маниковскому, 19/20.I.1917). «Наша страна в производстве артиллерии обогнала и Англию, и Францию!.. И к сражениям 1917 г. Россия подготовилась отлично» (Шамбаров В. Указ. соч. С. 142—143).
- ⁵⁵ Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). С. 1—4.
- ⁵⁶ Составители сборника брали данные о заграничных заказах из документов Особого совещания по обороне. Между тем не все такие заказы проходили через эту инстанцию. Маниковский 16 января 1916 г. доложил начальнику канцелярии Военного министерства А.С. Лукомскому о том, что «имеются следующие заказы на пулеметы за границы, сделанные без ведома Особого совещания...», и перечислил пять заказов на 30—40 тыс. пулеметов (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 748. Л. 15—17 об.). Некоторые критические оценки материалов сборника «Россия в мировой войне» см. также в указанной статье Л.М. Гаврилова и В.В. Кутузова (с. 147—148) и у Н.Н. Головина.
- ⁵⁷ Барсуков Е.З.: 1) Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М.; Л., 1926; 2) Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в Мировую войну. М., 1928; 3) Русская артиллерия в мировую войну. М., 1938; 4) Артиллерия русской армии (1900—1917 гг.). М., 1948. Т. 1.
- ⁵⁸ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Изд. 2-е. Переработал и дополнил Е.З. Барсуков. Л., 1930. Т. 1—2.
- ⁵⁹ Его же. Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг. М., 1920. Ч. 1. С. 6. Со своей стороны бывший начальник Упарта Е.З. Барсуков утверждал: «Только с 1916 г., когда артиллерийская часть всей действующей армии перешла в руки полевого генерал-инспектора артиллерии и подчиненного ему управления (Упарта. — В.П.)... дело боевого снабжения было организовано» (Его же. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. С. 651).
- ⁶⁰ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 170. Л. 1 об. Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1916 г.; Генерал В.С. Михайлов, 1875—1929. С. 135—136.
- ⁶¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5580. Л. 62 об.; Д. 5578. Л. 37; Д. 5579. Л. 23; Залюбовский А.П. Снабжение русской армии в Великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним. Белград, 1936. С. 7—12; Rielage D.C. Russian Supply Efforts in America during the First World War. Jefferson (Carolina); London, 2002. P. 56—63.
- ⁶² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5582. Л. 314 и об. Переписка Залюбовского (Нью-Йорк) с Маниковским, август 1916 г.
- ⁶³ Там же. Д. 6209. Л. 26 и об.; Д. 5620. Л. 77 и об.; Д. 6210. Л. 20 и об.; Генерал В.С. Михайлов, 1875—1929. С. 338—347, ср.: с. 126—130. Независимо от того, насколько сносными были принятые от американцев винтовки, известно, что в январе 1917 г. Винчестер закончил русский заказ, и если Ремингтон давал в августе 1916 г. менее 300 винтовок в день, то в апреле 1917 — около 1800 и в дальнейшем начал перевозить станки в Тулу (Россия и США: торгово-экономические отношения. М., 1996. С. 209; Экономическое положение России ... Ч. 2. С. 182; Советское военно-промышленное производство (1918—1926). М., 2005. Т. 2. С. 294, 296—297).
- ⁶⁴ Предельно широкое обобщение выглядит так: «Ни один серьезный военный заказ иностранные фирмы не могли выполнить самостоятельно. По сведениям генерала Маниковского, туда пришлось посылать русских инженеров, под руководством которых налаживалось выполнение военных заказов России» (Литвиненко Д.В. Отмобилизование и перестройка артиллерийской промышленности в годы Первой мировой войны // Петербургские военно-исторические чтения: межвуз. конф., 11 марта 2009 г. СПб., 2010. С. 57).

- ⁶⁵ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг. Ч. 2. С. 3.
- ⁶⁶ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 754. Л. 262 и об., 101 и об., 331 и об.; Д. 753. Л. 6/№; Ф. 369. Оп. 16. Д. 265. Л. 1—2, 4.
- ⁶⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78774. Л. 5 об.; Д. 78779. Л. 19 об.; Д. 78775. Л. 6; Ф. 369. Оп. 3. Д. 86. Л. 31.
- ⁶⁸ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 107, 109; Никонов В. Указ. соч. С. 273.
- ⁶⁹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 5330. Л. 31, 85, 52; Ф. 369. Оп. 16. Д. 511. Л. 11; Ф. 504. Оп. 6. Д. 198. Л. 92—95.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 720. Л. 194 а—196; Д. 941. Л. 211; Ф. 504. Оп. 6. Д. 16. Ч. 1. Л. 124—125, 1 об. — 2 об.
- ⁷¹ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг. Ч. 2. С. 155; РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 32. Л. 238—239; Ф. 29. Оп. 3. Д. 969. Л. 32. На 3 августа 1916 г. было сдано 1360 шт. из 2500.
- ⁷² По сведениям Министерства торговли и промышленности, к осени 1916 г. по военным заказам работала вся суконная и 70% хлопчатобумажной промышленности (Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1181. Л. 26 об.).
- ⁷³ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России ... С. 575, 579, 647, 700—701; Никонов В. Указ. соч. С. 600 и сл. Эта версия «находит поддержку», в глазах Миронова, «и у других современных исследователей: Стариков Н.В. 1917. Не революция, а спецоперация! М., 2007; Сенявский А.С. Великая русская революция 1917 года». Никонов в этом ряду видит также О.А. Платонова, П.В. Мульгаули и др.
- ⁷⁴ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России ... С. 646—647, 694, 700. Вот эти «причины»: 1) «без народной поддержки общественность не имела сил низвергнуть монархию и удержаться у власти», 2) «участие народа обеспечивало легитимность свержения». Вместо логики — «паническая» боязнь «всякой тени любой революции»: современные власти и обслуживающие их «элиты» из собственного страха перед смутой прибегают к «запугиванию всяким насилием» (Булдаков В.П. Указ. соч. С. 637—638, 900).
- ⁷⁵ Восторгов И., *прот.* Во дни войны. Голос пастыря-патриота. М., 1916. Вып. 3. С. 36, 38, 39, 101; Орловские епархиальные ведомости. 1915. № 1. Цит. по: Первая мировая война: взгляд спустя столетие. М., 2011. С. 347—348.
- ⁷⁶ Восторгов И., *прот.* Отрезвление // Московские ведомости. 1917. 1 янв. Цит. по: Экутум С.А. Закат империи: от порядка к хаосу. М., 2012. С. 274.
- ⁷⁷ Калинин Л.Д., *прот.* Православная церковь и Первая мировая война // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. М., 2011. С. 312.
- ⁷⁸ Голлербах Евг. К незримому граду: религиоз.-филос. группа «Путь» (1910—1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 19, 246 сл., 324 сл., 376 сл., 396; Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914—1922. М., 2007. «Более углубленному, более религиозному взгляду» Бердяева открылось, что «маленькая, чувствующая себя раздавленной частная жизнь» — ничто, а «частно-гуманистическое мировоззрение» — хуже анархизма.
- ⁷⁹ См.: Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Мюнхен, 1949. Т. 2. С. 187—188; Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967. С. 158 сл.
- ⁸⁰ Шишкин В.Ф. Великий Октябрь и пролетарская мораль. М., 1976. С. 54.
- ⁸¹ Никонов В. Указ. соч. С. 413—414; Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 178, 183, 187, 209, 213.
- ⁸² Шелохаев В.В. Российские либералы в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 32. Им «не удалось найти общего языка с широкими массами рабочих и крестьян, нейтрализовать идейно-политическое воздействие на них со стороны леворадикальных, социалистических партий», «привлечь на свою сторону и подчинить своему идейному влиянию даже реформистски настроенные элементы среди рабочих», указывает В.В. Шелохаев (*Его же*. Либералы и массы в годы первой мировой войны // Там же. 1996. № 7. С. 135).
- ⁸³ См.: Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов: судьба русского марксиста. М., 1997. С. 320.
- ⁸⁴ Земцов Б.Н. Революция 1917 г.: социальные предпосылки. М., 1999. С. 203.
- ⁸⁵ «Отсутствие постоянного контроля со стороны сегодняшней власти пока еще позволяет более или менее свободно работать профессиональным историкам», — свидетельствует один из них (Ватлин А.Ю. В поисках «истинного социализма»: историческое сознание поколения перестройки // Вопросы истории. 2013. № 2. С. 70).
- ⁸⁶ Россия и Великая война: опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом: материалы Междунар. конф., Москва, 8 дек. 2010 г. М., 2011. С. 8, 19. Выступления В.А. Никонова, А.К. Сорокина. Возрождается и тот широкий замысел, который в 1986 г. не успел реализовать Отдел науки ЦК КПСС: согнать всех историков в «добровольную общественную» ассоциацию, контролирующую профессиональную периодическую печать (Миронов Б.Н. Страсти по революции: нравы в российской историографии в век информации. М., 2013. С. 319—320. Ср.: Афанасьев Ю. Я должен это сказать. М., 1991. С. 13—14).

В.Д. Лебедев (Москва)*

Развитие авиационной промышленности России накануне и в годы Первой мировой войны

Эффективное управление военной промышленностью и создание современных образцов вооружения всегда были и остаются весьма актуальными задачами для России. Масштабы мирового конфликта, невиданные доселе потери личного состава и техники вызвали как в годы Великой войны 1914—1918 гг., так и в последующий период множество научных работ, авторы которых пытались проанализировать причины таких жертв¹. Огромные потери, как отмечается в них, были предопределены ошибками в планировании военных операций, слабой организацией тыловых служб и другими проблемами. Вполне обоснован вывод советской и нынешней историографии, что главной причиной поражений российских вооруженных сил является слабость военной промышленности, ее техническая отсталость по сравнению с германской, что усугублялось неправильной организацией заказов для армии, а также отсутствием налаженной методики управления военно-промышленным комплексом.

Вместе с тем факты свидетельствуют, что в русской армии и на флоте накануне и во время этой войны были созданы образцы военной техники, которые зарекомендовали себя во время кампании с самой лучшей стороны и считались лучшими в мире. К таковым, в частности, относятся эскадренный миноносец «Новик», самолеты-бипланы «Илья Муромец», гидросамолеты М-5 и М-9 Д.П. Григоровича, броневтомобили А.А. Пороховщикова и др. Возникли предприятия, лаборатории и институты по выпуску продукции, необходимой для армии и флота. Особенно быстрый прогресс наблюдается в развитии авиации. Значимость этого рода войск осознавали в России еще до войны. В конце 1900 — начале 1910-х годов возникли многочисленные аэроклубы, общества и авиашколы, проводились перелеты, конкурсы и соревнования, о проблемах авиации часто писали в прессе. В этот период вышло огромное количество публикаций по теории, технике, научному и военному применению авиации и воздухоплавания в России². Большая заслуга в становлении и развитии этой отрасли принадлежит не только конструкторам, ученым и летчикам, но и тем, кто сумел найти время и средства для их работы, т.е. организаторам науки. Задача настоящей статьи — определить, каким образом удалось в условиях мобилизационной экономики, которая стала складываться в России в период Первой мировой войны, создать такие образцы, кто и как финансировал труды изобретателей.

В этот период сформировались три ведущие силы, благодаря которым Россия к июлю 1914 г. занимала второе место в мире (после Франции) по количеству аэропланов и была одной из первых по уровню подготовки летного состава.

Во-первых, это деятельность Главного военно-технического управления Военного министерства, сотрудники которого занимались, в частности, вопросами обе-

* *Лебедев Владимир Дмитриевич* — кандидат исторических наук, Государственный архив Российской Федерации.

спечения вооруженных сил авиационно-воздухоплавательным имуществом, а также решали различные проблемы, связанные с заказами и качеством поставляемых в армию изделий. Кроме того, за развитием российской авиации с 1909 г. внимательно следило руководство Департамента полиции МВД, где впервые в мировой практике стали разрабатывать меры по борьбе с терроризмом на воздушном транспорте³. В этих целях была образована Особая комиссия, которая приняла решение постоянно следить за всеми усовершенствованиями в данной отрасли. Согласно постановлению комиссии, для изучения уровня научного и промышленного потенциала западных держав были откомандированы во Францию специалисты — инженер Н.А. Скрицкий и генерал-майор А.М. Кованько⁴. Деятельность МВД была направлена также на информационную защиту отечественных разработок в авиации⁵.

Во-вторых, это инициатива промышленников и предпринимателей. С 1909 г. на русских заводах начали производство аэропланов и комплектующих агрегатов. Первым таким предприятием стало «Первое русское товарищество воздухоплавания», основанное С.С. Щетининым. Через год правление Русско-Балтийского вагонного завода обратилось с предложением в Военное министерство начать изготовление аппаратов «Соммер». Однако практика показала их несовершенство, и на предприятии накануне войны наладили производство многоцелевого самолета «Илья Муромец» и истребителей сопровождения С-10 и С-16⁶. Это были единственные самолеты полностью отечественной конструкции и притом самые удачные машины не только в России, но и в Европе. Первый испытательный полет биплана состоялся 10 декабря 1913 г. В феврале 1914 г. на нем установили мировой рекорд по количеству пассажиров на борту (16 человек), а в июне — по продолжительности и дальности полета (перелет Петербург — Киев с одной посадкой). Самолет отличался мощностью и количеством вооружения: на нем устанавливали четыре двигателя «Рено» (два по 225,5 л.с. и два по 160 л.с.), с 1915 г. — отечественные Русско-Балтийского вагонного завода (по 160 л.с. каждый) и, в зависимости от модификаций, от трех до восьми пулеметов⁷. Отметим, что на лучшие европейские самолеты Первой мировой войны — германские многоцелевые бомбардировщики «Гота Gv» и «Цеппелин Штаакен RvI» — ставили четыре пулемета и появились они только в 1917 г., а до этого в Германии использовали главным образом истребители с двумя пулеметами. Тактико-технические характеристики предопределили и потери в воздушных боях. За всю войну только один «Илья Муромец» был сбит в бою, в то же время экипажи этих самолетов уничтожили 10 истребителей, сбросили на позиции противника 65 т бомб. В 1914 г. для армии было заказано лишь десять таких машин, всего же их было выпущено около 80.

В-третьих, деятельность общественных организаций. Самой известной из них был Особый комитет по усилению флота на добровольные пожертвования. Почетным председателем комитета стал великий князь Михаил Александрович, а председателем — великий князь Александр Михайлович Романов — внук императора Николая I и муж сестры Николая II, государственный и военно-морской деятель⁸.

В задачи комитета входило: производство повсеместных сборов пожертвований на усиление военных морского и воздушного флотов России, правильное использование собранных средств и распространение среди населения мысли о необходимости обладания мощными флотами⁹. Организация состояла из морского, воздушного (с 1910 г.) и финансового отделов, комиссии по организации сборов и юридической службы. В ней работали видные ученые: заведующий опытовым бассейном Морского технического комитета А.Н. Крылов, старший помощник судостроителя И.Г. Буб-

нов, профессор петербургского Политехнического института К.П. Боклевский и др.¹⁰ При образовании отдела воздушного флота Особого комитета Александр Михайлович обратился с воззванием к общественности: «В будущих войнах не может быть победы без воздушного флота. Это отлично поняли за границей, и всюду общество идет на помощь правительству в деле развития воздухоплавания. Русское общество, вполне сознавая его огромную возможность, также живо заинтересовалось им, и в настоящее время является существенной необходимостью, не отставая от других, принять общественными силами участие в сооружении воздушного флота, чтобы в будущей войне встретить врага равным оружием»¹¹.

Возглавляя этот отдел, великий князь смог добиться наиболее существенных результатов по укреплению военно-воздушных сил. В 1910 г. по его инициативе была создана офицерская школа авиации под Севастополем, которую в 1912 г. перевели на участок близ р. Кача¹². Эта организация, наряду с казенной Гатчинской авиашколой, стала важнейшим центром подготовки летного состава. Начав свою деятельность с шестью самолетами, к 1 ноября 1911 г. Офицерская школа Отдела воздушного флота имела 40 машин (из них пять самолетов передали Морскому ведомству), а к концу 1913 г. их число достигло 97. В ноябре 1911 г. состоялся выпуск первых 30 летчиков, а к концу 1913 г. — свыше 200 пилотов. Среди выпускников авиашколы было немало прославленных летчиков¹³. Темпы ее развития предопределяли цель, которую в 1912 г. сформулировал великий князь: «Воздушный флот России должен быть сильнее воздушных соседей. Это следует помнить каждому, кому дорога военная мощь России»¹⁴.

С самого начала своей деятельности великий князь и его сотрудники осознавали необходимость планомерной работы государства в развитии отрасли. Так, проф. Боклевский в письме председателю Совета министров П.А. Столыпину от 9 сентября 1909 г. утверждал: «Огромные успехи воздухоплавания, достигнутые за последнее время в Западной Европе, разбудили наконец и в этом направлении спавшую до сих пор Россию: зашевелились не только те учреждения, которые имели непосредственное отношение к этой специальности, но также и другие, могущие принести пользу отечественному воздухоплаванию тем или иным путем. Каждое из этих учреждений, в зависимости от основного своего назначения и роли, которую оно играет в государстве, стремится завести свою собственную организацию, составляет планы этой организации и ходатайствует перед правительством об ассигновании определенной суммы денег. Нечего и говорить, что часто эти планы, стоящие сотни тысяч, а может быть, и миллионы, носят в себе характер совершенно случайный... Дело воздухоплавания — огромное по своим задачам будущего и развивающееся с крайней быстротой — настолько ново и разнообразно, что бессистемное и частичное разрешение назревающих вопросов, естественно, должно привести к худшим результатам, чем в том случае, когда в дело это внесено регулирующее начало. Вместе с тем и денежные расходы государства, связанные с развитием отечественного воздухоплавания, могли бы быть значительно понижены. Поэтому было бы необходимо, чтобы правительство, озабоченное успехом развития воздухоплавания в России, внесло в новое нарождающееся дело строгую планомерность, притом так, чтобы эта планомерность отнюдь не стесняла бы частной инициативы какими-либо ограничениями, а наоборот: частной инициативе следует предоставить возможность идти не ощупью, а совершенно сознательным путем»¹⁵.

И правительство последовало этим рекомендациям. Во-первых, Комитет стал получать ежегодную субсидию в 100 тыс. руб. Во-вторых, Военное министерство и

МВД оказали организационное содействие в становлении авиашколы: утверждение Положения и других документов о покупке аэропланов, проведении перелетов, соревнований и других мероприятий¹⁶. Кроме того, Военное министерство стремилось покупать предметы воздухоплавания, аэропланы и агрегаты к ним отечественных заводов. «Вследствие ряда усилий со стороны Главного инженерного управления, — писал и.д. начальника Главного инженерного управления генерал-лейтенант К.И.Величко в 1910 г., — побудить наши заводы заняться изготовлением предметов воздухоплавательного дела, с большим трудом удалось заинтересовать наши заводы и таким образом в настоящее время, за исключением моторов, новых аэропланов и управляемых аэростатов, а также оптических и измерительных и некоторых мелких предметов, все остальное имущество изготовляется или предполагается изготовлять в России»¹⁷. В 1911 г. военный министр В.А. Сухомлинов писал председателю Совета министров В.Н. Коковцову, что военное ведомство принимает все меры, чтобы заказы по обеспечению боевой готовности армии производились в России¹⁸. Более того, считалось возможным заказывать более дорогой аппарат И.И. Сикорского в целях поощрения отечественных разработок¹⁹. В результате к началу мировой войны российские вооруженные силы, как отмечалось выше, располагали мощнейшим авиапарком в Европе. Вместе с тем постепенно развивались и негативные процессы, которые стали заметны уже в ходе военных действий.

Во-первых, большинство российских фирм выпускали французские лицензионные аэропланы (до 60%). Их выбор предопределялся тем, что во Франции к 1910 г. наладили производство машин, различающихся по своему назначению — разведывательных, спасательных и пр., причем их производство было массовым. К 1916 г. авиапромышленность Германии технологически существенно опередила эту страну, как и другие государства, входившие в Антанту. В связи с крайне тяжелым положением на фронте Франция могла отпускать своим союзникам не более 15% от общего объема производства самолетов и двигателей. Согласно отчету военно-морского агента во Франции В.И. Дмитриева, во время войны французские заводы не имели права принять заказ от союзного государства без предварительного разрешения Военного министерства, причем о количестве и номерах выпускаемых самолетов и моторов их представители были обязаны доносить в Управление промышленности военной авиации («Service des Fabrications de l'Aviation Militaire») ²⁰. Все это привело к тому, что российские заводы зависели от поставок комплектующих, особенно авиаприборов, инструментов и некоторых сортов стали, а их поставки были сопряжены с большими трудностями: обеспечение российской армии шло со срывами сроков, так как переговоры по доставке занимали много времени. Столь же трудной и опасной была доставка аэропланов и оборудования в связи с блокадой балтийских и черноморских портов²¹. При этом импортные аэропланы уступали по тактико-техническим характеристикам германским. Так, лучший истребитель российской армии «Фарман» имел скорость 130 км/ч и набирал максимальную высоту в 3000 м за 24 мин., в то время как германский «Фоккер» мог летать со скоростью 160 км/ч и набирать высоту 4000 м за 15 мин. Воевать русским летчикам становилось с каждым месяцем все опаснее²². Следовательно, рассчитывать на помощь из-за границы было нечего. Единственным самолетом, способным эффективно противостоять противнику, был «Илья Муромец», однако его выпускали столь малыми партиями, что их экипажи всерьез изменить обстановку на фронте не могли.

Во-вторых, качество выпускаемых аэропланов, особенно их двигателей, было ниже среднего. Об этом свидетельствуют, в частности, документы о деятельности

предприятия «Дукс», обеспечивавшего значительную часть (до 30%) авиапарка страны²³. Основная часть архивного фонда этого предприятия — это рекламации с претензиями и требования немедленно поднять качество изделий.

В-третьих, низкая производительность отечественных машиностроительных заводов. Они могли выпускать ежедневно максимум 8 аэропланов и один двигатель. По сравнению с выпуском в Германии, Франции и Англии эти цифры меньше по самолетам в четыре раза, а по двигателям — в 40—60 раз²⁴. Таким образом, вопрос о создании и массовом выпуске аэропланов нового поколения, образовании новых предприятий по изготовлению агрегатов и узлов для них, а также оборудования и транспорта для связи стал одним из ключевых для победы.

С началом Первой мировой войны великий князь Александр Михайлович занимал руководящие посты на фронте. Уже 16 июля 1914 г. он написал императору письмо, в котором просил в случае войны с Австрией и Германией дать ему какое-нибудь назначение в армию, «куда угодно и на что угодно, роту, полк — *что хочешь, только в первую линию*», а 14 августа на него была возложена обязанность руководить «устройством и обеспечением различными видами специального имущества авиационных и воздухоплавательных частей Юго-Западного фронта»²⁵. А 3 сентября 1915 г. по распоряжению императора «для установления единообразия в обучении летчиков и постановки такого обучения на вполне рациональных началах и в соответствии с требованиями, вытекающими из опыта войны, возложить на все время настоящей войны на Августейшего заведующего организацией авиационного дела в действующей армии великого князя Александра Михайловича... общее руководство деятельностью как военных, так и частных авиационных школ, а равно и Офицерской воздухоплавательной школы по всем отделам обучения». Ему предоставлялось «право давать руководящие указания по вопросам общего направления деятельности школ, инспектировать все означенные школы, а также входить в непосредственные сношения по вопросам обучения с соответствующими Главными управлениями Военного министерства... В целях полного согласования дела снабжения авиационных и воздухоплавательных частей с интересами армии предоставить Августейшему заведующему организацией авиационного дела в действующей армии право давать руководящие указания по вопросам, касающимся заказов и приема этого имущества, проверять деятельность всех заводов, изготовляющих авиационное и воздухоплавательное имущество, и складов, хранящих и отправляющих такое имущество в армию, а равно входить по изложенным вопросам в непосредственные сношения с подлежащими Главными управлениями Военного министерства»²⁶. В 1916 г. великий князь получил звание полевого генерала-инспектора военно-воздушного флота.

Война резко изменила формат его деятельности. Нагрузка на великого князя Александра Михайловича и его канцелярию была огромна. Великий князь со своими сотрудниками решали несколько задач. Во-первых, это была финансовая, юридическая и организационная поддержка инженеров, летчиков и предпринимателей, работавших на оборону страны. Так, 3 июля 1916 г. великий князь направил телеграмму председателю съезда авиационной и автомобильной промышленности А.Ф. Половцову: «Прошу Вас передать съезду мою сердечную благодарность за приветствие и уверенность, что ведающие авиационной промышленностью примут все меры, дабы доставлять армии аппараты и в особенности моторы, без чего развитие авиационного дела немыслимо»²⁷. Телеграммой от 13 августа 1916 г. великий князь просил волынского губернатора выдать загранпаспорт дворянину М.М. Малынскому, на средства которого строили аэроплан новой системы. В другой телеграмме, адресованной на-

чальнику Екатеринославской железной дороги 31 октября того же года, «Августейший заведующий авиацией просит разрешения Вашего Превосходительства погрузить багажом из Екатеринослава 200 пудов калиброванной стали заводу аэропланов Анатра»²⁸. Содействие в появлении новых технических разработок и строительстве промышленных предприятий достигалось путем заключения договоров между подрядчиком и канцелярией великого князя. В кратчайшие сроки провели такие мероприятия, как контракт с купцом М.Д. Мыслиным на строительство завода (1916), создание аэронавигационных станций в авиационных дивизионах, 5 парках и 55 авиаотрядах (1916), выделение средств конструктору Пороховщикову для работы по созданию двигателя для броневедомола (1915), организация работ по созданию новых российских истребителей²⁹. Небольшая канцелярия великого князя (9 офицеров) ежедневно отправляла и принимала до 50 телеграмм, причем великий князь контролировал все поставки аэропланов на фронт, их ремонт, подготовку личного состава, а также занимался вопросами управления авиационных соединений на фронтах³⁰.

Во-вторых, это социальная поддержка летчиков и их подготовка. К 1 сентября 1916 г. функционировало шесть военных авиационных школ, в которых обучалось свыше 700 офицеров и нижних чинов, что более чем в два раза превышало их довоенное число³¹. Кроме того, на Ходынском поле организовали публичные полеты в пользу пострадавших летчиков, практиковалась великим князем и частная благотворительность в пользу раненых летчиков или членов их семей, госпиталей и пр.³²

Благодаря целевому финансированию и отсутствию посредников результат был очень высокий. Так, Пороховщиков, получив 26 февраля 1915 г. субсидию в 6 тыс. руб., смог уже за три месяца выполнить половину заказов. Столь же оперативно Мыслиным был построен завод по производству шестеренок-зубчаток (детали для аэропланов и автомобилей). Организация делопроизводства в канцелярии была упрощенной, и количество документов сведено к минимуму. Инженеры или предприниматели, бравшиеся за исполнение каких-либо работ, уже самостоятельно договаривались с организациями-смежниками и обращались за помощью в канцелярию штаба лишь для получения выездных документов. Это подтверждают отчеты, справки и переписка этих лиц с Полевым управлением авиации и воздухоплавания, сосредоточенные в РГВИА (ф. 2008).

Решению многих проблем помогало и то, что великий князь имел право прямого сношения с военным и военно-морским агентом во Франции, что позволяло оперативно отслеживать наиболее важные изобретения в области самолетостроения. В частности, канцелярия имела постоянную переписку и с военным агентом в Париже графом А.А. Игнатьевым, и с Морской авиационной комиссией при военно-морском агенте, которая постоянно решала вопросы «приобретения образцов всех интересных изобретений по авиации и аэропланостроению»³³. Положительный эффект, возможно, достигался еще и вследствие того, что на службе великий князь постоянно говорил и писал о тяжелом положении авиации, о необходимости принять экстренные меры для решения возникающих проблем, и это вынуждало подчиненных напряженно работать³⁴. В то же время в письме к своему сыну, великому князю Дмитрию Александровичу от 14 января 1917 г. он отмечал: «Летчики мои меня радуют, работают на славу, теперь мы начали получать хорошие самолеты, и наши летчики показывают, насколько они выше немцев, и часто у них сбивают аппараты»³⁵. Цитируем также письмо от 4 июня 1915 г. великого князя Михаила Александровича супруге Н.С. Брасовой: «На днях мы пошли к нашим летчикам. Их человек 5—6, они очень симпатичные и напоминают мне моряков. Они получили французский

аппарат, который так хотели получить, системы “Voisin” мотор в 130 сил, скорость 120 верст в час, т.е. на 20 [верст] быстрее немецких аэропланов. В 20-х числа апреля я написал (по просьбе летчиков) письмо Александру Мих[айловичу], а когда вернулся сюда, просимый аппарат был уже получен, а на днях ожидается еще один той же системы»³⁶. Один из руководителей германской авиации, подполковник В. Зигерт вспоминал, что на Восточном фронте ситуация «была еще плачевнее», по сравнению с Западным³⁷.

В 1915 г. на фронте, согласно отчетам великого князя Александра Михайловича Николаю II, участвовало в боях 192 российских летчика, в 1916 г. (на 1 сентября) — 369. С начала войны по 1 сентября 1916 г. погибли 82 летчика и наблюдателя, попали в плен и пропали без вести 80 человек. Представляют интерес и сведения о потерях российских и германских самолетов в период самых тяжелых поражений русских войск — в 1915 г. В начале года в войсках было 227 аэропланов, убыли 507, причем основная часть последних (431) пришла в негодность вследствие поломок, а попали в плен лишь 16 самолетов (германских — 52)³⁸. В отчеты не попали сведения о деятельности эскадры воздушных кораблей, о действиях которой великому князю, несмотря на его протесты, командиры этого соединения не докладывали³⁹. В частности, в письме от 19 января 1916 г. он пишет императору: «В апреле 1915 года, приказом Верховного, эскадра была подчинена нач[альнику] штаба Верх[овного] главнок[омандующего], с тех пор эскадра стала для меня запрещенной землей, не только мне ничего не сообщалось о работе ее, но даже решительно все меры, которые принимались по составлению штатов, заказу аппаратов и проч., тщательно от меня скрывались, все что делалось по этим вопросам, я узнавал или из приказов или случайно стороной...»⁴⁰. Несмотря на это, в 1916 г. национальная авиационная промышленность удовлетворяла более чем на 60% потребности военно-воздушного флота России⁴¹.

Иная ситуация складывалась в случае нарушения принципа единоначалия или когда в дело вмешивались посредники. Именно так произошло в 1915 г., когда были образованы Военно-промышленные комитеты (ВПК) — общественные организации, призванные обеспечить мобилизацию промышленности для организации обороны страны и достижения победы России в Первой мировой войне. Решение об их создании было принято на IX торгово-промышленном съезде (26—29 мая 1915 г.) по инициативе известного предпринимателя и промышленника П.П. Рябушинского. Положение о ВПК было утверждено 27 августа того же года. Организация выступала в качестве посредника между Военным министерством и предприятиями, изготавливавшими военную продукцию. Ее работу возглавлял Центральный ВПК. Средства ВПК складывались из государственных субсидий, отчислений с суммы заказов, передававшихся через комитеты военным ведомством, добровольных взносов (в основном в виде гарантированных капиталов) и авансов из казны. К I съезду 25—27 июня 1915 г. были образованы 79 местных комитетов, в дальнейшем их число возросло до 250. Вклад в обеспечение армии вооружением был невелик: стоимость заказов, выполненных при посредничестве ВПК, составляла лишь 2—3% от общей стоимости заказов⁴². Хозяйственная деятельность ВПК оставила самые тягостные воспоминания у современников: «Печальный пример “военно-промышленного комитета”, наживавшегося на русской крови в 1915—1917 гг. и поставлявшего за 32 рубля шрапнель плохого качества, стоившую в безупречной “ювелирной” отделке казенных заводов только 9 рублей, — этот пример должен навеки остаться в умах и сердцах правителей Российской империи»⁴³. Более того, известны случаи, когда руководство ВПК пыталось сорвать выпуск производства неподконтрольного им предприятия.

Такое произошло с вышеупомянутым купцом Мыслиным, который по этому поводу отбегнул в штаб авиации и воздухоплавания⁴⁴.

Вскоре после падения монархии великий князь уволился с военной службы, но по-прежнему пользовался авторитетом и уважением у многих знавших его сослуживцев, а некоторые из них, например Ф.Л. Задорожный или В.М. Ткачев, с риском для себя уже в советские годы защищали великого князя или память о нем⁴⁵.

Таким образом, в период Первой мировой войны в сжатые сроки были созданы совершенные для своего времени образцы военной техники. Как в мирное, так и в военное время прогресс достигался путем прямого целевого финансирования конструкторов и владельцев предприятий. Быстрое развитие авиационной промышленности накануне войны обеспечивалось благодаря единству действий трех сил: правительства (в первую очередь председателя Совета министров), общественной организации — Особого комитета по усилению флота на добровольные пожертвования, который имел четкую структуру и вел публичную отчетность. Государство координировало и поощряло деятельность комитета и руководителей промышленности. Во время войны оказалось жизненно необходимым сосредоточить вопросы обеспечения вооруженных сил аэропланами и запчастями к ним, а также подготовку летчиков в руках одного ответственного лица. Появившиеся в 1915 г. посреднические структуры, например Военно-промышленные комитеты, а также попытки генералитета и ряда политических деятелей (М.В. Родзянко) нарушить единство управления авиацией, наносили вред и в сущности создавали угрозу национальной безопасности.

¹ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001; Военная промышленность России в начале XX века. М., 2004. Т. 1; Мировые войны XX века. 2-е изд. М., 2005. Кн. 1; Керсновский А.А. Философия войны. М., 2010; и др.

² Авиация и воздухоплавание в России в 1907—1914 гг. М., 1977. Вып. 7: Аннотированный перечень наиболее значимых изданий, вышедших в 1908—1914 годах, по теории, технике, научному и военному применению авиации и воздухоплавания в России.

³ Циркуляр Министерства внутренних дел о введении полицейского надзора за полетами и деятельностью летчиков аэроклубов, 16 марта 1910 г. // Авиация и воздухоплавание в России в 1907—1914 гг.: сборник документов и материалов. М., 1968. Вып. 2: (1910 г.). С. 38—40.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102, ОО. Оп. 239, 1909 г. Д. 310. Л. 80—81 б, 82, 83, 106, 108—128.

⁵ Там же. Л. 64, 65—65 об.

⁶ Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921—1941 годах. М., 2006. С. 20—31; Финне К.Н. Русские воздушные богатыри И.И. Сикорского: материалы для истории русской авиации с 88 снимками. Белград, 1930.

⁷ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 342.

⁸ Лебедев В.Д.: 1) Вклад великого князя Александра Михайловича в развитие военно-морского флота и авиации России // Вестник архивиста. 2011. № 2. С. 226—247; 2) Великий князь А.М. Романов и его экономическая программа // Новый журнал (Нью-Йорк). 2013. № 272. С. 293—311; 3) Роль великого князя Александра Михайловича в укреплении российской государственности и национальной культуры // Четыре века Дома Романовых: материалы международной научной конференции «Четыре века Дома Романовых в мировом социокультурном пространстве: исторический, источниковедческий, биографический дискурс». М., 2013. С. 744—755.

⁹ Высочайше учрежденный комитет по усилению флота на добровольные пожертвования // Вестник путей сообщения. 1904. № 7. С. 97—98; Положение о Высочайше учрежденном Особом комитете по усилению военного флота на добровольные пожертвования // ГАРФ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 33. Л. 3—9.

¹⁰ Степанов Ю.Г., Цветков И.Ф. Эскадренный миноносец «Новик». Л., 1981. С. 30.

¹¹ Великий князь Александр Михайлович. К жертвовавшим на усиление флота // Голос Москвы. 1910. 13 января. С. 1.

- ¹² Русский морской и воздушный флот, сооруженный на добровольные пожертвования: иллюстрированный очерк деятельности Высочайше учрежденного Особого комитета по усилению флота на добровольные пожертвования. СПб., 1913.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 58. Л. 1—2 об.; Д. 581. Л. 1—7 об.; Д. 129. См.: Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914—1918 годов: биографический справочник. М., 2006; Офицерская школа авиации // Архив великой войны. М., 2009. Кн. 5, 6.
- ¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 844. Оп. 1. Д. 50. Л. 9.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 239, 1909 г. Д. 310. Л. 53.
- ¹⁶ Там же. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 394. Л. 104—106; Д. 338. Л. 11—16; Ф. Р-6230. Оп. 1. Д. 4. Л. 105 об.—106; Авиация и воздухоплавание в России в 1907—1914 гг.: (сборник документов и материалов). М., 1970. Вып. 3: (1911 г.). С. 27—28; *Кохан П.П.* Пожертвования российской авиации // Качинские чтения (XI): 100-летию Качи посвящается. М., 2007. С. 201—213.
- ¹⁷ Авиация и воздухоплавание в России ... Вып. 2. С. 121—122.
- ¹⁸ Военная промышленность России ... Т. 1. С. 395.
- ¹⁹ Там же. С. 464.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. Р-5903. Оп. 1. Д. 55. Л. 171 об.
- ²¹ Там же. Л. 157—158 об., 162—162 об., 165—166 об., 168—168 об., 170—176; Д. 61. Л. 33—34, 35—38, 39, 67—71; *Шавров В.Б.* История конструкций самолетов в СССР до 1938 г. Изд. 3-е. М., 1986. С. 298.
- ²² РГВИА. Ф. 2094. Оп. 1. Д. 49. Л. 63—66.
- ²³ Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 760. Оп. 1. Д. 94; и др.; Авиация и воздухоплавание в России... М., 1972. Вып. 6: (до августа 1914 г.). С. 121—122; *Мухин М.Ю.* Указ. соч. С. 26.
- ²⁴ *Шавров В.Б.* Указ. соч. С. 300.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1143. Л. 74 об. — 75; Ф. Р-6230. Оп. 1. Д. 17. Л. 16.
- ²⁶ Там же. Ф. 555. Оп. 1. Д. 141. Л. 1, 2.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 738. Л. 289.
- ²⁸ Там же. Д. 731. Л. 120, 331.
- ²⁹ Там же. Д. 738. Л. 127, 289; Д. 737. Л. 267—267 об.; Д. 731. Л. 400.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2326. Л. 66; РГВИА. Ф. 493. Оп. 1. Д. 16. Л. 48; Ф. 2008. Оп. 1. Д. 737. Л. 519; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5756 (ч. 2).
- ³¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2326. Л. 65 об.
- ³² РГВИА. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 738. Л. 126, 127; Д. 737. Л. 407. О культурно-социальных проектах великого князя подробнее см.: *Лебедев В.Д.* Роль великого князя Александра Михайловича в укреплении российской государственности и национальной культуры ... С. 753—754.
- ³³ ГАРФ. Ф. р-5903. Оп. 1. Д. 61. Л. 40.
- ³⁴ РГВИА. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 731. Л. 386; Ф. 2094. Оп. 1. Д. 49. Л. 63.
- ³⁵ Государственный архив Республики Крым. Ф. 532. Оп. 1. Д. 70. Л. 1 об.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 20. Л. 89—90.
- ³⁷ *Зигерт В.* Германская авиация на Восточном фронте // Авиация в мировой войне: очерки и эпизоды воздушной войны. Л., 1924. С. 12.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2326. Л. 11—27 об., 63—63 об.
- ³⁹ Там же. Д. 1143. Л. 76—77, 78, 79—79 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 76.
- ⁴¹ Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия ... С. 332.
- ⁴² Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. М., 2008. Т. 1. С. 418—419.
- ⁴³ *Керсновский А.А.* Указ. соч. С. 125.
- ⁴⁴ РГВИА. Ф. 2008. Оп. 1. Д. 731. Л. 415.
- ⁴⁵ *Великий князь Александр Михайлович.* Воспоминания. М., 2004. С. 289—296; Письмо генерал-майора В.М. Ткачева выпускнику качинской авиашколы В.Г. Соколову, 29 ноября 1958 г. // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 703. К. 1. Д. 1. Л. 11 об. — 12 об.; см. также: *Белли В.А.* В российском императорском флоте: воспоминания. СПб., 2005. С. 108.

Н.Ф. Тагирова (Самара)*

Хлебная торговля в России 1914—1917 гг.: коллизии рыночного и государственного регулирувания

В современной историографии Первой мировой войны по социально-экономической проблематике условно можно выделить несколько самостоятельных направлений. Первое и, пожалуй, ведущее — изучение темы в контексте «война — хлеб — революция». Революционные события 1917 г. рассматриваются в этих исследованиях в тесной зависимости от продовольственной ситуации, резко обострившейся в условиях войны, особенно в 1916—1917 гг. Продовольственные трудности, условия жизни населения рассматриваются в качестве доминанты, вокруг которой формировался и общенациональный кризис. Классические работы, написанные в 1960—1980-е годы, содержат огромный фактический материал, раскрывающий это положение¹. И сегодня эти работы остаются непревзойденной вершиной по глубине анализа и широте представленного материала, охватывающего всю Россию.

Материальные трудности и лишения, лежавшие в основе созревания революционной ситуации, в том или ином ракурсе исследуются при обсуждении вопроса о достаточности/недостаточности запасов и заготовок хлеба накануне 1917 г.², об эффективности/неэффективности методов государственного регулирования хлебной торговли на разных уровнях власти (центральном, губернском, городском), о том, в какой степени изменился уровень жизни населения в предвоенной России³, обеспеченности крестьянина землей⁴. Эти направления рассматриваются исследователями для того, чтобы оценивать их как факторы, способствовавшие революции⁵. Даже названия статей Б.Н. Миронова, вызвавших острую и убедительную критику С.А. Нефедова и породивших дискуссию об источниках, методах и способах изучения этих сюжетов, на мой взгляд, у оппонентов выглядят похожими и достаточно красноречиво говорят о прямой и непосредственной зависимости, которую исследователи выводят из анализируемых явлений.

Второе направление научных исследований выросло из изучения общественных отношений. В контексте «власть–общество» анализируется деятельность местных органов власти, сотрудничество государственных и общественных организаций, опыт самоорганизации населения в деле продовольственного обеспечения⁶. В диссертационных исследованиях, написанных в 2000-е годы, авторы показывают достаточно активный, не всегда эффективный, но в целом позитивный опыт работы местных администраций, земств, кооперативов в продовольственном деле. В ту же группу можно включить немногочисленные исследования, анализирующие на основе эго-документов (мемуаров) деятельность отдельных личностей (министров, губернаторов, предпринимателей) в годы Первой мировой войны⁷.

* Тагирова Наиля Фаридовна — доктор исторических наук, Самарский государственный экономический университет.

Изучение событий 1914—1918 гг. в контексте общемировых процессов, размышления о судьбе Российской и других империй в условиях войны — предмет изучения исследователей третьего направления⁸. Усиление «экономического национализма» в период войны рассматривается как противостояние глобализации, быстро наступившей на рубеже XIX—XX вв.⁹ Начавшийся распад был процессом «отщепления» от империй их периферийных областей и территорий, эксплуатируемых в том числе экономическими методами¹⁰, и образования национальных государств. Исторические параллели и аналогии, сопоставление процессов в России (1914—1920) и СССР периода перестройки 1985—1991 гг. являются особенностью работ данного направления¹¹.

Четвертое направление, наименее разработанное, с моей точки зрения, связано с исследованием организационно-экономического механизма Российской империи периода войны в целом и его отдельных сегментов. В глубокой работе Т.М. Китаниной он подробно рассмотрен на примере хлебной торговли в предвоенный период¹². Процесс организации хлебных заготовок земствами в годы войны исследован К. Маццато (Япония), который пришел к заключению о межрегиональных противоречиях между ними, что и явилось главной причиной падения царизма¹³. Доказательства японского ученого строятся на подробном анализе процессов общественной и государственной ссыпки зерна, деятельности муниципалитетов. Межрегиональные противоречия земств (общественных организаций) в условиях отсутствия профессиональной бюрократии в России видятся ему в качестве перманентной проблемы российской экономической жизни.

А.С. Сенин рассмотрел нарастание транспортного кризиса на железных дорогах России¹⁴. Отмечено воздействие финансового кризиса и нарастающей инфляции на общую ситуацию как ускорителей революции¹⁵, подчеркнута важность дальнейшего изучения темы с точки зрения влияния высокой инфляции на внутриэкономическую и внутривнутриполитическую ситуацию, а также с позиции механизма стремительного нарастания кризиса и роста напряженности в обществе¹⁶.

Подводя итог краткому историографическому обзору, отметим следующее. Достаточно большое разнообразие подходов, представленное в современной историографии истории России периода мировой войны, часто локальный характер¹⁷ свидетельствует о чрезвычайной сложности и многогранности научной проблемы — как страна подошла к революции и произошла смена социально-экономической системы.

Все исследования, посвященные рассматриваемой теме, так или иначе, с той или иной степенью подробности отмечают фактор хлебных цен (дороговизны, продовольственного кризиса) как один из важнейших в повседневной жизни центральных и периферийных районов страны. Специально фактор цены применительно ко всей империи в современной историографии не рассматривался.

Сохраняется установка на то, что причиной революции стало запоздалое или неумелое государственное регулирование цен, тогда как необходимость регулирования не оспаривается. Негласно признается, что всеобщая централизация (государственное регулирование) была спасительной, а «опоздание с введением твердых цен на хлебные продукты на все сделки без исключения роковым»¹⁸. В условиях спекуляции и дороговизны централизация неизбежна. Хотя еще Н.Д. Кондратьев¹⁹, цифровыми данными которого из монографии 1922 г. пользуются все исследователи, делал очень осторожные выводы. В заключении своей работы он отмечал: «Мы не знаем, к чему пришла бы страна, если бы система регулирования хлебного рынка и снабжения хлебами была бы иной или если бы система эта не получила столь глубокого развития... Возможно, что страну вообще невозможно было из него (продовольственного кризи-

са. — *Н.Т.*) вывести, возможно, что она пришла бы к нему и без системы регулирования»²⁰. Приведенное суждение не является таким однозначным, как это представлено в современной историографии.

При активном внимании к исследованию региональных сюжетов Первой мировой войны (диссертации по Среднему Поволжью, Западной Сибири, Орловской, Псковской, Курской, Владимирской, Воронежской, Тамбовской, Енисейской, Тюменской губерниям) заметен недостаток общих работ. Современные авторы констатируют разрушение единого рынка на локальные²¹. Но в историографии, по моим наблюдениям, не предпринимались попытки рассмотреть эту тему подробнее, в том числе хлебную ценовую ситуацию в стране в целом с учетом сложившейся специализации (районы зернового производства и районы потребления зерна), не исследовалось информационное пространство, в котором вопрос хлебных цен приобрел трактовку хлебной дороговизны, продовольственного кризиса, голода, и насколько эти термины реально соответствовали положению дел в различных регионах страны.

В данной статье рассматриваются коллизии государственного и рыночного регулирования хлебной торговли военного времени сквозь призму цены на хлеб. Хлебные цены рассмотрены обобщенно, без разделения на цены зерна и муки, печеный хлеб (оптовый и розничный). Их динамика рассматривается на фоне разрушения хлебного рынка и в информационном пространстве военного времени.

Хлебный рынок и хлебные цены до войны

В предвоенное пятилетие капиталистическая модернизация протекала в сельском хозяйстве довольно активно, что обусловило его переходное состояние, так же как и экономики в целом²², усложнялась организация хлебной торговли²³, география сырьевых, потребительских, сбытовых рынков, совершенствовалась рыночная инфраструктура (кредитно-денежная система, железнодорожный транспорт, элеваторы). Среднегодовой объем товарной массы составлял 1317 млн. пудов зерна, что составляло примерно 26—33% от выращенного урожая²⁴. Почти половина товарного зерна (49%) поступала на внутренний рынок, половина (51%) — на экспорт.

Между производителем и потребителем действовала сложная цепь разнообразных участников движения зерна, иногда она насчитывала до 5—7 звеньев и значительно различалась по регионам. В хлебной торговле огромной Российской империи одновременно были представлены разные ее уклады (уровни) — от монопольного положения купца-скупщика крестьянского зерна до «демократической торговли» с множеством мелких посредников²⁵.

География хлебного рынка была такой: из 64 губерний Европейской России (включая Польшу и Северный Кавказ) 20 губерний, преимущественно юго-восточные, поволжские, имели хлеб в избытке и считались вывозящими, 10 — производили разные сорта зерна и признавались в целом самодостаточными, а 34 были потребляющими и ввозили хлеб (преимущественно Центральная Россия). При этом потребление и ввоз хлеба именно в эти губернии быстро возрастали. Начиная с середины 1890-х годов хлебные цены, как и в мире в целом, возрастали. Согласованная динамика их колебаний просматривалась достаточно давно (по данным Миронова — с конца XVIII в., по данным И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова — с 1880-х годов)²⁶, что свидетельствовало о единстве зернового рынка и действии на его пространстве общих закономерностей. География довоенных хлебных цен выстраивалась по нара-

тающей от районов производства к пунктам экспорта (портам Черного и Балтийского морей). На близлежащих к ним территориях стояли, как правило, самые высокие цены на зерно. Вторая линия роста цен шла от районов производства (юго-восток) в западном направлении, к районам потребления (Центральная Россия).

По мере развития рыночных отношений устанавливались не только общая динамика, но и соотношения цен на товары (промышленные, сельскохозяйственные и на однородные товары по районам), структура цены. Процессы эти довольно сложные и долгие, оформление ценовых пропорций и соотношений идет незаметно для большинства участников. На вершине ценового айсберга покупателю видна лишь итоговая цена (розничная или оптовая). Восприятие этой ценовой макушки обществом в целом и каждым его членом в отдельности, безусловно, влияет на общественные настроения: ведь хлеб — это продукт всеобщего и постоянного спроса. В неурожайные годы ценовая стабильность нарушалась, цены подсакивали, тогда как в урожайные, напротив, падали. Государственные ограничения цен в России, как и в других странах той поры, действовали лишь в неурожайные (голодные) годы и сдерживали их рост.

Из чего складывалась цена на зерно? В самом общем виде ее составляла себестоимость (семена, затраты по выращиванию, расходы на агрономию) плюс прибыль производителя плюс цена транспортировки товара на рынок (транспортные издержки) плюс трансакционные издержки (страхование, кредитование, сортировка, очистка зерна, посреднические услуги и т.д.). Рост трансакционных издержек свидетельствовал об усложнении и все большей цивилизованности рынка, но одновременно вел к повышению итоговых цен, по которым хлеб продавался на отечественном и мировом рынках. В этой структуре цен прибыль производителя (крестьянина, фермера, помещика и т.д.) могла быть небольшой, а то и вовсе отсутствовать, учитывая глубинное «равнодушие крестьянина к действию закона стоимости» (выражение Милова)²⁷.

Хлебные цены в 1914—1917 гг. и разрушение рынка

Война быстро изменила привычный ход вещей. Начались мобилизации мужского населения на фронт, возраставшие каждый год (табл. 1), с 1915 г. увеличивался поток беженцев из приграничных районов во внутренние и центральные губернии страны. Рос и объем хлебных заготовок (табл. 2).

Таблица 1

Численность мобилизованных в российскую армию за 1914—1917 гг.

Год	Численность (тыс. человек)	Рост в сравнении с предыдущим годом (в %)
1913	1370	100
1914	6485	473
1915	11 695	180,3
1916	14 440	123
1917	15 070	104,4

Подсчитано по: *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 158.

Объем хлебных заготовок для армии в 1914—1918 гг.

Заготовительная кампания	Объем (тыс. пудов)	Рост в сравнении с предыдущим годов (в %)
1914—1915 гг.	231 490	100
1915—1916 гг.	343 156	148
1916—1917 гг.	686 000	199
1917—1918 гг.	720 000	104,9

Подсчитано по: Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 158.

Если учесть, что в начальный период войны закупки для армии составляли всего лишь 17% всей товарной массы зерна, станет понятным спокойствие правительства относительно перспектив хлебного обеспечения армии в начале войны. Современные исследования показывают, что до 1916 г. особых проблем с объемом хлебных заготовок не было, но ситуация стала выходить из-под контроля в конце 1916 — начале 1917 г. Что же произошло к этому времени? Как изменились цены и какой была ситуация на зерновом рынке?

Обратимся к данным Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу, сгруппированным Кондратьевым по районам²⁸. Из 19 сельскохозяйственных районов районами избытка хлебов и картофеля было всего 4: Средняя и Нижняя Волга (кроме Астраханской губ.), Юго-Западный район (Киевская, Подольская, Волынская губернии), Предкавказье (Ставрополье, Кубань). Отдельные районы Западной Сибири (Томская, Тобольская губернии), Новороссии (Бессарабия, Херсонская, Екатеринославская губернии и Область Войска Донского), Малороссии (Харьковская, Черниговская, Полтавская губернии). Они имели избыток отдельных хлебов и недостаток картофеля. Ситуация в Центральном районе страны была двойственной: Курская, Тамбовская, Воронежская губернии имели избыток хлебов, тогда как в соседних Орловской, Тульской, Рязанской хлеба было недостаточно.

Рассчитаем относительный рост цен не от уровня довоенного, как обычно делают исследователи, сравнивая довоенный и военный периоды, а от предыдущего года. Обратимся к анализу осенних цен на зерно (рожь и яровую пшеницу) в потребляющих и производящих районах в течение 1914—1917 гг. (табл. 3).

Данные таблицы показывают, что осенью 1914 г. местные цены на рожь и яровую пшеницу незначительно выросли лишь в Центральном промышленном (нечерноземная зона) и Центральном черноземном районах (на 8—14%). По всей России наблюдалось снижение местных цен на зерно, что вполне объяснялось резким сокращением экспорта. В краткосрочной перспективе (осень — зима 1914—1915 г.) снижение цены было выгодно для покупателей зерна — мукомолов, крупных оптовых покупателей, отдельных государственных ведомств, например военного министерства, жителей городов. Для сельскохозяйственных производителей и сельского хозяйства в целом падение осенних цен оказывалось неблагоприятным фактором, в перспективе сдерживающим развитие и тем более увеличение сельскохозяйственного производства.

В этих условиях расширение государственных закупок (про запас) улучшало ситуацию, способствовало росту цен и было оправданным шагом, поддерживавшим

**Относительный рост осенних цен в 1914—1917 гг. по районам России
на яровую пшеницу и рожь (% к предыдущему году)**

Районы	Средняя цена в 1909—1913 гг. в сравнении с предыдущим пятилетием	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Яровая пшеница					
Центральный земледельческий	108	103	97	236	352
Средневолжский	108	102	138	184	56
Нижневолжский	105	84	140	205	397
Новороссийский	107	90,5	128	178	401
Юго-Западный	104	104	127	174	430
Малороссийский	104	104	127	174	454
По черноземной полосе	104	104	144,5	174	454
Промышленный район	99	116	572	81	1608
Рожь					
Центральный земледельческий	104	118	130	145	544
Средневолжский	108	110	136	155	729
Нижневолжский	110	97	122	188	416
Новороссийский	105	95	123	171	383
Юго-Западный	107	115	123	163	469
Малороссийский	104	115	133	152	473
По черноземной полосе	104	108	130	160	507
Промышленный район	106	115	151	163	996

Подсчитано по: *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 351—356.

сельскохозяйственных производителей в районах производства зерна. Вот как описывает в своих воспоминаниях эту ситуацию известный самарский предприниматель К.Н. Неклютин, имевший паровую мукомольную мельницу, пекарню и обширное товарное зерновое хозяйство. В Самаре нижний уровень цен был достигнут в декабре 1914 г. «Затем закупки для армии восстановили баланс между спросом и предложением. Цены поднялись очень быстро, быстрее, чем они до этого падали: за две-три недели они вернулись на уровень, который *мы, покупатели зерна* (выделено мною. — *Н.Т.*), считали нормальным. Но этот хороший рост цен стал обсуждаться в газетах, и несколько демагогов в думе (самарской городской. — *Н.Т.*) начали кричать о необходимости поддерживать бедное население путем сохранения для него низких цен. Они даже не обращали внимание на тот факт, что возврат цен к нормальному уровню выгоднее крестьянам, стандарты жизни которых были всегда ниже, чем у городского населения. Демагоги знали, что крестьянское население почти не читает газет, которые распространены среди горожан»²⁹. Заметим, что пресса отреагировала не на увеличение госзакупок, а на рост цен (т.е. следствия, а не причины). По мнению бизнесмена, ценовое столкновение и обострение разных интересов обозначились благодаря прес-

се. Именно она формулировала его как конфликт бедных горожан и крестьянства, богатевшего на высоких ценах, или как конфликт горожан и спекулянтов-торговцев.

Ровно через год — осенью 1915 г. ценовая ситуация изменилась. Во-первых, наблюдалось повсеместное повышение цен. Во-вторых, согласованность в колебании цен за прошедший год исчезла. Начавшаяся разбалансировка свидетельствовала о разрушении сложившихся рыночных пропорций в стране. Лишь на отдаленной периферии хлебного рынка — в Сибири и Средней Азии цены на рожь держались на уровне 1913 г. Но что особенно важно, скачок цен оказался очень резким, а потому воспринимался обществом особенно болезненно: в земледельческих районах за год цены выросли на 25—50%, а в промышленном районе цены на рожь подскочили на 50%, а на пшеницу — более чем на 400%! Центральные (потребляющие) районы становились зоной ценового бедствия уже осенью 1915 г., впоследствии это явление А.В. Чайнов назовет «диктующим центрам потребления»³⁰, угрожавшим социальной нестабильностью. Пытаясь преодолеть кризис снабжения в потребляющих губерниях, государство взяло на себя те же обязательства, что и перед армией: закупки и распределение хлеба³¹. Эти меры неизбежно множили число участников распределительного дела (определение численности населения в потребляющих губерниях с учетом миграции, объема заготовок и распределения, цены, организация перевозок, хранения, контроля и пр.). При этом географическое пространство хлебного рынка сжималось, сохраняясь в пределах производящих губерний.

Уже осенью 1915 г. местные хлебные цены сигнализировали о распаде единого рынка. Что же произошло за этот год? С осени 1914 до осени 1915 г. ситуация в стране серьезно изменилась: выросший объем бумажной денежной массы (на 1 января 1915 г. она составила 180% от уровня 1 июля 1914 г.)³² закладывал основу инфляции. Начались сбои на транспорте вследствие возросшего потока грузоперевозок. Хлебный рынок перестраивался. Участие частного торгового аппарата правительство постаралось свести к минимуму, ориентируясь на прямые поставки от производителей и земства. Господствующей идеей заготовок в 1914—1915 гг. было стремление организаторов иметь прямые контакты с производителем при минимальном участии посредников и торговцев.

Беспорядочное и неумелое регулирование рынка со стороны государственных структур имело продолжение на местах и усиливало хаос. Первыми были циркуляры Министерства внутренних дел губернаторам о необходимости контроля над ценами (июль — август 1914 г.). Они сами по себе уже создавали на местах тревожное ожидание. Положение 17 февраля 1915 г. разрешало устанавливать предельные закупочные цены и запреты на вывоз хлеба в военных округах. Гражданские и военные власти должны были действовать согласованно, но такая согласованность сразу не достигалась: в Поволжье, где заготавливали хлеб и муку для армии, в феврале 1915 г. местные власти ввели запреты на вывоз зерна за пределы своих губерний. Мукомолы, покупавшие зерно в соседних губерниях, остались без сырья. Через два месяца, в мае интендант Казанского военного округа известил волжские биржевые комитеты о снятии запрета на вывоз зерна и муки³³, но бумеранг был уже запущен: к осени 1915 г. было заметно сокращение производства в главных районах мукомолья. Подобные административные запреты, отмечал Кондратьев, разбили «на осколки сложный организм труда и обмена». «Мертвые лоскутки ... не имели возможности вести свое оторванное существование»³⁴. Не давала оптимизма и информация, поступавшая с фронта. «Влияние войны на жизнь все более усиливалось. Экономическая жизнь разлагивалась из-за того, что цены все более регулировались и замораживались»³⁵.

Осенью 1915 г. твердые цены устанавливало уже не военное ведомство, а Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу, созданное 17 августа 1915 г. Твердые цены были распространены на все виды зерна: 5 октября — на овес, 6 декабря — на рожь и ржаную муку, 30 января 1916 г. — на пшеницу и пшеничную муку, 6 февраля — на ячмень, а 9 сентября 1916 г. — твердые цены на все хлебные продукты и на все сделки не только для армии, но и рыночные³⁶. До этого действовала практика указных цен, когда государство в целях пополнения бюджета разницу между указными и рыночными (вольными) ценами изымала в качестве налога³⁷, однако в конкретно-исторических исследованиях она не исследована.

Осенью 1916 г. ценовая картина вновь изменилась. Хлебный рынок в производящих губерниях к этому времени уже лопнул. Местные цены по-прежнему росли, но их наибольший прирост наблюдался теперь не в центрах потребления, а в районах производства зерна. Осенняя кампания 1916 г. показывала реакцию производителей на перемены предшествующего периода. До войны здесь действовала сложно организованная инфраструктура в виде станций железных дорог, страховых и банковских контор, хранилищ, сыпных пунктов и элеваторов. Биржевики, посредники, мукомолы, калачники (изготовители печеного хлеба) действовали в сформированных сетевых структурах и сложившихся партнерских отношениях. С начала войны эти сетевые структуры бездействовали: коммерческие кредитные операции Госбанка (подтоварный кредит, под залог хлеба, учет векселей) были сведены к минимуму, элеваторы Госбанка в 1915 г. переданы в подчинение созданного Министерства земледелия³⁸. «Доступ купцу на железнодорожные станции теперь закрыт»³⁹, «частный торговый аппарат парализован», отмечали представители биржевых обществ Волго-Камского региона на созванном ими съезде (февраль 1916 г.). Мукомолы пытались объединить корпоративные интересы сначала на региональном уровне, созывая свой съезд (съезд мукомолов Волжского региона, Самара, 16—17 апреля 1916 г.), затем Центральное бюро по мукомолью (июнь 1916 г.). Эта мера корпоративного объединения и выработки «стратегии государственно-корпоративной мобилизации мукомолов» (Мацузато) нуждаются в дальнейшем изучении.

Осенью 1916 г. сложную ситуацию на хлебном рынке еще сильнее дестабилизировали неблагоприятные погодные условия, понизившие урожайность во многих производящих губерниях, общее сокращение посевов и сборов хлебов. Помимо этой совокупности значимых неблагоприятных изменений были и другие, лежавшие на поверхности, а потому особенно заметные населению — спекуляция и неудержимый рост местных цен. О фактах перепродажи складочных свидетельств (варрантов) на хлеб (он лежал без движения, а цены на него, вследствие перепродажи варранта, уже повысились⁴⁰), ожиданиях и угрозах сообщала деловая пресса: страх реквизиции товара, имущества, складских помещений «парализовал деятельность мелких скупщиков»⁴¹, «скупщики не имеют интереса к торговле». Эти сообщения оказывали влияние на всех участников хлебного дела. Местные издания эксплуатировали тему спекуляций.

Итак, динамика цен военных лет демонстрирует рассогласование, едва заметное осенью 1914 г., но уже через год явно проявлявшееся. Единство цен (согласованные колебания) как показатель целостности рынка исчезло. Произошла переориентация в их движении: не экспортные порты и приграничные территории, а центральные районы стали своеобразной воронкой, где закручивались местные цены. В 1915 г. рынок географически был сужен. Обозначилось диктующее влияние цен потребительских районов на остальные. Еще через год, осенью 1916 г. в условиях галолирующих

шей инфляции (1 января 1916 г. объем денежной массы составлял 344% от 1914 г. (на 1 июля), а 1 января 1917 г. — уже 558%)⁴² цены полностью эмансипировались и уже совсем не отражали реальное состояние хлебного рынка. Как организованный самостоятельно действовавший механизм, он лопнул.

За три года изменилась не только ценовая динамика, но и структура цены. Стоимость производства (из-за нехватки рабочих рук, цена на которые также росла) увеличилась, транзакционные издержки (прежде это были расходы по страхованию, кредитованию хлебных грузов⁴³, сортировке зерна) теперь отражали иные, пока еще слабо изученные издержки. Сократилось государственное кредитование хлебной торговли, резко снизили кредитные операции и коммерческие банки. Работники элеваторов Госбанка, перешедших в 1915 г. в подчинение Министерству земледелия, обеспечивая государственные закупки, теперь действовали быстро, часто второпях и определяли качество зерна «на глаз, на зуб»⁴⁴. Налицо были страхи, ожидания, слухи, о которых информировала пресса как простых горожан, так и людей бизнеса. Информацию о всевозможных слухах, ценовых колебаниях сообщал каждый номер «Вестника Самарской биржи»⁴⁵ и другие биржевые издания. Все это также способствовало нагнетанию настроений в деловых кругах, обществе в целом. Структура цены формировалась теперь иначе, чем в мирное время. Произошло явное ее упрощение, что не могло не отразиться на мотивах поведения производителей и продавцов хлеба.

Введение запрета на вывоз зерна Положением 17 февраля 1915 г., установление твердых закупочных цен, разрешение реквизиций по согласованию военной власти с гражданской, разверстание хлеба в случае невыполнения плана заготовок (29 ноября 1916 г.), введение хлебной монополии уже Временным правительством (25 марта 1917 г.) не способствовали стабилизации хлебного рынка.

Хлебные цены и их общественное восприятие

Этот ракурс темы связан с формированием информационного пространства вокруг хлебного рынка, имея в виду здесь не только каналы официальной информации (СМИ), но и общественное мнение (выражаемое на съездах и собраниях представителей разных общественных групп), а также слухи, страхи и ожидания населения в связи с происходившими переменами.

Разложение ценового единства хлебного рынка породило фрагментацию интересов всех его участников. Обозначим основные линии их столкновения. Первая и наиболее заметная — это конфликт интересов районов производства и районов потребления хлеба (макроуровень). Его условно можно назвать противоречием российского города (район-потребитель) и деревни (район-производитель). Политика правительства была лавированием между этими территориями. Вторая линия раскола проходила внутри каждого района, на мезоуровне. Здесь действовали самые разные участники и формировались локальные сетевые структуры. Среди них — уполномоченные по закупке хлеба для армии в губерниях (подчинялись Главному управлению землеустройства и земледелия, впоследствии Особому совещанию по продовольствию), и их интерес заключался в том, чтобы выполнить план государственных поставок. Задачей представителей военной власти (интенданты) было обеспечение продовольствием воинских тыловых гарнизонов, расположенных в округе. Сети, которые формировали эти участники хлебного дела, обязательно связаны с губернаторами. Задача губернатора — содействовать уполномоченным по заготовкам, одновременно обеспечивая

продовольственную и социальную стабильность на территории. Представители муниципальной власти (городской голова, городская дума) были заинтересованы в поддержке электората. Земства оказывали помощь в работе уполномоченным по закупкам, заботились о сохранении уровня сельскохозяйственного производства в уездах. Таким образом, не менее 5 сетевых структур действовало на уровне региона в хлебном деле, каждая из которых имела обязательства перед властью и населением.

Здесь же в регионе, но уже на микроуровне, в пределах местного хлебного рынка, где действовало множество участников, можно обозначить третью линию раскола. Знание дела, наличие опыта, информации, интуиции, организаторских способностей, денежных средств (наличных или банковских), умение разбираться в сортах зерна, его классификации — вот далеко не полный перечень качеств, которыми должен был обладать его участник. Важно также было знать основных производителей, условия производства и сбыта зерна в каждом хлеботорговом пункте. Весь этот объем знаний, средств, сетей и связей нарабатывался годами. Внутри каждой локальной сетевой структуры были групповые и личные интересы, симпатии и антипатии. Уполномоченные по закупкам, земство, работники государственных элеваторов, крупный бизнес — биржевики, пищевики (мукомолы, калачники), банковские структуры, посредники, продавцы зерна (производители хлеба — крестьяне, помещики), продавцы и покупатели в розничной сети (горожане, потребительские кооперативы и др.). В условиях войны эти сети разрывались, менялись и переплетались.

Невозможно даже предположить число потенциальных соглашений или конфликтов и споров между всеми этими участниками хлебного (продовольственного) дела. Так, в июле 1915 г. в связи с обсуждением вопроса о дороговизне цены на печеный хлеб в Самаре и губернии состоялось «соединенное совещание самарских мукомолов и калашников» с участием губернатора. По отчету о нем в «Самарском городском вестнике», «очная ставка» результатов не дала. Калашники соглашались на хлебные таксы, а мукомолы нет. Объясняя несогласие, владелец современной паровой мельницы А.И. Соколов доказывал: на современных паровых мельницах выпускали до 20 различных сортов муки, а на старых — всего 8—9. На все 20 сортов из центра установить твердую цену практически невозможно. Поэтому просьбы Главного продовольственного комитета уменьшить число выпускаемых сортов до 8 удовлетворить невозможно: упростить и уменьшить количество сортов муки означало провести технологическую перестройку современных мукомольных мельниц, что требовало дополнительных инвестиций. Именно поэтому, по словам А.И. Соколова, мукомолы сопротивлялись жесткой фиксации цен⁴⁶.

Разница интересов проявлялась также в разном восприятии цен разными группами населения. Так, реакция крестьян на введение твердых цен оказалась неожиданной — они рассматривали их не как твердые, а как минимальные. Для власти же это были максимальные цены. «Опытные люди с зерновой биржи предсказывали, что производители будут считать фиксированные цены минимальной гарантией со стороны правительства. И это оказалось правдой. Вместо поддержания низких цен на зерно, правительственные меры, скорее, помогли их повышению»⁴⁷. Крупный бизнес отмечал, что твердые цены не учитывали транспортных издержек и других накладных расходов. Мукомолы летом 1915 г. вынуждены были, чтобы не остановить производство, покупать хлеб по ценам, выше твердых⁴⁸.

Потребители хлеба — горожане были недовольны высокими ценами на хлеб, несоответствием роста промышленных цен и сельскохозяйственных. Что есть дороговизна, каковы ее причины? Так был сформулирован вопрос в повестке дня на

земском совещании Бузулукского уезда Самарской губ. (декабрь 1915 г.). Находясь в центре хлебородного района, основной докладчик Н.Л. Жданов пытался в этом разобраться. Он отмечал: твердые хлебные цены, хоть и устанавливались на уровне 25—30% выше прежних, оставались гораздо ниже цен на промышленные товары (керосин, обувь). Цена промышленных товаров росла гораздо быстрее («в некоторых случаях в 5—6 раз»), тогда как «вздорожание хлеба совсем незначительно». Если нормировать хлебные, то тогда нужно нормировать и все другие цены, — таков главный вывод докладчика⁴⁹. В промышленных, хлебопотребляющих губерниях цены на хлеб росли быстрее промышленных цен⁵⁰.

Разное восприятие дороговизны горожанином и крестьянином формулировалось во фразе: «Жизнь в городе и деревне далеко не одно и то же». Выражая мнение горожан, тот же Жданов говорил: «Деревенское население в текущем году получило хороший урожай. Это благополучие увеличивается еще высокими ценами на продукты сельского хозяйства. Затем деревенское население главные продукты потребления имеет свои, как, например, хлеб, мясо, молоко, квартиру, топливо, даже обувь и т.п. Городскому жителю за все это приходится платить втридорога, особенно же страдает писарский класс»⁵¹. Установление твердых цен на хлеб в производящих губерниях страны при отсутствии ценового регулирования других рынков (промышленных товаров) не отвечало интересам сельских производителей, которые оказывались при деньгах, но без товаров, нужных в хозяйстве (керосин, дрова, обувь).

Родившиеся в годы войны новые институции — продовольственные комитеты и съезды по борьбе с дороговизной, с одной стороны, свидетельствовали об активизации общественных настроений, а с другой — были своеобразной реакцией на фрагментацию рынка и интересов. Всеобщие обсуждения создавали иллюзию единства и общности, отражали некую социальную потребность в переменах. Хлебная тема стала предметом всеобщего обсуждения, а виновниками создания проблем виделись шакалы рынка (спекулянты), а для горожан — крестьяне (у них стало много денег), либо кто-то еще.

Подвергнуться публичной критике лицам избираемым, например гласным городских дум, — означало попасть под обстрел, испортить репутацию. Как вспоминал депутат Самарской городской думы мукомол К.Н. Неклютин, попасть в газеты в качестве противников тех, чьи «сердца обливались кровью при виде бедняков», было очень неприятно. «Еще в 1915 г. правительство стало вводить фиксированные цены беспорядочным образом. Газеты стали кричать о сверхдоходах промышленников. В каждом регионе они были атакованы невежественными репортерами — это была очень популярная игра»⁵².

Несмотря на различие интересов различных социальных групп и их фрагментацию, их общее мнение в отношении к организации продовольственного дела, правительству на протяжении всей войны формировалось как негативное⁵³. Информационная среда вокруг хлебного рынка была агрессивной, нагнетались настроения тревожности: пресса информировала о работе городских продовольственных комитетов по борьбе с дороговизной. Практика создания таких комитетов была повсеместной, а совещания и съезды по борьбе с дороговизной были широко распространены по всей стране. Единый хлебный рынок уже рушился, а единое информационное пространство еще сохранялось. И сведения о ситуации в соседних или отдаленных губерниях часто нагнетали страхи и ажиотаж. В «Самарском городском вестнике» за 1915 г., например, можно было узнать не только о ценах на мясо в городских лавках, о количестве зерна, хранившегося на станциях Самаро-Златоустовской железной дороги, но и о том, что в Тифлисе состоялся Кавказский город-

ской съезд по борьбе с дороговизной⁵⁴, а в Тульском городском комитете произошел, как сказано в газете, «бесстыдный поступок»: глава городского комитета по продовольствию сокрыл 5 тыс. пудов зерна⁵⁵ и т.д. Масштабы описываемых трудностей резко возрастали в восприятии рядового читателя.

Таким образом, война повлияла на изменение информационного пространства (информационной среды) хлебного рынка. Ведущее место в нем стали занимать вопросы запасов, заготовок, твердых цен, а затем еще и спекуляций. Хлебное дело было сферой всеобщего национального интереса, а потому волновало всех. Любое изменение цены на товар постоянного и повсеместного спроса оказывалось чувствительным для всего общества.

В условиях мирного и военного времени динамика цен различалась. В довоенный период общий тренд хлебных цен в России был обусловлен экономическим циклом, колебания — рыночной конъюнктурой и условиями сельскохозяйственного года. Во время войны колебания цен стали несогласованными, резко различаясь по районам, и зависели не столько от конъюнктуры, сколько, вероятно, от социально-психологических факторов. Нарушилось довоенное соотношение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Ситуация различалась по районам, в зависимости от их хозяйственной специализации.

Скачки цен свидетельствовали о распаде всероссийского рынка на локальные и региональные. Осенью 1914 г. заметны первые его признаки, а через год, к осени 1915 г. раздробленность хлебного рынка стала реальностью. Теперь в каждом районе формировались и проявились новые группы интересов, одновременно ломались прежние сетевые структуры.

В этих условиях потенциал государственного регулирования хлебного рынка был весьма ограничен. Попытки административного установления твердых цен были не просто запаздывавшими мерами, но слишком незначительными для того, чтобы преодолеть столь мощные информационные, институциональные и рыночные перемены, которые породила война.

¹ См.: *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 1962; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция: продовольственный вопрос в России, 1914 — октябрь 1917 г. Л., 1985; *Лаврычев В.Я.* Государственно-монополистические тенденции при организации продовольственного дела в России (1914 — февраль 1917 г.) // Исторические записки. М., 1978. Т. 101. С. 100—159.

² *Голубинов Я.А.* Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009; *Оськин М.В.* Продовольственная политика России накануне февраля 1917 года: поиск выхода из кризиса // Российская история. 2011. № 3. С. 53—66; *Карпачев М.Д.* Кризис продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны: (на материалах Воронежской губернии) // Там же. С. 66—81.

³ *Мионов Б.Н.*: 1) Благополучие населения и революции в имперской России, XVIII — начало XX века. М., 2010; 2) Причины русских революций // Родина. 2009. № 6; 3) Модернизация имперской России и благополучие населения // Российская история. 2009. № 2. С. 137—155.

⁴ *Давыдов М.А.*: 1) Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX вв.: по материалам транспортной статистики и статистики землеустройства. М., 2003; 2) Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы (1907—1915 гг.) // Российская история. 2011. № 1. С. 56—73.

⁵ *Нефедов С.А.*: 1) Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 126—137; 2) Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2009.

- ⁶ *Чирков М.С.* Земство и власть в Российской империи, 1890—1916: по материалам Самарской губернии. Самара, 2006; *Старков Д.А.* Местное административное управление в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны, август 1914 — февраль 1917 гг. (Пензенская, Самарская, Симбирская губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2008; *Черная Е.В.* Земское самоуправление на Дальнем Востоке в условиях революций и гражданской войны, 1917—1922 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011.
- ⁷ *Селиверстов С.С.* Деятельность А.Н. Наумова на посту министра земледелия // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 6. С. 120—124.
- ⁸ *Burbank J., Cooper F.* Empires in World History: Powers and The Politics of Difference. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2010; *Russian Empire: Space. People. Power, 1730—1930.* Bloomington: Indiana University Press, 2007.
- ⁹ *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012.
- ¹⁰ Там же. С. 67—113.
- ¹¹ *Гайдар Е.Т.* Гибель империи: уроки современной России. М., 2006; *Стародубровская И.В., Мау В.А.* Великие революции: от Кромвеля до Путина. М., 2004.
- ¹² *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011.
- ¹³ *Мацузато К.* Земство во время первой мировой войны: межрегиональный конфликт и падение царизма // Земский феномен. Политологический подход. Sapporo: Hokkaido University, 2001. С. 144—198.
- ¹⁴ *Сенин А.С.* Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914—1922 гг.). М., 2009.
- ¹⁵ Русский рубль. Два века истории XIX—XX вв. М., 1994; *Толстогузов С.А.* Финансовый кризис и революция в России: опыт сравнительного анализа // Падение империи, революция и гражданская война в России. М., 2010. С. 38—52.
- ¹⁶ *Толстогузов С.А.* Указ. соч. С. 42.
- ¹⁷ *Букалова С.В.* Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 — февраль 1917 года): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005; *Константинова М.В.* Хлебная торговля в Енисейской губернии в середине XIX — начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2007; *Корольков О.П.* Продовольственный вопрос в Псковской губернии в 1917 г. и Великая Российская революция // Псков. 2011. № 34. С. 96—117; и др.
- ¹⁸ *Оськин М.В.* Указ. соч. С. 56.
- ¹⁹ *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.
- ²⁰ Там же. С. 312.
- ²¹ *Оськин М.В.* Указ. соч. С. 55.
- ²² *Корелин А.П.* Аграрный сектор в народнохозяйственной системе России (1861—1914) // Российская история. 2011. № 1. С. 42—56.
- ²³ *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века ...; *Роднов М.И., Дегтярев А.Н.* Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX — начале XX века. Уфа, 2008.
- ²⁴ *Корелин А.П.* Указ. соч. С.46.
- ²⁵ *Тагирова Н.Ф.* Организационно-экономический механизм торговли зерном в Российской империи накануне Первой мировой войны // Экономические науки. 2012. № 90 (май). С. 49—52.
- ²⁶ *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок, XVIII — начало XX в.: опыт количественного анализа. М., 1974. С. 380; *Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX вв.). Л., 1985.
- ²⁷ *Милов Л.В.* Парадокс хлебных цен и характер аграрного рынка в России XIX в. // История СССР. 1974. № 1. С. 48—63. URL: http://www.scepsis.ru/library/id_1270.html
- ²⁸ *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 351—356.
- ²⁹ *Неклютин К.Н.* От Самары до Сиэтла: воспоминания министра продовольствия и снабжения в правительстве верховного правителя России адмирала А.В. Колчака, последнего председателя Самарского биржевого комитета, сына Самарского городского головы: пер. с англ. Самара, 2011. С. 65.
- ³⁰ *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989. С. 110.
- ³¹ См.: *Кондратьев Н.Д.* Указ. соч. С. 154.
- ³² История Министерства финансов России: в 4 т. М., 2002. Т. 1: 1903—1917 гг. С. 254.
- ³³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 7. Д. 335. Л. 18.
- ³⁴ *Кондратьев Н.Д.* Указ. соч. С. 200.
- ³⁵ *Неклютин К.Н.* Указ. соч. С. 81.

- ³⁶ *Оськин М.В.* Указ. соч. С. 58.
- ³⁷ Русский рубль ... С. 178.
- ³⁸ История Министерства финансов России. Т. 1. С. 257—259.
- ³⁹ Государственный архив Саратовской области (ГАСарО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 480. Б.п.
- ⁴⁰ Вестник Самарской биржи. 1916. Февраль // РГИА. Ф. 23. Оп. 7. Д. 34. Б.п.
- ⁴¹ Материалы к вопросу о государственном регулировании хлебной торговли / Упр. делами Особого совещания по продовольственному делу. Пг., 1916. С. XVIII.
- ⁴² История Министерства финансов России. Т. 1. С. 254.
- ⁴³ Там же. С. 257; Отчет управляющего Симбирским отделением Волжско-Камского банка Н.Х. Плющевского за 1917 г. // Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 775. Оп. 1. Д. 170. Л. 3.
- ⁴⁴ ГАСарО. Ф. 426. Оп. 1. Д. 122. Л. 47.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 23. Оп. 7. Д. 334.
- ⁴⁶ Самарский городской вестник. 1915. 1 июля. С. 3—5.
- ⁴⁷ *Неклютин К.Н.* Указ. соч. С. 76.
- ⁴⁸ ГАСарО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 480. Л. 6.
- ⁴⁹ Материалы уездного земского собрания в г. Бузулуке Самарской губ. 15 декабря 1915 г. // Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 3. Оп. 221. Д. 7. Л. 22—23.
- ⁵⁰ *Кондратьев Н.Д.* Указ. соч. С. 155.
- ⁵¹ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 221. Д. 7. Л. 6.
- ⁵² *Неклютин К.Н.* Указ. соч. С. 65.
- ⁵³ *Кондратьев Н.Д.* Указ. соч. С. 169.
- ⁵⁴ Информация о работе Кавказского городского съезда по борьбе с дороговизной // Самарский городской вестник. 1915. 6 июня. С. 3.
- ⁵⁵ Самарский городской вестник. 1915. 12 июня. С. 4.

*Д.В. Анисимова** (Москва)

Фондовые биржи Петрограда и Гельсингфорса в годы Первой мировой войны: динамика индекса и инфляционный фактор

Первая мировая война оказала существенное влияние на экономику России. Исследованием различных аспектов этого влияния занимались такие крупные отечественные историки, как И.Ф. Гиндин, А.Л. Сидоров, А.П. Погребинский, И.В. Маевский и др.¹ В советской историографии внимание сосредоточивалось на промышленности и проблемах управления финансами в военное время, меньше изучалось состояние финансовых рынков. Этот вопрос в большей мере освещается в современной историографии. В работах Л.Е. Шепелева, П.В. Лизунова и др. уделяется особое внимание кризисным периодам, в особенности войнам².

Фондовая биржа чутко реагирует на изменения как в экономической, так и в политической сфере. При стабильной экономической ситуации в стране фондовую биржу можно назвать барометром экономической и политической жизни, биржевые котировки показывают реальное финансовое положение как отдельных предприятий, так и государства в целом.

Российский фондовый рынок под влиянием войны претерпел ряд серьезных изменений в связи с закрытием большинства бирж, в том числе Петроградской. Это затрудняет статистический анализ индексов торговли ценными бумагами, поскольку за неимением официальных котировок данные индексы не могут быть построены. Однако одна российская биржа — Гельсингфорсская — все же функционировала. Цель данной статьи состоит в анализе индекса этой биржи как показателя торговли ценными бумагами накануне и во время Первой мировой войны.

Первоначально в деловых кругах ожидали, что мировая война «кратковременным молниеносным ударом пронесется по Европе, разрядит сгущенную атмосферу и создаст прочные основания для будущего мирного экономического преуспеяния»³. Но подобные прогнозы не оправдались.

Уже в начале войны был объявлен вексельный мораторий, закрывались крупные европейские и американские фондовые биржи. В течение первых трех дней после начала войны биржи в Торонто, Монреале, Антверпене, Барселоне, Гавре, Берлине, Гамбурге, Франкфурте, Риме, Милане, Лондоне, Ливерпуле и Нью-Йорке были закрыты или торговля на них была существенно ограничена. Правда, многие из них возобновили работу спустя несколько месяцев. Официальное прекращение торговли ценными бумагами было объявлено и на российских биржах.

Накануне войны общеевропейский кризис вызвал панику на всех мировых фондовых биржах. Резкое падение стоимости ценных бумаг обещало продолжиться еще большим обвалом, а благодаря тесной взаимосвязи европейских бирж друг с другом

* *Анисимова Дарья Вячеславовна* — аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

понижение курсов на одной из них грозило обесценением бумаг на всех остальных. Закрытием биржи правительство надеялось максимально сократить сделки, тем самым смягчая панику и связанную с ней усиленную продажу и падение стоимости ценных бумаг. Помимо этого, закрытие биржи означало прекращение публикаций официальных котировок — «опасаясь бури, правительство и буржуазия отключили барометр, которой мог дать объективные показания о ее размахе и силе»⁴. Соответственно биржевая паника, в первые дни сопровождавшаяся огромными продажами русских бумаг по очень низким ценам как на российском, так и на иностранных фондовых рынках, стала основной причиной закрытия российских бирж.

Первой была закрыта главная из них — Петроградская. За ней о своем закрытии объявили и другие крупные биржи — Московская, Рижская, Одесская, Варшавская. Открылась же биржа в Петрограде снова только в январе 1917 г.

Однако, несмотря на закрытие официальных фондовых бирж, торговля ценными бумагами не прекращалась на время войны — существовали неофициальные биржевые собрания, проходившие в кафе и в банках. Информация о них имеется в отчетах таких частных банков, как Русский для внешней торговли банк или Петроградский международный коммерческий банк. Биржевые и финансовые периодические издания, например «Биржа и промышленность», «Биржа за неделю», «Финансовая газета» и др., частные биржевые собрания не описывают, ограничиваясь упоминаниями и сосредоточиваясь на деятельности банков и промышленных компаний.

Неофициальная фондовая биржа в Петрограде начала свои собрания во второй половине сентября 1914 г. Низкие цены, при которых произошло закрытие официальной биржи, стали привлекать все больше покупателей, и постепенно цены стали оправляться. Как указывается в отчете Петроградского международного коммерческого банка за 1914 г., одновременно оживился и частный рынок дивидендных ценностей, общий уровень цены которых во многих случаях не только сравнялся, но и превзошел цены бумаг, существовавших накануне объявления войны⁵. На частных собраниях учитывались известия с фронта, вызывавшие колебания котировок. Например, обесценение биржевых бумаг произошло после крупных потерь русской армии на Юго-Западном фронте в конце апреля 1915 г.⁶ В отчете Русского для внешней торговли банка подробно описывается ситуация на рынке ценных бумаг в тот год: «1915 год начался при крепком и оживленном настроении, которое продолжалось в течение первых трех месяцев. В дальнейшем оно оказалось под воздействием военных событий и ухудшилось. Особенно слабым оно было в дни нашего отступления из Галиции и бездеятельным — в течение всего лета под влиянием развития германского наступления в привислинских и западных губерниях. Начиная с сентября положение стало улучшаться, и цены постепенно окрепли. Бодрое настроение продолжалось в течение всей осени 1915 года. В декабре наступило затишье, и большинство цен снова проявило склонность к понижению вследствие того, что наиболее способствовавшие биржевому оживлению банки воздерживались от операций, не желая обременять свои портфели. В общем цены большинства дивидендных бумаг в 1915 году существенно повысились»⁷.

По итогам 1915 г. оказалось, что многие крупные торгово-промышленные предприятия не только не пришли в упадок, но и получили значительные прибыли, так как стали приспосабливаться к условиям военного времени. Появилось большое количество военных заказов, что благоприятно влияло на промышленность, работавшую на нужды государственной обороны и резкие различия в этом отношении между предприятиями постепенно исчезали⁸. Сначала «повышательному движению» под-

верглись акции металлургических и машиностроительных предприятий, работавших исключительно на государственную оборону, но вскоре стерлась грань между отдельными категориями предприятий и предметом биржевых операций стали все ходовые дивидендные ценности⁹. На денежном рынке появился избыток денежных средств, который, не найдя в условиях войны иного применения, устремился в сферу фондовой торговли. Таким образом, с первых месяцев 1916 г. биржевые обороты нарастали, длительная повышательная тенденция привела к тому, что курсы большинства ценных бумаг превысили довоенный уровень. Под влиянием общего роста цен и ограниченности способов помещения капитала на частной бирже установилось очень оживленное и крепкое настроение... Спрос оказался настолько сильным, что в последние месяцы минувшего года быстрое помещение на рынке получали акции доселе неизвестных публике торгово-промышленных предприятий. В биржевых оборотах принимали участие самые широкие круги населения, и настроение рынка стало напоминать наиболее яркие дни подъема биржи в 1911 г.¹⁰ Известный экономист И.И. Левин также находил, что во время войны оборот с ценными бумагами в Петрограде можно было сравнить по размаху с биржевым ажиотажем середины 1890-х или подъемом 1910—1912 гг.¹¹ В банковском отчете упоминается, что биржевой бум был таким, что банки не успевали исполнять все поручения своих клиентов и стали задерживать сдачу и прием бумаг по заключенным сделкам¹². Повышение продолжилось и в 1917 г., когда возобновилась деятельность официальной Петроградской фондовой биржи.

Лизунов подчеркивает, что важным фактором повышения цен на неофициальной бирже были всеобщая дороговизна в стране и обесценение денег¹³. На заседании Петроградского биржевого комитета в феврале 1917 г. отмечалось, что страна «напоена» денежными знаками, которые правительство ежедневно выбрасывало в большой массе, оплачивая огромные военные расходы, и весь этот излишек денег искал себе помещения исключительно в бумагах. Зависело это от того, что торговля и промышленность в условиях военного времени были чрезвычайно стеснены недостатком сырья и товаров, трудностью перевозок, крайним ограничением числа рабочих рук, фактической монополией в руках правительственных организаций многих товарных отраслей и, наконец, репрессивными мерами, отпугивающими от промысловой деятельности многих состоятельных людей. «Усиленный спрос на бумаги сам по себе создает повышательную тенденцию в ценах. Если сюда присоединить еще общее повышение всех цен и соответствующее ему понижение покупательной стоимости денег, а равно и то обстоятельство, что теперь расценка бумаг не ставится в зависимость от ее доходности, то становится ясным, что цены на бумаги должны быть не только высокими, но и испытывать дальнейшее повышение»¹⁴.

Гиндин пишет о разительном росте акционерных капиталов, многочисленных выпусках новых акций, которые предпринимались ввиду необходимости увеличения капитала, соответственно возросшему обороту, а также крупным казенным заказам. Он утверждает, что накопление огромных денежных капиталов инфляционного происхождения, не находивших себе достаточного применения в хозяйстве, привело к большому расширению денежного рынка. Впервые в России на почве военно-инфляционного хозяйства создался независимый от поддержки банков рынок дивидендных бумаг, появился их массовый твердый держатель — не столько капиталист-рантье, сколько промышленник и крупный торговец. Последние накапливали крупные денежные капиталы в результате роста цен и товарных спекуляций и стали приобретать акции, не нуждаясь для этого в банковском кредите. Тем самым у банков появились гораздо более широкие возможности размещения новых эмис-

сий промышленных бумаг в отличие от предвоенного промышленного подъема, когда банки только с помощью больших кредитов по онкюлю, при значительной увязке средств, производили размещение эмитируемых акций¹⁵.

Итак, в ходе Первой мировой войны на российском фондовом рынке шло резкое повышение цен. В историографии фактор инфляции рассматривается как одна из основных причин повышения курсов. Рост биржевого индекса при стабильной экономике означает обычно позитивную тенденцию, подразумевающую развитие промышленности и акционерного предпринимательства. Но военную экономику нельзя назвать стабильной, и возникает вопрос, чему обязан рост индекса — инфляции или позитивным тенденциям в промышленности и торговле?

В литературе на эту тему остаются неясными некоторые процессы в сфере фондовой торговли в России в условиях экономической и политической нестабильности. Оценке степени влияния инфляции на биржевой курс мешает то, что невозможно вычислить индекс Петроградской биржи в период, когда официальные котировки отсутствовали и, соответственно, не публиковались, а неофициальные велись нерегулярно и неточно. Однако есть возможность воспользоваться данными по Гельсингфорсской бирже, которая являлась одной из фондовых бирж Российской империи. В исследованиях таких финских историков, как Ф. Тидерман¹⁶ и Г. Стьершанц¹⁷, освещается функционирование Гельсингфорсской фондовой биржи в годы войны и анализируются некоторые особенности биржевой торговли того периода.

С 1809 г. Великое княжество Финляндское входило в состав Российской империи и обладало определенной автономией, распространявшейся и на экономическую сферу. К XX в. Финляндия имела свой банк, таможенную службу на границе с Россией, свою валюту (финская марка). Открытие фондовой биржи в Гельсингфорсе состоялось в 1912 г.: первая торговая сессия была проведена 7 октября. Интерес к фондовым операциям был очень слабым — в течение трех месяцев до конца года. Это был период паники из-за войн в Европе, но скорее дело было в том, что биржа только открылась и торги еще не устоялись. Было заключено только 543 сделки, в основном по банковским акциям¹⁸. В первой половине 1914 г. оборот на фондовой бирже был все еще незначителен, а в августе 1914 г. по примеру многих европейских бирж фондовая биржа Гельсингфорса была закрыта. Но она возобновила свою работу в сентябре следующего года¹⁹.

К тому времени в биржевом комитете были обеспокоены невысокой эффективностью обмена ценных бумаг и ненадежностью котировок. К тому же со всех сторон поступали жалобы на работу биржи, в частности на неточности в ее записях. Для изучения причин этих недочетов и подготовки предложений по ее улучшению в апреле 1915 г. было решено назначить особый комитет из членов биржи.

При открытии комитета член его, банкир Г. Сидоров, заявил, что «в настоящее время фондовая биржа Гельсингфорса не играет какой-либо значительной роли на фондовом рынке. Ее котировками пользуются лишь те, кто вовсе на нем не ориентируется, все остальные считают биржу бесполезной. В таких условиях необходимо либо что-то предпринять, либо отменить фондовую биржу до особого распоряжения и вернуться к так называемым торгам, которые до открытия биржи исполняли роль площадки для торговли ценными бумагами»²⁰.

Идею о возвращении к открытым биржевым аукционам поддержал ряд членов комитета, однако она не была проведена в жизнь. Предложения о том, чтобы фондовая биржа проводила торги два раза в неделю, а число ее членов было ограничено тридцатью, также были отклонены. Тем не менее был утвержден ряд изменений, главным

из которых стало разрешение принимать участие в торгах лицам, не являющимся действительными членами биржи, при условии, что сразу же после заседания они будут выплачивать бирже 10% от суммы заключенных сделок. Это решение, ставшее, по видимому, компромиссом с теми, кто хотел восстановить открытые биржевые аукционы, отменило принцип, принятый с самого основания фондовой биржи, — согласно которому биржа будет закрытым акционерным обществом. Также была упрощена процедура ввода компаний в котировку и их вступления в действительные члены биржи²¹. Новые правила вступили в силу после открытия фондового рынка в сентябре 1915 г. После этих нововведений Гельсингфорсская биржа по характеру торговли стала походить на Петроградскую неофициальную фондовую биржу.

В 1915 г. биржевой оборот составил 4 млн. марок, в 1916 г. увеличился до 190 млн. марок, в 1917 г. — до 294 млн. марок, а в 1918 г. достиг 923 млн. Столь значительный рост оборота сопровождался резким повышением цен и сильными их колебаниями²². Торговля на фондовом рынке, которая ранее представляла интерес только для небольшого круга лиц, теперь заинтересовала более широкие слои общества. Фондовый рынок и его котировки стали темой для разговоров не только в столице, но и во всех частях страны.

Во время войны внешняя торговля Финляндии была затруднена из-за того, что Балтийское море было закрыто для торговли. Стало трудно, практически невозможно безопасно разместить капиталы, банки неоднократно уменьшали ставки по текущим счетам. В этих условиях вкладывать деньги в банки стало невыгодно, свободный капитал не находил себе применения и шел в спекуляцию бумагами. Общество начало осознавать важность фондовой биржи как возможности мобилизации капитала. При этом существенно вырос экспорт Финляндии в Россию. Целлюлозно-бумажные комбинаты, промышленность, выполнявшая крупные заказы на военные материалы, и другие отрасли промышленности успешно работали на экспорт в Россию²³.

Именно в этих условиях формировалось впечатляющее расширение фондовой торговли. Первые семь месяцев 1916 г. оборот на фондовой бирже был все еще относительно слаб, хотя уже в марте торги выросли более существенно, чем за весь предыдущий год. В течение июня и июля заседания проводились лишь два раза в неделю. В августе 1916 г. объем торгов увеличился, в сентябре достиг огромного для того времени размера в 45,6 млн. марок и в октябре увеличится еще на несколько сотен тысяч марок²⁴. В течение года на бирже Гельсингфорса было зарегистрировано большое количество новых бумаг, в первую очередь промышленных компаний. В конце года котировались акции уже 75 различных компаний, в том числе 14 банковских акций²⁵. К концу 1916 г. появились панические слухи о возможном снижении цен и объема торгов по контрасту с резким увеличением оборота фондового рынка в предыдущем году. Однако в 1917 г., несмотря на некоторое затишье после Февральской революции, объем торгов на фондовой бирже дважды достиг максимума²⁶.

Несмотря на несомненную разницу в возрасте и масштабах Гельсингфорсской и Петроградской бирж, тенденции, характерные для функционирования Петроградского фондового рынка в период Первой мировой войны, были характерны и для Гельсингфорсской биржи. Оказалось возможным проведение анализа индекса инфляции и индекса Гельсингфорсской биржи²⁷. Для получения необходимых данных авторы индекса составили базу данных ценных бумаг, котировавшихся на бирже в течение выбранного периода с датами их включения и исключения из котировок. Взвешенный по ценам индекс строился на основе суммарной стоимости акций компа-

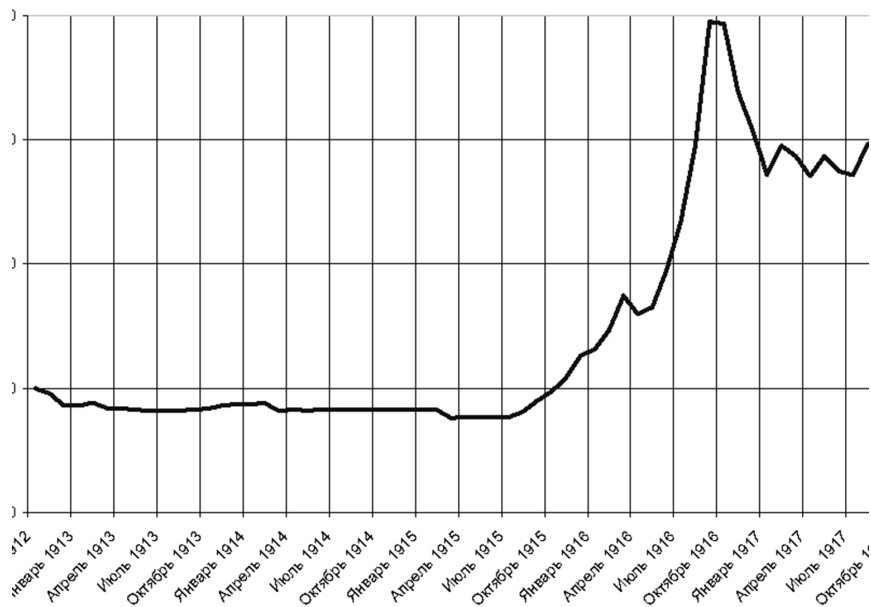

График 1. Индекс фондовой биржи Гельсингфорса (1912—1917)

ний, котировавшихся на фондовой бирже. Подсчет самого индекса начинался от 100 в начальном значении — на конец октября 1912 г. На представленном выше графике показана динамика биржевого индекса Гельсингфорса (взвешенного по стоимости ценных бумаг) с 1912 г. по 1917 г.

График демонстрирует низкую волатильность биржевого индекса (низкий уровень вариаций) в 1912—1914 гг. С середины 1915 г. индекс растет, и после небольшого падения с марта по май 1916 г. начинается еще более резкий подъем, достигший своего максимума в августе — сентябре 1916 г.

Важным показателем является индекс стоимости жизни Финляндии, характеризующий уровень инфляции. За 1914—1917 гг. поквартальные данные по этим индексам (включая индекс Гельсингфорсской биржи) представлены в табл. 1.

В графическом виде динамика движения индексов показана на графике 2.

На графике видно, что у индексов наблюдается общая тенденция к росту, однако нельзя сказать о полной сопряженности индекса, характеризующего инфляцию, с индексом Гельсингфорсской биржи. На графике индекс биржи в определенный период превышает индекс стоимости жизни, хотя в целом последний превышает индекс биржи.

Для статистического анализа динамики индексов были использованы корреляционный и регрессионный анализы. Коэффициент корреляции представляет собой число от -1 до $+1$ и показывает степень связи двух переменных между собой. Уравнения множественной регрессии определяют регрессионную модель, объясняющую поведение зависимой переменной. Важно, что квадрат коэффициента множественной корреляции, называемый коэффициентом детерминации (R^2) и принимающий значения от 0 до 1, означает, какова доля изменений зависимого признака, объясняемых изменениями независимых факторов.

Коэффициент корреляции (r) индекса биржи с индексом стоимости жизни равен 0,81. Большое значение коэффициента означает тесную связь между этими переменными, что оправдывает построение регрессионной модели.

Индекс Гельсингфорской биржи и индекс стоимости жизни по кварталам (1914—1917)

Год	Кварталы	Индекс стоимости жизни	Индекс Гельсингфорской биржи
1914	I	100	93
	II	100	91
	III	102	91
	IV	103	91
1915	I	108	90
	II	106	88
	III	121	91
	IV	129	105
1916	I	139	126
	II	144	137
	III	162	204
	IV	190	223
1917	I	217	192
	II	232	189
	III	297	195
	IV	377	213

Источник: *Tudeer A.E. Suomen Pankki, 1912—1936. Helsinki, 1939.*

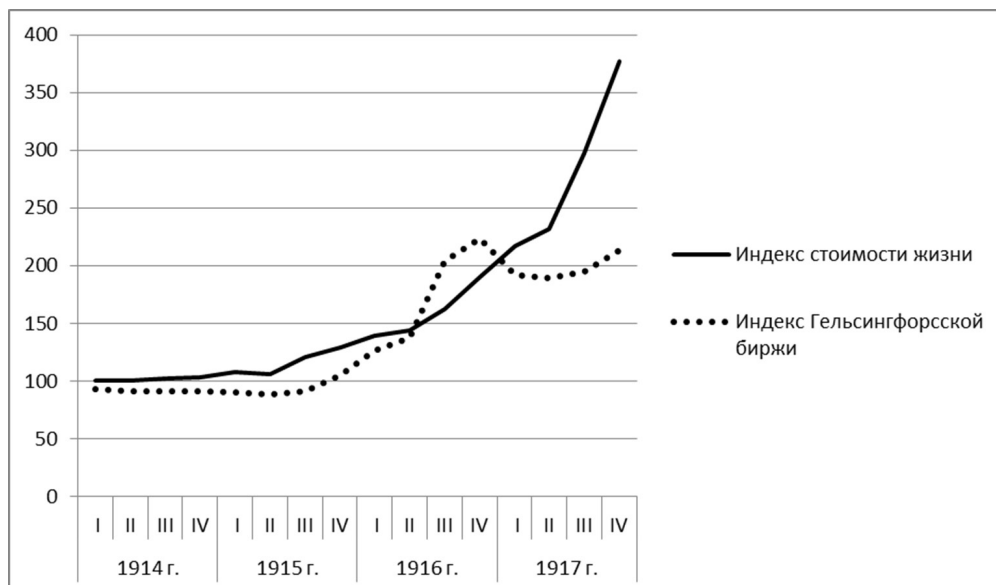

График 2. Индекс фондовой биржи Гельсингфорса и индекс стоимости жизни (1914—1917)*

* 1914 год при пересчете данных двух индексов принят за 100.

Проведение регрессионного анализа необходимо для определения как факторный признак, т.е. индекс стоимости жизни влияет на изменения динамики биржевого индекса Гельсингфорса (см. табл. 2).

Регрессионный анализ, где биржевой индекс Гельсингфорса (Н) — зависимый признак, а индекс стоимости жизни (С) — факторный, представлен в табл. 2.

Таблица 2

**Регрессионный анализ зависимости биржевого индекса Гельсингфорса (Н)
от индекса стоимости жизни (С)**

	В	Стд. Ошибка В	t-статистика	p-уровень
Св. член	50,2	18,6	2,69	0,01747
С	0,53	0,10	5,25	0,00012
Уравнение регрессии $H=50,2+0,53*C$				
Коэффициент детерминации $R^2 = 0,63$				

В — коэффициент регрессии, который показывает, на сколько в среднем изменится результирующий признак Н при увеличении независимого признака С на единицу.

Стд. ошибка В — стандартное отклонение выборочного распределения оценок параметров регрессионной модели.

t-статистика — показывает уровень статистической значимости коэффициента регрессии, т.е. его устойчивость по отношению к выборке. Статистически значимыми являются $t \geq 2$.

p-уровень — вероятность ошибки регрессионной модели. Статистически значимыми являются $p < 0,05$.

R^2 (%) — коэффициент детерминации, показатель того, насколько изменения зависимого признака объясняются изменениями независимого.

Св. член — не интерпретируется, необходим для построения корректного уравнения.

Из результатов регрессионного анализа следует, что при изменении индекса стоимости жизни на 1 пункт индекс Гельсингфорсской биржи меняется в среднем на 0,53 пункта, а в целом индекс стоимости жизни объясняет динамику индекса Гельсингфорса на 63%.

Для анализа корреляции колебаний индексов используется корреляция по отклонениям от трендов. Степень взаимосвязи отклонений от трендов оценивается с использованием «первых разностей» (вместо натуральных рядов используются разности текущего и предыдущего значений рядов). Результаты данного корреляционного анализа показывают, что связь индексов по их колебаниям крайне слабая — коэффициент корреляции индекса стоимости жизни и индекса биржи равен 0,13. Регрессионный анализ при такой слабой связи проводить не имеет смысла.

Результаты статистического анализа показывают тесную связь двух индексов по натуральным рядам и крайне слабую по отклонениям от трендов. Это означает, что общая возрастающая динамика индексов находилась в общем поле факторов, но колебания каждого индекса зависели от своих причин. Однако в данной работе исследуется резкий взлет и дальнейшее возрастание индекса Гельсингфорсской биржи, которое является трендом, а не колебаниями. Статистический анализ выявил, что резкое возрастание динамики индекса Гельсингфорсской биржи более чем наполовину объясняется инфляцией, но почти на 40% оно зависело от других факторов.

Торговля ценными бумагами в период Первой мировой войны на российском рынке пережила неожиданный взлет. Статистический анализ индекса Гельсингфорсской биржи и индекса стоимости жизни, характеризующий инфляцию, указывают

на то, что резкая повышательная тенденция индекса фондовой биржи не может быть полностью объяснена инфляцией. Этот результат, на мой взгляд, дает представление и о торговле ценными бумагами в Петрограде — ведущей фондовой площадке страны, поскольку функционирование бирж было схоже в обстановке Первой мировой войны даже с учетом разных условий в империи и в Великом княжестве Финляндском.

Увеличение оборотов фондовой торговли во время Первой мировой войны происходило в условиях, когда экономика находилась в нестабильном, кризисном состоянии. Биржевой рынок не только не претерпел крах, а напротив, достиг максимума, близкого к лучшим предвоенным показателям. Биржевой ажиотаж был вызван увеличением свободного капитала в промышленности за счет государственных займов, желанием промышленников перехватить инициативу у банков на рынке ценных бумаг и значительной инфляцией.

- ¹ Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. М., 1948; Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX—XX вв.). М., 1954; Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957; Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.): очерки истории и типологии русских банков: избранное. М., 1997.
- ² Лизунов П.В. Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703—1917 гг.). СПб., 2004; Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России, XIX — начало XX века. СПб., 2006.
- ³ Промышленность и торговля. 1916. 25 июня. С. 659.
- ⁴ Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 356.
- ⁵ Отчет по операциям Петроградского международного коммерческого банка за 1914 г. Пг., 1915. [С. 2].
- ⁶ Лизунов П.В. Указ. соч. С. 462.
- ⁷ Отчет Русского для внешней торговли банка в Петрограде за 1915 г. Пг., [1916]. [С. 7].
- ⁸ Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 357.
- ⁹ Отчет Русского для внешней торговли банка в Петрограде за 1916 г. Пг., [1917]. [С. 12].
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Промышленность и торговля. 1916. № 34—35. С. 160.
- ¹² Отчет Русского для внешней торговли банка в Петрограде за 1916 г. [С. 12].
- ¹³ Лизунов П.В. Указ. соч. С. 471.
- ¹⁴ Цит. по: Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 365—366.
- ¹⁵ Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. С. 221.
- ¹⁶ Tiderman F. Helsingfors Börs, 1912—1937. Helsingfors, 1937.
- ¹⁷ Sjöerschantz G. På Börsens Berg-och Dalbana: Helsingfors Fondbörs, 1912—1987. Helsingfors, 1987.
- ¹⁸ Tiderman F. Op. cit. P. 28.
- ¹⁹ Ibidem. P. 35—38.
- ²⁰ Ibidem. P. 40.
- ²¹ Sjöerschantz G. Op. cit. P. 33.
- ²² Tiderman F. Op. cit. P. 43.
- ²³ Sjöerschantz G. Op. cit. P. 41.
- ²⁴ Tiderman F. Op. cit. P. 43.
- ²⁵ Ibidem. P. 43.
- ²⁶ Sjöerschantz G. Op. cit. P. 42.
- ²⁷ Индекс фондовой биржи в Гельсингфорсе был разработан в 2009 г. финскими исследователями П. Нибергом и М. Вайхекоски (Nyberg P.M., Vaihkoski M. A new value-weighted total return index for the finnish stock market, 1912—1969 // Research in International Business and Finance. 2010. Vol. 24, N 3. P. 267—283). Индекс охватывает период от создания фондовой биржи в октябре 1912 г. по 1970 г. и является помесечным.

*Е.С. Кравцова** (Курск)

Влияние Первой мировой войны на налоговую сферу российского государства

Масштабы финансовых затрат стран-участниц Первой мировой войны были огромными. Ход военных действий, боеспособность армии, внутренняя стабильность воевавших государств напрямую зависели от финансовой ситуации. Необходимо было эффективное управление денежными средствами в сложнейших военных условиях, что означало, прежде всего, проведение соответствующих изменений в экономике и в налоговой сфере. Эта проблема для Российской империи была очень актуальна.

Проблема трансформации финансовой системы в целом и налогообложения в частности привлекала внимание современных зарубежных исследователей, в особенности американского историка Я. Коцониса, который подверг сравнительному анализу подоходное обложение в царской и советской России, основное внимание уделяя при этом различным точкам зрения, возникавшим при обсуждении законопроекта 1916 г. Автор подчеркивает, что «подоходный налог был единственным из всех налогов, который предстояло взимать не с коллективных налогоплательщиков или семей, не с собственности или товара, а с суммы личного дохода отдельного индивида; кроме того, ему предстояло стать единственным по-настоящему универсальным налогом, взимаемым со всех живущих в России, исключая императора и непосредственных августейших наследников»¹.

Несмотря на значимость проблемы, имеется немного современных работ российских исследователей, посвященных вопросам налогообложения в России в годы Первой мировой войны. В 2001 г. была издана книга юриста А.В. Толкушкина², в которой автор обзорно рассматривает фискальные преобразования 1914—1917 гг. Он указывает, что в Первую мировую войну из бюджета выпали доходы от винно-водочной монополии (введение «сухого закона»), сократились таможенные и лесной доходы, поступления от железных дорог и др. Эти сокращения в 1914 г. по сравнению с 1913 г. составили 524 млн. руб. Первоначально правительство пошло по пути систематического повышения ставок действующих налогов и сборов (было осуществлено повышение ставок акцизов на сахар, табак, спички и другие предметы первой необходимости). В дальнейшем были введены такие новые чрезвычайные налоги, как военный налог, налог на прирост прибылей, подоходный налог. Толкушкин подчеркивает, что чрезвычайные налоги — это обязательные налоги и сборы с физических и юридических лиц в государственный бюджет, вводимые при наступлении каких-либо чрезвычайных обстоятельств (война, стихийное бедствие и т.п.). Широкое распространение чрезвычайные налоги получили в периоды I и II мировых войн в форме

* *Кравцова Елена Сергеевна* — доктор исторических наук, Курский государственный медицинский университет.

налога на сверхприбыль и резкого повышения ставок прямых и косвенных налогов³. Многие налоги этой категории впоследствии стали функционировать в качестве обычных налогов, в том числе и подоходный налог с физических лиц, введенный в 1916 г. Специфике введения принципиально нового всеобщего налога в работе уделено мало внимания. Автор лишь отмечает, что «в апреле 1916 г. был принят Закон о подоходном налоге, взимание которого должно было начаться с 1917 г. В июне 1917 г. Временное правительство приняло постановление об увеличении ставок подоходного налога и о введении дополнительного временного налога на прирост прибылей за 1917 г. Взимание этих налогов должно было начаться с 1918 г.»⁴.

Изменения в налоговой сфере, связанные с именем министра финансов П.Л. Барка, рассмотрены в работе С.Г. Беляева⁵. В ней сделана попытка обобщить опыт исследований финансовых проблем России в годы Первой мировой войны при новых исторических, историографических и методологических подходах. Автором были изучены различные аспекты указанного направления исследования: государственный бюджет военного времени, фискальная система, различные кредитные операции, особенности покрытия военных расходов, проблемы развития экономики из-за ее недофинсированности и т.д. Рассмотрение указанных вопросов Беляев проводит через личность последнего царского министра финансов Барка. Автор отмечает, что это был ординарный государственный служащий и банкир, который занял должность министра финансов из-за противоборства различных группировок в правительстве и сумел в крайне сложном экономическом положении сохранить относительную стабильность государственного бюджета.

Поднимая целый ряд проблем, исследователь рассматривает и вопросы налогообложения в годы Первой мировой войны. Он указывает, что в этот период существовало фактически два бюджета: «мирный» и отдельный военный фонд, который формировался из дополнительных источников. Однако «мирный» бюджет имел большую нехватку средств ввиду отмены винной монополии, а также чрезвычайных обстоятельств военного времени. Беляев в этом видит положительный момент, так как Первая мировая война привела к «наиболее радикальной налоговой реформе за весь период существования Российской империи, тем более что проведена она была в течение трех лет»⁶. Тем не менее проведенные преобразования не ликвидировали основные пережитки фискальной системы в виде преобладания косвенного налогообложения над прямым. Главной заслугой налоговой реформы было введение всеобщего подоходного налога. Однако и здесь автор указывает, что введенный в 1916 г. подоходный налог не способствовал стабилизации фискальной системы из-за того, что его реальный сбор приходился на 1917 г. Кроме этого, в книге подчеркивается, что имущие слои населения России в большинстве случаев выступали противниками нового налога, так как он, в первую очередь, затрагивал их финансовые интересы.

Механизм взимания прямых налогов на примере крестьянского сословия рассмотрен в работе О.И. Марискина, посвященной сборам поволжских крестьян за 1861—1928 гг.⁷ Рассматривая проблему формирования бюджета, автор указывает, что «не имея мощной финансовой основы в стране, правительство вынуждено было вести войну не на повышении налогов и не на внутреннем кредите, а исключительно на усилении внешней задолженности и за счет полного расстройтва денежного обращения»⁸. Рассматривая проблемы фискальных преобразований в годы Первой мировой войны, Марискин особо выделяет отмену винной монополии как приведшую к финансовому кризису, подчеркивая, что эта реформа была поддержана на местах. Более того, еще до введения «сухого закона» некоторые сельские сходы выступали

с такой инициативой. Бюджетный дефицит правительство попыталось компенсировать повышением ставок существовавших прямых и косвенных налогов, а кроме того, вводились новые виды обложения, которые, однако, не перекрывали возникший бюджетный дефицит. Более того, автор подчеркивает, что доходы имущих слоев населения, даже при обозначенных повышениях налогов, не были затронуты обложением. Воплощение в жизнь прямого государственного подоходного налога автором рассмотрено на примере только крестьянского сословия Поволжья. Вызывает интерес мнение Марискина о том, что «новый податный закон, основанный на принципах соразмерности налога и дохода, мог стать поворотным в истории модернизации России, но в условиях общей натурализации экономики ему была уготована лишь второстепенная роль»⁹.

Финансовому положению дел в Российской империи в годы Первой мировой войны и революции 1917 г. посвящена глава в обобщающем издании, которую написали Ю.А. Петров, М.К. Шацилло, В.Н. Захаров¹⁰. Здесь рассматриваются источники формирования чрезвычайного бюджета, на котором концентрировались военные издержки, выделены такие источники средств на ведение войны, как денежная эмиссия и правительственные займы (внутренние и внешние). Авторами подчеркивается, что налоговые поступления не играли существенной роли в финансировании войны. «Главная их функция заключалась в поддержке бюджета “обыкновенного”, также значительно разросшегося за время войны»¹¹, и это при том, что введение винной монополии значительно уменьшило поступления в казну (по подсчетам исследователей, она потеряла около 700 млн. руб.). Доходная часть казны значительно расширилась также за счет введения чрезвычайных доходов в «обыкновенный бюджет» (к этой статье доходов авторы отнесли доходы от железных дорог, таможенные пошлины и др.) и увеличения ранее существовавших налогов, причем в 1915 г. «налоговый пресс был увеличен до предела»¹², когда ставки были повышены на 50—100% от окладов 1914 г. Структура российской податной системы несколько изменилась в связи с отменой винной монополии. Так, 45,5% от общего поступления в бюджет составляли косвенные налоги, на втором месте расположились прямые налоги (28,2%), третьим источником казны были пошлины (26,4%). Но эти преобразования не решали финансовых проблем государства, и в работе подчеркивается, что война «обнажила явные слабости российской податной системы, а именно недостаточную гибкость и крайнюю неуравнительность обложения, предельное напряжение одних налогов и явную неразвитость других»¹³. Российская держава нуждалась в коренной реформе фискальной системы. Именно такой основной реформой стало введение личного прогрессивно-подоходного налога.

Петров констатирует, что законопроект 1916 г. о введении подоходного налога в России не был первой наработкой Минфина, которую и воплотили в жизнь. Периодически идея введения данного налога возникала с появлением серьезных проблем в госбюджете начиная с 1862 г., но каждый раз она оставалась на бумаге. Анализируя контингент налогоплательщиков, автор подчеркивает, что большинство населения России от указанного налога было бы освобождено, поскольку уровень их дохода не достигал установленной границы обложения, а 95% ожидаемых плательщиков относились к разряду мелких с годовым доходом до 10 тыс. руб. Самый же главный минус данного налога сводился к тому, что «слишком поздно он был принят и потому не сыграл существенной роли в оздоровлении государственных финансов»¹⁴.

Фискальные преобразования Временного правительства исследователем оценены крайне скептически. Буржуазное правительство, пришедшее к власти после Февраля 1917 г., дистанцировавшись от налоговой политики царского режима и от-

казавшись от практики преобладания косвенного налогообложения, нового ничего не создало и с июля 1917 г. возвратилось к проверенному фискальному механизму (разрабатываются новые законы о повышении ставок прямых и косвенных налогов, об установлении государственных торговых монополий на массовые предметы потребления и др.), который также остался на бумаге.

В книге московских экономистов есть глава, посвященная фискальным преобразованиям в России в годы Первой мировой войны¹⁵. Данная работа построена на анализе законодательных актов по прямому (государственному и региональному) и косвенному обложению. Делается вывод, что налоговая политика российского государства в годы Первой мировой войны была не до конца продумана¹⁶. Систему мер, направленную на повышение окладов по прямым (как государственным, так и местным) и косвенным налогам нельзя назвать эффективной, поскольку она касалась в большей степени небогатых слоев населения, чья налоговоспособность и без увеличенных ставок была крайне подорвана. Разработанный закон о введении подоходного налога имел свои изъяны, но был революционен для российской действительности того времени, особенно в отношении ущемления принципа «коммерческой тайны» (плательщики должны были заполнять декларации о доходах, которые подлежали проверке в специальных присутствиях, причем государственные, коммерческие и др. заведения должны были предоставлять запрашиваемые сведения по первому требованию присутствия).

Вызывает также интерес мнение автора о том, что нехватка средств в бюджете касалась не только государственных финансов, но и местных бюджетов всех уровней (земских, городских, мирских). Органы местного самоуправления, уже не рассчитывая на государственные субсидии, искали способы пополнения бюджета в увеличении окладов¹⁷.

Таким образом, рассматриваемая проблема в современной отечественной историографии затрагивалась, обнажая наиболее острые углы (отмена винной монополии и вследствие этого бюджетные сложности; экономическая и социальная необходимость введения подоходного налога в России и др.). Однако исследователи, как правило, опираются в основном на анализ принятых законов, упуская из виду реализацию законодательных инициатив на местах и отношение к данным изменениям в обществе. Именно этому посвящена данная статья.

Проблема взимания налогов в Российской империи и до вступления государства в Первую мировую войну стояла очень остро, а начало военных действий превратило ее в ультраважную, поскольку возникла острая необходимость в средствах (день участия России в Первой мировой войне обошелся государству в 3 млн. руб.¹⁸). Активизировалась и оппозиция, выдвигавшая требования реформирования фискальной системы путем введения подоходного налога. Это подтолкнуло правительство к проведению целого ряда мер в фискальной сфере. Большая их часть сводилась к банальному увеличению налоговой шкалы (до 50% по существовавшим окладным сборам) и привлечению новых объектов обложения под существовавшие сборы. Однако можно выделить и два новых налога, введенных в военное время, которые имели подоходный характер. Первый — военный — носил временный характер, а второй — подоходный являлся камнем преткновения в обществе с начала XIX в.

Фактически правительством были разработаны три направления реформирования налоговой системы. Первое включало в себя замену винной монополии рядом других фискальных монополий, которые смогли бы возместить материальный ущерб от прекратившей действовать питейной монополии. Второе содержало идею введения механических надбавок ко всем существующим налогам и пошлинам с таким рас-

четом, чтобы от них могла получиться сумма в 500—600 млн. руб. И наконец, самое главное, по мнению известного российского экономиста начала XX в. М. Соболева, — это «коренные преобразования всей финансовой системы с введением новых, отсутствующих доселе звеньев обложения: именно подоходного, поимущественного налогов, налога на прирост ценностей с усилением обложения наследств»¹⁹.

Развивая далее идею наметившихся изменений, Соболев считал, что они не все удачны. Так, по его подсчетам, в случае введения новых монополий (табачной, сахарной, нефтяной, спичечной) можно было бы рассчитывать на 30—50 млн. руб. от каждой в лучшем случае, т.е. в размере 200 млн. руб. Принятие надбавок к уже существующим реальным налогам, распространенным в России, было бы очень нежелательно, поскольку они могли бы нарушить равномерность обложения. К тому же опыт повышения окладов на 1915 г. показал его неэффективность. Однако даже в условиях острой нехватки средств правительство не решилось на переход к подоходному обложению, а пришлось к принятию усеченного и малоходного военного налога и еще одной механической прибавке к окладам, к которым были прибавлены новые объекты: кинематограф, театры, цирки и т.д.

Соболев отмечал, что введение новых налогов подоходного характера решало бы не только финансовые, но и социальные проблемы, поскольку об этом мечтали уже все слои населения. Экономист подчеркивает, что реальные налоги были доходны только на первой стадии развития капиталистического хозяйства. Эти налоги ничем социально не подкреплены и не затрагивают многочисленные категории доходов и имуществ. Они очень неподвижны и потому не в состоянии следовать за быстроменяющимися хозяйственными отношениями, в них отсутствует гибкость, которая столь важна в строении финансов. «Новые налоги — подоходный и поимущественный — как раз имеют ту эластичность, благодаря которой они могут приспособиться ко всем изменениям экономической жизни»²⁰. Руководящую роль в деле сбора новых налогов могли играть казенные палаты и податные инспекторы, прекрасно зарекомендовавшие себя в фискальном деле.

В общем это понимали и в министерстве, и в правительстве. В Минфине отмечали, что основной задачей ведомства являлось внесение в налоговую систему таких изменений, которые будут основаны на началах уравнительности и равномерности в распределении фискальной нагрузки между подданными, позволяя «найти без допущения налогового бремени прочное и устойчивое питание обыкновенных доходов бюджета, вызванного отказом от питейного дохода»²¹. Такой подход будет возможен только в случае установления новых налогов, которые, «обеспечив усиление доходных поступлений казны, частью в то же время будучи возлагаемы преимущественно на более состоятельных плательщиков, могли бы содействовать достаточно большей равномерности в распределении налоговых тягостей»²². В качестве такой меры предлагалось ввести подоходный налог, к которому зачислялись бы и государственный квартирный налог, и налог на личные промысловые занятия, а примерный финансовый результат мог бы составлять 70—75 млн. руб.

При обсуждении проекта налога большие споры вызвал вопрос о системе обложения, поскольку в финансовой практике использовались два подхода: прусская система обложения дохода целиком и английская (в экономической науке часто называется «шедулярная система») — форма обложения доходов по одним источникам. Анализируя эти подходы и возможности их применения в России, экономист П. Гензель (сторонник шедулярной системы) отмечал в качестве плюсов: 1) налоги достигают доход у источника; 2) дифференцируются ставки на фундированные и не фунди-

рованные доходы; 3) установленные общинные надбавки к частям государственного подоходного налога падают на недвижимость или предприятия, собственники которых не живут в данной общине; 4) облегчает функции фискальных органов, от которых не требуются «инквизиционные» приемы при проведении деклараций, которыми пугают французские и английские финансисты и законники. Но при этом отмечался и ряд недостатков: «обложение по необходимости для оставления пропорциональности; большее отягощение менее состоятельных плательщиков; препятствие в увеличении ставок обложения; облегчение переложения и амортизации налога»²³.

Были приверженцы и прусской системы обложения. Так, специалист в области экономики В. Твердохлебов доказывал, что для России более выгодна именно она, так как взимаемый прогрессивный налог у источника обложения не предоставляет значительных выгод в такой стране, как Россия²⁴. Ставки налога должны устанавливаться в зависимости от общественно-политических и экономических условий внутри страны. Владелец состояния в России стоит в социально-экономическом отношении неизменно выше, чем владелец такого же состояния в Англии.

Идея введения налога была встречена и в обществе, и специалистами положительно. Как писал экономист А. Соколов, «подоходный налог должен быть введен как постоянный член податной системы. На него следует смотреть как на первый шаг на пути реформирования наших государственных финансов»²⁵. Развивая эту идею, он призвал ввести поимущественный налог, налог на денежный капитал, вследствие чего будут соблюдены принципы подоходного, поимущественного и реального обложения.

И наконец, 6 апреля 1916 г. царем был утвержден закон о подоходном налоге. «Введением подоходного налога царское правительство признало то, что отрицало многократно: война не препятствует финансовым ... реформам. Наоборот, в период национального подъема преодолевается рутинная и преодолевается сопротивление консервативной части общества...»²⁶. Но сразу подчеркнем, что в России эта реформа была принята слишком поздно, хотя в отчете Минфина за 1915 г. отмечали, что, повышая уже существующие налоги, министерство признавало «справедливым и необходимым возложить новое, вызванное военными обстоятельствами, податное бремя по возможности на все платежеспособное население»²⁷.

Депутат IV Государственной думы Б.И. Имшеницкий иронизировал, что представленный законопроект был показан во всем «своем жалком ошипанном одеянии». «Обрадованные новшеством, никто из депутатов и не подметил ее (налоговой реформы. — *Е.К.*) ничтожества: с левой стороны законопроект приветствовали с глубоким поклоном как спасительницу нашего бюджета, а с другой стороны — отстраняясь, как от чумы, и всячески поносили». Имшеницкий подчеркивал, что разгоревшиеся дебаты носили излишне преувеличенный характер. Так, докладчик Постников, «смакуя его, как хорошее вино, поведал присутствующим членам Государственной думы, что законопроект уже 8 лет кис в подвалах думских комиссий и извлекли его оттуда лишь исключительно по бюджетным соображениям», а депутат Кринский заявил, что в эту налоговую реформу «внесено все лучшее, что дала финансовая наука и опыт государств, где он (налог. — *Е.К.*) уже действует многие годы». Такая шумиха, по мнению критика, была совершенно не оправдана, поскольку этот куций законопроект не мог избавить Россию от финансового краха. «Для спасения России нужно было 12 млрд руб. в год, а весь законопроект по заявлениям Министерства финансов мог дать всего 50—60 млн руб. и в лучшем случае 70 млн руб.»²⁸.

Верхушка общества, которая на протяжении целого века не считала введение этого налога для себя актуальным, тоже не скупилась на дифирамбы по поводу него. Министр финансов Барк в докладе Николаю II в октябре 1916 г. указывал, что об-

щеподоходный налог, положенный в основу фискальной системы большинства государств, «составляет одно из знаменательных событий царствования... в области устройства российского государственного хозяйства с прочной и надежной основой дальнейшего преобразования нашего податного дела»²⁹.

Однако к тому времени среди крупной русской буржуазии имелась уже и совершенно иная точка зрения на эффективность финансовой системы страны. Известный банкир А.И. Путилов в июне 1915 г. говорил французскому послу М. Палеологу: «Дни царской власти сочтены, и революция неизбежна», но она будет гибельна потому, что «от буржуазной революции мы тотчас перейдем к революции рабочей, а немного спустя — к революции крестьянской»³⁰. В этой последовательной смене революционных событий буржуазия не отводила достойного места подоходному налогу.

Итак, несколько слов о самом законе. Предметом обложения этим налогом служил доход в течение года, предшествующего окладному, в какой бы форме он ни получался и из всякого рода источников. Минимальная ставка подоходного налога вначале взималась с дохода в 850 руб. в год. Налогообложение было дифференцированным и прогрессивным. В 1916 г. его потолок был установлен в 12,5%³¹. Взимание налога должно было начаться с 1917 г., считая доходы налогоплательщиков за 1916 г., однако текущие доходы имущих классов фактически не были затронуты налоговыми изъятиями. Основанием для определения получаемого дохода служило заявление, подаваемое плательщиком до 1 марта ежегодно.

В заявлениях о доходах, заполняемых налогоплательщиками, содержался перечень источников, подлежащих обложению. Среди них были доходы: от денежных капиталов, недвижимой собственности, всякого рода торговых, промышленных и иных приносящих выгоду предприятий, вознаграждений за службу (государственную, частную, общественную), содержание, квартирное и иное довольствие, пенсии и пособия, профессиональных, личных, промысловых и иных занятий, не связанных с ведением за свой счет сельского хозяйства или содержанием торговых или промышленных предприятий, а также от всякого рода других источников. Из указанных доходов устанавливались вычеты по платежам по долгам, обязательным временным уплатам, обязательным для плательщика взносам (например, в больничные, похоронные кассы), пожертвованиям, добровольно производимым взносам по страхованию капиталов и доходов, окладам налогов, сборов, податей³². В оклад подоходного налога подлежали зачету оклады основного промыслового налога на личные промысловые занятия и государственного квартирного налога.

От введенного сбора ожидалось поступления в государственный бюджет в размере 130 млн. руб.³³, но это оказалась сильно преувеличенная сумма. Налог должна была платить большая часть общества. Как отмечалось в «Земледельческой газете», «...облагаются все виды дохода, следовательно и доходы от земли. Ввиду того, что обложение начинается с чистого дохода в 850 руб., оно затронет не только крупных землевладельцев, но и многочисленных крестьян и других мелких и средних землевладельцев»³⁴. В поэтапном руководстве к действиям налогоплательщиков в преамбуле, подготовленной юристом А.А. Лисянским, говорилось: «Если государство может существовать и развиваться только путем требования материальных жертв от граждан, то интересы государства и соображения справедливости требуют, чтобы эти жертвы приносились всеми, для которых они не несут разорения, и чтобы по возможности были обложены все сообразно их достатку и платежеспособности»³⁵.

Для облегчения подготовки декларации издавались специальные пошаговые инструкции. Безусловно, составление деклараций было делом довольно сложным

и сразу грамотно заполнить этот документ для налогоплательщика могло оказаться делом не простым, ведь бóльшую часть плательщиков составляли полуграмотные крестьяне. Декларации должны были подаваться в участковые присутствия и проверяться путем получения сведений от учреждений, должностных лиц и лично от председателя присутствия, т.е. податного инспектора. Например, в городское Рыльское (Курской губ.) по подоходному налогу присутствие о сумме получаемого работниками предприятий и учреждений сообщали и городская торговая школа, и Теткинская торгово-телеграфная контора, и Теткинская мельница М.И. Терентьева и т.д.³⁶

Кроме того, Департамент общих дел Минфина возложил в ноябре 1916 г. на правительственные учреждения обязанности ежегодно к 7 января составлять списки лиц, получающих от них жалование, пенсии и всякого рода вознаграждения, а кроме того, «доставлять председателю местного участкового присутствия сведения, сообщенные им квартирохозяевами по каждому домовладению отдельно». При этом Минфин признал, что в первый год введения налога можно не требовать от работодателя сведений о рабочих, чья заработная плата ниже 500 руб., но это распоряжение должно касаться только рабочих, занятых физическим трудом, но не распространяется на другие категории лиц (чиновников, управляющих имениями и конторами, для которых подача сведений обязательна)³⁷. В случае, если полученные данные поставлены под сомнение комиссией, то об этом должно быть сообщено плательщику в течение 4 месяцев, который, в свою очередь, в течение 2 недель должен доказать заявленную сумму. А для того, чтобы не было таких неурядиц, податной инспектор должен сам располагать достаточным материалом о доходах плательщика.

Групп плательщиков налога было достаточно много, причем включены в них были и мужчины, и женщины: землевладельцы, владельцы недвижимых имуществ в городах и уездах, арендаторы земли и недвижимости, владельцы торгово-промышленных предприятий, лица, имеющие личные промысловые занятия, занимающиеся личным трудом и состоящие на различных видах службы, состоятельные крестьяне, имеющие доход от денежного капитала, пенсионеры, железнодорожные служащие, различные общества, товарищества и др., церкви и монастыри, разработчики дерева в чужих лесах. Однако император и его наследник от уплаты налога освобождались.

К взиманию налога финансовые органы относились очень строго. В случае, если плательщик не подал вовремя заявление о доходах, ему высылались напоминание, где предлагалось предоставить такое в «участковое присутствие в течение 2 недель со дня получения настоящего напоминания или в течение этого срока сделать заявление устно». Вместе с тем он предупреждался, что за неподачу заявления в установленный срок подлежит взысканию в размере до 200 руб., если же не будет подано заявление в указанный двухнедельный срок по получении напоминания, то на него будет наложено еще особое взыскание до 300 руб.³⁸

Введение нового налога привело к появлению массы вопросов в представительствах финансового ведомства на местах. Так, управляющий Пензенской казенной палатой в письме к директору Департамента окладными сборами Минфина осенью 1916 г. отмечал, что на проведенном съезде податных инспекторов Пензенской губ. об исчислении облагаемого государственным подоходным налогом дохода от сельского хозяйства было высказано несколько точек зрения по данному вопросу: 1) обложение доходов от сельского хозяйства следует распространять на весь урожай хлебов и трав в предшествующем окладному году; 2) обложению подлежит стоимость продуктов, потребленных владельцем имения, его семьей и домочадцами, и продуктов, проданных в течение окладного года, а стоимость не проданного хлеба урожая

того же года при определении дохода от сельского хозяйства приниматься во внимание не должна³⁹.

Департамент окладных сборов циркулярно разъяснял также вопрос, пришедший из Черниговской казенной палаты: «Что делать, когда владельцы торгово-промышленных предприятий с целью уклонения от обложения подоходным налогом будут выбирать промысловые свидетельства каждый год на имя различных членов семьи?». В ответе было указано, что имеющиеся правила отвечали требованиям реального промыслового налога, «приуроченного к обложению самого предприятия независимо от личности действительного его владельца». Такой подход противоречил принципу подоходного обложения, поскольку он являлся налогом личным и имел «предметом обложения совокупность дохода от различного рода источников, получаемых владельцем». Поэтому «при подоходном обложении весьма важно установить действительного, а не фиктивного владельца предприятия. И только в тех случаях, когда выборка промыслового свидетельства тем или иным лицом вызывает сомнения в действительной принадлежности ему данного предприятия, присутствия по подоходному налогу не только вправе, но и обязаны принять все меры к выяснению действительного владельца предприятия»⁴⁰. С введением подоходного налога для податных инспекторов началась кропотливая работа по сбору материалов, которые бы служили основанием для обложения налогом. В январе 1917 г. все инспекторы сообщали в Казенную палату свои соображения об источниках дохода, дающих в год не менее 850 руб. Этим источником называлась земельная собственность.

Интересны факты, обнародованные фискальными агентами Курской губ., так как они касались не только прибыли, но по ним можно судить и о плодородности почвы, условиях ее эксплуатации, преобладании в урожае той или иной сельскохозяйственной культуры. Нужно отметить, что податные инспекторы Новооскольского, Рыльского, Белгородского уездов очень подробно остановились на этой проблеме, указав и плодородность почвы по частям уезда, и величину арендной платы в случае сдачи земли внаем. Новооскольский инспектор отмечал, что количество десятин различно «в зависимости от принадлежности ее к категории владельческой или надельной, от условий эксплуатации, а также от характера угодий»⁴¹.

На основании этих данных в Курской казенной палате была произведена разбивка уездов на три района по получаемому с земли доходу, величина которого менее 850 руб. В первой группе для получения дохода в размере более 850 руб. в год необходимо было иметь в собственности земли более 35 дес., во второй — более 30 дес., а в третьей — более 20. К первому району относились уезды Фатежский, Курский, Обоянский, Льговский, северные части Путивльского и Рыльского; ко второму — уезды Шигровский, Тимский, Старооскольский, Новооскольский, Корочанский, Белгородский; к третьему — уезды Грайворонский, Суджанский и южные части Путивльского и Рыльского уездов.

На 1917 г. в государственный бюджет было запланировано поступление 566,1 млн. руб. прямых налогов — более, чем в 1916 г., на 206,4 млн. руб. Это увеличение, по мнению министра финансов Барка, произошло за счет введения подоходного налога⁴², что, на мой взгляд, было сильно преувеличенным заявлением, поскольку результаты сбора 1916 г. показали несостоятельность этого нового налога в условиях устаревшей налоговой системы.

Анализируя проблемы налоговоступления за 1916 г., в Департаменте государственного казначейства отмечали, что проводимые финансовым ведомством мероприятия по реформированию фискальной системы «должны представлять собой творческую работу экономического характера». Далее указывалось, что меры, на-

правленные лишь на увеличение ставок налогов, возможны при условии наличия такого «умеренно-прогрессивного подоходного налога, представляющего из себя наилучшую форму прямого обложения». Эта политика может привести не только к решению экономических проблем, но и к нормализации социальных противоречий, поскольку при этом прямые налоги падают на сильную платежную группу населения. Также департаментом отмечалось, что популярное механическое повышение косвенных налогов не должно касаться предметов первой необходимости, так как названные налоги, «взимаемые далеко не в соответствии с налогоспособностями плательщиков», ложатся «тяжелым бременем не на доходность сильных плательщиков, а на расходы малоимущего населения, на которых бедствия войны и без того отражаются наиболее интенсивно»⁴³.

Необходимость дальнейшего реформирования фискальной системы видели не только сторонники ультрарадикальных течений, но и представители центристских и правых партий. Так, кадет А.И. Шингарев отмечал, что во время Первой мировой войны «конкурируют богатые государства с огромными капиталами, с могучими средствами обложения — Англия, Франция, Германия; наша же страна бедная и убогая, со слабой промышленностью, с чрезвычайно слаборазвитой налоговой системой, с огромными материальными ресурсами, поэтому покрытие военных расходов для нее много труднее, чем какой-либо другой стране», тем более что в результате введения сухого закона Россия лишилось около 800 млн. руб. в год. Шингарев отмечал, что все проводимые правительством мероприятия (повышение налогов на капитал, промыслы, косвенные налоги, увеличение провозной платы, пассажирских тарифов и т.д.) большого увеличения поступлений не принесли. В общем один из лидеров партии кадетов не имел надежды на поступления от подоходного налога, поскольку это налог будущего, «для покрытия роста обыкновенного бюджета». При этом Шингарев отмечал: «Колоссальные расходы растут, а государственная казна пустеет. Налоги плохо платят»⁴⁴.

Слева также раздавались лозунги, призывавшие к реформированию системы налогообложения. Так, большевик Д. Боголепов (в дальнейшем — директор канцелярии Комиссариата финансов), критикуя буржуазию, рвущуюся к власти, указывал, что провозглашая патриотические лозунги и получая огромные доходы от войны, она «налогов платить не желает». Кроме того, по мнению автора, увеличение в 1,5 раза прямых налогов не являлось спасением для финансов, ибо «они у нас приносят вообще так мало и организованы так несовершенно, что серьезного значения такой налоговой “реформе” придавать нельзя»⁴⁵.

После Февраля 1917 г. процесс налогообложения еще более осложнился. Управляющий Таврической казенной палатой доносил в департамент, что из отчетов подведомственных ему податных инспекторов видно, что среди крестьян распространяются слухи об отмене всех существующих налогов, в том числе и государственного подоходного. «Все мероприятия в этом направлении, предпринятые податными инспекторами на местах в виде проезда по участку в целях личного воздействия на население, а также в виде распространения плакатов о необходимости уплачивать налоги и подавать заявления по подоходному налогу не привели к окончательным положительным результатам»⁴⁶.

Схожие ситуации были по всей стране. В мае 1917 г. в курские присутствия по подоходному налогу было подано от плательщиков 87% заявлений. К примеру, по трем участкам Курска их было получено 4950, а ожидалось 6750, т.е. подали заявления 73%. По другим участкам показатели были выше, а по таким уездам, как Львовский, Суджанский, Шигровский, процентный показатель был выше 100%, так как

количество поданных данных было выше, чем ожидалось, на 110, 32 и 73 заявления соответственно. Больше всего, кроме Курска с уездом (7,9 тыс. налогоплательщиков), плательщиков подоходного налога планировалось в Белгороде с уездом — 2,4 тыс., Рыльском уезде — 1,06, Суджанском — 1,04, Путивльском — 782, а меньше всего в Щигровском — 551, Новооскольском — 530, Тимском — 423. Общее их число на 1917 г. по Курской губ., имевшей трехмиллионное население, составляло всего 17 424 человека⁴⁷, а количество поданных заявлений — 15 251, т.е. у 2 тыс. человек доходы были ниже установленных, и в списки они оказались внесены по ошибке и от уплаты налога были освобождены.

Величина оклада по подоходному налогу на Курскую губ. равнялась чуть более 5 млн. руб., из них 26% приходилось на г. Курск, в Белгородском уезде должны были собрать 1,5 млн. руб., Рыльский и Старооскольский уезды должны были дать 378,5 тыс. руб. и 310,6 тыс. руб. соответственно. Меньше всего были обложены три уезда губернии, так что общая сумма налога Тимского (82 тыс. руб.), Щигровского (62 тыс. руб.) и Грайворонского (55 тыс. руб.) равнялась окладу Дмитриевского. Чтобы хоть как-то увеличить поступление налога, Временное правительство разрешило сберегательным кассам списывать соответствующие суммы подоходного и единовременного налога с лицевых счетов вкладчиков, хотя это касалось только тех, чьи доходы превышали 10 тыс. руб.

Из предполагаемой суммы налога для Курской губ. на 1 ноября 1917 г. поступило только 36%, или 1,8 млн. руб.: в Новооскольском из 139 тыс. руб. поступило 69%; в Старооскольском — 67,5%; в Льговском из 261,5 тыс. руб. — 34%; 11,5% суммы из предполагаемых 162,5 тыс. руб. внесли в Корочанском уезде, а в Суджанском — менее 10% из 237,5 тыс. руб.⁴⁸

Остальные деньги составляли недоимку, т.е. можно говорить о фактическом провале налогообложения по данному сбору в 1917 г., что объяснялось политической нестабильностью, трудностями военного времени и новизной налога, хотя большая часть населения — крестьянство поддерживала данный налог. К примеру, на собрании граждан Иванинской волости Льговского уезда было принято решение об оказании поддержки правительству и всем его действиям. Наряду с положениями о безвозмездной передаче земли народу при полной свободе и равноправии всех граждан было внесено предложение перенести главную тяжесть налогов на имущество⁴⁹.

В столичных губерниях также возникали сложности с уплатой налога, причем сокращалось число плательщиков⁵⁰, да и те, которые остались, зачастую подавали прошения о снятии с них налога ввиду их финансовой несостоятельности. К примеру, в Московское по подоходному налогу присутствие поступило такое заявление от купца И.В. Архарова, в котором он сообщал: «Прибыль валовая от моего торгового дела была примерно 6000 руб. в 1917 г., и она далеко не покрывала моих расходов»⁵¹.

В обществе активно призывали к переменам. Большевики требовали введения четырех налогов (прогрессивно-подоходного, поимущественного, наследственного и налога на чрезвычайный прирост имущества), а также отмены всех косвенных налогов, кроме налога на предметы роскоши⁵². Все это подтолкнуло Временное правительство к преобразованиям фискальной системы. Была повышена ставка обложения с 12,5% до 30,5%, а для владельцев предприятий этот сбор вместе с военным налогом на прибыль составлял 90%⁵³.

Постановление Временного правительства от 12 июня 1917 г. вносило изменения в закон о подоходном налоге и о налоге на прирост прибылей и устанавливало на 1917 г. единовременный налог с дохода. Из обложения исключались доходы, не превышавшие 1 тыс. руб. Минимальная ставка в 1% устанавливалась для облагаемых до-

ходов, не превышавших 1 тыс. руб., а доход свыше 400 тыс. руб. облагался в размере 120 тыс. руб., с добавлением к этой сумме по 3050 руб. на каждые полные 10 тыс. руб. сверх 400 тыс. руб.

Впервые в отечественной истории правительство приоритетным сделало обложение наиболее обеспеченной части населения. Повышение было сделано для всех разрядов: для первых 14 — в 1,5 раза по сравнению с первоначальными ставками, а для последующих разрядов — до 2,5 раз⁵⁴. По первоначальному закону отношение наименьшего процентного отчисления к наибольшему составляло 1:17 и стало — 1:27. Таким образом, прогрессия была заменена главным образом за счет больших доходов и приобрела за счет этого более стройный вид⁵⁵.

Ввиду сложностей в финансовой сфере налогоплательщикам вменялось обязательство внести в казначейство половину суммы не позднее 1 августа, не дожидаясь рассылки окладных листов. Для этого каждый должен был сам вычислить сумму причитающегося с него налога на основании показаний, сделанных им в декларации. Кроме этого, только на 1917 г. устанавливался единовременный налог, исчислявшийся в том же размере, что и подоходный, т.е. к платежу привлекались частные лица, общества, компании, товарищества, артели, если их обложенный подоходным налогом годовой доход превышал 10 тыс. руб. Если сумма единовременного налога вместе с суммами государственных (поземельного, с городского недвижимого имущества, промыслового, подоходного налога, на прирост прибылей) и местных (земские, городские, волостные) налогов превышала 90% от дохода, исчисленного для обложения подоходным налогом за 1917 г., то сумма единовременного налога уменьшалась с таким расчетом, чтобы совокупное обложение налогами доходов плательщика всеми этими налогами не превышало 90% его дохода. Контроль за этим возлагался на уездные присутствия по подоходному налогу.

«Если принимать во внимание наличие единовременного налога, то вывод о тяжелом обложении подоходным налогом первых разрядов доходов отпадает. Обложение налогом средних и высоких доходов было настолько высоким, что по сравнению с ним обложение низких доходов представляется терпимым», — указывал современник, анализируя мероприятия Временного правительства в области налогообложения⁵⁶.

Кроме этого, были внесены изменения в закон от 13 мая 1916 г. по поводу налога на прирост прибылей. Для подотчетных предприятий прибавка, на основании которой исчисляется прирост, была установлена законом 13 мая 1916 г. в размере более 8% по отношению к основному капиталу. Новая норма была снижена до 6%. Ставки налога выросли значительно: вместо прежних 20% с прироста при доходе свыше 8% и 40% при приросте выше 20% были назначены: прирост свыше 6% — налог в 40%, а выше 20% — налог в 80%. В сентябре 1917 г. устанавливался налог с учреждений и частных лиц, получающих доход от 600 до 1000 руб. в год⁵⁷.

«Ставки подоходного налога, объявленные в июне месяце 1917 г. Временным революционным правительством, безусловно, лягут более справедливо на население, дадут и большие суммы поступления. Конечно, это нужно было сделать раньше, но без увеличения давления на производительные силы страны». Из дореволюционной налоговой системы не осталось ничего, что, как писал Б. Имшеницкий, «заслуживало бы внимания и подражания, наоборот, от нее нужно бежать как от чумы, ибо, как доказано, она не укрепляет, а разрушает внутреннюю организацию страны»⁵⁸.

Буржуазия, безусловно, не хотела увеличения налогового бремени даже в условиях военного времени и приближающейся революции и тем самым сужала возможности финансового маневрирования правительства. В проекте докладной записки

Комитета представителей акционерных коммерческих банков министру финансов Шингареву от 27 июня 1917 г. отмечалось: «Новые налоги падают как на всех граждан, так и на торгово-промышленные предприятия, причем уплата их грозит серьезным расстройством и даже гибелью многих предприятий, а равно тяжелым ударом экономическому достатку средних и имущих классов... Налоговые источники при нынешнем расстройстве административного аппарата на местах вряд ли дадут казне в скором времени неотложно ей нужные большие средства...».

Принятые ставки налогов сохранились до 1918 г. для всех территорий, включая и «местности, освобожденные от неприятеля, и местности, из которых были временно эвакуированы податные органы»⁵⁹. Советская власть, также остро нуждавшаяся в средствах, ужесточала средства борьбы с недобросовестными плательщиками. Например, в циркуляре комиссара финансов С.К. Мержвинского отмечалось: «Лица, не внесшие подоходный налог полностью к 20 декабря 1917 г. подлежат, кроме мер, указанных в законе, денежным взысканиям вплоть до конфискации всего имущества. Лица, умышленно задерживающие уплату налога, подлежат тюремному заключению до 5 лет»⁶⁰.

Советские финансовые ведомства полагали правильным сосредоточить особое внимание на косвенных налогах. В справке, подготовленной финансовым комитетом, указывалось, что «прямое обложение не может удовлетворять потребности государства в средствах вследствие сокращения, с увеличением процесса национализации предприятий, объектов прямого обложения»⁶¹. В июне 1918 г. на заседании комиссии финансовых съездов представителями Департамента окладных сборов (существовал до 1919 г.) было доложено, что «в сфере подоходного обложения ввиду острой необходимости в кратчайший срок так или иначе пополнить кассы Государственного казначейства в текущем году спешно пересматриваются законы о подоходном и единовременном налогах и о налоге с прибылей в целях большего сообразования их с принципами советской власти, оставляя пока в стороне заботу коренного их переустройства, равно как и разработки поимущественного налога до более благоприятного времени»⁶², а в положении о налоге на прирост прибылей предприятий и увеличения вознаграждения частных промысловых занятий, а также и о налоге на военную прибыль проектируется увеличить максимальный размер обложения дохода до 95% всего дохода в отношении предприятий и 50% в отношении вознаграждения частных лиц⁶³.

Несмотря на принятые меры, сбор налога проходил с такими же трудностями и еще большими недоимками. Например, по Курской губ. на 1 ноября 1918 г. со всех налогоплательщиков было собрано всего лишь 581 тыс. руб., или 11%, при том, что сумма налога по губернии была увеличена на 140 тыс. руб. и стала составлять 5,2 млн. руб. Это еще раз показывает неудачность налогообложения. Интересно отметить, что сумма налога с Белгородского уезда была выше, чем с Курского, — 1 458 568 руб. против 1 431 882 руб.⁶⁴

Налогоплательщики по-прежнему могли подавать жалобы о размере обложения в губернское по подоходному налогу присутствие, но при рассмотрении они очень редко удовлетворялись, причем для этого было необходимо предъявить неопровержимые доказательства. Например, в 1918 г. такая жалоба на завышенный оклад поступила от купца I гильдии Ю.З. Виленчика, который просил снизить определенный присутствием облагаемый доход в 53 726 руб. до реального, получаемого в 1916 г. в размере 28 790 руб., и подтверждает это торговыми книгами. Кроме того, на протяжении года он платил различные взносы, например, во Временный комитет по оказанию помощи еврейским семьям запасных по Курской губ., в Общество пособия

бедным евреям и в Курскую еврейскую молельню, что было доказано квитанциями. Члены присутствия при участии эксперта рассмотрели жалобу и стали на сторону Виленчика⁶⁵. Подоходный налог продолжал взиматься и далее.

Таким образом, в России во время Первой мировой войны был налицо обширный финансовый кризис, вызванный отменой казенной продажи крепкого вина («сухой закон»), огромными военными расходами, снижением выплат по всем видам налогов. Эти причины послужили толчком для начала радикальных преобразований в фискальной системе, которые тем не менее являлись запоздалыми. Главным из этих начинаний являлось учреждение подоходного налога, о введение которого ратовала большая часть политических партий России. Подготовительная работа по реализации закона на практике, начатая в апреле 1916 г., и в 1917 г. была еще не завершена. Закон о введении подоходного налога при всех его сильных и слабых сторонах имел один огромный недостаток — слишком поздно он был принят и потому не успел сыграть существенной роли в оздоровлении государственных финансов. Средства, поступление которых было запланировано, так и не были собраны, поскольку их внесение намечались на середину 1917 г. Но к тому времени в России уже было новое правительство, призванное к власти Февральской революцией. Временное правительство предпринимало попытки стабилизации финансового положения страны, разрабатывая новые налоговые законопроекты, но они закончились провалом, и самым деятельным способом пополнения бюджета стала безудержная денежная эмиссия. Неспособность Временного правительства стабилизировать ситуацию в стране, в том числе в фискальной сфере, привела к налоговой анархии (народ просто перестал платить налоги) и к окончательному ослаблению авторитета государственной власти, что дало возможность леворадикальным партиям прийти к власти в октябре 1917 г. и объединить «низы» общества лозунгом «экспроприации экспроприаторов».

- ¹ Коцонис Я. Подданный и гражданин: налогообложение в Российской империи и Советской России и его подтекст // Россия и Первая мировая война: материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 472.
- ² См.: Толкушкин А.В. История налогов в России. М., 2001.
- ³ См.: Там же. С. 188—194, 249—253.
- ⁴ Там же. С. 192.
- ⁵ Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России, 1914—1917 гг. СПб., 2002.
- ⁶ Там же. С. 196.
- ⁷ Марискин О.И. Государево тягло: налогообложение крестьянства России во второй половине XIX — первой трети XX в.: (по материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004.
- ⁸ Там же. С. 95.
- ⁹ Там же. С. 99.
- ¹⁰ Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шаццлло М.К. История налогов в России, IX — начало XX века. М., 2006.
- ¹¹ Там же. С. 264.
- ¹² Там же. С. 266.
- ¹³ Там же. С. 269.
- ¹⁴ Там же. С. 278.
- ¹⁵ Истории налоговой политики России, конец XIX, XX и начало XXI столетия. М., 2008.
- ¹⁶ См.: Там же. С. 84—96.
- ¹⁷ См.: Там же. С. 96—103.
- ¹⁸ Совет Министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова: (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 41.
- ¹⁹ Соболев М.Н. Перестройка финансовой системы России в связи с введением подоходного налога и поимущественных налогов // Вопросы финансовой реформы в России. М., 1915. Т. 1, вып. 1. С. 2.
- ²⁰ Там же. С. 6.
- ²¹ К вопросу о преобразовании действующей налоговой системы. Проект. СПб., 1915. С. 2.

- ²² Там же. С. 3.
- ²³ Гензель П., Соколов А. Финансовая реформа в России. М., 1916. Вып. 1. С. 5.
- ²⁴ Твердохлебов В. О реформе прямых налогов в России // Вопросы финансовой реформы в России. М., 1916. Т. 1, вып. 2. С. 53.
- ²⁵ Соколов А. Подоходный налог // Там же. С. 18.
- ²⁶ Буланже М. Из истории подоходного налога и налога на прибыль // Налоговый вестник. 1998. № 6. С. 147.
- ²⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560. Оп. 38. Д. 193. Л. 73 об.
- ²⁸ См.: Имшеницкий Б. Несостоятельность дореволюционной налоговой системы. Одна из причин угнетенного состояния трудящихся классов. Киев, 1917. С. 23—24.
- ²⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 193. Л. 119 об.
- ³⁰ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 177—178.
- ³¹ Левин С. М. Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Пг., 1916. Т. 2. С. 114.
- ³² Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 144. Оп. 1. Д. 118. Л. 23 об.
- ³³ РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 193. Л. 119 об.
- ³⁴ Гедда Д. Подоходный налог с сельскохозяйственных предприятий // Земледельческая газета. 1917. 14 февр.
- ³⁵ Лисянский А. А. Что должен знать каждый платательщик подоходного налога: Закон 6 апр. 1916 г. о гос. подоходном налоге. Одесса, 1917. С. 4.
- ³⁶ ГАКО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 181. Л. 1—20.
- ³⁷ Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 51. Оп. 20. Д. 35. Л. 2.
- ³⁸ ГАКО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 118. Л. 20.
- ³⁹ ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 20. Д. 35. Л. 30—32.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 6. Д. 148. Л. 35.
- ⁴¹ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 13325. Л. 2—22.
- ⁴² РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 193. Л. 114.
- ⁴³ См.: Там же. Ф. 565. Оп. 9. Д. 34310. Л. 157—157 об.
- ⁴⁴ См.: Шингарев А. И. Финансовое положение России. Пг., 1917. С. 4—5.
- ⁴⁵ Боголепов Д. [П.]. Война и финансы. М., 1917. С. 15.
- ⁴⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 925. Л. 5.
- ⁴⁷ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 13326. Д. 7—11, 37—61.
- ⁴⁸ Там же. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 67. Л. 290.
- ⁴⁹ Там же. Д. 60. Л. 96.
- ⁵⁰ Центральный архив г. Москвы (ЦАГМ). Ф. 2360. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ⁵¹ Там же. Д. 3 а. Л. 3.
- ⁵² Кузовков Д. В. Какие налоги должно установить Учредительное собрание? М., 1917. С. 30.
- ⁵³ Коцинис Я. Указ. соч. С. 475—476.
- ⁵⁴ Новые законы. О повышении окладов подоходного налога, об установлении единовременного налога и другие постановления Временного правительства о подоходном налоге. Пг., [1917]. С. 3—4.
- ⁵⁵ Мероприятия Временного правительства в области налогов // Вопросы податного обложения. 1917. № 15—16. С. 11.
- ⁵⁶ Там же. С. 13.
- ⁵⁷ ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 12. Л. 88 об.
- ⁵⁸ Имшеницкий Б. Указ. соч. С. 28.
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 592. Л. 11—15.
- ⁶⁰ ЦАГМ. Ф. 715. Оп. 5. Д. 2. Л. 5.
- ⁶¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.
- ⁶² Там же. Л. 4 об.
- ⁶³ Там же. Л. 5.
- ⁶⁴ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 13460. Л. 28.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 144. Оп. 1. Д. 111. Л. 1—10.

В.Н. Парамонов (Самара)*

Качество жизни населения России в 1914—1917 гг.

Глобальный конфликт 1914—1918 гг. был не только войной «пушек», но и войной психологической, в которой настроения в армии и обществе были не менее важны, чем снабжение боеприпасами или обеспечение военной техникой. Патриотический подъем, охвативший в первые месяцы войны всю страну, широкий размах народной поддержки армии, мобилизация народного хозяйства на военные нужды, проведенная усилиями правительства и всего общества, создавали предпосылки для успешного ее ведения. Вместе с тем в это же время зарождались причины последовавших кризисных явлений и процессов, приведших к революционным событиям 1917 г. Одной из таких причин стало усложнение во время войны бюрократической системы управления, что вело к сбоям ее действовавшего механизма. Растущая дороговизна, перебои с транспортом, топливом и т.д. привели к предельной усталости народа, к смене патриотического подъема апатией¹. По мнению О.С. Поршневой, сами военные действия и особенно материальные трудности войны (в том числе и продовольственные) воздействовали не только на сознание, но и на поведение людей. Изучая материалы по уральском региону, она отметила рост с лета 1915 г. стихийного недовольства малоимущих слоев населения городов, прежде всего женщин-солдаток, перебоями в снабжении и дороговизной основных продуктов питания и предметов первой необходимости. В 1916 г. продовольственные волнения стали возникать и среди крестьянского населения Урала².

В подходах зарубежных исследователей к изучению ситуации в России в предреволюционный период и в годы революции и гражданской войны сложились две основные школы: «неототалитарная» (А. Улам, Р. Пайпс и др.) и «ревизионистская» (Л. Хеймсон, М. Левин, Ш. Фицпатрик и др.)³. Представители «тоталитарной школы» изучали историю через призму власти, идеологии, а «ревизионисты» обратились к социальному опыту, действиям, настроениям различных групп населения.

По мнению австрийской исследовательницы Э. Хереш, которая, изучая эпоху правления Николая II, анализирует и состояние российского тыла в годы Первой мировой войны, он был не в состоянии быстро нарастить производство. Летом 1915 г. горе «населения, еще недавно столь патриотически настроенного, в результате несслыханных жертв первого года войны, и разочарование ввиду огромных потерь полностью уничтожили первоначальный энтузиазм и радость от первых успехов, и тем сильнее было озлобление против немецкого врага». Поворотными в жизни тыла Хереш считает события зимы 1917 г., когда сказалось вызванное войной расстройство снабжения продовольствием и топливом, когда силы «порядка не могут устранить причины беспокойства и хаоса», хотя «еще способны уследить, чтобы кризисом не воспользовались подстрекатели и анархисты». Хереш в известной степени идеализирует ситуацию, считая, что между Николаем II и солдатами было полное взаимопо-

* *Парамонов Вячеслав Николаевич* — доктор исторических наук, Самарский государственный университет.

нимание. Вместе с тем она обращает внимание на изменение состава Петроградского гарнизона, где стали преобладать «крестьяне-запасники» с недостатком образования и верности царю. По оценке Хереш, недовольство масс в тылу и на фронте было направлено в первую очередь против правительства, а не против царя⁴.

В западной историографии нет единой точки зрения относительно уровня жизни российского населения в предреволюционный период. Так, американский исследователь М. Корт, автор популярного в США издания по российской/советской истории, пишет, что среднестатистический русский крестьянин в 1914 г. жил не лучше, чем в 1860 г.⁵ Т.е. никакого улучшения не произошло, но этот подход не может быть научным, так как улучшения в уровне жизни, разумеется, были. Другие авторы, напротив, завышают уровень потребления народных масс⁶.

С начала XXI в. внимание российских исследователей все больше уделяется истории российского тыла в годы войны, который нес основное бремя тяжести по выполнению мобилизационных кампаний, снабжению армии вооружением и продовольствием, обеспечению приема раненых, военнопленных, беженцев, изучению качества жизни населения тыла в этот период, что позволяет полнее раскрыть причины социально-политических потрясений в истории России. Как отмечается современными исследователями, «...в царской России рухнула вначале не армия, а тыл, не выдержавший перегрузок военного времени. Правящим “верхам” не хватило государственной мудрости и политического искусства, чтобы использовать тот шанс, который давал им кратковременный патриотический порыв 1914 г. Власть не сумела наладить контакт с обществом, ограничиваясь полумерами в деле государственного регулирования экономики и снабжения населения и армии продовольствием... “Верхи” российского общества сами ускорили свою гибель, не сумев остановить девятый вал озлобления и ненависти народа ко всем богатым и власть имущим»⁷.

И.В. Нарский (Челябинск), анализируя основные характеристики участия России в мировой войне, подчеркивает «острый конфликт между фронтом и тылом». Он полагает, что именно из тыла на фронт «шли первые импульсы разложения». Это проявлялось в слухах об «измене» высших чиновников и незаконных махинациях «купцов» в связи с перебоями в снабжении войск оружием и амуницией. Сконструированная или искаженная информация молниеносно распространялась на фронте посредством так называемого «солдатского телеграфа». По его мнению, новобранцы и резервисты принесли с собой в армию «растущий в тылу дефицит порядка и уважения к государственной собственности». Это, в частности, проявлялось в том, что «на пути маршевых рот на фронт процветала торговля солдат с гражданским населением обувью и одеждой»⁸.

Исследователи обратили внимание на влияние экономических факторов на уровень жизни населения: «Падение покупательной способности денежной единицы автоматически приводило к снижению доходов населения и делало его неизбежным и продолжительным, что в свою очередь вызывало длительное и устойчивое недовольство населения властью и правительством»⁹.

В первый год войны на положении сибирской деревни, по мнению сибирского исследователя В.М. Рыноква, благоприятно сказалось прекращение продажи спиртных напитков, не компенсированное еще самогоноварением, что привело к повышению производительности труда и к сбережению средств, поскольку выдаваемые государством семьям призванных на фронт денежные пособия удавалось сэкономить в силу безвозмездной помощи в уборке урожая со стороны односельчан¹⁰.

А.А. Ильюхов, анализируя динамику материального положения городских жителей в годы революции и гражданской войны, привел сравнительные данные по довоенному

и военному периодам, включив в описание материального положения такие параметры, как питание и характер его получения, одежду, уровень заработной платы и цен в динамическом развитии, состояние здоровья и его охрану, влияние эпидемий на жизнь людей, характер их социального обеспечения и быта. По его мнению, прослеживается закономерность: чем меньше город, чем больше его жители падают и сеют, тем ниже у них формальный прожиточный минимум. В таких городах война резко увеличила натурализацию хозяйства. Автор пришел к выводу, что при падении заработка калорийность питания рабочего сокращалась медленнее общего сокращения бюджета¹¹.

Ряд исследователей акцентирует внимание на анализе умонастроений, морально-этических норм поведения различных слоев общества. С.Ю. Шишкина обратила внимание на четко обозначившуюся центральную линию конфликта в тылу — «противоречие между интересами потребителей (как государства, так и частных лиц) продовольствия и предметов первой необходимости, с одной стороны, и интересами производителей и торговцев — с другой». В результате трудности военного времени способствовали эволюции общественных настроений населения в сторону усиления критики правительства и его деятельности, неприятия войны¹². И.И. Кротт сделал вывод о том, что с осени 1914 г. сибирская деревня оказалась в совершенно новой социально-экономической ситуации, над которой стали выстраиваться поведенческие стратегии сельских жителей. Им отмечены усиление социально-имущественной дифференциации населения, рост в тылу в течение войны различных проявлений отклоняющегося поведения, хулиганства, упадок нравственности¹³.

Новый виток дискуссии о качестве жизни россиян в предвоенный и военный периоды связан с полемикой Б.Н. Миронова и С.А. Нефедова о благосостоянии населения и революции в России¹⁴. По мнению первого, поскольку «российская модернизация привела к росту благосостояния населения, ее следует признать успешной, несмотря на все издержки». Причины революции он видит в следующем: «Рост экономики стал дестабилизирующим фактором даже в большей степени, чем стагнация, так как вызвал изменения в ожиданиях, образцах потребления, социальных отношениях и политической культуре, которые подрывали традиционные устои старого режима. Если бедность плодит голодных, то улучшения вызывают более высокие ожидания. Военные трудности после длительного периода повышения уровня жизни также послужили важным фактором революции»¹⁵. Вместе с тем Миронов считает, что хотя трудности военного времени были существенными, особенно в столицах и больших городах, но их не следует преувеличивать¹⁶. Для анализа динамики уровня жизни в дореволюционный период он использует антропометрические данные, применяя показатель дефинитивного роста людей, достигаемого к моменту наступления полной физической зрелости. Рост мужчины рассматривается как показатель уровня жизни в год его рождения. Увеличение роста должно свидетельствовать о повышении уровня жизни, а уменьшение — о его понижении. Увеличение роста — основной аргумент Миронова в дискуссии об уровне жизни населения и причинах революции в России¹⁷.

По мнению его главного оппонента екатеринбургского историка Нефедова, рост не является характеристикой уровня жизни в год рождения. Дефинитивный рост отражает условия жизни в основном в период пубертатного скачка, происходившего до середины XX в. в 14—18 лет. Нефедов считает, что в России в 1900—1905 гг. уровень жизни рос, а после 1905 г. начал падать, но скорее всего (с учетом возможного сдвига) падение началось уже в 1905 г. Оно продолжилось до 1910 г., затем до 1915 г. потребление возрастало, а с 1916 г. начало уменьшаться, и только с 1923 г. наблюдается новый рост уровня жизни¹⁸.

Проблему питания исследователи рассматривают с разных позиций. Они опираются на итоги расчета продовольственного баланса для хлеба и картофеля и делают различные выводы об уровне питания в предреволюционной России. Миронов и М.А. Давыдов оценивают его позитивно. Свою точку зрения Миронов подкрепляет антропометрическими показателями, а Давыдов — данными об экспорте хлеба, продовольственной помощи в годы неурожая. Нефедов доказывает, опираясь на данные статистики урожая и населения, что уровень питания был низким¹⁹.

На мой взгляд, в конструкции Миронова явным образом просвечивает идеализация ситуации с продовольствием и в целом с качеством жизни российского населения до февраля 1917 г. По справедливому замечанию известных современных российских исследователей Г.Д. Алексеевой и А.В. Манькина, большинство россиян до 1917 г. не знали, что такое чай и сахар, влачили полуголодное и голодное существование. Авторы призывают: «Почитайте народнический журнал “Русское богатство” о народном потреблении в конце XIX — начале XX века!»²⁰. Правда, на мой взгляд, следует учитывать идеологическую ориентацию данного издания, нередко акцентировавшего внимание на самых больных точках существования народа. Что касается выводов Нефедова, то многочисленные факты, в том числе те, которые приводятся в данной статье, опровергают утверждение, что в 1916 г. началось снижение уровня жизни, поскольку в ходе войны началось ухудшение положения большинства населения тыла, причем данная тенденция только усиливалась.

Представляет в этой связи интерес работа московского историка А. Маркевича и британского исследователя М. Харрисона «Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913—1928 гг.», удостоенная в России национальной премии по прикладной экономике²¹. По их расчетам, реальный ВВП России в 1917 г. был ниже уровня 1913 г. примерно на 18%, причем до 1916 г. снижение не превышало 10% (этому способствовал отличный урожай 1915 г.). Если сравнить русскую экономику в эти годы с экономикой других континентальных стран, участвовавших в Первой мировой войне, то степень урона сопоставима. Накопленный спад ВВП за 1914—1917 гг. в Германии составил более 20%, а в Австрии — свыше 30%, и в среднем по континентальным воюющим державам — 23%. Можно согласиться с выводом данных авторов о том, что неверно было бы связывать русскую революцию исключительно с военными тяготами и ущербом. Необходимо анализировать исторические обстоятельства, которые были специфическими для России того периода²². Таким образом, в современной историографии вопрос о качестве жизни населения России в период Первой мировой войны остается острым, дискуссионным, противоречивым, требующим применения междисциплинарного подхода, уточнения статистических показателей, выявления и введения в научный оборот дополнительных исторических фактов.

В силу сложности и многофакторности проблемы в одной статье невозможно остановиться на всех ее аспектах. В настоящей статье анализируются причины ухудшения качества жизни населения страны, эффективность административно-государственного регулирования в сфере потребления, изменения образа жизни населения и его социального поведения в ходе войны.

Различные экономические показатели дохода выступают только одним из многих индикаторов качества жизни. Речь вообще идет не только об объективных факторах, определяющих качество жизни (питание, жилище, занятость, образование и т.д.), но и о субъективном восприятии человеком уровня своего благополучия и таких понятий, как счастье, удовлетворенность, удовольствие. Качество жизни является сложной синтетической категорией, аккумулирующей значимые для личности условия, характеризующие уровень развития и степень удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов

людей. Качество жизни можно рассматривать как интегрированное понятие, включающее в себя: потребности человека и возможность их удовлетворить; характеристику показателей уровня жизни, условий труда и отдыха; жилищные условия; социальную обеспеченность и гарантии; безопасность жизнедеятельности; наличие свободного времени и возможности его продуктивного использования; субъективные ощущения комфорта, стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Изучение качества жизни населения российского тыла дает возможность определить изменения образа жизни населения и его социального поведения в результате «экстремализации» условий жизни, помогает выявить динамику трансформаций социально-классовой структуры с 1914 г.

Первая мировая война потребовала значительных человеческих и материальных ресурсов. На мобилизационные приемные комиссии в июле — августе 1914 г. явилось 96% подлежащих призыву. Если до объявления общей мобилизации численность вооруженных сил России составляла около 1,5 млн. чел., то после ее осуществления к концу 1914 г. в строю оказалось свыше 6,5 млн. человек²³. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., работоспособное мужское население деревни сократилось примерно на 40%. За три года война вырвала из сельского хозяйства более 15 млн. человек²⁴. По данным А.М. Анфимова, по 50 губерниям и областям число мобилизованных за годы войны составило 22,6% всех мужчин, или 47,4% трудоспособного мужского населения²⁵.

Первый блок индикаторов качества жизни характеризует здоровье населения и демографическое благополучие, которые оцениваются по уровням рождаемости, продолжительности жизни, естественного воспроизводства. В Европейской России средняя продолжительность жизни составляла 32 года (для мужчин — 31 год, женщин — 33 года), что было ниже в полтора раза средней продолжительности жизни населения западных стран²⁶. В военный период в силу мобилизации мужчин в армию нарушилось естественное соотношение полов в структуре населения и ухудшились возможности выбора брачного партнера. В итоге в 1916 г. в европейской части России было зарегистрировано лишь около 40% от общего числа браков, заключенных в 1913 г. Аналогичная ситуация была в других воевавших странах, хотя процентные показатели могли незначительно отличаться. В целом по 50 губерниям Европейской России число нереализованных за годы Первой мировой войны браков оценивается в 1,7 млн., из которых более половины должно было состояться в деревне²⁷.

Меньше шансов вступить в брак было у сельских потенциальных невест, поскольку из сельской местности практически все мужское население активного возраста уходило на военную службу. В городах все-таки было немало военнослужащих в гарнизонах или получивших отсрочку от призыва и работавших на оборонных заводах. Кроме того, в результате снижения доходности многих крестьянских хозяйств из-за ухода трудоспособных работников в армию, многие семьи не могли выделить своей дочери соответствующее приданое, что, в свою очередь, увеличивало численность неустроенных девушек. Наблюдалось снижение рождаемости. В период войны выросло число неполных семей, в которых временно или навсегда (по причине гибели) не стало прежнего главы семьи — отца, а также сыновей и братьев. Многие крестьянские семьи, где нередко единственный работник был на фронте, ликвидировали хозяйство и переселялись в город.

Питание в стране, как в предвоенный, так и в военные периоды не соответствовало ни уровню европейских стран тех лет, ни биологическим потребностям населения страны. Экономист С.А. Клепиков приводил следующие сравнительные данные ежедневного потребления важнейших продуктов питания в 1910-е годы сельским населением различных европейских стран (в граммах)²⁸:

Продукты	Россия	Дания	Франция
Мясные	78,1	150	580
Мясо	51,6	—	—
Молочные	365,1	857	465
Картофель	366	450	200
Овощи и фрукты	141,1	100	380
Яйца	2,7	30	70,2
Хлебные	855,6	647	330

Дефицит во многом возникал из-за недостатка животной пищи — мясных и молочных продуктов, которые были недоступны большинству населения. Потребление большой массы растительной пищи, компенсирующей нехватку животной, влекло за собой тяжелые желудочные заболевания²⁹. Устойчивым было явление, на которое указывал известный медик профессор Л.А. Тарасевич на X Пироговском съезде в 1907 г.: русский народ находится в состоянии постоянной болезни недоедания («хроническое неполное голодание»), причем достаточно небольшого ухудшения, чтобы начались все ужасы голода³⁰.

По результатам своих исследований Р.М. Кабо, работавший в годы Первой мировой войны во Всероссийском бюро труда при Союзе городов, а позднее ставший одним из основоположников отечественной географии населения, пришел к выводу, что по составу калорийной нормы «русские рабочие, не исключая рабочих с лучшим питанием... отстают в потреблении и от своих западноевропейских товарищей, и от объективных требований физиологии»³¹.

При определении среднедушевого пищевого пайка до 1917 г. исходили, прежде всего, из настоятельной необходимости подъема экономики на основе энергичного производительного труда. Человек в этом случае рассматривался как человек-машина, на поддержание холостого хода которого расходуется до 2 тыс. ккал. Поэтому для работника средней квалификации суточная норма определялась в 3750 ккал, для студентов — в 2600 ккал, для инвалидов и безработных — 1800 ккал, детей до трех лет — не менее 1250 ккал и т.д. При этом господствовал принцип, согласно которому: «Если бы у нас не хватило ресурсов, нам пришлось бы пойти по пути сокращения числа снабжаемых, а не норм снабжения». Отличительной особенностью расчетов нормативных бюджетных наборов в военный период была крайняя ограниченность, как по составу благ, так и по их объему. Калорийный состав рабочего пайка составлял (в %): хлеб и крупа — 70,2 (превышение рассчитанного стандарта потребления на 2%); картофель — 16,9 (превышение стандарта более чем в два раза); овощи — 1,9; мясо и рыба — 2,6 (отклонение от стандарта в сторону уменьшения в 1,8 раза); жиры животные и растительные — 10,0; молочные продукты и яйца — 2,0; сахар, мед и т.п. — 1,6 (отклонение от стандарта в сторону уменьшения в 3,5 раза)³².

В 1914—1916 гг. тыл повысил потребление ранее недоступных для него продуктов: мяса, сахара, масла, белого хлеба. Причина — «пайковые» выплаты от государства семьям солдат. Прежде всего, право на получение пособия предоставлялось женам и детям мобилизованных или вступивших в армию добровольно, затем ближайшим родственникам — отцу, матери, деду и бабушке, братьям и сестрам, если они находились на содержании призванного. В начале войны в среднем на одного взрослого человека приходилось более 2 руб. в месяц³³. На промышленных предприятиях была установлена помощь семьям призванных в армию рабочих и служащих (в раз-

мере половины оклада призванного работника). В дальнейшем ежегодно в августе или при существенном изменении цен на продукты стоимость пайка пересматривалась. В итоге месячный паек с 3 руб. (на 31 декабря 1914 г.) вырос до 4 руб. 8 коп. (на 1 марта 1917 г.), или на 136%, но он намного отставал от роста товарных цен³⁴.

Тем не менее, если до войны излишки денег уходили на налоги (налогообложение в Российской империи являлось максимально возможным для полунисшей массы крестьянского населения страны), то теперь пайки выдавались деньгами в эквиваленте минимума потребительской корзины, а потому деревня смогла повышать свое потребление: «В лице армии и отрезвленной деревни... появился почти новый потребитель. Миллионы людей, которые до войны совсем не ели мяса или очень редко, стали его теперь получать как необходимый продукт ежедневного питания». Потребление мяса в России повысилось с 0,3 до 4—5 пудов в год. В то же время потребление мяса по сравнению с довоенным уровнем в Англии составило 62%, в Германии — 12%³⁵. По мнению М.В. Оськина, если даже учесть все погрешности, то в России население в целом стало есть мяса больше, чем в Германии, до войны являвшейся лидером по его потреблению (54 кг в год)³⁶.

Вместе с тем имеются и противоположные статистические данные. Член Президиума Госплана СССР Р.Е. Вайсберг приводил нормы фактического дневного потребления пищевых продуктов в Москве. За 1913—1916 гг. они увеличились только по крупе с 0,28 до 0,38 фунта и сохранились по сахару (0,16 фунта), по мясу наблюдалось уменьшение с 0,72 до 0,35 фунта. Увеличение наблюдалось в 1917 г. по хлебу печеному, картофелю, мясу (до 0,6 фунта), жирам, а с 1918 г. шло резкое уменьшение потребления основных пищевых продуктов³⁷.

Начало военных действий привело к удорожанию продуктов сельского хозяйства и других товаров. Так, уже летом 1914 г. тюменские обыватели забили тревогу в связи с повышением цен на самые необходимые жизненные продукты: мясо, ржаной хлеб, сахар, а в январе 1915 г. наблюдался рост цен не только на продукты питания, но и на нитки, иголки, карандаши, перья, бумагу³⁸. В Москве цены на предметы первой необходимости составляли в 1916 г. по отношению к 1913 г. по мануфактурным изделиям 262%, по обуви 334%³⁹.

Через полгода войны установилось стабильное поступательное движение цен на хлеб, и к весне 1915 г. они были существенно выше уровня цен 1913 г. Рост цен на рожь по сравнению с 1913 г. в 1915 г. составил 171%, в 1916 г. — 208%, весной 1917 г. — 333%, осенью — 666%, на овес в 1915 г. — 183%, 1916 г. — 263%, весной 1917 г. — 400%, осенью 1917 г. — 800%⁴⁰. По данным экономиста Н.Д. Кондратьева, в сравнении с осенью 1913 г. в Европейской России осенние местные цены на пшеницу составляли в 1914 г. 104%, в 1915 г. — 160%, в 1916 г. — 259%, в 1917 г. — 1403%⁴¹.

В Заволжье и на Южном Урале в рассматриваемый период уровень и рост хлебных цен были менее значительными по сравнению с другими районами европейской части России, включая соседние поволжские губернии. Особенно заметна была разница в ценах с потребительскими районами России⁴². В Петрограде цены к концу 1916 г. в сравнении с 1914 г. возросли: на молоко — на 150%, на белый хлеб — на 500%, на масло сливочное — на 830%, на обувь и одежду — на 400—600%⁴³. В Нижнем Новгороде цены на продукты питания возросли к 1917 г. более чем в 10 раз: пуд ржаной муки стал стоить в 10,4 раза дороже, чем в 1914 г.; пуд картофеля — в 14 раз; цены на пшено возросли в 18 раз, на мясо — в 7 раз⁴⁴.

Для регионов с аграрной специализацией было характерно то, что цены на хлеб и другие продукты питания повышались достаточно медленно⁴⁵. В Самарской губ. цены

на многие продукты питания за 1914—1916 гг. повысились на 100—300%⁴⁶. Средние цены в Оренбургской губ. к 1917 г. поднялись: на крупный рогатый скот до 142—165 руб. за голову (в 1910 г. — 68,5 руб.), лошадей — до 250 руб. (1910 г. — 75,7 руб.), пуд говядины — до 19 руб., пуд свинины — 19,6 руб., масло сливочное — 55 руб. за пуд⁴⁷. Показательна динамика цен на хлеб в Оренбургской губернии в 1914—1917 гг. (см. табл.)⁴⁸:

Динамика цен на хлеб в Оренбургской губ. в 1914—1917 гг., в коп. за пуд

Наименование	1914	1915	1917
Рожь	54	64	207
Пшеница	64	77	300,3
Овес	48,6	69	288
Ячмень	54	64	222
Просо	61,6	71	242
Гречиха	76	91	633
горох	114,6	127	276

В качестве способа борьбы с ростом потребительских цен на хлеб власти рассматривали регулирование закупочных цен. Такие цены должны были искусственно снижать спрос на хлеб, реализуемый по рыночным ценам. Циркуляром правительства от 31 июля 1914 г. повсеместно вводилась такса (т.е. точные расценки) на продукты питания. В Московской губ. установленные твердые цены пересматривались 2 раза в месяц. За нарушение торговцам грозил штраф в 3 тыс. руб. и трехмесячный арест. Это постановление привело к исчезновению с рынков продуктов с низкими ценами, развитию спекуляции, смещению торговых путей, бесцельному загромождению транспорта⁴⁹. В Казани, Симбирске и Пензе с установлением твердых цен выросли и местные цены на 20—30%⁵⁰. Твердые цены на хлеб привели к массовому стремлению крестьян уклониться от хлебных заготовок. С августа 1915 г. по июль 1916 г. заготовки дали 343 млн. пудов хлеба, зато оставшиеся в деревне излишки составили 402 млн. пудов⁵¹.

Борьба с рынком продолжалась на местном уровне. Закон 17 февраля 1915 г. предоставил местным гражданским и военным властям право запрещать вывоз продуктов, проводить закупку продовольствия и реквизиции по пониженным расценкам. Этот закон нанес вред экономической жизни, ибо разбивал страну на изолированные районы и способствовал повышению потребительских цен. Губернаторы стали запрещать вывоз из своих губерний сельскохозяйственных продуктов и сырья. Стали складываться местные цены. В 1913 г. среднее квадратическое отклонение местных цен от средней по стране цены составляло по ржи 17,5 коп., по пшенице — 17,7 коп., по овсу — 15,0 коп. В 1915 г. оно увеличилось по ржи до 35,9 коп., по пшенице — до 42,8 коп., по овсу — до 38,1 коп. В 1916 г. разрыв между местными ценами еще больше увеличился. Единый аграрный рынок распался на локальные, фрагментарные рынки⁵².

На росте цен и дефиците товаров на рынках сказалось и то, что в 1914 г. война парализовала ярмарочную торговлю, а в последующие годы она в корне подорвала всю экономику царской России и ярмарки окончательно пришли в упадок. Отчет Нижегородского ярмарочного комитета за 1915 г. фиксировал, что подвоз товаров на ярмарку еще более сократился, а некоторые товары, например кожевенные, суконные и даже галантерейные, на ярмарке в 1915 г. совсем отсутствовали. Ярмарка этого года была так

бедна, что по сравнению с нею даже неудавшаяся ярмарка 1914 г. оценивалась комитетом как богатая. А в 1916 г. дела Нижегородской ярмарки пошли совсем плохо, и из-за «бедности товарами и торговцами» она была закрыта почти на месяц раньше срока⁵³.

Введение твердых цен при закупках продовольствия для армии и постоянный рост цен на промышленные товары, а также их хронический дефицит вызвали нежелание крестьян торговать на рынке. Цены на соль, спички, керосин росли гораздо сильнее, чем на местное зерно. Города стали испытывать хронический дефицит продуктов питания. В 1916 г. началось постоянное введение карточной системы. Она вводилась не централизованно, а по инициативе местных общественных организаций, городских дум и земств. В августе 1916 г. в Томске были введены карточки на сахар, в январе 1917 г. — на муку, а вскоре и на печеный хлеб⁵⁴. С января 1917 г. Самарская городская управа ввела для населения продовольственные книжки, которые заменили ранее действовавшие сахарные карточки⁵⁵. Подобная практика становилась повсеместной.

30 июля 1916 г. появился закон «О мерах к сокращению потребления населением мяса и мясных продуктов от крупного рогатого скота, телят, овец, ягнят, свиней и поросят». Были введены так называемые мясопустые дни — во вторник, среду, четверг и пятницу не разрешалась повсеместная продажа мяса и мясных продуктов. В результате в городах подскочила стоимость рыбы и овощей и развернулась нелегальная продажа мяса как неклеяемого продукта. Одной из причин нехватки хлеба для раздачи по карточкам, продуктов для армии и гражданского населения была также неспособность вывезти продукты из тех губерний, где они были заготовлены. В Сибири, где шли заготовки мяса для армии, внезапная оттепель зимой 1916/1917 г. нанесла большой урон заготовителям. Огромные партии мяса, размещенные вдоль железной дороги, испортились⁵⁶.

«Поездка на фронт 1916 г. была для меня... — вспоминал участник Особого совещания при заведующем отделом снабжения армии по холодильному делу Н.А. Бородин, — поучительной... Осматривая... гигантские провиантские магазины с громадными запасами всевозможных пищевых продуктов для всепожирающей миллионной армии, я не мог освободиться от впечатления, что все это богатство отобрано от массы оставшегося в тылу мирного населения, которое рано или поздно ощутит нехватку в этом добре... с чем трудно мириться, — это с бесполезной гибелью этого собранного со всех концов матушки России добра. Между тем я при осмотре складов видел горы подмоченного сахара, риса, сухарей и пр. Соленая рыба оказалась испорченной вследствие отсутствия соответствующих прохладных помещений для ее хранения, а главное, вследствие слишком длительного пути: вместо 10—14 дней вагоны с ней путешествовали из одного места в другое в некоторых случаях около месяца»⁵⁷. Таким образом, можно полагать, что имело место резкое ухудшение продовольственного снабжения населения, прежде всего городского. Продовольственный вопрос оказался настолько серьезен, что в конечном итоге сыграл определенную роль в падении правительства и в свержении Николая II.

В годы войны обострился и «квартирный вопрос». К ноябрю 1915 г. число беженцев, осевших в 42 губерниях и областях России, превышало 2,5 млн. человек. Количество беженцев и переселенцев в целом исчислялось в пределах 4—5 млн. человек. В Самарской губ. беженцы стали составлять 4% населения, в Калужской — 4,4%, в Екатеринославской — 7,4%, в Ярославле — 10%⁵⁸. Так, на 1 октября 1916 г. на территории Самарской губ. было размещено 142 822 беженцев⁵⁹. В Сибири к осени 1915 г. насчитывалось 160 тыс. беженцев⁶⁰. Среди беженцев более 50% были нетрудоспособными⁶¹. В деревне большая часть беженцев пребывала недолго, стараясь как можно скорее перебраться в город, где они либо находили себе работу, либо становились

безработными. Перемещение в город объяснялось, как правило, возможностью «правильного получения пайка»⁶².

Каждый беженец имел регистрационные бланки, где отражались многие сведения: история скитаний семьи, национальность, имущественное положение и т.д. Людей старались расселять по национальному признаку, основные виды помощи для беженцев были следующие: бесплатные перевозки, предоставление жилья, содействие при устройстве на работу, выдача одежды, необходимые юридические консультации и т.д. По мнению сибирского исследователя Ю.П. Горелова, повседневная жизнь многих беженцев сближала их с военнопленными. Они долго перевозились, размещали их в «отстойниках» вместе с военнопленными, они приобретали множество различных заболеваний и были разносчиками инфекций (тиф, корь). Жили многие из них в плохо отапливаемых помещениях, общежитиях-казармах либо в помещениях торгового склада, в старых зданиях, в железнодорожных вагонах, бараках и даже в лагерях для военнопленных. Обеспечение продовольствием было на уровне солдатских норм: взрослым в день $\frac{3}{4}$ фунта мяса, $\frac{1}{2}$ фунта черного хлеба, чай, детям выдавали бутылку молока, фунт белого хлеба, полпорции горячего блюда с мясом⁶³.

Население некоторых городов в провинции из-за наплыва беженцев и за счет расквартированных войск выросло в полтора-два раза⁶⁴. Размещение крупных гарнизонов не только существенно увеличило число горожан (в Самаре с учетом гарнизона насчитывалось примерно 250—260 тыс., в Пензе — 136 тыс., в Симбирске — около 117 тыс.), но и изменило специфику социальной структуры, бытовую ситуацию и т.п. Огромное значение имеет тот факт, что среди солдат не менее 70% составляли крестьяне. То есть можно говорить о существенном увеличении крестьянского элемента как характерной черте динамики социальной структуры города в 1914—1917 гг. (учитывая, что солдаты гарнизонов на начало 1917 г. составляли 20—36% населения губернских и 30—70% населения уездных городов). К примеру, в Симбирске крестьяне и военные вместе составляли 70% населения города. В Новониколаевске в гарнизоне было от 40 до 70 тыс. военнослужащих, что составляло более половины населения города⁶⁵.

Из-за притока беженцев ухудшились жилищные условия, увеличилась арендная плата. Например, перед войной квартира в Самаре (одна комната с кухней) сдавалась за 9 руб. в месяц, в сентябре 1915 г. — за 16 руб., в 1917 г. — за 20 руб.⁶⁶ На Самаро-Сергиевском заводе взрывчатых веществ рабочие размещались в бараках по 30 человек. Не только землянки, но и стены бараков засыпались землей, а затем они обшивались внутри досками. В таких примитивных жилищах царили грязь, насекомые. Булочки и калачники Самары жили в грязных и сырых спальнях: «Кровати в них встречаются лишь как редкое исключение. Кое-где есть нары, но они без всяких матрацев, простыней и т.п.»⁶⁷. Способом решения жилищного вопроса стало использование железнодорожных вагонов, находившихся в слободах, на окраинах городов, пристанционных путях.

Отсутствие финансирования, необходимых специалистов, несвоевременный ремонт, отсутствие элементарной культуры совместного проживания — все это стало предпосылками стремительного развала всей системы жизнеобеспечения города. К 1917 г. лишь 25,8% российских городов пользовались телефонной связью, 25,7% имели водопроводы (в 20% городов они были коммерческими). В 15,4% городов функционировали электростанции (из них лишь 50% были муниципальными), а канализацией были оборудованы 16 муниципалитетов (1,7% от их общей численности)⁶⁸. Причем состояние коммуникаций становилось все хуже и хуже. Так, последний ремонт коммуникаций в Симбирске производился в 1915 г., а уже к лету 1918 г. их состояние было признано катастрофическим⁶⁹.

С первого же года войны в стране стал остро ощущаться недостаток медицинской помощи, так как большая часть врачей была призвана в армию. Так, количество военных врачей, составляющее в 1910 г. 3560 человек, возросло к 1 октября 1916 г. до 14 620 человек, а если учесть, что общее число врачей в стране составляло в 1913 г. всего около 25 тыс., то можно считать, что 50—60% их оказались в рядах армии. К этому времени еще нужно добавить, что много гражданских врачей было привлечено к обслуживанию раненых и больных военнослужащих в земских и городских больницах⁷⁰.

Резко сократился коечный фонд и ассигнования на медицинское обслуживание гражданского населения. Санитарная деятельность городов и земств во время войны носила вынужденный, случайный и ограниченный характер. Условия военного времени дезорганизовали деятельность земских и городских санитарных организаций, ликвидировали все «благие порывы» по благоустройству и оздоровлению населенных мест. В результате санитарное состояние населенных пунктов еще более ухудшилось. В 1915 г. журнал «Вопросы страхования» (№ 10) констатировал: «Вследствие скверного питания... скученности квартир, длинного рабочего дня и сверхурочных работ замечается усиление заболеваемости среди рабочих»⁷¹.

Развитию эпидемии паразитарных тифов во многом способствовала обстановка, сложившаяся в тылу страны. Здесь наиболее «горючим материалом» стали беженцы и военнопленные, которых расселяли по многим городам и населенным пунктам восточных губерний Европейской России и Сибири. В середине 1915 г. эпидемические заболевания были зарегистрированы в 39 губерниях: брюшной тиф в 107 местах, сыпной — в 43 и возвратный — в 25⁷². Очень тяжелое течение приобрела дизентерия, которая шла волнами: в 1914 г. 395 тыс. заболевших, в 1915 г. — 292 тыс., в 1916 г. — 111 тыс. Некоторое повышение наблюдалось в 1917 г., но в 1918 был достигнут минимум — 59,7 тыс. После этого снова начался рост. Очень широко распространилась натуральная оспа. Перед войной, в 1913 г. было зарегистрировано около 66 тыс. больных, в 1914 г. их численность превысила 93 тыс., максимум зарегистрирован в 1915 г. — около 127 тыс. человек. После этого заболеваемость оспой снижалась, и в 1917 г. было менее 47 тыс. ее носителей⁷³.

Холера в течение всей войны ежегодно регистрировалась в России в виде эпидемических вспышек. В 1914 г. случаи холеры имели место в 15 губерниях, а количество заболевших, по официальным данным, составляло 1800 человек. В 1915 г. заболеваемость резко возросла и отмечалась уже в 53 губерниях и областях России, причем количество заболевших составляло 34 582 человека. В 1916 и 1917 гг. наблюдался некоторый спад заболеваемости холерой. В 1916 г. она наблюдалась в 17, а в 1917 г. — в 10 губерниях⁷⁴. При возникновении эпидемий открывались «заразные бараки» и привлекался дополнительный медицинский персонал. Однако количество инфекционных коек было, как правило, недостаточным.

Малоэффективной оказалась кампания по борьбе с употреблением и распространением спиртных напитков. На первом этапе население с пониманием и поддержкой встретила инициативу властей в деле борьбы с пьянством, особенно это было заметно в сельской местности. Хотя нельзя игнорировать и факты, свидетельствующие о том, что в ряде российских губерний в первые дни мобилизации в 1914 г. прошли беспорядки среди призывников и рабочих. В подавляющем количестве случаев причиной конфликтов было нежелание местных властей выдать новобранцам спиртное. Новобранцы по пути к сборным пунктам часто громили винные лавки и магазины. Дело доходило и до применения вооруженной силы со стороны полиции и военных частей⁷⁵. По мере того, как война затягивалась, росла психологическая напря-

женность в обществе, увеличивалось и потребление спиртосодержащих жидкостей. Губернские власти смогли взять под контроль рынок легального алкоголя, но остановить распространение суррогатной продукции не удалось.

Обострилась ситуация и с народным образованием в городах. Увеличение числа детей школьного возраста происходило в основном за счет беженцев. Стали открываться новые школы. Так, в Новониколаевске управа открыла школу, но этого было недостаточно, и осенью 1915 г. 200 детей не попало на занятия, а осенью 1916 г. — 1650⁷⁶. Проблема размещения учеников отчасти решалась через их размещение в частных домах, бараках. Многие помещения школ, гимназий были отведены для лазаретов, размещения пленных, беженцев. Все эти события очень негативно отражались на учебном процессе. Приходилось заниматься в 2—3 смены, многие занятия проходили по вечерам. Дети обучались в темных, иногда слабо отапливаемых помещениях, наблюдалась нехватка книг, учебных пособий, бумаги. Дети часто приходили на учебу голодными⁷⁷.

Как же менялось качество жизни различных категорий населения тыла в исследуемый период? Как показывают данные обследования, проведенного в 1916 г. в Омске, даже в условиях роста цен, падения реальной заработной платы рабочие города потребляли больше продуктов, чем многие другие категории населения страны. Вместе с тем потребление пищевых продуктов в пролетарских районах, в среднем по городу и в центральных районах, где жили более обеспеченные слои, различалось. Так, в рабочих районах мяса потреблялось 5,09 пуда в год, в среднем по городу — 5,92, в центральных районах — 7,5 пуда. Отличались жители рабочих окраин и меньшим потреблением жиров и молока: сала рабочие потребляли 16,1 фунта в год, в среднем по городу — 20,2; соответственно сливочного масла — 25,1 и 40 фунтов, молока — 28,9 и 35,6 четверти. На окраинах города ниже оказались нормы потребления яиц (205 и 275 штук в год) и сахара (57 и 66 фунтов). В большинстве семей употребляли в пищу картофель, в среднем по 6 пудов на человека⁷⁸.

В феврале 1917 г. по распоряжению Морского ведомства среди рабочих Обуховского завода (оборонный завод Морского ведомства) в Петрограде было проведено анкетирование о минимальном бюджете рабочей семьи. Анализ этих анкет определил среднюю стоимость содержания семейства из трех человек в 169 руб. (в месяц), из которых 29 руб. шли на жилье, 42 руб. — на одежду и обувь, остальные 98 руб. — на питание. Жилье в рамках минимальных потребностей рабочего состояло из одной жилой комнаты и кухни, причем оплата за квартиру включала стоимость освещения и отопления. Одежда и обувь состояли из сапог — 20 руб. пара (из расчета по одной паре в год на человека), галош — 6 руб. (одна пара в год на человека), комплект носильного платья — 60 руб. (полтора комплекта в год), верхнее платье — 120 руб. за комплект (по одному на три года). Минимальный месячный бюджет на питание состоял из расходов на молоко — полторы бутылки в день по 35 коп. за бутылку; 2,1 кг сливочного масла по 6,5 руб. за килограмм; 2,1 кг других жиров по 3,2 руб. за килограмм; мясо или рыба (чередовались через день) — 100 г мяса (20 коп. на каждого члена семьи), 200 г рыбы (20 коп.); ежедневно на всех примерно 1 кг ржаного хлеба (17 коп.), около 600 г пшеничного хлеба (30 коп.), 820 г картофеля (20 коп.), около 60 г капусты кислой (30 коп.); около 600 г крупы разной (22 коп.); полтора яйца, около 3,7 кг сахара (2 руб. 70 коп.). Большинство рабочих Обуховского завода тратили гораздо выше прожиточного минимума. Месячные зарплаты с начала войны по февраль 1917 г. выросли на заводе более чем в 4 раза (месячная зарплата в середине 1914 г. составляла около 71 руб.), т.е. практически полностью компенсировали рост цен. Низшая месячная зарплата (последний разряд) была 160 руб., все остальные

рабочие получали от 225 до 400 руб. в месяц при средней зарплате около 300 руб.⁷⁹ Следует отметить, что, по данным заместителя наркома труда РСФСР В.П. Ногина, заработная плата петроградского рабочего опережала рост стоимости усредненного пайка. Если ежедневная заработная плата рабочего с мая 1914 г. по май 1917 г. выросла почти в пять раз, то стоимость усредненного пайка — в 3,3 раза, что позволяло рабочему тратить часть зарплаты на иные нужды, включая покупки на рынке⁸⁰.

Исследования предвоенных и военных лет показывают, что глава семьи «не мог содержать целиком только на свой заработок всю семью, и нужда заставляла идти на фабрику и других ее членов»⁸¹. В 1914—1916 гг. увеличивается применение женского труда в промышленном секторе. Так, в Нижегородской губ. женщины на предприятиях составляли 9% к числу работающих, а в 1916 г. доля женского труда возросла до 25%. Одновременно более чем вдвое возросло число подростков, занятых на промышленных предприятиях. Это средние данные по губернии. А на отдельных заводах показатель роста занятости женщин и подростков был еще выше. Показателен пример Сормовского завода. Если в 1914 г. на этом заводе было занято 230 женщин и 674 подростка, то в 1916 г. работали уже 2221 женщина и 1894 подростка. Их труд оплачивался ниже, чем мужской⁸².

В целом следует отметить, что хотя заработная плата рабочих за время войны номинально и увеличилась, но на абсолютном большинстве предприятий она отставала от роста цен на предметы первой необходимости. Среднемесячный заработок фабрично-заводского рабочего в 1913—1916 гг. (легальные статьи бюджета в довоенных рублях) менялся следующим образом⁸³:

Среднемесячный заработок	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Деньгами (в руб.)	23,6	23,3	22,1	18,3
В относительных показателях (в %)	100	98,7	93,6	77,6

Как видно из этих данных, реальная среднемесячная зарплата снижалась. По оценкам экономиста С.Г. Струмилина, в Московском регионе в 1914—1916 гг. номинальная зарплата рабочих выросла в 2,06 раза, а реальная зарплата снизилась до 76%⁸⁴. По данным В.П. Ногина, зарплата московского рабочего выросла в мае 1916 г. — январе 1917 г. с 2 руб. 75 коп. до 3 руб. 57 коп. (на 29,8%), а цены выросли за тот же период на 83%⁸⁵.

Номинальный рост зарплаты сопровождался увеличением нормы эксплуатации рабочих, особенно в горнодобывающей и оборонной промышленности⁸⁶. «С объявлением войны, — вспоминали рабочие Трубочного (военного) завода в г. Самаре, — условия работы стали хуже. В 1915 г. администрация завода приказывала работать принудительным порядком, а если были возражения, то администрация говорила: вы недовольны тем, что работаете до 8 часов, тогда вас заставим работать в третью смену. Условия труда были таковы, что когда рабочие кончали работу, дышать совершенно было нечем. Рабочие доходили прямо до изнеможения. Выйдет на воздух, подышит, как рыба, и опять начинает исполнять свой тяжелый труд. Рабочий не мог оторваться от станка ни на одну минуту, но если он отходил или отрывался от станка, то его штрафовали»⁸⁷.

В 1913 — начале 1917 г. на 12% снижается суточный пищевой рацион рабочего (с 4 тыс. калорий до 3520), что сопровождалось снижением производительности тру-

да на 30% (хотя, конечно, снижение производительности труда в первой половине 1917 г. было вызвано не только снижением суточного пищевого рациона)⁸⁸.

Городские рабочие стали той частью городского населения, которая первой и больше остальных пострадала от издержек военного времени. Как верно отмечает С.В. Тютюкин, война остро поставила перед пролетариатом и всеми городскими «низами» проблему их физического выживания и депопуляции, резко активизируя протестное движение в стране⁸⁹.

Что же касается материального положения преподавателей средних учебных заведений, то следует отметить, что в 1916 г. началась выплата прибавок по случаю дороговизны тем из них, у кого жалованье было меньше 2400 руб. в год. Кроме того, в годы войны Министерство народного просвещения приступило к разработке законопроектов «О выдаче преподавателям в мужских средних учебных заведениях квартирных денег за счет казны в местностях, отличающихся особой дороговизной квартир» и «Об изменении штата мужских гимназий, прогимназий и реальных училищ» (в смысле установления для преподавателей определенного штатного оклада вместо поурочного вознаграждения). Однако в связи со сложившимися в стране тяжелыми финансово-экономическими условиями их окончательная подготовка была отложена на послевоенное время.

В рассматриваемый период произошел ряд изменений и в материально-правовом положении профессорско-преподавательского состава вузов. В частности, согласно принятому 3 июля 1914 г. закону о штатах младших преподавателей вузов, им были предоставлены соответствующие права и повышен оклад содержания. В начале 1916 г. Министерство народного просвещения ввело надбавку к окладу профессоров с таким расчетом, чтобы весь годовой оклад для ординарных профессоров не превышал 5 тыс. руб., а для экстраординарных — 4 тыс. руб. В том же году через законодательные палаты был проведен также закон о временном улучшении материального положения профессоров и доцентов императорских российских университетов. Необходимость улучшения материального обеспечения большинства ученых и преподавателей высших учебных заведений обуславливалась не только снижением их жизненного уровня в годы войны, но и тем, что с 1895 г. их зарплата почти не изменилась, в то время как педагогическая нагрузка увеличилась вдвое⁹⁰. Но темпы роста заработной платы не успевали за инфляцией.

Ухудшилось положение даже собственников. Имущественные отношения нередко регулировались административным путем. Нередки были реквизиции скота, хлеба и других продуктов. Часть владельцев жилья понесла материальные потери, поскольку военнообязанным, призванным в действующую армию, разрешалось расторгать договоры о найме жилой площади, при этом выплата долгов откладывалась до окончания войны⁹¹.

Каковы были очевидные социальные последствия резкого падения уровня жизни большинства населения в России? Многочисленные факты говорят о том, что люди устали от войны и хотели только одного — ее окончания. Признаком этой усталости стало нежелание работать на тех условиях, которые определяло государство. Люди хотели серьезных перемен, большей справедливости, большего равенства и проявляли готовность отстаивать свое право на жизнь.

Так, углепромышленники в докладной записке в Совет управления Томской железной дороги от 7 декабря 1916 г. писали: «Дороговизна бешено растет, но этого мало. В настоящее время все чаще и чаще мы встречаемся с полным отсутствием на рынке предметов первой необходимости. Все чаще и чаще бывает, что в Черемховском районе нельзя достать ни за какие деньги крупчатки, масла, овса, махорки. Рабочие при расчетах отказываются получать деньги, требуя предоставления им про-

дуктов, которые они сами достать бессильны. Бессильны в этом вопросе и владельцы копей: все их попытки помочь горю оказываются безуспешными...»⁹².

Не лучше была ситуация в центре России. Так, в резолюции Костромского губернского земского собрания по продовольственному вопросу 27 января 1917 г. отмечалось: «Продовольственная разруха приняла за последнее время такие размеры, что захватила все области продовольствия и проникла даже в те районы, где, казалось бы, не должны чувствоваться последствия продовольственной неурядицы»⁹³.

Показательно критическое выступление министра земледелия А.А. Риттиха на заседании IV Государственной думы в феврале 1917 г. Он считал, что в стране с продовольствием полный хаос. Разверстка между губерниями, по его мнению, была сделана неправильно, в результате хлебные губернии поставляли недостаточно, а губернии, которым самим не хватало хлеба, — были обложены чрезмерно. За две недели до революции Риттих пессимистически признал, что действительно «может наступить катастрофа»⁹⁴.

Современники подчеркивали усиливавшееся противостояние в обществе. Характерно письмо рабочего петроградского Путиловского завода, датированное 1916 г. В нем, в частности, говорилось: «Война надоела всем, но есть люди, которые благодаря такому несчастью получают огромные оклады и ни за что — медали, кресты и проч. награды, а от боев находятся в нескольких десятках верст. У тех одна мечта, как бы дальше продлилась война. А ведь много народу взято, и теперь, я думаю, по улицам одни бабы разгуливают, да старики и калеки, а здоровых мужчин нет»⁹⁵.

Близкую, по сути, оценку давал один из крупнейших российских промышленников П.П. Рябушинский, отмечавший, что «чрезвычайно важным, очень печальным, но заслуженным фактом входит вполне ясно определившаяся ненависть широких кругов населения к купцам и промышленникам. Причиной ее служит непомерная дороговизна, спекуляция и т.д.»⁹⁶.

Показательны донесения полиции осенью 1916 г.: «*Полуголодный* (курсив мой. — В.П.) обыватель с восторгом приветствует всякое проявление оппозиции — будет ли она направлена на городское самоуправление или на кондукторшу трамвая, на министров, мародеров, на правительство или на немцев — все равно»⁹⁷.

О резком ухудшении положения населения доносил в Департамент полиции начальник Петроградского охранного отделения в октябре 1916 г.: «Экономическое положение массы... более чем ужасно... Даже в том случае, если принять, что рабочий заработок повысился на 100%, то все же продукты повысились в цене на 300% в среднем. Невозможность добыть даже за деньги многие продукты питания и предметы первой необходимости, трата времени на простой в очередях при получении товаров, усиливающиеся заболевания на почве скверного питания, антисанитарных жилищ (холод и сырость из-за отсутствия угля, дров и пр.) сделали то, что рабочие в массе готовы на самые дикие эксцессы голодного бунта»⁹⁸. Еще более резкая оценка содержится в донесении охранного отделения в феврале 1917 г.: «С каждым днем продовольственный вопрос становится острее, заставляет обывателя ругать всех лиц, так или иначе имеющих касательство к продовольствию, самыми нецензурными выражениями». «Если население еще не устраивает голодные бунты, то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем. Озлобление растет, и конца его росту не видать»⁹⁹.

На почве дороговизны и нехватки продовольствия в 1916 г. было зарегистрировано 288 волнений (53 — в городах, 235 — в сельской местности), которые часто называли «бабьими бунтами», так как наиболее активно в них участвовали женщины¹⁰⁰.

Во время массовых беспорядков в Новониколаевске 9 ноября 1916 г. громадная толпа, смяв заслон полицейских и военнослужащих, стала расхищать товары и грабить магазины. В ходе бунта растащили до 400 пудов сахара и товаров на 10 тыс. рублей. Задержали 74 участника беспорядков, из них 54 женщины¹⁰¹. По оценке охранного отделения, в Петрограде очереди за продовольствием превратились в своеобразные политические клубы, которые были «равноценны по влиянию революционным митингам и десяткам тысяч революционных прокламаций»¹⁰².

Россия, таким образом, по своим основным социально-экономическим параметрам в 1914—1917 гг., на мой взгляд, уже вышла за предельно-критические показатели развития. Налицо была депопуляция и деградация населения в стране. Из жизни ушли миллионы наиболее активных и дееспособных мужчин, не сумевших оставить после себя детей. Переживал кризис институт семьи: многие семьи распались, появилось большое количество неполных семей. Падали и многие нравственные нормы поведения людей, происходила деградация психологии человека.

Соответствующим экономической ситуации в стране образом менялось и качество жизни населения. В период кризиса большинство регионов Европейской России были близки по качеству жизни. Более стабильной была ситуация в Заволжье, на Южном Урале, в ряде районов Сибири. Анализ динамики показателя «качество жизни населения» за 1914—1917 гг. свидетельствует о значительном его ухудшении по всем параметрам — качество питания, состояние здоровья, социальное самочувствие, настроение, ожидания. Того, что можно было распределять, становилось всё меньше. Сформировался конфликт между городом, нуждавшимся в хлебе, и деревней, хлеб не дававшей. Нормальный товарообмен прекратился с крушением торговли, обесценением денег, кризисом промышленности, уже не дававшей нужных деревне товаров, и коллапсом транспортной системы. Реальная заработная плата, несмотря на увеличение стоимости наемного труда, не перекрывала роста цен на основные продукты питания и предметы первой необходимости. Сокращение потребления в военное время повлекло снижение жизненного уровня.

Долговременное ухудшение продовольственного положения в годы войны (1914—1918) накалило общественную ситуацию и повысило протестное состояние населения, выражавшееся в «торговых погромах», нарастании социального радикализма и социальных конфликтов. Революция 1917 г. была следствием не только экономических предпосылок (спада промышленного производства гражданской продукции, инфляции, нарушения хозяйственных связей в стране, транспортных трудностей и т.д.), но и ухудшения условий жизни населения, снижения уровня образования, падения морально-этических норм и др.

¹ Новейшая история Отечества. XX век / под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М., 1998. Т. 1. С. 163, 166, 181.

² Поршнева О.С. Проблемы войны и мира в общественной борьбе на Урале, 1914—1918 // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 467—468.

³ Хеймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 3—15; Улам А.Б. Большевики: причины и последствия переворота 1917 г. М., 2004; Пайнс Р. Русская революция: [в 3 кн.]. М., 2005. Кн. 1: Агония старого режима, 1905—1917; Левин М. Советский век. М., 2008; Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов // Скепис: науч.-просвет. журн. URL: http://scepis.ru/library/id_543.html

⁴ Хереш Э. Николай II. Ростов н/Д, 1998. С. 216—217, 255—256, 279—280.

⁵ Kort M. The Soviet colossus: history and aftermath. Armonk, N.Y., 2001. P. 34.

⁶ См., напр.: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 36.

- ⁷ Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк. С. 399.
- ⁸ *Нарский И.В.* Фронтовой опыт русских солдат, 1914—1916 годы // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 201—202.
- ⁹ *Толстогузов С.А.* Финансовый кризис и революция в России // Падение империи, революция и гражданская война в России. М., 2010. С. 43.
- ¹⁰ *Рынков В.М.* Первый год Первой мировой войны — сельское хозяйство Томской губернии во второй половине 1914 — первой половине 1915 г. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы VI междунар. науч.-практ. конф., 30—31 марта 2006 г. Омск, 2006. Ч. 1. С. 254.
- ¹¹ *Ильхов А.А.* Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны (1917—1921 гг.). М., 2007.
- ¹² См.: *Шишкина С.Ю.*: 1) Патриотизм и толерантность в общественных настроениях в годы Первой мировой войны (на материалах Зауралья) // Сибирский исторический журнал. 2006. № 7. С. 62; 2) Линии конфликтов в российской провинции в период Первой мировой войны (на примере Зауралья) // Локальные сообщества имперской России в условиях социальных конфликтов (подходы и практики в современных региональных исследованиях). Омск, 2009. С. 179.
- ¹³ *Кротт И.И.* Сельское хозяйство Западной Сибири, 1914—1917 гг. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 103, 114—115.
- ¹⁴ См.: О причинах русской революции. М., 2010; *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России, XVIII — начало XX века. М., 2010; Революция как зеркало качества жизни? // Родина. 2010. № 9. С. 88—95.
- ¹⁵ *Миронов Б.Н.* Страсти по исторической антропометрии // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 136.
- ¹⁶ *Его же.* Уроки революции 1917 года, или Кому на Руси жить плохо // Родина. 2011. № 12. С. 11.
- ¹⁷ *Его же.* Благополучие населения и революции в имперской России ... С. 274.
- ¹⁸ *Нефедов С.А.* Уровень жизни населения в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 132.
- ¹⁹ *Миронов Б.Н.*: 1) Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX — начале XX в.? // Уральский исторический вестник. 2008. № 3 (20). С. 83—95; 2) Модернизация имперской России и благополучие населения // Российская история. 2009. № 2. С. 137—155; 3) Благополучие населения и революции в имперской России ...; 4) Страсти по исторической антропометрии. С. 122—139; *Давыдов М.А.* К вопросу о потреблении населения в России в конце XIX — начале XX в. // Российская история. 2009. № 2. С. 168—176; *Нефедов С.А.*: 1) Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России, конец XV — начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 242—386; 2) Влияние революции 1917 г. на динамику потребления пищевых продуктов // Уральский исторический вестник. 2008. № 3 (20). С. 96—107; 3) О связи демографических показателей и потребления в России конца XIX — начала XX в. // Российская история. 2009. № 2. С. 155—162.
- ²⁰ *Алексеева Г.Д., Манькин А.В.* Историческая наука в России XXI века. М., 2011. С. 148.
- ²¹ *Markevich A., Harrison M.* Great War, Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928 // The Journal of Economic History. 2011. Vol. 71, N 3. P. 672—703.
- ²² Эксперт. 2012. 9 апреля, № 14 (797); URL: http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/academic/harrison/public/jeh2011_postprint.pdf
- ²³ См.: Россия в мировой войне, 1914—1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 18.
- ²⁴ Вестник сельского хозяйства. 1917. № 7. С. 7; Россия в мировой войне, 1914—1918 года (в цифрах). С. 49.
- ²⁵ *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 1962. С. 188—189.
- ²⁶ Население России в XX веке: в 3 т. М., 2000. Т. 1. С. 41.
- ²⁷ Там же. С. 50.
- ²⁸ *Клепиков С.А.* Питание русского крестьянства. М., 1920. Ч. 1: Нормы потребления важнейших пищевых продуктов. С. 25.
- ²⁹ См.: *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М; Тамбов, 2004. С. 26; *Бердинских В.А.* Крестьянская цивилизация в России. М., 2001. С. 11.
- ³⁰ Цит. по: *Биншток В.И., Каминский Л.С.* Народное питание и народное здравие. М.; Л., 1929. С. 14.
- ³¹ *Кабо Р.М.* Потребление городского населения России: (по материалам бюджетных и выборочных исследований). М., 1918. С. 35.
- ³² *Струмилин С.Г.* На плановом фронте (1920—1930 гг.). М., 1958. С. 40, 45.
- ³³ *Розина Е.К.* Выплата продовольственного пособия семьям нижних чинов в Камышинском и Царицынском уездах в годы Первой мировой войны // Воинский подвиг защитников отечества: традиции, преемственность, новации: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Вологда, 2000. Ч. 2. С. 289.

- ³⁴ *Максимов Е.К., Тотфалушин В.П.* Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. Саратов, 2007. С. 8.
- ³⁵ Регулирующие мероприятия правительственной и общественной власти в хозяйственной жизни за время войны. Пг., 1917. С. 27; *Дикс А.* Война и народное хозяйство: по опыту Германии в мировую войну 1914—1919 гг. М., 1926. С. 68.
- ³⁶ *Оськин М.В.* Русская армия и продовольственный кризис в 1914—1917 гг. // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 146.
- ³⁷ *Вайсберг Р.Е.* Деньги и цены: (подпольный рынок в период «военного коммунизма»). М., 1925. С. 47.
- ³⁸ Ермак. (Тюмень), 1914. 28 июля; 1915. 6 янв.
- ³⁹ Очерки истории Московской организации КПСС, 1883—1965. М., 1966. С. 182.
- ⁴⁰ *Анфимов А.М.* Указ. соч. С. 142.
- ⁴¹ *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 146.
- ⁴² См.: Там же. С. 344—345, 351.
- ⁴³ *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. 2: Капитализм. Изд. 4-е. С. 647.
- ⁴⁴ URL: <http://oao-gaz.ru/istoriya-nizhnego-novgoroda/24-nizhniy-novgorod-v-pervoy-mirovoy-voynenachalo-revolyucii.html>
- ⁴⁵ *Голубинов Я.А.* Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009. С. 9—10.
- ⁴⁶ Движение цен на предметы массового потребления в годы войны. Самара, 1918. Вып. 1. С. 10.
- ⁴⁷ Статистический обзор Оренбургской губернии за 1910 год. Оренбург, 1911. С. 41—42; Цены на продукты сельского хозяйства на базарах Оренбургской губернии: (по сообщениям добровольных корреспондентов). Оренбург, 1917. За апрель 1917 года. С. 5—6.
- ⁴⁸ См.: Цены на продукты сельского хозяйства на базарах Оренбургской губернии. За апрель 1917 года. С. 2—3; *Глуховский В.Ф.* Развитие хлебной торговли на Южном Урале в конце XIX — начале XX века и ее значение в продовольственном обеспечении населения // Аграрное и продовольственное развитие России в XVIII—XX веках: пороги безопасности: сб. ст. Оренбург, 2008. С. 58.
- ⁴⁹ *Толстая М.А.* В годы Первой мировой... // Страницы истории Подмосковья: учеб. пособие. Коломна, 2001. Вып. 3. С. 39—40.
- ⁵⁰ *Тагирова Н.Ф.* Цены на хлеб в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны // Историки и история в меняющемся мире: материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. Е.И. Медведева. Самара, 2003. С. 72.
- ⁵¹ Русский рубль. Два века истории, XIX—XX вв. М., 1994. С. 178.
- ⁵² Там же. С. 179.
- ⁵³ URL: <http://oao-gaz.ru/istoriya-nizhnego-novgoroda/24-nizhniy-novgorod-v-pervoy-mirovoy-voynenachalo-revolyucii.html>
- ⁵⁴ Томская область: ист. очерк. Томск, 1994. С. 226.
- ⁵⁵ Волжский день. (Самара), 1917. 1 янв.
- ⁵⁶ Томская область: ист. очерк. С. 224.
- ⁵⁷ Цит. по: *Ирошников М.П., Ваксер А.З.* Россия в XX веке: народ, власть, войны, революции, общество. СПб., 2005. С. 161—162.
- ⁵⁸ Беженский вопрос и общественные организации в России // Общественный врач. 1916. № 2. С. 89—90; Жертвы великой европейской войны // Там же. С. 95; Пироговский съезд врачей и представителей врачебно-санитарных организаций земств и городов по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени, Петроград, 13—18 апреля 1916 г. [Журналы и постановления]. Пг., 1916. С. 35, 85.
- ⁵⁹ Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 3. Оп. 132. Д. 58. Л. 137.
- ⁶⁰ *Кротт И.И.* Указ. соч. С. 107.
- ⁶¹ Волжский день. (Самара), 1917. 11 янв.
- ⁶² См.: *Шишкина С.Ю.* Трудовые ресурсы как фактор стабильности экономического развития сельского хозяйства Зауралья в годы Первой мировой войны // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2002. Вып. 5. С. 111.
- ⁶³ *Горелов Ю.П.* Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь: XX век. Кемерово, 2002. Вып. 4. С. 66, 70.
- ⁶⁴ *Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П.* Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3, № 2. С. 157—158; *Ланаева М.Г., Ланаев А.П.* Экономика Оренбургской области (1743—2004 гг.). Оренбург, 2006. С. 60; URL: <http://www.siberia-cossack.org/?pid=111>
- ⁶⁵ URL: <http://www.siberia-cossack.org/?pid=111>
- ⁶⁶ Волжский день. 1917. 19 июля.
- ⁶⁷ Памятная книжка Самарской губернии на 1916 год. Самара, 1916. С. 32. Разд. паг.
- ⁶⁸ *Веселовский Б.Б.* Коммунальное хозяйство в цифрах и диаграммах, 1917—1927 гг. М., 1928. С. 41.

- ⁶⁹ *Бравина М.А.* Повседневная жизнь Симбирска в условиях революции и гражданской войны (1917—1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2008. С. 15.
- ⁷⁰ URL: <http://www.nazdor.ru/topics/improvement/diseases/current/448826/>
- ⁷¹ Цит. по: Очерки истории Московской организации КПСС, 1883—1965. С. 182.
- ⁷² *Сысин А.Н.* Санитарные мероприятия Всероссийского Союза городов (с начала войны до 1 марта 1916 г.) // Известия Всероссийского Союза городов. 1916. № 29—30.
- ⁷³ URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/HEALTH/HEALTH.HTM>
- ⁷⁴ URL: <http://www.nazdor.ru/topics/improvement/diseases/current/448826/>
- ⁷⁵ Уличные беспорядки и выступления рабочих в России: по документам Департамента полиции, 1914 — февраль 1917 г. // Исторический архив. 1995. № 4. С. 93.
- ⁷⁶ Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 99, 105.
- ⁷⁷ *Чудаков О.В.* Социально-культурная деятельность органов городского самоуправления в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 года) // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2005. № 3. С. 70—71.
- ⁷⁸ См.: *Скубневский В.А.* Обследование питания населения Омска в 1916 г. // Проблемы источниковедения истории Сибири. Барнаул, 1992. С. 125—126.
- ⁷⁹ Архив истории труда в России ... Пг., 1923. Кн. 9. С. 58—59.
- ⁸⁰ Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства, 25 мая — 4 июня 1918 г. (Стенографический отчет). М., 1918. С. 382—383.
- ⁸¹ Бюджет московских рабочих // Голос труда. (Самара), 1916. 21 июня.
- ⁸² URL: <http://oao-gaz.ru/istoriya-nizhnego-novgoroda/24-nizhniy-novgorod-v-pervoy-mirovoy-voynе-nachalo-revolyucii.html>
- ⁸³ *Струмилин С.Г.* Избранные произведения: в 5 т. [М., 1964]. Т. 3. С. 374—375. В издании «Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913—1922 гг.» (М., 1923) С.Г. Струмилин указывал, что среднемесячная зарплата рабочего в 1916 г. составляла 92% (с. 28).
- ⁸⁴ *Его же.* Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913—1922 г. М., 1923. С. 14.
- ⁸⁵ Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства ... С. 382—383.
- ⁸⁶ См.: Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 374—376.
- ⁸⁷ Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 197.
- Л. 5—6, 11.
- ⁸⁸ *Биниток В.И., Каминский Л.С.* Указ. соч. С. 54.
- ⁸⁹ Война и общество в XX веке: в 3 кн. М., 2008. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. С. 140.
- ⁹⁰ См.: *Знаменский О.Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль — октябрь 1917 г.). Л., 1988. С. 27.
- ⁹¹ История государства и права СССР. М., 1972. Ч. 1. С. 622.
- ⁹² URL: <http://www.omsu.omsckreg.ru/histbook/articles/y1997s/a071/article.shtml>
- ⁹³ Поволжский вестник. (Кострома), 1917. 28 янв.
- ⁹⁴ См.: *Родзянко М.В.* Крушение империи. М., 1992. С. 215—216; *Погребинский А.П.* Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны // Исторические записки. М., 1950. [Т.] 31. С. 57—58; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 493.
- ⁹⁵ Политические партии и общество в России 1914—1917 гг.: (сб. ст. и документов). М., 2000. С. 113.
- ⁹⁶ *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М., 1997. С. 99.
- ⁹⁷ Царская охранка о политическом положении в стране в конце 1916 г. // Исторический архив. 1960. № 1. С. 204.
- ⁹⁸ Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении // Красный архив. 1926. № 4 (17). С. 10—11.
- ⁹⁹ Цит. по: *Милков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. 556.
- ¹⁰⁰ *Кирьянов Ю.И.* Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. — февраль 1917 гг.). М., 2005. С. 139. Анфимов привел иные данные о волнениях крестьян на почве дороговизны в 1916 г. См.: *Анфимов А.М.* Указ. соч. С. 362.
- ¹⁰¹ *Шиловский М.В.* Социально-политические процессы в сибирском городе во время Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 г.) // Современное историческое сибиреведение. Барнаул, 2005. С. 287.
- ¹⁰² Исторический архив. 1960. № 1. С. 205.

Раздел 2
**Общественные настроения,
ПОЛИТИКИ**

О.А. Сухова (Пенза)*

Первая мировая война как вызов русской ментальности: массовые настроения в провинции в 1914—1917 гг.

«**М**ировой пожар», охвативший в 1914—1918 гг. половину земного шара, почти сто лет вызывает особый интерес научного сообщества по причине беспрецедентного социально-гуманитарного и цивилизационного воздействия на судьбы участников этого конфликта.

За четыре долгих года войны в народном мировосприятии произошло диаметрально-противоположное смещение оценочных суждений с позитивных на негативные, когда война-праздник превратилась в войну-катастрофу. Характер войны, ее символы и знаковые образы во многом не поддавались расшифровке в рамках традиционной картины мира российского крестьянства, что предопределило колоссальные подвижки лежащих в бессознательном поле сил, стало фактором крушения идей государственности, правопорядка, а следовательно, активизации глубинных пластов архаичной (первобытной) культуры. Реалии военного времени обнажили до крайности основной конфликт современности, в латентной форме присутствовавший в российской истории весь пореформенный период: традиционная крестьянская ментальность столкнулась с мощнейшими вызовами индустриальной эпохи, угрожавшими самому существованию ее базовых конструктов, и ответила привычным набором форм обыденного и массового сопротивления, задействовав априори присущие родовому сознанию компенсационно-защитные механизмы. Поэтому в основе важнейших направлений трансформации содержания массовых настроений российского общества в период Первой мировой войны со всей очевидностью проступают реакции крестьянского сознания, которые как кальку можно наложить на процессы деградации политической и правовой культуры, а также нравственных устоев, соответствующих достигнутому уровню цивилизационного развития.

Ретроспектива истории Первой мировой войны в оценках историософских концепций конца XX в. выглядит просто угрожающей и предрекающей крушение основ старого и рождение в крови, муках и ненависти нового мира. Именно эта война, по словам известного писателя и мыслителя XX в. Э. Канетти, не считаясь с хронологией, стала подлинным началом века двадцатого — века масс, их выхода на авансцену истории в качестве ее субъекта, их стихийных или управляемых порывов, созидательных или разрушительных деяний, побед и поражений¹.

Одним из очевидных противоречий теории изучения военных конфликтов в истории человечества выступает их признание продуктом общества и межобщественных отношений, а с другой стороны — отсутствие четкого понимания социокультурных истоков вооруженного противостояния государств и народов².

* Сухова Ольга Александровна — доктор исторических наук, Пензенский государственный университет.

Аксиомой, не требующей доказательств, в современной российской историографии становится тезис об определяющем воздействии Первой мировой войны на процесс распада государственности: «...не будь Первой мировой войны, в 1917 г. не произошло бы крушения Российской империи и тем более победы советской власти со всеми вытекающими отсюда для нашей страны и всего мира последствиями»³.

Как можно заметить, обращение к столь значимым образам итогов войны далеко не случайно и определяется общей тенденцией к гуманизации методологии истории, роста приоритетности культурно-антропологического подхода, новой культурной или новой социальной истории⁴. В этом контексте и крах государственности, крушение империи становится результатом не столько военного поражения, сколько следствием «полного разлада между властью и уставшим от войны, хозяйственной разрухи и правительственной неразберихи обществом»⁵.

Анализ эмоционально-психологического состояния человека на войне, представленный в рамках использования междисциплинарного синтеза, закреплен в качестве нового направления в историографии, появившегося в последние два десятилетия⁶.

На мой взгляд, первым собственно историческим произведением, в котором комплексный анализ массовой ментальности и поведения в эпоху Первой мировой войны выстроен на этих основаниях, можно назвать монографию О.С. Поршневой⁷. Ей принадлежит и первая попытка терминологического и историографического исследования проблемы массовых настроений в период Первой мировой войны⁸.

Методология, предложенная автором, базируется на историко-антропологическом подходе, отрицающем априорную иерархию материальных и идеальных факторов социального развития и, напротив, приветствующем междисциплинарные методы исследования⁹. История ментальности, в понимании автора, является одной из неотъемлемых частей социальной истории, требующей непредвзятого исторического анализа посредством реконструкции социального поведения, массового сознания и психологии исследуемых общественных групп. Важнейшим аспектом анализа при этом становится выяснение взаимосвязи менталитета и различных форм человеческой деятельности¹⁰.

В монографии широко представлены возможности использования методик по изучению массовых источников, основанных на количественном анализе. Это позволило автору реконструировать процесс эволюции содержания массовых настроений на протяжении всего рассматриваемого периода, а также, на основе вычисления коэффициента корреляции, определить взаимообусловленность отдельных суждений и представлений.

Анализ ключевых особенностей психологического феномена человека на войне и механизмов формирования образов военной действительности представлен также в монографии Е.С. Сенявской. В проблемно-тематическом ракурсе автор рассматривает экстремальные условия повседневного быта в качестве основных факторов, определяющих характер и особенности трансформации поведенческой практики военнослужащих¹¹. Поведение солдат на войне стало также предметом изучения А.Б. Асташова. Корпус источников, привлеченных им, впечатляет: его исследование основано на данных около 400 отчетов, сводок и докладов 33 военно-цензурных отделений. Большая выборка, по которой работали цензоры, программа подготовленных сообщений, образовательный ценз позволяют рассматривать материалы цензуры как важный источник для изучения настроений и поведения солдат в годы войны¹².

Однако более детальный анализ историографических аспектов проблемы менталитета (социальных представлений) и поведения масс в условиях мировой бойни свидетельствует о незавершенности процессов не только в сфере методологических поисков, но и

формирования корпуса источников. Казалось бы, 1990-е годы продемонстрировали значительный шаг вперед в деле освоения зарубежного опыта изучения вопросов менталитета и социальной психологии: состоялся ряд научных форумов, появляются работы отечественных авторов по теории менталитета. Но и по сей день можно констатировать, что перспективы объединения теории с практикой конкретно-исторических исследований достаточно туманны. Это становится заметным уже на уровне использования специальной терминологии исследований: возможно, синонимичность применения таких понятий, как восприятие, массовые или общественные настроения, самосознание, политическое сознание, менталитет, мировоззрение, при определенных условиях очевидна, тем не менее столкновение родственных наименований общего предмета исследования объективно формирует потребность выявления иерархических связей, взаимоподчиненности, возможностей взаимодействия структур общественного сознания. Например, Поршнева считает необходимым разграничить понятия социальной психологии и истории ментальности. К последней категории автор относит изучение содержания представлений и установок, а также обусловленных ими способов социального поведения. Предметом же социальной или исторической психологии Поршнева называет массовидные проявления социально-психологической динамики, а также механизмы возникновения определенных состояний¹³. А по мнению Сенявской, жесткая необходимость противопоставления изучения менталитета и массовой психологии вообще отсутствует, так как в реальной жизни объекты их исследования невозможно отделить друг от друга¹⁴.

Невнимательность к репрезентативности источников объективно ведет к фрагментарности и описательности изложения. Так, в одной из статей орловского исследователя В.А. Холодова задача измерения особенностей мировоззренческого восприятия войны осуществляется на материалах местной периодической печати. В итоге возникает образ глубоко религиозного и монархически ориентированного народа, горящего желанием заступиться за сербов и положить свою жизнь на алтарь отечества. Руководствуясь мнением священнослужителей, оказалось довольно проблематичным четко определить даже хронологический рубеж трансформации патриотических и заступнических настроений в пацифистские¹⁵. С другой стороны, в статье Л.А. Шайпака «описания стихийных выступлений запасных уже в первые дни мобилизации» стали основанием для вывода о том, что «патриотические настроения не были преобладающими в сознании тех солдат, которые были оторваны от привычного уклада деревенской жизни. Русско-японская война с ее тяжелыми последствиями, Первая русская революция 1905—1907 гг. и недовольство политикой самодержавного правительства давали о себе знать, будоражили солдатские умы и вызывали в их сердцах острое недовольство новой войной “за веру, царя и отечество”»¹⁶.

В целом нельзя не приветствовать заметный рост интереса к данной проблематике, проявившийся в начале 2000-х годов со стороны новой генерации исследователей в регионах, расширение предметной области, введение в научный оборот новых источников по данной проблематике¹⁷. Тем не менее во многих отношениях исследовательское поле остается ограниченным простой констатацией признаков падения патриотических настроений и роста проявлений массового недовольства вплоть до десакрализации монарха, а также пересказом источников, отражающих массовые представления лишь опосредованно. А ведь на сегодняшний день уже апробирована методика использования количественных методов исторического анализа и новейших междисциплинарных подходов.

В последние годы в научной литературе заметным явлением становится расширение предметной области исследований, что выступает признаком перехода исто-

риографии вопроса на новый уровень развития. Появляются работы, посвященные непосредственно анализу образа врага в массовом сознании российского общества в годы Первой мировой войны, растет интерес исследователей к изучению функционального предназначения фронтовых эпистолий, их влияния на процессы коммуникации и массовые настроения населения тыловых регионов, а психология человека с ружьем раскрывается через призму литературных образов периода 1914—1918 гг.¹⁸ Тем самым можно отметить актуализацию теоретических и источниковедческих аспектов интересующей нас проблематики.

При рассмотрении проблем, связанных с историко-антропологическим прочтением Первой мировой войны, нельзя не отметить выход в свет многотомного издания, посвященного социальным аспектам истории этого военного конфликта. Речь идет, прежде всего, о формулировке исследовательских проблем, а также об анализе факторов трансформации массовых настроений¹⁹. Так, обращаясь к теоретическим аспектам военной истории, И.С. Даниленко рассуждает о возможных причинах отсутствия поддержки обществом идеи войны до победного конца, апеллируя к пассивности народа и к просчетам государственной пропаганды. Позволяют усомниться в такой характеристике особенностей русской ментальности, как осадная психология и готовность и привычность участия в военных конфликтах, приведенные автором статистические данные по доле военных лет в истории европейских народов. В этом отношении Россия ничуть не выделяется на общем фоне остальных государств. В частности, процент военных лет до XX в. в России составил 46, в Англии — 56, во Франции — 50²⁰.

Структурирование факторов социально-психологической динамики, способствовавших переходу от Великой войны к Великой революции, представленное в разделе, выполненным С.В. Тютюкиным, способствует акцентированию внимания последующих исследователей на ключевых сюжетах в содержании массовых настроений. Так, в качестве важнейших тенденций, вызванных воздействием мировой войны, автор называет демографические сдвиги, изменение роли женщин и молодежи, кризис института семьи, деградацию нравственных норм, превращение человека с ружьем в одну из ключевых фигур политической жизни страны. Примечательно, что тезис Тютюкина о том, что «особую угрозу для власти составляли молодые люди в возрасте до 30 лет, не сумевшие еще утвердиться в жизни, но зато более энергичные, грамотные и поэтому особенно склонные к разного рода протестным выступлениям»²¹, подтверждается в работах других исследователей. Так, в статье Астахова отмечается, что структура солдатского понятия «мы и они» не исчерпывается образами внешнего и внутреннего врага, а включает в себя и беженцев, и рабочих, и, что представляется важным, крестьян старшего поколения, оставшихся дома в деревне²².

По мнению Тютюкина, в массовом сознании Первая мировая война стала полнейшей неожиданностью и расценивалась как грандиозное стихийное бедствие и кара Божья за людские грехи. Беспрецедентный всплеск недовольства самых широких слоев населения действиями царского правительства приходится уже на 1915 г., а последний всплеск патриотических настроений в армии и в тылу, который сменился затем глубоким пессимизмом и даже чувством безнадежности, вызывают сообщения о Брусиловском прорыве²³.

Анализ исследований, выполненных в русле историко-антропологического подхода, позволяет выделить важнейшие направления или задачи научных изысканий. На первые позиции следует, безусловно, вынести рассмотрение войны как фактора социальной динамики в целом и трансформации ментальных установок в частности. Реакции на появление внешних сил, угрожавших воспроизводству традиционных

представлений, важнейшие зоны ментального взаимодействия, каналы трансляции и инверсии социального восприятия можно представить в виде иерархии ликов-образов. Среди них образ самой военной реальности в отражении ее важнейших характеристик, в том числе определения сущности конфликта, и как предельно противоположное состояние — необходимость прекращения военных действий и представление о мире. Важны также образ противника, врага как внешнего, так и внутреннего; традиционное прочтение идей патернализма и государственности, власти и народа и наконец сакрализация крестьянского микрокосма, покоившегося на представлениях о физической и психической взаимосвязи природной среды, семьи и земледельческого труда.

Появление новых психосоциальных установок военного времени Асташов связывает с проявлением особенностей менталитета крестьянской по своему составу армии. Основная линия излома привычной картины мира проходила, по мнению автора, через восприятие чуждого патриархальному сознанию индустриального характера войны. Столкновение с вызовами военной действительности нового типа нарушало многие ценностные ориентации, присущие крестьянскому сознанию: привязанность к конкретному месту рождения, осознание себя в контексте природы, даже ландшафта и идущая отсюда сакрализация земли и малой родины, образ врага и пр. По словам автора, бодрое и патриотичное настроение русской армии, остававшееся в оценках цензуры неизменным вплоть до 1917 г., было также обусловлено традиционным менталитетом солдат-крестьян. Но, с другой стороны, основную роль в развале русской армии сыграла отнюдь не революционная пропаганда, а все тот же крестьянский состав русской армии, не выдержавший тягот современной войны²⁴.

Период с начала военных действий и до конца 1915 г. был временем преобладания в сознании и поведении крестьянства элементов стабильности и сохранения традиционной системы социально-политических представлений: покорность воле провидения (Бога), властей, воинского начальства (на фронте). Патерналистский лозунг «За веру, царя и отечество» являлся предельно емкой формулой, выражающей некую общность официальной идеологии и народного мировосприятия. С другой стороны, фатализм, ощущение предопределенности человеческой судьбы вмешательством высших сил позволяли трактовать грянувшую как гром среди ясного неба войну как испытание, ниспосланное высшим разумом, противиться которому означало гневить Господа. В качестве определенной тенденции подобная категория присутствовала в общественном сознании на протяжении всего периода военного лихолетья. Так, в марте 1916 г. помощник начальника Симбирского губернского жандармского управления (ГЖУ) отмечал: «За время войны население сделалось более религиозным, считая ее за проявление гнева Божия»²⁵.

Русские крестьяне в массе своей сохраняли архаичное содержание представления о войне как о крестовом походе за землю и веру, в котором присоединение новой земли означало одновременно и расширение ареала истинной веры²⁶. Но в подобные координаты уже не вмещалось восприятие геополитических интересов России как государства, а противник виделся, прежде всего, как иноверец. Не случайно поэтому и про немцев в начале войны пели: «Уж вы немцы азиаты, из-за вас идем в солдаты...»²⁷.

Гипотетически прогнозируя желаемый результат окончания военных действий, выстроенный в соответствии с основными архетипами массового сознания, можно реконструировать целостное представление социума о войне: начало — преображение; ход — стремительный и победоносный; окончание — пир на весь мир и ожидание милостей верховного вождя народу, принесшему себя в жертву. Иной вариант развития событий совершенно не рассматривался. Однако существовала реальная

угроза столь же стремительного разрушения подобных схем по причине рассогласования наличного и потребного образов в том случае, если война приобретет затяжной, позиционный характер.

К сказанному следует добавить влияние еще одного фактора на динамику массовых настроений, связанного с переносом значения сезонности сельскохозяйственного труда на труд ратный и восприятие военных действий в этом контексте. Так, Асташов, проанализировав солдатскую корреспонденцию военной поры, пришел к выводу, что даже в условиях летних поражений 1915 г. в русской армии не наблюдалось какого-либо уныния, что объясняется именно сезонностью крестьянского труда (возникала уверенность, что весна — это наступление, страдная пора — сама битва, а осень — мир)²⁸.

Согласно донесениям Симбирского ГЖУ, и зимой 1916 г. в крестьянской среде присутствовало убеждение в том, что весной русские обязательно перейдут в наступление и «прогонят германцев из занятой ими русской территории». И в летнюю страду патриотический настрой продолжал доминировать в структуре массовых настроений. Однако осенью, особенно после разгрома Румынии и занятия немецкими войсками Бухареста, утрата сельским населением надежды на «счастливый исход войны», казалось, была полной: «Должно быть, наших везде бьют!», «Господи! Должно быть, она и не кончится! Должно быть, немцев никак и не побьют!»²⁹. Как можно заметить, тезис о сезонном характере динамики массовых настроений в годы Первой мировой войны противоречит довольно распространенному в трудах советских историков мнению о линейном развитии крестьянской революционности, прошедшей за рассматриваемый период три этапа от всплеска шовинистических настроений до роста политической активности и революционных настроений масс³⁰.

Принимая за посылку высокую степень обусловленности крестьянского бытия условиями развития семейно-трудового сельскохозяйственного хозяйства, необходимо отметить, что первым и, пожалуй, самым серьезным испытанием для российской деревни в условиях начавшейся войны следует считать проведение мобилизационных кампаний. В кратчайшие сроки и в небывалых ранее масштабах местные власти вынуждены были решать огромное количество проблем как организационного (обеспечение сопровождения, питания и т.д.), так и идеологического характера (информирование призывников об условиях содержания их семей и пр.). Естественным результатом проведения «всеобщей» мобилизации при отсутствии необходимого периода апробации и согласования необходимых мероприятий силами целого ряда служб становятся сбои в решении организационных вопросов.

При этом, учитывая своеобразие патерналистской модели войны, закрепленной в коллективном сознании веками противостояния агрессорам разного толка, есть основания полагать, что необходимость призыва военнслужащих будет воспринята в провинции как данность, не вызывающая ни капли сомнения: случаи уклонения от призыва во время проведения первых мобилизационных кампаний будут чрезвычайно редкими³¹. Вместе с тем, по данным Шайпака, на сборные пункты Казанского военного округа в начале августа 1914 г. не явилось без уважительных причин 22 700 человек. Кроме того, сказались больными еще 173 809 человек, или 28,4% всех призываемых по 14 уездам округа³².

Патриотический подъем, захвативший общественное сознание неким подобием эпидемии сродни массовому психозу, был омрачен и целым рядом случаев агрессивного поведения призывников, зафиксированных в восточной части Европейской России, главным образом в Самарской, Саратовской, Пензенской, Уфимской и Пермской губерниях. Косвенным указанием на масштабы недовольства являются

статистические данные о жертвах среди участников волнений среди призывников. Так, по данным А.Б. Беркевича, за период мобилизации с 19 июля по 1 августа 1914 г. при подавлении выступлений были убиты и ранены 505 человек со стороны «мятежников» и до 106 должностных лиц³³. Волнения, вызванные мобилизацией и именуемые в полицейских документах «пьяными бунтами», а в советской историографии — «стихийным выражением ненависти народных масс к грабительской войне, затеянной империалистами»³⁴, были обусловлены рядом объективных причин.

Прежде всего, речь идет о существовании долговременной традиции регулирования сверхсильных переживаний, появление которых было спровоцировано возможной угрозой физиологической гибели. Как оказалось, в новых условиях реализовать прежний ритуал проводов в армию (напомним, что использование вина в крестьянской повседневной культуре носило знаковый, можно даже сказать, сакральный характер и оценивалось как способ психологической релаксации мобилизованных) стало достаточно проблематично. Жесткое рассогласование, блокировка представлений массового сознания о востребованности и оправданности существования определенного поведенческого стереотипа, известного как гульба призывников, и наличной ситуации, представленной закрытием казенок в добавление к общей тенденции роста преступности и девиантных форм поведения в молодежной среде, в конечном итоге вылилось в погромные выступления.

В крестьянском сознании подобное поведение оправдывалось именно жертвенным характером войны («перед смертью все дозволено», «все равно убьют на войне»)³⁵. В образе солдата традиционно главной темой, обусловленной одним из первичных инстинктов человека, был страх смерти, ощущение возможности или неизбежности которой снимало многие ограничительные запреты на поведенческие нормы патриархального общества: «Загулял я тогда на целую неделю. Сильно с тоски да со страху баловал тогда...»; «Нету того страху страшнее... Куда идти? Не идешь, в кучу сбились... Молоденькие криком воют, по-зверьи...»³⁶; «Знамо страшно, мешками в соплю бьет, песком засыпает, а кругом молынья, куски железа летают — страсть!»³⁷. Именно массовость подобных суждений позволила С. Федорченко запечатлеть в качестве литературного образа такие высказывания мобилизованных: «С водкой сердцу в кулак не вступить. Кабы водку не запретили, не добыть бы нам свободы»³⁸.

Отнюдь не единичные факты стихийных разгромов казенных питейных заведений несколько диссонируют с оптимистическим настроем корреспондентов Саратовского статистического комитета (анкетирование проводилось в 1915 г. приходскими священниками) при оценке сокращения уровня преступности и других антиобщественных явлений вследствие запрещения свободной продажи напитков: «можно сказать на земле стал рай»³⁹. Однако важно заметить, что вспышки массовой агрессии, возникновение состояния массового психоза на начальном этапе войны четко фиксируются в определенных временных рамках, что указывает на конкретно-исторические условия формирования фрустрирующей ситуации.

С другой стороны, проведение мобилизации в разгар полевых работ породило новое противоречие, связанное с представлениями о сезонности земледельческого труда и патерналистской схемой социальных связей, что находит отражение в требовании обеспечения семей запасных государственными пособиями. В документах местных ГЖУ особо отмечалось, что малейшая проволочка с оформлением документов на получение родными пособия вызывала ропот и возмущение среди жен призванных⁴⁰.

Обращает на себя внимание, что самыми непосредственными факторами радикализации массовых настроений становятся распространение стереотипов деструктивного

поведения среди крестьянской молодежи. Деревня пожинала плоды своей эмансипации. Пробуждение личности и стремление отстоять свое достоинство, развитие частной инициативы и предприимчивости расширяли рамки вседозволенности и способствовали развитию отклоняющегося от нормы поведения, в том числе и в криминальной форме, что, в свою очередь, способствовало количественному росту мелкой преступности⁴¹. Перспективы грядущей мобилизации послужили дополнительным фактором снижения функции социального контроля применительно к общинной организации, а следовательно, роста проявлений девиантного поведения в подростковой среде. Объектами хулиганских выходов сельской молодежи становились социальные категории, маркированные как естественные враги, враги по определению, чужие для общинной организации: дворяне, управляющие экономий, однообщественники, выделившиеся на отруба и хутора, и т.д.⁴²

Таким образом, абсолютизация тезиса о полном умиротворении деревни и прекращении хулиганства в крестьянской среде, присутствующего, в частности, в отчетах местного духовенства на начальном периоде войны, по большому счету не соответствует действительности. Однако сказанное выше свидетельствует об обыденном характере факторов, вызвавших подобную форму сопротивления, опосредованную в большей степени причинами социально-психологического плана, нежели политическими. Не стоит поэтому искать проявление воздействия антивоенной пропаганды там, где оно отсутствует по определению даже в стихийном своем выражении⁴³.

В Саратовской губ. ситуация также обострилась до предела. «Объявление мобилизации, — отмечал саратовский губернатор, — сопровождалось высоким подъемом в городах и взрывом озорства и буйных наклонностей обычно спокойного населения сельских местностей. Крутые меры, вплоть до расстрела толпы в Царицыне и Вольске, обнародованные по телеграфу сведения об обеспечении семей запасных, а равно уничтожение казенного вина в течение нескольких дней восстановили порядок»⁴⁴. В Царицыне, где жертвы были наиболее многочисленными (21 июля погибли 20 и были ранены 24 участника выступления), процессу массовизации способствовало отсутствие достоверной информации относительно выдачи пособия семьям запасных, и основную роль в беспорядках, вылившихся в разгром сборного пункта, сыграли здесь жены призывников. При отсутствии устойчивого поведенческого стереотипа регуляции психологических реакций на столь масштабные мобилизационные кампании мотивом социальной агрессии становится поиск виновника переживаемого состояния. Скопление значительных масс людей в непосредственной близости от сборных пунктов, общность эмоционального восприятия происходящего, ощущение состояния фрустрации как блокировки всех надежд в дополнение к особенностям крестьянской психологии, выраженным склонностью к коллективным способам мышления и поведения, — вот перечень условий формирования определенного состояния сознания, при котором достаточно любого, даже самого незначительного повода для запуска реакции релаксации предельных состояний психики путем перехода социальной динамики на уровень агрессии. Сам повод в различных его вариациях, вызывавший проявления массового поведения, выполнял исключительно функцию провоцирования толпы на решительные действия и не отражал реального содержания социальных представлений и ощущений⁴⁵.

Анализ смысловых характеристик извлечений из солдатской корреспонденции позволяет не только выявить особенности крестьянской интерпретации военного времени, но и проследить масштабы и направление ментальной трансформации в проекции на изменение поведенческой практики одного из главных субъектов революционных событий 1917 г. Помимо ограничения в доступе к информации, имеющей статус государственной тайны (в условиях военного времени), одной из

важнейших функций должности военного цензора являлся анализ солдатской корреспонденции и ее распределение согласно учету важнейших оценочных характеристик. Среди них можно выделить следующие: 1) указание на патриотический подъем и осознание необходимости выполнить свой долг перед родиной; 2) пожелание скорейшего окончания войны; 3) жалобы на что-либо (плохое питание, обмундирование и пр.); 4) сведения, указывающие на недисциплинированность автора (критика в адрес «начальства» и т.д.); 5) сообщение сведений, распространение которых запрещено; 6) письма без упоминания о войне⁴⁶.

Объективно цензор не был заинтересован в приукрашивании, лакировке поступающей информации, так как результативность его деятельности определялась скорее количеством выявленных нарушений, чем благодушными отзывами по поводу воодушевления и уверенности в успехе военного будущего. И даже поверхностный анализ динамики изменений в настроениях масс позволяет использовать полученные результаты для аргументации выводов относительно существенных изменений в содержании массовых настроений.

Распределение писем, количество которых нередко исчислялось десятками тысяч, демонстрирует появление в 1915—1917 гг. двух устойчивых тенденций: резкого падения патриотических настроений и утраты веры в победу, с одной стороны, и столь же стремительного падения интереса к военной тематике вообще и концентрации внимания на явлениях повседневной жизни, выходящих за рамки образа войны — с другой.

Анализ содержания корреспонденции позволяет «нарисовать» два лика войны: городской и деревенский. Рапорты военных цензоров тоже отчасти подтверждают это предположение. Так, по мнению пензенского цензора корнета Спицына (декабрь 1914 г.), в солдатских письмах слишком много внимания уделяется бытописанию войны в самом бесхитростном выражении. Все ужасы войны: «тяжелые раны, изуродованные трупы, просьбы некоторых раненых застрелить их ввиду тяжелых физических страданий от полученных ран и предложения за эту так сказать последнюю услугу боевому товарищу всех ценностей и денег...» — Спицын старательно вычеркивал, дабы препятствовать распространению в обществе подавленных настроений.

Выборка несанкционированных высказываний даже при допущении высокой степени субъективизма в определении критерия отбора, исходя из личной позиции цензора, позволяет реконструировать массовые образы войны, запечатленные в крестьянском сознании. Эмоционально-чувственное восприятие военной действительности транслировалось в письмах посредством использования привычных образов повседневной жизни русского крестьянина. Война, как творение исключительно рук человеческих, превращалась в явление природы, наделялась душой, технологические предметные характеристики олицетворялись, неживое, металлическое, чужеродное в традиционной культуре приобретало привычное, а поэтому понятное, доступное к восприятию звучание. В письмах «в деревню» непременно присутствует сравнение с животным миром: «...казнили, как комаров...», «умирают, как мухи», «аэропланы вьются целыми десятками...», «зарывают без отпевания, без ничего, как скот...», «одни, как зайцы, живем...», «...обращаются, как звери», «злые пули», «...пули свистят, как пчелы...», «сколько пьют эти взрывы крови человеческой...», «...пропадешь вместо овцы». За подобным переносом значений скрывались такие оценочные характеристики, как масштабность вражеской агрессии, обесценивание человеческой жизни, которая, в свою очередь, превращалась в прообраз живой могилы.

Крестьянское сознание поражает, прежде всего, техногенный уровень военной катастрофы: «...пока сидим в окопах, но орудия бьют, вся земля дрожит, гудет,

как гром, и пули, летят, как пчелы... Смерть висит на носу... он освещает ракетами и стреляет, а днем летает аэроплан и сверху бросает, стоим на страху» (с. Б. Ижмора). Подобное восприятие породило новое прочтение крестьянского мифа об эсхатологической перспективе развития индустриальной цивилизации. В частности, авторскую интерпретацию массовых футурологических представлений мы встречаем в письме В. Вдовина (с. Константиновка Пензенского уезда): «Про эти дни и часы говор шел и раньше: настанет такое время, весь свет опутают железом, и будут летать огненные скорпионы. Вот и сбылось, дожили мы до этой жизни... Какие устраивают проволочные заграждения, и все это для гибели человека. А другое про полет. Думали и говорили про машину, нет это все здесь. Здесь такие штуки летают, только что летит, и то за десять верст слышно, а если сядет да крикнет, то мать сырая земля простонет, затрясется от этих ужасных взрывов»⁴⁷.

Ощущение катастрофичности бытия имело в своей основе знаковые образы военно-технического превосходства противника, образы, по своему содержанию совпадавшие с архаическими представлениями о причинах грядущего «конца времен»: «у немцев и бронированные автомобили, аэропланы, ракеты»; окопы, как «целые крепости с бетонными галереями, убежищами, подземными дорогами...»; «люди голодают, народ бьют пулями, шрапнелями и гранатами. Да еще морит враг газами, от которых нет спасения, кроме огня. И выходит так, что эта вся картина похожа на светопредставление»⁴⁸.

Тема смерти — одна из центральных в военной корреспонденции, причем нередко ее образ прочитывался как способ индивидуального спасения, избавления от мучительных страданий («...ожидай, как убьет», «смерть летает между нами» и «лучше бы скорей убили, чем мучиться», «...ищу себе смерти и хочу её...», «скорей бы убили, чем мучиться», «до того все опостылело, не мил и вольный свет»). В силу своей обыденности, привычности, динамичности переход в иной мир перестает быть тайной человеческого бытия, теперь смерть расколдована, и ее десакрализация формирует прочную основу для трансформации архаичной картины мира российского социума в целом и представлений о характере и целях войны в частности. Эту перемену в жизни зафиксировал автор письма, адресованного в с. Старое Зубарево Краснослободского уезда: «Вот у нас оказалась перемена в жизни: для чего война создана? Для истребления человеческого рода. Кто дал войну? Бог? Нет, не Бог, а хитрые люди. Из какого интереса воюют, что искалечат нас, проверяют правительство и пастыри наши попы»⁴⁹.

В аксиологической сфере массового сознания формировались серьезные, поистине тектонические сдвиги, связанные с десакрализацией прежних фундаментальных опор социального бытия, и первое подтверждение этому мы черпаем из оценок современников. Так, в корреспонденции, отправленной осенью 1915 г. из действующей армии в с. Ново-Девичье Краснослободского уезда Пензенской губ., характеризуя «беспредельные горькие тяжести» военной службы, автор отмечал: «Это самое военное дело старые люди считали каким-то святым делом, но в настоящее время, с моей стороны, это не святость, а явно действующий неописанный великий разбой, великое истребление невинных человеческих душ...»⁵⁰. Солдат оказался перед лицом утраты основных ценностей, которые он должен был защищать. Из-за более высокой степени администрирования, механизации войны, контроля над солдатом возникало ощущение его отчужденности от ее целей, осознание ее бесполезности, утраты ее традиционного вещного характера. Рассогласование наличного и потребного, традиционного образа войны и его разрушения, в данном случае прочитывались в сознании крестьянства как угроза, что в конечном итоге не могло не вызвать серьезных подвижек в социальном поведении.

При анализе содержательной компоненты 643 солдатских писем, задержанных в 1915—1917 гг. Пензенским военно-цензурным пунктом, можно выделить ряд наиболее часто встречающихся оценочных категорий и перевести их на язык математических значений. По абсолютному количеству смысловых единиц в структуре массовых настроений лидируют категории, так или иначе связанные с бинарной оппозицией «жизнь-смерть» как ощущения предельного состояния угрозы самому существованию человека: образы голода и смерти, чувство отчаяния и апатии, безысходность бытия. В частности, по данным за 1915 г., 38,3% всех писем, зафиксированных военным цензором, содержат подобные высказывания (в 1916 г. — 38%, в 1917 г. — 36,7% соответственно).

По данным Поршневой, наиболее массовыми высказываниями в письмах критического содержания, задержанных военной цензурой в 1915—1916 гг., являются высказывания, связанные с повседневной реакцией солдат на окружающие их реалии военного времени. Так, жалобы на плохое питание, одежду, обувь, физические страдания составляли в 1915 г. 10,57% от их общего числа (в 1916 г. — 8,5%), сетования на жестокую дисциплину, телесные наказания, бесправие, придирки — в 1915 г. 11,38% (в 1916 г. — 14,57%)⁵¹. К аналогичным выводам приходим и при изучении материалов военно-цензурного пункта Пензенской губ., в частности дневниковых записей В.А. Мишнина — ротника из Пензенской губ., принимавшего участие в Первой мировой войне⁵².

Затяжной и позиционный характер войны лишал ее образ всяческой тайны, и, напротив, содержание представления о мире приобретало все сказочные атрибуты. Так, в одном из солдатских писем в 1915 г. мы встречаем описание сцены братания русских и австрийцев. В конце своего рассказа автор восклицает: «Подумайте, какая радость великая, стало будто бы похоже на мир»⁵³. «Мы все ожидаем мира, — пишет солдат в с. Нижнее Аблязово, — а вы все пишете, что остальных берут. Про мир, наверно, все забыли, и не говорит давно никто. А у нас все говорят солдаты, что мир из Петербурга везут на быках и, наверно, его долго не довезут до нас на позиции»⁵⁴. Мир ждали как награду за муки, за принесенные жертвы, награду, которая не должна иметь условного характера, которая даруется по воле Бога простой констатацией выхода из состояния войны.

В материалах делопроизводственной документации жандармских чиновников, непосредственно отражавших отношение населения к войне, фиксировалось, прежде всего, восприятие войны в плане одобрения или осуждения военных действий, желательность ее продолжения или окончания, а также интерпретация крестьянством целей войны. Косвенно на этот же вопрос отвечали характеристики отношения крестьян к частым мобилизациям и к противнику. Важное место занимала интерпретация земельного вопроса применительно к новым условиям. Еще одним параметром была оценка лояльности крестьянства по отношению к местным властям и его удовлетворенность «заботами правительства по обеспечению увечных и семейств призванных на войну». В материалах, относящихся к концу 1915 г. и особенно к 1916 г., фиксируется появление нового представления о дороговизне, получившее в оценках массового сознания тотальный характер и ставшее к этому времени своего рода общей формой выражения всех прочих психологических реакций.

Показательно, что формальный по большей своей части подход к характеристике массовых настроений, присутствующий в документах ГЖУ на начальном этапе войны, меняется уже в конце 1915 г. В октябре 1915 г. жандармские офицеры вынуждены были констатировать, что хотя патриотизм населения по отношению к войне сохраняется, но большинство желает мира с той оговоркой, что мира почетного⁵⁵. Донесения и сводки за 1916 г. резко отличаются от аналогичных документов более ранних

периодов по своему объему и характеру аналитических построений. Естественно, следует прогнозировать смену настроений опять-таки к осени 1916 г.: если в феврале после ряда победоносных действий русской армии на Кавказском фронте, а также успехов союзников в районе Вердена уверенность в победе, ожидание наступления и готовность к продолжению войны были очевидны, то уже в марте в «разговорах крестьян замечается поворот к миру, который вызывается дороговизной...»⁵⁶. Можно легко представить, как изменится общий настрой в российской деревне после поражения Румынии и занятия немецкими войсками Бухареста, что к тому же совпало по времени с наступлением осеннего периода в сезонной смене общественных настроений. В ноябре 1916 г. в донесениях Симбирского ГЖУ отмечалось, что «дальнейшее продолжение войны становится менее желательным»⁵⁷.

В донесениях жандармских офицеров основной причиной роста социально-психологической напряженности в деревне называются военные неудачи. Это, безусловно, являлось важнейшим критерием оценочных суждений крестьянства. Но за ростом пораженческих настроений легко угадывается проблема рассогласования народного идеала (мифологизированных образов государства, власти, характера и целей войны) и реальной действительности. Образы, рожденные в доиндустриальную эпоху, в архаичных структурах родового сознания, не могли служить рациональным объяснением происходящего. И углубление данного противоречия провоцировало эсхатологические переживания.

Обращаясь к солдатской корреспонденции, попробуем проследить сохранение прежних оценочных характеристик и возникновение новых по сравнению с предыдущим периодом. Так, согласно подсчетам симбирского военного цензора, в январе — феврале 1917 г. от 10% до 14% писем из действующей армии имели патриотическое содержание, 2—2,7% содержали пожелание окончания войны и около 80% не носили военного характера⁵⁸. Словом, видимых серьезных изменений в установках массового сознания военнотружущих военная цензура не фиксировала. Оставались неизменными и негативные характеристики обыденного восприятия окопной жизни, тиражировавшие эсхатологические переживания и ощущение обреченности и беззащитности перед новыми военными технологиями, не оставлявшими человеку шансов на выживание. Как отмечалось в одном из крестьянских писем на родину, военная повседневность была предельно критической: «Житье наше очень плохое, немец проклятый душит газами, того и гляди, что задушит; даже лошади кашляют и дохнут, не вытерпливают. Вот какую силу имеют газы. Я не знаю, как придется перенести это тяжелое время. Все время праздников пришлось провести обутыми и кормить вшей»⁵⁹.

Своеобразным рубежом в процессе развития фронтовых настроений стали события февраля — марта 1917 г. Слом старого режима в российской армии был воспринят как диалог окончания массового кровопролития. Наиболее излюбленной темой в корреспонденции, поступавшей из действующей армии, становится ожидание скорейшего прекращения военных действий, поэтому все без исключения препятствия, стоявшие на пути заключения мира, воспринимались в окопах настороженно-негативно.

Пожалуй, к маю 1917 г. возвратное движение ценностных предпочтений, выразившееся в десакрализации образа войны как жертвенного служения отечеству и, напротив, в фетишизации представления о мире, достигло своего апогея. Как свидетельствует анализ военной корреспонденции, ситуация на фронтах кардинально изменилась в апреле — мае, когда действующая армия получила пополнение, состоявшее из призывников старших возрастов. Оторванные от привычных занятий в период проведения посевной кампании и ожидая предполагаемого уравнивания земли, «сорокалетние ста-

рики» — хранители традиций превратились в эпицентр распространения деструктивных политических настроений: «старикам хотя бы чтобы не стало мира и о наступлении даже слушать не хотят»⁶⁰. Впрочем, военный цензор не зафиксировал стабильной положительной динамики роста антивоенных настроений. Так, в июне, по мнению чиновника, патриотические настроения в войсках заметно укрепились, а в июле обнаружилось стремление к дезинтеграции, которое было переломлено уже к началу августа⁶¹.

Надежда на скорый мир выражалась и в организации братаний на германском и австрийском фронтах, причем представление о братаниях, как следует из солдатских писем, превращается в своеобразный мыслительный и поведенческий стереотип. Это выражается и в дезертирстве или самовольном оставлении позиций, и в абсолютизации представления об исчерпании необходимости войны как средства разрешения внутренних противоречий. Появляется и замещение первоначального определения цели военного противостояния новым: «Довольно воевать, уже 4-й год кладут жертвы, а драться нам не из-за чего. Нам не надо немецкой земли, теперь у нас своей много»⁶². Показательно, что в представлении о необходимости скорейшего замирения включались элементы антибуржуазного сознания. Причины тяги к миру как процесса, испытавшего на себе определенное влияние пропагандистской деятельности на фронтах, выглядят теперь так: «...Солдаты не соглашаются идти в наступление, так как если солдаты пойдут в наступление, то проиграют свободу, буржуазия опять возьмет верх, ибо она вся находится в тылу»⁶³.

В сводках донесений о настроениях в российской армии за вторую половину 1917 г. солдатскую массу, удерживаемую на фронтах, определяли как «огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединенных жадой мира и всеобщим разочарованием»⁶⁴. Радикализация массового сознания, многократно усиленная политическим кризисом и переходом власти в руки большевиков, обернулась дальнейшим падением армейской дисциплины, фактическим распадом армии, ростом погромных настроений и мародерства на территории расположения частей.

Образ военного противника в сознании крестьянского населения тыловых регионов империи не имел четко выраженных смысловых характеристик и прочитывался, как правило, в различных вариациях. Первоначально образ немца содержал в себе концентрированное выражение представлений обо всех внешних враждебных великорусу силах. По сведениям местных ГЖУ, особую ненависть вызывали немцы — управляющие в частновладельческих экономиях и в имениях удельного ведомства, немцы — земские начальники, а также колонисты, владеющие значительным количеством земли⁶⁵. В этом прочтении легко угадывается непосредственная зависимость между объектом неприятия и коренным интересом крестьянства. В крестьянской среде враждебность по отношению к внутреннему немцу объяснялась рядом свойств национального характера, приписываемых врагу: «...немцы народ зверский, хитрый и, кроме вреда России, ничего не приносит»⁶⁶. В условиях постоянных военных поражений русской армии формировались затем представления о непобедимости немцев и о военно-техническом превосходстве Германии. Подобные представления получили распространение на русском фронте уже с осени 1915 г. Летом 1916 г. после провала весенне-летнего наступления высказывания о силе и непобедимости немцев становятся преобладающими. Со временем аналогичные суждения проникали и в тыловые регионы страны. К тому же противник часто оказывался христианином, а многие из военнопленных были даже православными. Отсутствие ненависти к врагу становилось типичным явлением⁶⁷, и поэтому к военнопленным, особенно к лицам славянского происхождения, крестьяне относились уже «с жалостью», «с жадностью хватали по домам», а женщины

отзывались о них так: «Бедненькие, несчастенькие»⁶⁸. Своеобразие прочтения образа противника объяснялась и готовность российского крестьянства «поскорее заключить мир» как психологическая реакция на предложение Германии о перемирии, слухи о котором циркулировали в российской провинции в декабре 1916 г.⁶⁹

Силы зла определялись и общим понятием «измена», ставшим своего рода ключом, пропуском в мир «своих», критерием для национальной самоидентификации и объединения. Боязнь измены, названная осенью 1915 г. главным опасением в сводках негласного наблюдения Симбирского ГЖУ, стала самым сильным переживанием, формирующим содержание массовых настроений в средневожской деревне⁷⁰. Сюжет о предательстве и наказании военного начальства, как один из наиболее распространенных мифов общественного сознания времен Первой мировой войны, присутствовал равновелико и в крестьянских слухах, и в значительной части солдатской корреспонденции: «Перемышль сдан из-за измены», «великий князь Николай Николаевич велел заковать до 30 генералов и офицеров, а старшего генерала призвал к себе и сорвал погоны, а генерал выстрелил и ранил великого князя»⁷¹. Сравним это с содержанием частной корреспонденции, поступавшей из действующей армии летом 1915 г. в Пензенской губ.: «123 офицера и 6 генералов» (в другом случае «15 генералов и 90 офицеров» или «этих мерзавцев более ста человек...» и т.д.), которые продали Перемышль (или Львов), «заковали руку к руке и водили по Москве» (в другом случае «проездили через Самару», «через Пензу» и т.д.)⁷².

Переживание военных неудач вызвало экстраполяцию образа внешнего врага в контексте постулатов наивного крестьянского патриотизма на врага внутреннего по этнической принадлежности. Столь же традиционным представляется негативизм высказываний относительно категории «начальство». В дальнейшем структура этого образа становится более сложной, что объясняется общим ростом деструктивных явлений в повседневной жизни российского общества. Дороговизна и проблемы продовольственного обеспечения в целом самым кардинальным образом повлияли на изменение социальных представлений, исподволь формируя «антибуржуазное» сознание. Внутренний враг выступает теперь в образе купца, лавочника, торговца, помещика и, наконец, просто богатого крестьянина или представителя иного сословия из состоятельных классов⁷³.

Содержание образа внутреннего врага, по мнению Асташова, определяли отнюдь не антимоноархические настроения и не обвинения в адрес высшего начальства, а негативные суждения огульно в адрес всех лиц, так или иначе причастных к росту дороговизны повседневной жизни. А миф о бурже, сформировавшийся в структурах массового сознания к 1917 г., был не просто попыткой социализации образа врага применительно ко всем враждебным крестьянству силам⁷⁴. В резком противопоставлении «окопников» «тылу» угадывается и своего рода защитная реакция патриархального сознания. Деление на своих и чужих при высокой степени категоричности суждений диктовало определенный алгоритм социального поведения: сохранение жизнеспособности крестьянского мира ставилось в жесткую зависимость от устранения разрушающего воздействия всех чужеродных элементов. В процессе мифотворчества проявилось и традиционное представление о социальной справедливости, производное от уравнилельных сентенций.

Асташов, анализируя сводки военно-цензурных отделений и перлюстративные материалы периода Первой мировой войны, признает, что среди внутренних врагов, своеобразная иерархия которых представлена в крестьянских письмах, определенное место занимали помещики и вообще владельцы земли. Но в целом помещики — совсем не частая тема солдатских писем даже во время революции. Скорее солдаты-

крестьяне не выделяли специально помещиков из образа внутреннего врага⁷⁵. Среди высказываний критического характера, выделенных Поршневой из писем, задержанных военно-цензурной комиссией Казанского военного округа, вообще отсутствуют даже единичные случаи обличения помещиков⁷⁶. Стало быть, антипомещичьи настроения не являлись определяющими для социальной динамики. В условиях войны повседневная поведенческая практика приобретает несколько отличную, скажем, от периода революции 1905—1907 гг. мотивацию.

В связи с началом войны политический идеал крестьянства не претерпел существенных изменений. Напротив, он получил дополнительную подпитку в русле многократного усиления значения ценностей патернализма, востребованных в условиях военно-политического кризиса. Можно предположить, что в дальнейшем именно подобное соответствие или, наоборот, рассогласование будет определять настроения и поведение крестьянских масс. Здесь можно заметить, что констатация сохранения лояльности по отношению к действующей власти продолжает оставаться характерным явлением для сводок негласного наблюдения местных ГЖУ на протяжении всего рассматриваемого периода: «...к местным административным властям и правительственной власти относятся послушно и с покорностью и содействием». Местные власти отмечали отсутствие значительных актов массовой социальной агрессии, крупных беспорядков, антиправительственной агитации, распространения «вздорных слухов» в уездах. В частности, в донесениях Симбирского ГЖУ сообщения подобного рода встречаются вплоть до ноября 1916 г.⁷⁷

Однако, несмотря на отсутствие видимых причин для беспокойства, социально-психологические предпосылки дестабилизации политической обстановки в империи были налицо. Речь идет о формировании в массовом сознании представления о неспособности государства эффективно решать самые важные вопросы современности как внешнего, так и внутреннего порядка. Массовые настроения служили прекрасным индикатором процесса девальвации идеи государственности, освященной церковью и лежавшей в основе одного из важнейших архетипов. Понятия народа и монарха, общества и власти в оценках массового сознания постепенно превращались в полную противоположность друг другу в традиционной системе оценок «добро»-«зло».

Материалы I Департамента III Уголовного отделения Министерства юстиции за период с лета 1915 г. по декабрь 1916 г. свидетельствуют о стремительном распространении слухов, дискредитировавших монархию. Самым симптоматичным был резкий рост числа суждений (по подсчетам Поршневой, они составляют 40,6% от общего количества мотивированных высказываний в этот период), в которых Николай II обвинялся в царящей везде измене, немецком засилье, а его мать и жена — в прямом предательстве⁷⁸. Источником трансляции подобных представлений также был город, маргинальная субкультура которого более всего была восприимчива к развитию процессов радикализации.

Весьма показательным, что самой репрезентативной группой суждений в этот период было обвинение Николая II в плохой подготовке страны к войне и неумении вести ее⁷⁹. На наш взгляд, это свидетельствует не столько о девальвации самого монархического идеала, сколько о рассогласовании представления крестьян о функционально-ролевом предназначении царя в системе социальной организации общества и непосредственной деятельности конкретного монарха. В ходе Первой мировой войны, неумолимо уничтожавшей привычные картины повседневной действительности, демонизация образа царя приобретает тиражируемый характер. И царь, и духовенство как элементы, неизменно присутствовавшие ранее в системе патерналистских

ценностей, оказались под огнем народной критики: «...ишь вы с царем-то выдумали проливать кровь, да еще набираете людей проливать кровь, мало-ли через вас народу повешали невинна...»⁸⁰. В словах крестьянина с. Малые Копны Аткарского уезда Саратовской губ. Г.К. Цыбизова отчетливо проявилась перевернутая по отношению к идеалу оценка деятельности монарха (защищать народ — проливать кровь, губить народ), то есть можно вести речь о расхождении представлений о реальном и существующем в социальной памяти предназначении монарха, о расхождении, близком к своему абсолютному значению. От прежнего сакрального содержания образа не осталось и следа. На это указывают факты тиражирования подобных настроений, формировавших структуру информационного поля. Отзывчивость крестьянского сознания на антимонархическую пропаганду внушала серьезные опасения властям⁸¹.

Все попытки восстановить прежние отношения между монархом и народом уже не достигали намеченной цели. Так, осенью 1916 г. попытка распространения портретов императора (приобретаемых к тому же на мирские деньги) в Саратовской губ. натолкнулась на глухую стену непонимания и отчужденности в крестьянской среде («На что ты мне такого говна даешь»⁸²). Еще до Февраля достаточно распространенным явлением в российской деревне становится «наказание» изображения императора самым что ни на есть архаичным способом: на портретах царской семьи крестьяне выкалывали глаза. Немецкий военнопленный писал домой в апреле 1917 г.: «Переворот мало ощущается, разве только тем, что выкалывают глаза лубочным изображениям царской семьи, на которые вчера молились» (его письмо было перечувачено военной цензурой)⁸³.

О массовом характере антимонархических настроений свидетельствовало и распространение соответствующих высказываний в виде определенных фольклорных форм и легендарных сюжетов. В частности, в Самарской губ. были зафиксированы рассказы о том, что Мария Федоровна/Александра Федоровна золото/деньги/продукты «вагонами отсылает в Германию», Николай Николаевич продал Карпаты и/или Россию за бочку золота, и потому война будет проиграна, что «царь продал немцам Перемышль, Львов, Варшаву, Ригу и вообще Россию за 20 млн. руб., о чем уже известно всем солдатам» и т.д.⁸⁴ В Пензенской губ. имели хождение малые песенные формы следующего содержания: «А на могиле, слышь, его сажают только лилии и надпись сделали на ней: лежит здесь член фамилии»; «Выберем дубинушку на проклятую царскую спинушку» и т.д.⁸⁵

Вместе с тем утверждения о массовом распространении антимонархических настроений, скажем, среди солдатской массы, столь характерные для советской историографии⁸⁶, в настоящее время подвергаются серьезному сомнению. В частности, на основе исследования материалов Российского государственного военно-исторического архива Асташов делает вывод о почти полном отсутствии антимонархических высказываний в военной корреспонденции вплоть до кануна Февральской революции⁸⁷. Действительно, достаточно сложно предположить наличие готовности у большинства солдат действующей армии к открытому ниспровержению традиционного политического идеала. Однако трудно констатировать высокую степень достоверности частной переписки, ведь солдаты отнюдь не пребывали в неведении относительно существования механизма перлюстрации военной корреспонденции. С другой стороны, имеются свидетельства о наличии антимонархических высказываний, фиксируемых в солдатской корреспонденции, уже в апреле 1915 г.⁸⁸ Нельзя полностью игнорировать и возможность расхождения, диссонанса между индивидуальными переживаниями в конкретной ситуации и функционировавшими в массовом

сознании монархическими представлениями. Это противоречие не было непреодолимым: вследствие амбивалентности, присущей патриархальному сознанию, результатом десакрализации власти монарха становится возрождение культа верховного правителя и восприятие идей революционного вождизма⁸⁹.

Актуализация идеи уравнительного землепользования как основы социальной справедливости, подмена христианских этических норм и ценностей языческими представлениями, смешанными с новоязом революционной эпохи, — таковы частные выводы, подтвержденные в ходе контент-анализа Поршневой⁹⁰. В свою очередь, они выступают надежной основой для определения общей тенденции, характерной для массового сознания и поведения в предреволюционную эпоху и ставшей мощным фактором постреволюционного развития, тенденции к архаизации социокультурной динамики.

Земельный интерес крестьянства частично сублимировался в стремление решить проблему аграрного перенаселения путем справедливого, на их взгляд, возмездия, мести в отношении носителей образа внутреннего врага. В основе мотивации крестьянского поведения лежало указанное выше убеждение, основанное на фанатичной вере крестьян в необходимость приведения реальной действительности в соответствие с существующим социальным идеалом. В этом контексте все земли, принадлежавшие немцам, имеющим как подданство Германии или союзных ей государств, так и вообще лицам, носившим иностранные, а, значит, в понимании сельских обывателей немецкие фамилии, на условиях вознаграждения за ратные подвиги должны перейти крестьянству. В данном случае ничего незаконного в своих действиях крестьяне не усматривали, ведь рано или поздно государство санкционирует конфискацию земельной собственности у врага. Тем самым выступления против враждебных государству лиц рассматривались как действия, полностью соответствующие общеимперской идеологии⁹¹.

Следует признать, что жертвенный образ войны имел и свою оборотную сторону: участие народа в военных действиях, тяготы военного лихолетья в конечном итоге должны были обернуться дарованием царской милости, награды за понесенные жертвы. Так, в донесении самарского губернатора о настроении населения за декабрь 1915 г. отмечалось: «Крестьянское население сосредоточенно ожидает окончания войны. О том, какое оно тогда займет положение, можно в известной степени судить по результатам волостных выборов на общественные должности... Почти всюду избранные лица, открыто распространявшиеся о том, что до окончания войны государь отдаст всю землю...»⁹².

Несмотря на частичную утрату злободневности земельного вопроса в условиях военного времени, традиционное восприятие и сакрализация образа войны породили мифологизированное представление о неизбежности грядущего земельного передела, о даровой прирезке земли в виде награды, «возмездия за жертвы», обещанного народу после окончания войны⁹³. Убежденность крестьян в том, что война и участие в ней крестьянства является особым способом обретения вождя земли, граничила, по свидетельству полицейских чинов, с религиозным фанатизмом. Деревня выражала готовность принести на алтарь победы жизни множества своих сынов, назначая при этом собственную цену. Однако столь же неизбежно должно было последовать и возмездие в случае блокировки крестьянских чаяний.

Любые правительственные распоряжения истолковывались в русле крестьянского видения проблемы. Так, осенью 1915 г. после проникновения в прессу текста записки министра земледелия о наделении землей в Галиции солдат в действи-

ющей армии моментально появились слухи о всеобщем переделе. Впоследствии эта информация в измененном, согласно основным постулатам крестьянского аграрного идеала, виде передается с корреспонденцией на места и порождает почти религиозную убежденность деревни в наделении после войны земель, в том, что должна быть какая-нибудь перемена⁹⁴.

Помимо мифологизации земельного интереса в содержании зафиксированных слухов и толков прослеживается и свойственный крестьянскому массовому сознанию универсальный утилитаризм, в том числе и манипуляция столь востребованными в годы войны элементами патернализма и национал-патриотической идеологии. Таким образом, в представлениях крестьянства война мыслилась не только как испытание, ниспосланное Господом, но и как реальная возможность обретения желаемого посредством принесения жертвы, в чем выражался поистине жертвенный характер участия деревни в боевых действиях. В контексте патерналистской парадигмы общественного сознания монарх просто не мог не выполнить своего функционального предназначения и «хотя бы путем выкупа, на облегченных условиях», но вознаградить страдания народа и пожаловать его землей.

Подводя некоторый итог в деле рассмотрения роли и значения Первой мировой войны, как фактора ментальной динамики, следует отметить, что экстремальные характеристики военной повседневности послужили своего рода импульсом к началу возвратного движения к иному типу социокультурной трансформации. Постепенно, по мере развенчания прежних мифов массовое сознание обрело дополнительные основания для углубления ощущения психологического дисбаланса. Пожалуй, основным признаком грядущих перемен стало рассогласование наличного и потребного, идеалов, покоившихся на важнейших мифологемах крестьянского сознания, и реальной практики. Для народа, отличавшегося фанатичной приверженностью собственным архетипам, трудно представить более суровое испытание, чем не оправдавшиеся надежды. Результатом кризиса антропосоциетального соответствия, рожденного еще до войны как реакция на вызов либерального идеала и многократно усиленного в представлениях массового сознания тяготами войны, стало возвращение к варианту крайней традиционализации в предельном значении этого понятия.

¹ Канетти Э. Масса и власть. М., 1997. С. 196.

² Даниленко И.С. Война и общество: некоторые проблемы теории // Война и общество в XX веке. М., 2008. Кн. 1. С. 11 (Гл. 1).

³ Тютюкин С.В. Россия: от Великой войны — к Великой революции // Там же. С. 120 (Гл. 5).

⁴ Подробнее см.: Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 8—41.

⁵ Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 120.

⁶ Шацлло В.К. В Российской ассоциации историков Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 208.

⁷ Поршинева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000.

⁸ Ее же. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185—199.

⁹ Подробнее см.: Ее же. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург, 2005.

¹⁰ Ее же. Менталитет и социальное поведение ... С. 12—14.

¹¹ Сенявская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М., 1999.

¹² Асташов А.Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72.

- ¹³ *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение ... С. 19.
- ¹⁴ *Сенявская Е.С.* Ред. на кн.: *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург: УрО РАН, 2000. 415 с. Тир. 500 // Отечественная история. 2001. № 1. С. 193—194.
- ¹⁵ *Холодов В.А.* Первая мировая война в восприятии населения Орловской губернии: (по данным орловской прессы) // Ученые записки / Орловский государственный университет. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3, ч. 1. С. 123—131.
- ¹⁶ *Шайпак Л.А.* Рост антивоенных настроений русских солдат как отражение кризиса русской армии в годы Первой мировой войны // Вестник Военного университета. 2007. № 1 (9). С. 94—95.
- ¹⁷ *Голубин Р.В.* Трансформация общественных настроений в России в годы Первой мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. История. 2002. № 1. С. 118—121; *Назаров А.Н.* Первая мировая война в массовом сознании российского населения: (на материалах Северо-Запада) // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Серия История. Филология. 2007. № 41. С. 15—16; *Холодов В.А.* Указ. соч. С. 123—131; и др.
- ¹⁸ См., например: *Иванов А.И.* Облик русского солдата в отечественной литературе периода Первой мировой войны (1914—1918 гг.) // Вестник Самарского государственного университета. Гуманит. вып.: Философия. Социол. История. Литературоведение. Унив. жизнь. 2005. № 4. С. 87—96; *Иванов А.Ю.* Фронтовые письма российских участников Первой мировой войны в культурной коммуникации // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История и политология. 2008. № 4—5 (60). С. 78—81; *Корниенко Т.А.* «Образ врага» в политическом сознании населения России в годы Первой мировой войны // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 2 (19). С. 62—69.
- ¹⁹ Война и общество в XX веке. М., 2008. Кн. 1.
- ²⁰ *Даниленко И.С.* Указ. соч. С. 14, 31.
- ²¹ *Тютюкин С.В.* Указ. соч. С. 120, 122, 158—159.
- ²² *Асташов А.Б.* Русский крестьянин ... С. 83.
- ²³ *Тютюкин С.В.* Указ. соч. С. 125—126, 131.
- ²⁴ *Асташов А.Б.* Русский крестьянин ... С. 73, 78—80.
- ²⁵ См.: Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 855. Оп. 1. Д. 1325. Л. 63 об.
- ²⁶ *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение ... С. 112.
- ²⁷ *Асташов А.Б.* Русский крестьянин ... С. 78.
- ²⁸ Там же. С. 74—75.
- ²⁹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1325. Л. 44, 140, 218.
- ³⁰ *Ниякий В.В.* Нижегородская деревня: облик и настроения классов в первой российской революции. Горький, 1981. С. 166—173.
- ³¹ См.: *Беркевич А.Б.* Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 14.
- ³² *Шайпак Л.А.* Указ. соч. С. 95.
- ³³ *Беркевич А.Б.* Указ. соч. С. 40—41.
- ³⁴ Там же. С. 8. А.М. Гребнев также отмечал, что основная часть рабочих и крестьянства под руководством большевистской партии выступила против империалистической войны: *Гребнев А.М.* Аграрные отношения в Пензенской губернии между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России. Пенза, 1959. С. 127.
- ³⁵ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9469. Л. 107—107 об.
- ³⁶ *Федорченко С.* Народ на войне. М., 1990. С. 25, 28.
- ³⁷ *Болдырев В.Г.* Из дневника ген. В.Г. Болдырева // Красный архив. 1927. Т. 4. С. 266.
- ³⁸ *Федорченко С.* Указ. соч. С. 101.
- ³⁹ ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 3800. Л. 4.
- ⁴⁰ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 468. Оп. 1. Д. 2127. Л. 4.
- ⁴¹ *Миронов Б.Н.* Преступность в России в XIX — начале XX века // Отечественная история. 1998. № 1. С. 38.
- ⁴² Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 7978. Л. 37; Д. 7979. Л. 282—284.
- ⁴³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДП. 1914. Оп. 123. Д. 138. Ч. 49. Л. 9.
- ⁴⁴ Цит. по: *Беркевич А.Б.* Указ. соч. С. 17.
- ⁴⁵ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7979. Л. 82.
- ⁴⁶ См., в частности: Там же. Ф. 359. Оп. 1. Д. 2 и др.
- ⁴⁷ Там же. Д. 2, 8.
- ⁴⁸ Там же. Д. 2. Л. 341; Д. 8. Л. 152; Д. 14. Л. 40.
- ⁴⁹ Там же. Д. 8. Л. 11 об.

- ⁵⁰ Там же. Л. 645.
- ⁵¹ *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение ... С. 389—391.
- ⁵² *Сухова О.А.* Указ. соч. Приложения 11, 12.
- ⁵³ ГАПО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. Л. 566.
- ⁵⁴ Там же. Л. 330 об.
- ⁵⁵ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1279. Л. 56, 58.
- ⁵⁶ Там же. Д. 1325. Л. 44, 70.
- ⁵⁷ Там же. Л. 243.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 934. Оп. 2. Д. 2. Л. 3—43.
- ⁵⁹ Там же. Л. 13.
- ⁶⁰ Там же. Л. 71 об.
- ⁶¹ Там же. Л. 77, 94, 99.
- ⁶² Там же. Л. 106.
- ⁶³ Там же. Л. 94.
- ⁶⁴ Сводка донесений о настроении армий за время с 15 по 30 ноября 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 4. С. 246 (Накануне перемирия).
- ⁶⁵ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1279. Л. 56, 81 об., 82.
- ⁶⁶ Там же. Д. 1325. Л. 15 об. — 16.
- ⁶⁷ *Асташов А.Б.* Деструктивное поведение солдат русской армии в первой мировой войне как фактор утраты целостности России // Россия в новое время: единство и многообразие в историческом развитии. М., 2000. С. 103.
- ⁶⁸ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1279. Л. 82 об.
- ⁶⁹ Там же. Д. 1325. Л. 266.
- ⁷⁰ Там же. Д. 1279. Л. 69, 81 об.
- ⁷¹ Там же. Л. 81 об.
- ⁷² ГАПО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 2. Л. 415 об.
- ⁷³ Там же. Л. 164, 183 об., 213, 255, 264 об.
- ⁷⁴ *Асташов А.Б.* Русский крестьянин ... С. 82—83.
- ⁷⁵ Там же. С. 82.
- ⁷⁶ *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение ... С. 389—393.
- ⁷⁷ См.: ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1325. Л. 216 об.
- ⁷⁸ См.: *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение ... С. 127.
- ⁷⁹ Там же. С. 121.
- ⁸⁰ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1915 г. Д. 26. Л. 4.
- ⁸¹ См.: ГАПО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1812. Л. 92.
- ⁸² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10065. Л. 103.
- ⁸³ *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 134.
- ⁸⁴ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 8007. Л. 120—120 об.
- ⁸⁵ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7985. Л. 38; Ф. 359. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.
- ⁸⁶ Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны, 1914 — февраль 1917. М., 1966. С. 273, 293.
- ⁸⁷ *Асташов А.Б.* Русский крестьянин ... С. 82.
- ⁸⁸ См.: ГАПО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 3. Л. 134.
- ⁸⁹ *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение ... С. 140—141.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7987. Л. 35—37 об.
- ⁹² ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1933 а. Л. 103—103 об.
- ⁹³ ГАРФ. Ф. 102. ДП. 1914 г. Оп. 123. Д. 62. Ч. 2. Л. 6 об.
- ⁹⁴ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1279. Л. 58, 81.

Н.С. Сидоренко (Челябинск)*

Эволюция политической атмосферы провинциального общества в условиях Первой мировой войны (на примере губерний Урала)

Политическая жизнь, как многомерное явление, включает в себя способ политической жизнедеятельности общества, связанный с формированием определенного политического сознания, с тем или иным уровнем политической культуры людей и удовлетворением их интересов. В наиболее концентрированном виде она отражается в деятельности политических партий и движений, их связях с обществом и существующей властью.

Изучение истории России начала XX в., включающей в себя сложные явления войны и революции, предполагает исследование не только факторов экономического, социального, но и политического характера, определявшего мотивы поведения людей в сложной, чрезвычайной ситуации. В отечественной историографии советского периода эта «триада» хотя и присутствовала, но имела ярко выраженный классовый характер, что привело к трактовке событий через призму «большевизма», исключало возможность выявления противоречивых тенденций и связей. Тезис о «гнилости» и неизбежной гибели царского режима был доминирующим.

В постсоветской отечественной историографии значительно возрос интерес к политическому фактору, который стал рассматриваться широко, как спектр политической борьбы различных партий и движений. Отношение различных политических сил к существующему режиму и монархическому принципу основания российской государственности получило всестороннее освещение. Наиболее активно данная проблематика развивалась в рамках истории политических партий. Существенный вклад в разработку данных вопросов внесли работы Н.Г. Думовой, Г.Г. Касарова, С.В. Тютюкина, Ю.И. Кирьянова, С.А. Степанова, В.В. Шелохаева, а также ряд коллективных монографий, выполненных с критическим учетом предыдущего историографического опыта¹.

Всестороннему научному анализу были подвергнуты идеология и тактические приемы партий на различных этапах их существования. Вовлечение в научный оборот нового массива источников и применение современных методов исследования способствовало повышению общетеоретического уровня исследований. Были внесены существенные коррективы в представления о социальном составе и численности партий на разных этапах их развития; предметом специального анализа стали формы, методы, средства массового воздействия, имевшиеся в их распоряжении.

Шелохаев, раскрывая диалектику отношения к монархическому принципу ведущей партии российского либерализма — партии кадетов, показал, что в основе ее лежала идея постепенного перехода от абсолютизма к народоправству, стремление

* *Сидоренко Надежда Семеновна* — доктор исторических наук, Челябинский государственный педагогический университет, председатель Южно-Уральского отделения Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций.

учета психологии и настроений широких народных масс, а также тактические соображения². Ряд авторов обращает внимание на наличие в партии довольно сильного правого крыла, которое твердо ориентировалось на конституционную парламентскую монархию английского образца³. В.А. Кувшинов отмечает, что даже после февральских событий 1917 г. многие кадеты, отрекшись на словах от монархии, надеялись на ее реставрацию⁴.

Научный анализ консервативного спектра политической жизни предпринят в исследованиях Ю.И. Кирьянова, Д.А. Коцюбинского, М.Н. Лукьянова, А.В. Репникова⁵. В них нашли освещение общетеоретические подходы консерваторов к пониманию сущности и назначения монархического принципа организации власти в России, его сакральность. В то же время авторы отметили попытки консерваторов к развитию научно-юридического обоснования монархического принципа, вызванного влиянием модернизационных процессов начала XX в. Авторы солидарны в том, что, оставаясь приверженцами самодержавия, консерваторы в то же время проявили готовность к отказу от крайностей славянофильства и западничества. Лукьянов, анализируя проблему реформ в политической философии российского консерватизма кануна Первой мировой войны, пришел к выводу о том, что задачей консерватора становилась не бескомпромиссная защита существующих порядков и, тем более, не реставрация порядков уже ликвидированных, но сохранение жизнеспособных элементов прошлого⁶. Коцюбинский применительно к взглядам идеологов Всероссийского национального союза (ВНС) отметил их прагматический подход, который проявлялся в том, что самодержавие объявлялось государственно-правовой производной от национальных интересов русского народа, а также в том, что вопрос об ограниченности или неограниченности российского самодержавия решался в зависимости от конкретной внутривнутриполитической конъюнктуры⁷.

В то же время авторы подчеркивают недостаточную разработанность российской консервативной политической философии, бедность ее концептуальных построений, внутреннюю противоречивость, что делало ее более слабой, менее привлекательной по сравнению с либеральной и социалистической⁸.

Репников показал отличие взглядов консерваторов и либеральных идеологов по отношению к монархическому принципу. Он подчеркнул, что в отличие от правых, либералы делали акцент на его преходящей роли и были заинтересованы в нем как рычаге для эволюционного перехода к правовому государству. Для них самодержавная власть не являлась сакральной, а была всего лишь переходной формой правления, соответствовавшей определенному этапу развития. В новых социально-экономических условиях эта форма правления должна была подвергнуться неизбежной трансформации⁹.

Вопросы стратегии и тактической линии либералов в условиях Первой мировой войны получили отражение в работе Ф.А. Гайды. Он на основе анализа парламентской и иных форм деятельности российских либералов в 1914—1917 гг. показал их стремление к соучастию во власти: «Либералы были уверены в своем приходе к власти в будущем (об этом свидетельствовал европейский опыт); вера в историческую закономерность ослепляла, мешала учитывать реальные обстоятельства, во многом снимала вопрос личной ответственности»¹⁰. Гайда привлек внимание к вопросу об ответственности либеральной оппозиции за срыв возможного компромисса с правительством.

Более обстоятельному и объективному освещению подвергнуты в исследованиях последнего десятилетия вопросы практической деятельности политических

партий правого спектра. Кирьянов отметил, что рабочему вопросу принадлежало в программных документах правых заметное место, хотя предлагаемые ими меры в большинстве случаев не являлись сколько-нибудь масштабными. В отличие от ранее существовавшего штампа, согласно которому правые не имели сколько-нибудь разработанной программы в этой сфере, автор пришел к следующему выводу: «Будучи сторонниками “малых дел”, правые — в отличие от их политических противников — проявляли весьма взвешенный подход к реальным возможностям в решении социально-экономических вопросов, в то время как планы либералов и радикалов нередко страдали утопичностью выдвигающихся требований»¹¹.

Лукьянов, отмечая существенные расхождения мнений в консервативной среде по развитию рабочего законодательства, приходит к выводу о том, что, в конечном счете, в разрешении социальных проблем они все большие надежды возлагали на индивидуальные усилия и законодательные меры и все меньше — на патриархальную заботу о сирых и убогих.

Для понимания места и роли правомонархических организаций в политической жизни общества накануне и в ходе Первой мировой войны представляется значимым вывод Кирьянова: «В то время как радикалы и либералы выстраивали в своих планах различные конструкции нового государственного строя России, правомонархические партии при молчаливом несогласии с происходившими в стране изменениями стремились сохранить существующий порядок целиком или, по крайней мере, с минимальными изменениями»¹².

Анализируя эффективность консервативного концепта, консервативной полемики в целом, исследователи приходят к выводу о политической заостренности консервативной полемики в целом: «Жесткая конфронтация с либерализмом не только осложняла поиск консервативной альтернативы социалистической доктрине, но и препятствовала формированию консервативно-либеральных политических комбинаций. Вместо того чтобы использовать противоречия между либералом и социалистом, российский консерватор предпочел вести борьбу на два фронта одновременно»¹³.

Положительной стороной в развитии отечественной историографии следует отметить преодоление предельной политизации и априорных схем в освещении вопроса о взаимосвязи экономического развития России и революционного движения. Изучение на основе массовых данных взаимодействия промышленной конъюнктуры, положения рабочих и стачечного движения позволило сделать вывод об отсутствии жесткой зависимости между ними. В этой связи было признано необходимым более пристальное изучение содержания и роли общественного сознания, его влияния на поведение массовых слоев общества и, в первую очередь, рабочего класса¹⁴.

Механизм формирования массового сознания, его структура и динамика на рубеже XIX—XX вв. получили отражение в ряде монографических исследований¹⁵. В отличие от ранее существовавшей схемы, согласно которой «политическая косность» была присуща лишь верховной власти и правящим «верхам», в современных исследованиях обращается внимание на устойчивость консервативной идеологии в различных слоях общества.

Р.Ш. Ганелин придерживается мнения, что причиной торможения политических реформ могли быть такие свойства общественного сознания, как желание избежать резких и поспешных перемен или расчетливое стремление сохранить резерв возможных уступок на будущее¹⁶.

Г.В. Лобачева, исследуя содержание общественного сознания, отмечает устойчивость консервативного начала в массовых слоях российского общества, его укло-

ренность в традициях, обычаях, религиозности и социальной корпоративности. Автор пришла к выводу о том, что на рубеже XIX—XX вв. монархический идеал продолжал господствовать в массовом сознании. Образованные слои общества, трезво оценивая историческое прошлое и реалии государственного бытия России и не склонные поддаваться мифическому обаянию самодержавия, признавали, что единственно возможным политическим строем в России может быть монархия, осовремененная демократическими институтами¹⁷. Трансформация мировоззрения побуждала, осознанно или на подсознательном уровне, народ к деятельности, мотивировала его социальную активность. В условиях общественно-политического кризиса идея неограниченной монархии нашла своих приверженцев.

Лобачева проследила и воздействие Первой мировой войны на массовое сознание. По ее мнению, обострившийся социально-экономический кризис в стране привел к кризису монархии. «Политический расчет, целесообразность, осознаваемая в меру понимания, в конкретной ситуации заставили отказаться от института монархии как такового, хотя ее отрицание по сути не было столь безусловным и единодушным»¹⁸. Проведенное автором исследование показало, что монархическая идея была дискредитирована политической практикой, но монархическая традиция продолжала существовать, монархический идеал, связанный с образом Николая II, рухнул, но мифологизированное сознание этноса не было утрачено. Более того, на протяжении нескольких десятилетий традиция давала о себе знать.

Кириянов показал тенденцию к «корректировке» менталитета в рабочей среде, которая проявилась в переориентации его в пользу социально более активных рабочих. Эти сдвиги выразились, в первую очередь, в изменении представлений о способах улучшения своего положения, отношении к самодержавно-полицейским порядкам, к леворадикальным партиям и в стремлении к организации¹⁹.

Существенный вклад в освещение проблемы массового сознания и социального поведения различных социальных групп общества в условиях Первой мировой войны внесли работы О.С. Поршневой²⁰. Автор на основе анализа широкого круга источников пришла к выводу о том, что под воздействием военного фактора произошли определенные изменения идейно-психологических установок в сознании массовых слоев общества, углубившие присущие ему социальные противоречия. Факторами этого явления стали, по мнению автора, неудачный ход войны и кризис доверия «низов» к власти и к имущим «верхам», основанные на представлениях масс о несправедливом распределении тягот войны. Сильно действовали также масштабные человеческие потери, бедствия и лишения, вызывавшие делигитимацию режима в глазах масс²¹.

Важным методологическим достижением новейшей историографии является глубокое и всестороннее изучение истории российского парламентаризма, его роли в политической жизни общества, в том числе в условиях Первой мировой войны²². На основе анализа широкого круга архивных и опубликованных источников авторы опровергают сложившиеся в советской историографии штампы относительно характера деятельности этих институтов. Так, В.М. Шевырин приходит к выводу о том, что «ни при Столыпине, ни позже Государственный совет не стал “заглушкой” для эволюционного развития России». По его мнению, несмотря на возраставшую в 1907—1914 гг. численность правых в Государственной совете, им не удалось превратить верхнюю палату «парламента» в кладбище реформ²³. В.А. Демин считает, что Государственный совет являлся не столько «гибельной запрудой», сколько средством правительственного контроля за постановлениями Думы. Верхняя палата, отмечает он, ограничивала реформаторские порывы нижней, но вовсе не останавливала их²⁴.

По-разному характеризуется в отечественной историографии общий итог деятельности первого «парламента» России. А.Ф. Смирнов отмечает пусть небольшие, но положительные сдвиги в формировании Думой законодательной основы эволюционного развития России, а Демин, напротив, акцентирует внимание на неэффективности ее деятельности как в сфере контроля за деятельностью административных институтов власти, так и в процессе создания законодательной базы реформирующегося в начале XX в. общества. Однако тезис об «исторической обреченности» Думы является в целом преобладающим в отечественной историографии, в то время как в западной литературе в большей степени отмечается ее жизнеспособность и подчеркивается ошибка самой Думы и правящих кругов, отвергших метод социально-политического компромисса и тем самым упустивших шанс на мирную трансформацию страны. По мнению Шевырина, несостоявшийся компромисс можно объяснить формулой «заложники времени»: именно таковыми оказались не только участники возможного компромисса, но и все россияне в начале XX в. Смысл этой формулы состоит в том, что время, упущенное для преобразований, создало сверхнапряженное силовое поле и «перегретое» политико-идеологическое пространство, сообщившее российскому обществу огромное несоответствие его ожиданий реальности, которые вели ко все большему размаху насилий справа и слева и обуславливали, в свою очередь, проблематичность сохранения и расчетов реформаторов²⁵.

В числе наиболее сложных и дискуссионных остается вопрос о влиянии Первой мировой войны на развитие общественно-политического процесса. По мнению одних, если бы не война с ее страданиями и трудностями, то не было бы и Февральской революции, и тем более Октябрьского переворота. Другие, наоборот, говорят об исторической неизбежности революции, что минимизирует влияние войны²⁶.

Дальнейшие исследования данного вопроса актуализируют региональный подход к изучению темы, выявление общих черт и специфики атмосферы политической жизни в отдельных регионах России в условиях военного времени. В числе наиболее значимых из них выступает Урал — крупный административно-территориальный район страны, который традиционно был представлен четырьмя губерниями — Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской, составлявшими шестую часть площади страны с примерно 10% ее населения²⁷. Противоречия рассматриваемой эпохи переплелись в этом регионе с особенностями модернизации его горнозаводской промышленности, относительной удаленностью от центра и спецификой культурно-исторического развития Урала.

Вступление России в войну против Германии и Австро-Венгрии вызвало актуализацию традиционных ценностей в сознании народа. Ярким проявлением этого были массовые патриотические демонстрации и шествия с национальными флагами, портретами императора и церковными хоругвями. Такие демонстрации прошли во всех губернских и уездных городах Урала, а также во многих заводских поселках. Единение общества и власти нашло выражение в резком спаде рабочего движения: с августа по декабрь 1914 г. на Урале произошло всего 8 стачек. Сводки губернских жандармских управлений (ГЖУ) зафиксировали даже проявление «высокого патриотического подъема», прежде всего среди рабочих казенных заводов, в частности Ижевских, Пермских пушечных и ряда других²⁸.

Мобилизации 1914—1915 гг. прошли на Урале, по мнению современников, организовано, на фоне стихийного, «инстинктивного» патриотизма, выражавшегося в готовности выполнить свой воинский долг. В свою очередь, многие крестьяне, провозжая членов своих семей на войну, не скрывали надежды на то, что император в на-

граду за службу родине дарует им некоторые льготы и улучшение их материального положения. Но в чем именно должны выражаться эти льготы, крестьяне и сами чётко не представляли, полагаясь на обычную формулу решения социальных вопросов «по указу царя».

Уральский материал в целом подтверждает положение отечественной историографии о том, что волнения мобилизованных, имевшие место во время военных призывов, носили, как правило, не политический, антивоенный характер, а являлись своего рода реакцией на отмену ритуала «проводов на войну» в связи с введением в стране «сухого закона». Так, в сводках Вятского ГЖУ за октябрь 1915 г. сообщалось, что «отношение населения к воинским призывам по мобилизации следует признать вполне нормальным, среди жителей встречается даже сознание необходимости таковых и лишь некоторое недовольство на этой почве вызывает полицейская стража»²⁹. Аналогичную информацию содержали донесения ГЖУ и других губерний Урала.

Власть всячески содействовала поддержанию в народе патриотических и верноподданнических настроений. Местная печать постоянно уделяла внимание событиям на фронтах мировой войны, нуждам тыла, состоянию экономики края, ее перестройке на военные нужды, освещению деятельности правительства и общества по оказанию помощи семьям фронтовиков, запасных и инвалидов. В практику входил и выпуск специальных листов «Извещения о ходе войны». Издававшиеся при Вятском губернском присутствии, они проникали в самые глухие деревни и селения, способствовали подъему настроения крестьян и рабочих, их уверенности в конечной победе России³⁰.

Партийно-политическая деятельность в крае с началом войны практически замерла. Социал-демократические и эсеровские организации были обескровлены массовыми арестами в 1907—1909 г. Либеральные комитеты, приспособившись к условиям третьей ионьской политической системы, прекратили свою деятельность в основном еще к 1908 г. Действуя под флагом беспартийного «прогрессизма», они все же сумели сохранить за собой определенные позиции в земствах и в разного рода общественных организациях — кооперативных, благотворительных, профессиональных, культурно-просветительных и др.

Численность консервативно-монархических организаций края с началом войны резко сократилась. В 1914 г. действовали 36 местных комитетов, объединявших около 4,9—6,9 тыс. членов и сочувствующих, что было сопоставимо с леворадикальными силами. В 1915 — феврале 1917 г. зафиксировано проявление деятельности только 11 отделов численностью около 400 человек³¹, так как сказывались массовые мобилизации и переход «правых» всецело на оказание посильной помощи нуждам армии и тыла. Политическое влияние их было существенно ослаблено отсутствием организационного единства. Они представляли собой конгломерат трех основных партий: Союза русского народа (СРН), Русского народного союза Михаила Архангела (РНС) и Националистического общества, отношения между которыми носили характер не столько сотрудничества, сколько политического соперничества³².

Промышленность края перестраивалась на нужды обороны, продолжалась техническая перестройка почти всех крупных горнозаводских предприятий, начатая еще в период экономического подъема и сопровождавшаяся их акционированием. К началу 1917 г. из 22 действовавших частновладельческих горнозаводских округов Урала были акционированы 18. Владельцами основных предприятий стали русские коммерческие банки, которые к 1917 г. установили контроль над 16 из 18 акционерных обществ³³. Крупные изменения произошли и в составе рабочего класса. За годы

войны с заводов Урала было мобилизовано 23,3% рабочих и 43,7% рабочих, занятых во вспомогательных отраслях, обеспечивавших заводы топливом и рудой (там работали преимущественно коренные жители края)³⁴. Вместо ушедших на фронт на все возраставшее число предприятий, выпускавших военную продукцию, стали прибывать рабочие из Москвы, Петрограда и других промышленных центров, причем среди вновь прибывших было и немало сторонников леворадикальных партий.

Затягивание войны вело к нарастанию физической и психологической усталости людей, усиливало их внимание к соблюдению принципов социальной справедливости, которые только и могли оправдать растущие жертвы и лишения масс. Неудачи на фронтах весной 1915 г., обострение продовольственной проблемы, перемещение в регион значительного числа военнопленных, беженцев и запасных существенным образом повлияли на изменение экономической и политической ситуации в регионе и на настроения «низов» уральского общества. Статистические данные свидетельствуют о том, что реальная зарплата уральских рабочих упала к февралю 1917 г. на 50%, что было на 15—20% больше, чем у петроградских и московских рабочих³⁵. Как отмечает Поршнева, в сознании рабочих Урала происходили глубокие изменения. Приоритеты патриотизма и защиты отечества отходили на второй план, выдвигая вперед проблемы экономического выживания населения. Политически активная часть рабочего класса все настойчивее проводила идею глубоких преобразований существующего строя как средства решения экономических и социальных проблем. Представления о своем гражданском долге полностью не вытеснялись, но связывались прежде всего с растущими экономическими требованиями, которые бы, в свою очередь, дали людям силы для защиты отечества и дальнейшей борьбы за свои права³⁶.

Одним из проявлений социальной напряженности стала тенденция к нарастанию «стихийного пораженчества», зарегистрированная в отчетах ГЖУ с конца 1915 г. Так, ротмистр Богданович (Вятское ГЖУ) сообщал в декабре: «... Среди крестьян стало замечаться желание скорейшего заключения мира, но это сами крестьяне объясняют не неудачами нашими на войне, а лишь отсутствием в семьях работников и надвигающимися заботами их о весенних полевых работах»³⁷. Наблюдалось и оживление на Урале антигерманских настроений, как и в стране в целом. Эти лозунги поддерживала часть средней и мелкой буржуазии, страдавшая от конкуренции торговцев и ремесленников немецкого происхождения, а также часть рабочих, боявшихся конкуренции более дешевой нерусской рабочей силы. Антигерманские настроения смыкались с патриотическими и вырастали на их почве. Причинами их роста были представления о немецком и вообще иностранном экономическом засилье, зарубежном вредительстве внутри страны, а также данные о бесчеловечных методах ведения войны Германией, поступавшие с фронта с осени 1914 г. Кроме того, сосредоточение в регионе значительного числа представителей нерусского населения, среди которых было немало лиц немецкого и турецкого происхождения, создавало дополнительную напряженность в их отношениях с местным населением. Так, только в Оренбурге их было 16,8 тыс., в Вятской губ. (октябрь 1915 г.) — свыше 10 тыс., в том числе значительная их часть в самой Вятке. По сведениям Вятского ГЖУ, многие из них принадлежали к «состоятельному классу» и вели «широкий и разгульный образ жизни», диссонировавший с традиционным образом жизни российской провинции, особенно в условиях войны. На этой почве имели место столкновения с местным населением. Характерными были на Урале и увольнения лиц немецкой национальности с занимаемых должностей и распространение слухов о них как о потенциальных шпионах. Так, под давлением общественного мнения управляющий Вятской губ. ба-

рон Д.О. Тизенгаузен распорядился в ноябре 1915 г. выслать из Вятки и местностей, прилегающих полосой в 50 верст к линии железной дороги, военнообязанных немецкой и турецкой национальностей³⁸.

На почве нехватки продовольствия и введения обязательных государственных поставок для нужд фронта и больших городов возросли противоречия и между разными группами населения региона. Так, в рапорте Кунгурского уездного исправника Пермской губ. в январе 1917 г. отмечалось: «Среди крестьян уезда наблюдается пропаганда против сдачи хлеба на нужды армии, которую ведут главным образом уволенные в отпуск нижние чины и крупные владельцы хлеба среди крестьян. Распространяются слухи, что земство, отбирая хлеб у крестьян по твердой цене, перераспределяет его по повышенным ценам и снабжает им своих служащих (ямщиков и др.). Среди крестьян существует крайнее озлобление против тех лиц из крестьян, которые работают на оборонных заводах и зарабатывают крупные суммы и в то же время пользуются отсрочкой от призыва»³⁹.

Нарушение традиционных экономических связей между городом и селом, рост спекуляции и неудовлетворенность действиями правительства, которое, по мнению масс, не принимало «решительно никаких мер борьбы с инстинктом личной наживы», вели к самоорганизации населения края для решения жизненно важных экономических вопросов. Сплочение населения в борьбе с дороговизной заметно усиливалось. В мае 1915 г. в Вятке и Оренбурге состоялись губернские кооперативные съезды, признавшие своей ближайшей задачей расширение деятельности преимущественно производственных кооперативов. Это решение было поддержано земскими уездными собраниями. В Вятской губ. насчитывалось 600 кооперативов (из них 450 кредитных товариществ), объединявших до 12 тыс. человек, а в Пермской — 538⁴⁰. При этом за влияние в кооперативных организациях развернулась острая политическая борьба, в которой лидировали либералы и социал-демократы. В декабре 1915 г. пермский губернатор сообщал в МВД о том, что наибольшую активность из всей оппозиции проявляют именно кооператоры. Всевозможные собрания и совещания по продовольственному вопросу давали им возможность, а вопросы по борьбе с дороговизной и спекуляцией — богатый материал для выступлений против правительства и вообще по политическим вопросам. В этой среде были поддержаны решения декабрьских съездов ВЗС, ВСГ и ВПК 1916 г., призывавшие к смене существовавшего правительства и методов управления страной. Со временем кооперативы все более попадали под влияние леворадикальных партий⁴¹.

В условиях войны все большую симпатию уральского общества получали требования демократических партий. Это нашло отражение и в росте численности их рядов. В конце 1916 — начале 1917 г., по данным газеты «Пролетарский голос», на Урале насчитывалось около 900 социал-демократов⁴². Социал-демократам и социалистам-революционерам удалось значительно укрепить свои позиции в легальных рабочих организациях — кооперативах, профсоюзах и других, расширить свое влияние на рабочие массы и демократические слои городского населения. Социально-психологический кризис доверия масс к правительству, правящей династии и имущим «верхам», действия которых не соответствовали их представлениям о надлежащем поведении в условиях войны, создавали благоприятную почву для поддержки леворадикальных лозунгов.

Среди уральских кадетов углубились расхождения по вопросу о тактике в условиях войны: продолжать ли следовать курсу на «внутреннее перемирие» или переходить к более решительным действиям? Умеренные кадеты придерживались идеи лояль-

ности монархическому режиму. Настроения этой части кадетов нашли отражение в выступлении А.Ф. Бабянского (бывшего депутата III Государственной думы от Пермской губ.) на февральском расширенном заседании ЦК конституционно-демократической партии и ее июньской конференции (1915), созданных для обсуждения вопроса о возобновлении работы Думы и выработки тактики кадетской партии в новых условиях. Последовательно отстаивая линию на сотрудничество с правительством, Бабянский подверг критике безответственные лозунги левых кадетов и категорически отверг идею использования революционных форм борьбы в условиях войны⁴³.

Радикальные настроения в либеральной среде на Урале нашли отражение в выступлении екатеринбургского кадеты Л.А. Кроля. Поддерживая целесообразность возобновления работы Думы в условиях войны, он настаивал на использовании таких форм воздействия на власть, которые бы усиливали конфронтацию с ней. Говоря о методах работы, Кроль не исключал и революционные, аргументируя это настроением кадетского губернского комитета: «Эволюция не вызывает симпатий, ожидают переворота левыми, тогда найдется работа и общ[еству]...»⁴⁴. С левых позиций Кроль выступил и при обсуждении основного тактического лозунга кадетов — требования «министерства доверия», выдвинутого П.Н. Милюковым на июньском совещании 1915 г. Характеризуя настрой местного общества, Кроль высказал сомнение в том, что он будет одобрен. «Есть одно требование, которое может поднять энтузиазм, — это политическая амнистия как условие доверия министерству, — подчеркнул он. — И об этом надо сказать не в форме общего пожелания “о соблюдении внутреннего мира”, как здесь выражаются, а en toutes lettres»⁴⁵.

Выдвижение на первый план требования политической амнистии не было случайным. Именно с ним уральские кадеты связывали возможность возвращения на родину ссыльных депутатов от РСДРП, с которыми они смогли бы совместно возглавить рабочее движение, поскольку самим кадетам, чрезвычайно малочисленным и не имеющим широкой поддержки в массах, одним с этой задачей было не справиться. В 1915 — феврале 1917 г. выявлена деятельность только пяти кадетских организаций, общей численность около ста человек⁴⁶. Характеризуя влияние комитета кадетской партии в обществе, Кроль отмечал: «К партии к.-д. отношение безразличное, к.-д. ничего не сделают. Это отношение отражается и внутри партии: апатичное, вялое и безнадежное настроение нарастает, группу собрать трудно»⁴⁷.

Левые кадеты надеялись возглавить нараставшее движение масс и боялись упустить благоприятный шанс для этого. Настроения в их среде нашли отражение и в частной переписке уральских комитетов с членами кадетского ЦК, думской фракции и другими коллегами по партии. В одном из писем была сформулирована тактическая линия партии в условиях Первой мировой войны, которая, не отрицая необходимости объединения усилий всего общества для защиты родины, требовала «быть настороже» и не упустить шанс на проведение «полного обновления в стране государственного строя и окончательного закрепления нового порядка», которые связывались с «полным крушением националистической политики... травли инородцев... крупным падением влияния истиннорусских “патриотов”... признанием автономии Польши... равноправия евреев... и осуществлением идеи народоправия». Подчеркивалась необходимость реализации этих шагов именно сейчас, в условиях военного времени, так как можно было предположить, что после победы это будет сделать гораздо труднее. Шансом реализовать эти планы кадеты считали факт «существенного

* Откровенно, напрямик (*фр.*).

изменения сознательности трудящихся масс» в условиях военного времени и «накопление ими боевой энергии»⁴⁸.

Радикальные настроения в кадетской среде нашли яркое отражение и в решениях саратовского областного съезда этой партии (10—11 октября 1915 г.) с участием представителей от Урала. Его участники предложили вместо ориентации на Прогрессивный блок, объединившийся на платформе «ответственного министерства», выдвинуть основным тактическим лозунгом требование изоляции правительства и организации масс, а также поиск контактов с социалистическим движением. Кадетской группой в Самаре руководил В.А. Кугушев, являвшийся одновременно членом Уфимского кадетского комитета. Левые настроения были сильны и в Вятском губернском комитете, о чем свидетельствовало выступление его делегата на состоявшемся 6 декабря 1915 г. совещании думцев и представителей Всероссийских земского и городского союзов в Москве⁴⁹.

Реализуя намеченные планы, уральские либералы расширяли свои связи с общественностью. Этому в немалой степени содействовала поддержка их со стороны ЦК партии кадетов, думских либеральных фракций, направлявших своих агитаторов и литературу на места⁵⁰. Активно использовались ими возможности губернских и уездных отделов земских и городских организаций, а также отделов военно-промышленных комитетов, где им удалось занять ряд ключевых позиций. По мере обострения политического кризиса в стране левое крыло либералов стало рассматривать эти организации не только как средство своего воздействия и на массы, и на само правительство с целью скорее склонить его на путь глубоких либеральных реформ. Это выразилось в усилении политической направленности новых объединений. Обсуждение политических проблем стало постоянным в работе уральских отделов ВПК⁵¹. Полиция предпринимала меры к прекращению обсуждений там политических резолюций, однако эти меры не имели успеха. Либеральная оппозиция режиму становилась все более решительной.

За годы войны существенно окрепли позиции либералов в земстве, чему способствовала широкая сеть организаций Земгора. Следует отметить, что союзные организации земств и городов играли на Урале заметную роль, что определялось наличием здесь целой сети госпитальных учреждений, а также значительными поставками для нужд армии фуража и предметов обмундирования. Тон в земствах задавали радикально настроенные либералы. По донесениям губернских жандармских управлений, Уфимская губ. была отнесена к одному из «вернейших оплотов левых общественных элементов», где земство «почти всецело в их руках». В числе лидеров оппозиционного движения называли уфимского городского голову А.И. Верниковского, придерживавшегося кадетских взглядов. Особо выделялись Челябинский и Троицкий уезды. Здесь, по данным полиции, чувствовался «ясный отпечаток сибирского радикального духа». Одним из самых левых в империи было названо Пермское губернское земство, центром которого стал Екатеринбургский комитет кадетов⁵².

С конца 1915 г. оппозиционный тон выступлений уральского земства усилился. Выражая солидарность с позицией общероссийских Земского и Городского съездов, большинство уральских земцев открыто высказались в поддержку требований Прогрессивного блока о замене существующего правительства «правительством, пользующимся доверием страны». Вятское губернское земство оказалось еще более радикальным, считая необходимым поставить правительство «в положение ответственного перед народным представительством»⁵³.

Уральские кадетские комитеты и их сторонники усилили свою печатную пропаганду. В условиях Первой мировой войны им удалось сохранить основные печат-

ные органы и даже открыть ряд новых. В числе таких изданий были: «Вятская речь», «Кама», «Зауральский край», «Исеть», «Уфимский вестник» и «Уфимская жизнь». Однако либеральная пропаганда с установками на свободу личности и экономической деятельности шли вразрез со всей атмосферой войны, требовавшей жесткого самоограничения и централизации управления, в том числе и в экономической сфере. Лозунги кадетов нашли поддержку преимущественно в земских кругах и в «средних слоях» городского населения.

Проправительственные издания были представлены в основном официальными губернскими газетами и епархиальными ведомостями. Правая уральская печать в годы войны резко сократилась. Только в Пермской губ. выходила до декабря 1916 г. газета «Голос долга». В этих условиях существенно возростала роль печати и брошюр, получаемых из центра страны. Пропагандистская работа правых партий и их сторонников была заметно слабее. Это можно объяснить сокращением в условиях военного времени численности консервативных комитетов в крае, их организационной раздробленностью, неразвитостью печатной и устной пропаганды в целом и отсутствием поддержки ее со стороны центральной и местной власти. Кроме того, установки правых на патриотизм и поддержку правительства в условиях нараставших экономических и социальных противоречий были менее привлекательны для масс, чем лозунги сторонников радикализма, обещавших разрешение всех проблем с изменением существующего строя. На периферии это противопоставление выглядело еще более резким, так как «законопослушность» правых шла вразрез с растущим недовольством населения действиями не только центральной, но и местных властей. Население губерний Урала ожидало от правительства восстановления налаженных веками гражданских экономических отношений, урегулирования цен на предметы первой необходимости и поддержания порядка. Однако частые смены министров, которые неизбежно влекли за собой и постоянную смену их программ и распоряжений, дезорганизовывали власть на местах. Зачастую она не знала, что делать, теряла личную инициативу или в большинстве случаев бездействовала⁵⁴.

И все же монархические настроения в уральском обществе не были полностью разрушены, о чем свидетельствуют многие факты: крестные ходы, посылки верно-подданнических телеграмм, «патриотические демонстрации» (хотя они уже не имели былого размаха и влияния на общество), денежные пожертвования на нужды армии, на сооружение и содержание памятников в честь представителей правящей династии. Так, в октябре 1915 г. Яранское земское собрание Вятской губ. приняло решение о выделении 500 руб. на строительство памятника царю-освободителю Александру II в Яранске. Подобные решения были приняты и многими волостными сходами уезда⁵⁵.

Борьба за влияние на общественное сознание масс усиливалась. Уральские либералы развернули резкую критику правых партий и их идеологии. Позиция монархистов в поддержку правящего режима и его правительства характеризовалась в терминах «погибшая совесть», «правая кампания», «антипатриотическое дело» и т.д. Стремясь ограничить влияние консерваторов, либералы пошли на закрытие библиотек-читален, открытие которых активизировалось на Урале с конца XIX — начала XX в. Так, только в Пермской губ. к 1913 г. действовали 708 библиотек с книжным фондом более 440 тыс. томов, причем ими пользовались около 76 тыс. человек⁵⁶. В 1915 г. Уфимским губернским земством были закрыты 664 библиотеки, шестью уездными земствами Вятской губ. — 220, а Вятское губернское земство отказалось субсидировать оставшиеся. Причиной этого явилось неприятие либеральными земствами

края решения правительства о передаче библиотек-читален под контроль инспекторов училищ, то есть государства и сторонников консерватизма. «Вятские и уфимские земцы прекратили доступ населения ко всякой книге», — резюмировал орган умеренно консервативного направления «Уфимский край»⁵⁷.

Губернские власти, опасаясь усиления накала политических страстей в регионе, воздержались от поддержки консервативных союзов, которые, на их взгляд, не могли выступать в качестве опоры при решении вопросов хозяйственно-экономического и социально-политического характера ввиду их слабости, распыленности и падения популярности в обществе.

В условиях многократно возросшей активности либералов и оппозиционной прессы, резко критиковавшей действующую власть как в центре, так и на местах, правые партии оказались в политической изоляции. Широкая критика существующего режима, его политики и неспособности руководить страной в военное время, развернутая либералами, подогревала на Урале атмосферу всеобщего недоверия к нему. Однако лидеры оппозиции не заметили, что в числе тех, кому народ не доверяет, оказались и они сами — представители средних и зажиточных слоев общества, а также цензовой интеллигенции, входящие в состав аппарата местных органов власти и самоуправления. Симпатии масс под воздействием тягот войны и преодоления психологического барьера «покорности судьбе» склонялись в сторону тех политических сил, которые выдвигали лозунги свержения царизма и осуществления глубоких революционных перемен.

Таким образом, политическая атмосфера на Урале в условиях Первой мировой войны претерпела глубокие изменения. От первого порыва к единению общества и власти в борьбе с внешним врагом и моратория на все требования оппозиционных партий к правительству до ее окончания уже с конца 1915 г. в обществе стали нарастать настроения психологической и физической усталости от тягот войны, нарушения привычного уклада хозяйственной жизни, несоблюдения установок справедливости в условиях растущих жертв и лишений масс. Рост дороговизны и дефицита продуктов питания и товаров первой необходимости и неспособность центральной и местной власти разрешить эту проблему толкали людей на путь самоорганизации и борьбы.

Под воздействием широко развернутой оппозиционной и революционной пропаганды недовольство в обществе стремительно усиливалось. Росло ощущение того, что виновником всех бед и неудач является монархический режим. Широкое распространение получила критика в адрес монарха и его ближайшего окружения. Дискредитация авторитета царя облегчала борьбу с режимом и создавала дополнительные психологические условия для его свержения. В этой ситуации патриотические установки в общественном сознании отходили на второй план по сравнению с решением в первую очередь вопросов социального и экономического характера. В части общества был преодолен психологический барьер «покорности судьбе» и росла готовность применения революционных средств борьбы за свои права даже в условиях военного времени.

¹ См.: *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; *Касаров Г.Г.* Непролетарские партии России в июле 1907 — феврале 1917 гг. Гомель, 1991. Вып. 2; *Национальная правая прежде и теперь: историко-социологические очерки.* СПб., 1992. Ч. 1; *Тютюкин С.В., Шелохаев В.В.* Марксисты и русская революция. М., 1996; *Тютюкин С.В.* Меншеви́зм: страницы истории. М., 2002; *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в Рос-

- сии, 1911—1917. М., 2001; *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992; Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004; и др.
- ² См.: *Канищева Н.И., Шелохаев В.В.* Либеральная модель // Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. С. 239, 245, 254—255.
- ³ См.: *Кувшинов В.А.* Кадеты в России и в эмиграции // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 51; *Канищева Н.И., Шелохаев В.В.* Указ. соч. С. 240—241, 245.
- ⁴ См.: *Кувшинов В.А.* Указ. соч. С. 51.
- ⁵ *Ренников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.
- ⁶ См.: *Лукьянов М.Н.* Российский консерватизм и реформа, 1907—1914. Пермь, 2001. С. 28.
- ⁷ См.: *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия. М., 2001. С. 167.
- ⁸ *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс, 1905 и 1917 годы // Реформы или революция?: Россия, 1861—1917. СПб., 1992. С. 8.
- ⁹ См.: *Ренников А.В.* Консервативная модель // Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. С. 176.
- ¹⁰ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003.
- ¹¹ *Кирьянов Ю.М.* Правые партии в России ... С. 334.
- ¹² Там же. С. 302.
- ¹³ См.: *Лукьянов М.Н.* Указ. соч. С. 135.
- ¹⁴ *Бовыкин В.И., Бородкин Л.И., Кирьянов Ю.И.* Стачное движение в России в 1895—1913 годы: структура и связи с развитием промышленности и изменением экономического положения пролетариата: (опыт корреляционного анализа) // История СССР. 1986. № 3. С. 68—79.
- ¹⁵ Реформы или революция? Россия 1861—1917. СПб., 1992; *Лобачева Г.В.* Самодержец и Россия: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX — начало XX веков). Саратов, 1999; *Жидков В.С., Соколов К.Б.* Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб., 2001.
- ¹⁶ *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность и Первая мировая война // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 7—37.
- ¹⁷ См.: *Лобачева Г.В.* Указ. соч. С. 267.
- ¹⁸ Там же. С. 269—270.
- ¹⁹ *Кирьянов Ю.И.* Менталитет российского рабочего в начале XX в. // 1905 год — начало революционных потрясений в России XX века. М., 1996. С. 92—108.
- ²⁰ *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000.
- ²¹ Там же. С. 323.
- ²² *Демин В.А.* Государственная Дума России (1906—1917): механизм функционирования. М., 1996; *Смирнов А.Ф.* Государственная Дума Российской империи, 1906—1917: историко-правовой очерк. М., 1998; *Бородин А.П.* Государственный совет России (1906—1917). Киров, 1999.
- ²³ *Шевырин В.М.* Первый опыт российского парламентаризма // 1905 год — начало революционных потрясений в России XX века. М., 1996. С. 162—163.
- ²⁴ *Демин В.А.* Рец. на кн.: *Бородин А.П.* Государственный совет России (1906—1917) // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 161.
- ²⁵ См.: *Шевырин В.М.* Указ. соч. С. 171.
- ²⁶ *Хеймсон Л.* Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 17.
- ²⁷ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1914. Т. 5: Урал и Приуралье. С. 3—16.
- ²⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17. Л. 1.
- ²⁹ Там же. Л. 1, 2 об., 7, 15, 17.
- ³⁰ Там же. Л. 1.
- ³¹ *Сидоренко Н.С.* Монархические партии и промонархические организации Урала в процессе эволюции государственно-политической системы России в начале XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 33.
- ³² Пермь. 1914. 11 марта.
- ³³ *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861—1917). М., 1982. С. 216.
- ³⁴ История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 355.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17. Л. 22; История Урала в период капитализма. С. 213.
- ³⁶ *Поршнева О.С.* Указ. соч. С. 197—198, 202, 213.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17. Л. 10, 19, 23.
- ³⁸ Там же. Д. 167. Ч. 17. Л. 1, 7 об.; История Оренбуржья. Оренбург, 1996. С. 163.
- ³⁹ Государственный архив Пермской области. Ф. 65. Оп. 1. Д. 334. Л. 11.

- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17. Л. 3, 3 об., 7 об., 13 об., 19; Д. 167. Ч. 53. Л. 5 об. — 6; Д. 167.
- ⁴¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64. Л. 79 об. — 80.
- ⁴² *Нарский И.В.* Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. Челябинск, 1995. Ч. 1. С. 89.
- ⁴³ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии, 1905—1920 гг. М., 2000. Т. 3, кн. 1. С. 150, 159.
- ⁴⁴ Там же. С. 143; Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии, 1905 — середина 1930-х гг. М., 2001. Т. 3: 1915—1920 гг. С. 36, 44.
- ⁴⁵ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии, 1905—1920 гг. М., 1997. Т. 1. С. 185.
- ⁴⁶ *Сидоренко Н.С.* Монархическое движение на Урале (1905 — февраль 1917 г.). Челябинск, 2000. С. 114.
- ⁴⁷ Там же. С. 143.
- ⁴⁸ См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 27. Ч. 86. Б. Л. 1, 4—67.
- ⁴⁹ См.: *Писаренко Э.Е.* Кадет князь В.А. Кутушев // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 153; *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 163—164, 176.
- ⁵⁰ См.: *Сидоренко Н.С.* С мечтой о великой России: уральские консерваторы и либералы в Государственной думе России (1906—1917 гг.). М., 2005. С. 140.
- ⁵¹ См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 27. Ч. 86 Б. Л. 4 об.; РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64. Л. 79 об.
- ⁵² См.: *Сидоренко Н.С.* Монархическое движение на Урале ... С. 127; РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64. Л. 103 об.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17. Л. 14; РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64. Л. 78 об., 103.
- ⁵⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 20. Ч. 56. Л. 27 об.
- ⁵⁵ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64. Л. 78; Северное слово. 1915. 13 окт.
- ⁵⁶ См.: *Бобылев Д.М.* Что сделали земства Пермской губернии в интересах местного края: краткий обзор. Пермь, 1914. С. 12.
- ⁵⁷ Уфимский край. 1915. 6 февр.

Ю.А. Жердева (Самара)*

Иллюстрированная пресса как источник формирования образа войны в 1914—1918 гг.

Войны XX в. по-новому поставили вопрос о том, какое значение имеют представления о национальной идентичности в процессе мобилизации общества на войну. Новый тип военной мобилизации, требовавшей сопричастности к войне всего общества, а не только профессиональной армии, повлек за собой организацию масштабной информационной кампании, вовлекавшей в орбиту фронтовых событий всё население воюющих стран. Краеугольным компонентом этой идеологической кампании стала «защита национальных интересов». Эта идея опиралась на осознание индивидами целостности «нации» и наличие у них единых национальных интересов. В этом смысле «мобилизация коллективного духа» оказалась катализатором вызревания в обществе идеи национальной идентичности.

Общепризнано, что в условиях войны пресса оказывает колоссальное воздействие на формирование тех или иных общественных настроений. До широкого распространения других средств массовой информации общедоступность, периодичность и многотиражность периодической печати придавали ей исключительное значение в распространении информации о войне. Именно пресса служила проводником политики власти в деле информирования населения о целях и задачах войны, с одной стороны, и ходе военных действий — с другой. Вместе с тем, многообразие печатных изданий, в том числе определенного политического толка, создавало некое подобие обратной связи, демонстрировало официальным властям восприятие и трактовку событий общественными силами, имеющими легальный голос.

Осознанная властью потребность формировать и контролировать общественное восприятие войны определила главное содержание официальной информационной кампании — военную пропаганду. В войнах XX в. пропаганда превратилась в важнейший инструмент политики идеологической мобилизации. Пропагандистский характер имело не только содержание публикаций, появлявшихся в прессе, но также их размер, количество, расположение на печатном листе, шрифты и разреженность текста. Всё это в совокупности должно было производить определенное впечатление на читателей. Еще большим потенциалом впечатления обладали визуальные образы, которые были призваны не столько проиллюстрировать сообщения печати, сколько дополнить их, расставив акценты на основных компонентах пропаганды (образе врага, образе героя, связи фронта и тыла, боевых успехах).

В военной пропаганде Первой мировой войны весьма популярной оказалась идея «последней войны». В России, например, победа в войне отождествлялась с окончательной победой над «немецким рабством», что придавало противоборству апокалиптический характер. Английская пропаганда шла еще дальше, не просто объявив Вильгельма II «зверем», но и приписав ему «число зверя» 666, которое получа-

* *Жердева Юлия Александровна* — кандидат исторических наук, Самарский государственный экономический университет.

лось в результате несложной математической манипуляции со словом Kaiser¹. Даже в популярных фантастических произведениях Г. Уэллса победа над «германским милитаризмом» преподносилась как залог установления «мировой республики».

В сложившихся условиях иллюстрированная пресса оказывалась одним из наиболее доступных и распространенных средств пропаганды. Она обеспечивала власти возможность контроля над образами войны, позволяла создать и поддерживать определенное эмоциональное восприятие противника и самого театра военных действий, оказывать воздействие на взаимоотношения общества и армии.

В современной историографии проблема тотализации контроля государства над общественным мнением в годы Первой мировой войны обсуждается довольно широко. Наибольшее внимание этой проблеме уделяют немецкие и американские историки, которые активно занимаются методами контроля и формами пропаганды в годы войны. В частности, обсуждение этих вопросов стало частью большого проекта по исследованию концепта «тотальная война», осуществленного С. Фёрстером и Р. Чикерингом и воплотившегося в трех конференциях, проведенных в 1990-х годах в США. В результате этих исследований С. Фёрстер пришел к заключению, что одним из факторов тотализации войны в 1914—1918 гг. стали по-новому организованные взаимоотношения армии и тыла, точнее, прямая зависимость морального духа армии от поддержки, которую ей оказывает или не оказывает гражданское население².

Принято считать, что центральное место в формировании морального духа и армии, и тыла принадлежало образу врага. Участвовавший в вышеупомянутых проектах П. Холквист подчеркнул, что именно «изменение образа врага в сознании граждан и их правительств» привело к тому, что цели войны из ограниченных превратились в тотальные³. Он подчеркивает взаимодействие процессов создания и усвоения образов врага и формирования образцов насилия в обществе, опираясь при этом на выводы М. Гейера и Э. Домански о том, что тотальную войну сделала возможной «социальная организация насилия», которая начала формироваться еще с конца XIX в.⁴

Формирование образа врага («чужого») в процессе «мобилизации коллективного духа» производило и обратный идеологический эффект — активизацию представлений о национальной идентичности (образе «своего»). По мнению Холквиста, «национальная воля и дух» стали новым государственным ресурсом как для России, так и для других воюющих держав⁵. Однако эффективность использования этого ресурса была поставлена под сомнение американским историком Б. Дэвис. Она пришла к выводу, что хотя Первая мировая война и бросила вызов сложившимся представлениям о природе и самом существовании национальных идентичностей, попытка правительств западноевропейских стран создать их с помощью войны потерпела поражение⁶.

В зарубежной историографии утвердился также тезис о том, что инициатива тотализации контроля над общественным мнением исходила не только от государства, но и от самого общества. Гейер использовал понятие «парагосударственный комплекс» для определения феномена самообливания, широкого и добровольного участия населения в войне, которое дополняло мобилизующее давление со стороны государства⁷. Холквист тоже указал на то, что «не столько война или “милитаризация” организует общество, сколько само общество организует себя через войну и во имя войны»⁸. Это положение позволяет по-новому взглянуть на систему взаимоотношений государства и общества в военный период. Особого замечания требует то обстоятельство, что если государственная мобилизация населения в ходе войны опиралась на совокупность ресурсов (как экономических, технических, физических, так

и моральных), то самообилизация общества базировалась, прежде всего, на мобилизации коллективного воображения и энтузиазма.

Наконец, мобилизация коллективного духа определялась средствами и эффективностью военной пропаганды. Отдельные аспекты пропаганды военных конфликтов анализирует в своих публикациях Д. Байрау. На опыте Первой и Второй мировых войн он рассматривает отличие пропаганды от других форм информационной коммуникации и определяет ее специфику. Его рассуждения основываются на том, что «публикации в средствах массовой информации, являющиеся выражением коммуникативных процессов, одновременно можно представить в виде взаимно пересекающихся коммуникативных полей»⁹, то есть отправляющих информационное послание и воспринимающих его.

В российской историографии последних лет эта проблематика также стала активно обсуждаться. Отсутствие обобщающих работ, посвященных военной пропаганде России в годы Первой мировой войны, долгие годы было обусловлено, с одной стороны, непопулярностью данной темы в советской историографии, а с другой стороны, недостаточной развитостью системы военной пропаганды в Российской империи. В отличие от Великобритании, США или Германии, руководство которых в разные периоды войны приходило к заключению о необходимости создания общегосударственного координационного информационного центра, единого общеимперского ведомства пропаганды в Российской империи за годы войны создано не было. Именно это позволяет Е.С. Сенявской утверждать, что российское правительство уделило недостаточное внимание идеологическому фактору в войне, и это катастрофически сказалось на ее исходе¹⁰.

Неразработанность данного историографического сюжета компенсируется исследованиями, посвященными проблематике «обратной связи», состоянию общественного мнения в годы войны. Первое обобщающее исследование на эту тему было проведено О.С. Поршневой. Основываясь на анализе статистических данных, позволяющих определить настроения «народных низов» (рабочих, крестьян и солдат) и выяснить их отношение к войне, она указала на то, что «действия, представления, образы, надежды, чаяния, иллюзии, разочарования народных масс определили в конечном счете характер социальных сдвигов», и с этих позиций исследовала комплекс коллективных представлений¹¹.

С.В. Оболенская одной из первых обратилась к анализу изобразительных материалов (лубочным картинкам Первой мировой войны из коллекции Государственной публичной исторической библиотеки) с позиции соответствия образов и текстов официальной пропаганде, интеллигентским патриотическим высказываниям и сложившемуся задолго до войны «образу немца». Она выделила основные изобразительные компоненты «официально-патриотических» лубочных картинок: Россия как «защитница сирых» и «освободительница»; призыв к «национальному единению»; немецкие зверства; доблесть русских солдат (особенно казаков) и особая русская лихость. При этом она отметила и то, что эти призывы разошлись в будущем с действиями правительства и военных властей, а также подчеркнула, что мотив «шапками закидаем», столь свойственный отношению к немцу (пруссак) — противнику в XVIII в., в лубке Первой мировой войны звучит гораздо глуше (хотя в определениях, которые даются немцам, заметно сильное влияние давно сложившихся стереотипов). Оболенская различает также пропаганду «для простого народа» и «для грамотной публики». Она полагает, что тот образ немца, который закреплялся «в сознании поколений», сформировался не под воздействием официальной пропаганды, а в результате общения русских с немцами¹².

Обсуждение способов организации пропаганды в России в 1914—1918 гг. постепенно становится более активным. Одним из первых этот сюжет затронул Н.Л. Волковский в общей работе, посвященной способам ведения информационных войн¹³. Однако основное его внимание было обращено на пропаганду германскую и английскую, организация которых уже достаточно хорошо исследована в зарубежной историографии, в то время как российская система пропаганды в работе упоминается хаотично.

В рамках своих более широких исследовательских проектов некоторые вопросы военной пропаганды рассматривает Сенявская. В частности, она разделяет два образа врага в сознании участников войны, в том числе и Первой мировой: «глобальный», сформировавшийся под воздействием пропаганды и включавший в себя представления о враждебном государстве и закреплявшийся в «сознании поколений», и «бытовой», возникавший в результате непосредственных контактов с противником (солдатами на фронте, военнопленными и пр.) и изменявшийся по ходу этих контактов¹⁴. Согласно подходу Сенявской, именно официальная пропаганда формирует тот «образ врага», который закрепляется в «сознании поколений». В последнее время изучение «образа врага» в годы Первой мировой войны продуктивно ведется на основе анализа отдельных типов исторических источников, в частности исследовании периодической печати (Д.В. Эйдук, А.А. Акопов, Д.Г. Гужва)¹⁵.

В тесной связи с организацией пропаганды находится вопрос о состоянии общественного мнения в годы Первой мировой войны. В последнее десятилетие он довольно активно разрабатывается как на столичном, так и на региональном материале в работах О.М. Смирновой, С.М. Тутолмина, О.С. Поршневой, Е.П. Терешинной, В.В. Крайкина и др.¹⁶ Проведенный Поршневой анализ историографического концепта «настроение 1914 года» как метафоры, характеризующей высокий уровень общественной поддержки усилий правительства в начале войны и признание легитимности военных целей, обращает внимание на феномен самомобилизации общества¹⁷. О том, какую роль играли слухи в изменении общественных настроений в период Первой мировой войны и как они влияли на «архаизацию» сознания, подробно писал Б.И. Колоницкий¹⁸.

В публикациях челябинского Центра культурно-исторических исследований были обозначены ключевые направления концептуальных поисков в данной области: тотализация войны, историческая и коллективная память о войне, визуальная репрезентация войны и пр.¹⁹ Исследовавшая репрезентацию военного плена О.С. Нагорная указала, что тотализация контроля над общественным мнением проявилась в трансляции массовому сознанию образцов переживаний военного опыта и понимания войны, а также основных компонентов коллективной памяти о войне. По мнению Нагорной, «формирование шаблонов восприятия и толкования происходящих событий, а также определение образов коллективной памяти стало весомым социальным и политическим капиталом», особенно в условиях трансформации ментальных и ценностных структур, происходившей в ходе Первой мировой войны и последовавших за ней событий²⁰.

В настоящее время принято считать, что Первая мировая война заложила фундамент в основание одной из ведущих мировых тенденций XX в. — милитаризации мышления и общества²¹. Возрастание объема вмешательства государства в поведение и взаимоотношения граждан более всего оказалось востребовано именно в период войны. Мировой конфликт стал своего рода испытательным полигоном для новых технологий воздействия на общественное мнение.

Данная статья посвящена анализу соотношения государственных и общественных усилий, направленных на формирование образа войны средствами иллюстриро-

ванной прессы, то есть в какой степени информационные ресурсы Российской империи оказались подготовлены к такой информационной деятельности; насколько доверие людей к власти, ярче всего проявившееся в первые месяцы войны, было обусловлено этими усилиями; какие изменения они претерпели в годы войны; как создаваемый иллюстрированной прессой образ войны коррелировал с официальными военными сводками и неофициальными сообщениями с театра военных действий.

Состояние информационных ресурсов Российской империи в 1914—1916 гг.

Невиданное развитие коммуникаций и mass media в конце XIX — начале XX в. подготавливало почву для всеохватывающего информационного воздействия на население стран — ключевых участников мирового конфликта. Первая мировая война стала первой в XX в. «информационной» войной в том смысле, что способы, формы и масштаб информационного воздействия на население своей страны, противников и союзников приняли не известный ранее размах. Пресса, а также лица, ответственные за пропагандистскую работу, как со стороны Антанты, так и со стороны Центральных держав, использовали осознание масштабов «информационного оружия» как один из аргументов в пользу того, что война ведется не только на поле битвы и будет выиграна за его пределами²².

В какой же степени информационные ресурсы Российской империи оказались подготовлены к такой информационной деятельности? Первым показателем этой готовности может быть степень довоенной идеологической подготовки. В отличие от Германской империи, в которой еще с конца XIX в. придавалось большое значение идеологической подготовке населения к будущему военному столкновению, в России идейная мобилизация практически не велась. Неэффективность пропагандистского аппарата империи и глубочайшая пропасть между менталитетом государственной элиты и основной массы населения, влиявшие, в том числе и на боеспособность армии, явственно видны в воспоминаниях высшего командного состава. По мнению А.А. Брусилова, информационная подготовка населения к войне не просто не велась, а была скорее «отрицательной», и ее «не то что упустили, а скорее не допустили»²³.

Анализируя материалы российской иллюстрированной прессы предвоенного полугодия и даже недель, последовавших за убийством австрийского эрц-герцога Франца Фердинанда в Сараево, можно заметить, что внешнеполитические события и осложнение отношений между Сербией и Австрией не занимали в них ключевое место. Популярные иллюстрированные еженедельники уделяли одинаковое внимание как сербским событиям, так и празднованию юбилея И.Е. Репина²⁴.

Вторым показателем является инструментальная готовность российской пропагандистской машины непосредственно во время войны. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что организация военной пропаганды в России была самой аморфной по сравнению с другими воевавшими крупными державами.

Военная пропаганда, как официальная, так и неофициальная, в России, конечно, существовала, однако, по всей видимости, она была подчинена скорее целям общеимперской идеологии, чем собственно военным. Последние, на наш взгляд, были лишь составной частью имперской идеологической системы. Поэтому средства контроля над общественным мнением внутри страны в годы войны в целом были такими же, как и до нее: цензура, пресса, круг чтения, театр, кинематограф, изобразительные средства (живопись, плакаты, лубок, альбомы фотографий, открытки, журнальные и газетные

иллюстрации), хотя масштаб их распространения существенно вырос. Оценивая количество пропагандистских материалов, Сенявская отметила, что впервые в российской истории пропагандистский аппарат заработал столь масштабно и интенсивно²⁵.

Причины такого синкретизма, во-первых, состояли в том, что имперская пропаганда не отделяла общеимперских целей от военных. Как известно, война в России была провозглашена борьбой за свободу «славянства» от «немецкого рабства» и должна была в перспективе закончиться не просто «освобождением» славянских народов, а созданием общеславянского союза во главе с Россией. Война, таким образом, оказывалась необходимым условием и одновременно средством реализации этого «славянского проекта». Во-вторых, российская пропаганда актуализировала исторический мотив «вековой» борьбы русского народа с «тевтонами», придавая войне характер не современного, а вневременного действия, извечной борьбы и «последней войны». И это также превращало «Великую войну» в одно из звеньев «героической» истории российского государства. В то же время опыт недавно окончившейся русско-японской войны дал руководству представление о том, насколько важно было поддерживать мотивацию участия в войне и ограничить критическое восприятие целей войны армией и населением.

Исходя из этого, важнейшая роль в общеимперской системе ограничения критического дискурса придавалась цензуре. Военная цензура была первым инструментом, мобилизованным властью для информационного контроля. В исторической литературе утвердился тезис о «сравнительной мягкости военной цензуры» в России в годы войны²⁶. Опыт русско-японской войны 1904—1905 гг. и широко обсуждавшийся вопрос о том, какого рода информация должна определяться как «военная тайна», способствовали тому, что еще до начала войны, в 1912 г., Главное управление Генерального штаба разработало «Положение о военных корреспондентах в военное время». Это новое «Положение» существенно ограничивало и затрудняло возможность пребывания на фронте военных корреспондентов и военных фотографов²⁷. «Положением» предусматривалось, что на фронт должны быть допущены только 20 военных корреспондентов (10 из них — иностранные), каждый из которых будет утверждаться лично начальником Генерального штаба, а вся корреспонденция, отправляемая ими с театра военных действий, подлежала обязательной предварительной проверке военно-цензурным отделением при Штабе. Вторым регламентирующим информационную систему документом было «Временное положение о военной цензуре», утвержденное императором 20 июля 1914 г.²⁸ Подобное законодательство, естественно, чрезвычайно затрудняло прямые сношения между армией и прессой и создало тяжелую информационную ситуацию в начале войны.

С началом войны чрезвычайно возрос спрос на издания периодической печати. Увеличилось число подписчиков на популярные газеты и журналы в крестьянских общинах, повысился интерес к текущей периодике в городах. «Война заметно продвинула деревню в овладении грамотой и в привычке регулярно читать газеты»²⁹. Однако в начале войны наблюдался заметный «информационный голод», причиной которого было отсутствие достоверной официальной информации о положении на театре военных действий. В своем дневнике 4 августа 1914 г. известный искусствовед и коллекционер Н.Н. Врангель писал о том, какое «тягостное впечатление производит молчание газет о всех военных операциях», и называл начавшуюся войну «немой войной»³⁰. Нельзя не учитывать, что это мнение чрезвычайно требовательного к содержанию газетных сообщений читателя, хорошо знакомого с целым рядом периодических изданий, однако «немота» официальной печати подтверждается и рядом других сведений. В частности, начальник штаба Верховного главнокомандующего

генерал Н.Н. Янушкевич в первый же день вступления в должность, 20 июля 1914 г., в телеграмме, посланной начальникам штабов военных округов, указал на то, что «корреспонденты в армию допущены не будут»³¹. В связи с этим были отклонены просьбы отправить на фронт своих корреспондентов со стороны таких солидных изданий, как «Новое время», «Вестник Европы» и «Нива».

Официальное разрешение отправить в действующую армию 10 военных корреспондентов последовало от Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича только в конце сентября 1914 г., когда и командованию стало ясно, что «сухих отчетов о передвижении ... войск и взятых трофеях» явно недостаточно, и было принято решение о том, что необходимо давать в печати «описание подвигов ... частей и отдельных лиц», а также и другие материалы, «дающие картинное представление о деятельности войск»³². Опасность этой ситуации была также и в том, что отрывочные краткие сведения, появлявшиеся в газетах, были составлены столь бестолково, что не столько не успокаивали, сколько пугали публику³³. Еще одним следствием такой информационной политики правительства стало обильное распространение слухов³⁴.

Первая группа корреспондентов, которой Ставка дала официальное разрешение отправиться в действующую армию (в ее составе было семь русских — С.Ф. Бельский, В.И. Немирович-Данченко, К.Н. Соломонов (Шумский), С.Н. Сыромятников, А.М. Федоров, Н.И. Кравченко и В.В. Даманский, а также шесть иностранных корреспондентов), отбыла из Барановичей 26 сентября 1914 г.³⁵ Она пробыла на фронте две недели, после чего такие разрешения стали даваться более или менее регулярно, хотя и не часто. Вторая группа корреспондентов отправилась на фронт только в июне 1915 г. Кроме того, некоторые корреспонденты были аккредитованы при армии.

Помимо журналистов, на фронт отправлялись также литераторы, писатели и художники. В зависимости от «способа пребывания» на фронте И.В. Купцова выделяет три группы представителей художественной интеллигенции, присутствовавших на театре военных действий: «добровольцы» (А.И. Куприн, Н.Н. Врангель, Л.Н. Андреев, Н.С. Гумилев и др.), «призывники» (А.Б. Гольденвейзер, С.А. Есенин, И.С. Ефимов, Н.Н. Купреянов, М.Ф. Ларионов, П.В. Митурич, Н.Я. Мясковский, А.Н. Скрябин, В.В. Хлебников, Г.Б. Якулов и др.) и «командированные» (писатели В.Я. Брюсов, С.М. Городецкий, В.И. Немирович-Данченко, М.М. Пришвин, Б.В. Савинков, А.Н. Толстой, кинооператоры А.О. Дранков, А.А. Ханжонков, П.К. Новицкий, художники М.В. Добужинский, Е.Е. Лансере и Военно-художественный отряд под руководством Н.С. Самокиша, А.А. Рылов и др.)³⁶. Посылая свои корреспонденции в центральные газеты и журналы, они частично восполняли пробелы в получаемой информации, приобретая при этом еще и «ореол» личной сопричастности.

Вообще же статус «собственного корреспондента» был необычайно важен для любого периодического издания, публиковавшего «эксклюзивные» материалы «прямо с театра военных действий». Тот факт, что лишь несколько центральных изданий получили разрешение военных властей отправить на несколько дней на фронт своих собственных корреспондентов, не останавливал газеты и журналы ни перед явным преувеличением статуса своих корреспондентов, ни перед откровенной ложью. Пытаясь преодолеть это препятствие и ликвидировать информационный вакуум, издания поступали следующим образом: договаривались с отправленными на фронт офицерами о том, что они будут посылать им корреспондентские сообщения, минуя цензурную систему; публиковали поступающие в редакцию письма с фронта, выдавая их за сообщения своих корреспондентов; а чаще просто перепечатывали тексты из других изданий, приписывая их авторство «своим собственным корреспондентам».

Об этом, в частности, свидетельствуют результаты расследований, которые время от времени проводили различные цензурные службы, пытаясь установить достоверный источник попадавшей на страницы печати информации. К примеру, когда Чрезвычайная следственная комиссия сенатора А.Н. Кривцова попыталась установить, откуда у газеты «Биржевые ведомости» информация «об осквернении австрийцами Девичьего монастыря в г. Дубне», выяснилось, что заметка, выданная за телефонограмму, отправленную С.Л. Кугульским (заведовавшим московским отделением газеты) с театра военных действий, на самом деле была перепечаткой из газеты «Русское слово», которую почти дословно повторили также газета «Свет», журнал «Нива» и некоторые другие издания³⁷. Безусловным следствием подобной ситуации было то, что всевозможные слухи и сплетни становились частью не только обывательского мира, но и газетного, превращаясь в официальные разделы периодических изданий³⁸ и осложняя и без того противоречивую информационную картину войны.

Наиболее регулярным источником сведений о событиях в действующей армии являлись сообщения штаба Верховного главнокомандующего, сообщения Главного штаба и сообщения штаба Кавказской армии³⁹. Естественно, текущей периодике этого было мало. Необходимо было создать единый информационный центр для налаживания отношений между армией и прессой. И лишь в октябре 1915 г. по инициативе М.С. Пустовойтенко было принято решение о создании при Ставке Верховного главнокомандующего специального «Бюро печати», которое должно было координировать отношения между печатью и армией⁴⁰. Первыми корреспондентами Бюро стали сотрудники «Биржевых ведомостей», «Речи», «Русского слова» и «Русских ведомостей». Однако оно так и не заработало в полную силу. Провалилась также попытка председателя Совета Министров В.В. Штюрмера создать в январе 1916 г. своего рода «пропагандистское агентство» из представителей наиболее влиятельных печатных изданий⁴¹.

Итак, единого управления печатью и информационными ресурсами в России в период Первой мировой войны создано не было. По существу, оформившаяся еще до войны система тройного подчинения цензуры: Министерству внутренних дел (Главное управление по делам печати и Осведомительное бюро), Военному министерству (Ставка Верховного главнокомандующего) и Министерству иностранных дел — сохранялась вплоть до марта 1917 г.

Сама пресса по своей направленности и степени участия в пропаганде может быть разделена на официальную, военную, общеинформационную и сатирическую, причем иллюстрированные издания были в каждой из указанных групп. Официальные издания составляли далеко не самую многочисленную и не самую читаемую группу периодической печати. К ним относились, прежде всего, «Правительственный вестник» и «Сельский вестник», «Армия и флот», а также всевозможные губернские, городские, полицейские и другие «Ведомости» и «Вестники». Примыкали к ним консервативные газеты и журналы патриотической направленности: «Голос русского», «Защита», «Великая Отечественная война», «Витязь», «Илья Муромец», «Война», «Война и герои», «Альбом героев войны», «Воскресный листок», «Великая война в образах и картинах», «Летопись войны» и др.

Оценивая недостатки официальной печати и недоступность военной информации широким слоям населения, Врангель 16 сентября 1914 г. записал в своем дневнике: «Кривошеин, так внимательно отнесшийся к идее издания специального органа, толкующего народу войну... и лишь не нашедший возможности достать на этот предмет деньги, поступил предательски по отношению к нам, авторам проекта. Он решил преобразовать именно по нашей программе орган Министерства земледелия и земле-

устройства в “Сельский вестник” и достал нужные для этого 150 тыс. рублей! Жалко что дело не доведено до конца и газета обслуживает только сельское население, армия же по-прежнему остается без известий и теряет свою спайку с семьей и хозяйством»⁴².

Военная пресса, естественно, стала играть чрезвычайно важную роль. Гужва подсчитал, что в 1914—1918 гг. в русской армии издавалось около 100 военных газет и журналов, в то время как до войны их было около 60⁴³. Официальная военная печать включала в себя издания Военного министерства (газета «Русский инвалид» и журнал «Военный сборник») и Главного штаба («Военная летопись»); специализированные печатные органы отдельных родов войск (например, «Самоход» или «Военный летчик»); фронтовые, армейские, окружные и корпусные газеты («Армейский вестник», «Наш вестник», «Вестник Кавказской армии» и т.п.), а также дивизионные и полковые газеты («Свободный стрелок», «Вопль шестидюймовки», «Солдатский вестник» и пр.).

Современники отмечали, что одной из проблем первых недель войны было отсутствие печатного органа, который бы разъяснял цели и ход войны крестьянам и солдатам. Только к 10 августа 1914 г. был налажен выпуск первого полноценного фронтового издания, которое, по воспоминаниям современников, частично компенсировало «молчание» прессы о текущем положении на фронте⁴⁴. Это был «Армейский вестник», выходивший при главнокомандующем армиями Юго-Западного фронта. Он выполнял функции отчасти информационного бюллетеня, отчасти журнальной беллетристики, удачно сочетая умело составленные «Обзоры военных действий» на Юго-Западном фронте со всевозможными слухами в разделе «Мелочи» и «новостями» о немцах и союзниках в рубрике «Вести»⁴⁵.

Около 90 сатирических изданий, выходивших в 1914 — феврале 1917 г., свидетельствуют о чрезвычайном повышении спроса на карикатуру. По нашим подсчетам, с началом войны стали выходить не менее 40 новых изданий сатирического характера, а в совокупности с теми сатирическими изданиями, которые выпускались еще до начала войны, в целом в 1914 г. их выпускалось более 60⁴⁶. Соответственно с августа 1914 г. количество сатирических журналов в России выросло в 3 раза. Самыми популярными сатирическими изданиями являлись «Шут», «Будильник», «Забияка», «Осколки», «Война: обозрения, пародии и карикатуры», а для более взыскательной публики — «Новый сатирик» и «Кривое зеркало».

Всего за период с августа 1914 г. по февраль 1917 г. в Москве издавалось порядка 14 сатирических журналов, в Петрограде — около 20, и не менее 55 сатирических изданий (преимущественно журналов) выходили в других городах России (более всего — в Варшаве, Харькове, Одессе, Киеве, Ковно, Саратове, Иркутске, Баку, Архангельске и Ростове-на-Дону). Соответственно наиболее крупными центрами распространения сатирической прессы были юго-западные губернии, особенно Харьковская и Херсонская.

Популярным средством пропаганды всеми исследователями признается военный лубок, выпускавшийся преимущественно в столичных городах и отчасти в провинции. Оболенская отмечает, что это «было делом не столько властей, сколько предприимчивых издателей, художников и писателей, охваченных идеей продвинуть в массы свое понимание войны»⁴⁷. Важно отметить, что в отличие от традиционных лубочных картинок этот лубок не имел никакого отношения к народному творчеству и являлся плодом усилий различных групп интеллигенции. Значение лубочных изданий в пропаганде определялось тем, что в условиях недостаточной грамотности основной массы населения страны и, учитывая огромное значение, которое это малограмотное население традиционно придавало изображениям, лубок превращался

для него в «народную газету», возрождая чрезвычайно популярную в XVIII—XIX вв. форму коммуникации, каковой и был русский народный лубок. Популярность лубка в массах можно объяснить не только привычкой населения ориентироваться на визуальные образы, но и отмеченным выше «информационным голодом», который восполняли издатели лубочных картинок, заменяя ими отсутствовавшие газетные публикации и фотографии с театра военных действий.

Многочисленная печатная продукция патриотического содержания (рекламные плакаты, открытые письма, популярные дешевые издания, сборники солдатских песен и частушек и пр.), а также репертуар театров и кинематографа проанализированы различными исследователями достаточно подробно⁴⁸.

Помимо кристаллизации инструментов информационного контроля, в годы войны происходило формирование институтов информационного воздействия на население. Такими институтами, по нашему мнению, были Скобелевский комитет для выдачи пособий потерявшим на войне способность к труду воинам⁴⁹, Чрезвычайная следственная комиссия сенатора А.Н. Кривцова (полное ее название — Чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев ведения войны австро-венгерскими и немецкими войсками и войсками держав, действующих в союзе с Германией и Австро-Венгрией), музеи Великой войны и полковые музеи, выставки в память о войне, а также некоторые благотворительные организации, участвовавшие в формировании образа войны у населения.

Какие изменения претерпели информационные ресурсы России в годы войны? На основе анализа тематики популярных пропагандистских брошюр 1914—1915 гг. Сенявская приходит к выводу о том, что динамика изменения пропаганды имела следующий вектор: от абстрактной риторики и высокопарной лексики в начале войны к предостережениям и прямым угрозам на ее завершающих этапах⁵⁰. К эффективным риторическим приемам, которые использовали военные идеологи-пропагандисты в то время, она относит переход от непонятных для солдата-крестьянина идей «защиты славянства» или «поддержания славы русского оружия» к войне «за правду», не менее абстрактной, но более понятной русскому крестьянину.

Столь популярный в первые месяцы войны лубок после поражений русской армии в 1915 г. практически перестает издаваться. Конкуренция между государством и обществом по поводу оптимизации ведения войны быстро разрушила структуры гражданского мира в тылу, и «хрупкий патриотический консенсус», видимость которого возникла в первые июльские дни войны, после поражения в Восточной Пруссии и отступления русской армии в 1915 г. был утрачен⁵¹.

Уменьшаются со второй половины 1915 г. также тиражи открытых писем военной тематики, хотя они были более востребованы, чем лубок. Изменяется репертуар театров и кинематографа, в которых происходит постепенный переход от патриотической тематики к бытовой. Х. Ян отметил, что «новые художественные метафоры все определеннее тяготели к семье и деревне»⁵². Он называет патриотические настроения второй половины 1915 — 1916 г. «социальным патриотизмом», в котором на первый план выходила «не абстрактная идеология нации и монархии, а благоденствие сограждан» и благосостояние общества⁵³.

Итак, несмотря на то, что Первая мировая война стала временем массовизации культуры, совпавшей с расширением ассортимента популярной печатной продукции, использовавшейся с явно пропагандистскими намерениями, усилия государственного аппарата в поддержании контроля над общественными настроениями в России были явно недостаточными, причем гораздо большую роль в распростране-

нии «патриотического духа» в обществе играли общественные институции. Попытки официальной власти контролировать массовую печатную продукцию имели больше отрицательных сторон, чем положительных, способствуя и распространению недоверия к газетным сообщениям, и эскалации слухов, разрушавших общественный консенсус первых месяцев войны, и «информационному голоду» (в том числе визуальному, замещавшемуся массовой, зачастую низкокачественной лубочной продукцией).

Роль иллюстрированной прессы в «мобилизации коллективного духа»

Вопрос о том, насколько люди имели доверие к власти, ярче всего проявившееся в первые месяцы войны, и как оно было обусловлено усилиями информационного воздействия, пересекается с другим, более общим вопросом: в какой степени война становилась фактором эмансипации, обособляющим человека от государственной машины и расширяющим «пространство личного действия»? Ведь любая война — это вызов не только государственному механизму, но и существующим национальным идентичностям⁵⁴.

Пропаганда в годы войны выполняет множество функций и транслирует разные установки. В отличие от многих других форм выражения мнения, связанных с желанием информировать, заставить считаться со своими интересами или завоевать авторитет, в основе пропаганды, отмечает Байрау, лежит организованная воля, желание убедить в чем-то других или же активизировать их деятельность⁵⁵. При этом он разделяет функции пропаганды при «тоталитарных режимах» и в «плюралистических обществах». Если в первых пропаганда представляет собой «комбинацию монополизированной властью навязчивой риторики с запретами, которые “усваивались” акторами посредством самоцензуры и различных табу» и, что особенно важно, содержит скрытую или открытую угрозу насилия, то во вторых она выполняет функцию лишь «коммуникации убеждения», проявляющейся в «стремлении соблазнить, привлечь и мобилизовать население»⁵⁶. Изучение истории пропаганды в рамках культурной истории, по мнению Байрау, позволяет глубже понять не только механизмы управления и руководства, но и феномен самомобилизации и участия в публичной сфере⁵⁷.

Исследование военной иллюстрированной прессы показывает, что официальная пропаганда оказалась не подготовлена к целенаправленному и массовому воздействию на население. Иллюстрированные издания, которые отражали бы позицию Генерального штаба или Двора и содержали бы тексты и фотографии, сделанные аккредитованными властями лицами, составляли ничтожную долю в общей массе популярной иллюстрированной прессы. И хотя «Летопись войны» генерал-майора Г.Н. Дубенского стала выходить уже с конца июля 1914 г., она не могла соответствовать обширным информационным потребностям общества. Не могли удовлетворить эти потребности также «журнал для войска и народа» «Витязь», издававшийся с 1907 г., и «военно-народный иллюстрированный журнал» «Воин и пахарь», выходивший с 1911 г., поставленные на службу военным целям. Нерегулярно выпускавшийся «Альбом героев войны», только в ноябре 1914 г. появившееся хорошо иллюстрированное издание «Великая война в образах и картинах» и издававшийся с ноября 1915 г. еженедельный журнал для солдат «Илья Муромец» представляли собой слабую попытку удержать информационный контроль над «образом войны».

Гораздо более эффективно действовали иллюстрированные приложения к популярным ежедневным газетам. Каждое крупное столичное газетное издание имело свое еже-

недельное иллюстрированное приложение: при московской сытинской газете «Русское слово» издавался иллюстрированный художественно-литературный журнал «Искры», при петербургском суворинском «Новом времени» — «Иллюстрированное приложение к газете “Новое время”», при «Биржевых ведомостях» С.М. Проппера выходил художественно-литературный журнал «Новая иллюстрация». Наряду с изданием А.Ф. Маркса «Нива», а также журналами «Вокруг света», «Природа и люди», «Огонек» и «Синий журнал», эти издания составляли наиболее популярные иллюстрированные еженедельники. Именно в них по большей части транслировался тот «образ войны», который становился частью массовой культуры, и они же отражают явление самомобилизации общества, речь о котором шла выше. В связи с этим основное внимание в дальнейшем изложении уделим изданиям, составлявшим наиболее востребованную часть иллюстрированной прессы.

В годы Первой мировой войны пропаганда основывалась на германофобии и идее защиты славянства. Нагорная выделяет две цели, которые преследовали политические режимы при монополизации процесса усвоения военного опыта — духовную мобилизацию общества на войну и легитимацию своих действий внутри страны и на международной арене⁵⁸. Использованное в официальной риторике империи понятие «Вторая Отечественная война» представляло собой, безусловно, пропагандистскую конструкцию, как и в годы Великой Отечественной войны⁵⁹. Ее явной целью было указать на то, что начавшаяся война, как и во время нашествия Наполеона, носит оборонительный характер (хотя в действительности речь не шла о нарушении границ российского государства) и представить Россию и «славянство» жертвой агрессии со стороны германских народов.

Иллюстрации, которые появлялись в прессе, должны были подтверждать тезис о необходимости защитить «славянство» от «германизма». Одним из популярных мотивов стало изображение единения славянства под сенью «православной Руси», появлявшееся, например, на фотографиях группы петербургских чехов, принявших православие. Соответствующий текст гласил: «Русские чехи формируют гуситские дружины, которые вместе с русской армией пойдут в бой с вековечным врагом — германизмом для торжества идеи великого, свободного единого славянства под сенью святой Руси»⁶⁰. Подобные снимки кочевали по столичным иллюстрированным журналам в середине — конце августа 1914 г.⁶¹

Еще одним визуальным компонентом идеи «защиты славянства» были фотографии столицы Сербии Белграда, подвергшегося австрийским бомбардировкам. Фотография «многострадального» Белграда с высоты «птичьего полета» также сопровождалась выразительным пояснительным текстом: «Ничем не рискуя, их артиллерия громит покинутый сербскими войсками город. Снаряды падают на улицах, в дома обывателей, церкви, школы, больницы, избивая и увеча оставленных в городе стариков, женщин и детей...»⁶². Здесь идея защиты славянства соприкасалась с образом «бесчеловечного» врага. Однако в целом этот концепт оказался неудачным, поскольку не мог объяснить солдатам и крестьянам, почему «оборонительные» бои идут в неизвестных и далеких для них Восточной Пруссии и Галиции. Солдатские высказывания в духе «патриотизма колокольни»: «мы — тамбовские, до нас немец не дойдет», — наглядно это демонстрируют⁶³.

На начальном этапе войны основное внимание печати каждой воевавшей страны было сосредоточено на том, чтобы доказать виновность в войне противной стороны, развязавшей военные действия и ответственной за все жертвы. Естественно, что факт объявления Германией войны России воспринимался как нападение⁶⁴. Во главу угла ставился тезис о «справедливой цели войны», которая объявлялась борьбой с врагом за

независимость нации⁶⁵. Соответственно пропагандистский характер имело появление в массовой печатной продукции рассказов о немецких зверствах. Описание экстремальной жестокости было стереотипным и шаблонным: отравление колодцев, хлебов и пр. Излагаемые с ужасающими и шокирующими подробностями случаи должны были поддерживать чувство ненависти по отношению к врагу. Они были призваны мобилизовать население на сопротивление и героизм. Безусловно, вспомогательную роль в поддержании таких представлений в тылу должны были сыграть соответствующие иллюстрации: жертвы немецких зверств — семья калишского управляющего П.И. Соколова, объявленные военнопленными польские крестьяне⁶⁶, сестра милосердия О.Н. Домацкая⁶⁷ и др.

Тот же смысл вкладывался и в многочисленные иллюстрации разрушений, прежде всего, в бельгийских и французских городах, которые появлялись в первые месяцы войны на страницах иллюстрированной прессы. Это были фотографии с руинами Антверпена, Лувена, Льежа и других городов, но безусловным символом «варварства» стал пострадавший от бомбардировок знаменитый собор в Реймсе, о котором много писали не только в иллюстрированной прессе, но и в «толстых» журналах, которому посвящали стихотворения и поэмы и т.п.⁶⁸ В противоположность подвергнутому бомбардировкам Лувену, уцелевший Париж был использован редакцией журнала «Искры» для укрепления уверенности, что «люди “печного горшка”... не протянут своих рук к Венере Милосской»⁶⁹. Осенью 1914 г. внимание иллюстрированной прессы было сосредоточено на разрушенном немцами Ченстохове, точнее, Ясногорском монастыре⁷⁰. Разрушения городов и деревень, произведенные под Варшавой, были материалом с русского фронта, дополнявшим образы разрушенных бельгийских и французских городов.

Все эти образы убеждали население в немецком «варварстве», противопоставляя ему гуманизм и великодушие России и ее союзников. Последнее, кстати, подтверждалось в прессе фотографиями австрийских, германских и турецких военнопленных и отношением к ним со стороны союзных армий и населения стран Антанты. Они изображали пленных австрийских солдат, которые мирно едут в повозке под охраной русских солдат, и сцены, в которых французские войска угощают немецких пленных, и т.п.⁷¹ Подобные изображения имели своей целью показать «милосердие» России по отношению к врагу и тем самым подтвердить «справедливость» войны с «немилосердным» врагом.

Несколько слов стоит сказать о той роли, которая отводилась фотографическим свидетельствам современниками. «Претензия фотографии как визуальной технологии на абсолютную достоверность»⁷² обсуждается довольно давно и была опровергнута еще на ранней стадии теоретических исследований, посвященных фотографии⁷³. Признанный теоретик и исследователь фотографии С. Зонтаг указывала: «Признавая, с одной стороны, что фотография, конечно, восполняет многие пробелы в нашем мысленном видении, представлениях о том, как выглядело то или иное явление, мы должны сознавать, с другой стороны, что каждая фотография скрывает больше, чем показывает»⁷⁴. Безусловным является то, что фотография, как визуальный объект, обладает рядом таких специфических черт, как миметичность, социальная ангажированность, массовость, репродуктивность и нарративность⁷⁵. Все эти черты явственно видны в фотографиях, наполнявших военную иллюстрированную прессу 1914—1917 гг.

Восприятие фотографии в период Первой мировой войны, несомненно, имело свои специфические черты, что необходимо учитывать при работе с данными фотографическими материалами. Несмотря на то, что фотография была массовым и тиражируемым визуальным продуктом, она обладала, с одной стороны, некоторым ореолом «достоверности» (не случайно еще с начала экспансии фотографии в визуальный мир она сильно повлияла на живопись, поставив ее в определенной степени

в подчиненное положение), а с другой стороны, «уникальности» (в том смысле, что сделать фотографию самостоятельно было доступно далеко не каждому человеку). Поэтому присутствие фотографических доказательств происходящего на страницах иллюстрированных периодических изданий имело самоценность, которую не могли компенсировать ни рисованные образы, ни карикатурные изображения, безусловно, в некоторых случаях дополнявшие и заменявшие собой недостаток фотографий.

При этом важно подчеркнуть, что сами фотографические материалы, имевшие «документальный» характер, отнюдь не конструировали «реальность» фронта. Напротив, помещенные в определенный контекст, в том числе текстовый, они являлись эффективным средством моделирования той фронтовой реальности, которая была востребована нуждами пропаганды. К примеру, фотографии полевых будней, как документальные свидетельства жизни армии, заменяли собой картины поражений, которые терпела русская армия в 1914—1916 гг. Иллюстрируя «жизнь на фронте», они совершенно мифологизировали ее, вступая в противоречие с той информацией о военных поражениях, которая частично поступала из газет. Поэтому процесс коммуницирования государства и общества, активировавшийся в ответ на возросшую в ситуации нестабильного положения на фронте потребность в выработке образцов толкований войны, ее длительности и жертв, был порожден необходимостью легитимации нового уровня насилия и контроля⁷⁶.

Отметим также, что иллюстрированная пресса не только формировала образ войны у современников, но и должна была осуществлять функции «управления» коллективной памятью и конструировать память о войне.

Образ войны в иллюстрированной прессе и официальные сводки

Для того, чтобы ответить на вопрос, как создаваемый иллюстрированной прессой образ войны коррелировал с официальными военными сводками и неофициальными сообщениями с театра военных действий, необходимо для начала обрисовать контуры того образа войны, который ею формировался. Реконструкция образа войны в русской иллюстрированной прессе 1914—1918 гг. будет производиться на основании аспектов, выделяемых в войне немецким историком-медиевистом Х.Х. Куртюмом⁷⁷. К ним относятся: цели войны; легитимация (обоснование) войны; способ ведения военных действий; военные ресурсы; пространство войны; последствия войны.

О мотивации и целях войны, которые иллюстрировались прессой, было сказано ранее. Многочисленные образы героизма сербов дополнялись в иллюстрированной прессе сценами взаимной дружбы чехов и поляков (по понятным причинам в этом «братском союзе» не упоминалась Болгария), сопровождавшиеся также сюжетами, изображавшими «варварское» отношение к славянским народам австрийцев и германцев⁷⁸. Эти иллюстрации между тем не имели большого значения. Цели войны и сам ход военных действий в целом оставались неясными как крестьянам, так и городским «низам». «Все наблюдатели сходились в том, что крестьяне интересовались войной главным образом с точки зрения ее влияния на их семейную и хозяйственную жизнь»⁷⁹.

Понимание неясности панславистских лозунгов заставляло иллюстраторов обращаться к ставшим традиционными образам славянских государств в виде юных дев, героически становящихся на защиту отечества, молящих о защите или страдающих от насильников (германцев или турок)⁸⁰. Подчеркнутая феминность образов⁸¹ славянских стран или стран-союзниц (Сербии, Польши, Франции, Бельгии) имела

также смысл «невинности»/«невиновности» этих стран в начавшейся войне — мотив, хорошо известный по нарративным источникам.

Этот же смысл невинности и защиты вкладывался, безусловно, в иллюстрации, на которых изображались дети. «Детство» было мобилизовано пропагандой всех стран как для укрепления мотивации «защиты», так и для поддержания образа нации как «невинной жертвы», подвергшейся нападению врага. В иллюстрированной прессе детские образы появлялись в двух основных смысловых конструкциях: 1) дети как символы беззащитной и невинной нации, которую призваны защищать мобилизованные в армию солдаты; 2) дети как олицетворение общества, которое от мала до велика готово служить делу победы в тылу.

Показательно в этом смысле использование детских образов для иллюстрации различных общественных «сборов на помощь жертвам войны». Первым примером такого тиражирования детства стала фотография двух рязанских детей-сборщиков пожертвований (Володи Шенфейна 7 лет и Зины Котляровой 4 лет), которые в образах воина и сестры милосердия принимали участие в сборе. И в Рязани, и в других городах, где детей привлекали для кружечных сборов, они пользовались, по сообщениям прессы, «громдным успехом»⁸². В этом же образном поле интерпретируется и фотография «Будущие воины», иллюстрирующая привычные и в мирное время военные «детские игры». Явно постановочный кадр изображал двух мальчиков лет 11—12, один из которых в форме русского солдата, другой — немецкого (у него на голове даже каска была по размеру). При этом стоящий «немец» отдает честь сидящему «вразвалочку» на пенке, опершись на саблю, «русскому»⁸³. Пропагандистская направленность этого образа очевидна. В поддержку этого мотива помещались фотографии детей-добровольцев (например, 14-летний Алексей Марков, раненный при разведке под Сувалками⁸⁴), погибших «юных добровольцев» (Александр Мазура)⁸⁵, «юных героев», награжденных орденом Георгия IV степени (Константин Малафтьев, Александр Сосенков, Иван Цыганков и др.)⁸⁶. Неизменным стал также образ солдата, прощающего со своей семьей перед отправкой на фронт и умело превращающего цель войны из абстрактной в конкретную. Использование такого мотива было созвучно и восприятию крестьянами войны как «бедствия», известному по эпистолярным документам. Пытаясь объяснить цели войны через призыв защитить женщин и детей, иллюстрированная пресса, бесспорно, рассчитывала на большее понимание их «низами».

Тем не менее, несмотря на все старания официальной и неофициальной пропаганды представить войну «борьбой за защиту славянства», добиться этого понимания не удалось. Более традиционными и понятными были использовавшиеся в лубке и открытых письмах образы исторических или священных символов, призывающих на борьбу «за Веру, Царя и Отечество». Примечательно, что на страницах популярной иллюстрированной прессы их практически не было (исключения были редки). В то же время анализ письменных документов, в частности солдатских писем и отчетов цензоров, показывает, что традиционные стереотипы священной борьбы «за Веру, Царя и Отечество» в 1915—1916 гг. были определяющими и часто заменяли понимание солдатами целей войны и ее смысла⁸⁷.

Следующий аспект войны — ее легитимация напрямую связан с целями войны. Байрау предлагает при исследовании легитимации проводить различия между ее официальными предложениями и неформальными образцами, сформированными населением (причем если первые довольно легко поддаются реконструкции, то вторые — с большим трудом)⁸⁸. Иллюстрированная пресса позволяет реконструировать способы легитимации войны, использовавшиеся как официальными институтами

(путем анализа иллюстраций в изданиях, близких к официальным), так и различными общественными группами, представленными разными типами иллюстрированных изданий.

Официальное обоснование, как уже неоднократно отмечалось, основывалось на мобилизации «исторической» идеи — «противостояния славянства и германизма». Поэтому иллюстрированная пресса прибегала к таким образам, которые отсылали читательскую аудиторию к истории России, эксплуатируя различные символические элементы исторического прошлого. К таковым можно отнести изображения двуглавого орла (временами это было сражение двух орлов — российского и германского) или сражения Георгия Победоносца со змием⁸⁹. В художественных иллюстрированных журналах, с которыми сотрудничали лучшие отечественные художники и графики, символический ряд был более разнообразен. К примеру, на страницах журналов стали появляться образы Дмитрия Донского (знаменитый плакат К. Коровина)⁹⁰ или символы, отсылавшие к Отечественной войне 1812 г.⁹¹ В этой связи можно отметить, что иллюстрированная пресса стремилась поддержать высказанную некоторыми официальными кругами идею о том, что новая война — «Вторая Отечественная», однако делала это весьма непоследовательно. Чаще всего аналогии с 1812 г. встречались в карикатуре и сатирической прессе⁹². Иллюстрированная пресса вспомнила, между прочим, и о вступлении русских войск в Берлин, опубликовав рисунок П. Шипова «Взятие русскими войсками Берлина в 1761 г., в царствование императрицы Елизаветы Петровны. Авангард русской кавалерии вступает в город»⁹³. Однако этот мотив не был поддержан.

Обоснование войны непременно включает в себя и объяснение того, против кого ведется война, то есть формирование образа врага. Понятно, что значительную роль в процессе превращения привычного для России «немца» в «нечеловеческого врага» могла сыграть визуальная культура. Однако долгое время «враг» даже в иллюстрированной прессе оставался для тыла, как пишет Сенявская, «обезличенной символической фигурой»⁹⁴. Отсутствие корреспондентов на фронте, ограниченное поступление фотографических материалов с театра военных действий переложило ответственность за формирование «образа врага» на несерьезный жанр. Карикатура поэтому выполняла сразу несколько функций: помимо собственно сатирической дискредитации врага в глазах обывателей она замещала само изображение врага в визуальном пространстве⁹⁵. Наряду с сатирической прессой немалую роль в визуализации противники сыграли перепечатываемые из иностранной прессы фотографии и иллюстрации. Дополнительным подтверждением «немецкого варварства», как говорилось ранее, были изображения разрушений, производимых немецкими и австрийскими войсками, в Сербии, Бельгии, Франции или Польше⁹⁶. Подчеркнутая мускулидность образа врага в противоположность фемининному образу «Матушки-Руси» исследователями уже неоднократно отмечалась⁹⁷.

Эволюция образа врага в ходе войны является дискуссионным моментом. Сенявская полагает, что «под влиянием личных впечатлений, приобретенных на войне, образ врага-зверя, воспитанный средствами пропаганды, постепенной трансформировался в образ врага-человека»⁹⁸. По мнению Оболенской, однако, все было наоборот: в первые полтора-два года Первой мировой войны ненависти к немцам, несмотря на усиленную антинемецкую пропаганду «сверху», в крестьянской и солдатской среде не было; проповедь насилия, которой были полны газеты, не находила отклика в деревне, и о «немецких зверствах» почти никто не говорил⁹⁹. Проведенное во время войны обследование крестьянских настроений показало, что «легкомысленного задора, хвастовства, шовинизма, прививаемого газетами, в сельском населении почти нет». Сооб-

шалось, что в деревне представление о войне довольно смутное: «У кого нет на службе и в войске родных, те относятся к войне как к сказке: неужели, говорят, это правда!»¹⁰⁰.

Ситуация изменилась как раз в последующее время, когда обернулась поиском внутреннего врага, которым оказался русский немец. Материалы иллюстрированной прессы также показывают, что «внутренний враг» становится постоянным элементом еженедельной прессы преимущественно в 1915 г., оставаясь в ней и в 1916 г. Правда, теперь внутренним врагом становятся купцы, утаивавшие продовольствие или поднимавшие цены на продукты, рестораторы, взяточники и т.п.¹⁰¹ Со временем в общественном сознании война стала обогащаться «мистическим» опытом, а исходящая от врага угроза представлялась как «основополагающая экзистенциальная опасность»¹⁰².

Важным аспектом легитимации войны стало формирование поведенческих шаблонов. Иллюстрированная пресса стремилась подчеркнуть и всеобщий патриотический порыв, публикуя в июле — сентябре 1914 г. фотографии с массовых манифестаций и демонстраций в поддержку войны или стран-союзниц¹⁰³, и общественную поддержку фронту, уделяя большое внимание иллюстрациям с благотворительных базаров, из госпиталей и лазаретов и пр.¹⁰⁴ Кроме того, подчеркивался героизм людей всех возрастов. Постоянная рубрика «Наши герои» журнала «Искры» содержала традиционные образы юных добровольцев, награжденных орденами св. Георгия IV степени, и великовозрастных добровольцев. Символическое значение имела публикация фотографии ординарца М.Д. Скобелева Зикюра Жантиева — 58-летнего «бравого джигита», отправившегося добровольцем на войну. Фотографии всех этих героев размещались в журнале только потому, что они были ранены и находились на излечении в московских лазаретах и госпиталях. В тот же изобразительный ряд попали две «девушки-героини» (Л.П. Тычинина и М.Н. Исаакова), которые, переодевшись в мужское платье, записались добровольцами в санитарный и казачий отряды. При этом одна фотография подчеркивала женственность в облике «героини», а вторая — мускулиность¹⁰⁵. Одним из проявлений политики контроля за общественным мнением стало также то, что правительство попыталось скрыть действительный масштаб потерь русской армии, запретив не только публикацию данных о численности попавших в плен русских воинов, но и употребление самого термина «русский военнопленный» в прессе и официальном делопроизводстве¹⁰⁶.

Способ ведения военных действий занимал в иллюстрированной прессе двойственное положение. С одной стороны, этот аспект включал в себя изображение тотальных разрушений, которые несла война, а с другой — изображение жертв войны (об этом речь шла выше). Первыми показателями «жертв» были бельгийцы и поляки*. Символом «немецких зверств» в августе 1914 г. стал управляющий Калишским казначейством П.Н. Соколов, расстрелянный немцами за отказ «выдать казенные деньги». Впервые фотография его семьи появилась в журнале «Искры» 10 августа.

* Под размещенной фотографией, на которой стояла толпа детей (на первом плане — мальчики и девочки, прилично одетые), а за ними — мужчин и женщин, было сказано, что это жертвы хитроумно продуманной немецкими помещиками комбинации: тысячи польских крестьян, обычно уходившие в Пруссию на сельскохозяйственные работы, были объявлены военнопленными и разосланы по имениям прусских помещиков для сбора урожая, а после его окончания — изгнанные из Германии и вынужденные пробираться через Швецию в Россию. Почему половину из «уходивших на работы польскими крестьян» составляли дети в возрасте от 5–6 до 13–14 лет, понять сложно. Но с пропагандистской точки зрения, именно страдания детей от произвола прусских помещиков являются отличной иллюстрацией «немецких зверств», что и объясняет помещение детей на первом плане снимка, который, согласно пояснению, изображал «первую партию, добравшуюся после долгих мытарств до Петербурга». См.: Искры. М., 1914. № 31 (10 авг.). С. 247.

В том же номере была помещена фотография его сына, А. Соколова, под которой стояла подпись: «Снят в Калише в подвале, куда он был брошен немцами»¹⁰⁷. Оперативность работы информационных служб в этой публикации вызывает немалое удивление, если вспомнить, с каким трудом допускались фотографы в действующую армию. К сожалению, источника поступления этих фотографий в журнале не указано, но подлинность их сомнений не вызывает. Еще одним важным элементом нового способа ведения войны стало использование разрывных пуль, которые противники приписывали друг другу, и подробные фотографии с рентгеновскими снимками раздробленных этими пулями конечностей и снимками раненых, пострадавших от этих пуль, появлялись время от времени на страницах популярных иллюстрированных изданий.

В отличие от прессы союзников и германских изданий, русская иллюстрированная пресса довольно мало внимания уделяла новейшему военному вооружению. За первое полугодие войны в журнале «Искры» была опубликована только одна фотография русской военной техники — «Русский блиндированный автомобиль», «герой боев за Вислой», о котором много и восторженно писали в прессе. Выполненный, как пояснялось в тексте, «на английских заводах по заказу русского военного ведомства в рекордный срок», он представлялся образцом новейшей техники, отвечавшей «всем требованиям момента»¹⁰⁸. Конец 1914 г. был заполнен в журнале «Искры» фотографиями боев в Галиции¹⁰⁹ и удачной операции под Ивангородом¹¹⁰. Ивангородские фотографии сосредоточили внимание, главным образом, на неприятельском вооружении и пленных (австрийская мортира, германская гаубица, немецкие окопы, прожектор).

Одним из излюбленных сюжетов иллюстрированной прессы первых месяцев войны стали «собаки-санитары» на Западном фронте. По примеру союзников в России также началось формирование отряда санитарных собак. «Искры» сообщали, что в ноябре — декабре 1914 г. в Москве (на станции «Перово» Московско-Казанской железной дороги) возникло общество переобучения для этих нужд дрессированных полицейских собак под руководством полковника Д.А. Ползикова¹¹¹.

Среди популярных военных ресурсов, которые часто упоминались в иллюстрированных изданиях, стоит отметить авиацию, в частности цеппелины. Издания нередко перепечатавали английские иллюстрации, изображавшие бомбежку английскими аэропланами завода по производству цеппелинов, а также истории о том, как «русские бабы» подбили то аэроплан, то цеппелин. В целом изображение военных ресурсов не было использовано отечественной иллюстрированной прессой для доказательства залога нашего успеха в войне. В этом плане больше надежд возлагалось на технические достижения союзников России.

Пространство войны на страницах иллюстрированной прессы изображалось весьма туманно. Конечно, отсутствие прямой связи с фронтом, а также органа, координирующего связь между прессой и армией (как это было, например, в Германии), чрезвычайно осложняло положение печати. Не имея своих корреспондентов в армии, периодические издания жадно хватались за те материалы, в том числе и иллюстративные, которые они могли получить от эвакуированных в Петроград и Москву раненых, беженцев и любых очевидцев действий, происходящих на фронте. Поэтому в первые недели войны в иллюстрированных изданиях помещались лишь: 1) рисунки, выполненные на фронте офицерами, реже солдатами; 2) фотографии, снятые офицерами, имевшими на фронте необходимое фотографическое оборудование; 3) иллюстрации (как рисованные, так и фотографии) из иностранных изданий, для

которых изобразительный язык войны был признанным информационно-пропагандистским инструментом; 4) фотографии событий тыловой жизни, иллюстрировавшие общественную помощь и поддержку фронту (организации Красного Креста, общины сестер милосердия, мастерские, устроенные для шитья белья раненым, и пр.); 5) фотографии раненых и военнопленных, оказавшихся в тылу.

На исходе августа самой значительной темой стало вступление русских войск в Галицию, что включило эту территорию в «пространство войны». На первой странице журнала «Искры» были помещены портреты генералов Н.В. Рузского и А.А. Брусилова, срисованные с фотографий, а над ними венчал композицию вензель с русским гербом и названием городов Львов и Галич. Продолжением этой темы стали помещенные в журнале в большом количестве фотографии «Червонной Руси» (достопримечательности Львова, видимо, заимствованные из готовившегося еще в 1913 г. путеводителя по Галиции). Сопровождавший эти фотографии текст повторял слова официальной пропаганды: «То, о чем грезили целые поколения русских людей, что год назад показалось бы сказкой, сном — наяву совершается на наших глазах»¹². Тема «возвращения Галиции» оставалась на страницах журнала «Искры» вплоть до конца 1914 г. Вторым «победоносным» сюжетом для иллюстрированной прессы в 1914 г. стало вступление русских войск в Восточную Пруссию. Наряду с этим большое внимание иллюстрированная пресса уделяла пространствам Сербии, Бельгии и Франции.

В целом можно видеть, что тот образ войны, который формировала российская иллюстрированная пресса, представлял собой совокупность мифологем, соответствовавших определенным идеологическим конструкциям и скорее имитировавших действительность фронта, чем иллюстрировавших ее.

- ¹ Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.; Л., 1929. С. 8. Впрочем, отождествление Вильгельма II с апокалиптическим зверем вошло и в популярный русский лубок.
- ² Фёрстер С. Тотальная война: концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861—1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск, 2007. С. 15.
- ³ Холквист П. Российская катастрофа (1914—1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война: материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 95.
- ⁴ Domansky E. Militarization and Reproduction in World War One Germany // Society, Culture and State in Germany, 1870—1930 / ed. by E. Geoff. Ann Arbor, Mich., 1996. P. 430.
- ⁵ Холквист П. «Осведомление — это альфа и омега нашей работы»: надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: веки историографии последних лет. Советский период: антология. Самара, 2001. С. 67.
- ⁶ См.: Davis B. Experience, Identity, and Memory: The Legacy of World War I // Journal of Modern History. 2003. Vol. 75, N 1. P. 111—131.
- ⁷ О самооблилизации, основанной на националистической идее, см.: Geyer M. The Stigma of Violence, Nationalism and War in Twentieth-Century Germany // German Studies Review. 1992, Winter. Vol. 15, Special issue: German Identity. P. 84—85.
- ⁸ Холквист П. Российская катастрофа (1914—1921) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения». С. 84.
- ⁹ Байрау Д.: 1) Механизмы самооблилизации и пропаганда в годы Второй мировой войны // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 25; 2) Пропаганда как механизм самооблилизации // Российская история. 2008. № 1. С. 91.
- ¹⁰ Сеньявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 137.
- ¹¹ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. С. 3.
- ¹² Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000. С. 159.
- ¹³ Волковский Н.Л. История информационных войн: [в 2 ч.]. СПб., 2003. Ч. 2.
- ¹⁴ Сеньявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 71.

- ¹⁵ *Эйдук Д.В.* «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914—1915 гг.: по материалам газеты «Утро России»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008; *Акопов А.А.* Формирование образа врага на страницах газеты «Северокавказский край» в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2008; *Гужва Д.Г.* Российская военная периодическая печать в годы первой мировой войны 1914—1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
- ¹⁶ *Смирнова А.М.* Столичная интеллигенция в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000; *Тутолмин С.Н.* Политическая культура российских крестьян в 1914 — начале 1917 гг.: по жалобам и прошениям в органы государственной власти: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003; *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004; *Терешина Е.П.* Отношение населения Поволжья к Первой мировой войне (по материалам периодической печати 1914—1917 гг.). Набережные Челны, 2009; *Крайкин В.В.* Первая мировая война в восприятии крестьян: по материалам Орловской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2009; *Семенова Е.Ю.* Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 — начало 1918 гг.): сб. док. и материалов. Самара, 2011; и др.
- ¹⁷ *Поршнева О.С.* «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // *Российская история*. 2010. № 2. С. 185—200.
- ¹⁸ *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой Мировой войны. М., 2010. С. 22—25 и др.
- ¹⁹ См. статьи в сборниках: *Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии*: сб. ст. Челябинск, 2004; *Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы: материалы междунар. интернет-семинара*. М., 2005; *Опыт мировых войн в истории России*: сб. ст. Челябинск, 2007; *Оче-видная история: проблемы визуальной истории России XX столетия*: сб. ст. Челябинск, 2008; *Слухи в России XIX—XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории*: сб. ст. Челябинск, 2011.
- ²⁰ *Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы*. С. 32.
- ²¹ *Мировые войны XX века*: в 4 кн. М., 2002. Кн. 1: *Первая мировая война*: ист. очерк. С. 16.
- ²² См.: *Ласвель Г.* Указ. соч.
- ²³ *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. Изд. 4-е. [М.], 1946. С. 70—71.
- ²⁴ См., напр.: *Искры*. М., 1914. № 28 (20 июля). С. 222, 224.
- ²⁵ *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века ... С. 63.
- ²⁶ См., напр.: *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны. С. 74; *Волковский Н.Л.* Указ. соч. Ч. 2.
- ²⁷ *Гужва Д.Г.* Правовая основа деятельности российской военной периодической печати в 1914—1918 гг. // *Военно-исторический журнал*. 2009. № 10. С. 66.
- ²⁸ *Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате*. 1914. Отд. I. № 192. 20.07. Ст. 2057.
- ²⁹ *Оболенская С.В.* Указ. соч. С. 167.
- ³⁰ *Врангель Н.* Дни скорби: дневник 1914—1915 гг. СПб., 2001. С. 34.
- ³¹ *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке, 1914—1915. Минск, 2003. С. 135.
- ³² Там же. С. 177.
- ³³ *Врангель Н.* Указ. соч. С. 43.
- ³⁴ *Колоницкий Б.И.* Указ. соч. С. 22—25.
- ³⁵ *Волковский Н.Л.* Указ. соч. Ч. 2. С. 20—21.
- ³⁶ *Купцова И.В.* «Совестно быть на войне человеку постороннему, не имеющему в пребывании там необходимости» // *Военно-исторический журнал*. 2004. № 9. С. 29.
- ³⁷ *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)*. Ф. 13159. Оп. 4. Д. 1016. Л. 5, 24.
- ³⁸ *Колоницкий Б.И.* Указ. соч. С. 22.
- ³⁹ *Волковский Н.Л.* Указ. соч. Ч. 2. С. 22.
- ⁴⁰ *Гужва Д.Г.* Военная периодическая печать русской армии в годы Первой мировой войны 1914—1918 гг. Новосибирск, 2009. С. 51—55.
- ⁴¹ *Волковский Н.Л.* Указ. соч. С. 107.
- ⁴² *Врангель Н.* Указ. соч. С. 60.
- ⁴³ *Гужва Д.Г.* Военная периодическая печать русской армии в годы Первой мировой войны. С. 3, 40.
- ⁴⁴ *Врангель Н.* Указ. соч. С. 69.
- ⁴⁵ *Армейский вестник*. 1914. № 1—3.
- ⁴⁶ Подсчитано по: *Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М.* Библиография периодических изданий России, 1901—1916. Л., 1961. Т. 4.
- ⁴⁷ *Оболенская С.В.* Указ. соч. С. 162.

- ⁴⁸ *Jahn H.F.* Patriotic culture in Russia during World War I. Ithaca, 1995; *Ян Х.Ф.* Русские рабочие, патриотизм и первая мировая война // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций, 1861 — февраль 1917. СПб., 1997. С. 379—396; *Старцев В.И.* Почтовая открытка как средство идеологической обработки населения в начале Первой мировой войны // Первая мировая война: история и психология: материалы Рос. науч. конф., 29—30 нояб. 1999 г. СПб., 1999. С. 96—100; *Ковтун Е.Ф.* Издательство «Сегодняшний лубок» (Москва, 1914) // Страницы истории отечественного искусства. СПб., 1993. Вып. 2: Вторая половина XIX — начало XX века. С. 82—85; *Купцова И.В.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 г.). СПб., 2004; *Нащокина М.В.* Художественная открытка русского модерна. М., 2004; *Родионова Л.В.* Историко-книговедческие аспекты изучения русского лубка Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Никитина М.С.* Сатирическая графика Первой мировой войны в коллекции ГЦМСИР. Основные стилистические направления // Научные труды / ГЦМСИР. М., 2008. Вып. II: История России второй половины XIX — начала XXI вв. в экспозиции и коллекциях Государственного центрального музея современной истории России. С. 147—153; *Семенова Е.Ю.* Периодическая печать и цензура в годы Первой мировой войны как фактор формирования менталитета российского общества: (по материалам Поволжских губерний) // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2008. Т. 10, № 1. С. 71—85; и др.
- ⁴⁹ Пропагандистская деятельность Скобелевского комитета, по мнению Х. Яна, является прямой аналогией деятельности немецкой киноиндустрии, организованной для тех же целей Э. Людендорфом. См.: *Jahn H.F.* Op. cit. P. 151—169.
- ⁵⁰ *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века ... С. 66.
- ⁵¹ *Veitrau D.* Der Erste Weltkrieg als Bewährungsprobe. Bolschewistische Lernprozesse aus dem «imperialistischen» Krieg // Journal of modern European history. 2003. N 1. S. 100—101.
- ⁵² *Ян Х.Ф.* Русские рабочие, патриотизм и первая мировая война. С. 392.
- ⁵³ *Его же.* Патриотический Петроград: культурная жизнь и массовые развлечения во время Первой мировой войны // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск, 2007. С. 391.
- ⁵⁴ По мнению Б. Дэвис, Первая мировая война бросила вызов сложившимся представлениям о природе и самом существовании национальных идентичностей, поскольку попытка правительств западноевропейских стран создать их с помощью войны потерпела поражение. См.: *Davis B.* Op. cit. P. 111—131.
- ⁵⁵ *Байрау Д.* Механизмы самооблиизации и пропаганда в годы Второй мировой войны. С. 25.
- ⁵⁶ Там же. С. 25—26.
- ⁵⁷ См.: *Gries R.* Propagandageschichte als Kulturgeschichte. Methodische Erwartungen und Erfahrungen // Deutschland Archiv. 2000. 33, 4. S. 558—570.
- ⁵⁸ Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. С. 32.
- ⁵⁹ См. о понятии «Великая Отечественная война»: *Байрау Д.* Механизмы самооблиизации и пропаганда в годы Второй мировой войны. С. 29.
- ⁶⁰ Искры. М., 1914. № 32 (17 авг.). С. 254.
- ⁶¹ Нива. Пг., 1914. № 35 (30 авг.). С. 696.
- ⁶² Искры. М., 1914. № 32 (17 авг.). С. 254; Нива. Пг., 1914. № 33 (16 авг.). С. 649; № 35 (30 авг.). С. 687—689.
- ⁶³ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: [В 5 т.]. Париж, 1921. Т. 1, вып. 1: Крушение власти и армии, февраль — сентябрь 1917. С. 19; *Миллюков П.Н.* Воспоминания (1859—1917): в 2 т. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 184.
- ⁶⁴ *Оболенская С.В.* Указ. соч. С. 157.
- ⁶⁵ *Волковский Н.Л.* Указ. соч. С. 73.
- ⁶⁶ См.: Искры. М., 1914. № 31 (10 авг.). С. 247.
- ⁶⁷ Там же. № 33 (24 авг.).
- ⁶⁸ Там же. № 36 (14 сент.). С. 282; Нива. Пг., 1914. № 40 (4 окт.). С. 763—765; № 42 (18 окт.). С. 801. См. подробнее: *Хеллман Б.* Реймский собор разрушен!: об одном мотиве в русской литературе времен Первой мировой войны // *Хеллман Б.* Встречи и столкновения: статьи по русской литературе. Хельсинки, 2009. С. 30—42.
- ⁶⁹ Искры. М., 1914. № 35 (7 окт.). С. 274.
- ⁷⁰ Там же. № 41 (19 окт.). С. 322.
- ⁷¹ Нива. Пг., 1914. № 38 (20 сент.). С. 731; № 39 (27 сент.). С. 751; № 41 (11 окт.). С. 790.
- ⁷² См.: *Орлова Г.* «Воочию видим»: фотография и советский проект в эпоху их технической воспроизводимости // Советская власть и медиа. СПб., 2006. С. 188.
- ⁷³ См. о подходах к анализу фотографии как визуального исторического источника и специфического носителя визуальной информации: *Нарский И.В.* Проблемы и возможности исторической интерпретации семейной фотографии: (на примере детской фотографии 1966 г. из г. Горького) //

- Оче-видная история: проблемы визуальной истории России XX столетия: сб. ст. Челябинск, 2008. С. 56—64.
- ⁷⁴ Зонтаг С. Взгляд на фотографию // Мир фотографии. М., 1989. С. 219.
- ⁷⁵ Гройс Б. Фотография в контексте текста // Советская власть и медиа. СПб., 2006. С. 219.
- ⁷⁶ Нагорная О.С. Воспоминания о плене Первой мировой войны как объект политики памяти и средство групповой идентификации // Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы: материалы междунар. интернет-семинара. М., 2005. С. 47.
- ⁷⁷ Цит. по: Байрау Д. Понятие и опыт тотальной войны: (на примере Советского Союза) // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск, 2007. С. 29—30.
- ⁷⁸ Искры. М., 1914. № 32 (17 авг.). С. 254; Нива. Пг., 1914. № 33 (16 авг.). С. 649; № 35 (30 авг.). С. 696; Искры. М., 1914. № 35 (7 сент.). С. 275; и др.
- ⁷⁹ Оболенская С.В. Указ. соч. С. 167.
- ⁸⁰ Напр.: Искры. М., 1915. № 2 (11 янв.). С. 9.
- ⁸¹ См. подробнее: Рябов О.В. Поляки и русские в идентификационных стратегиях российской пропаганды Первой мировой войны // *Dusza polska i rosyjska. Spojrzzenie współczesne / pod red. A. de Lazari, R. Bäckera. Łódź, 2003. S. 191—208.*
- ⁸² Искры. М., 1914. № 34 (31 авг.). С. 271; № 42 (26 окт.). С. 331 (группа детей-сборщиков сл. Николаевской Астраханской губернии).
- ⁸³ Там же. № 39 (5 окт.). С. 311.
- ⁸⁴ Там же. № 41 (19 окт.). С. 327.
- ⁸⁵ Там же. № 43 (2 нояб.). С. 342.
- ⁸⁶ Там же. № 45 (16 нояб.). С. 355.
- ⁸⁷ Оболенская С.В. Указ. соч. С. 169.
- ⁸⁸ Байрау Д. Понятие и опыт тотальной войны: (на примере Советского Союза). С. 31.
- ⁸⁹ Напр.: Летопись войны 1914 года. Пг., 1914. № 1; Великая война в образах и картинах. М., 1914. [Вып. 1].
- ⁹⁰ Искры. М., 1914. № 37 (21 сент.). С. 295.
- ⁹¹ Виньетки, рисунки с гусарами и уланами и пр. См.: Лукоморье. Пг., 1914. № 18 (12 сент.). С. 1, 3.
- ⁹² Напр.: Война: обозрения, пародии и карикатуры на злобу дня. Харьков, 1914. № 1 (сент.). С. 4; Осколки. Пг., 1914. № 44 (1 нояб.); и др.
- ⁹³ Иллюстрированное приложение к газете «Новое время». СПб., 1914. 9 авг. (№ 13796). С. 8.
- ⁹⁴ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века ... С. 68.
- ⁹⁵ См., напр.: Кривое зеркало. М., 1914. № 3, 9; Шут: художественный журнал с карикатурами. Пг., 1914. № 32, 34, 35. Юмористические: Пулемет. Пг., 1915. № 3, 5, 6; Будильник. М., 1914. № 29—31; и др.
- ⁹⁶ Напр.: Искры. М., 1914. № 29 (27 июня); № 32 (17 авг.). С. 254; Нива. Пг., 1914. № 35 (30 авг.). С. 688—689; Великая война в образах и картинах. М., 1914. [Вып. 1—2]; и др.
- ⁹⁷ См.: Рябов О.В. Указ. соч. С. 196; *Jahn H.* Op. cit. P. 24.
- ⁹⁸ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века ... С. 69.
- ⁹⁹ Оболенская С.В. Указ. соч. С. 174.
- ¹⁰⁰ Война и Костромская деревня: (по данным анкеты Стат. отд-ния). Кострома, 1915. С. 26, 75.
- ¹⁰¹ Напр., мотив «тюрьма плачет о многих “героях тыла”»: Будильник. М., 1916. № 2, 5, 6; и др.
- ¹⁰² Фёрстер С. Указ. соч. С. 14.
- ¹⁰³ Нива. СПб., 1914. № 32 (9 авг.). С. 640; и т.п.
- ¹⁰⁴ Искры. М., 1914. № 38 (28 сент.). С. 299; М., 1915. № 2 (11 янв.). С. 10; и др.
- ¹⁰⁵ Там же. М., 1915. № 1 (4 янв.). С. 6.
- ¹⁰⁶ Нагорная О.С. Указ. соч. С. 47.
- ¹⁰⁷ Искры. М., 1914. № 31 (10 авг.). С. 247.
- ¹⁰⁸ Там же. № 49 (14 дек.). С. 390.
- ¹⁰⁹ На полях Галиции // Искры. М., 1914. № 39 (5 окт.). С. 308; В Галиции // Там же. № 40 (12 окт.). С. 316—317 (указывалось, что это фотографии корреспондентов журнала — «добровольца-автомобилиста К.Б. Бердникова»).
- ¹¹⁰ Искры. М., 1914. № 45 (16 нояб.). С. 356—357.
- ¹¹¹ Там же. М., 1915. № 1 (4 янв.). С. 3.
- ¹¹² Там же. М., 1914. № 34 (31 авг.). С. 265—266.

*А.В. Венков** (Ростов-на-Дону)

Подвиг Козьмы Крючкова: пропаганда и факты

Первая мировая война, как и все войны, породила своих героев и свою мифологию. В советский период происходила дегероизация Первой мировой войны, которая, как только началась, была в России объявлена «Второй Отечественной» и вызвала временный всплеск патриотизма. Многие реальные факты героизма русских солдат и офицеров замалчивались или подменялись мифами, причем одновременно происходила героизация бойцов Красной армии времен Гражданской войны. В постсоветский период интерес к событиям Первой мировой войны вырос. Идет процесс восстановления реальной картины боевой жизни русской армии в 1914—1918 гг., и в данном контексте важно освободиться от созданной ранее мифологии. Цель данной статьи — реконструкция по первоисточнику одного из первых подвигов русских солдат в первые дни войны, масштабно «раскрученного» средствами массовой информации того периода. Речь идет о подвиге донского казака Козьмы Крючкова.

В войну казаки вступили, находясь на вершине своей боеспособности. Войско Донское выставило на фронт около 115 тыс. казаков. В ходе Первой мировой войны 193 донских офицера и более 37 000 рядовых казаков были награждены орденом Св. Георгия, Георгиевским оружием, Георгиевскими крестами и медалями — высшими знаками воинской доблести и славы.

Участвуя практически во всех важнейших сражениях в годы Великой войны, донские казачьи части понесли незначительные потери: в этом сказалась хорошая профессиональная подготовка казаков и их офицеров, которые и врага били, и своих голов напрасно не подставляли. Убиты в боях были 182 офицера и 3444 казака (3% всех призванных), ранены и контужены 777 офицеров и 11 898 казаков, без вести пропали 54 офицера и 2453 казака, попали в плен 32 офицера и 132 казака. Такого низкого процента боевых потерь не знал ни один другой род войск русской армии¹. Донской казак и стал первым Георгиевским кавалером той Великой войны.

Родившийся в 1888 г. Козьма Фирсович Крючков был казаком с хутора Нижне-Калмыкова Усть-Хоперской станицы. Он происходил из староверов и был приказным 3-го Донского казачьего полка. Подвиг его прогремел на всю Россию. Описаний этого события в брошюрах пропагандистского толка было много, а в книге «Старые Вёшки» В.Н. Королев суммировал все версии боя, прославившего Козьму Крючкова и других донских казаков². Картина получилась примерно следующая. Перед нашим наступлением в Восточной Пруссии в конце июля 1914 г. казачий пост (4 казака) напал на немецкий разъезд из 27 всадников и начал его преследовать. Немцы отступали, вступая в перестрелки, а затем, выбрав момент, атаковали казаков, но те встретили их огнем, убили офицера, успели сесть на

* *Венков Андрей Вадимович* — доктор исторических наук, Южный научный центр РАН, председатель Южного отделения Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций.

коней и отбили атаку, отбиваясь от врага шашками и винтовками. В результате казаки перебили почти всех немцев, из которых уцелели лишь пятеро, причем двое были ранены. Крючков убил 11 человек и, будучи 16 раз ранен, получил еще 11 ран «в лошадь». Командующий армией навесил раненого, снял со своей груди георгиевскую ленточку и навесил ее Крючкову.

Кое-кто усмотрел во всем этом обычный пропагандистский трюк, но уже после войны в печати появились совершенно противоположные сведения о подвиге Крюčkова. Описывая начало Первой мировой войны, офицер 27-й пехотной дивизии К.М. Адариди сообщил, что их дивизия до перехода границы 3 августа 1914 г. стояла в местечке Симно. Ей были приданы сотня пограничников и полусотня донских казаков, посланных командиром 105-го Оренбургского полка охранять границу. С немецкой стороны к границе подходили разъезды 10-го конно-егерского полка, но они были прогнаны казаками. Потери немцев — 1 убитый, потери казаков — 1 раненый. В результате появился наш первый георгиевский кавалер (Крест 4-й степени) Козьма Крючков³.

Объективной информации о подвиге Крюčkова можно было ожидать от автора четырехтомной «Истории казаков» А.А. Гордеева⁴. Автор — земляк и почти ровесник Крюčkова — в 1914 г. закончил Виленское военное училище и принимал непосредственное участие в Первой мировой, а затем в Гражданской войнах, но в своем четырехтомнике о Крюčkове даже не упомянул, хотя во время Гражданской войны они служили в одном полку.

Очередной всплеск внимания к подвигу Козьмы Крюčkова совпал с началом процесса возрождения российского казачества и поиском его новых идеалов уже в постсоветский период. И хотя специальных работ, посвященных этому герою, не было, но о нем постоянно упоминалось в исследованиях, посвященных участию казаков в Первой мировой войне. Первыми появились работы Г.Л. Воскобойникова⁵ и Н.В. Рыжковой⁶, причем она ссылаясь на брошюру «Неустршимый герой донской казак Кузьма Крючков и его славные победы над врагами, как он один убил одиннадцать немцев» (Ростов н/Д: А. Морозов, 1914). Позже, в 2003 г. Рыжкова писала в своей книге о подвигах донских казаков в войнах России начала XX в., что Крючков «буквально в считанные дни превратился в подлинного национального героя России», отметив: «Мы... не находим достоверных и полноценных оснований оспаривать давно утвердившуюся оценку подвига донского казака Козьмы Крюčkова»⁷.

В.П. Трут в более поздней работе, посвященной казачьим войскам России в период войн и революций начала XX в., тоже привел факт боя 3 августа 1914 г.⁸, но все же автор отметил разноречивость версий его описания и дал этому свое объяснение: «Этот боевой эпизод нашел отражение в официальных изданиях того времени и в эпопее М.А. Шолохова “Тихий Дон”, в работах историков В.Н. Королева и Г.Л. Воскобойникова, литературного краеведа Г.Л. Сивоволова и в других изданиях. При этом необходимо отметить, что на освещении этого боя непосредственно сказался целый ряд таких отрицательных факторов, как поднятая еще в то время газетная шумиха, в результате которой даже появились быстро ставшие очень популярными папиросы с портретом К.Ф. Крюčkова на коробке, неумное сочинительство непорядочных репортеров, публикации правительственных официозов и наспех сочиненных патетических стихотворений на эту тему и даже совершенно некритический подход к описанию данного боя М.А. Шолоховым и более поздние, довольно разноречивые пересказы историков,

краеведов и литераторов. В результате в настоящее время существует по крайней мере четыре разные версии изложения этого события»⁹. В приложениях к своей работе В.П. Трут приводил версии Г.Л. Воскобойникова, Г.Я. Сиволова¹⁰, а также Г.В. Губарева и А.И. Скрылова в «Казачьем словаре-справочнике»¹¹.

В 2007 г. было опубликовано официальное донесение командира сотни, в которой служил К. Крючков, о происшедшем бое. В донесении говорилось, что в столкновении убиты 5 немцев и 1 немецкая лошадь¹². Однако эта публикация прошла незамеченной для исследователей.

Воскобойников, будучи профессиональным военным, прекрасно понимал, что такое количество врагов можно убить, только преследуя бегущих, но никак не в бою лицом к лицу, и написал, что казаки в пешем строю отбили атаку немцев, а затем бросились их преследовать и рубить. Сиволов просто некритически пересказал эпизод романа «Тихий Дон», а Губарев и Скрылов, сами казаки, акцентировали внимание на том, что казаки были окружены немцами, но пробились и, будучи ранены, ускакали от врага. «Наиболее полно и объективно, — считает Трут, — о подвиге четырех донских казаков рассказано в работе В.Н. Королева, положившего в основу письменные свидетельства самого К.Ф. Крюčkова»¹³. К одному из таких свидетельств и обратимся.

Из бумаг, написанных рукой самого Крюčkова и доступных Королеву, в фонде 55 (фонд директора Донского музея Х.И. Попова) Государственного архива Ростовской области сохранилось лишь письмо, в котором наш герой предлагал музею приобрести его лошадь, чтобы потом сделать из нее чучело. Но то, что Крючков сам, будучи грамотным, описывал свой подвиг, бесспорно. 27 августа 1914 г. газета «Приазовский край» опубликовала «Рассказ Кузьмы Крюčkова», пояснив, что старший врач лазарета, где тот лечился, прислал в газету собственноручно написанный им рассказ о своем подвиге¹⁴. Донской официоз «Донские областные ведомости» рассказ этот, однако, не перепечатал, да и вообще о подвиге Крюčkова сообщал очень скупо, видимо, потому, что основным его читателем были люди, разбирающиеся в военном деле. При этом более поздние рассказы Крюčkова о том бое во многом отличались от первого, но именно это, первое сообщение самого героя имеет, на наш взгляд, особое значение.

В своем рассказе Крючков приводит перечень казаков, стоявших на посту. Из Усть-Хоперской станицы там были Козьма Фирсович Крючков (хутор Нижне-Калмыков), Иван Никанорович Щегольков (хутор Астахов), Василий Александрович Астахов, Георгий Рвачев (хутор Рубашкин) и Михаил Павлович Иванков из Вешенской станицы (хутор Каргин). Старшим на посту был В.А. Астахов. 30 июля сотня держала посты «над границей». В ночь с 29 на 30 июля местный стражник сообщил казакам, что крестьяне видели, как в трех верстах от местечка прошел шпион. Видимо, это был чужой, не известный крестьянам человек. «Казаки, услышав про шпионов, всю ночь осторожно стояли на посту и все не спали. На утро 30 июля наварили себе картошки, только что поели, Крючков лег соснуть, Астахов смотрел за неприятелем, а Щегольков и Иванков ходили лошадям за сеном... Прибегают к казаку Астахову с поля крестьяне и говорят, что на западе, на лугу 27 немецких всадников, спешенные, водят на поводу лошадей и скрываются во рвах. Астахов послал за Щегольковым и Иванковым, чтобы скорей бежали будить Крюčkова. “Вставай скорей, что мы будем делать, 27 немцев водят лошадей по лугу”. Крючков встал и, взяв бинокль, посмотрел: они уже посадились и стали скрываться через гору. Он сказал,

чтоб седлали скорей лошадей, и, оседлав, поскакали вслед за ними, а Рвачев увез донесение о появлении неприятеля в 27 человек».

Как это ни печально, врага казаки проспали, причем это относится к самому Крючкову, да и дисциплины на посту не было, так что лишь чудо спасло донцов. Читаем дальше: «Поскакали туда, где они (немцы. — *А.В.*) появились, но они с тылу прошли над речкой на юг, казаки повернули, Крючков, Иванков и пограничной стражи солдат погнались за ними вслед, а Астахов, Щегольков и один солдат-ординарец пошли к ним наперед. Крючков, Иванков и пограничник нагнали их на болоте, но они не пошли, а повернули от болота на казаков в атаку, казаки спешили и стали по ним стрелять, они отступили и пошли дальше. Казаки посадились и пошли за ними в догоню, нашли казаков Щеголькова и Астахова и вчетвером погнались за немцами, а пограничник и ординарец вернулись».

Наконец наступила развязка: «Заметив их (немцев. — *А.В.*) близко на лугу, казаки спешили и стали стрелять по ним, но они, заметив, что казаков четыре человека, бросились на них в атаку; тогда казаки сели на лошадей и стали сражаться с ними в рукопашный бой». Далее Крючков описывает, как лично он с винтовкой в руках дрался с немцами. «Унтер-офицер выхватил палаш и хотел срубить Крюčkова, но он винтовкой от него отмахнулся. Немец захватил у Крюčkова три пальца у правой руки, в которой он держал винтовку, но пальцев не отрубил, Крючков винтовку бросил, выхватил свой палаш и рубанул унтера по каске, но не прорубил, каска согнулась, он его рубанул по спине, не прорубил. Когда немец стал уходить, Крючков рубанул его по шее, и он упал с лошади. Остальные 9 человек колют Крюčkова, он, не достав их рубить палашом, вырвал у них пику и стал от них отбиваться и колоть их». При этом обращает на себя внимание тот факт, что Крючков, отбившись от товарищей, по его собственным словам, дрался уже один против 9 врагов, и закончился бой несколько неожиданно и очень быстро: «Тут их всех перекололи и поскакали на перевязку в город».

Крючков вместе с казаком Щеголькова «проскакали 6 верст. Крючков не мог править лошадей и не мог сидеть на ней, поднялась у него колоть, и стала кружиться голова. Выехали они на большую дорогу. Ехал крестьянин, они слезли с лошадей, сели к нему на телегу и доехали в город на перевязку. На перевязке оказалось у Крюčkова 16 ран пикой и уруб на трех пальцах, у Щеголькова 2 раны пикой, у Иванкова 3 раны пикой и у Астахова 1 рана пикой. У Крюčkова коня ранили и дали уколы пикой 11 ран, у Щеголькова 4 раны, у Иванкова коня укол пикой 10 ран».

По словам самого Крюčkова, из 27 немцев, с которыми он и его товарищи вступили в бой, в живых остались только пятеро, причем двое были ранены. Казаки же все выздоровели и вновь вступили в бой. Здесь Крючков либо придумывает, либо пересказывает чью-то версию. В самом деле, как израненный и торопящийся на перевязку Крючков мог рассмотреть среди 22 якобы трупов двоих раненых?

Финалом этого эпизода было награждение Крюčkова командующим армией Ренненкампом, лично снявшим со своего мундира георгиевскую ленточку и прикрепившим ее к гимнастерке героя-казака. Крючков провоевал в составе российской армии всю Первую мировую войну, затем оказался в Белой (Донской) армии, дослужился там до чина сотника и погиб в сентябре 1919 г. в бою с большевиками.

Все вышеизложенное ни в коей мере не ставит под сомнение героизм донских казаков в годы Первой мировой войны. Их боевые подвиги зарегистрированы бес-

пристрастной статистикой. Что касается рассмотренного в статье боестолкновения, то, даже отбросив неестественно большие потери противника (выходит, что за каждую рану, полученную его лошадью, Крючков убил по немцу), получим на основании первоисточника следующую картину. Казаки не побоялись преследовать численно во много раз превосходившего их противника и навязать ему неравный бой. Они сошлись с ним врукопашную и нанесли врагу немалый урон, застрелив вдобавок немецкого офицера. При этом сами казаки не потеряли ни одного человека. И не их вина, что этот поступок, действительно продемонстрировавший храбрость и высокие боевые качества донских казаков, официальная пропаганда раздула и превратила в миф Первой мировой войны.

- ¹ Рыжкова Н.В. Донские казаки в войнах России начала XX века. Ростов н/Д, 2003. С. 223.
- ² Королев В.Н. Старые Вёшки: повествование о казаках. Ростов н/Д, 1991.
- ³ Военная быль. 1964. № 23. С. 9.
- ⁴ Гордеев А.А. История казаков. М., 1991—1993. Т. 1—4.
- ⁵ Воскобойников Г.Л. Казачество в Первой мировой войне, 1914—1918. М., 1994.
- ⁶ Рыжкова Н.В. За веру, Отечество и други своя: донские казаки в Великой войне 1914—1917 гг. Ростов н/Д, 1998.
- ⁷ Рыжкова Н.В. Донские казаки в войнах России ... С. 62.
- ⁸ Трут В.П. Дорогой славы и утрат: казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. С. 148.
- ⁹ Там же. С. 147.
- ¹⁰ Сивоволов Г.Я. «Тихий Дон»: рассказы о прототипах. Ростов н/Д, 1991.
- ¹¹ Казачий словарь-справочник. Сан-Ансельмо, 1966—1970. Т. 1—3.
- ¹² Покровский А., Бирюков С. История 3-го Донского казачьего Ермака Тимофеевича полка. СПб., 2007. С. 149—151.
- ¹³ Трут В.П. Указ. соч. С. 147.
- ¹⁴ Рассказ Козьмы Крючкова // Приазовский край. 1914. 27 авг.

Н.П. Фомичева (Самара)*

Война 1914—1918 гг. в судьбе самарского либерала

Первая мировая война глубоко затронула все слои российского общества, не исключая либеральную интеллигенцию. Война существенно изменила ее психологию, привела к переосмыслению и переоценке ценностей. При этом самой интеллигенции принадлежала немалая роль в формировании настроений и самосознания общества.

Закономерно, что проблема «война и интеллигенция» привлекает особое внимание современных исследователей, которые анализировали место и роль российской интеллигенции в политической жизни России с конца XIX в. до 1917 г., ее творческий вклад в научную и культурную жизнь общества, в том числе и в период мировой войны, освещали происходившие в интеллигентских слоях эволюцию взглядов и поведения интеллигенции в условиях военного времени, ее деятельность в военные годы как в центре, так и в регионах¹. Среди региональных исследований, посвященных интеллигенции Поволжья и непосредственно Самары в рассматриваемый период, представляют интерес работы Е.Ю. Семеново². Свое внимание она, однако, сосредоточила на культурной и просветительской деятельности, хотя активность либеральных интеллигентских кругов была значительно шире. И об этом свидетельствует судьба А.Г. Ёлшина, чьи документы сохранились в Центральном государственном архиве Самарской области.

В его фонде имеются как материалы, связанные с профессиональной деятельностью, так и с участием в жизни конституционно-демократической партии и различных общественных организаций. Наряду с отрывочными записями дневникового характера о семейных делах в нем обнаруживаются воспоминания о начале войны, черновики и тезисы выступлений, обращения, письма, записи о поездках по судебным и партийным делам в волжские города, в Петербург (Петроград) и Москву, о встречах с политиками, военными, дипломатами, известными общественными деятелями того периода. Этот комплекс позволяет понять глубину воздействия войны и порожденных ею революционных катаклизмов на либеральную интеллигенцию российской провинции, типичным представителем которой являлся Ёлшин, и позволяет понять происходившие в ее умонастроениях изменения и ее место в этих переломных событиях российской истории. Материалы фонда не только отражают деятельность и взгляды человека, стоявшего на позициях конституционно-демократической партии, но и представляют интерес как свидетельство жизни самарцев в годы Первой мировой войны и катастрофических внутренних потрясений в России.

В самарской печати 1990-х годов на основе документов фонда Ёлшина появлялся ряд публикаций³, но они были связаны преимущественно с изучением истории краеведческих обществ, конституционно-демократической партии и масонства. В 2011 г. вышла работа Е.Е. Шеремеева об А.К. Клафтоне, в которой также использован архив

* *Фомичёва Наталия Петровна* — главный библиограф, Самарская областная универсальная научная библиотека.

Ёлшина⁴, но при этом он сам, его жизнь, общественная и политическая деятельность оказались вне активного внимания исследователей.

Александр Григорьевич Ёлшин родился 9 сентября 1878 г. в семье старшего помощника правителя канцелярии самарского губернатора Григория Тимофеевича Ёлшина. О его детских годах, обучении в гимназии и Петербургском университете сведения не обнаружены. В 1905 г. после окончания университета он работал помощником присяжного поверенного Самарского окружного суда⁵, в 1909 г. — присяжным поверенным⁶.

На формирование взглядов молодого адвоката решающее влияние оказала общественно-политическая обстановка в России начала XX в., особенно события Первой русской революции 1905—1907 гг. Среди многочисленных кружков Самары того времени действовал частный кружок политических знаний, целью которого было развитие политического сознания в широких народных кругах. Членами этого кружка были известные самарцы: адвокат, гласный городской думы А.Н. Хардин, выпускник Самарской духовной семинарии и Дерптского университета Н.К. Пиксанов, преподававший на Бестужевских курсах, секретарь губернского акцизного управления, а впоследствии депутат IV Государственной думы Н.А. Гладыш. В состав кружка вошел и помощник присяжного поверенного Ёлшин. При кружке была организована частная библиотека, причем книги приобретались на средства, собранные кружком, и жертвовались или давались на время частными лицами. Был составлен сводный список книжных новинок 1904—1905 гг., а затем было решено издавать отдельные списки книг и брошюр по различным темам. В 1906 г. в библиотеке насчитывалось свыше 300 наименований, и количество читателей в ней постоянно росло⁷.

В октябре 1905 г. в Самаре по инициативе либеральных гласных городской думы и губернского земства был создан Комитет общественной безопасности, в который входили купцы и промышленники, приказчики и юристы, журналисты и чиновники, октябристы и кадеты, эсеры и социал-демократы, представители стачечных комитетов и разнообразных союзов⁸. Вместе с купцами А.Г. Курлиным, Н.Д. Батюшковым, М.С. Афанасьевым, журналистами А.К. Клафтоном, В.В. Ветровым, А.И. Матовым и секретарем губернского акцизного управления Н.А. Гладышем 19 октября Ёлшин вошел в руководящее ядро комитета⁹. Развернулась работа по организации местного отделения недавно образовавшейся партии конституционных демократов. Деятельный по натуре, мечтавший о справедливом устройстве общественной жизни Ёлшин принимал самое активное участие в его создании.

17 декабря 1905 г. самарские кадеты избрали временный комитет местного отделения партии из 12 человек во главе с А.Н. Хардиным, а секретарем губернского отделения стал Ёлшин. Впоследствии, в дни Февральской революции он напишет: «То было время первых шагов свободы и самостоятельности русского народа, так пышно расцветающих на наших глазах в настоящий момент». Чувство свободы продолжалось, однако, недолго: «Но скоро пришли большие разочарования. 1-я Дума распущена. Старая власть, без того обремененная тяжчайшими преступлениями против русского народа, взяла на себя новый грех — помешать естественному мирному росту России, в котором так настоятельно нуждалась страна... Монархия... кровавыми мерами остановила государственное строительство. Это было очевидное безумие, за которое страна поплатилась окончательным расстройством своей государственной жизни, а монархия — своим существованием»¹⁰. И уже в середине 1906 г. секретарь комитета Самарской губернской организации Партии народной свободы Ёлшин докладывал в ЦК: «К сожалению... не могу сообщить чего-либо утешительного о нашей партии в Самаре. Фактически ее нет, здесь она не проявляет себя ничем. Комитет

давно уже прекратил всякую деятельность, и даже собрать его невозможно; мои по- туги сделать это для ликвидации некоторых дел (например, долги) два раза не имели успеха»¹¹.

Жизнь организации замерла. До войны удалось провести всего два или три губер- нских совещания. Не только в уездах, но и в городах партийные группы себя ни- как не проявляли. Однако начавшийся мировой конфликт разбудил общественную жизнь провинции. В 1918 г. Ёлшин подробно описал свои впечатления о первом дне войны. Он вспомнил, как утром по дороге с дачи слышал о мобилизации лошадей, поэтому не ходила конка и ему пришлось идти в город пешком. В городе, на углу Алексеевской и Саратовской, продавали «Телеграммы» с указом о мобилизации. Он подумал, что и брату Николаю придется идти на войну, которая «свалилась на людей, как гром в ясную погоду, как неожиданная и внезапная катастрофа». Тогда еще все полагали, что война будет непродолжительной, 4—6 месяцев. И никто не предвидел, «как много потрясений придется пережить, какие ужасы ожидают нас и какую пусто- ту они внесут в наши души»¹².

На какое-то время война приглушила противоречия в российском обществе. Для многих начало войны стало временем национального единения и характеризовалось взлетом патриотизма, сравнимым с национальным подъемом 1812 г. Правительство получило поддержку людей разных взглядов и убеждений, создававших организации, призванные помочь правительству. В сентябре 1914 г. в самарских газетах было на- печатано воззвание Самарского управления Российского общества Красного Креста: «...Наше дорогое отечество вовлечено в войну.. Местное управление усиленно при- глашает добрых людей к пожертвованиям как денежным, так и материальным»¹³. Стали проводиться так называемые «Сербские дни», в которые был организован кру- жечный сбор средств в пользу Сербии. «Пусть мы не можем спасти Сербию от грозя- щей ей опасности. Но кто помешает нам уменьшить эту опасность — проведем сбор в помощь разоренной Сербии», — писала местная газета¹⁴.

Кадеты выступали за единство действий правительства и общества, предпринимали усилия к мобилизации людских и материальных ресурсов для ведения войны, прини- мали живое участие во всех ведомственных комиссиях по укреплению обороноспособ- ности страны. Когда были образованы Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов, в июле 1915 г. объединившиеся в Земгор, они вошли в руководящий со- став этой организации¹⁵. В Самаре были созданы областной комитет Союза городов и губернский комитет Земского союза. Их основной заботой стало открытие госпиталей и лазаретов. Ёлшин, который вошел в состав областного комитета Союза городов, стал заведующим госпиталя № 3 на 210 коек, который открылся 23 ноября 1914 г.

Описывая наблюдавшиеся в этот период в интеллигентской среде настроения, он вспоминал, что при существовании различных партийных «мировоззрений» и «догматов» значительная часть общества «...рвалась на работу, сознавая, что она фак- тически не может находиться вне этих событий, стоять за бортом жизни. И когда появились союзы — городской и земский, — а они явились очень скоро, — эта ин- теллигенция, государственно настроенная, бросилась в это дело. Стали появляться госпитали, патриоты стали собирать средства на шитье белья солдатам, открыва- лись продовольственные пункты...». Далеко не всегда при этом учитывались реаль- ные возможности. «И тут дело доходило даже до увлечений. Самарская городская Дума по предложению Чельшева* ассигновала 1 миллион, хотя было ясно, что город

* М.Д. Чельшев — бывший самарский городской голова и депутат III Государственной думы.

вследствие тяжелого финансового положения не сможет дать этих денег. И этот миллион так и остался красивым жестом, результатом порыва: он не был дан в действительности», — вспоминал Ёлшин¹⁶.

Но были и вполне конкретные дела. 13 сентября 1914 г. состоялось заседание Комитета помощи больным и раненым воинам под председательством городского головы С.Е. Пермякова, на котором, в частности, выступили кадеты П.П. Подбельский и Н.А. Гладыш¹⁷. Перед комитетом стояла задача объединения деятельности входящих в его состав городов по оказанию помощи, размещению и перевозке раненых и больных воинов. Комитет сосредоточил у себя сведения об устройстве госпиталей, лазаретов, бань, складов одежды, белья, изготовлении местными средствами материалов, оборудовании и содержании питательных пунктов, размещении выздоравливающих. Ёлшин начал активно сотрудничать с комитетом.

Неотложного решения требовали организация эвакуации раненых на пароходах, приобретение постельных принадлежностей, стирка белья. Начали с организации Благотворительного комитета, первой задачей которого явилось оборудование госпиталя и заготовка постельных принадлежностей для раненых. В Самаре был создан специальный отдел для перевозки раненых, заведование которым поручили гласному городской думы, представителю известной купеческой семьи К.Н. Неклютину¹⁸. Областной комитет Союза городов организовал обоз для перевозки раненых с вокзала по госпиталям. К этому делу был привлечен целый отряд велосипедистов, по системе жандармского полковника Познанского тяжелораненых перевозили на попарно соединенных велосипедах¹⁹. 25 января 1915 г. местная газета сообщила о том, что губернатор Н.В. Протасьев объявил благодарность группе велосипедистов-санитаров, которые в снежную метель 21 января с 2 часов дня до 1 часа ночи перевозили раненых в лазареты²⁰. По оценке посетившего Самару Верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца А.П. Ольденбургского, «город по своей энергичной деятельности относительно подготовки к санитарным требованиям военного времени может служить примером»²¹.

В январе 1915 г. в Самару направлялся эшелон с военнопленными турками. 17 января местная газета сообщила, что в Сызрани остановился эшелон с 1000 военнопленных, среди которых свирепствовала эпидемия возвратного тифа: «В первый день умерло около 40 пленных. Все пленные ужасно истощены и оборваны»²². Железнодорожники рассказывали, что военнопленные находятся в ужасном состоянии, многие из них умирали в пути от дизентерии и тифа. Самарская городская управа предложила направлять их в 3-й госпиталь, возглавляемый Ёлшиным. Первоначально тот воспротивился этому, поскольку его госпиталь профилировался как хирургический. И ему удалось убедить управу отказаться от своего намерения. Военнопленных решили разместить на бывшем Дунаевском заводе, где в заводских флигелях поставили койки и устлали полы соломой.

Приготовления еще не были закончены, когда прибыли первые партии военнопленных. Действительность оказалась ужаснее рассказов железнодорожников. Голодные, больные, многие с обмороженными конечностями, они представляли жалкое зрелище. Большинство было без теплой одежды, многие — без обуви, один турок был даже без панталон, в одной рубашке²³. Дунаевский госпиталь вскоре оказался переполненным и не готовым к содержанию заразных больных, а на станции стояли еще составы с больными турками. Поэтому военнопленных пришлось размещать в 15-м лазарете Земского союза, а потом и в 3-м госпитале. 22 января Ёлшин сам принимал их. По его распоряжению пленных напоили теплым молоком с калачами, а через один или два дня им была оказана медицинская помощь.

Прибытие в Самару военнопленных принесло с собой эпидемию сыпного тифа. По имеющимся данным, в госпиталях от тифа умерли 5 или 6 врачей, 11 фельдшеров и фельдшерлиц, 13 или 14 сестер милосердия и 75 человек низшего персонала. Говорили, что турок умерло не менее полутора тысяч²⁴. Заразился и чуть не умер и сам Ёлшин, но, оправившись, он вновь вернулся к госпитальной работе, продолжал лично принимать раненых, занимался заготовкой провизии на зиму, рубил капусту, покупал рождественские подарки, приглашал знакомых дам для участия в праздниках, которые устраивал для развлечения раненых²⁵. 1 декабря 1915 г. под его председательством в Самаре была образована комиссия по организации помощи увечным воинам.

В письме на фронт брату Николаю 5 октября 1915 г. Ёлшин описывал ситуацию в Самаре: «В Самаре, как и везде, масса хлопот: открываются госпитали, убежища для беженцев, оборудуются различные мастерские, заводы для военных надобностей. Но это подвигается не особенно быстро: сказывается отсутствие навыка к большому ответственному делу, дает себя знать наша история с ее затхлой атмосферой государственной жизни». Сообщал и о себе: «Я теперь работаю в городском комитете по снабжению и снаряжению армии — состою председателем продовольственно-обмундировочного отдела и налаживаю шитье сапог и теплых штанов и пиджаков». Здесь же он просил брата прислать для музея «все, что можно». При всей своей занятости Ёлшин находил время заниматься сбором экспонатов для Городского музея, где организовался особый Военный отдел. Видимо, с созданием этого отдела связано наличие в ёлшинском архиве списков георгиевских кавалеров русско-японской и текущей войны. Списки эти (несколько листков блокнотного формата, исписанных чьим-то мелким убористым почерком)²⁶ — вероятно, документ для музея. Там же вырезанные из газеты карты Центральной Европы и Балканского полуострова с отмеченными на них чернилами направлениями военных действий. По служебным делам Ёлшину часто приходилось ездить в Саратов, так как Самарский окружной суд, где он работал, относился к Саратовской судебной палате. О поездках, деловых встречах, о семье он делал краткие записи в дневнике. Записи о семейных событиях полны тревоги за здоровье и жизнь детей, тяжело болевших зимой 1915—1916 г. Летом Ёлшин перевез семью на загородную дачу, но самому отдыхать было некогда, приезжал он туда только ночевать.

Неудачное ведение боевых действий, затяжной характер войны и многочисленные человеческие жертвы способствовали падению авторитета власти, обострению социальных противоречий и росту недовольства в широких кругах населения. Общественный климат в стране менялся. Тяжелые поражения на фронте, увеличение военного производства за счет свертывания мирных отраслей хозяйства — все это не могло не отразиться на обществе. Обстановка характеризовалась резким понижением уровня жизни и ростом оппозиционных настроений. 1 ноября 1915 г. Николай Ёлшин, отвечая на вопросы брата об общественной работе в армии, в письме с фронта пространно (4 листа из тетрадки в линейку) высказался об отношении к войне и о взаимоотношениях интеллигенции и народа. По его словам, повторялась та же ситуация, что и после русско-японской войны 1904—1905 гг: «Та же разруха, то же... подкапывание под наше лучшее и самое великое. Не удивительно было бы, если бы этим занимались реакционные верхи; этим занимаются и не брезгают русские общественные деятели, которых именуют интеллигенцией...» Последняя, по его словам, слишком далека от народа, который ее не жалуется, не верит ей и «смотрит на политическую борьбу как на барскую забаву, где паны дерутся, а у хлопцев чубы трещат». И все же, полагал Николай, именно «русской интеллигенции суждено не только освободить

Россию от хамства, но и победить мешанство Европы. В этом ей помогает и еще поможет война»²⁷. Может быть, братья Ёлшины не во всем были единомышленниками, но взаимопонимание между ними, безусловно, имелось.

Кадетская партия в 1915 г. сыграла решающую роль в создании в Думе Прогрессивного блока. Его программа являлась попыткой конструктивных сил общества заставить монарха осуществить минимум либеральных реформ, чтобы избежать широкого недовольства в стране и предотвратить возможную революцию, которая в условиях мировой войны означала для России катастрофу. Активизировались и самарские кадеты. 3 мая 1915 г. местная газета поместила объявление о двух лекциях кадетского лидера П.Н. Милюкова в Самаре, намеченных на 11 и 12 мая, на темы «Война и европейская интеллигенция» и «Национальные и мировые задачи войны»²⁸. 22—24 июня в Самаре прошел областной съезд по борьбе с дороговизной, в котором кадеты приняли самое активное участие, а в октябре состоялся съезд местного отделения партии, где был переизбран губернский комитет и избраны делегаты на партийный съезд, намеченный на февраль 1916 г.

Много времени у Ёлшина занимали поездки по хозяйственным и партийным делам. В феврале 1916 г. он был в Петрограде на съезде кадетской партии, откуда поехал в Москву на совещание городского союза по вопросам организации помощи инвалидам. 12 апреля ездил в Симбирск для переговоров о продаже леса городскому комитету по снаряжению армии и в том же апреле выступал на уездном съезде кадетской партийной организации в Ставрополе (ныне — Тольятти). В июне у Ёлшина опять была поездка в Петроград — на партийную конференцию. В ходе этих поездок он укреплял и развивал контакты с видными общественными и политическими деятелями, которым предстояло сыграть заметную роль в событиях 1917 г. В частности, Ёлшин был хорошо знаком с А.Ф. Керенским, при участии которого еще накануне войны, 12 июня 1914 г. он был принят в масонскую ложу²⁹. Впоследствии, посещая Самару, Керенский бывал у Ёлшина.

1916 г. был насыщен в жизни Ёлшина не только общественными и политическими событиями. В мае 1916 г. на базе музейного кружка оформилось, наконец, Самарское археологическое общество, о котором Ёлшин хлопотал еще с 1913 г. В него вошли известные всей образованной Самаре люди: историк П.А. Преображенский, преподаватель гимназии князь С.А. Хованский, председатель Самарского окружного суда В.Э. Бернер, железнодорожный служащий и археолог-любитель Ф.Т. Яковлев, купец, художник и краевед К.П. Головкин. Председателем общества по праву стал Ёлшин, который, несмотря на свою занятость и сложное военное время, продолжал уделять самое пристальное внимание вопросам культурного развития родного города. Характерна запись в его дневнике: «31 августа [19]16 г. вечером у меня был К.П. Головкин, говорили о проекте здания наук и искусств в Самаре; он сообщил мне о своем желании принять на себя часть расходов по этому дому до 300 тысяч рублей»³⁰.

Февральскую революцию 1917 г. Ёлшин принял с воодушевлением. На обороте своего бланка доверенности на ведение дел он записывал: «Только что происшедший переворот совершенно изменил условия нашей политической жизни: то, что представлялось отдаленным, почти недостижимым, вдруг стало совершившимся». Отмечал Ёлшин и изменение положения и роли оппозиционных партий: «Разумеется, такая перемена в общих условиях нашей государственной жизни в корне изменила роль и положение русских политических партий: гонимые при старом режиме, они становятся чуть ли не хозяевами нашего государственного строительства и наших государственных судеб»³¹. Далее Ёлшин рассуждал об ответственности политических

партий: каждая из них должна определить свою тактику не с точки зрения узких партийных интересов, а с точки зрения интересов государства в целом, тем более, что неумелая или ошибочная тактика может привести к государственной катастрофе.

Вечером 1 марта 1917 г. на совещании гласных Самарской городской думы был образован Особый временный комитет общественной безопасности, который 3 марта был переименован в Самарский губернский комитет народной власти. В его состав вошло порядка 200 человек: представители Городской думы, общественных организаций, партий, воинских частей, уездных комитетов народной власти, советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ёлшина избрали товарищем председателя Временного президиума исполкома комитета³². Представляя Временное правительство в губернии, Комитет народной власти занимался перестройкой и координацией работы прежних учреждений и организацией новых. Он регулировал взаимоотношения трудящихся и руководства предприятий, солдат и офицеров, поддерживал общественный порядок, организовывал и координировал работу всех коммунальных и социальных служб города³³. И Ёлшин, как товарищ председателя, был активно втянут в решение этих вопросов.

Самое деятельное участие Ёлшин принимал и в партийной жизни, выступая на кадетских партийных съездах и возглавляя в Городской думе фракцию Партии народной свободы. 27 апреля он выступал на торжественном заседании обновленного состава Городской думы с декларацией о необходимости реформы городского самоуправления, призывая всех гласных «без различия политических течений и социального положения сплотиться для мирной культурной работы на благо всего населения родного города»³⁴. Как депутат Городской думы, вошел в комитет для заведования Александровской публичной библиотекой, где вместе с ним работали известные в Самаре деятели: А.А. Смирнов (юрист, литератор, автор статей о театре, заведующий залом Александра II в библиотеке), Н.В. Осоргин (гласный губернского земства), Е.Т. Кожевников (в 1877 г., как городской голова, он вместе с П.В. Алабиным вручал городское знамя болгарским ополченцам), неоднократно упоминавшийся К.П. Головкин, С.А. Хованский (преподаватель гимназии, секретарь губернской ученой архивной комиссии), известный самарский историк П.А. Преображенский, С.Е. Пермяков (городской голова, заведовавший публичным музеем при библиотеке).

Ёлшин был страстным библиофилом. Когда в июне 1914 г. семья Ёлшиных переезжала на новую квартиру, «особенная возня была с книгами, которых было 83—85 больших связок и 7—8 больших ящиков»³⁵. В 1919 г. коллекцию редких книг Ёлшина изучал известный литературовед академик В.Н. Перетц. 26 января 1920 г. на заседании членов совета при уполномоченном Главархива он сообщил о 33 старинных книгах и 19 документах XVII—XVIII вв. из библиотеки Ёлшина. Наиболее ценной в коллекции оказалась инкунабула 1489 г. «Summa Theologiae A. d'Ales». Кроме того, в коллекции были книги первой половины XVII в. на латинском языке по истории Польши, виленские и варшавские издания XVIII в., старинные книги на немецком и французском языках, 4 книги XVIII в. на церковно-славянском языке (в том числе Печерский патерик со старыми гравюрами) и несколько старинных русских книг гражданской печати³⁶.

Октябрьскую революцию и последовавшие за ней события Ёлшин не принял. К заседанию Самарской городской думы 10 января 1918 г. им была подготовлена от имени фракции Партии народной свободы записка, где резко осуждались события, связанные с разгоном Учредительного собрания, и сопровождавшие их эксцессы. Вот ее текст: «Шайка Ленина и Бронштейна пополнила свой формуляр преступле-

ний новыми злодеяниями. Она разогнала Учредительное собрание. И в этом случае они поступили, как самые наглые узурпаторы, не желающие расстаться с властью, захваченной преступным путем. Эта шайка, кроме того, совершила ряд убийств членов Учредительного собрания... Этими убийствами вдохновители этого злодеяния окончательно поставили себя вне человеческого общества. Ленин и Бронштейн несут несравненно большую ответственность за эти злодеяния, чем те матросы-убийцы, которые непосредственно совершили эти убийства, ибо никто другой, как Ленин и Бронштейн и их клеветы, сделали из тех людей, которых они посылают совершать свои гнусные преступления, опасных для общества зверей. Фракция предлагает почтить память погибших от руки убийц членов Учредительного собрания вставанием»³⁷.

В феврале 1918 г. Ёлшин был арестован на вокзале за «призыв эвакуированных солдат к вооружению против советской власти»³⁸. Но вскоре он был отпущен и на некоторое время, вероятно, занялся своими воспоминаниями. Именно в этот период появились самые большие записи о Самаре первых дней войны, об отношении к ней общества, о его работе в госпитале. На них проставлена дата — 29 апреля (12 мая) 1918 г.³⁹

В конце мая 1918 г. вспыхнул мятеж Чехословацкого корпуса, который Антанта объявила частью своих вооруженных сил и заявила, что будет рассматривать разоружение чехословаков как недружественный акт в отношении Антанты. 8 июня 1918 г. чехословацкие легионеры вступили в Самару. В дневнике Ёлшина имеется запись: «...В ночь на субботу, часа в два началась сильная стрельба; очень скоро пушки замолкли и стали барабанить пулеметы. Я вышел на улицу. Вскоре показались группы отступающих красноармейцев. Часа в четыре утра на Предтеченской появились группы чехов»⁴⁰. Установилась власть Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч), с удовлетворением встреченная Ёлшиным. Свержение большевистского режима в Самаре он называл дружеской и родственной услугой чехословаков, считая, что освобождение от большевиков — это «сильный толчок к свержению повсеместно большевистского ига, парализующего весь организм российского государства и держащего в состоянии малярии все население великой страны». И если этот толчок умело использовать, то можно рассчитывать на восстановление всего разрушенного государства⁴¹.

В архиве Ёлшина сохранились наброски тезисов его выступления по поводу особого положения Самары и о задачах организации власти в период правления Комуча. Центральной задачей, вставшей перед новым режимом, он называл борьбу с большевизмом: «Мы прежде всего должны организовать борьбу с большевиками, поставивши себе целью свержение большевистского ига повсеместно в России. Это самая ближайшая и самая неотложная задача, ибо при господстве большевиков ни о каком восстановлении государства, ни о каком возрождении России и речи быть не может». Следуя своим убеждениям, Ёлшин вошел в комиссию по ликвидации бывших советских и некоторых государственных учреждений, а по ночам участвовал в «окараулировании квартала»: для патрулирования «впредь до найма живой стражи» с 10 вечера до 7 утра назначались 9 человек на 3 смены⁴².

По партийной линии Ёлшин активно участвовал в сборе средств для формирования антибольшевистских воинских сил. 13 июля (30 июня) он передал старшине Оренбургского войска Н.С. Анисимову 190 тыс. руб. для оренбургского казачества от Торгово-промышленной палаты⁴³, а 15 (2) июля вместе с присяжным поверенным гласным Городской думы Подбельским ходил к приехавшему в Самару казачьему атаману А.И. Дутову. Приветствуя его от имени кадетской партии, Ёлшин выра-

зил надежду на их дальнейшее сотрудничество, так как кадеты особенно ценят то, что Дутов является одним из первых поборников государственности. В ответ Дутов сказал, что к нему уже приходил представитель кадетской партии Липовецкий, который принес деньги для передачи в Оренбург на восстановление разрушенных станиц. А что касается сотрудничества, то это вопрос не сегодняшнего дня и он видит толк лишь в диктатуре. Ёлшин и Подбельский ответили, что не знают Липовецкого, а деньги собирались партией не на восстановление станиц, а на формирование казачьих частей. «Мы стоим на признании необходимости создания сильной власти, и ... путь к ней идет через диктатуру». Но вопрос об этом поднимать преждевременно — для диктатуры нужна сильная армия, чего сейчас нет. После этого разговора Ёлшин отметил в дневнике, что они с Подбельским «не раскусили, что представляет собой Дутов»⁴⁴.

На следующий день Ёлшин посетил полномочного представителя французского правительства по военным делам Жанно, чтобы передать ему деньги, собранные для организации славянских батальонов из военнопленных, и получить расписки. Жанно сказал, что французы надеются организовать до 80 тысяч пленных славян⁴⁵.

Вечером 15 (2) июля на заседании губернского комитета Партии народной свободы Ёлшин и Подбельский отчитались о визите к атаману Дутову. На том же заседании стоял вопрос о переизбрании председателя губернского комитета партийной организации. Заседание выявило острые разногласия среди самарских кадетов. Ёлшин возражал против резкой полемики с меньшевиками, которую начали в газете «Волжский день» сторонники одного из лидеров самарских кадетов, известного самарского журналиста Клафтона. Ёлшин же полагал, что время требует деловой работы, а не дискуссий. Среди поддержавших Ёлшина были врач Е.Л. Кавецкий, заведовавший лабораторией в Самарской земской больнице, и Подбельский. За Ёлшина проголосовали 6 человек из 15, за Подбельского — 4, за Кавецкого — 2. «Я чувствую закулисную работу и интриги клафтоновцев, — пишет Ёлшин. — С другой стороны, при настоящем составе комитета никакой активной политики быть не может». В следующий раз комитет собирался уже без него. Ёлшина опять выбрали (9 голосов из 15), но он категорически отказался. Обязанности председателя стал исполнять Подбельский⁴⁶.

После отставки с поста председателя губернского комитета кадетской партии Ёлшин, по его словам, «утратил вкус к общественному делу», которое ему теперь представляется «какой-то непроизводительной работой, делом малосерьезным и почти бесполезным». Впрочем, ощущение разочарования он испытал еще раньше: «Разочарования меня постигли во время большевистского владычества, когда я перестал уважать русское общество и русскую интеллигенцию. И самый уход мой с председательского поста лишь подчеркнул и усилил то разочарование в своих силах, которое у меня особенно заметно стало с осени 1917 года»⁴⁷. Наступает у него разочарование и в деятельности новой «демократической власти»: «С момента падения большевистской власти прошло уже два месяца. А дело с организацией власти очень мало продвинулось. Власть, как и в первые дни появления Комитета членов Учредительного собрания, в качестве технического аппарата управления продолжает находиться в совершенно хаотическом состоянии»⁴⁸.

Теперь Ёлшин мечтает «спокойно уйти из этой толпы» и заняться изучением архива и «Самарской хронологией», чтобы «не переживать тяжелого состояния внутренней борьбы». Но сделать это окончательно не удалось. Ёлшина избирают членом ЦК кадетской партии, и ему, как он помечает в своем дневнике, еще предстоит

«участвовать в историческом совещании в Челябинске 6 августа, созванном с целью организации Всероссийского правительства». В это же время он участвовал и в учреждении Самарского отдела Союза возрождения России⁴⁹. Подпись Ёлшина встречается среди членов Временного бюро Союза под обращением к местному населению, опубликованным 25 августа 1918 г.⁵⁰

Однако заметно, что его интересы все более перемещаются из сферы общественно-политической в научную и просветительскую. Много внимания он уделяет работе Археологического общества. В 1917—1918 гг. оно непрерывно приобретало для городского музея разнообразные предметы старины — книги, иконы, кресты, другие церковные вещи, монеты, различные предметы домашнего обихода и старинное вооружение. Было приобретено более 1000 предметов. Только церковной старины поступило столько, что ею было занято три витрины и еще остались неразобранные вещи. Тем самым было положено начало новому отделу — церковно-археологическому, помимо существовавших уже отделов Европейской войны и самарского (т.е. краеведческого)⁵¹.

Ёлшин был крайне обеспокоен происходившими разрушениями памятников истории и культуры: «В уездах уничтожаются, истребляются последние старинные библиотеки в сжигаемых крестьянами помещичьих усадьбах. С ними гибнут самые разнообразные предметы старины, нередко весьма ценные... С появлением на ответственных постах совершенно невежественных людей в городах гибнут архивы. Комиссары, стоящие во главе этих учреждений, в большинстве случаев совершенно не понимают значение для истории местных архивов и нередко не принимают мер к охране старых делопроизводств»⁵². Не без активного участия Ёлшина Археологическое общество всячески пыталось сохранить историческое и культурное наследие на территории края. Характерно в этом плане его обращение от 11 июля 1918 г. в штаб Народной армии: «В селе Усолье (против Ставрополя) в усадьбе графа Орлова-Давыдова имеется много предметов весьма ценных в историческом и археологическом отношении: имеется замечательная большая старинная библиотека, исторический архив, различные коллекции и т.п. Эти предметы в высшей степени важно сохранить. Между тем нахождение этого ценного для науки имущества вдали от культурных центров и в совершенно неблагоприятной обстановке подвергает его всевозможным случайностям и совсем не обеспечивает ему сохранность. Было бы крайне желательно перевезти в Самару наиболее ценные для науки вещи и поместить их на хранение в Самарском городском музее или другом подходящем месте». Общество просило предоставить буксирный пароход для вывоза наиболее ценного в историческом отношении имущества в Самару и назначить для его охраны необходимый патруль⁵³. Просьба была удовлетворена. Обращал Ёлшин внимание и на «собираение и сохранение материалов революционного времени»⁵⁴. В итоге Археологическое общество приступило к организации в городском музее еще одного отдела — отдела революционного и общественного движения в России.

Сам Ёлшин в это время занимался подготовкой «Самарской хронологии». В июле 1918 г. был издан ее первый выпуск, который содержал 714 дат с 922 по 1750 г. «На днях вышла из типографии моя “Самарская хронология”», — записал Ёлшин в дневнике 28 июля. — Издание ее стоит 65 копеек экземпляра. В книжном магазине “Самопомощь” [за продажу] комиссионные требуют в размере 25%, у Сытина — даже 40%. Боюсь, как бы мне не сесть на мель с этим изданием. А типографии придется платить не больше не меньше, как 3300 р. Это поставить меня может в весьма

* Имеется в виду: Самарская хронология. Самара, 1918. Вып. 1.

непростое финансовое положение»⁵⁵. Действительно, 2-е Самарское общество взаимного кредита в августе напомнило ему об истечении срока ссуды, взятой под залог процентных бумаг⁵⁶. Но несмотря на финансовые затруднения, Ёлшин предполагал издать еще три или четыре выпуска. В его архиве остались черновики материалов для этого издания⁵⁷, но его замыслам не суждено было сбыться.

Вечером 7 октября 1918 г. части Красной армии вошли в Самару. Комитет Учредительного собрания перебрался в Уфу, где еще в сентябре было образовано Временное Российское правительство — Директория, а затем в Екатеринбург. Ёлшин с семьей также покинул Самару и после падения Комуча и Директории окончательно отошел от общественной и политической деятельности. С женой и детьми он обосновался в Иркутске, где до конца жизни (умер 28 марта 1928 г.) проработал юрисконсультантом в банке. Жизнь Ёлшина, таким образом, отразила непростую судьбу либеральной интеллигенции России в период мировой войны и связанных с ней революционных катаклизмов. Либеральная интеллигенция немало сделала для подъема культурного уровня российского общества, но ее идейные представления и политические идеалы оказались несостоятельными и потерпели крах. Начавшаяся мировая война, затем Февральская революция и наконец режим Комуча заставлял ее активизироваться в надежде на достижение позитивных изменений. Но всякий раз эти надежды оказывались иллюзорными. И не только по причине нежелания и сопротивления или бессилия (как после Февраля 1917 г.) властей к их реализации. Не менее заметна была и неспособность самой либеральной интеллигенции объединить свои усилия в решении данных проблем. Ориентированные на ценности западной демократии российские либералы не получили поддержки народных масс и сошли с исторической арены.

¹ См.: Интеллигенция и российское общество в начале XX века. СПб., 1996; *Смирнов Н.Н.* Война и российская интеллигенция // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999; *Смирнова А.М.* Столичная интеллигенция в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000; *Васильева Е.И.* Первая мировая война, расстановка политических сил в 1917 г. и позиции интеллигенции г. Рыбинска // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2007. Вып. 2. С. 214—218; *Попов В.Б.* Местные отделы либеральных партий Оренбургской губернии (1905—1913 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2009; *Тюхина Л.Г.* Художественная интеллигенция Санкт-Петербурга-Петрограда и начало Первой мировой войны (июль 1914 — май 1915 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009; и др.

² См.: *Семенова Е.Ю.*: 1) Культура Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1918 гг.): по материалам Самарской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний. Самара, 2007; 2) Культурное пространство поволжского города в годы Первой мировой войны // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11, № 6. С. 110—119; 3) Патриотические и антипатриотические настроения горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 — начало 1918 гг.) // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/99-4905>

³ *Демидов А., Демидова И.*: 1) Забытая война // Самарские известия. 1996. 23 июля. С. 11; 2) Самарский Комуч: триумф и трагедия, 17 июня — 20 октября 1918 г. // Там же. 15 окт. С. 11; 3) Война от первого лица // Там же. 2004. 29 июля. С. 6; *Шеремеев Е.* Юрист и кадет, краевед и масон // Волжская заря. 1998. 15 янв. С. 7; *Фомичева Н.П.*: 1) А.Г. Ёлшин — общественный деятель, библиофил и краевед // Книга и культура: тез. докл. Междунар. науч. конф., 24—27 мая 1994 г. Самара, 1994. С. 210—212; 2) А.Г. Ёлшин (1878—1928) // Самарский краевед. Самара, 1995. С. 171—194.

⁴ *Шеремеев Е.Е.* Самарский «Сфинкс» при правительстве Колчака: А.К. Клафтон (1871—1920 гг.) — биография на фоне эпохи. Самара, 2011.

⁵ Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. Самара, 1905. С. 23.

⁶ Памятная книжка Самарской губернии на 1909 год. Самара, 1909. С. 61.

⁷ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 352. Оп. 2. Д. 1. Л. 205, 205 об.

- ⁸ Самарская летопись: в 2 кн. Самара, 1993. Кн. 2. С. 76.
- ⁹ *Попов Ф.Г.* Летопись революционных событий в Самарской губернии, 1902—1917. Куйбышев, 1969. С. 110.
- ¹⁰ ЦГАСО. Ф. 352. Оп. 2. Д. 1. Л. 93, 93 об.
- ¹¹ Цит. по: *Седугин В.И.* Кадеты Поволжья в начале XX века (1905 — март 1917 гг.). 2-е изд., доп. [Новомосковск], 1998. С. 8.
- ¹² ЦГАСО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 3. Л. 3, 11.
- ¹³ Самарские губернские ведомости. 1914. 20 сент.
- ¹⁴ Волжское слово. (Самара), 1915. 24 янв.
- ¹⁵ См.: Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 164—165.
- ¹⁶ ЦГАСО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 3. Л. 12—14.
- ¹⁷ Самарские губернские ведомости. 1914. 13 сент.
- ¹⁸ См.: *Николаевский Н.Ф.* Исторический очерк деятельности Самарского областного комитета помощи больным и раненым воинам за время по 1 января 1916 года. Самара, 1917. С. 56.
- ¹⁹ ЦГАСО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 3. Л. 14.
- ²⁰ Волжское слово. (Самара), 1915. 25 янв.
- ²¹ *Николаевский Н.Ф.* Указ. соч. С. 56.
- ²² Волжское слово. (Самара), 1915. 17 янв.
- ²³ ЦГАСО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 3. Л. 16.
- ²⁴ Там же. Л. 18.
- ²⁵ Там же. Л. 15.
- ²⁶ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 95—99; Д. 2. Л. 3.
- ²⁷ Там же. Д. 1. Л. 18—20.
- ²⁸ Волжское слово. (Самара), 1915. 3 мая.
- ²⁹ ЦГАСО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 3. Л. 6—8.
- ³⁰ Там же. Д. 2. Л. 25 об.
- ³¹ Там же. Д. 1. Л. 1.
- ³² *Попов Ф.Г.* Указ. соч. С. 433.
- ³³ Самарская летопись. Кн. 2. С. 142—143.
- ³⁴ Волжский день. 1917. 6 мая.
- ³⁵ ЦГАСО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 3. Л. 9.
- ³⁶ Там же. Ф. 780. Оп. 2. Д. 19. Л. 21.
- ³⁷ Там же. Ф. 352. Оп. 2. Д. 2. Л. 56.
- ³⁸ См.: *Алексушина Т.Ф.* Коллекционеры старой Самары. Самара, 2005. С. 349.
- ³⁹ ЦГАСО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 3. Л. 2—18.
- ⁴⁰ Там же. Д. 5. Л. 14.
- ⁴¹ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 37.
- ⁴² Там же. Л. 5, 40—41.
- ⁴³ Там же. Оп. 3. Д. 5. Л. 15 об. — 16.
- ⁴⁴ Там же. Д. 3. Л. 20, 22.
- ⁴⁵ Там же. Л. 24 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 22 об. — 23, 26 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 26.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 34.
- ⁴⁹ Там же. Оп. 3. Д. 3. Л. 27.
- ⁵⁰ *Шеремеев Е.Е.* Указ. соч. С. 142.
- ⁵¹ ЦГАСО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 5. Л. 4.
- ⁵² Там же. Л. 3.
- ⁵³ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 33.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 3. Д. 5. Л. 3—4.
- ⁵⁵ Там же. Д. 3. Л. 27.
- ⁵⁶ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 143.
- ⁵⁷ Там же. Оп. 3. Д. 4. Л. 1—24, 40—117.

*В.И. Гольцов** (Самара)

Проблема патриотизма в трудах В.В. Розанова в годы Первой мировой войны

Первая мировая война послужила существенным импульсом для развития российской общественно-политической мысли. Перед политическими силами, общественными движениями и мыслителями различных ценностных ориентаций встала необходимость выработать свое отношение к ней. Это привело, в свою очередь, к обсуждению проблем государства, общества, государственных и национальных интересов, патриотизма и многих других. При этом общественно-политическая мысль функционировала параллельно с официальной правительственной идеологией, а также со стереотипами массового сознания, что приводило к их сложному переплетению.

Актуальным в этой связи является изучение взглядов на проблему патриотизма в годы Первой мировой войны русского мыслителя В.В. Розанова. Его труды позволяют получить самую разнообразную информацию об отношении в русском обществе к войне и патриотизму. Это вызвано, с одной стороны, неординарным и даже уникальным образом мышления Розанова, противоречивостью его взглядов, в которых отражались самые различные впечатления, а с другой — тем, что он либо сознательно (из-за неприятия либерализма, интеллигенции в «веховском смысле слова» и политики вообще), либо в силу своих психологических особенностей выбирал для себя социально-психологический статус обывателя. При этом именно обывательский подход Розанова ценен тем, что позволяет проследить взгляды на войну огромной массы людей — представителей этой прослойки.

Среди современных исследователей наследия Розанова следует выделить В.А. Фатеева¹ и А.Н. Николюкина², которые дальше других продвинулись в осмыслении специфики творчества этого мыслителя и отметили его чрезвычайную изменчивость и парадоксальность. По мнению Фатеева, его мысль «с трудом поддается систематизации — не только из-за хаотичности розановского наследия, но и из-за того, что ее невозможно выразить в категориях логики без утраты очень существенного: авторской интонации, ощущения индивидуальности. У Розанова, в отличие от большинства пишущих, нет расстояния между душевным переживанием и словесным воплощением»³.

Для многих авторов оказалось весьма трудным делом решить проблему его знаменитых антиномий. Так, Н.В. Масленникова в статье «О книге В.В. Розанова “Война 1914 года и русское возрождение”» недоумевает, почему написанное Розановым о славянофилах в одной из глав этой книги вступает в явное противоречие с написанным им же о тех же славянофилах в другой главе. Ей непонятно, почему, с одной стороны, у Розанова присутствует восхваление, а с другой — критика. Вывод же делается в значительной степени поверхностный: «Как раз в данном случае весьма наглядно проявляется известная непоследовательность розановской мысли, ее “эскизность”, путаность, на что часто указывают исследователи его творчества и что, кстати сказать, иногда затрудняет прояснение истинной позиции писателя»⁴.

* Гольцов Виктор Иванович — кандидат исторических наук, Самарский государственный университет.

На самом деле «путаности» здесь нет, и истинная позиция писателя определяется достаточно просто. Особенность творчества Розанова заключается как раз в том, что он писал так называемыми «антиномиями». Это была попытка взглянуть на любое явление с противоположных сторон. Он считал, что об одном и том же человеке, событии или явлении можно иметь разные, иногда прямо противоположные суждения, ибо в человеке или явлении существует множество «мыслей». Истина же, по мнению Розанова, заключается в полноте всех мыслей разом, в страхе выбрать лишь одну из них, в колебании между ними. Розанов настаивал на том, что колебание — первый в жизни принцип, благодаря которому все живет. Наступи устойчивость, — и мир закаменел бы, заledenел⁵. И хотя такая точка зрения не принималась многими интерпретаторами мыслителя, даже оппоненты Розанова не могли не почувствовать потрясающую точность его наблюдений и выводов, которая была бы невозможна именно без антиномий.

В целом же приходится констатировать, что преимущественная часть современных работ о Розанове пишется, увы, на «злобу дня». Политические и мировоззренческие упреки Розанова либералам оказались востребованными историками, придерживающимися национал-государственных взглядов, которые делают попытки «приватизировать» его творчество, сделав знаменем определенного спектра российской общественно-политической жизни. Видимо, особенность этого мыслителя такова, что при всей своей декларируемой деполитизированности, он и при жизни, и после смерти остался предметом ожесточенных политических споров. Но такая политизация только мешает раскрытию темы.

Современные интерпретаторы Розанова из лагеря национал-государственников даже превзошли его в антилиберализме, особенно в части, касающейся анализа взглядов Розанова именно в годы Первой мировой войны. К примеру, в уже упомянутой статье Масленниковой о западниках и либеральной интеллигенции написано так: «Выждав удобный момент, выродки-отщепенцы начали усиленно раскачивать основы русской государственности, буквально выливая ушаты грязи на правительство, государя, обвиняя императрицу в пособничестве германскому командованию и т.д. Именно интеллигенция с ее западническим мирозерцанием... совершила подлое предательство интересов всего русского народа, что в целом было вполне закономерно, и привела Россию к катастрофе». Характерно еще одно высказывание этого автора, являющегося, кстати, единственным интерпретатором работы «Война 1914 года и русское возрождение» для широкой публики (ее статья выкладывалась в сети Internet и к 90-летию, и к 95-летию Первой мировой войны): «Увы, надежды на созидательный труд интеллигенции оказались тщетными, ибо с течением войны, особенно к началу 1917 г., когда уже был очевиден перелом, когда готовилось весеннее победоносное наступление русской армии, именно интеллигентскими кругами овладело странное беспокойство, именно их агрессивное предательство, порожденное, не в последнюю очередь, страхом перед торжеством русского самодержавия (давнего врага интеллигенции), привело к устранению государя императора Николая II Александровича с престола и к ужасающей смуте в России и во всем мире, последствия которой не преодолены до сих пор»⁶. Эта точка зрения повторяет версию крайне правых монархистов, которой Розанов не придерживался и по крайней мере не озвучивал ее публично.

Таким образом, перед исследователем творчества Розанова по любой теме, в том числе и по проблеме патриотизма в годы войны, встают существенные трудности. Противоречивые взгляды Розанова плохо укладываются в какую-либо систему и доминанту. Как выразился В.Б. Шкловский, Розанов «писал в одной газете как черный,

а в другой как красный»⁷. В качестве ориентира для решения данной проблемы целесообразно использовать методологический совет Л. Шестова, который подчеркивал, что если мыслителю «приходилось испытывать различные, часто противоположные настроения — и он не побоялся отметить и те и другие, тем лучше для нас. Мы сами уже должны уметь, сообразуясь с общим характером переживаний человека, отделить постоянное и важное от случайного и неважного, даже не считаясь с тем... что он сам ценил в себе наиболее»⁸.

В данной статье предпринимается попытка исследовать проблему эволюции патриотизма у Розанова в годы Первой мировой войны, анализируя его антиномии на фоне реального положения России в этот период.

Начальный период войны нашел у Розанова отражение в работе «Война 1914 года и русское возрождение», изданной в 1915 г. типографией товарищества А.С. Суворина. Жанр книги, хотя и составленной из статей на основе публикаций 1914 г. в «Новом времени», требовал от автора придать большую систематизацию собственным взглядам, нежели, к примеру, в «Уединенном» и «Опавших листьях». Тем не менее авторская манера, газетный стиль и знаменитые антиномии остались (по крайней мере вначале).

Наиболее антиномичной (хотя и менее, чем обычно у Розанова) является первая глава⁹ книги под названием «На улицах Петербурга». В ее шести сюжетах, написанных в первую неделю войны, содержатся наблюдения по поводу настроений на улицах города и восприятия войны простыми жителями Петрограда. Розанов касался и острых тем, например третий, наиболее подробный сюжет посвящен погрому, учиненному в германском посольстве.

Как же оценивал Розанов общественные настроения в начале войны? Он отмечал прилив молодости («На улицах народ моложе стал, в поездах — моложе...»). Происходящее Розанов характеризовал как что-то неопишное («В Петербурге ночью то особенное движение и то особенное настроение, разговоры, тон, — то самое выражение лиц, которые мы все и по всем русским городам знаем в Пасхальную ночь»¹⁰). Начав со вполне искренних наблюдений, изложенных хорошим языком и помогающих наглядно представить настроение улицы, Розанов, увы, не удержался от перехода в патетику. Вот что писал он об объединении народа перед лицом войны: «Все забыто, все отброшено вокруг единого помысла о надвинувшейся почти внезапно войне, и этот помысл слил огромные массы русских людей в одного человека...»; «слышится везде одно великое, радующее слово: “будем все, как *один*”...»¹¹ Заметим, что данный призыв Розанов, возможно, и слышал, но скорее на митингах, ибо вряд ли таким языком с ним говорили собеседники на улице.

Поэтому неудивительно, что охваченный митинговой стихией Розанов начал повторять стереотипы официальной пропаганды — о славянском единстве, о последнем бое за славянство, об особой миссии русского народа: «Дрожит напряжением русская грудь и готовится вступить в пасхальную “красную” годину исторических судеб своих, дабы подвигом и неизбежною кровью купить спасение ... остатков братских народов... В русском народе — глубоко историческое чувство. Он сознает громаду свою, мощь свою; он знает, что мощь и громада эта “не напрасно лежат у Бога”»¹².

«Мы входим в историческую годину»; Отечество «во-истину (так в тексте. — В.Г.) становится сейчас престолом и алтарем»; «теперь у всех погоны на плечах»; «старый былинный Микула Селянинович пробуждается»¹³ — нет сомнения, что эти слова написаны от души, под влиянием экстраординарности происходящего. Но вот прежней искренней интонации у Розанова здесь уже нет, а начинает присутствовать определенная «ходульность».

Как оценивал суть войны Розанов? Здесь он тоже в значительной степени находился в рамках идей официальной пропаганды («За нашей спиной — все славянство, которое мы защищаем грудью. Пруссия ведет за собой всех немцев, — и ведет их к разгрому не одной России, но всего славянства»¹⁴). Но здесь он вышел за официальные рамки и рассуждал о войне не обычной, не политической, а, говоря современным языком, цивилизационной (по Розанову — это война двух миров, война за защиту самых основ отечества, великая расовая и культурная война). Здесь Розанов тоже не оригинален — чувствуются идеи и Данилевского, и Достоевского. Конечно, подобный «анализ» начала войны поверхностен. Но гораздо важнее акцентировать другой момент: кто мог быть носителем подобной точки зрения, исключаящей и геополитический, и экономический, и иные интересы? Точки зрения, основанной на противостоянии «своих» и «чужих», на защите интересов «братьев-славян»? Представляется, что такими людьми могли быть нахватавшиеся верхушек и официальной пропаганды, и «позднего славянофильства» представители городского мещанства. Розанов, будучи несравненно более образованным человеком, поддался этим общественным настроениям, что говорит об их силе и распространенности в тот момент.

Но вот «былинный Микула Селянинович» проснулся и... разгромил немецкое посольство в Петрограде, совершив поступок, который сами власти вынуждены были квалифицировать минимум как хулиганство, хотя именно они в значительной степени и спровоцировали его повышенным градусом своей патриотической риторики. Как же отреагировал на это событие Розанов? После того, что он написал о русском народе в начале войны, ему приходится этот поступок защищать. Он не был согласен с извиняющимся тоном российской печати по этому поводу, с утверждениями, что толпа на улицах становится угрожающей и порочной, но защита эта совсем не в духе черносотенства. Здесь сказалась привычка Розанова к антиномиям, стремление видеть в анализируемом событии несколько сторон. Он подчеркивал, что люди, разгромившие посольство, совершили дурной поступок, «но в предположении, что этот поступок хороший, что он нужен, полезен и до известной степени славен...»¹⁵. Логика Розанова такова: в этом поступке есть грех неведения, но нет греха злобы и нет даже дурного поведения, так как нет осознания, что это поведение — дурное.

Именно в описании данного инцидента у Розанова впервые за военные дни встретилось слово «патриотизм». Описывая, как очевидец, толпу в 200—300 человек, многие из которых были навеселе (но не пьяные), принесшую к подъезду редакции одной из газет портреты государя и государыни, «отнятые у германцев», и просившую поставить портреты у себя, он особое внимание обращал на реакцию людей на отказ принять портреты: «Принесли портреты!.. Примите!.. Неужели не примете? В вопросе звучало полное недоумение и почти готовность обвинить в политической измене... Не прямо в измене, но все-таки в равнодушии к родине, в холодности, в отсутствии патриотизма»¹⁶.

Розанов признался, что сказать этой толпе о том, что портреты — собственность германского посольства, о том, что это не добывание трофеев, а кража и тем паче разбой, — у него не хватило духу. По разным причинам: из-за нежелания окунать «толпу победителей» в холодную воду разочарования; из-за того, что эти люди смотрели на свой поступок как на геройство (по мнению Розанова, они не знали, что здание посольства уже пустует); из-за того, что даже ему, человеку с университетским образованием, неясно, чем отличается захват посольства от снарядов, выпущенных на Либаву, которая мирно дремала и не имела оружия в руках, или от захватов не воюющих германских торговых судов, о которых сообщается в газетах.

Далее у Розанова нашлись истинные, по его мнению, причины инцидента. Это и то, что манифестантами никто не руководил, и то, что им не объяснили, что война идет на границах, а не в Петрограде, и то, что здание никто не охранял. В итоге получилось, что виноваты все, кроме тех, кто разрезали ножами ковры, срывали с окон занавески, разбивали бронзовые украшения и сжигали архив и документы. Прекрасно понимая, что толпа совершила грабеж и погром (и это не считая непонятного происхождения трупа на чердаке посольства), и все-таки пытаюсь посмотреть на ситуацию и так и сяк, Розанов со своими антиномиями в итоге объективно выступил адвокатом погромщиков. «Передо мною стояли люди-простецы, маленькие русские люди, ничему или почти ничему не выученные, но грех которых и заключался в этой невыученности... Сейчас же за нею начинались героические русские чувства, которыми живем и все мы, которыми мы и будем совершать подвиги на войне: но там — это будут “подвиги”, ибо все будет дисциплинировано и по закону, а у этих бедных и маленьких людей вышел “разбой”, потому что *вне* дисциплины и *не* по закону...» Когда один из участников погрома оторвал Розанову кусочек германского флага с пожеланиями хранить на память, он, положив обрывок флага в карман с мыслью о том, что все это — «не дело», в книге описал это так: «Но как я ему скажу, когда он счастлив “победой”? Иллюзии священны, как и факты. Милые петербуржцы пережили прекрасную ночную иллюзию — и господь с ними. Скажу по секрету и про себя, что это стоит каких-то там бронзовых статуэток»¹⁷.

Итак, с одной стороны, «кража», «разбой», «не дело», а с другой — «Минины и Пожарские», поступок «не на худой моральной почве», причем народ — ну прямо младенец, не ведавший, что творит. И доминанта, увы, такова: участники разгрома посольства — непросвещенные, но хорошие, хотя и излишне горячие люди. Ими руководило собственное понимание патриотизма и войны, и в целом Розанов, хотя и с оговорками, на их стороне.

Представляется, что причину такой позиции Розанова хорошо объяснил Н.А. Бердяев, хотя он не имел в виду этот конкретный эпизод: «Розанов не может и не хочет противостоять наплыву и напору жизненных впечатлений, чувственных ощущений. Он совершенно лишен всякой мужественности духа, всякой активной силы сопротивления стихиям ветра, всякой внутренней свободы. Всякое жизненное дуновение и ощущение превращают его в резервуар, принимающий в себя поток, который потом с необычайной быстротой переливается на бумагу. Такой склад природы принуждает Розанова всегда преклоняться перед фактом, силой и историей»¹⁸.

Чем больше Розанов писал о настроениях периода начала войны и о своем восприятии их, тем более становилось ясно, что он очарован войной, армией, военными. Он описывал свой разговор с 28-летним артиллеристом, которым был очарован (молод, умен, в глазах *читается*: «умру, и хорошо», не похож на чиновника, журналиста, актера, профессора). Он был очарован товарищем артиллериста (получил приказ «явиться» и уехал, оставив умершую и не похороненную жену и двоих детей 5—6 лет при полном отсутствии родственников). Попутно досталось Гоголю и Грибоедову за образы Бетрищева и Скалозуба (не так надо было изображать армию!), а также некоей «литературе» за то, что якобы не говорит подробно о жертвах среди военных, т.к. это шовинизм¹⁹. Последний тезис явно был придуман Розановым в пароксизме преклонения перед военными. Все завершилось опять рассуждениями о помощи братьям-славянам. Почему — задался вопросом Розанов — офицер уехал на фронт, не похоронив жену? И сам себе ответил: «Потому что Россия не хочет, чтобы страдали, умирали, гибли, оплевывались и опозоривались единовверные и единокров-

ные нам славяне... Потому что России больно от боли славян... И она хочет переболеть сама, чтобы им не было больно...»²⁰

Таким образом, Розанов, при всей своей аполитичности, подчеркнутой частности и независимости, в объяснении и обосновании войны сделался певцом русского правительства. (Эти слова Л. Шестова были высказаны о Достоевском²¹, но, на мой взгляд, они полностью могут быть применены и к Розанову.) Причем сделался «не корысти ради», а по велению души. Сказалось и некритическое восприятие им чувственных ощущений и пропаганды, и присущий ему этатизм, и определенное народопоклонство, характерное для российской интеллигенции всех мастей. Эмоционально Розанов здесь выступил в роли мирного обывателя, очарованного брутальностью войны.

От набросков, характеризующих общественные настроения в начале войны, Розанов перешел к теоретизированию на тему войн вообще. Вторая глава «Войны как великое воспитание» отличается большей стройностью и логичностью. Но вместе с тем у Розанова исчезло главное — его умение отразить разные стороны жизни. Он стал заложником своих идеологием и начал идти не от жизни к своим обобщениям, а наоборот. Констатировав, что оборонительные войны есть войны нравственно-воспитательные, так как они объединяют народ, Розанов уравнивал войну 1812 г. и войну начавшуюся. Отметив, что война уже положительно воспитала Россию, так как исчез низкий и циничный смех над собой и преклонение перед всем чужим²², он затронул проблему патриотизма, не прямо, а косвенно, сопоставляя понятия «государство» и «отечество». И здесь этатизм Розанова и воодушевленность войной привели его к крайне рискованному выводу. Он подверг критике мирное время, когда, по его мнению, «мы слишком чувствуем себя только “членами общества” и мало-помалу вовсе утрачиваем в себе “гражданина”, т.е. члена именно колоссальной государственной организации». В результате же войны, по мнению Розанова, «мы вдруг чувствуем “свое государство”, точно поднявшееся во всеоружии из мирных рядов вчерашней “публики”. “Население” и “публика” поднялись “вооруженным народом”, и обыватель скрылся в “гражданине”, в его строгих и ответственных чертах. Вот этой-то “строгости” и этой-то “ответственности” было мало у нас, по доброте и снисходительности государства к нашей обывательщине»²³. Подобная словесная эквилибристика, противопоставление «члена общества» и «гражданина» весьма опасны. Они привели Розанова к выводам о снисходительности (!) российского государства. И это было написано в стране, где государство относилось к человеку не как к гражданину и не как к члену общества, а как к подданному. Нетрудно догадаться, куда может привести подобный ход рассуждений.

И он действительно привел Розанова к рассуждениям о невероятной распушенности русской мысли и русского слова в отношении России, в отношении государства, к упрекам в адрес Думы и к надеждам о новой Думе с государственным сознанием, и, наконец, к понятию «вооруженное, могучее отечество»²⁴.

Розанов, не отождествляя напрямую понятия «государство» и «отечество», фактически делал это, выстраивая в сознании своих читателей синонимический ряд: Россия — сильное вооруженное отечество — государство. Отсюда вывод о том, что сила и душа государственности — воинство на полях битв с его великой готовностью умереть. Розанов отмечал, что готовность умереть за веру, за Русь, за единокровность — это великое сокровище вне зависимости от того, каким будет исход войны, а его появление есть великое нравственное выздоровление России²⁵. Таким образом, можно констатировать примитивное понимание Розановым патриотизма в годы войны. Для него это чувство есть не столько любовь к родине, сколько любовь к государ-

ству. До смешения понятия «любовь к родине» с понятием «любовь к Вашему Высокпревосходительству» дело пока не дошло, но до него был уже один шаг. Трактовка же патриотизма как любви к родине через боль, через осознание несовершенства своего отечества, через критику его недостатков при таком подходе была абсолютно исключена. Перед нами патриотизм крайне этатистского толка, разбавленный словами о вере, единокровности и славянах.

В работе «Война 1914 года и русское возрождение» Розанов показывал себя не только как летописец начала войны и воспитатель патриотизма, но и как литератор и мыслитель, каковым он, собственно говоря, и являлся. Разумеется, его отступления есть отступления не столько литературоведческие и исторические, сколько политические. Они были сосредоточены в третьей главе «Забутые и ныне оправданные», посвященной творчеству славянофилов. Именно на основании этой главы пишут теперь о славянофильской позиции Розанова в войне²⁶.

В этой главе Розанову полностью изменило его умение стараться рассмотреть предмет исследования с разных сторон. Приходится констатировать это даже с учетом форс-мажорных обстоятельств ее написания. Следует подчеркнуть, что такого количества передержек у Розанова редко где можно встретить. Началось, казалось бы, с малого. В свое время Белинский, примыкавший к течению западников, хотя и выступавший с более радикальных позиций, в ответ на вопрос, читал ли он статью Грановского, помещенную в журнале «Москвитянин» Погодина и Шевырева, ответил: «Я с друзьями в неприличных местах не встречаюсь и вам не советую». Напомнив этот случай, Розанов негодовал, как мог Белинский так сказать о единственном славянофильском журнале, к тому же влачившем жалкое существование. Но здесь была заключена существенная передержка.

На самом деле журнал «Москвитянин» был вовсе не славянофильским, а выражавшим позицию скорее официальной идеологии самодержавия. Критические стрелы «Москвитянина» летели в «Отечественные записки» прежде всего из-за радикализма Белинского. Так начался долгий спор «Москвитянина» и «Отечественных записок». Строго говоря, к дискуссии западников и славянофилов этот спор не имел отношения, ибо в ходе его полемизировали сторонники официальной идеологии самодержавия и радикальные западники — будущие социалисты. Но так ситуация выглядит только в теории. В реальной жизни этот спор наложил существенный отпечаток на историю взаимоотношений кружка Грановского и кружка Хомякова и привел к разведению западников и славянофилов по разным полюсам вместо их объединения в единое либеральное течение.

Белинский сразу и точно определил направление журнала «Москвитянин» и не рассматривал его как орган, выражавший точку зрения славянофилов. Тем не менее публикации славянофилов, а иногда и западников в этом журнале, вызванные простой невозможностью опубликоваться в другом месте, вызывали раздражение Белинского и усиливали разногласия в либеральном лагере²⁷. Всего этого Розанов вряд ли мог не знать. А если он путал славянофилов с представителями официальной идеологии самодержавия, то это говорит либо о полном непонимании сути славянофильства, либо опять-таки о сознательном передергивании.

Далее Розанов писал о семидесяти годах тона, подобного тону Белинского, в шумных и успешных журналах, имея в виду журналы либерального направления. Тон этот Розанов называл победным для того, чтобы тут же заявить: это была не победа, так как борьбы никакой и не было, а была травля. «Было — гонение; было преследование, — пишет он, — было на семьдесят лет установившееся заушение, плевки,

брызги жидкой грязи, лившейся с колес торжественного экипажа, где сидели Краевские, Некрасовы, Благосветловы, Щелгуновы, Скабичевские, Чернышевские, Писаревы, на людей, жавшихся куда-то в уголках, не слышимых, не разбираемых, не критикуемых». В качестве подтверждения гонений и забвения он ссылаясь на педагога и общественного деятеля Рачинского, имя которого ни разу не было названо в журналах «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Русское богатство», «Русская мысль». И это, по мнению Розанова, происходило потому, что «он был христианин. Он любил церковь. Он учил детей любить Россию»²⁸. Других преступлений, иронизировал Розанов, за ним не было.

Отсюда Розанов делал смелый, но не оригинальный для правого круга мыслителей вывод о причинах спора западников и славянофилов в 1840-е годы: «Дело было вовсе не в “славянофильстве” и “западничестве”. Это цензурные и удобные термины, прикрывавшие собою далеко не столь невинное явление. Шло дело о нашем отечестве, которое целым рядом знаменитых писателей указывалось понимать, как злейшего врага некоторого просвещения и культуры, и шло дело о христианстве и церкви, которые указывалось понимать, как заслон мрака, темноты и невежества...» Далее Розанов приписывал западникам и их последователям (либералам и радикалам) мысли о том, что религии нет, Бога нет, русская история — цепь ошибок и суеверий, Россия же не содержит в себе никакого здорового и ценного зерна²⁹. Написано ярко, сочно, едко... Но ведь в этих рассуждениях неточность на неточности, передежка на передежке.

Гонения были не только на славянофилов, но и на западников, причем со стороны властей. Назвать гонениями на славянофилов критику со стороны западнически настроенной интеллигенции нельзя. Объединять радикальных и умеренных литературных деятелей, Писарева с Краевским, по меньшей мере некорректно. Упоминание Рачинского в этом контексте есть банальная демагогия. Ну а отказ западникам в патриотизме, приписывание либералам и радикалам ненависти к России — старая и весьма тенденциозная песня, ее пели еще примыкавшие к славянофилам Погодин, Шевырев, Языков и многие другие.

Наконец, нетрудно убедиться, что, говоря о семидесяти годах плевков, Розанов подразумевал, что славянофильство в эти годы так или иначе сохранилось. Очевидно, он имел в виду «почвенников», Данилевского, Достоевского и т.п. Но ведь понятие «позднее славянофильство» очень расплывчато, да и лукаво. Если согласиться с тем, что оно существовало, то тогда придется поставить принципиальный знак равенства между теориями Хомякова, Киреевских, Аксаковых и между теориями Данилевского или Константина Леонтьева. (Розанов, кстати, так и делал³⁰.) На самом деле эти теории очень разнятся. В теориях Данилевского и Леонтьева нет того либерального духа, стремления к свободе, которое было в теориях славянофилов; в них много этатистских, империалистических, державных идей, совершенно отсутствовавших у славянофилов, которым был чужд культ государственности. Поэтому говорить о том, что славянофильские идеи были продолжены мыслителями наподобие Данилевского, значит исказить ситуацию. В таком виде, в каком славянофильская концепция существовала в кружке Хомякова, она не существовала более никогда.

Возможно, Розанов не понимал этих оттенков или был не согласен с ними. Возможно, он в этих рассуждениях уподобился тому оголтелому правому помещику, для которого все, кто чуть левее его, — «сицилисты проклятые». Возможно, он не помнил или не хотел помнить, что славянофилы критически относились к правящему режиму. Но ведь приписать левой составляющей общественной мысли ненависть к России в книге, написанной в годы войны и посвященной войне, — это ведь похо-

же на политический донос. «Мысль о “русской цивилизации”, “русской культуре” — сводила с ума, парализовала душу...»³¹ — вот как трактовал Розанов противников славянофилов. А в условиях, когда, по его же словам, идет война культур и цивилизаций, на чьей стороне окажутся радикалы и либералы? Розанов не задавал прямо этого вопроса, но он подводил к нему. Если это не донос, то как минимум использование войны для сведения политических, литературных и личных счетов.

Последнюю же смысловую часть своих рассуждений о славянофильстве Розанов с большим удовлетворением посвятил тому, что в годы войны общество вновь обратилось к славянофильским идеям, причем их стали повторять даже «западнические» газеты и журналы. Правда, примеры при этом он приводил странные: статьи «Родине» С.Н. Булгакова и «Наше мщение» Т. Ардова, опубликованные в «Утре России». Дело в том, что отец Сергей Булгаков — религиозный философ и консервативный мыслитель, который никогда не был сторонником западников. Статья же Ардова — откровенно ксенофобская, до чего славянофилы никогда не опускались (чего стоит тезис Ардова о том, что мы воюем не с немецким лейтенантом, не с прусским милитаризмом, не с германским государством, а с немецким народом). Пример о переименовании Санкт-Петербурга в Петроград был совсем странен — ведь это произошло по указу императора, который уж точно не руководствовался тем, что написали славянофилы.

Таким образом, при всей пестроте сюжетов книги «Война 1914 года и русское возрождение» вырисовывается вполне однозначная картина: Розанов, опираясь на идеи близких ему мыслителей, сделал попытку монополизировать патриотизм, объявив себя противником будто бы ненавидящих Россию западников и последователем патриотов-славянофилов.

С каждой последующей главой книга Розанова становится, увы, все менее интересной для исследователя. Знаменитые антиномии применяются лишь по мелочам, исчезает основной принцип автора — колебание, страх выбрать одну мысль из множества мыслей о предмете. Перед нами все четче проступает одна из многочисленных агиток о войне. Бескорыстная, изложенная великолепным русским языком, очень темпераментная, но все же агитка.

В четвертой главе «Русское церковное воспитание и германские зверства» Розанов ставил вопрос: христиане ли немцы, если совершали такие зверства? Он предполагал, что в запальчивости, в раздражении можно было сделать что угодно, но обязательно должен был найтись кто-то, кто бы напомнил о греховности происходящего. У немцев же, по интерпретации Розанова, никто никого не остановил и не напомнил о Боге. Причины этого он видел в лютеранстве, которое, по его мнению, хоть и проповедует нравственные нормы, но не может воспитать в верующих религиозного испуга, страха перед безбожным действием. Вера в протестантстве — всего лишь «“правило поведения”, которое в экстатический момент, как в июле —августе у германцев, “на ум не пришло”, “забылось”, “выскочило из головы”»³².

Лютеранству Розанов противопоставлял православие, которое как раз и воспитывает упомянутый религиозный испуг, являющийся преградой на пути совершения греховного дела. «*Хочется убить, да испугался*”... “Поднял кулак над старухой-женщиной, да *что-то остановило*”»³³, — такие невольные движения, удерживающие от разрушения, по Розанову характерны как раз для православных.

В этой связи Розанов долго рассуждал о сердобольности грубой, суеверной, темной русской души, об отсутствии в ней лютоги, встречающейся только в виде патологического исключения, об испуге грехом, которого нет в протестантском бого-

словии, о воспитании русской церковью сострадания к больному, раненому, слабому. Розанов выводил формулу, согласно которой, лютеранская церковь — правильная, а русская — святая, ибо в лютеранстве Христос — добрый пастырь, в котором нет тайны и чуда, а в православии «Христос есть изводитель чудес и тайн и всего святого порядка на земле». Розанов эмоционально писал о категории святости в русской жизни и об отсутствии такого понятия у немцев. Отсюда его утверждение, что «немцы суть общественно-воспитанные люди, публично-воспитанные люди, но они не суть нравственно-воспитанные люди и религиозно-воспитанные люди»³⁴.

Надо признать, что рассуждения Розанова о лютеранстве и православии с литературной точки зрения великолепны, очень эмоциональны, но при этом написаны «не взхлеб», а со спокойной уверенностью. Как по-другому, к примеру, можно оценить его фразу: «Самая почва Германии — какой-то религиозный булыжник, а не живые цветочки, сплетенные из вздохов, из слез, из мученических подвигов, страданий и кровей. “Как им не быть грубыми”, — скажем мы в оправдание зверств. Они — несчастны»³⁵.

Эти рассуждения Розанова, без сомнения, находили и находят много почитателей. Кроме того, трудно ожидать от верующего человека иной трактовки религиозного вопроса в годы войны. Определенная ксенофобия в этот период тоже объяснима. Поэтому критически анализировать Розанова очень трудно, тем более что он, безусловно, искренен и бескорыстен. Но ничего принципиально нового в этом противопоставлении рационализма и духовности, воспитанности и душевности нет. И ничего верного в этих рассуждениях тоже нет, если вспомнить зверства русских по отношению к русским в годы гражданской войны. И объективно Розанов един с более грубой, примитивной, банально ксенофобской и не всегда бескорыстной пропагандой войны по принципу «С нами Бог!». Ему и в голову не приходило, что, может быть, настоящий патриотизм — не в отстаивании того, что мы — самые лучшие, в том числе и религиозно, а в осознании чудовищности войны, не в благословении войны, а в просчете ее последствий для России. В итоге приходится сделать вывод, что Розанов, при всех своих тонкостях и нелюбви к общественности, увы, объективно становился в ряды ксенофобов. И это, как говорится, было только начало, ибо он, говоря образно, все больше погружался в войну.

Следующим шагом у него было сближение с имперской сущностью войны. В пятой главе «Обращение Верховного главнокомандующего о Польше и о Червонной Руси» Розанов без всяких комментариев приводил обращения вел. кн. Николая Николаевича к полякам и к русскому народу по поводу намерений о воссоединении Польши под эгидой русского императора. В обращении к полякам говорилось о том, что душа польского народа жила надеждой на воскресение и примирение с братской Россией, и о том, что русские войска несут полякам благовест об этом примирении. В обращении же к русскому народу напрямую говорилось, что Николай II завершает дело Ивана Калиты, а Божий промысел благословляет собирателей земли русской.

В комментариях к обращению Николая Николаевича в следующей, шестой главе «Судьба Польши и слово Верховного главнокомандующего» Розанов позволил себе ранее не характерные для него дифирамбы в честь императора. Он сделал вывод, что «пыл народа, пыл населения о том, чтобы война была историческою, — получил себе фундамент»³⁶. В рассуждениях о необходимости присоединения Польши как цели войны Розанов показал себя вполне империалистом, чего ранее также не наблюдалось. Он писал о закономерностях разделов Польши, о том, что поколение последнего польского короля и он сам должны были быть наказаны. Но нынешние поляки не несут ответственность за Августа Понятовского, рассуждал Розанов. От него доста-

валось Австрии за то, что она манила поляков лишь «провинциальной свободой», и Пруссии — за то, что она поклялась стереть поляков с лица земли. При этом Розанов восхвалял слова вел. кн. Николая Николаевича, которые, по его мнению, выразили то, что казалось несбыточным и русским, и полякам. Последним «вдруг ... открылось, что был некто, кто всегда о них думал, — думал и молчал, болел и молчал...»³⁷.

Разумеется, стремление включить всю Польшу в состав Российской империи объяснялось Розановым не с геополитических или экспансионистских, а исключительно нравственных и даже религиозных позиций. «Не все народы живут государственно, — отмечал он. — Это особое призвание Божье, особый талант от Бога. Но народ может быть вполне прекрасен и вполне талантлив, если он целен, жив и спокойно раскрывает свои силы во всех областях, кроме единственной, которая ему “не далась”, — политической. Поляки конечно погубят себя, если будут стараться выйти за пределы слов главнокомандующего; да и не достигнут ничего, а только разобьются. Стена у Кремля — крепкая, и вообще большие царства живут в больших и прочных стенах»³⁸.

В подтверждение своей мысли Розанов пускался в пространные исторические и политические рассуждения о Бисмарке, Александре III, Гагской конференции, государственности русского народа и негосударственности польского, о радости поляков от обращения Николая Николаевича. Даже попытками анализа эти рассуждения назвать нельзя — настолько они фрагментарны и беспомощны. И если раньше фрагментарность Розанова была его сильной чертой, ибо показывала реалии с возможно большего количества сторон, то данная фрагментарность, отражая банальные идеологии, показывает, что как историк и политик он был совсем не силен, да и имперскость — не его стезя.

Дело доходило до того, что Розанов начинал критиковать... славянофилов — за то, что они ругали поляков как католиков и не были сторонниками панславизма. «В горячей и, нельзя не сказать, поспешной полемике, они твердили о себе, что одни только несут боль о славянстве, скорбь о славянстве, скорбь о “дедине русской”, называя так стародавние века России и стародавние пределы России. И теперь только можно понять и постигнуть, почему официальное правительство говорило им: “Сидите смирно”»³⁹. И почему? Да потому, что ни разу о Польше тепло не говорили и нарушали тем самым замыслы правительства, озвученные теперь вел. кн. Николаем Николаевичем.

Розанов невольно оказался в положении гоголевской унтер-офицерской вдовы, которая, по словам городничего, «сама себя высекла». Он вынужден был «забыть», что несколькими страницами раньше с горечью рассуждал о травле славянофилов левыми и либералами. Теперь ему «вспомнилось» (причем в положительном контексте) преследование государством аксаковских журналов, богословия Хомякова, исторических идей К.С. Аксакова, стремительное закрытия Николаем I журнала И.В. Киреевского «Европеец». Неужели раньше не помнил? Конечно, помнил. Но не упоминал, потому что это было ему невыгодно. А теперь? Теперь нужно было идеологически обосновывать обращение главнокомандующего, и славянофилы в этом деле могли только помешать. В результате обращение вел. кн. Николая Николаевича трактовалось как проявление новой тенденции, которая, говоря словами Розанова, исходит от престола царского. И Розанов без колебаний променял линию славянофилов на линию царя. Теперь его гнев был обращен на славянофилов: из их рассуждений шубы не сошьешь, из их благородства ничего не выходило, славянофильство село на мель и умерло, они видели ум только в себе, они осмелились нападать на правительство, они за офици-

альностью не видели сердца, которое всегда болело (о Польше. — *В.Г.*), они были просто глупы⁴⁰. И все это — о «забытых и ныне оправданных»!

Вряд ли будет правильно выдавать «смену вех» у Розанова по отношению к славянофилам за его очередную антиномию. Более того, есть основания утверждать, что его рассуждения по поводу обращения Н.Н. Романова ставили крест на его отмеченной выше методологии, на умении различать различные нюансы в предмете исследования. Эволюция взглядов мыслителя привела его от антиномий к стремлению уложить факты в идеологическую концепцию. Выше уже отмечалось, что в рассуждениях Розанова о воспитательном значении войн, об отечестве и государстве оставался лишь шаг до смешения понятия «любовь к родине» с понятием «любовь к Вашему Высокопревосходительству». Этот шаг Розанов, увы, сделал. Отечество он отождествил с государством, а государство с царем (какие бы мотивы при этом ни были), и в итоге его патриотизм приобрел имперские и ксенофобские черты.

От «высокой политики» Розанов возвратился затем в свою стихию разрозненных наблюдений. В следующей, седьмой главе «Немцы у себя и у нас» Розанов мельком коснулся наблюдений одной своей знакомой, бывшей в Берлине в начале войны (кайзер внушал, что не Германия объявила войну России, а Россия Германии; немцы считали, что они одерживают непрерывные победы; в Германии были надежды на смуту во время призыва в России), и перешел от них к наблюдениям петроградским. При этом он уже открыто говорил о том, что выражает точку зрения обывателя, которому не очень понятны международные отношения, но зато понятна бытовая сторона жизни. Его выводы были вполне обывательскими: немец давит на все в Петрограде и по всей России. На основе изучения телефонной книжки и личных наблюдений Розанов делал вывод, что «поистине Петроград и Россия — какая-то колония для Германии...». По его мнению, «русские везде “спущены как можно ниже”... В службах и очень высокопоставленных, и в средних, в службах официальных и в работах практических». Портные — эстонцы, провизоры — немцы или евреи. Розанов возмущал при этом аргумент одного из работодателей, что русские мастеровые часто бывают нетрезвы. Вина за это Розановым возлагалась, как нетрудно догадаться, на немцев, исходивших, по его мнению из того, что «чем порочнее и пьянее русские — тем все это хлебнее и выгоднее для немца». Заканчивалось же все в духе банального национализма, даже носившего провокационный характер: «Клик “война!” слился с другим криком: “Русские — к работе!!” И вот отчего у всех так хорошо на душе»⁴¹.

В этой главе Розанов еще раз напрямую обратился к понятию «патриотизм», которое обычно им лишь подразумевалось. По его словам, если немецкий патриотизм — это какое-то собрание словесных шаблонов, то русский — тайна души и сердца⁴².

В следующей, восьмой главе «Департаментские немцы», отталкиваясь от тезиса, что ум и даровитость человека выражается прежде всего в скромности, Розанов утверждал, что понятие «скромный немец» — это то, чего мир не видывал. По его мнению, русские уважительно относятся и к инородцам, и к другим странам: «Презрительных описаний “заграницы” в русской литературе почти нет, встречаются только краткие афоризмы в этом роде какого-нибудь ипохондрика-сатирика»⁴³. Здесь Розанов явно тенденциозен: увы, на самом деле было далеко не так⁴⁴. Между тем всем немцам Розанов приписывал отношение к русским как к свиньям, которых, к тому же, нельзя ничему научить. Розанов приводил письмо одного петроградского департаментского чиновника о немце, являющемся секретарем департамента — некомпетентном бездельнике, причем на основании этого письма делались широко идущие выводы.

В девятой главе «Испорченный человек» Розанов возражал Н.А. Энгельгардту, написавшему, что причина всех зверств немцев кроется в их «механичности». Розанов был не совсем согласен с этим, считая, что причиной является не испорченная механика, а испорченный человек. Вину же за то, что из человека делают некую механическую куклу, он возлагал на германское правительство, покусившееся на божественный план сотворения человека по образу и подобию Божию, на материализм и позитивизм. По мнению Розанова, вся Русь знает, что нельзя сделать из человека механизм с казенным заводом: «...Знают все это русские мужики, знают все наши нечесанные ... попы, знают страннички и живущие по лесам и в пещерах древние “старцы”, — да помнят даже и гимназисты, когда блаженно шалят и дурачатся в классах и никак не дают надеть на себя педагогической муштры»⁴⁵.

В десятой главе «К разрушению Реймского собора» Розанов возмущался, что все переживают по поводу гибели этого памятника искусства, но никто в Европе не плачет, что погиб народный дом молитвы; все оплакивают музей и никто не плачет о религии. Он высказывал предположение, что «раньше прусских ядер его разрушило общее, вовсе не прусское только, но вообще европейское отношение к религии, к молитве, к Богу... Бог отнимает у нас то, от чего мы сами отказались и все больше отказываемся». Розанов, конечно, передергивал, когда упоминал о том, что собор был «оставлен только снисходительно для обывателей, для темных мешан и верующих женщин, “не понимающих пока своих предрассудков”»⁴⁶. Это рассуждение было предположением его самого, возведенным им же в ранг истины. Поучая европейцев плакать о каждой хижине-церкви, если она разрушается, он повторял славянофильские (вот здесь на самом деле славянофильские) такие же умозрительные рассуждения о потере религиозности в Европе. В очередной раз досталось Бюхнеру, Фохту и Молешотту, что напоминало уже заезженную пластинку. Розанов, совсем незадолго до этого упрекавший немцев в нескромности, брал на себя весьма нескромную миссию наставить Европу на истинный религиозный путь.

Обобщая мысли Розанова, изложенные им в седьмой — десятой главах книги, можно сказать, что патриотизм, как «тайну души и сердца», ему раскрыть не удалось (если, разумеется, не повторять за ним, что патриотизм — это уверенность, что царь все знает). А вот приправленные патриотическим соусом банальную ксенофобию, банальный бытовой национализм, обывательские рассуждения и высокомерие к Европе он проявил в полной мере.

Последняя глава книги «Война 1914 года и русское возрождение» была для Розанова одной из самых важных. В ней он поместил документальные свидетельства о войне — письма с фронта и на фронт. Недаром эта глава называется «Из армии и возле армии». Безусловно, публикация пусть даже небольшого количества этих писем была заслугой Розанова. Помимо того, что это была дань внимания и уважения к воюющим, она способствовала еще и сохранению ценного исторического источника, свидетельствовавшего о настроении масс в годы войны. Розанову даже пришлось предложить создать книгу писем, которая была бы «насквозь живая». Эта идея, к сожалению, не была воплощена им в жизнь.

Понятно, что небольшое количество писем, опубликованных Розановым, не было репрезентативной выборкой. Есть основания предположить, что Розанову посылали копии писем те, кто разделяли его ура-патриотическую позицию. Не исключено, что Розанов, перешедший с позиций мыслителя на позиции пропагандиста, мог опубликовать только те письма, которые подтверждали правильность его взглядов и оценок. Следует учитывать и фактор военной цензуры. И тем не менее эти

письма дают хотя бы фрагментарную информацию о настроениях на фронте в начале войны.

Призыв прошел спокойно. Один из корреспондентов Розанова, ручавшийся за правдивость своих слов, свидетельствовал: «У меня служили рабочими два брата. В первую мобилизацию взяли одного, а в призыв ратников и другого. Мать их, живущая у меня, провожая второго, сказала ему, рыдая: “Сыночек, об одном прошу тебя: царю-то будь верен”». Русские солдаты проявляли исключительную храбрость, верность царю и отечеству и охотно терпели лишения военной службы. «Нельзя представить себе, что за солдаты. Орлы. У меня был случай. У дозорного убивают лошадь и его ранят. Подскакивает другой. Его убивают. Третий сажает на лошадь раненого, ведет лошадь под уздцы, перерезывает колючую проволоку и доводит до эскадрона. Все под сильным огнем. И так всегда». «Нет вина, нет брани, нет слез, нет скверных слов, не слышишь ни жалоб, ни ругани; даже вечной спутницы русского солдата — гармоники — и той нет; все сосредоточены, серьезны; больше говорим о серьезных делах, чем о пустяках»⁴⁷.

Успехи русской армии были неоспоримы, о чем свидетельствовали следующие отрывки из писем, опубликованных Розановым: «...Немцы отступают с такой поспешностью, что их догнать очень трудно». «Войска наши неудержимо рвутся вперед, так что командиру корпуса пришлось отдать в приказ, чтобы при переправе через реку войска не спешили и не напирали друг на друга. Передвигаемся мы очень быстро. Победа следует за победой. Давай Бог, чтобы так продолжалось дальше». «Немцы удара не принимают, уходят. Офицеров своих бросают. И зверствуют вовсю. Ну, да Бог их накажет». «Во время отступления австрийских войск в свои засады, они забирали жен и детей польских крестьян и ставили их на насыпь, из-за которой стреляли в наши войска...»⁴⁸

К нашей армии отношение было позитивное. «Вот женщина около развалин своего дома перед скарбом при виде проходящих войск возносит молитву к небу и осеняет себя крестным знамением. Ее взоры направлены на нас, проходящих». В нашей армии обстановка единства и сплочения. «Всех соединила одна идея, одна заветная мечта, единая воля и единая святая мысль защиты родины, святой матери-Руси. Куда делись вечные споры православных с сектантами, большевиков с меньшевиками, кадетов с октябристами, правых с левыми. Как рукою сняло все это». «Раздора нет; всех сковала чудотворная воля — победить немцев, защитить веками поработанных братьев славян, и духовно и экономически выйти из плена немцев»⁴⁹.

Расхваливая свои бытовые условия, воины писали: «Мы все время в тылу у немцев. Много взяли городов. Всего у нас много. Солдаты говорят, что [это] не война, а в гостях у тещи: немножко кусается, но хорошо принимает. Надоели сигары, а папиросы у них дрянь». «Воровства не видать. ... Одеты тоже очень прилично, все новые мундиры — брюки, сапоги, и другие вещи сшиты хорошо и материал доброкачественный; всюду видна заботливость, всего вдоволь, каши, чаю, сахару, — а щи настолько хороши и вкусны, что, я думаю, многие петербургские господа не отказались бы попробовать...»⁵⁰

Картина вырисовывалась настолько благодатная, что требует комментариев. Будем исходить из того, что корреспонденты Розанова были искренни. В таком случае, как уже отмечалось, надо принять во внимание цензурные ограничения. Они скорее всего офицеры, а не солдаты, причем один из них находится в тылу. Война — их профессия, и это тоже накладывает отпечаток. Наконец, и это, наверное, самое главное: письма относятся к начальному периоду войны, когда российское государство еще справлялось с проблемами на фронте и в тылу, а военные действия были в значи-

тельной степени успешными. Нельзя не признать, что большую роль в позитивном в целом отношении к войне сыграла и пропаганда, пока еще пользующаяся доверием. Отрезвление от войны еще не наступило.

И все-таки, несмотря на оптимистичный в целом тон писем, в них проскальзывали и иные ноты, контрастировавшие с ура-патриотическим отношением к войне: «Как бы я хотел хотя бы на несколько дней уйти из этой обстановки крови и человеческой (у немцев) животной разнузданности. Только здесь на границе жизни и смерти узнаешь человека во всей его отвратительной наготе. ... Человек создан для мира, и никакая идея не может сбить его со стремления к миру». «По немецкой системе учили только маршировать назад и вперед, становиться во фронт и отдавать честь. Стрельба, маневры, учения, необходимые для войны, были на заднем плане». Один из корреспондентов Розанова описывал мытарства своей жены, которая не могла найти работу и средства к существованию. Сам Розанов свидетельствовал, что на последней странице одного из писем, посланного не по почте, а с оказией, была сделана карандашная приписка: «А православные батюшки все говорят да говорят: “Терпите, терпите, чем темнее здесь, тем светлее там, на небе”. Какое кощунство!»⁵¹

Но пока такие строчки — это лишь отдельные штрихи, и Розанов по-прежнему придерживался мнения о благотворном влиянии войны. Под этим же углом зрения он публиковал и комментировал письма из тыла. Розанов приводил письма жены директора гимназии из Вильно, возмущенной промелькнувшим в газете мнением, что и в этом году женщины могут заниматься туалетами; гимназистки четвертого класса, сообщавшей о том, что все ученицы занимаются каждый день шитьем для фронта; учительницы, рассказывавшей о школьном лазарете; информацию из бедного церковного прихода о сборе денег для фронта⁵² и т.п.

Что касается выводов Розанова в последней главе книги, то они традиционны для позиции, которую он в конечном итоге занял. Война, по его мнению, сделала всех деловитыми, всех объединила и вообще в ней есть что-то спасительное. Розанов предполагал, что в будущем ее назовут целительницей. Конечно, было бы неправильным упрекать его в неумении просчитать ситуацию на несколько шагов вперед, но факт остается фактом: Розанов ошибался. Его эмоциональная натура, его настроение привели к тому, что он, говоря образно, отдался войне.

В этой связи характерна одна сцена, которой Розанов закончил свою книгу «Война 1914 года и русское возрождение». Это не просто эффектная литературная концовка, а признание, характеризующее, по мнению ряда исследователей, сущность Розанова и его *credo* во время войны, хотя описываемый им эпизод произошел несколькими годами раньше.

Розанов задумчиво брел по Петербургу, как вдруг услышал шум. Это была конница. Он сразу вспомнил рассказ своего брата о том, что в гвардии есть один полк, куда набираются солдаты огромного роста, и чтобы во внешности у них обязательно было что-нибудь свирепое. Розанов подумал, что движется именно тот полк. И действительно, очень близко к тротуару шли огромные лошади, с некрасивыми великанами-всадниками.

«Я все робко смотрел на эту нескончаемо идущую вереницу тяжелых всадников, из которых каждый был так огромен сравнительно со мной! — писал он. — Малейшая неправильность движения — и я раздавлен... Чувство своей подавленности все более и более входило в меня. Я чувствовал себя обвешанным чужою силой, — до того огромной, что мое “я” как бы уносилось пушинкою в вихре этой огромности и этого множества... Когда я вдруг начал чувствовать, что я не только “боюсь”, но и обворо-

жен ими, зачарован странным очарованием, которое только один раз — вот этот — испытал в жизни. Произошло странное явление: преувеличенная мужественность того, что было предо мною, как бы изменила структуру моей организации и отбросила, опрокинула эту организацию в женскую. Я почувствовал необыкновенную нежность, истому и сонливость во всем существе... Сердце упало во мне — любовью... Мне хотелось бы, чтобы они были еще огромнее, чтобы их было еще больше... Этот колосс физиологии, колосс жизни и, должно быть, источник жизни вызвал во мне чисто женственное ощущение безвольности, покорности и ненасытного желания “побыть вблизи”, видеть, не спускать глаз... Определенно — это было начало влюбления девушки»⁵³.

Розанов, по его свидетельству, вернулся домой весь в трепете и длительное время ни с кем не разговаривал, чтобы сохранить в себе «это». И он решил, что прикоснулся к некоторой тайне мира и истории, которую изложил как раз в книге «Война 1914 года и русское возрождение»: «Сила — вот одна красота в мире... Сила — она покоряет, перед ней падают, ей, наконец, молятся... Молятся вообще “слабые” — “мы”, вот “я” на тротуаре... В силе лежит тайна мира... Суть ее — в очаровании... Суть армии, что она всех нас превращает в женщин, трепещущих, обнимающих воздух...»⁵⁴

Бердяев, отталкиваясь именно от этого высказывания Розанова, написал интересную работу «О “вечно бабьем” в русской душе», где сделал вывод о том, что «женственность Розанова, так художественно переданная, есть также женственность души русского народа». «Розанов, — по мнению Бердяева, — гениальная русская баба, мистическая баба». Именно поэтому он не мог противостоять самым разным тенденциям общественной жизни, «наконец не может противостоять могучему потоку войны, подъема героического патриотизма и опасности шовинизма»⁵⁵.

Так или иначе, но в начале войны Розанов — и это получило отражение в книге «Война 1914 года и русское возрождение» — все более переходил на позиции казенного патриотизма. От своего умеренного довоенного этатизма он переходил к ксенофобии, национализму и империализму. Любовь к родине все более отождествлялась у него с любовью к государству и государю, а сам он переставал быть мыслителем и становился пропагандистом официальной позиции правительства. Розанов повторял стереотипы официальной пропаганды, более подробно развивая по сравнению с ней тезис о превосходстве русского народа по религиозным и ментальным причинам. При этом во многом его позиция напоминала позицию петроградского обывателя и в значительной степени также объяснялась относительно успешным положением России в начале Первой мировой войны.

Другая работа Розанова, посвященная Первой мировой войне, — это брошюра «В чаду войны», выпущенная в 1916 г. Следует учесть, что она была написана в 1915 г. и поэтому искать в ней отражение «распутинщины» или «министерской чехарды» нельзя. Но другие многочисленные проблемы Российской империи в период войны: бездарность управления, коррупция, появление буржуазной оппозиции (не войне, а правительству) и разногласия в «верхах» появились. Официальная пропаганда переставала производить эффект. Наблюдалась усталость от войны.

Отразилось ли это в позиции Розанова по отношению к войне и патриотизму? На первый взгляд, в его книге «В чаду войны» почти ничего не изменилось по сравнению с книгой «Война 1914 года и русское возрождение». Первая глава новой книги называется «Возрождение России». В ней опять повторялась мысль о воспитательной функции войны. В качестве доказательства Розанов приводил патриотическое настроение своего пятнадцатилетнего сына, собиравшегося на войну, а также собствен-

ные симбирские воспоминания о том, как долго горожане помнили оборону Симбирска от Пугачева, передавая информацию об этом от отца к сыну. Живая традиция, по мнению Розанова, важнее всяких учебников истории, и она «только там, где “потеря плечом”, и всего лучше, величественнее и священнее — около войны»⁵⁶.

В последующих главах Розанов рассуждал о целесообразности называть армию «христоролюбивым воинством». В качестве аргумента он приводил слова священника, исповедовавшего солдат и поразившегося их высокому и чистому душевному состоянию («душа открыта, раскаяние легкое, от глубины души, чистосердечное»). Грехи, и притом мелкие, в подавляющем своем большинстве были сделаны еще до войны. Мирное население не обижали и даже расстраивались от таких вопросов, говоря, что «мы же православные». Опять от Розанова достались упреки либералам, озабоченным, как бы со стороны русских войск не было зверств, или упрекавшим Толстого за положительное изображение русской армии. Описывалось единение фронта и тыла и утверждалось, что «мы» душевно выздоравливаем около раненых и лазареты превратились в великое народное училище⁵⁷.

В новой книге у Розанова по-прежнему много рассуждений о роли религии, в частности о том, какое большое значение имел в годы войны праздник Рождества Христова. По-прежнему он ругал Европу и почти через запятую писал о зверствах немцев, европейской науке и рационализме. В завершающей части книги Розанов отмечал, что Европа забыла Бога и религию — и в этом заключается причина войны⁵⁸.

И все-таки изменения в книге «В чаду войны» по сравнению с «Войной 1914 года и русским возрождением» были, но их надо искать не в том, что написано, а в том, *о чем не написано*. Нет ура-патриотизма, практически исчезли упоминания о братьях-славянах, Розанов не вспоминал больше о воссоединении Польши, исчезли империалистические потуги и гипертрофированный этатизм. О царе вспоминалось (и весьма положительно), но только один раз, в связи с благотворным воздействием запрета продажи алкоголя во время мобилизации.

Эту книгу Розанова уже нельзя характеризовать как официальную пропаганду войны. Здесь восхвалялись православная вера, армия, воины, война по-прежнему воспринималась как правое дело, но все это выглядит уже как мнение не официального пропагандиста, а частного, глубоко религиозного и, возможно, идеализирующего ситуацию и свое воинство человека. И патриотизм носил теперь у автора скорее религиозный характер. А в заключении содержится очень важное высказывание: «Мы боремся против “Deutschland über alles”, и никогда на место его мы не поставим “Russland über alles”... Так Бог устроил наше сердце, что нам это просто противно. Противно, не нужно и враждебно. Мы и всегда хотим жить среди народов, как один из них, не помышляя ни о каком водительство, гегемонии и первенстве»⁵⁹. Таким образом, либо ход войны умерил ура-патриотизм Розанова, либо его натура скорее неосознанно, но ощутила изменения, происходившие в обществе. Но это были пока лишь первые подвижки.

В начале XXI в. была опубликована книга Розанова «Последние листья», считавшаяся прежде утраченной. Эта книга имеет большое значение для исследования взглядов Розанова на войну. Во-первых, предыдущие книги Розанова, специально посвященные войне, были написаны в 1914—1915 гг., а «Последние листья» — в 1916 г. Следовательно, данная книга заполняет хронологический пробел. Во-вторых, в 1916 г. Российская империя в значительной степени из-за войны, апологетом которой был Розанов, двигалась к своему краху. Поэтому есть возможность проследить, как это отразилось (и отразилось ли) у Розанова. В-третьих, для «Последних листьев»

характерны знаменитые розановские антиномии, которые тот утратил в своих книгах о войне, фактически превратившись в пропагандиста.

Показательно, что в «Последних листьях» можно найти лишь считанные высказывания Розанова о войне и патриотизме, причем по своему духу они решительно отличаются от того, что было написано им о войне раньше. Розанов констатировал, что мы «едва могли победить Турцию, побеждены Японией и очутились без снарядов перед Германией». Причинами же такой ситуации он называл ссылки на пример Суворова, которые, по его мнению, принесли столько вреда России, сколько не принесли пользы все победы Суворова. «Мы перестали вооружаться, учиться, но самое главное вооружаться, все твердя и тараторя, что “пуля дура, штык молодец”, и веря в “быстроту, глазомер и натиск”. В пору огнестрельного оружия мы (“штык — молодец”) в сущности вернулись к эпохе холодного оружия: колоть и рубить. Мы потеряли военное искусство»⁶⁰.

Правда, Розанов не оставался бы самим собой, если бы не умудрился обвинить в этом не столько власть, сколько общественность, которая, как «галочье стадо» (так в тексте. — *В.Г.*), добивалась все новых реформ, когда надо было вооружаться. И цари, по его мнению, были бессильны поправить дело. Это рассуждение, конечно, было непозволительной натяжкой. Тем не менее критика уровня нашей военной подготовки — практически первая трезвая оценка Розановым ситуации, в которой оказалась Россия в годы Первой мировой войны.

Вдогонку к своей мысли о неподготовленности России к войне Розанов формулирует еще одну: «Турецкая война была страшным обнаружением государственного ничтожества России. Именно “ничтожества” — меньше термина нельзя взять. Государя начали бояться всякого столкновения с Европой, они чувствовали, что при всяком крупном столкновении Россия проиграет. Боялись даже Австрии. Германии трепетали. Японская война “облупила яичко”. Оно оказалось протухлым»⁶¹. Такая резкая критика, на мой взгляд, объясняется не столько розановскими антиномиями, сколько тем, что реальность сокрушила его иллюзии. В свое время Розанов писал о том, что иллюзии дороже, чем статуэтки из разгромленного германского посольства. Теперь оказалось, что потеря собственных иллюзий дороже восхваляемого в 1914 г. государства.

Очевидно, сказалось и то, что писать патриотические трактаты в 1916 г. было уже невозможно даже для Розанова, часто пребывавшего не столько в реальности, сколько в своих представлениях. Теперь и он стал писать о том, что 17 губерний России заняты немцами и что Россию ожидает крах. Отсюда делался вывод, идущий вразрез не столько с казенным патриотизмом, но, пожалуй, с патриотизмом вообще: «Не Россия побеждала при Минихе, а именно и только побеждал Миних: грубый, здравомысленный, жесткий немец. И не “русские” перешли через Альпы, а их перешел — перелетел ангел Суворова. Он — гений и случай. Россия же всегда была темна, несчастна, ничему решительно не научена и внутренне всячески слаба. Она два века шла и преуспевала “на фу-фу”»⁶².

Представляется, что столь резкий переход от восхваления России к уничижительной ее критике имел в том числе и социально-психологические корни. Отмечавшаяся выше обывательская сторона Розанова дала о себе знать: под влиянием неприятной и неприглядной реальности сидевший в нем обыватель возмущался тем, что он воспевал раньше, ибо это воспеваемое не обеспечило его ожиданий, комфорта и душевного покоя. Таким образом, в «Последних листьях» Розанов прощался с той разновидностью патриотизма, которая была у него в первые годы войны. Об этом сви-

детельствует и его критика тех, кто называл себя патриотами: «...Да я и не отрицаю, что эти патриоты или “потреоты” все сплошь св... взяточники и проч. Среди которой (так в тексте. — В.Г.), впрочем, поднимались три фигуры: Гиляров-Платонов, Аксаков и Катков»⁶³. Попутно высказывался упрек «порядочным господам» за то, что никто из них не пошел в патриоты. Отсюда делался вывод о «неудачной стране», которая не умеет пользоваться у себя «удачными людьми»⁶⁴.

Розанову предстояло пережить не только неприятный для России ход войны, но и 1917 г. Пережитые им потрясения он отразил в своих последних статьях («Революционная Обломовка», «С печальным праздником», «Рассыпавшиеся Чичиковы»), но главным образом в своей последней значительной работе с характерным названием «Апокалипсис нашего времени».

Розанов был настолько потрясен падением монархии, дезертирством солдат, новой властью, что эти работы (особенно «Апокалипсис нашего времени») по духу и содержанию (в части, касающейся общественно-политических проблем и войны) диаметрально противоположны книгам «Война 1914 года и русское возрождение» и «В чаду войны». От былой поддержки войны и восхваления армии («христолюбивого воинства») не осталось теперь ничего. Возьмем армию. Вместо «христолюбивого воинства» теперь «солдатчина», которая так ужасно отреклась от царя; армия, которая «просто кидает оружие и уходит домой»; трамвайное хамство пьяного солдата⁶⁵; «дебоширство солдат где-то в Самарской губернии, на железной дороге, где эти солдаты избили невинного начальника станции и избили так, что он умер»; наконец «“отложившийся от России Кронштадт” с его безобразной бессудностью над офицерами и негодными матросами»⁶⁶. Вместо побед русского оружия — «победы, где самая замечательная была победа казака Крючкова, по обыкновению отрубившего семь голов у немцев». Вместо войны, которая непременно должна была окончиться победой, ибо на нашей стороне истинное христианство, оказалась «роковая война», в которой «почему же “должны победить”? Победа создается не на войне, а в мирное время. А мы в мирное время ничего не делали...». Наконец вместо народа, в котором есть страх Божий и нет люто́сти, «подлый народ, из коих вот один, старик лет 60 “и такой серьезный”, новгородской губернии, выразился: “Из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть”. Т.е. не сразу сорвать кожу, как индейцы скальп, но надо *порусски* (курсив мой. — В.Г.) вырезывать из его кожи ленточка за ленточкой»⁶⁷.

Возможно, Розанов сознательно полемизировал здесь сам с собой, со своими прежними взглядами, так как у него заметно повторение сюжетов, трактуемых уже совсем по-другому. В работе «Война 1914 года и русское возрождение» он возмущался засильем немцев и евреев в петроградских аптеках и обращал внимание на издевательский смысл словосочетания «русская аптека». Теперь он пишет: «Никто не занялся тем... что в России нет ни одного аптекарского магазина, т.е. сделанного и торгуемого русским человеком, что мы не умеем из морских трав извлекать воду, а горчишники у нас “французские”, потому что русские всечеловеки не умеют даже намазать горчицы разведенной на бумаге с закреплением ее “крепости”, “духа”. Что же мы умеем?»⁶⁸ Конечно, эту едкую иронию в адрес «всечеловеков» можно объяснить и отсутствием напора впечатлений начала войны (по Бердяеву), и противоречивостью творчества Розанова (как у многих исследователей). Но думается, что значительную роль в исчезновении иллюзий ксенофобского патриотизма сыграла прежде всего реальность.

Аналогичная полемика Розанова с Розановым встречается и в сюжете «Апокалипсиса нашего времени», посвященном проблеме государственности/негосударственности русского народа. В работе «Война 1914 года и русское возрождение»

Розанов, восхищаясь обращением вел. кн. Николая Николаевича к полякам, пытался убедить то ли поляков, то ли общественное мнение, то ли самого себя в том, что полякам лучше жить в русском государстве, так как у них нет таланта государственности, а у русских он от Бога. Теперь же он отмечает, касаясь сюжета призвания варягов: «Историки просмотрели, а славянофилы не догадались, что это вовсе не “отречение от власти” народа, до такой степени уж будто бы смиренного, а *неумелость* власти, *недаровитость* к ней... Это прекрасный дар жить улицею, околоточком и не более, не грешнее». По этому поводу далее Розанов горько иронизирует: «Ей-ей, под немцами нам будет лучше. Немцы наведут у нас порядок... Устроят полицию, департаменты. Согласимся, что ведь это было у нас всегда скверно и глупо. Министерию заведут. Не будут брать взятки... Да, еще: наконец-то, наконец немцы научат нас русскому патриотизму, как делали их превосходные Вигель и Даль». При этом Розанов по-прежнему подчеркивает, что немцы «без души», и поэтому свою грустную иронию заканчивает немного на другой ноте: «Мы наконец из них... сделаем что-то похожее на человека, а не на шталмейстера. ... Мы научим их танцевать, музыканить и петь песни. Может быть, даже научим молиться. ... Мы дадим им пророков, попытаемся дать им понятие о святости, что едва ли мыслимо. Но хоть попытаемся. Выучим говорить, петь песни и сказывать сказки». Но эта грустно-насмешливая нота — фантазия от безысходности. И, конечно же, досталось и государству. По мнению Розанова, «прогнившее насквозь царство» и «наша вонючая революция» стоят друг друга⁶⁹.

Итак, Розанов поменял свои взгляды на солдат, армию, русский народ, патриотизм и отчасти государство. Угар войны прошел. Он пишет о «самоупоенности» в прошедшем времени, применительно к началу войны⁷⁰. Но было бы странным, если бы Розанов полностью отказался от своих взглядов, и не только времен войны. Поэтому он по-прежнему монархист, государственник, религиозный человек, он по-прежнему не любит левых и либералов. И он очень болезненно переживал крушение монархии. Причину этого он, помимо отрекшихся от царя армии и народа, по-прежнему видел в тех, к кому испытывал и испытывает антипатию.

Традиционные упреки Розанова своим идейным оппонентам — левой и либеральной общественности продолжились: «В 14 лет “Государственная” дума промотала все, что князя *Киевские*, цари *Московские* и императоры *Петербургские*, а также *сослуживцы их* доблестные накапливали и скопили в тысячу лет»⁷¹. «Приказ № 1, превративший одиннадцатью строками одиннадцатимиллионную русскую армию в труху и сор, не подействовал бы на нее и даже не был бы вовсе понят ею, если бы уже $\frac{3}{4}$ века к нему не подготовляла вся русская литература. ... “Приказ № 1” давно готовился. Бесспорно, он был заготовлен в Берлине. Берлин вообще очень хорошо изучил русскую литературу. Он ничего не сделал иного, как выжал из нее сок. ... От ароматов и благоуханий он отделил ту каплю желчи, которая, несомненно, содержалась в ней. ... И в нужную минуту поднес ее России. ... Россия выпила и умерла»⁷².

Вряд ли это проявление политических антипатий можно считать серьезным анализом. Розанов даже не задумался, что же это за государство, которое могло распасться от деятельности Думы, тем более что I и II Думы работали считанные недели, а III, да и IV вначале были вполне лояльными императору? И уж тем более от литературы, которая, по его мнению, высмеивала армию и создавала негативный образ офицера, не говоря уже о том, что здесь Розанов повторялся, да и опять, кроме образов Скалозуба и Бетришева, конкретных примеров не приводил.

Конечно, мысль о том, что причины крушения русского космоса, может быть, заключались в бездарном правлении Россией или в тех ура-патриотах, которые под-

толкнули Россию к Первой мировой войне, Розанову в голову прийти не могла при всей его разноплановости и противоречивости. Проще было упрекать в крушении России либералов, к которым у Розанова давние претензии.

Возвращаясь к проблеме патриотизма, следует отметить, что было бы неправильно считать, что в «Апокалипсисе нашего времени» его нет. Не стало патриотизма казенного, основанного на ксенофобии и империализме, ура-патриотизма. А боль за родину и сочувствие ей остались. И, на мой взгляд, Розанов в «Апокалипсисе нашего времени» гораздо больший патриот, чем в начале войны.

Для лучшего понимания эволюции розановского патриотизма в годы Первой мировой войны представляется целесообразным сравнить его высказывания по этому вопросу с довоенными. Вот что он писал в «Опавших листьях»: «Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно тогда, когда она слаба, мала, унижена, наконец глупа, наконец даже порочна. Именно, именно когда наша “мать” пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, мы и не должны отходить от нее... Но и это еще не последнее: когда она наконец умрет и ... будет являть одни кости, тот будет “русский”, кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого. Так да будет...»⁷³

Таким образом, противоречивость творчества Розанова, отражение им различных впечатлений, отсутствие дистанции между переживанием и словесным воплощением дает информацию о войне и ее восприятии в русском обществе. Кроме того, его сознательное или бессознательное позиционирование себя в качестве российского обывателя позволяет проследить взгляды на войну огромной массы представителей этого социально-психологического типа.

Взгляды Розанова на войну объясняются, с одной стороны, политическими причинами (его нахождением в правой части российского политического спектра вследствие этатизма, антилиберализма и т.п.), с другой — идеологическими (сильным влиянием на него идей так называемого позднего славянофильства), с третьей — религиозными (убеждением в превосходстве православия над другими ветвями христианства), с четвертой — социальными (отражением стереотипов российского городского обывателя), с пятой — психологическими (женственностью натуры, поклонением силе). По этим причинам в начале войны Розанов буквально очарован ею. Он не смог противостоять напору казенного патриотизма и официальной пропаганды. Поэтому постепенно из мыслителя, отражающего различные стороны жизни, Розанов превращался в пропагандиста войны. От умеренного этатизма на религиозной подкладке он эволюционировал к империализму, ксенофобии и банальному бытовому национализму. Патриотизм Розанова все более приобретал казенный характер, любовь к родине все более отождествлялась с любовью к государству и государю. В значительной степени это объясняется относительно успешным положением России в начале войны.

В 1915 г. ход войны постепенно умерил ура-патриотизм Розанова. Исчезли империалистические потуги и повторение официальной точки зрения. Розанов переставал быть пропагандистом и постепенно его патриотизм приобретал скорее религиозные черты. В 1916 г. Розанов окончательно отошел от трактовки патриотизма, которая сформировалась у него в начале войны. Крушение иллюзий, потеря душевного комфорта и покоя привели к резкому переходу от восхваления России к ее уничижительной критике. В 1917—1918 гг. Розанов, крайне болезненно переживавший крушение монархии и армии, серьезно изменил свои взгляды и крайне негативно отзывался о солдатах, армии, русском народе. Но это не значит, что он перестал быть

патриотом. Не стало казенного патриотизма, основанного на ксенофобии, национализме, империализме. На это место пришли искренняя боль за родину и сочувствие ей. И в этом смысле Розанов стал бóльшим патриотом, чем в начале войны. Правда, так и не осознав, что причиной событий 1917 г. в значительной степени стала война, воспеваемая в том числе и им. Поэтому он ищет причины катастрофы весьма поверхностно — в деятельности либеральной общественности и даже в русской беллетристике.

- ¹ См.: *Фатеев В.А.*: 1) В.В. Розанов: Жизнь. Творчество. Личность. Л., 1991; 2) Публицист с душой метафизика и мистика // В.В. Розанов: pro et contra: личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб., 1995. Кн. I. С. 5—36; 3) С русской бездной в душе: жизнеописание Василия Розанова. СПб.; Кострома, 2002; 4) Розанов Василий Васильевич: краткий очерк для Интернет-библиотеки «Люди и книги». URL: <http://www.az-libr.ru/index.shtml?Persons&000/Src/0010/168e2b88>
- ² *Николюкин А.Н.*: 1) В.В. Розанов и его мирозерцание // *Розанов В.В.* Уединенное. М., 1990. С. 5—20; 2) Василий Васильевич Розанов: писатель нетрадиционного мышления. М., 1990; 3) Магия слова как философия: о своеобразии мирозерцания В.В. Розанова // *Розанов В.В.* Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 3—10; 4) Розанов. М., 2001.
- ³ *Фатеев В.А.* Публицист с душой метафизика и мистика. С. 5—6.
- ⁴ URL: <http://www.karlovchanin.eu/belaiaideia/331-o-knige>
- ⁵ См.: *Розанов В.В.* Религия. Философия. Культура. С. 5.
- ⁶ URL: <http://www.karlovchanin.eu/belaiaideia/331-o-knige>
- ⁷ *Шкловский В.Б.* Розанов // В.В. Розанов: pro et contra. СПб., 1995. Кн. II. С. 327.
- ⁸ *Шестов Л.* Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (Философия и проповедь) // *Шестов Л.* Избранные сочинения. М., 1993. С. 126.
- ⁹ Следует отметить, что в самой книге ее части не названы ни главами, ни параграфами и не пронумерованы. Выражение «глава такая-то» в статье будет употребляться условно, для удобства.
- ¹⁰ *Розанов В.В.* Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915. С. 1.
- ¹¹ См.: Там же. С. 3.
- ¹² Там же. С. 2.
- ¹³ См.: Там же. С. 3—5.
- ¹⁴ Там же. С. 5.
- ¹⁵ Там же. С. 7.
- ¹⁶ Там же. С. 9.
- ¹⁷ Там же. С. 10, 16.
- ¹⁸ *Бердяев Н.А.* О «вечно бабьем» в русской душе // В.В. Розанов: pro et contra. СПб., 1995. Кн. II. С. 42.
- ¹⁹ Подробнее см.: *Розанов В.В.* Война 1914 года ... С. 18—24.
- ²⁰ Там же. С. 24.
- ²¹ *Шестов Л.* Пророческий дар: (к 25-летию смерти Ф.М. Достоевского) // О Достоевском: творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 гг. М., 1990. С. 121.
- ²² Подробнее см.: *Розанов В.В.* Война 1914 года ... С. 33—34.
- ²³ Там же. С. 35—36.
- ²⁴ См.: Там же. С. 37.
- ²⁵ См.: Там же. С. 38—39.
- ²⁶ См.: URL: <http://www.az-libr.ru/index.shtml?Persons&000/Src/0010/168e2b88>; URL: <http://www.pravaya.ru/ludi/450/7778>; URL: <http://istina.rin.ru/cgi-bin/print.pl?id=3615&p=5&sait=3>; URL: <http://istina.rin.ru/cgi-bin/print.pl?id=3615&p=6&sait=3>; URL: <http://istina.rin.ru/cgi-bin/print.pl?id=3615&p=7&sait=3>
- ²⁷ Подробнее о споре славянофилов и западников см.: Русское общество 40—50-х годов XIX в. М., 1991. Ч. I: Записки А.И. Кошелева; Ч. II: Воспоминания Б.Н. Чичерина.
- ²⁸ *Розанов В.В.* Война 1914 года ... С. 43, 45.
- ²⁹ См.: Там же. С. 45—47.
- ³⁰ См.: Там же. С. 70.
- ³¹ Там же. С. 47.
- ³² Там же. С. 78.
- ³³ Там же. С. 73.
- ³⁴ Там же. С. 79, 81.
- ³⁵ Там же. С. 88.

- ³⁶ Там же. С. 97.
³⁷ Там же. С. 121.
³⁸ Там же. С. 130—131.
³⁹ Там же. С. 118.
⁴⁰ См.: Там же. С. 121—127.
⁴¹ Там же. С. 141, 142, 143, 144.
⁴² Там же. С. 149.
⁴³ Там же. С. 153.
⁴⁴ См.: *Беляков С.С.* Национализм в повседневной практике (на материале дневника А.Г. Достоевской) // Мир Клио: сб. ст. в честь Лорины Петровны Репиной. М., 2007. Т. II. С. 310—326; *Гольцов В.И.* Универсализм и ксенофобия в творчестве Ф.М. Достоевского // Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследство. М., 2010. С. 172—173.
⁴⁵ *Розанов В.В.* Война 1914 года ... С. 161.
⁴⁶ Там же. С. 173.
⁴⁷ Там же. С. 180, 204, 210.
⁴⁸ Там же. С. 180, 182, 184, 186.
⁴⁹ Там же. С. 185, 209, 210.
⁵⁰ Там же. С. 181, 213.
⁵¹ Там же. С. 182—183, 212, 215—216, 217.
⁵² См.: Там же. С. 189—193, 218—219.
⁵³ Там же. С. 230—232.
⁵⁴ Там же. С. 233—234.
⁵⁵ *Бердяев Н.А.* Указ. соч. С. 42, 43, 44.
⁵⁶ *Розанов В.В.* В чадку войны. Пг.; М., 1916. С. 8.
⁵⁷ См.: Там же. С. 16—30.
⁵⁸ См.: Там же. С. 30—41, 56.
⁵⁹ Там же. С. 59.
⁶⁰ *Розанов В.В.* Последние листья. URL: <http://www.users.kaluga.ru/kosmorama/listya.html>
⁶¹ Там же.
⁶² Там же.
⁶³ Там же.
⁶⁴ См.: Там же.
⁶⁵ См.: *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени // *Розанов В.В.* Уединенное. М., 1990. С. 393, 397, 420.
⁶⁶ *Его же.* Революционная Обломовка // *Розанов В.В.* Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 358.
⁶⁷ *Его же.* Апокалипсис нашего времени. С. 393, 395, 398.
⁶⁸ Там же. С. 394.
⁶⁹ См.: Там же. С. 398, 412.
⁷⁰ См.: Там же. С. 395.
⁷¹ *Розанов В.В.* Рассыпавшиеся Чичиковы // *Розанов В.В.* Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 367.
⁷² *Его же.* Апокалипсис нашего времени. С. 424—425.
⁷³ *Его же.* Опавшие листья. Короб первый // *Розанов В.В.* Уединенное. М., 1990. С. 106.

С.В. Тютюкин* (Москва)

Начало министерской карьеры Александра Керенского в 1917 г.

Победоносная Февральская демократическая революция 1917 г. в России в несколько дней — как оказалось, навсегда — покончила с 300-летней романовской монархией. Царская семья была арестована, та же участь постигла и наиболее скомпрометировавших себя реакционных министров. Государственная дума и Государственный совет больше не собирались. Началась и смена части чиновников в госаппарате. Вместе с тем в стране быстро появились новые политические лидеры, хорошо зарекомендовавшие себя еще в думском Прогрессивном блоке и во время самой Февральской революции. Среди них был и один из наиболее активных левых политиков и ораторов в последнем царском парламенте, почти 36-летний лидер его крестьянской Трудовой группы, близкий к социалистам-революционерам адвокат Александр Федорович Керенский¹. И уже 2 марта 1917 г. он стал министром юстиции во Временном правительстве, которое, правда, в те дни никто не избирал, но которое тем не менее сосредоточило в своих руках всю высшую исполнительно-распорядительную и временно даже законодательную власть впредь до созыва в ближайшем, но довольно неопределенном будущем Учредительного собрания².

Керенский выдержал тогда негласный, но очень важный для него кастинг на должность министра юстиции (в нем участвовали еще видные кадеты В.А. Маклаков и В.Д. Набоков), преодолел сопротивление руководства Петросовета, считавшего, что социалистам в буржуазном Временном правительстве не место, и дал П.Н. Миллюкову, лично «колдовавшему» над списком будущих членов Временного правительства, согласие войти в его состав. Это был его первый, но, как оказалось, далеко не последний успех в стремительном продвижении к вершинам власти, изумивший вскоре всю Россию.

Что же этому событию предшествовало? Александр Керенский родился в Симбирске в русской дворянской интеллигентной и состоятельной семье. До окончания юридического факультета столичного университета отец, занимавший довольно видное положение в сфере народного образования, запретил ему связываться с политикой, и реальное приобщение Александра к ней началось только в конце 1904 — начале 1905 г., когда он женился и начал свою самостоятельную трудовую жизнь. События Первой российской революции ускорили этот процесс: молодой Керенский даже пытался вступить в Боевую организацию эсеров, был арестован и больше 4 месяцев провел в тюрьме, после чего ему временно запретили жить в Петербурге. С конца 1906 г. молодой, еще совсем неопытный юрист в качестве помощника присяжного поверенного, а через пару лет и самостоятельно стал защищать в суде арестованных участников освободительного движения. Это принесло ему определенную популярность в демократических кругах и открыло путь в IV Государственную думу (1912—1917), где Керенский соединил свою дальнейшую судьбу с крестьян-

* Тютюкин Станислав Васильевич — доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории, заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций.

ской Трудовой группой и даже стал ее лидером. Так депутат Керенский превратился в профессионального политика и последовательного критика и обличителя царизма, возобновил идущие с 1905 г. связи с эсерами и вступил в масонскую ложу. Последнее приносило ему полезные политические связи, дополнительную нужную информацию и облегчило быстрый карьерный рост. При этом значительно вырос и ораторский талант Керенского, который стали признавать даже правые депутаты Думы, в частности небезызвестный Н.Е. Марков 2-й. Узнала о дерзком депутате даже царица Александра Федоровна, считавшая, что Кедринского (так она ошибочно назвала в письме к царю Керенского) нужно повесить³.

К началу 1917 г. на него уже нередко смотрели как на будущую звезду того строя, который неизбежно должен был прийти в России на смену полностью исчерпавшей свои возможности полуабсолютистской монархии. А буквально за неделю до начала Февральской революции, 15 февраля 1917 г. Керенский прямо заявил в Думе, что для борьбы «с нарушителями закона есть только один путь — физического их устранения», пояснив, что имеет в виду то, что совершил во времена Древнего Рима Брут, убивший в Сенате Цезаря. При этом есть основания полагать, что речь шла в данном случае не только о царских министрах, но и о самом царе. Руководство Думы взяло Керенского под защиту, хотя царские власти были намерены лишить его депутатской неприкосновенности и арестовать⁴. Понятно, что открыто говорить в подобном тоне в Думе мог позволить себе только человек, уверенный в себе и главное — в непосредственной близости революции.

Не случайно автор ставших знаменитыми «Записок о революции» левый меньшевик Н.Н. Суханов (Гиммер), хорошо знавший тогда Керенского, вспоминал об одном эпизоде, когда в разговорах с ним тот даже не спорил с ним, услышав, что так или иначе скоро ему «*придется* стать в центре событий» и даже «*быть во главе государства*»⁵. Вместе с тем Суханов обращал внимание на огромное честолюбие Керенского, перешедшее затем в такое же *властолюбие*, ставшее в 1917 г. базовой чертой его характера наряду с верой в свое провиденциальное назначение, считая себя «немножко Бонапартом»⁶. Думается, что перед нами очень верное и глубокое понимание Керенского как личности, дававшее возможность уже заранее угадать источник многих его последующих ошибок, но на эти черты его характера ближайшее окружение ставшего знаменитым депутата должного внимания вовремя не обратило или, заметив их, промолчало, а расплачиваться за это пришлось потом всей России.

Очень ценно и еще одно наблюдение Суханова. Керенский, по его мнению, был скорее агитатором, лидером оппозиции, народным трибуном, чем глубоким мыслителем и истинно государственным деятелем. Поэтому уже к моменту свержения царизма (не говоря уже о последующих месяцах 1917 г.) Керенский, при всей своей недюжинной энергии и работоспособности, был крайне измучен своей «сверхчеловеческой» и «нервотрепательной», по выражению этого мемуариста, работой⁷. Отсюда шли быстрая смена настроений, нервозность и даже некоторая истеричность, бросавшиеся в глаза всем, кто имел тогда дело с Керенским, явно недостаточно чисто физически и психически подготовленным к выполнению тех ответственных обязанностей, которые он раз за разом взваливал на себя в том историческом году.

Февраль Керенский встретил уже сложившимся видным политическим деятелем — демократом, потенциальным социалистом и революционером. Началом революции принято считать 23 февраля 1917 г., но ее решающим днем стало 27 февраля, когда и Керенский активно включился в руководство событиями. Вызванный утром «братом-масоном» Н.В. Некрасовым в Таврический дворец, ставший тогда настоя-

шим штабом революции, Керенский сначала предложил продолжить заседания распущенной царем с этого дня Думы, но не был поддержан явно осторожничавшими другими депутатами. Лежавший на поверхности вариант перехода власти от царя к Думе, таким образом, отпал, но в тот же день в Петрограде были созданы сразу два центра, фактически распоряжавшиеся тогда судьбой всей революции, — Временный комитет Государственной думы⁸ и столичный Совет рабочих (а вскоре рабочих и солдатских) депутатов⁹. При этом Керенский стал членом первого и был избран заместителем председателя второго. Так произошел его первый прыжок во власть, открывший Керенскому через два дня дорогу и во Временное правительство.

В февральско-мартовские дни 1917 г. Керенский впервые вплотную соприкоснулся с петроградскими воинскими частями, перешедшими на сторону революции, занялся арестом бывших царских министров, дневал и ночевал в Таврическом дворце, забывая о сне, отдыхе и еде. Пожалуй, впервые он продемонстрировал умение целиком концентрировать свою мысль и волю на решении непрерывно возникавших все новых и новых вопросов, имевших непосредственное отношение к судьбе революции, участвовал в многочисленных деловых встречах и заседаниях, произносил многочисленные короткие импровизированные речи. В итоге у многих окружающих возникало ощущение, что Керенский — чуть ли не единственный в том хаосе человек, точно знающий, что и как нужно в данный момент делать, а у некоторых даже складывалось впечатление, что у народных масс появился настоящий новый лидер, а у революции — ее вождь. Тем самым стихийно закладывались предпосылки формирования в России настоящего культа личности революционера Керенского, причем это в высшей степени импонировало и самому Александру Федоровичу, вселяя в него уверенность в своих почти неограниченных возможностях и таланте.

В том же направлении действовала и сама неповторимая, не часто встречающаяся в России атмосфера революционной эйфории, царившая весной и летом 1917 г. в Петрограде и постепенно распространявшаяся на всю страну. Отчасти она создавалась усилиями журналистов и деятелей литературы и искусства, искренне (а порой и с расчетом) восторгавшихся Керенским, создававших первые краткие биографические очерки о нем и даже стихи в его честь. Работал на этот результат и сам Александр Федорович. В итоге налицо была массовая аберрация политического зрения у демократической интеллигенции, студентов, средних городских слоев, части солдат, чиновников и особенно у женщин-горожанок, случайное и единичное в характере Керенского — важным, закономерным и всеобщим. Естественно, подобный самообман должен был со временем рассеяться, и он действительно к осени 1917 г. уже рассеялся, но до этого доходивший до психоза толпы культ «душки Керенского» действительно был. Из него сделали смелого, решительного человека, патриота, «хозяина» страны, бесконечно раздув его сильные качества и не желая видеть слабостей.

Когда лидер кадетов П.Н. Милюков, взявший в свои руки формирование Временного правительства, огласил на митинге 2 марта в Таврическом дворце его состав, последний не вызвал никаких восторгов у присутствовавших за исключением фамилии Керенского. Ясно стало, что он пришелся толпе по душе и его назначение на пост министра юстиции вполне оправданно. Но далеко не все даже думские активисты и тем более революционеры были в восторге от лидера трудовиков. Одним он казался демагогом, другим — «зеленым юнцом». Характерно, что известный правый депутат Думы В.В. Шульгин, агитируя за назначение Керенского министром юстиции, однажды прибавил: «Выгоднее иметь его с собой, чем против себя». Вдобавок сам пост министра юстиции, по его мнению, не имеет якобы в данный момент «ни-

какого значения» и поэтому на него можно назначить даже и Керенского. Кадет же В.А. Маклаков тоже считал, что, получив указанную должность, Керенский принесет государству меньше вреда¹⁰.

Однако все произошло по-другому. Революционная эйфория первых весенних послереволюционных месяцев 1917 г. побудила Временное правительство попытаться руками Керенского в ускоренном темпе начать догонять передовые западные страны в плане гражданских свобод россиян. Благо это не требовало резкого вторжения в имущественные права более обеспеченных слоев населения, включая буржуазию, воспринявших бы его очень враждебно и болезненно. Больше того, оно могло буквально взорвать ту идиллию свободы, равенства и братства, в атмосфере которой (пусть короткое время) жила после свержения царизма Россия. При этом именно Керенский с его независимым, порой непредсказуемым характером, огромным честолюбием и достаточной смелостью был как никто другой готов сделать это, не дожидаясь созыва Учредительного собрания и его решений. Характерно, что и позже, после провала так наз. «корниловщины» Керенский лично ускорил провозглашение России республикой 1 сентября 1917 г. тоже без всякой санкции еще не избранного тогда Учредительного собрания. Хотя с той же важнейшей аграрной реформой, которую ждали десятки миллионов крестьян, он предпочел не торопиться¹¹, сделав тем самым поистине роковую для себя ошибку и оставшись в конце октября в полном одиночестве.

Сама мысль о созыве в России Учредительного собрания возникла задолго до этого в чисто интеллигентской среде по примеру революционной Франции XVIII в. и прошла через всю историю отечественного освободительного движения XIX — начала XX в. Использовали ее и революционные партии (РСДРП, эсеры и др.), тогда как народные массы уже в 1905 г. отдавали явное предпочтение не «Учредилке», а более близким и понятным им рабочим и крестьянским Советам. Буквально накануне создания Временного правительства, в ночь с 1 на 2 марта 1917 г. состоялось соглашение между лидерами правопреемника царского кабинета министров — Временного комитета Государственной думы и Петросовета о проведении после свержения романовской монархии выборов в Учредительное собрание. Договорились и о непредрешении его будущих решений по таким кардинальным вопросам, как характер государственного устройства постреволюционной России, аграрной реформе и т.п. крупным социальным актам. Это по рукам и ногам связало Временное правительство, тем более что выборы в Учредительное собрание раз за разом им откладывались, хотя провести их можно было бы еще тогда, когда ему принадлежала вся власть в стране.

Свергнув ее, большевики решили сначала продемонстрировать свой демократизм, и уже 27 октября новый, ленинский Совнарком решил подтвердить намерение провести выборы в Учредительное собрание, которые и состоялись в ноябре. На них большевики получили, однако, лишь 24% голосов, что подтолкнуло их к идее его роспуска сразу же после начала им работы. Это и было сделано 6 января 1918 г., причем в грубой, издевательской форме («Караул устал», — бесцеремонно заявил его начальник депутатам, оставшимся в зале после ухода из него большевиков), поставив позорную жирную точку в истории с этим конституционным якобы органом. Защитить его не смогли ни эсеры, ни меньшевики, у которых к тому времени уже не было больше реальной силы¹².

Но вернемся к событиям весны 1917 г. и лично к Керенскому. Уже на следующий день после своего лишенного всяких формальностей вступления в министерскую

должность, закрепленного лишь стихийным одобрением сообщения П.Н. Милюкова, который довел информацию о составе Временного правительства до сведения пестрой, солдатско-рабочей в основном толпы, собравшейся днем 2 марта в Таврическом дворце, Керенский начал действовать. Он принял участие в переговорах новой власти с вел. кн. М.А. Романовым, назначенным отрекшимся от престола Николаем II своим царственным преемником. При этом Керенский сыграл, возможно, даже решающую роль в уговорах вел. князя отречься от престола в полном соответствии с духом стихийного антимонархизма, который царил в дни Февральской революции в Петрограде. Керенский вел себя с потенциальным новым царем почтительно, но очень твердо, убедительно доказывая ему неразумность и даже небезопасность лично для него подобного поступка, и добился успеха, закрепив тем самым свою важную роль в составе Временного правительства. Что касается руководства Петросовета, которое пошло даже дальше решений II Интернационала, разрешавшего с 1904 г. в виде исключения вступление социалистов в буржуазные правительства, и отказало в этом меньшевикам и эсерам, то оно уступило (хотя и без всякого восторга) Керенскому, настоявшему на получении им министерского портфеля.

Напомним, что его юридическое университетское образование и интенсивная адвокатская практика Керенского в 1906—1912 гг.¹³ единственный раз за весь 1917 г. в целом соответствовали отведенному ему сначала во Временном правительстве министерскому посту. Керенский открыто сразу же провозгласил, что будет опираться прежде всего на адвокатов как на наиболее соответствующих по роду своих занятий и более независимым взглядам новой, революционной эпохе. Он старался всячески продвигать их по службе (так возникло связанное с этим шутовское и несколько ироническое выражение «диктатура адвокатуры», прямо связанное с кадровой политикой Керенского), хотя среди коллег-профессионалов министр не пользовался полным признанием, причем на заметку брали каждый его промах. Но в основном Керенский сосредоточился на принятии решений по крупным принципиальным проблемам (амнистия, в первую очередь политическим заключенным; законы о свободах печати, слова митингов, собраний, создания политических партий; отмена смертной казни и цензуры (кроме военной); начало подготовки к созыву Учредительного собрания и т.д.). Несмотря на отсутствие специального закона о равноправии женщин с мужчинами, они как бы явочным порядком его получили.

В целом демократизация и гуманизация пенитенциарной системы и снятие прежних значительных ограничений в области основных прав человека, где политика царизма вызывала крайне сильное негодование значительной части россиян из самых разных слоев населения, особенно интеллигенции, сильно способствовали демократизации России по высшим мировым стандартам и часто связывались населением прежде всего с Февральской революцией и лично с появлением нового министра юстиции эсера Керенского. Знал бы только он тогда всю непрочность этих демократических завоеваний, быстро отобранных у народа большевиками!

Что касается менее эффективной рутинной работы по линии Минюста, то Керенский старался переложить ее на своих замов, чтобы освободить время и силы на вторую, неофициальную сторону своей правительственной деятельности. Дело в том, что, оказавшись единственным социалистом в первом составе Временного правительства под руководством близкого к кадетам Г.Е. Львова, который не только терпимо относился к Керенскому, но даже явно благоволил к нему, считая его присутствие в кабинете очень полезным для повышения авторитета правительства в глазах народных «низов», последний взял на себя очень важные дополнительные функции,

далеко выходящие за рамки его прямых служебных обязанностей. Керенский считал, что именно он должен бдительно следить за всем происходящим во Временном правительстве, чтобы не дать другим министрам забыть, что их привела к власти победа революции, а не обычные закулисные комбинации внутри властных структур. Поэтому не приходится удивляться по поводу крайне аккуратного посещения им почти всех заседаний Временного правительства и повышенной активности во время обсуждения большинства включенных в повестку дня вопросов (можно лишь пожалеть, что подобные дискуссии не стенографировались или хотя бы протоколировались, чтобы создать впечатление единства мнений новых министров по основным вопросам). Всего в марте — апреле он присутствовал на более чем 50 заседаниях кабинета министров, пропустив лишь 10¹⁴, что являлось своеобразным рекордом.

Для российской истории того и последующего времени оказалось очень важным практически никем не санкционированное вмешательство Керенского в целый ряд очень важных вопросов, вставших перед Временным правительством. Его очень интересовали внешнеполитические и военные вопросы, в частности отношение к будущему бывшего Царства Польского¹⁵, судьба царской семьи¹⁶ и высших сановников Российской империи, приезд в Россию зарубежных социалистов и многое другое. Создается впечатление, что уже с весны 1917 г. он исподволь готовил себя к роли первого лица в государстве, приглядываясь к своим возможным политическим союзникам и противникам, отрабатывал приемы общения с массовой аудиторией. Непоседливый по натуре, Керенский любил переключаться с обсуждения и решения одного вопроса на другой, превращая даже свои многолюдные завтраки в служебной квартире в Министерстве юстиции в своеобразный дискуссионный клуб, где обсуждались самые разнообразные деловые вопросы, а его рабочий день регулярно начинался с заслушивания отчетов о содержании разнообразной текущей прессы, для чего им были назначены специальные чиновники. При этом сам Керенский считал март — апрель 1917 г. наиболее плодотворным периодом своей государственной деятельности, работал с интересом и настроением, успевая сделать гораздо больше, чем удавалось ему позже.

Одновременно началась настоящая схватка Керенского за власть со своим давним недругом еще с думских времен и особенно уже во Временном правительстве лидером кадетов Милоковым. Они не любили друг друга, представляя собой каждый совершенно особый тип политического деятеля, вышедшего из рядов думской оппозиции царского времени, способствовавшего падению старого режима и, естественно, вошедшего потом в состав новой политической элиты и новой российской власти. Истинный профессор-интеллигент Милоков с его громадной эрудицией, хорошим воспитанием, отличным знанием французского и глубокими монархическими убеждениями (от которых, правда, по решению мартовского кадетского съезда ему пришлось вроде бы отказаться) и человек из совершенно другой среды, отнюдь не грубоватый мужлан, но явный демократ и республиканец Керенский, который уже приобрел некоторый внешний лоск, но нарочито не отделял себя от демоса, включая темное крестьянство, простых фабричных рабочих и солдат, — они никак не могли спокойно сидеть в соседних креслах в Мариинском дворце, где заседало Временное правительство. Их политическая схватка была после Февраля просто неизбежна и вскоре приняла вполне осязаемые формы.

58-летний Милоков, ставший министром иностранных дел и неофициально претендовавший по меньшей мере на пост вице-премьера, если не главы правительства, и 36-летний Керенский, как министр юстиции и «заложник демократии»,

тоже стремившийся занять аналогичное положение при кн. Львове, совершенно по-разному представляли себе внешнеполитические цели России в 1917 г. Первый хотел продолжения войны на стороне Антанты и стремился к ее победе над врагом, а в качестве своего рода военного «приза» своей страны за ее долготерпение и немалые жертвы требовал получения Россией проливов Босфор и Дарданеллы и Константинополя как ключей от Черного моря. Второй категорически отрицал всякие аннексии и выступал за скорейший всеобщий (но не сепаратный) мир без аннексий и контрибуций. Правда, он тоже не хотел (в том числе и как масон, а масонство носило международный характер) предавать общие антигерманские интересы стран Антанты и отказываться от союза России с Францией, Англией, Италией и США. Став министром-государственным, Керенский, особенно в преддверии заключения мира, не хотел военного поражения своей родины и, наоборот, видел в ее победе над Германией и Австро-Венгрией средство национального сплочения и усиления патриотического духа победивших царизм россиян (именно поэтому он позже готовил летнее контрнаступление русской армии 1917 г., оказавшееся, как известно, неудачным). Однако продолжение сугубо империалистической, как считал Керенский, мировой войны его тоже не устраивало, и он занимал умеренно пацифистскую, но сугубо антимилюковскую позицию, обвиняя министра иностранных дел в том, что он сознательно противопоставляет себя всему Временному правительству, Петросовету и демократии в целом.

Были у Керенского и личные, сугубо карьерные интересы, ибо пост министра юстиции казался ему уже слишком скромным. При этом он опирался на своих «братьев-масонов» Некрасова, Терещенко и Коновалова, входивших в состав Временного правительства и поддерживавших его в борьбе за власть. Были у него и виды на французского масона, социалиста и министра А. Тома, находившегося в апреле — июне 1917 г. в Россию с длительной союзнической миссией, чтобы обеспечить выполнение ею своих союзнических обязательств перед Францией. Тома нашел полное взаимопонимание с Керенским, установил с ним доверительные, дружеские отношения, и тот даже сказал ему в третьей декаде апреля, когда начался кризис Временного правительства, свое тайное желание стать следующим премьером России. Однако Тома не одобрил подобного замысла, считая его, вероятно, преждевременным, а самого Керенского еще недостаточно политически созревшим для этого. Тем не менее Тома докладывал из Петрограда в Париж, что решил сделать в России ставку на Керенского — самого энергичного, деятельного и последовательного сторонника российско-французского сближения и безусловного демократа. Это единственный человек во Временном правительстве, добавлял Тома, проводящий там осторожную и демократическую политику и способный восстановить порядок в России и вести войну¹⁷.

В марте — апреле Керенский оказался и перед лицом еще одной политической реальности — предстоящего возвращения в Россию из эмиграции лидера большевиков В.И. Ленина. Было совершенно очевидно, что последний представлял для Временного правительства огромную потенциальную опасность, как видный теоретик всех левых сил, прекрасный организатор и публицист, который явно не хотел оставаться в новой, демократической России на вторых ролях. Вдобавок уже весной 1917 г. он оказался чуть ли не главным политическим противником лично Керенского, не доверял ни его демократизму, ни симпатии к социализму, ни объявлению себя в марте эсером, считая на деле оппортунистом, прислужником буржуазии и предателем интересов народа. Правительство, до которого уже доходили, правда, слухи о подозрительных связях главного большевика с немцами, понимало, что запретить при-

езд Ленина в революционную Россию нельзя и с ним придется считаться, терпеть его присутствие в Петрограде и активную антиправительственную (в этом уже не было сомнения) деятельность.

Управляющий делами Временного правительства кадет В.Д. Набоков вспоминал, как еще в марте в перерыве одного заседания Временного правительства во время разговора о росте большевистской пропаганды Керенский заявил — по обыкновению истерически похохатывая: «А вот погодите, сам Ленин едет... Вот когда начнется по-настоящему!» Тем не менее Керенский после появления «Апрельских тезисов» Ленина даже намеревался встретиться с ним, чтобы «разъяснить» долгое время оторванному от родины вождю большевиков истинную ситуацию в России после свержения царизма, но эта встреча по неизвестным причинам тогда не состоялась¹⁸.

На I съезде Советов в июне 1917 г. находившийся в апогее своей славы Керенский открыто оппонировал Ленину, которой заявил, как известно, что большевики готовы единолично взять власть в стране, причем съездовская аудитория была на стороне первого, считая его победителем в съездовской дискуссии. При этом Керенский был убежден, что Россия ввиду своей экономической и культурной отсталости еще совершенно не готова к социализму, да и Ленин был тогда далек от мысли о немедленном «введении социализма» и ограничивался в «Апрельских тезисах» лишь призывом к скорейшей замене власти Временного правительства властью Советов¹⁹. При этом оба диспутанта были достаточно сдержанны и никоим образом не оскорбляли друг друга, хотя Керенский готовил тогда июньское наступление русской армии, а Ленин старался с помощью контрагитации разложить последнюю изнутри и сделать небоеспособной.

Но их открытое противостояние было еще впереди и произошло после знаменитых июльских дней, когда часть большевиков уже была готова на восстание и переворот, а Ленин считал их еще несвоевременными. Тем не менее подоспевшая к тому времени непроверенная информация от французских и российских спецслужб о тайной связи большевиков с Германией сделала свое дело и заставила Ленина и Г.Е. Зиновьева тайно скрыться из Петрограда, хотя проведенное затем по приказу Временного правительства расследование подтверждения этой версии не принесло. Керенский, ставший на этой патриотической волне 7 июля премьером, выступал за арест Ленина, но не спешил с его поисками и тем более не был сторонником тайного убийства вождя большевиков. Он считал это грязным делом, недостойным демократического правительства²⁰, хотя его отношение к Ленину и стало более жестким, но не беспощадным, поскольку Керенский, как и Плеханов, был уверен, что тот не является немецким шпионом в общепринятом смысле слова²¹.

Когда в Петрограде разразился апрельский политический кризис, вызванный так наз. «нотой Милюкова» от 18 апреля правительствам стран Антанты с заверением в верности России своим прежним союзническим обязательствам, Керенский решил использовать его для превращения Временного правительства в коалиционный орган с участием ряда социалистов и как минимум передвинуть Милюкова с поста министра иностранных дел на менее важный пост министра народного просвещения или вообще убрать из состава Кабинета. Борьба двух министров изобиловала драматическими для обоих моментами (Керенский даже грозил уйти в отставку), но в итоге крайне самолюбивый Милюков сам подал заявление об отставке, а Керенский получил назначение на освободившееся после одновременного ухода и А.И. Гучкова с поста военного и морского министра место последнего²².

Жизнь показала, что неудержимая тяга к власти явно подвела на этот раз Керенского: он никогда не служил в армии, был глубоко штатским человеком и не поль-

зовался авторитетом у высшего генералитета (хотя командующие фронтами, запрошенные кн. Львовым о желательном преемнике Гучкова, высказывались в пользу либо Керенского, либо инженера П.И. Пальчинского, который был и раньше связан с обороной России, но однако мало известен в военных кругах, так что не мог составить реальной конкуренции нашему герою)²³. Керенский задним числом разыгрывал свои мучительные колебания по поводу того, стоит ли ему идти на место Гучкова, да еще в столь трудный для России момент. На самом деле он буквально торжествовал, увидев для себя в подобном назначении благоприятный шанс взять под контроль все вооруженные силы страны. Это было жизненно необходимо ему как трамплин для следующего, уже основного политического хода, связанного с превращением в первое лицо государства. Карьерист и честолюбец Керенский сделал в мае 1917 г. явную ошибку, обошедшуюся ему очень дорого. С учетом продолжения участия России в Первой мировой войне и бурного процесса демократизации армии и флота после Февральской революции и подготовки согласованного с Францией и Англией еще при Николае II и подтвержденного позже Временным правительством решения о проведении контрнаступления на русско-германо-австрийском фронте (это предстояло уже Керенскому) решение последнего явно превосходило его физические, психологические и интеллектуальные силы. Он вставал, таким образом, на опасный авантюристический путь, открывавший дорогу к его политическому краху. В самом конце августа Керенский пошел еще дальше, соединив пост Верховного главнокомандующего и пост премьер-министра. «Керенщина» — а все только что сказанное соединилось с этим полупрезрительным и крайне обидным для Керенского понятием — стала синонимом его близкого краха, к которому он закономерно пришел к концу октября 1917 г.

Борьба Керенского с Л.Г. Корниловым в июле — августе, настоящий паралич власти в сентябре — начале октября и последняя, явно запоздалая вспышка политической активности премьера-неудачника буквально накануне большевистского октябрьского переворота бесславно завершили его так удачно начавшуюся весной 1917 г. государственную карьеру. Весной 1917 г. в его министерской деятельности были и реализм, и революционный порыв, и даже некая революционная романтика, но Керенский быстро растерял все это, буквально раздавленный той непосильной ношей, которую сам же на себя и взвалил. Тем самым он дал блестящий политический урок тем, кто захотел бы повторить его путь в 1917 г. (но, естественно, без подобного финала). Но кто же изучает сегодня опыт истории?

¹ Много самого разнообразного материала об этом можно найти в книгах и статьях об А.Ф. Керенском биографического характера: *Abraham R. Alexander Kerensky. The first love of Revolution.* London, 1986; Александр Керенский: любовь и ненависть революции: дневники, статьи, очерки и воспоминания современников / под ред. Г.Л. Соболева. Чебоксары, 1993; *Федюк В.П.* Керенский. М., 2009. (Жизнь замечат. людей); *Тютюкин С.В.* Александр Керенский. Страницы политической биографии. М., 2012. Обращают также на себя внимание буквально десятки ценных статей В.И. Старцева, Г.З. Иоффе, Б.И. Колоницкого, В.П. Булдакова и др., которые пришли на смену советской литературе о Керенском, носившей во многом тенденциозный характер и подменявшей его реальный образ часто откровенно шаржированными зарисовками, в которых акцент делался только на его враждебном отношении к революции и социализму, чуть ли не сознательном «предательстве» интересов народа и т.д.

² Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 143.

³ См.: *Переписка Николая и Александры Романовых.* М.; Пг., 1927. Т. 5. С. 215.

⁴ Государственная Дума, 1906—1917. Стенографические отчеты. М., 1995. Т. 4. С. 259; *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. М., 2006. С. 186 Т. 1. 187.

- ⁵ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. С. 67—68.
- ⁶ Там же. С. 68—69.
- ⁷ Там же. С. 69, 71.
- ⁸ Российский либерализм ... С. 139—145.
- ⁹ Нормальной работы в Петросовете, который до июня 1917 г. был наиболее авторитетным из всех советских организаций в России, у Керенского не получилось, т.к. он фактически игнорировал и его, и ВЦИК Советов, избранный на I съезде Советов, отдав явное предпочтение работе во Временном правительстве в качестве министра. Такая его странная позиция (в Совете Керенский не работал, но и в отставку с этого поста до сентября не уходил, считая его почетным и престижным для себя) во многом объяснялась, в частности, господствующим положением во всех Советах нелюбимых им марксистов-меньшевиков и постепенно набравших силу большевиков, а также явно пренебрежительным его отношением к Советам по сравнению с Временным правительством вообще. Наличие двоевластия в России после Февральской революции Керенский не признавал, считал его вредным и лишь мирился с существованием Советов как массовой революционной организации.
- ¹⁰ См.: Шульгин В.В. Дни; 1920: записки. М., 1989. С. 156; Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 138.
- ¹¹ Между тем сентябрь 1917 г. был очень удобен для власти с объявлением аграрной реформы, т.к. крах «корниловщины» упрочил позиции Временного правительства, а завершение полевых работ освобождал крестьянам время для решения своих земельных дел.
- ¹² См.: Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997.
- ¹³ Став депутатом Думы и получая от казны официальное «содержание» в размере 300 руб. в месяц, Керенский фактически прекратил свою прежнюю частную адвокатскую деятельность.
- ¹⁴ См.: Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 156.
- ¹⁵ Вопрос о российско-польских отношениях и в царский, и в советский, и в постсоветский периоды всегда был и остается очень болезненным. Над ним из поколения в поколение поляков тяготела память о трех разделах Польши при Екатерине II, польских антирусских восстаниях 1830—1831 и 1863—1864 гг., советско-польской войне 1920 г., Катыни и т.д. Весной 1917 г. Керенский активно участвовал в выработке линии Временного правительства в отношении бывшего Царства Польского и подготовке, в частности, воззвания «К народу польскому» от 17 (30) марта 1917 г. В нем вслед за Петросоветом Временное правительство обещало предоставить полякам право на самостоятельное решение своей судьбы и без промедления «воскресить» независимость их родины. При этом в 1917 г. шла речь о добровольном «свободном военном союзе» России и Польши в борьбе с Германией на стороне Антанты. Керенский обсуждал, в частности, все эти вопросы с депутатом IV Государственной думы кадетом А.Р. Ледницким и премьером Г.Е. Львовым, причем у него был даже особый советник по польским делам А. Венчиковский. Роль Керенского была тогда положительно оценена в Польше (см.: Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005. С. 84, 87, 89—90). Таким образом, готовность России предоставить полякам независимость была предreshена еще до решения Учредительного собрания.
- ¹⁶ В марте 1917 г. Керенскому было поручено Временным правительством отвечать за содержание под стражей Николая II и его близких. До этого он относился к последнему русскому царю крайне враждебно, но после личного знакомства подпал под его личное обаяние и стал в человеческом плане даже сочувствовать ему. Он обеспечил царской семье вполне сносные условия жизни в Царском селе и ее переезд летом в Тобольск, лично присутствовал при их отъезде. В дальнейшем Керенский к судьбе царской семьи и к позорной расправе с ней советских властей летом 1918 г. никакого отношения не имел. В бытность Керенского министром юстиции с бывшей императрицы Александры Федоровны, в частности, были сняты подозрения в шпионаже в пользу Германии. Николая II Керенский называл «Ваше величество», хотя своей оценки его государственной деятельности до Февральской революции он не менял.
- ¹⁷ Об отношении Тома с Керенским см.: Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 140—143, 148—149; дневник А. Тома о пребывании в России в 1917 г., опубликованный во Франции в 1973 г. «Journal de Russie d'Albert Thomas. 22.IV—19.VI.1917» (Cahiers du monde russe et soviétique. Paris, 1973. Vol. XIV, 1—2. P. 104, 128—132; Abraham R. Op. cit. P. 181—182). Тома много раз встречался в России с Керенским, дважды с Плехановым, генералами Маниковским, Алексеевым, Брусиловым, министрами Терещенко, Шингаревым, Церетели и др. Он побывал на фронте, в Ставке, ездил в Москву, выезжал из России в Румынию.
- ¹⁸ Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. 1. С. 75. Еще раньше, 3 марта на заседании правительства Керенский услышал от Милюкова, что ни для кого не тайна: германские деньги, в числе других факторов, помогли свержению Николая II. Керенский после этого «словно осатанел». Он хлопнул портфелем по столу и завопил, что Милюков осмелился в его присутствии «клеветать святое дело великой русской революции и он не оста-

нется рядом с ним ни одной минуты». Затем он стрелой вылетел из зала заседаний, его пробовали удержать, но тщетно. Набоков назвал случившееся безобразной и нелепой выходкой Керенского, а Милоков хладнокровно заметил, что это «обычный стиль Керенского. Он и в Думе часто проделывал такие штуки, вылавливая у политического противника какую-нибудь фразу, которую потом переиначивал и пользовался ею как оружием». Остальные министры считали, что Керенского нужно успокоить и уговорить, объяснив, что в словах Милокова не было какой-то «общей оценки революции». В итоге объясняться с Керенским поехал Г.Е. Львов и уладил это дело, но тяжелое впечатление от случившегося осталось (Там же. С. 23).

В дальнейшем Керенский уже не был столь категоричен в вопросе о «немецком золоте» и после некоторых сообщений А. Тома и информации от русских контрразведчиков стал придерживаться откровенно антиленинских взглядов, хотя и не проявлял особого рвения в разоблачении вождя большевиков, считая его «предателем», но не «шпионом» (см.: *Керенский А.Ф.* Русская революция, 1917. М., 2005. С. 212). Характерно, что в июльские дни Керенский поспешил сместить с поста министра юстиции меньшевика П.Н. Малянтовича, поторопившегося предать гласности данное дело, расследование которого еще не было закончено.

¹⁹ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 163—164.

²⁰ См.: *Иоффе Г.З.* Керенский и Ленин: 1917 год // Новый журнал. (Нью-Йорк), 2010. № 261. С. 227—228.

²¹ См.: *Тютюкин С.В.* Указ. соч. С. 199 (примеч. 60).

²² А.И. Гучков покинул свой пост в правительстве практически почти одновременно с Милоковым (сговаривались ли они друг с другом, сказать трудно). Отставка его с поста военного министра формально объяснялась прежде всего болезнью, но Гучков не одобрял и политику демократизации вооруженных сил, которая весной 1917 г. непрерывно набирала темпы, и не подписал проект «Декларации солдата», которая готовилась в Военном министерстве весной и которую утвердил в мае уже Керенский.

²³ См.: *Тютюкин С.В.* Указ. соч. С. 163.

А.В. Калягин (Самара)*

В.И. Ленин, Г.В. Плеханов и вопрос о социалистической революции в России (апрель — июнь 1917 г.)

Первая мировая война и вызревшие в ее недрах революционные события 1917 г. кардинально изменили ситуацию не только на пространствах бывшей Российской империи, но и во всем мире. Происшедшие сдвиги были неотделимы от идей социализма, которые, как показывает современная политическая обстановка в Европе и в России, продолжают сохранять свою актуальность и оказывать воздействие на общество.

Очевидно, что понять и оценить события, разрушившие царский строй, а затем приведшие к власти большевиков, не представляется возможным без выяснения ситуации в российском социалистическом лагере в целом и конкретно в его социал-демократическом крыле. При этом необходимо учитывать, что социал-демократическое движение в России изначально не было монолитным. Начавшаяся мировая война усилила дезинтеграционные процессы, и в 1917 год российская социал-демократия вступила в состоянии организационного и идейного раскола, который не удалось преодолеть даже в революционные февральские дни¹.

В окончательную и бесповоротную реальность этот раскол превратился с возвращением из эмиграции в Россию В.И. Ленина, который занял место на самом левом социал-демократическом фланге и предложил свое видение ситуации и программу действий, которые основательно расходились с позициями, которые занимало в то время мировое социалистическое большинство. Одним же из наиболее бескомпромиссных оппонентов Ленина стал другой, не менее известный деятель международной и российской социал-демократии Г.В. Плеханов. Оба, как крупнейшие мыслители и политики своего времени, привлекают внимание историков, философов, экономистов.

Среди современных исследований, посвященных Плеханову², следует отметить работы С.В. Тютюкина, внесшего значительный вклад в изучение практической деятельности и идейного наследия «отца русского марксизма», его взаимоотношений с Лениным³. Пристального внимания заслуживает его замечание в связи с полемикой между Лениным и Плехановым в 1917 г., что «...Плеханов явно упрощал мысль Ленина о переходе России к социализму, поскольку лидер большевиков в то время сам предостерегал от “прыжка” из капитализма прямо в царство всеобщего равенства и полной свободы»⁴. Конкретизируя мысль, Тютюкин разъясняет, что взятый Лениным в 1917 г. «курс на социализм» не означал стремления к его непосредственному введению, но лишь планомерное, постепенное и достаточно осторожное продвижение к нему через систему государственного капитализма⁵. Не менее важен для осмысления ситуации вывод ученого и о том, что позиции Плеханова в 1917 г. слабо учитывали реалии российской действительности и существовавшие настроения масс⁶.

* *Калягин Андрей Владимирович* — кандидат исторических наук, Самарский государственный университет, председатель Поволжского отделения Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций.

Взгляда, что идейно-теоретические и практические установки Плеханова опровергались растущим революционным максимализмом масс и не находили в них поддержки, придерживается и А.Н. Свалов⁷. При этом он обращает внимание, что для Плеханова характерен своеобразный культ марксизма и он готов сделать «прокрустово ложе из марксистской ортодоксальности». Следствием этого был определенный схематизм и догматизм в восприятии марксистской теории, отказ вносить в нее какие-либо изменения с учетом российских особенностей. Тем самым, по мнению Свалова, Плеханов готов был путем аналогий переносить на русскую почву не только теорию, но и практику западноевропейского марксизма, ограничившись лишь некоторыми уточнениями⁸.

На то, что по возвращению из длительной эмиграции в Россию в 1917 г. Плеханов не предполагал менять свои воззрения с учетом российских реалий, обращает внимание и Е.Л. Петренко: «Проблемы какой-то специальной адаптации марксизма применительно к специфическим условиям России для Плеханова практически не существовало... Возвратившись из эмиграции в 1917 году, Плеханов увидел... как много в России еще дикости, азиатчины, но каких-либо концептуальных изменений в его подходе к вопросу о применимости марксизма к российской действительности за этим не последовало»⁹.

Предположения о присутствии у Плеханова догматического восприятия теории Маркса и ее некритическом переносе на российскую почву, тем более в 1917 г., имеют для осмысления вынесенной в заголовок настоящей статьи проблемы до некоторой степени методологическое значение. Но в литературе представлена и иная точка зрения, когда именно взгляды Плеханова оцениваются как наиболее точно учитывающие реалии России — прежде всего в плане ее незрелости для социализма¹⁰. И Плеханова противопоставляют Ленину как деятелю, видевшему Россию политически и экономически созревшей для воплощения социалистического строя. Концентрированно данное видение выражено в статье П.В. Алексеева, посвященной Ленину, в «Новой философской энциклопедии»: «Интерпретация Лениным марксизма, существенно отличавшаяся от трактовки марксизма Плехановым и его сторонниками, привлекла внимание радикальных революционеров. Считая, что политически и экономически Россия созрела для социалистической революции, Ленин обосновывал возможность победы социализма в нескольких странах или даже в одной, отдельно взятой стране»¹¹.

Отсюда в западной и отечественной историографии рождается тезис о волюнтаристских устремлениях Ленина, который даже если и сознавал отсутствие в России материальных предпосылок для социализма, то считал, что их можно компенсировать субъективным фактором, используя силовые методы¹².

Данную позицию разделяют, однако, не все исследователи. Германский историк Э. Нольте хотя и соглашается, что целью Ленина в 1917 г. был переход к социалистической революции, но не видит в его действиях волюнтаризма и полагает, что в своих антикапиталистических устремлениях он как раз выразил настроение значительной части народа¹³. Т. Краус (Венгрия) отрицает сам факт ориентации Ленина на введение социализма в России: «...Ленин пришел к выводу, что историческим призванием “полупериферийной” российской революции ни в коем случае не может быть “введение” или какое-либо непосредственное осуществление социализма»¹⁴.

Последняя точка зрения приобретает сторонников и в среде российской научной общественности. О том, что Ленин в 1917 г. не ставил вопроса о социалистической революции, высказывается, к примеру, М.И. Воейков, подчеркивая: «Ведь у него была марксистская теоретическая схема, по которой революция должна носить

буржуазный характер»¹⁵. Близкие позиции занимает и А.И. Колганов, отмечающий, что Ленин отлично понимал, что Россия для социализма не созрела, что она даже в преддверии социализма не находится. И задачу внедрения социализма в 1917 г. он не ставил, а видел социалистическую перспективу лишь в потенции при условии, если произойдет революция на Западе¹⁶.

Выявленный разброс мнений имеет свои объяснения. По замечанию С. Бэрона, невозможно решать вопрос о том, была ли альтернатива Плеханова лучше пути Ленина, без учета существовавших на тот момент конкретных условий и учета ситуации в обществе¹⁷. Но именно конкретная ситуация, настроения масс и не учитываются определенной частью исследователей. К тому же заметно, что критическому разбору нередко подвергается не собственно идейное наследие Ленина, а существующие представления о «взглядах Ленина», которые сформировались и прочно укоренились в общественном и научном сознании под воздействием еще советской пропаганды.

Очевидно, что идейно-теоретические воззрения Ленина, его стратегические замыслы, тактические подходы требуют дальнейшего изучения. Необходим анализ ленинских текстов, причем с учетом взглядов и критики оппонентов и реальной ситуации в стране.

Цель настоящей статьи — рассмотреть видение Лениным и Плехановым проблемы социалистической революции в России на отрезке от их возвращения из эмиграции после Февральской революции до июльского кризиса 1917 г., сравнить их теоретические и тактические платформы. Акцент предполагается при этом сместить на установки Ленина, с чьим именем, собственно говоря, и связано появление в острой полемической форме вопроса о социализме в идейно-политической атмосфере революционного крыла российской общественности в апреле 1917 г.

В ходе начавшейся мировой войны Ленин, как известно, выдвинул тезис о возможности победы социализма в одной отдельной стране, мотивируя это законом неравномерности экономического и политического развития капитализма¹⁸. Именно в этом тезисе видят обычно исходную точку ленинского «курса на социализм» в России. Сам Ленин, однако, разъяснял, что лозунг социалистической революции можно ставить на повестку дня в передовых странах, тогда как для России актуальной является задача завершения буржуазной демократической революции¹⁹. Правда, он не отрицал, что российская революция способна стать той искрой, от которой может начаться пожар социалистической революции в Европе: «Задача пролетариата России — довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе»²⁰.

В марте 1917 г., накануне отъезда из Швейцарии в Россию, Ленин подтвердил свое видение данной проблемы: «Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм». Но русская революция, буржуазно-демократическая по своей сути, способна при большом ее размахе стать «прологом всемирной социалистической революции, ступенькой к ней»²¹. И именно с ее «врастанием» в мировой (или точнее западноевропейский) революционный процесс он увязывал социалистическую перспективу России: «Завоевавши республику, рабочие России соединятся с рабочими всех других стран и смело поведут все человечество к социализму...»²²

Вечером 3 апреля 1917 г. поезд с группой российских эмигрантов, среди которых находился и Ленин, подошел к перрону Финляндского вокзала в Петрограде. После торжественной встречи и ряда выступлений с балкона штаб-квартиры большевиков особняка Кшесинской Ленин по просьбе Л.Б. Каменева спустился в зал заседаний.

Здесь в более узком партийном кругу он высказался по поводу текущего момента. По свидетельству непосредственной участницы этого собрания Ф.И. Драбкиной, «...речь его произвела на всех ошеломляющее впечатление. Никто этого не ожидал... Но было уже 3 часа ночи. На 10—11 часов утра было назначено в Таврическом дворце заседание по вопросу об объединении с меньшевиками, да и Ильич устал с дороги. Решено было разойтись, с тем чтобы встретиться пораньше утром и обменяться мнениями»²³.

Наутро положения своей ночной речи Ленин повторил сначала перед представителями большевистской фракции, а затем на совместном заседании с меньшевиками и нефракционными деятелями. Это были известные «Апрельские тезисы».

Официальная советская наука и пропаганда на протяжении десятилетий внедряли мысль, что Лениным был провозглашен «курс на социалистическую революцию». Как следствие сформировался устойчивый стереотип, доживший до современности и продолжающий внедряться в сознание общества. Достаточно открыть изданные в последнее десятилетие вузовские учебники, чтобы прочесть о том, что в «Апрельских тезисах» была поставлена задача перехода к этапу социалистической революции²⁴.

Но в современной историографии встречается и иная оценка. «Что касается немедленного “введения социализма”, то и тут “Тезисы” утверждали нечто прямо противоположное», — пишет, к примеру, В.Т. Логинов²⁵. И этот взгляд видится более соответствующим реальности.

Вспомним, что в стремлении к «поспешной социализации» Ленин был обвинен по прибытии частью соратников по собственной партии. Это привело к острой дискуссии, в ходе которой сам Ленин категорически отрицал, что ставит в повестку дня социалистические задачи. Свою позицию он определял следующим образом: «Мы не можем стоять за то, чтобы социализм “вводить”, — это было бы величайшей нелепостью. Мы должны социализм проповедовать»²⁶.

Действительно, практических мер социалистического характера в «Апрельских тезисах» не было. Ни плата всем чиновникам «не выше средней платы хорошего рабочего», ни «слияние... всех банков страны в один общенациональный банк» с установлением контроля над его деятельностью со стороны Совета рабочих депутатов, ни даже «конфискация всех помещичьих земель» и передача земель в распоряжение Совета батрацких и крестьянских депутатов таковыми рассматриваться не могут. А 8-й тезис прямо начинался со слов: «Не “введение” социализма, как наша *непосредственная* задача...»²⁷ На него Ленин и указывал, опровергая обвинения в стремлении «перескочить через этап буржуазно-демократической революции» в социализм: «Я не только не “рассчитываю” на “немедленное перерождение” нашей революции в *социалистическую*, а прямо предостерегаю против этого, прямо заявляю в тезисе № 8: “...*Не “введение” социализма, как наша непосредственная задача...*” Не ясно ли, что человек, рассчитывающий на немедленное перерождение нашей революции в социалистическую, не мог бы восстать против непосредственной задачи введения социализма?»²⁸

Однако принципиальны не разногласия в большевистской среде, а отношение к ленинским идеям Плеханова. Речь Ленина с изложением этих идей была, как известно, оценена репортером плехановской газеты «Единство» как бредовая, и Плеханов полностью разделил эту оценку: «...Совершенно прав был репортер “Единства”, назвавший речь Ленина бредовой»²⁹. Традиционно здесь видят противостояние «ленинского курса на социалистическую революцию» и ориентации Плеханова на революцию буржуазную. В реальности же в оценках материальной готовности России к социализму как Ленин, так и Плеханов принципиально не расходились.

«...Россия страдает не только оттого, что в ней есть капитализм, но также и оттого, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства... Если это так, то совершенно ясно, что о социалистическом перевороте не могут говорить у нас люди, хоть немного усвоившие себе учение Маркса», — указывал Плеханов³⁰. Но и Ленин, как было выявлено выше, придерживался аналогичной точки зрения. Может, Плеханов не заметил его 8-й тезис? Отнюдь нет, он его даже процитировал, указав, что «тут Ленин отдает дань своему прошлому русского марксиста»³¹. Несостоятельность позиций Ленина Плеханов видел в «нелепом призыве» к захвату политической власти рабочими и беднейшей частью крестьянства, когда для этого не вызрели условия: «Если капитализм еще не достиг в данной стране той высшей своей ступени, на которой он делается препятствием для развития ее производительных сил, то нелепо звать рабочих, городских и сельских, и беднейшую часть крестьянства к его низвержению. Если нелепо звать только что названные мною элементы к низвержению капитализма, то не менее нелепо звать их к захвату политической власти»³². Тем более что сам Ленин признавал недостаточную сознательность и организованность пролетариата России³³.

Еще в начале 1900-х годов Плеханов указывал, что социалистический переворот не может являться непосредственной целью российского революционного движения. Тогда же он сформулировал концепцию двухэтапного развития России: «Торжество социализма не может совпасть с падением абсолютизма. Эти два момента по необходимости будут отделены один от другого значительным промежутком времени»³⁴. Правда, решающую роль в деле свержения монархии Плеханов все же признавал за российским пролетариатом. Но, учитывая, что в повестке дня стоят не социалистические, а капиталистические задачи, ему (пролетариату) неизбежно предстоит отойти на задний план, уступив место буржуазии³⁵.

Данных установок Плеханов продолжал придерживаться и в рассматриваемый период весны 1917 г.³⁶, когда ему пришлось столкнуться с известным постулатом «Апрельских тезисов»: «Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»³⁷. Возникла мысль о «диктатуре пролетариата», тем более что в «Письмах о тактике» Ленин указал, что отказывается от прежней своей формулы власти, выдвинутой еще в период Первой российской революции, — «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» как устаревшей и не отвечающей задачам момента³⁸.

При углублении в содержание работ Ленина весны 1917 г. заметно, однако, что в реальности он отнюдь не отвергал возможность развития событий по сценарию революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В тех же «Письмах о тактике», где Ленин назвал революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства «теорией вчерашнего дня», он призывал «сделать такой “горячей” почву под ногами мелкой буржуазии, что *ей при известных условиях придется взять власть* (выделено мной. — А.К.)»³⁹.

Лишь в случае, если эсеро-меньшевистское «пока большинство» будет проводить линию на передачу всей полноты власти буржуазии, Ленин ставил вопрос об устранении самой умеренной социалистической демократии, что объективно означало уже не революционно-демократическую власть, но власть по типу «диктатуры пролетариата». Но пока он занимал весьма умеренные позиции. И только по мере нарастания недовольства и усиления радикальных настроений масс, которые, по определению самого Ленина, «раз в 1000 левее Черновых и Церетели, раз в 100 левее нас»⁴⁰,

он стал более определенно высказываться о возможности реализации исключительно «большевистской власти». Что и было им озвучено на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов (июнь 1917 г.)⁴¹.

Надо отдать должное Плеханову, в отличие от многих прочих критиков Ленина подмечавшему неоднозначность позиций последнего. Однако «диктатура пролетариата и крестьянства» была для него столь же неприемлема, как и «диктатура пролетариата». В связи с требованиями удаления из правительства «министров-капиталистов» Плеханов писал: «Ленин и его единомышленники давно уже рекомендуют сделать это... Такой переход был бы не чем иным, как диктатурой “пролетариата и крестьянства”. Наши трудящиеся массы еще не готовы для такой диктатуры. Как заметил Энгельс, для всякого данного класса нет большего несчастья, как получить власть в такое время, когда он, по недостаточному развитию своему, еще неспособен воспользоваться ею надлежащим образом: его ожидает в этом случае жестокое поражение. Что касается нашей трудящейся массы, то ее поражение было бы тем неизбежнее, в случае захвата ею власти, что, как это всем известно, Россия переживает теперь небывалую экономическую разруху»⁴².

Возможность избежать краха Плеханову виделась исключительно на почве единения сил с буржуазными элементами и поддержки Временного правительства. И он указывал: «Задача левых партий в России заключается в систематическом упрочении позиций, добытых только что совершившейся революцией. Для решения этой задачи они должны не низвергнуть Временное правительство, как этого хотели бы некоторые политические фанатики, а дружно поддерживать его»⁴³. В дальнейшем Плеханов неустанно подчеркивал, что «участие буржуазии в управлении страной особенно необходимо в нынешнее, совершенно исключительное, время»⁴⁴.

Иначе выстраивалась логика Ленина. В рассматриваемый период он еще более утвердился в мысли о неспособности русской буржуазии к подвижкам и шагам в решении насущных проблем. А потому считал, как справедливо подмечал П.В. Волобуев, что «ни один вопрос жизни страны не мог быть решен без революции против буржуазии»⁴⁵. Альтернативой «неспособности буржуазии» и была призвана стать власть Советов. На собрании большевистской фракции Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4 апреля 1917 г. Ленин разъяснял: «Законы важны не тем, что они записаны на бумаге, но тем, кто их проводит». И далее: «Если Совет рабочих депутатов сможет взять управление в свои руки, — дело свободы обеспечено. Если напишете самые идеальные законы, — кто будет проводить их в жизнь? — Те же чиновники, но они связаны с буржуазией»⁴⁶. Новая (советская) система власти была необходима, по Ленину, для доведения задач революции до логического завершения и еще более — для реализации практических антикризисных мер: «Чем сильнее экономический крах и порождаемый войной кризис, тем настоятельнее необходимость наиболее совершенной политической формы, *облегчающей* излечение ужасных ран, нанесенных человечеству войной»⁴⁷.

В советской исторической науке существовала точка зрения, что Ленин предлагал способ преодоления нарастающего кризиса через переход к социализму. В этом видели «новаторский подход» Ленина, когда «...переход к социализму рассматривался им не как нечто необычное, сверхъестественное, а как практический выход из кризиса буржуазно-помещичьего строя, из того тупика, в котором оказалась страна в 1917 г., т.е. как конкретный ответ на конкретные проблемы общественного развития страны»⁴⁸.

В реальности Ленин прямо предостерегал от этого: «Партия пролетариата никоим образом не может задаваться целью “введения” социализма в стране мелкого крестьянства, пока подавляющее большинство населения не пришло к пониманию

необходимости социалистической революции»⁴⁹. В центр Ленин ставил именно антикризисные меры, которые, как он подчеркивал, вовсе не являются «введением социализма»: «Такие меры, как национализация земли, всех банков и синдикатов капиталистов или, по крайней мере, установление *немедленного контроля* за ними Советов рабочих депутатов и т.п., отнюдь не будучи “введением” социализма, должны быть безусловно отстаиваемы и, по мере возможности, революционным путем осуществляемы». Без них «невозможно лечение ран, нанесенных войной, и предупреждение грозящего краха»⁵⁰. Хотя при этом Ленин считал, что реализация данных мер приближает возможность социалистического перехода: «Советы Р. и С. Д. должны взять власть не для создания обычной буржуазной республики или непосредственного перехода к социализму. Этого быть не может. Для чего же? Они должны взять власть для того, чтобы сделать первые конкретные шаги к этому переходу, которые можно и должно делать»⁵¹.

Таким образом, не социализм для преодоления кризиса, а антикризисные меры как приближение возможности социализма, — вот логика Ленина. Но в любом случае вопрос о политической власти имел в его схеме определяющее значение. И здесь он действительно основательно расхохотился с Плехановым, который акцентировал внимание на отсутствии материальных предпосылок социализма, отрицая отсюда всякий смысл призыва «русской трудящейся массы» к захвату политической власти⁵².

Еще в 1891 г. Плеханов оценил российский самодержавный строй как соединение «дурных сторон печальной памяти западного абсолютизма со всеми ужасами восточного деспотизма»⁵³. Но, признавая в устройстве страны азиатские основы⁵⁴, он полагал, что в экономике они практически вытеснены развитием капитализма, который уже занял господствующее (хотя это и не означает его высокоразвитый уровень) положение, и находятся в состоянии разложения: «Некоторые экономисты, одаренные слишком пылкой фантазией, обнаруживающие больше доброй воли, нежели солидных знаний, рисуют Россию как бы своего рода европейским Китаем, который по своей экономической структуре ничего не имеет общего с Западной Европой. Это совершенно ложно. Старые хозяйственные основы России находятся ныне в процессе полного разложения»⁵⁵. Отсюда России предопределено, пусть и с некоторыми поправками, осуществлять свое дальнейшее движение в рамках западноевропейских схем, отражение чего наблюдаем у Плеханова в 1917 г.

Ленин, напротив, призывал сместить акценты на наличие в устройстве России некапиталистических элементов. Еще в замечаниях на второй проект партийной Программы, подготовленный Плехановым ко II съезду РСДРП, он в этой связи писал: «...Если я говорю, что 60 уже стало преобладающим над 40, это вовсе не значит, что 40 не существует или сводится к неважной мелочи»⁵⁶. Очевидно, что в подобном раскладе путь России должен был характеризоваться немалым своеобразием.

И здесь стоит обратить внимание на характеристику процессов развития русского общества в 1917 г., которую Ленин дал в одной из своих последних работ «О нашей революции: (по поводу Записок Н. Суханова)». В ней он указал, что Россия находится «на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой (мировой. — А.К.) войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран вне-европейских». И в силу этого Россия «...могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным»⁵⁷.

Современные исследователи не обращают на это внимания, но современники Ленина подмечали у него учет восточного менталитета в русском обществе⁵⁸. И

это внимание Ленина к «восточным новшествам» в России не случайно, ибо здесь, на наш взгляд, и коренилось его повышенное внимание к вопросу о власти.

Для стран Востока характерна, как известно, определяющая роль государственного начала в жизни общества. И Ленин указывал: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры... то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, **на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя** (выделено мной. — А.К.), двинуться догонять другие народы»⁵⁹.

Из подобных высказываний и пытаются выводить теорию «волонтаризма Ленина». Как писал западный историк Р. Даниелс, «взять власть, а затем начать “построение социализма” при помощи правительственного декрета — вот что брезжило в сером послереволюционном рассвете»⁶⁰. Иные оценки напрашиваются, однако, если заметить, что речь у Ленина идет не о «построении социализма», а о построении основ («определенного уровня культуры»), необходимых для возведения социалистического здания в перспективе, — да, используя при этом возможности властного фактора.

В любом случае ясно, что вопросу о власти в контексте «восточных новшеств» Ленин придавал действительно принципиальное значение (и в 1917 г. и не только в 1917-м). Требовал: «Никакой поддержки Временному правительству». Требовал разъяснить массам, что единственной формой революционного правительства может быть Совет рабочих депутатов⁶¹. Закономерна и критика этих требований со стороны Плеханова, который игнорировал «восточные новшества», рассматривал развитие процессов в России согласно европейским схемам, которые предполагали сначала вызревание материальных условий для социализма в недрах капиталистического строя и лишь затем овладение властью.

Из теоретических постулатов вытекали тактические установки. И имевшееся здесь противостояние Ленина и Плеханова пора поместить в реальности весны 1917 г. При этом стоит обратить внимание на замечание В.В. Шульгина, сделанное в связи с Февральской революцией: «Они — революционеры — не были готовы, но она — революция — была готова»⁶². Это не просто констатация того факта, что массовые настроения опережали самые радикальные революционные круги. Здесь ключ к пониманию развития событий.

Что хотели массы? Даже не свержения монархии, а разрешения насущных проблем, начиная от продовольственного кризиса и далее — до давно ставших хроническими таких вопросов, как вопрос о земле. Что получили массы в результате Февральской революции? Свержение монархии, политические свободы, но при всем том в декларации Временного правительства о его составе и задачах от 3 марта 1917 г. даже не были упомянуты те проблемы, которые, собственно говоря, и привели к краху монархического строя. А ведь эйфория от завоеванных свобод не могла длиться бесконечно, и проблемы эти, отнюдь не разрешенные крахом монархии, неумолимо должны были заявить о себе.

Вряд ли приходится оспаривать, что среди этих проблем одним из самых насущных вопросов, затрагивающих интересы подавляющей части населения страны, был вопрос о земле. В центральных губерниях России на крестьянский двор приходилось в среднем порядка 7—8 десятин земли, тогда как для нормального воспроизводства крестьянского хозяйства требовалось не менее 14—15 десятин⁶³. И решение этого вопроса крестьянство традиционно видело именно за счет помещичьих владений.

На календаре 13 марта 1917 г., а член Государственного совета, предводитель дворянства Можайского уезда Московской губернии А.К. Варженевский пишет графу С.Д. Шереметеву, что «...в темных массах жителей деревни уже проявляются искры

грядущих погромов и ужасов 1905 и 1906 годов, и многое заставляет опасаться приближения полной анархии»⁶⁴. 17 марта Временное правительство принимает обращение: «Земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата... Земельный вопрос должен быть решен путем закона, принятого народным представительством»⁶⁵. 5 апреля Варженевский вновь жалуется, что «жизнь протекает тяжело в ожидании ежедневно каких-нибудь гадостей со стороны взбаламученного моря вожделений наших соседей — пейзаж к захватам земли...»⁶⁶.

Обстановка в деревне действительно накалялась, крестьянство начинало переходить к радикальным действиям. Так, в телеграмме министра-председателя Временного правительства князя Г.Е. Львова на имя Вологодского губернского комиссара от 16 апреля 1917 г. читаем: «В последние дни во Временное правительство поступают многочисленные телеграфные и личные заявления об арестах и самовольных действиях отдельных сельских обществ и волостных комитетов, лишаящих землевладельцев как крупных, так и мелких возможности исполнить свой долг перед государством, засеяв в пределах имеющихся у них возможностей им принадлежащие земли». Выказавшись о неприемлемости «разрешения земельного вопроса самим заинтересованным населением совершенно в случайном порядке», Львов требовал «твердо отстаивать недопустимость каких бы то ни было самовольных решений, могущих погубить необходимое единение для укрепления нового государственного строя»⁶⁷. 21 апреля 1917 г. последовало очередное обращение Временного правительства, где указывалось, что окончательно и правильно земельный вопрос может решить только Учредительное собрание⁶⁸.

А 25 апреля Варженевский в очередной раз пишет о «неприятностях» с крестьянами: «...Крестьяне опять пришли, требуя еще земли и притом уже часть, засеянную клевером, и кусок пашни, приготовленный под посев овса!»⁶⁹ 1 мая 1917 г. следует циркуляр министра земледелия А.И. Шингарева волостным комитетам: «Имущество и земли помещиков так же, как и все другие владения, являются народным достоянием, которыми имеет право распорядиться только всенародное Учредительное собрание. До тех пор всякий самовольный захват земли, скота, инвентаря, рубка чужого леса и т.п. являются незаконным и несправедливым расхищением народного богатства...»⁷⁰

Образование коалиционного Временного правительства, куда вошли умеренные социалисты, включая популярного в крестьянской среде В.М. Чернова, занявшего пост министра земледелия, снизило накал крестьянского движения⁷¹. Но ненадолго... Политика властей сохранила тенденцию отсрочек. Программная правительственная декларация от 6 мая 1917 г. упоминала лишь «подготовительные работы» по переходу земли в руки трудящихся. Но само решение вопроса все также оставалось за Учредительным собранием⁷². При этом не составляет секрета, что при всех заявлениях о «скорейшем», «кратчайше скорейшем», «возможно скорейшем» созыве Учредительного собрания основные политические силы сходились в том, что сделать это возможно не ранее октября — ноября 1917 г. Даже большевики, которые настаивали на форсировании данного процесса, в качестве срока называли «не позднее 1 сентября»⁷³. Массы же требовали, требовали и словом и действиями, немедленного решения всех проблем.

Происходившие на этой почве изменения настроений отмечены в письме секретариата ЦК РСДРП (б) от 9 июня 1917 г. в адрес Московского областного бюро большевистской партии: «Настроение повысилось в течение последних 2½—3 недель и среди солдат и среди рабочих на почве недовольства деятельностью коалиционного министерства...»⁷⁴ Не осталось в стороне и крестьянство, которое не согласилось ждать Учредительного собрания и приступило к организованному захвату земли, демонстрируя готовность неподчинения властям.

Наглядный тому пример — проходивший 20 мая — 6 июня 1917 г. II Самарский губернский крестьянский съезд. Он утвердил «Временные правила пользования землей», согласно которым все земли, не обрабатываемые собственным трудом, включая не только частные, но и казенные, переходили в распоряжение земельных комитетов. А где таковых нет, — то комитетов народной власти. «Поименованные земли составляют общий народный фонд, из которого и будут удовлетворяться потребности населения»⁷⁵. И уже 19 июня 1917 г. землевладелец П. Шихобалов жаловался министру юстиции: «В моем имении — хуторе Землянском, Больше-Черниговской вол., Николаевско-Самарский местный комитет народной власти из 6 тыс. дес. лугов оставил мне 8—10 дес., остальные поделил между крестьянами»⁷⁶. Вскоре поступила телеграмма от товарища министра внутренних дел, объявлявшая постановления губернского крестьянского съезда противозаконными и выражавшая требование «недопущения исполнения постановлений на местах»⁷⁷. В ответ Самарский губернский исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов выразил решительный протест и постановил: «На местах руководствоваться только “Временными правилами пользования землей”, выработанными II Самарским губернским крестьянским съездом»⁷⁸.

По аналогичной схеме процесс начинает разворачиваться и в других местах. О «переходе частновладельческих земель и сельскохозяйственного инвентаря в распоряжение исполнительных комитетов» для распределения между крестьянами читаем, например, в телеграмме товарища министра внутренних дел, направленной 24 июня 1917 г. на имя Тамбовского губернского комиссара⁷⁹. «В период быстрых перемен всякое правительство, которое не идет впереди крайних элементов подвергается опасности падения», — заметил очевидец событий 1917 г. в России американский полковник В.Б. Томпсон⁸⁰. Но именно это отказывался воспринять и учесть Плеханов.

Подчеркивая, что Россия не созрела для социализма, следуя логике двухэтапного развития, он призывал укреплять союз с буржуазными элементами и поддерживать Временное правительство⁸¹. Во имя компромисса он настаивал на отказе трудящихся от примата собственных интересов и подчеркивал, что в своих выступлениях они должны выдвигать не то, что их разъединяет, а то, что их объединяет с «прочими классами и слоями», и идти им на уступки: «...Мы должны обеспечить себе поддержку всех тех общественных классов и слоев, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка. Чтобы обеспечить себе их поддержку, нам необходимо оттенять не то, что отделяет нас от них, а то, что, по обстоятельствам нынешнего времени, сближает нас с ними. Конечно, следуя такой тактике, пролетариат должен будет делать указанным классам и слоям известные уступки»⁸². Конкретно крестьянству Плеханов предлагал не допускать самочинных захватов земли, дожидаться решений Учредительного собрания и даже доказывал необходимость выкупа земель («дать частным землевладельцам известное вознаграждение»)⁸³. При этом он признавал, что его позиции не могут пользоваться популярностью и писал Всероссийскому крестьянскому съезду: «Мне сдается, что ваше настроение временно исключает возможность усвоения вами моего взгляда. Ввиду этого всякая попытка убедить вас теперь представляется мне безнадежной»⁸⁴.

На что же он тогда надеялся? Плеханов указывал, что правительство «опирается на полное сочувствие весьма широких слоев организованной демократии» и выражает ее стремления и требования⁸⁵, причем эта демократия и должна была обеспечивать правильный курс. При этом Плеханов не исключал силовых мер предотвращения и недопущения революционного экстремизма: «Революционная власть есть сила, которая не может мириться с произвольными и беспорядочными выступлениями, вредящими делу

революции. Чем решительнее осуждает она такие выступления и чем энергичнее борется она с ними, тем лучше исполняет она свою собственную обязанность перед страной»⁸⁶.

Главную опасность Плеханов видел не в стихийном недовольстве масс, а в недостаточно твердых позициях, которые занимает в принципиальных вопросах «организованная демократия». «Пока наши демократы, отвергающие тактику Ленина, не провозгласят этого смело и открыто; пока они не станут упорно твердить это при каждом удобном случае, до тех пор они сами, — не желая и не сознавая этого, — останутся полуленинцами, и до тех пор им невозможно будет парализовать разрушительные усилия тех, которые целиком проводят тактику Ленина», — писал Плеханов⁸⁷.

Воли «организованной демократии», по его мнению, было достаточно, чтобы удерживать массы в необходимых рамках вне зависимости от влияния конкретных обстоятельств. И если называть вещи своими именами, то здесь мы наблюдаем тот самый волюнтаристский подход, за который обычно критикуют Ленина, хотя «волюнтаризм Плеханова» и выкрашен в иные стратегические цвета.

Насколько позиции Плеханова не соответствовали реалиям 1917 г., признает в своих воспоминаниях его ближайший сподвижник Л.Г. Дейч. Последний писал, что при всей разумности и целесообразности проповедуемых Плехановым взглядов, даже если бы он обладал властью «диктатора», то не смог бы «предохранить Россию от дальнейших печальных ее переживаний». «Слишком сложны были условия, чересчур разнуждались разнообразные элементы в стране, чтобы даже еще больше, чем Плеханов, одаренный человек, был в состоянии дать совершенно другое направление нашей революции»⁸⁸. Но тем самым Дейч косвенно признает правоту подхода Ленина и более реалистичную оценку им ситуации.

Плеханов полагал, что «организованная демократия» способна контролировать настроения и поведение масс. Ленин же не питал подобных иллюзий. Он считал, что распространенная в обществе эйфория от Февральской революции будет исчезать и массовые настроения станут приобретать оттенок, который впрямую будет зависеть не от слов ныне популярных вождей, а от степени удовлетворения конкретных требований. Коротко он это выразил в связи с вопросом о войне в письме И.Ф. Арманд еще 20 марта 1917 г.: «Вполне возможно, что в Питере теперь большинство рабочих социал-патриоты... Повоюем. *И война будет агитировать за нас* (выделено мной. — А.К.)»⁸⁹.

Свои тактические позиции Ленин коротко обозначил в статье «О двоевластии». Признав необходимость свержения Временного правительства, он, однако, отверг данную возможность, указывая, что это правительство держится поддержкой Советов рабочих депутатов, которые прямо выражают «сознание и волю большинства рабочих и крестьян». Поэтому «создадим пролетарскую коммунистическую партию», «сплотимся для пролетарской классовой работы, и из пролетариев, из *беднейших* крестьян на нашу сторону будет становиться все большее и большее число. Ибо *жизнь* будет ежедневно разбивать мелкобуржуазные иллюзии “социал-демократов”, Чхеидзе, Церетели, Стекловых и пр., “социалистов-революционеров”, мелких буржуа еще более “чистых”, и пр. и пр.»⁹⁰ Необходимо ждать, и «каждый шаг действительной жизни покажет, насколько мы правы», массы «будут переходить на нашу сторону», и об этом Ленин скажет также на VII (Апрельской) конференции большевиков⁹¹. По этому сценарию и пошло дальнейшее развитие событий в России.

Считать это «заслугой большевиков» вряд ли правомерно. Более точен В.С. Войтинский, указывавший, что большевики «плыли со стихией, возглавляя и выражая ее»⁹². В этом и заключались ключевые моменты тактики Ленина: не препятствовать стихии, а, «выражая ее», стараться направлять в необходимое русло. И здесь можно согласиться

с Плехановым, предъявлявшим Ленину обвинения в отступлении от ортодоксального марксизма, ибо ленинцы действительно были готовы отказаться от буквы теории для управления массами. На это обращал внимание Р. Вессон, указывавший, что большевики набирали популярность в крестьянской среде не потому, что защищали марксистскую аграрную программу, а потому, что поддерживали требования крестьян, желавших захватить землю у богатых соседей⁹³. На проходившей в апреле 1917 г. Петроградской общегородской конференции большевиков Ленин прямо скажет: «Те, кто советует крестьянам ждать Учредительного собрания, обманывают их»⁹⁴. И большевики были, в сущности, той единственной партией, которая поддержала на местах борьбу крестьян за землю, не дожидаясь Учредительного собрания. Как писала в связи с решениями II Самарского губернского крестьянского съезда большевистская «Приволжская правда», «мы приветствуем это постановление крестьянского съезда. Революционное стремление к земле, здоровое понимание связи между политической революцией и борьбой за землю победило и кисло-сладкие увещания ждать до Учредительного собрания, и угрозы Временного правительства расправой с “захватчиками”»⁹⁵.

Очевидно, что и без большевиков процесс развивался бы в том же направлении. Достаточно вспомнить ситуацию после июльского кризиса, когда, по определению Н.Н. Суханова, «слово “большевик” уже стало синонимом всякого негодяя, убийцы, хриstopродавца, которого каждому необходимо ловить, тащить и бить»⁹⁶. Падение популярности большевиков не остановило захваты земель крестьянами. В июле крестьянские выступления были зафиксированы в 325 уездах против 280 в июне. 61% крестьянских выступлений в июле носили захватный характер⁹⁷. В августе было отмечено более 400—450 случаев захвата земли крестьянами⁹⁸. Не радикализм масс являлся следствием влияния большевиков, а усиление большевиков было отражением и результатом роста радикализма масс.

Но здесь возникала проблема, которую американский исследователь А. Рабинович обрисовал следующим образом: «...Ряды большевиков буквально раздулись от пылких новобранцев, которые почти ничего не знали о марксизме и объединялись не более чем стремлением к немедленному началу революционных действий»⁹⁹. Стоит добавить, что это стремление, тем не менее, тесно увязывалось в сознании масс именно с идеей социализма. Так, газета «Уральская жизнь», публикуя информацию о распространении радикальных настроений и росте популярности радикальных элементов в Сибири, сообщала: «Против социализма нельзя говорить в Красноярске, за это подвергают критиков аресту»¹⁰⁰.

Хорошо известно, что Ленин, еще вчера считавшийся даже в собственной партии «крайне левым», пытался теперь сдерживать нетерпение «неофитов большевизма». На проходившей в июне 1917 г. Всероссийской конференции военных организаций РСДРП (б) он обратил особое внимание и раскритиковал настроения, согласно которым «нечего дальше ждать». Однако, по свидетельству известного большевистского деятеля М.С. Кедрова, «его точку зрения разделяли немногие делегаты. В большей же части конференции его взгляд вызвал разочарование или даже недовольство»¹⁰¹.

Настроение «нечего дальше ждать» проявляло себя уже не только в столице, но и в провинции, что подтверждает эпизод, который произошел в Николаевском уезде Самарской губернии. Еще в начале июня 1917 г. здесь по инициативе местных большевиков во главе с В. Ермошенко была установлена советская власть. Правительственному комиссару, как «не соответствующему своему назначению», предложили выйти в отставку. Высшей политической властью в уезде был объявлен объединенный Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов¹⁰². Последовала национа-

лизация и раздача продуктов первой необходимости населению. Все это произошло вопреки позициям, которые занимало в это время центральное большевистское руководство, и прямому предупреждению губернского комитета большевиков о том, чтобы «захват власти в уезде не производить». Как было отмечено, «тов. Ермощенко действовал революционным путем без директив партии»¹⁰³.

В подобных эпизодах скрывалась серьезная опасность. В.Т. Логинов прав, когда отмечает: «Революция выявила не только сильные стороны массового движения, его способность к организации и самоорганизации. Революция сделала явными и недостатки этого движения, его слабость. Прежде всего то, что за рамками сознательности оставалась гигантская политически неразвитая масса, податливая посулам и демагогии»¹⁰⁴. Нарастающей проблемой становилось недопущение развития стихийного движения в погромном направлении, и в качестве одного из решающих аргументов за немедленный захват власти путем вооруженного восстания осенью 1917 г. Ленин указывал: «...Голодные “разнесут все, разможат все даже по-анархически”, если не сумеют руководить ими в решительном бое большевики»¹⁰⁵. Но при этом он продолжал подчеркивать, что «никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически»¹⁰⁶. Не случайно в ходе известных октябрьских событий 1917 г. Ленин внес правку в обращение Военно-революционного комитета. Вместо слов: «Да здравствует революция! Да здравствует социализм!» — он вписал: «Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»¹⁰⁷.

Выявленные позиции Ленин сохранил в основном и после Октября. В развернувшейся весной 1918 г. полемике с «левыми коммунистами», которые ратовали именно за немедленное построение социализма, он отстаивал противоположный взгляд об отсутствии объективных основ для возведения в стране социалистического здания. Ленин подчеркивал, что процесс будет носить длительный многоступенчатый характер: «Мы только что сделали первые шаги, чтобы капитализм совсем стряхнуть и переход к социализму начать. Сколько еще этапов будет переходных к социализму, мы не знаем и знать не можем»¹⁰⁸. Тем более что реальность вызывала у Ленина уже сомнения в неизбежности социалистической революции в передовых европейских странах в ближайшей перспективе: «...Международная ситуация на 4-ом году войны сложилась так, что вероятный момент взрыва революции и свержения какого-либо из европейских империалистических правительств (в том числе и германского) совершенно не поддается учету»¹⁰⁹.

Таким образом, сравнительный анализ идейных и тактических позиций Ленина и Плеханова в апреле — июне 1917 г. позволяет уточнить сложившиеся в науке и общественном сознании представления о том, что здесь присутствовало противостояние «курса на революцию социалистическую» и «курса на революцию буржуазную». Напротив, в оценках материальной готовности (или точнее неготовности) России к социализму Плеханов и Ленин занимали близкие позиции. Реальным центром их разногласий был вопрос о власти.

Отрицая социалистический характер революционных изменений в России, Плеханов отвергал в этой связи возможность и целесообразность перехода власти в руки пролетарских и крестьянских слоев. При этом он пытался добиться единения между «пролетариатом» и «капиталистом». Теоретически и с позиций сегодняшнего дня предлагаемый Плехановым курс смотрится целесообразно, но он явно противоречил реальностям, которые складывались в России после Февральской революции.

Ленин же отрицал власть буржуазии, настаивал на «диктатуре пролетариата» или «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства» (по обстоятельствам), что, однако, не ассоциировалось у него с немедленным установлением

социалистического строя на российской почве. Социализм виделся ему в конкретных российских условиях как перспектива, а не как задача данного момента, хотя при этом Ленин пытался учитывать наличие в устройстве России азиатских начал, делая отсюда акцент на использовании власти для решения не только сиюминутных проблем, но и вопросов, связанных с подготовкой реальной возможности появления этой самой социалистической перспективы. И, принимая во внимание современный опыт стран Востока (того же Китая), этот подход не видится столь уже утопичным.

Иное дело, что государственное начало было способно не только ускорять, но также тормозить и разворачивать процессы в направлении, которое могло совершенно не устраивать Ленина. И здесь критика Плеханова, указывавшего, что нелепо звать трудящихся к власти, пока не вызрели для этого предпосылки, имела свои основания.

- ¹ См.: *Тютюкин С.В., Шелохаев В.В.* Марксисты и русская революция. М., 1996. С. 231.
- ² Составленный О.Ю. Лесных, М.Л. Карягиной, Е.А. Рябоконе список посвященных Г.В. Плеханову трудов, которые вышли в СССР и в России за 1956—2006 гг., насчитывает 552 наименования, причем из них на период 1992—2006 гг. приходится 65. См.: Г.В. Плеханов — философ: материалы к библиографии, 1956—2006. Екатеринбург, 2007. Знакомство с этим списком позволяет утверждать, что он далеко не полон.
- ³ См.: *Тютюкин С.В.*: 1) Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997; 2) Г.В. Плеханов и В.И. Ленин: революционеры и политики // Социал-демократия в российской и мировой истории. Обобщение опыта и новые подходы: материалы науч. междунар. конф., Москва, 21—22 апр. 2008 г. М., 2009. С. 31—42; 3) Г.В. Плеханов, В.И. Ленин и русская революция // Леонид Михайлович Иванов: личность и научное наследие историка. М., 2009; и др.
- ⁴ *Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. С. 332.
- ⁵ См.: Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 258; Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. С. 541, 544.
- ⁶ *Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов, В.И. Ленин и русская революция. С. 208—209.
- ⁷ См.: *Свалов А.Н.* Мыслящая Россия. М., 2009. С. 112.
- ⁸ Там же. С. 102—103.
- ⁹ *Петренко Е.* Выбор России. Об актуальности некоторых мыслей и суждений Г.В. Плеханова // Свободная мысль. 2006. № 11—12. С. 90.
- ¹⁰ См.: *Козлов А.И.* О предпосылках социализма в России начала XX века // Relga: Науч.-культурол. журн. 2001. № 8. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=archive>; *Орлов Б.С.* От Февраля к Октябрю: Февральский процесс 1917 г. в контексте противоборства субкультур // Полития. 2007. № 3. С. 152; *Титов В.Ф., Тулякова Е.В.* Г.В. Плеханов и его теоретическая и просветительская деятельность // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2011. Т. 14, № 2. С. 300.
- ¹¹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. 2. С. 387.
- ¹² См., напр.: *Даниелс Р.В.* Взлет и падение коммунизма в России: пер. с англ. М., 2011. С. 55, 56, 59; *Козлов А.И.* О предпосылках социализма в России начала XX века // Relga: науч.-культурол. журн. 2001. № 9. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=archive>
- ¹³ *Нольте Э.* Европейская гражданская война (1917—1945). Национал-социализм и большевизм: пер. с нем. М., 2003. С. 46.
- ¹⁴ *Краус Т.* Ленин и российская революция. Можно ли выбросить «ленинский нарратив»? // Октябрь 1917: вызовы для XXI века. М., 2009. С. 160.
- ¹⁵ Великая Русская революция: от Февраля к Октябрю: круглый стол, посвященный 90-летию Февральской революции 1917 г. // Там же. С. 19.
- ¹⁶ Там же. С. 22; *Колганов А.И.*: 1) 1917 год: проблема двух революций в России и современность // Октябрь 1917: вызовы для XXI века. М., 2009. С. 94; 2) В.И. Ленин, 1918—1923: кризис революционного проекта // Альтернативы. 2010. № 1. С. 27—28.
- ¹⁷ *Varon S.H.* Plekhanov in Russian History and Soviet Historiography. Pittsburgh, 1995. P. XVII.
- ¹⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354.
- ¹⁹ Там же. С. 21—22, 163.
- ²⁰ Там же. Т. 27. С. 49.
- ²¹ Там же. Т. 31. С. 91—92.

- 22 Там же. С. 66.
- 23 *Драбкина Ф.И.* Приезд товарища Ленина и Апрельское совещание представителей большевистских организаций // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 10 т. М., 1990. Т. 4. С. 169.
- 24 См., напр.: *Деревянко А.П., Шабельникова Н.А.* История России с древнейших времен до конца XX в.: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 351; Новейшая история Отечества, XX век: учеб. пособие: в 2 т. / под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. Т. 1. С. 202—203; История Отечества с древнейших времен до начала XXI века: учеб. пособие / под ред. М.В. Зотовой. М., 2004. С. 315; История России XX — начала XXI века / под ред. Л.В. Милова. М., 2006. С. 256—257; История России: учебник / Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 333; История России с древнейших времен до наших дней: учебник / под ред. А.Н. Сахарова. М., 2012. С. 596.
- 25 *Логинов В.Т.* Неизвестный Ленин. М., 2010. С. 127; см. также: *Воейков М.И.* Была ли Октябрьская революция социалистической? // Горбачевские чтения. М., 2008. Вып. 6. С. 50.
- 26 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 357.
- 27 Там же. С. 116.
- 28 Там же. С. 142.
- 29 *Плеханов Г.В.* О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен // *Плеханов Г.В.* Год на Родине. Полн. собр. статей и речей 1917—1918 г.: в 2 т. Paris, [1921]. Т. 1. С. 21.
- 30 Там же. С. 26.
- 31 Там же. С. 27.
- 32 Там же. С. 28.
- 33 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 106.
- 34 *Плеханов Г.В.* Что же дальше? // *Плеханов Г.В.* Соч. М., 1925. Т. 12. С. 162—163.
- 35 См.: *Его же.* О нашей тактике по отношению к борьбе либеральной буржуазии с царизмом // Там же. М.; Л., 1926. Т. 13. С. 182—183.
- 36 См.: *Его же.* О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен. С. 26—27.
- 37 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 106.
- 38 См.: Там же. С. 134.
- 39 Там же. С. 140.
- 40 Там же. Т. 32. С. 35.
- 41 См.: Там же. С. 266—267.
- 42 *Плеханов Г.В.* Логика ошибки // *Плеханов Г.В.* Год на Родине. Paris, [1921]. Т. 1. С. 218.
- 43 *Его же.* К студентам // Там же. С. 33.
- 44 *Его же.* Логика ошибки. С. 218.
- 45 *Волбуев П.В.* Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987. С. 159.
- 46 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 110—111.
- 47 Там же. С. 164.
- 48 *Волбуев П.В.* Указ. соч. С. 162.
- 49 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 168.
- 50 Там же.
- 51 Там же. С. 356—357.
- 52 См.: *Плеханов Г.В.* К студентам. С. 33.
- 53 *Плеханов Г., Засулич В.* Доклад, представленный редакцией русского журнала «Социал-демократ» Международному рабочему социалистическому конгрессу в Брюсселе в августе 1891 года // *Плеханов Г.В.* Соч. 2-е изд. М., 1925. Т. 9. С. 341.
- 54 См. об этом: *Baron S.H.* Op. cit. P. 17—32.
- 55 *Плеханов Г.В.* Речь на Международном рабочем социалистическом конгрессе в Париже (14—21 июля 1889 г.) // *Плеханов Г.В.* Русский рабочий в революционном движении: статьи 1885—1903 гг. Л., 1989. С. 168.
- 56 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 233.
- 57 Там же. Т. 45. С. 379.
- 58 На это указывал, например, чешский историк Я. Славик. (См.: *Доспихил Д.В.* Фигура В.И. Ленина в исследованиях Яна Славика // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2010. № 1. С. 219—222).
- 59 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 381.
- 60 *Даниелс Р.В.* Указ. соч. С. 56.
- 61 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114—115.
- 62 *Шульгин В.В.* Дни. 1920: записки. М., 1989. С. 165.
- 63 *Воейков М.И.* Материальные и социально-экономические предпосылки Русской революции // Октябрь 1917: вызовы для XXI века. М., 2009. С. 79.

- ⁶⁴ «Все рушится и тонет в море анархии»: письма члена Государственного совета А.К. Варженевского графу С.Д. Шереметеву // Источник. 1994. № 6. С. 30.
- ⁶⁵ Журналы заседаний Временного правительства, март — октябрь 1917 года: в 4 т. М., 2001. Т. 1. С. 125.
- ⁶⁶ «Все рушится и тонет в море анархии». С. 30.
- ⁶⁷ Вологодские губернские ведомости. 1917. 28 апр.
- ⁶⁸ Журналы заседаний Временного правительства, март — октябрь 1917 года. Т. 1. С. 326.
- ⁶⁹ «Все рушится и тонет в море анархии». С. 31.
- ⁷⁰ Вологодские губернские ведомости. 1917. 9 июня.
- ⁷¹ В апреле крестьянские выступления были зафиксированы в 174 уездах, в мае — в 136 (*Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 27).
- ⁷² *Львов-Рогачевский В.Л.* Социалисты о текущем моменте. М., 1917. С. 192—193. (Материалы Великой Революции 1917 г.).
- ⁷³ См.: *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и политического крушения. Л., 1976. С. 103—105.
- ⁷⁴ Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями (март — октябрь 1917 г.): сб. док. М., 1957. С. 13.
- ⁷⁵ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии: документы и материалы. Куйбышев, 1957. С. 60.
- ⁷⁶ Там же. С. 74.
- ⁷⁷ Приволжская правда. (Самара), 1917. 24 июня.
- ⁷⁸ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. С. 77; Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 3500. Оп. 1. Д. 203. Л. 23—24.
- ⁷⁹ Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917—1918): документы и материалы. М., 2003. С. 86—87.
- ⁸⁰ *Томпсон В.Б.* Правда о России и большевиках. Нью-Йорк, [1919?]. С. 12.
- ⁸¹ *Плеханов Г.В.*: 1) К студентам. С. 33; 2) Революционная демократия должна поддержать свое правительство // *Плеханов Г.В.* Год на Родине. Paris, [1921]. Т. 1. С. 215.
- ⁸² *Его же.* О нашей тактике: к сознательным рабочим г. Москвы // Там же. С. 224.
- ⁸³ См.: *Его же.* Письмо Всероссийскому крестьянскому съезду // Там же. С. 147—151.
- ⁸⁴ Там же. С. 147.
- ⁸⁵ *Плеханов Г.В.* Революционная демократия должна поддержать свое правительство. С. 215—216.
- ⁸⁶ *Его же.* Умные речи приятно и слушать // *Плеханов Г.В.* Год на Родине. Paris, 1921. Т. 1. С. 244.
- ⁸⁷ *Его же.* Логика ошибки. С. 218—219.
- ⁸⁸ *Дейч Л.Г.* Г.В. Плеханов в России (1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 8. С. 63.
- ⁸⁹ В.И. Ленин. Незвестные документы, 1891—1922 гг. М., 2000. С. 211.
- ⁹⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 147—148.
- ⁹¹ Там же. С. 346.
- ⁹² *Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. Гл. 5. URL: <http://lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/fl4.txt>
- ⁹³ *Wesson R.G.* Lenin's Legacy: The Story of the CPSU. Stanford, Calif., 1978. P. 55.
- ⁹⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 242.
- ⁹⁵ Приволжская правда. (Самара), 1917. 8 июня.
- ⁹⁶ *Суханов Н.Н.* Записки о революции: в 3 т. М., 1991. Т. 2, кн. 3—4. С. 353.
- ⁹⁷ *Осипова Т.В.* Указ. соч. С. 27, 29.
- ⁹⁸ О генерале Лавре Георгиевиче Корнилове. Архив «Радио свобода». 30.09.1998. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24204592.html>
- ⁹⁹ *Рабинович А.* Кровавые дни: июльское восстание 1917 г. в Петрограде: пер. с англ. М., 1992. С. 50.
- ¹⁰⁰ Уральская жизнь. (Екатеринбург), 1917. 31 мая.
- ¹⁰¹ *Кедров М.С.* Из воспоминаний о Всероссийской конференции военных организаций РСДРП (большевиков) 16—23 июня 1917 года // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 10 т. М., 1990. Т. 4. С. 223—224.
- ¹⁰² Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. С. 71.
- ¹⁰³ СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 204. Л. 14.
- ¹⁰⁴ См.: *Логинов В.Т.* Незвестный Ленин. С. 90—91.
- ¹⁰⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 413.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 193.
- ¹⁰⁷ См.: *Логинов В.Т.* Восстание // Альтернативы. 2010. № 1. С. 105.
- ¹⁰⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 48.
- ¹⁰⁹ Там же. Т. 35. С. 244—245.

*О.А. Шашкова** (Москва)

«Люди Фронды» меж двух революций 1917 г.: Из истории собирания наследия Февраля

Почти столетие не утихают споры о природе Февральской революции: ее стихийности и одновременно подготовленности, трагических противоречиях намерений и результатов, предопределенности последствий и вместе с тем непредсказуемости исхода. Фактически весь XX век историки (и политики!) оттачивали перо, пытаясь разъединить «вследствие» и «после».

Февральская революция и падение монархии стали теми событиями, которые десятилетиями ожидалась наиболее активной частью интеллигенции. Семь дней февраля — марта 1917 г. не только унесли трехсотлетнюю монархию, но и выплеснули на улицу невиданный протест против войны и ушедшего мира. ореол святости борцов с государственной властью, начиная с декабристов, А.И. Герцена, народников, был столь могуч, что привлекал к себе все новых сторонников.

Переворот (так в принятых в начале века традициях определялись события) воспринимался большинством его современников как первый акт будущего демократического устройства, требовавший развития в Учредительном собрании. Лишь немногие обладали тогда предвидением последующего крушения государственности (а не ее реформирования), хотя уже в период «от Февраля до Октября» стали проявляться разноречивые тенденции развития политического процесса. Их озвучивали как партийные, общественные деятели, так и писатели, публицисты, поэты, ампула, которых, впрочем, тогда были весьма схожи. Столь грандиозный процесс не мог не стать причиной размышлений историков, но, с одной стороны, близкие к переживаемому моменту события тогда не считались их вотчиной, а с другой, — отсутствие подлинных материалов «революционной недели» не способствовало началу исследований.

Так появилась идея целенаправленного собирания источников пред- и послереволюционной эпохи. Она возникла в обеих столицах уже в марте 1917 г. и с поразительной быстротой охватила всю страну и людей совершенно разных занятий. Это был бурный период создания многочисленных союзов, организаций, объединений, причем новая власть к их появлению имела опосредованное отношение, лишь позже декретировав деятельность некоторых из них. Главной побудительной причиной такой активности общественности стало обоснованное опасение, что растворятся не только детали, но исчезнут ценнейшие материалы — свидетели недавнего прошлого и продолжавших совершаться буквально на глазах событий.

Этот порыв марта — апреля 1917 г. наложился на другую идею, бытовавшую в народнической среде Политического Красного Креста еще с 80-х годов XIX в., — создания «Музея революции и освободительной борьбы», где бы хранились релик-

* Шашкова Ольга Александровна — кандидат исторических наук, Российский государственный архив социально-политической истории.

вии почти векового противостояния оппозиционной общественности и монархии. Частичное воплощение она получила в Москве, где в 1915 г. возник Отдел историографии и Музей истории Всероссийского союза городов. Их возглавил известный публицист и бывший народнический деятель В.П. Кранихфельд*. В этом отделе (его материалы в 1917 г. переместились в здание Исторического музея) концентрировались документы об участии предпринимательских кругов в организации помощи фронту и тылу¹, но в конце 1916 г. деятельность отдела и музея почти замерла в связи с серьезными ограничениями работы самого Земгора. Таким образом, лозунг создания негосударственного Музея революции стал одним из характерных штрихов жизни России весны 1917 г., но в итоге реализовался он другими силами и в ином варианте уже в советский период.

Изучение деятельности различных организаций, занимавшихся концентрацией документов по истории «Великих дней», показывает, прежде всего, степень организованности и согласованности действий множества разнородных политических и социальных сил и одновременно — степень их отторжения от прежней системы. Здесь нетрудно заметить и прочные традиции успешной общественной работы, которые были выработаны оппозицией под сенью монархии. Энтузиазм, объявший на этом историко-археографическом поприще ветеранов народничества, кадетских деятелей, редких представителей верхушки социал-демократии, новобранцев из различных околопартийных слоев показывал подлинные «движущие силы революции». Сохранить память о событиях Февраля, развенчав и умалив власть прежнюю, — таков был основной посыл деятельности этих разнородных сил. Их активная собирательская работа, нередко весьма изобретательная, настойчивые поиски документов, бережное отношение к уже созданным архивам при минимальной поддержке Временного правительства, словно лакмусовая бумага выявляли те общественные слои, которые активно способствовали смене власти, причем они заметно отличались от «объявленных» таковыми уже в советский период.

Другим важным моментом стало активное участие в концентрации материалов Февраля университетской профессуры и Академии наук, прежде всего, А.А. Шахматова, А.С. Лаппо-Данилевского, А.Е. Преснякова, В.И. Срезневского, С.Ф. Ольденбурга, Ю.В. Готье, С.П. Мельгунова, С.Н. Валка и других видных историков. Слово предчувствуя последующее отторжение от роли «летописцев» революции, но именно в таком качестве сознавая свой профессиональный долг, эти активные отечественные медиевисты и знатоки «древностей российских» с подлинным знанием дела включились в процесс сохранения материалов по новейшей истории. Именно благодаря их трудам хаотичный процесс собирания и обработки источников недавнего времени постепенно превратился в целенаправленную деятельность, сформировав основу для обновленной системы организации исторической науки — однако уже в советский период.

Более того, благодаря участию университетской профессуры и профессиональных историков еще в дооктябрьский период выявились общие контуры методики не только по собиранию, но и созданию принципиально новых видов источников (что затем получило название «устной истории») — анкет и опросов участников революционных событий, записей их воспоминаний на «вечерах памяти», хроник событий и историй фабрик и заводов на основании анкет-схем и др. (Пройдет всего четыре—пять лет, и эта методика будет усвоена уже советскими организациями как

* Кранихфельд Владимир Павлович (1865 — 16 мая 1918) — литературный критик и публицист народнического направления. В литературе иногда указывается ошибочное отчество — Борисович, а также неверный год рождения — 1855.

собственная. В многочисленных трудах, посвященных Истпарту, их авторы дружно утверждают приоритет в этом направлении именно Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП (б)².)

Ученых-энтузиастов заинтересовала не только публикация наиболее одиозных и «обличительных» материалов последних 10—20 лет жизни Российской империи, но и воссоздание истории российских партий, отдельных предприятий, социальных движений. Именно таким путем начала формироваться документальная основа канвы событий и некоего концептуального представления о революциях 1917 г. Отсюда становится понятным, почему история собирания наследия Февраля в России долгое время не привлекала внимания ученых. Процесс не столько заслонялся событиями последующей революции, сколько был подчинен советской традиции во всем начинать отсчет «новой эры» с Октября 1917 г., ибо к событиям Февральской революции пришедшая в итоге к власти партия большевиков действительно имела опосредованное отношение.

Состояние проблемы: историографический и источниковедческий аспекты

Частичное отражение история собирания документального наследия Февраля получила лишь во второй половине 1960-х годов в некоторых монографиях, материалах отдельных конференций и немногочисленных публикациях в периодике на уровне характеристики источников по истории революции, обзора архивных фондов и при анализе историографии событий 1917 г. В этом направлении в 1960—1970-е годы работали И.М. Пушкарева, Э.Н. Бурджалов, Г.Л. Соболев, Ю.С. Токарев, Е.Н. Городецкий, другие историки и особенно те, кто попутно занимался публикацией источников³. Реально же проблема собирания и сохранения материалов предреволюционного времени и периода весны — лета 1917 г. была представлена скудными упоминаниями в путеводителях некоторых архивов и музеев, но вплоть до середины 1990-х годов почти не изучалась. Ряд исследователей на рубеже 1980—1990-х годов поднимал вопросы движения интеллигенции и создания общественных организаций в период Февральской революции⁴, однако и здесь рассмотрение общественных инициатив, связанных с концентрацией наследия революции, не получило широкого развития.

Началом сознательного изучения данного сюжета можно считать 1990-е годы, когда в свет вышла единственная почти на сегодняшний день статья Т.Г. Шумной, опубликованная в 1997 г.⁵ В поле зрения автора попало лишь одно из многих существовавших тогда обществ — Отдел историографии и Музей Всероссийского союза городов, возглавлявшиеся В.П. Кранихфельдом. Близкое звучание имела конференция, которая прошла в 2007 г. под эгидой Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)⁶. Обсуждавшиеся проблемы были связаны главным образом с привлечением внимания к необходимости объективного освещения событий 1917 г., обращения к новым комплексам вновь открытых и недавно рассекреченных источников. В то же время проблемы собирания и сохранения документального наследия Февральской революции именно в 1917 г. здесь фактически не получили освещения.

По сюжетам, отчасти примыкавшим к изучаемой проблеме (преемственности историографической и исследовательской традиций, исторических школ, «антропо-

логического измерения» периода «от Февраля до Октября», изучения истории общественных организаций), в постсоветский период работали Г.Д. Алексеева, А.Я. Аврех, В.П. Булдаков, Ю.В. Варфоломеев, Ф.А. Гайда, Б.Д. Гальперина, Н.В. Иллерицкая, С.М. Исхаков, Б.И. Колоницкий, Т.П. Коржихина, С.Ю. Малышева, А.Б. Николаев, А.В. Сидоров, Л.В. Сидорова и др. Обращались к ней на новом уровне и прежние специалисты — П.В. Волобуев, И.М. Пушкарева и др.⁷, однако, строго говоря, проблема не получила достаточного освещения и затрагивалась в основном в составе других.

В немалой степени это связано с фрагментарностью документальных свидетельств: слишком эпизодичны упоминания и немногочисленны источники о том, как же, собственно, концентрировались и сохранялись материалы по истории Февраля. Причем эти редкие свидетельства разбросаны по изрядному количеству архивов и фондов. Прежде всего укажем на фонды Государственного архива РФ и хранящиеся там комплексы Общества «Дома-музея памяти борцов за свободу», Общества изучения истории освободительного революционного движения в России, «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств»; фонды Комитета московских общественных организаций и комиссара Временного правительства по г. Москве, находящиеся в Центральном историческом архиве Москвы, где есть материалы комиссии по разработке политических архивов; фонд Центрального Истпарта в РГАСПИ; коллекция печатных изданий в Отделе письменных источников Российского исторического музея; фонд «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук в память 27 февраля 1917 года» в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН⁸. Косвенные упоминания об изучаемом сюжете содержатся в фондах Временного комитета членов Государственной думы в Российском государственном историческом архиве, Петроградского охранного отделения в Центральном государственном историческом архиве Петербурга, ряде личных фондов.

Однако само количество материалов, которые лишь отчасти помогают реконструировать события, впоследствии по разным причинам ускользавшие от внимания историков 1917 г., невелико.

Московская интеллигенция и сохранение памяти о предреволюционной России и Февральских днях

Комиссия по разработке политических архивов в Москве

Дни «февральского переворота» стали не только временем падения монархии, но и «упразднения» всего государственного аппарата империи, оставившего после себя немалое документальное наследие. Большинство населения оно воспринималось как хлам. Поджоги и гибель документов старой власти — этот спутник любой революции, стали реальностью и в февральские дни в России⁹. Аналогичная картина была свойственна и послеоктябрьским дням 1917 г. Так, известная издательница социал-демократической литературы М.А. Малых, преследовавшаяся правительством и приговоренная в 1909 г. к заключению, писала в своем дневнике 27 декабря 1917 г.: «Разгромлено и подожжено Охранное отделение. Все архивы и дела политических уничтожены. Сгорел дотла Окружной суд, где были все мои дела, вели следствие»¹⁰.

Это был далеко не первый поджог Охранного отделения в Петрограде. «Традиция» его разгрома началась как раз в дни Февраля, почему и документы здесь сохранились гораздо хуже, чем в Москве.

Именно древняя столица, удаленная от бурлящего политического центра и более оппозиционная, стала первым городом, где уже в начале марта 1917 г. началась работа по собиранию материалов о революционных днях. При исполкоме Комитета московских общественных организаций (КМОО) явочным порядком возникла «комиссия по разборке политических дел г. Москвы», название которой потом менялось не раз: комиссия по разработке политических архивов, комиссия по охране и разработке архивов охранных отделений, комиссия по разбору архивов политических дел¹¹. Ее образование стало результатом энергии известного к 1917 г. историка С.П. Мельгунова, который 3 марта от имени редакции журнала «Былое» писал в исполком КМОО: «Позволяю себе обратить внимание Комитета на необходимость принять меры к охране архивов, имеющих общественно-политическое значение. Помимо архива Охранного отделения, имеются различные секретные архивы при аналогичных учреждениях, как то: Жандармское управление, Канцелярия генерал-губернатора, Комитет по делам печати и т.д. Обращаю внимание Комитета на то, что в 1905 г. даже в Московском университете часть секретного архива была уничтожена самой инспекцией»¹².

Возможно, сведения об этой инициативе редакции «Былого» пришли в Московский археологический институт по собственным каналам, однако и он, изначально занимавшийся древностями, взволновавшись, не остался в стороне от событий. Буквально на следующий день — 4 марта 1917 г., вечером, это учреждение в лице своего директора профессора А.И. Успенского выслало на имя М.В. Челнокова срочную телеграмму, отмечая, что Совет института «горячо приветствует... народное правительство и выражает ему желание и полную готовность служить в деле организации охраны памятников родной старины и архивов. Совет института просит также передать ему в заведывание и для хранения и научного обследования архивы жандармских и охранных отделений»¹³. Ни о какой конкуренции речь в данном случае даже не шла: академические подходы археологического института не могли сравниться с деловыми качествами историка и публициста Мельгунова, и потому вопрос был решен быстро и однозначно в его пользу.

Однако первым руководителем комиссии, возникшей первоначально как «объединение по интересам», а официально начавшей свою деятельность 10 марта (в день упразднения Департамента полиции¹⁴), стал не Мельгунов, а профессор Московского университета, впоследствии оппозиционный Советам общественный деятель и юрист В.М. Устинов. Среди его ближайших сотрудников были Мельгунов, публицист М.А. Ильин (Осоргин), Н.А. Чержунченевич, литературовед М.А. Цявловский, историк В.Н. Сторожев. 8 марта в исполком КМОО пришло письмо Устинова, где он просил новые московские власти назначить в комиссию комиссара, «раздвинуть ее компетенцию» для охраны и концентрации архивов всех учреждений системы МВД, а также ассигновать на предварительные расходы 5000 руб. Вопрос, как вскоре становится понятным, волновал и исполком, так как все было исполнено в течение недели: назначен комиссар (им, однако, стал Мельгунов, а не Устинов), комиссия получила право концентрировать документы всех секретных архивов системы МВД в Москве, выделены средства. Возможно, сказался дух соперничества, так как 16 марта Устинов письменно сообщил в исполком КМОО о выходе из состава комиссии и возвращении через Мельгунова выданного исполкомом аванса. Больше среди членов комиссии Устинов уже не фигурировал.

Вероятно, не последнюю роль здесь сыграли и первенство инициативы Мельгунова в создании новой комиссии, и его многочисленные публикации на историко-политические темы. Итак, с марта 1917 г. именно Мельгунов становится уполномоченным Временного правительства по обследованию и приему документов МВД и Московской духовной консистории.

Документы сразу стали свозить в здание Исторического музея, где его президент кн. Н.С. Щербатов выделил просторный читальный зал и лестницу, проход по которой был закрыт, чтобы не нарушать порядка в формировавшемся архиве. Все перевозки документов осуществлялись на транспорте, выделявшемся исполкомом КМОО, Земгором, Всероссийским союзом городов.

Параллельно Мельгунов начинает буквально «охоту» за материалами Московского охранного отделения: 5 марта он получил от В.М. Вишняка на хранение часть карточек московской охранки, затем поступили «незначительные остатки» архива Охранного отделения от М.Н. Орловой. 24 апреля 1917 г. состоялась очередная большая «приемка» материалов секретного отделения канцелярии бывшего московского генерал-губернатора и канцелярии бывшего варшавского генерал-губернаторства, которую осуществил член комиссии В.Н. Карякин по поручению заместителя Мельгунова Сторожева. Все это богатство, кроме библиотеки генерал-губернатора (ее исполком КМОО вывезти не разрешил), заняло 289 «кулей». Можно только догадываться, каково же было общее количество дел¹⁵. Пополнения продолжались и впоследствии. Естественно, что такая деятельность не могла протекать без ведома Временного правительства. Официально уже от лица Временного правительства назначение Мельгунова уполномоченным состоялось 22 марта 1917 г. специальным правительственным декретом.

О том, как была организована деятельность комиссии, косвенно свидетельствуют многочисленные расписки о выдаче денег (обычно за подписью Сторожева на бланке комиссии) за охрану «добытых» документов. Написанные на клочках бумаги, от руки эти многочисленные листочки наглядно показывают и скудость средств, и объем работы, и саму непростую, действительно революционную обстановку: «Расписка. Дана в том, что мною, Дмитрием Дмитриевичем Саприкиным, получены для раздачи в 50 человек за перенос ящиков в здание Исторического музея 15 (пятнадцать) руб. 19 (31) III. [19]17 г.»; «С 11 по 27 марта за переноску служителям музея 18 руб. от 28 марта 1917 г. М. Цявловский»; «Получил караульный 3-й роты 56-го запасного полка 4 рубля. Караульный начальник Андрей Курагинский. 31 мая 1917 г.»; «Получено мною, Федором Гонтарь для раздачи солдатам-рабочим 15 рублей. (Подпись). 9 июня 1917 г.»; «Василий Федорович Шубин получил 4 руб. для расплаты с солдатами, стоявшими на карауле с 11 ч[асов] д[ня] 12-го по 11 ч[асов] д[ня] 13 июня 1917 г. Исторический музей. (Подпись)»¹⁶ и др. Таких расписок, выданных главным образом «солдатским начальникам», в материалах комиссии сохранилось за март — июнь 1917 г. более 200.

Как писал затем сам Мельгунов в первом отчете в исполком КМОО, «надо было собрать разбросанный и отчасти разгромленный после пожара в первые дни революции материал (Охранного отделения. — *О.Ш.*), подобрать тысячи регистрационных карточек, фотографических снимков и т.д., залитых во время пожара водой, просушить эти материалы и перевезти их в Исторический музей, не нарушая установленной в Охранном отделении регистрационной системы»¹⁷. Вскоре при комиссии выделяется особый отдел под руководством М. Осоргина, который вместе с В.Б. Жилинским (впоследствии исследователь охранки) занялся предварительным разбором

материалов, поступающих в «комиссию по обеспечению нового строя» (еще одна комиссия, действовавшая при исполкоме КМОО). Здесь на основании документов нередко удавалось установить личности бывших провокаторов, о чем незамедлительно сообщалось в исполком¹⁸. 25 сентября 1917 г. эта комиссия завершила свою деятельность, передав оставшиеся неразобранными дела (в частности, архив Жандармского управления Виндавской железной дороги) в комиссию по разработке политических архивов¹⁹.

В разборе материалов, собиравшихся комиссией, активно участвовали, помимо Сторожева и Осоргина, Цявловский, Успенский, С.Б. Членов, «добровольцы» — учащиеся гимназий, студенты, молодежь.

Деятельность комиссии субсидировалась исполкомом КМОО, который до 1 августа 1917 г. ежемесячно выделял ей от 3 до 5 тыс. руб.; нередко были и ее отчеты на заседаниях исполкома. С 1 августа по 1 ноября 1917 г. комиссия начала функционировать в системе МВД Временного правительства, что подтверждается штампами министерства на ее бланках и финансированием из этого же источника.

Несмотря на официальное положение, организационно-финансовые неурядицы, запаздывание или неполное выделение средств сопровождали все недолгое время существования комиссии. Рабочих рук, сотрудников, средств и подручных материалов не хватало постоянно, так как объем работы был поистине огромен. Как отметил в одной из своих записок о деятельности комиссии Мельгунов, «охранных архивов, разбросанных по Москве, в совокупности будет более 100, нередко разгромленные, полусожженные...». Уже в апреле он писал в исполком, что для нормализации работы необходимо изменить структуру комиссии, выделив три отдела: «Отдел первый — меры к отысканию, выемке и перевозу секретных архивов. Отдел второй организует архив из перевезенных документов и дает справки. Отдел третий готовит материалы для судебной Следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией»²⁰. Одновременно Мельгунов ставит вопрос о предоставлении комиссии собственного транспорта: двух грузовиков и одной легковой машины, а также двух телефонов, нескольких шкафов для картотек и трех пишущих машинок. Помимо этого, требовалось не менее 13—15 временных штатных сотрудников в архив (заведующие отделами, их помощники, делопроизводители, машинистки) и 10 солдат для разгрузки материалов. Надо полагать, что эти требования по большей части удовлетворялись: к лету 1917 г. в рядах сотрудников комиссии значились 25 человек, — именно на такое количество делался запрос по снабжению продовольствием.

В это же время «период расписок» в жизни комиссии сменяется «эпохой счетов»: из писчебумажного магазина И.А. Бубликова, типографии «Культура», где приобретались (и довольно часто) скрепки, карандаши, линейки, кисточки, пергамент, конверты, бланки и др. Были счета и за покупки электрических розеток, лампочек накаливания, электропроводки, скобяных изделий (замков, гвоздей), что может свидетельствовать об организации работы и быта комиссии²¹, а также о том, что архив уже находился под охраной Исторического музея и нуждался, прежде всего, в упорядочении. (Интересно, что по мере приближения к осени 1917 г. нередкими становятыся счета за покупки для комиссии мыла, соли, чая и ... «конфekt»!)

Очень скоро архив сделался справочным центром, где можно было получить информацию по агентурным делам, выдавались справки по запросам ведомств новой власти. Известно много обращений частных лиц и бывших жандармов: одни из них просили выдать находившееся в делах Охранного отделения документы, кому-то было нужно назначить пенсию, некоторые хотели продолжить образование, но доку-

менты о предыдущем содержались в их личных делах в Охранном отделении, кто-то просил вернуть конфискованные бумаги частного характера и т.п. По заданиям государственных учреждений наводились справки о бывших агентах, провокаторах из числа сотрудников Охранного отделения.

Размах деятельности комиссии поражает. Своими, в сущности, весьма скромными силами она сумела собрать весь архив Московской охранки, документы Канцелярии московского генерал-губернатора и градоначальства, 48 отдельных архивов городских полицейских участков, материалы бывшего губернского Жандармского управления с уездами, включая архивы железнодорожных жандармских управлений, секретные дела канцелярии Московского учебного округа и Московской конторы бывших императорских театров, Комитета по делам печати, архивы, эвакуированные из Польши, где были «дела по восстаниям [18]30—[18]63 гг. по масонам и декабристам с 1811 года ... Весовое количество дел архива выражалось в нескольких тысячах пудов — архив по истории русского деспотизма за 100 с лишком лет», — как писал затем Мельгунов в своем отчете летом 1917 г. в исполком КМОО²². (Вопреки этому, уже в советский период с гордостью сообщалось, что архивы «силовых ведомств» были спасены именно благодаря декрету 1 июня 1918 г. о реорганизации и централизации архивного дела.)

Комиссия и фактически, и по своему статусу действовала как часть государственного механизма, но при этом имела намерение приступить к исследовательской, прежде всего — публикаторской деятельности. Еще в апреле 1917 г. Мельгунов говорил о нежелательности отдельных изданий собранных материалов в разных газетах. Напротив, предполагалось создать «Информационное бюро», которое бы функционировало как справочно-информационный центр, своего рода библиотека и одновременно — как публикаторский центр. Наиболее ценные материалы при первой же возможности Мельгунов хотел издавать отдельными сборниками²³, но реально от лица комиссии в печать ничего не попало. Известны многочисленные «частные» публикации периода 1917—1918 гг. сотрудников комиссии за их фамилиями о деятельности Московской охранки (например, того же Жилинского), сборники материалов самого Мельгунова. Но в целом весь собранный массив документов перешел «по наследству» к советской власти.

Сотрудники Мельгунова оказывались причастными к решению самых различных, порой курьезных проблем. Так, в первые дни революции на главную гауптвахту Москвы при комендатуре фельдшер А. Магат — «секретарь объединенных команд 17-й и 18-й московских команд выздоравливающих», доставил два «денежных ящика» с ценными вещами, оставшиеся непоименованными «некоторые бумаги» и документы бывшего Охранного отделения. При вскрытии ящиков обнаружилось золотые браслеты, цепочки, кулоны и перстни с бриллиантами и альмандинами (сорт граната), никелированные «часы-луковица» — всего 10 предметов в фиолетовом сафьяновом мешочке, а также 723 руб. денег. «Бумаги» сразу же отправили в политический отдел при штабе Московского военного округа, а вещи, деньги и документы охранки пролежали на гауптвахте почти полгода. Лишь 4 октября 1917 г. некий капитан Тарасевич был уполномочен передать драгоценности в Исторический музей, «бумаги» Охранного отделения — в комиссию по разработке политических архивов (там же было разрешено оставить «часы-луковицу»), а деньги зачислить на депозит комиссара Временного правительства по г. Москве²⁴.

Такие происшествия случались на фоне гораздо более серьезных событий — с осени положение архива и самой комиссии стало очень нестабильным. После сме-

ны власти в октябре 1917 г. перед Мельгуновым встали тяжелые финансовые вопросы. Если прежде ему как-то удавалось сводить концы с концами, сохранять архив, то новый 1918 г. поставил комиссию на грань не только ликвидации, но и распыления материалов. С 1 ноября 1917 г. финансирование комиссии прекратилось. За помощью Мельгунов решил обратиться, однако, не к новым органам власти, но к другой общественной организации близкого направления — петроградскому Обществу «Дом-музей памяти борцов за свободу», финансово «питавшемуся» от Наркомпроса. Письмо историка от 12 января 1918 г. к руководству общества — свидетельство создавшегося критического положения²⁵, но этот «крик о помощи» остался без ответа, ибо существование самого «Дома-музея» висело на волоске.

Все эти трудности «комиссия по разработке политических архивов» переживала не в одиночку, но фактически бок о бок работая с «оргбюро» московского «Общества Музея революции» В.П. Кранихфельда.

«Общество Музея революции» в Москве

Деятельность московского «Общества Музея революции», прообразом которого был, как говорилось, возникший в 1915 г. Отдел историографии и Музей истории Всероссийского Союза городов под председательством В.П. Кранихфельда, началась в марте 1917 г. Однако зримых примет ее трудов, кроме докладов председателя, сохранилось немного. В начале марта 1917 г. Кранихфельд обратился в исполком КМОО по поводу созыва совещания «из представителей музеев и исторической науки для создания определенной организации по собиранию материалов, характеризующих отдельные моменты совершившейся революции»²⁶. Совещание состоялось 22 (по другим сведениям — 12) марта, причем в его работе участвовали представители целого ряда музеев и других общественных организаций (Бюро помощи политическим ссыльным и заключенным, Исторического и Румянцевского музеев, «комиссии по разработке архивов политических дел» и др.), которые и учредили «Общество Музея революции». Исполком КМОО включил его в свою смету, и основные условия для начала работы, казалось бы, появились.

Вопрос о помещении, однако, повис в воздухе. Само «Общество Музея революции» по предложению исполкома КМОО предполагало занять часть Большого Кремлевского дворца, но до окончательного решения президент Исторического музея и член этого Общества кн. Н.С. Щербатов предложил временно хранить собранные материалы в Историческом музее, фактически рядом с архивом комиссии Мельгунова (впоследствии именно это обстоятельство спасло собранные реликвии). Когда в апреле 1917 г. в Петрограде возник вопрос о создании всероссийского Музея революции и освободительной борьбы, то московское «Общество Музея революции» откликнулось одним из первых. При этом на совместном координационном совещании в Петрограде Кранихфельд сообщил, что «основой побуждения к основанию московского “Общества Музея революции” послужило опасение, что в бурном потоке революции могут погибнуть драгоценнейшие материалы, характеризующие первые этапы народного пробуждения»²⁷.

Однако скоро работа начала тормозиться. Дальше обещаний о финансировании дело с мертвой точки не сдвинулось, и «Общество Музея революции» ни разу так и не получило субсидий. Все издержки покрывались из личных сбережений Кранихфельда²⁸. Полноценно в подобном случае Общество функционировать не могло:

было очень мало средств на покупку новых экспонатов и материалов, стопорилась их обработка и использование. В этих условиях «временное пристанище» материалов Общества в Историческом музее оказалось как нельзя более кстати, тем более, что часть сотрудников комиссии Мельгунова являлась одновременно и членами «Общества Музея революции». Это облегчало хранение и минимальную обработку ранее собранных материалов. В результате деятельность этих двух московских организаций, переплетаясь, протекала как бы в двух направлениях: работой по собиранию материалов «предреволюционной» России и дней революции, перепиской с иногородними членами занималась комиссия Мельгунова, а оргбюро «Общества Музея революции» Кранихфельда выполняло некоторые представительские, и если так можно сказать, «рекламные» функции.

Небольшие средства «Общество Музея революции» предполагало получить от пожертвований частных лиц и организаций (хотя, по признанию Кранихфельда, кроме «весьма солидных обещаний», дело дальше не шло), тогда как доходов от публикации собственных брошюр и изданий не было (однако, по словам председателя, имеющийся архивный материал по истории революционного движения уже начал использоваться). Но «Общество Музея революции» надежды не теряло, по-прежнему считая своей главной целью «концентрирование и разработку материалов, характеризующих современную революцию во всех ее проявлениях. Просветительские задачи оно («Общество Музея революции». — *О.Ш.*) отодвигает в будущее и ставит их в зависимость от успешного достижения основной своей цели», — сообщал Кранихфельд²⁹.

По мере отдаления от дней Февраля деятельность московского «Общества Музея революции» становилась все менее заметной, хотя даже осенью 1917 г. в нем продолжало числиться почти 60 человек, среди которых было немало видных историков, политиков, писателей и поэтов (И. Бунин, В. Брюсов, Ю. Готье, Н. Рожков, Е. Кукова, А. Потресов, Н. Астров и др.).

Известий о том, как «Общество Музея революции» пережило осень 1917 г. и начало 1918 г., не обнаружено, как не найдено и полного перечня собранных реликвий, кроме общих сведений о документах по истории революций 1905 и 1917 гг., материалах Охранного отделения и др. В мае 1918 г. Кранихфельда не стало, а территориальное соседство с комиссией Мельгунова способствовало, без сомнения, сохранению всего собранного Обществом и завещанного будущему Музею революции материала. Можно не сомневаться, что смерть уберегла Кранихфельда от еще больших потрясений и разочарований, — подобно многим бывшим народникам, не принявшим идеи большевиков.

Сведения об эпилоге «Общества Музея революции» укладываются в несколько слов: собранные благодаря усилиям Кранихфельда материалы стали частью экспозиции Музея революции, открытого в Москве уже после Гражданской войны — в 1922 г.

* * *

Период весны 1918 г. стал переломными и для «комиссии по разработке политических архивов». Подписание сепаратного Брестского мира окончательно передвинуло Мельгунова в ряды оппозиции к новой власти. 19 апреля 1918 г. комиссия решением СНК была ликвидирована, а все собранные и сохраненные ею ценнейшие материалы поступили в Архивно-политический отдел при Совнаркомом Москвы и Московской области. Однако предыдущая работа стала для Мельгунова источником ценных открытий. Рассчитывая получить подтверждение циркулировавших в обще-

стве слухов-сплетен о «заговорах» и «сепаратном мире», которые готовились Николаем II и императрицей, Мельгунов обнаружил, однако, в собранных материалах нечто иное. Документы секретных архивов свидетельствовали о хорошо поставленной работе Охранного отделения, сумевшего внедрить в социал-демократическое подполье немало своих агентов. Именно работа в «комиссии по разработке политических архивов» дала Мельгунову основной материал для выпущенного летом 1918 г. в собственном издательстве «Задруга» сборника документов «Большевики: документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. б[ывшего] Моск[овского] охранного отд[еления]» — книги не столько о «деспотизме» власти прежней, сколько о неблагополучном прошлом власти новой, большевистской. Предполагалось, что сборник (он появился двумя изданиями с чуть разнившимся названием) станет началом крупной серии по истории «освободительного движения», куда вошли бы документы о Ходынке, 1905 годе, цензурной политике в дореволюционной России и др. Но на родине этому не суждено было сбыться. Благодаря вывезенным в эмиграцию копиям документов, отчасти эти идеи воплотились в написанных Мельгуновым в эмиграции других работах, посвященных 1917 г.

Крутой поворот событий и изданный сборник сделали невозможной работу Мельгунова в образованном 1 августа 1918 г. Московском историко-революционном архиве (впоследствии Государственном архиве РСФСР — ЦГАОР — ГА РФ), куда и попали собранные комиссией по разработке политических архивов «пуды» документов³⁰.

Остается сожалеть и о том, что столь заметная деятельность, — и деятельность, безусловно, самоотверженная — по спасению документов недавнего прошлого, не нашла отражения ни в дневниковых записях и заметках самого Мельгунова, ни его жены³¹. На фоне подробного перечисления всех перемещений историка из Москвы в Петроград и обратно, почти ежедневных записей супруги о происходившем сложно поверить в «забывчивость» о столь важной странице в биографии. Это умолчание было, скорее, вполне осознанным и может быть приравнено к протесту против узурпаторских действий советских архивных органов.

Петроградская общественность и сохранение материалов Февральской революции

«Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств»

ЧСК Временного правительства, или ВЧСК — такое название получила (Верховная) Чрезвычайная следственная комиссия для расследования деятельности не столько, на самом деле, высших должностных лиц, сколько «темных сил» среди царского окружения. Постановление о создании комиссии, образовавшейся едва ли не явочным характером, подписал 5 марта 1917 г. А.Ф. Керенский. И поддержал его в том весь состав Временного правительства. Именно поэтому, когда 10 марта был упразднен Департамент полиции, Временное правительство на своем заседании с удовлетворением «приняло к сведению» известие о «предстоящем предании уличенных в указанных [противозаконных] действиях лиц суду с участием присяжных заседателей»³². Слишком памятные и ясны всем были риторические вопросы П.Н. Милокова на ноябрьском заседании Госдумы: «Что это? Глупость или измена?»

Комиссия, получив по внешности официальный статус и положение государственной организации, объединила в себе лучшие силы юристов того периода. Учитывая ротацию членов комиссии, можно сказать, что в числе ее сотрудников постоянно действовало около 13 членов, а всего за весь период работы с ЧСК сотрудничало 55 следователей-техников, не считая председателя, известного московского адвоката Н.П. Муравьева. Столь же значительным было и ее содержание: даже с учетом инфляции, она получала ежемесячно до 200 тыс. рублей.

ЧСК, ставшая знаменем победившей революции, имела перед собой значимую по внешности цель: покарать пригревшихся у трона сторонников сепаратного мира, — те самые «темные силы», о которых неустанно вешалось с думских трибун все предыдущие года. Для этого предполагалась организация публичных процессов, однако уже первые месяцы работы ЧСК опровергли и слухи, и «надежды». Балансируя между революционной целесообразностью и законностью, члены комиссии склонялись к последнему, а прошедший перед их глазами длинный черед недавних вельмож и придворных властителей — почти 60 человек — тем более убеждал в бесперспективности жесткого прессинга. Собираясь найти улики и доказательства злоупотреблений или даже измены, на деле комиссия обнаружила лишь слабые намеки на неразбериху в управлении, незначительные растраты. Но даже это вращалось в рамках действовавшего законодательства. Вместе с тем, наверное, самым ценным итогом работ этой комиссии стало появление новых видов источников, которые первоначально еще не предполагалось публиковать. Речь идет о созданных в ходе расследования стенограммах допросов и показаний, а также о том небольшом комплексе источников, которые были изъяты у подследственных. Самым же ценным, пожалуй, стала переписка Николая II с семьей и близкими, которую он лично передал комиссии, предварительно все аккуратно упаковав и разложив по конвертам³³. Но даже и последний источник оказался бессилем уличить царскую семью в измене или попустительстве.

В итоге ЧСК, создавая определенный «демократический» фон для совершавшихся перемен, вместо громких процессов начала готовиться к большому отчету перед Учредительным собранием³⁴, который был призван подвести черту под трехсотлетним правлением Романовых и навсегда обезопасить Россию от монархии. Собранные в ходе допросов материалы почти семь лет пролежали в архиве, но не исчезли, став основой семитомной публикации «Падение царского режима», вышедшей в 1924—1927 гг.

«Общество изучения революции 1917 года» в Петрограде

Лозунг организации общенационального Музея революции, который бы вобрал в себя всю историю освободительного движения в России, как отмечалось, был очень характерен для весны — лета 1917 г. Причем причастные к этому делу общественные организации мыслили о сотрудничестве с властью. Именно ей они собирались потом передать все собранные материалы и реликвии для исследования и в назидание будущим поколениям о почти вековой борьбе с монархией, для «воспитания гражданских эмоций подрастающего поколения»³⁵.

В Петрограде движение общественности приняло конкретную форму, когда было образовано «Общество изучения революции 1917 года». Пожалуй, оно было единственным в северной столице, целенаправленно занимавшимся собиранием

документов по истории Февраля, однако не получив (в отличие от той же комиссии Мельгунова) официального статуса, не смогло встать на защиту архивов центрального аппарата МВД, Петроградского охранного отделения и других архивов.

«Общество изучения революции» появилось в марте 1917 г. по инициативе Союза солдат-республиканцев (о его деятельности практически не сохранилось сведений), преподавателей и магистрантов Петроградского (Петербургского) университета, которые объединились под руководством Преснякова. Своей главной задачей Общество ставило «немедленно собирать и изучать материалы по истории Февральской революции, чтобы сохранить их, не дать им погибнуть». Для этого предполагалось быстрое «издание обработанных материалов и исторических воспоминаний»³⁶. Плодом же всей деятельности должен был стать архив будущего Музея революции.

Членами Общества с самого начала являлись известный историк отечественного средневековья А.Е. Пресняков (председатель), профессор Высших женских Бестужевских курсов историк М.А. Полиевктов, слушательницы курсов О.К. Недзвецкая и М.Д. Скорбач, будущий крупный историк и археограф С.Н. Валк, а также историк-антиковед К.В. Химинский, Б.В. Александров, С.Н. Чернов (ученик Преснякова), М. Злотников. Однако в действительности людей было больше. Этот порыв общественности навстречу новой власти имел более глубокие корни, нежели революционный энтузиазм. Острая тревога за судьбу «памяти Отечества» — архивов, понимание важности сохранения во всех деталях стремительно удаляющихся событий, что было возможно сделать только через документы, рожденные эпохой смены власти (личные воспоминания, записи событий очевидцами и др.), — все это сплотило университетскую профессуру в деле спасения наследия Февральской революции в самом широком смысле.

Архив будущего Музея революции Пресняков предполагал формировать не столько путем концентрации материалов официальных учреждений (для этого было необходимо разрешение власти), сколько «создавая» новые источники по изучению событий Февраля — анкеты, опросные листы участников событий, записи воспоминаний, которые бы характеризовали «психологию устного высказывания». Для этого в начале мая 1917 г. при Обществе создается особая «комиссия опросов» («комиссия Таврического дворца», «комиссия личных опросов»), члены которой занялись записями рассказов очевидцев — воинских чинов, членов заводских организаций, деятелей революции, в том числе партийных, принимавших активное участие в событиях. Составлялись также описания жизни Таврического дворца в революционные дни, шло собирание печатных материалов. Работу по опросам участников и очевидцев событий проводил и организовывал начинающий историк, тогда еще медиевист Валк. Помимо опросов ряда членов Временного комитета членов Государственной думы (Б.А. Энгельгардта, А.М. Чиколлини, М.В. Родзянко и др.), канцелярских чиновников Думы, остававшихся на своем посту в февральско-мартовские дни 1917 г., были записаны воспоминания некоторых членов Временного правительства: М.И. Скобелева, М.И. Терещенко, А.Ф. Керенского, Н.С. Чхеидзе, полковника Д.И. Туган-Барановского, а также члена IV Государственной думы П.В. Герасимова. Эту непростую работу проводили, кроме Валка, Полиевктова, Недзвецкой, другие сотрудники «комиссии опросов»: «Крупская, Николадзе, Павлов, Покровская, Половинкина, обе Репп, Якубчик», — как отмечалось в записке Валка³⁷. Хотя документы лаконично сообщают о содержании и форме самих опросников, известно, что летом 1917 г. сведения о них достигли ряда провинциальных университетов, в частности — Харьковско-го (где независимо от Петрограда образовалась своя «комиссия по изучению первого

дня революции»), Саратовского (где вновь образованное историко-филологическое отделение во главе с философом С.Л. Франком начало сотрудничество с губернской архивной комиссией), Томского, и вызвали немалый интерес как совершенно новая «синхронная» форма фиксации исторических событий.

Результаты деятельности «комиссии Таврического дворца» позже (вероятно, осенью 1918 г.) обобщил Валк в небольшой записке, адресованной Обществу «Домашнему музею памяти борцов за свободу» и написанной на «осьмушках» бумаги:

«В апреле текущего года в Совете Общества был поднят и положительно решен вопрос о дальнейшем пополнении имеющегося опросного материала. Из самого существа пережитого истекало то, как необходимо было поставить эту задачу. Несомненно, что не только февральско-мартовские дни, но и все крупные последующие этапы и колебания революции подлежали освещению. С другой стороны, не только политические “верхи”, но и те массы, которые своим импульсивным движением давали то один, то другой толчок судьбам революции в России, и эта масса должна была стать захваченной опросами в лице ее рядовых средних деятелей. Двойственность характера массы — рабочей и солдатской — заставила разделить нашу работу, направив ее прежде всего на собирание материала среди быстро расплывшихся воинских частей Петрограда. Уже начало опросов (среди Литовского, Кексгольмского, Преображенского, (слово неразборчиво. — *О.Ш.*) запасного и др. [полков]) показало, что результат их может быть разносторонним и немалочисленным. Удалось установить ряд важных фактов, касающихся участия того или иного полка в данном событии (февральском перевороте, в апрельской манифестации против Милюкова, мартовской (слово неразборчиво. — *О.Ш.*) демонстрации, июльских событиях, корниловских днях, октябрьском перевороте, отношении к Учредительному собранию, поведении в дни германского наступления), причем в опросах промелькнули сведения о ряде известных лиц (ген. Алексеев, ген. Туманов, Каменев и др.) и новые стороны некоторых фактов (напр., оставления старого правительства в Адмиралтействе воинскими частями, взятии Зимнего дворца в октябре, стрельбы в день манифест[ации] Учредит[ельного] собрания и т.п.).

Опросы затронули и те организационные формы, которые созданы были революцией. Возникновение комитетов (ценные данные есть об их самопроизвольном зарождении, помимо пресловутого приказа № 1), их взаимоотношениях с “верхами” — командным сословием, и “низами” — солдатской массой, их внутренняя эволюция — колебание их значения и авторитета, их функций — то более, то менее широких, их состава. (Большое? — *О.Ш.*) было придано значение и выяснению по возможности социального состава каждой воинской части и установлению связи между данным составом и его (практической? — *О.Ш.*) ролью в революции. Наметились и определенная группа среди офицерства (кадровые и военного времени), и среди солдат (особенную роль играли нестроевые роты со значительным количеством горожан-мастеровых). Группировки оказались не только социальными. Ратники II разряда, молодые, эвакуированные — вот эти разнородные, с точки зрения, нашего интереса элементы.

Не имея здесь возможности более детально указать на те вопросы, которые затронуты были опросами, отметим, что ставилось дело по возможности полнее, так что затрагивались и не только узко специфические вопросы, но и, например, полковой суд, культурно-просветительная работа. Конечно, ценность всего добытого материала подлежит строгой критико-методологической обработке. Психология высказывания пока еще мало разрабатывалась — чуткость и интуитивный такт историка хоть отчасти ее здесь должны будут заменить»³⁸.

Анализируя этот документ, можно лишь догадываться, сколько важных деталей и «мелочей» (в которых крылся «демон революции») можно было бы почерпнуть из упомянутых опросов. Возможно, отчасти эти материалы легли в основу составленного управляющим делами Временного комитета членов Государственной думы Я.В. Глинкой в сентябре 1917 г. так называемого «протокола событий»³⁹. Однако несомненным представляется огромное значение проделанной Валком и его соратниками работы. Пожалуй, это был не только первый опыт интервьюирования и «создания» новых источников в нашей исторической науке, но и первая попытка анализа полученного материала.

Первоначально разработанный «комиссией Таврического дворца» опросник не сохранился (анкетирование началось, как указывалось, в мае 1917 г.), но отложился в дополненном после событий октября 1917 г. виде (значит, общество продолжало существовать), причем сохранилась часть, относящаяся непосредственно к дням Февраля. Судя по содержанию «опросного листа», «Общество изучения революции 1917 года» расширило свои интересы на весь революционный год. Документ начинается констатацией целей: «...считая в высшей степени желательным и важным всестороннее выяснение, каким путем зарождалось и крепло то общественное движение, которое смело монархический строй, и ... полагая, что для достижения этой цели необходимо собрать возможно больше сведений о лицах, принимавших непосредственное участие в освободительном движении, Общество изучения русской революции просит Вас возможно подробнее и точнее ответить...». Далее шли сами вопросы, распадавшиеся на «биографические данные», «личные воспоминания и переживания за 1917 год» и «добавочные вопросы».

Надо отдать должное тем, кто составлял опросник (вероятно, Пресняков и Валк, хотя в опубликованных личных документах первого из этих ученых упоминаний о работе в «комиссии опросов» не сохранилось⁴⁰), ибо с тончайшим знанием психологии и социального опыта различных слоев анкетироваемым предлагались восемь вопросов, каждый из которых содержал ряд подвопросов. Среди них биографический характер, в частности, носили такие: «1) Как протекало Ваше детство (место и год рождения? род занятий Вашего отца)? Каковы были Ваши семейные отношения? Были ли в Вашей семье участники освободительного движения? Не было ли в Вашем детстве определенных событий и впечатлений, сильно подействовавших на склад Ваших мыслей и чувств? 2) Как далее сложилась Ваша жизнь и Ваши воззрения? Посещали ли Вы школу? Влияла ли на Вас религия? Женаты ли Вы и есть ли у Вас семья? 3) Когда и в каком году от роду Вы стали интересоваться политикой? Присоединились ли Вы сразу к той партии, членом которой Вы теперь состоите, или принадлежали ли к другой какой-нибудь партии? К какой именно?»

Вопросы, относящиеся к теме «личных переживаний и воспоминаний 1917 года», включали в себя такие: «1) Как Вы переживали дни **Февральской революции**? Явилась ли она для Вас неожиданностью? Какое Вы принимали участие в событиях революции? Что видели и слышали за это время? 2) Расскажите о Ваших переживаниях за следующие месяцы? 3) Как Вы пережили **Октябрьскую революцию**? Явилась ли она для Вас неожиданностью? Какое Вы принимали участие в событиях? Что видели и слушали за это время?». Наконец, «добавочные вопросы» предлагали ответить: «Чем Вы склонны объяснять крушение царской власти? К чему идет, по Вашему мнению, русская революция?»⁴¹.

Надо сказать, что изучение этого материала могло бы дать ценнейший материал, с точки зрения психологии масс, дополнить социологический портрет эпохи живы-

ми и непосредственными оценками событий, однако нахождение опросных листов (точнее, ответов на них) пока так же, как и материалов «комиссии Таврического дворца», неизвестно. (Сохранились любопытные подробности о деятельности того же Валка в августе 1918 г., когда он продолжал анкетирование, вероятно, пользуясь «расширенным» вариантом опросного листа; соглашался перейти на сдельную оплату, получая за каждый опрос «по 25 руб., а за час работы — 8 руб. плюс транспортные расходы — 3 рубля час».)

Именно «Общество изучения революции 1917 года» сделало первые шаги по установлению связи с провинцией: как корреспондировал Преснякову профессор Харьковского университета Д.И. Багалей, там уже с апреля 1917 г. существовала своя «комиссия по изучению первого дня революции», которая интересовалась столичным опросником для анкетирования «профессорской коллегии» в университете⁴². К октябрю 1917 г. в Петрограде стало известно, что после летних каникул откликнулся и историко-филологический факультет Киевского университета; там также собирались организовывать «группу содействия» столичному «Обществу изучения 1917 года» для собирания рукописей, писем, изданий, реликвий, портретов для будущего общенационального Музея революции. Не может не вызывать интереса и такая ремарка из письма петроградского общества в Киев, как необходимость собирать все, «что характеризует работу первого периода революции». Это значит, что работа по концентрированию материалов февральской эпохи начала плавно перетекать в стадию формирования общих представлений о событиях, переходя от «собирабельского» этапа к концептуальному.

«Общество изучения революции 1917 года» установило тесные связи также с научной общественностью Перми, Саратова (в частности, с деканом историко-филологического факультета Саратовского университета, философом С.Л. Франком). Помимо Саратовского университета, петроградское общество было связано с Саратовской губернской архивной комиссией, которая вела активную собирательскую работу и, сконцентрировав у себя немало документов и газет, в сентябре 1917 г. беспокойно вопрошала, куда можно направить материалы, так как до саратовских архивистов «дошли сведения, что приютившая общество Академия [наук] частью — именно рукописной — эвакуируется»⁴³. Аналогичные письма стекались в Петроград от Ставропольской ученой архивной комиссии и Астраханской. Предполагалось организовать филиал «Общества изучения революции» при Томском университете, но, как пишет 18 сентября 1917 г. Преснякову от имени университета некая Е. Зверева, «вследствие каникулярного времени» пока организовать такое общество не удалось.

Эта активная организационная работа «Общества изучения революции 1917 года» и ее связи с провинцией как главное достояние будущего Музея революции были торжественно переданы обществом осенью 1917 г. другой организации петроградской интеллигенции — «Обществу Дома-музея памяти борцов за свободу». Хотя разговоры об объединении этих двух обществ шли на протяжении всей весны и лета 1917 г., фактически оно состоялось лишь после октября 1917 г. Возможно, главной причиной этого стало опасение за грядущее развитие событий. После объединения «Общество изучения революции 1917 года» образовало там особую секцию, передав свои коллекции материалов.

Петроградское общество «Дом-музей памяти борцов за свободу»

История «Дома-музея памяти борцов за свободу» началась в конце марта 1917 г., когда в среде университетской профессуры, академической общественности и бывших деятелей народничества возникла переписка о создании этого общества. Такое «запаздывание» в сравнении с Москвой можно, вероятно, объяснить тем, что именно в конце марта началось возвращение из ссылки политзаключенных, с прежней деятельностью которых и было связано возникновение общества. Организационная группа образовалась из представителей самых различных слоев интеллигенции. Как гласит один из первых документов об учреждении общества от 29 марта 1917 г., — письмо академика Шахматова А.М. Горькому, «Академия наук [просит Вас] принять участие в этом великом начинании, оказать [ей] свою поддержку и содействие и дать свое согласие на то, чтобы в ней временно собирать и хранить все документы и литературу по истории общественного и политического движения, которая будет поступать из разных концов России для Дома-музея»⁴⁴.

3 апреля 1917 г. состоялось организационное собрание представителей этой еще недавней «подпольной» оппозиции, где присутствовали как известные ветераны народничества, так и придерживавшиеся «широких взглядов» социал-демократы, кадетские деятели, беспартийная университетская профессура. Имена многих из этих 15 человек знала вся Россия задолго до революции: В.Н. Фигнер, Е.К. Брешко-Брешковская, И.А. Бунин, А.М. Горький, Н.И. Кареев, В.И. Срезневский и др. Собрание определило общие основы будущего Общества: необходимость собирания собственного архива для исследовательской деятельности, библиотеки — для всех желающих, организацию музея для демонстрации экспонатов, обустройство залов для чтения лекций и курсов по истории «борьбы за освобождение». Кроме того, было решено наладить связь с Москвой для организации и там группы по собиранию документов по истории борьбы за свободу⁴⁵. (Именно эту работу в Москве предполагалось возложить на «Общество Музея революции» Кранихфельда.)

22 мая в малом конференц-зале Академии наук состоялось учредительное собрание Общества «Дома-музея памяти борцов за свободу», собравшее весь цвет тогдашней революционной элиты. В Совет Общества были приняты академики Н.И. Кареев (председатель) и С.Ф. Ольденбург, публицист В.Л. Бурцев, А.М. Горький, профессора А.Е. Пресняков и В.И. Срезневский, публицист и глава «энесов» В.А. Мякотин, организатор Российской Книжной палаты С.А. Венгеров, ветераны народничества В.Н. Фигнер, М.В. Новорусский, Л.П. Куприянова, И.Я. Гинцбург, В.Р. Шах, Т.А. Богданович, профессор, председатель Общества любителей российской словесности П.Н. Сакулин; кандидатами в члены Общества «Дом-музей памяти борцов за свободу» стали бывший народник Н.А. Морозов, академик А.А. Шахматов, писатель Р.Н. Иванов-Разумник⁴⁶. Надо сказать, что впоследствии имена многих участников свободно перетекали из одной общественной организации в родственную другую, и в то же время некоторые именитые деятели, не упомянутые сначала, потом оказывались в числе принятых и вполне деятельных членов.

Идейным центром учредительного собрания стало выступление Горького. Полное мелодраматических эффектов, трескучих фраз и патетических возгласов, оно не добавило ничего нового, но любопытно как один из образцов революционной риторики: «...Чем ночь темнее, тем ярче звезды! Мучительно темна была ночь, пережитая нами, она длилась целое столетие, и вот теперь, в начале нового века, на рассвете новой жизни, нам следует спросить себя, что спасло нас от духовной смерти, какие

силы поддерживали наши надежды, святым огнем горели наши лучшие мечты? И как только мы спросим себя об этом, наша историческая память, хотя она и слабо развита у нас, зажжет перед нами в пустой и удушливой тьме прошлого десятки ярких звезд — тех светил, которые и руководили на пути к свободе и культуре нашей молодой мыслью, нашей неразвитой волей...».

Далее столь же хлестко озвучивались перед многочисленной аудиторией очередные мысли о «темном прошлом»: «...Психология нашей революционной интеллигенции, душа тысяч людей, погибших ради нашего спасения, все еще непонятна, не ясна нам. А между тем изучение этой героической души имеет неоспоримую специально-педагогическую важность ... Процесс преемственности идей был прерван, это не могло не влиять пагубно на духовную организацию юношества, и вот именно это обессилило нас... Где молодость? На фронте, руками провокаторов их вырывали из жизни, бросали в ссылки ... Повальное болезненное увлечение вопросами пола, пережитой молодости после 1905 года ... не воспользовалось [молодое поколение] духовным наследством прошлого и все время, пока спала его психика, жило вне атмосферы социальных идей...»⁴⁷. Весь пафос выступления Горького сводился к тому, что память о свершившейся революции не должна угаснуть, что необходимо просвещение молодежи, пропаганда прошлого опыта борьбы с властью посредством материалов и экспонатов будущего музея.

Материалы этого учредительного собрания много дают и для понимания «генезиса» самого Общества: «Идея — увековечить память борцов за свободу, можно сказать, витала в воздухе, была в душе у многих в первые дни и недели после великих дней Февральской русской революции». По инициативе Шах, как было сказано, почин осуществления этой идеи взял на себя Комитет Общества помощи политическим заключенным (политический Красный Крест) — «детище» Фигнер. В первые дни после революции это Общество, «существовавшее 34 года при старом режиме ... и приходившее на помощь жертвам этого режима, борцам за свободу, слилось с другими аналогичными кружками и организациями в одну общую организацию помощи освобожденным, пострадавшим в политической борьбе и прекратило свое существование как особая самостоятельная организация»⁴⁸. На этой волне появились и давние деятели народничества — уже упоминавшиеся Шах и Куприянова, Богданович. Горячее участие в деятельности общества приняли историки, близкие к кадетам, — Шахматов, Лаппо-Данилевский, а также Срезневский, Пресняков. Таким образом, Общество «Дома-музея памяти борцов за свободу» в своей основе объединило, казалось бы, несовместимое: кадетских деятелей, бывших героев народничества и тех, кому были «симпатичны» социал-демократы.

На учредительном собрании было решено создать союз или федерацию аналогичных обществ обеих столиц и провинции, о чем говорили историки Сакулин и Ольденбург. Адвокат, а на тот момент председатель Чрезвычайной следственной комиссии при Временном правительстве Н.К. Муравьев высказал идею не только об объединении деятельности всех близких обществ в масштабах России, но и о возможной передаче на хранение в Дом-музей части документов ЧСК (!), за сохранность которых он не ручался. Ольденбург, Шахматов и Венгеров говорили о важности привлечения к собиранию и хранению материалов библиотеки Академии наук, Книжной палаты. Речь шла о рекламировании деятельности Общества, в частности через редакцию журнала «Былое» (В.Л. Бурцев), и о необходимости разработки собственной эмблематики (К.С. Петров-Водкин).

Вскоре появился проект устава, который переработали из устава Толстовского общества Шахматов и Срезневский. Первый раздел «Цели общества» провозглашал:

«Общество учреждается: 1) для создания в Петрограде и поддержания Дома-Музея в память борцов за свободу России, 2) для всестороннего изучения исторического хода русского освободительного движения и 3) для развития и укрепления духа общественности в широких массах народа». При этом было и примечание: «Предполагается Дом-музей, как достояние национальное, со временем передать государству». Исходя из этого, Общество было призвано работать над созданием «Дома-Музея, в котором собирает все, относящееся к русскому освободительному движению от XVIII в. до наших дней, как то: документы, рукописи, печатные произведения, ноты, картины, гравюры, бюсты, портреты, планы, фотографические и иные снимки, всякого рода реликвии и вообще все, имеющее отношение к событиям или лицам, связанным с борьбой за политическую свободу России. Общество содействует научным исследованиям истории освободительного движения, устраивает по этому вопросу курсы и лекции по всей России, предпринимает издания»⁴⁹.

Вскоре возникли вопросы, связанные с устройством «быта»: о помещении, покупке шкафов для хранения документов и экспонатов, пишущей машинки, организации приема пожертвований и распоряжения средствами, трудоустройства секретаря и сторожа. Словом, эти обычные мелочи осложняли работу, но скрупулезно фиксировались в протоколах заседаний, которые были куда малочисленнее, чем учредительное собрание.

Вопрос о приспособленном помещении решился лишь после Октябрьского переворота, когда общество переехало в здание рукописного отдела Библиотеки Академии наук, а до этого оно больше пяти месяцев квартировало в бывшем дворце Марии Павловны на Миллионной, 27 — помещении малоприспособленном и холодном. События же осени 1917 г. сделали пребывание там не только неудобным, но и небезопасным (после выезда из дворца Министерства юстиции).

Началом реальной деятельности Общества «Дом-музей памяти борцов за свободу» можно считать выпуск в июне 1917 г. воззвания (тиражом 5 тыс. экз.), которое также было размещено в центральной прессе Москвы, Петрограда; предполагалось опубликовать его и в 135 провинциальных газетах, включая сибирские и дальневосточные. Там, в частности, содержался призыв ко всем гражданам России «нести в Дом-музей реликвии, документы, письма, портреты, автографы, которые сохранились ... и могут служить иллюстрациями того, в каких условиях творцам русской революции приходилось жить и бороться за свободу»⁵⁰.

Сразу же после организации начался ручеек пожертвований. По уставу члены Общества должны были ежегодно жертвовать на его деятельность 2 рубля, однако главным источником пополнения предполагались средства от юридических лиц и доходы от собственной деятельности. Известно, что частные лица, а также, например, учащиеся мужской гимназии в Бронницах, студенты Воронежского сельскохозяйственного института жертвовали немного — от 10 до 80 руб. (было еще частное пожертвование от датского художника Ормикса Крик — 10 крон). Гораздо весомее были суммы от Общества «Кавказ и Меркурий» — 25 тыс. руб., от Страхового общества «Волга» — 50 тыс. руб., от Восточного общества и от некоего банка — по 25 тыс. руб.

Одновременно начали поступать средства от собственной деятельности. 2 июня был устроен грандиозный концерт-митинг в пользу Общества при участии членов Временного правительства А.Ф. Керенского, Ф.И. Родичева, П.Н. Переверзева, А.В. Пешехонова, В.М. Чернова, общественных деятелей В.Н. Фигнер, А.М. Горького, П.Е. Шеголева и др. Объявление о концерте и сегодня не может не впечатлить: после похоронного марша «Слава павшим борцам за свободу» в исполнении

Государственного симфонического оркестра, политических речей общественных деятелей и песни «Памяти борцов за свободу» в исполнении артиста В.В. Минервина в I отделении, звучала 4-я симфония П.И. Чайковского, а затем вновь — выступления политиков, соло на виолончели, дуэт из «Кармен» в исполнении певцов Н.А. Ростовского и М.В. Коваленко, ария Левко из «Майской ночи» «и протчая, и протчая». Это поразительное по несовместимости собрание, тем не менее, принесло в кассу общества чистого дохода почти 9100 руб.

Также на пользу «Дома-музея памяти борцов за свободу» выступал в Керчи поэт К. Бальмонт, где им была прочитана лекция, а доход — 74 руб., тоже лег в копилку. Не менее экзотическим на общем фоне выглядит сообщение о том, что от митинга в пользу общества в с. Столбцеком Орловской губ. поступило... 2 руб. 44 коп. В итоге всей этой деятельности было собрано более 134,5 тыс. руб.⁵¹, 100 тыс. из которых решили сохранить в облигациях займа «Свободы» (потом об этом горько пожалели).

Все средства аккумулировались для покупки и/или хранения материалов и экспонатов. По протоколам заседаний и переписке видно, что большая часть в итоге была получена от столичных членов Общества в дар. Летом 1917 г. Бурцев передал часть архива редакции «Народной воли»; осенью того же года Э.В. Яковлева, вдова известного народнического публициста В.Я. Богучарского, пожертвовала библиотеку мужа, которая после его смерти хранилась в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук. В.Р. Шах занималась поиском фотографий, портретов и автографов членов Временного правительства, через нее же поступила коллекция фотографий из архива бывшего Охранного отделения. Книжная палата и Библиотека Академии наук передали огромное количество дубликатов революционных изданий, через Куприянову была получена коллекция печатных изданий партии эсеров 1905—1906 гг. Н.П. Ложкина — более 1 тыс. названий, от Фигнер поступила картотека всех политзаключенных России, однако с оставлением права пользования ею, Валк передал копии протоколов заседаний солдатских комитетов Московского, Егерского, Волынского, Петроградского и некоторых других полков, а В.И. Засулич — плакаты и опросные бюллетени по выборам в Учредительное собрание, А.И. Гучков — четыре папки с документами за время его деятельности в качестве члена Севастопольского совета, командующего Московским военным округом и военного министра.

Были и совершенно необычные экспонаты: от В.С. Гоц поступило для будущего Музея «одно звено кандалов» ее мужа М.Р. Гоца, от Фигнер — браслет из каменного угля С. Перовской, работы ее подруг-каторжанок (картины, выжженные на дереве пейзажи, резные пепельницы), а также обещание передать после ее смерти (скончалась в 1942 г.) дар матери — образок Матери Божией «Нечаянная радость»; Л.Я. Гинцбург передал посмертные маски Г.А. Гершуни, А.И. Шингарева; Новорусский пожертвовал свои энтомологические коллекции и гербарии, собранные во время ссылки; О.Л. Керенская передала «носовой платок и кошелек» Керенского, ленту с подаренного ему общественностью букета⁵².

Несмотря на разнообразие и кажущуюся неравноценность даров, нельзя не увидеть за этим огромного порыва всего общества в целом внести свой вклад в увековечение борьбы за пресловутую «свободу». Список жертвователей насчитывает многие десятки, если не сотни фамилий, тысячи единиц даров.

Но наибольший интерес, конечно, представляет переписка Общества с иногородними членами. Она дает представление о географии распространения идей, жизни провинции между двумя революциями, наконец, об эволюции представлений о переживаемом моменте. На сентябрьском 1917 г. заседании Общества было решено

начать переписку с Казанским и Пермским (через Г.В. Вернадского) университетами. Причем по протоколам заседаний можно отметить, что в действительности работа по сбору материалов и экспонатов велась к тому периоду во многих городах даже без ведома Общества «Дома-музея памяти борцов за свободу», под руководством гурьбернских ученых архивных комиссий.

Очень наблюдательным и деятельным членом Общества был старший врач линейного корабля «Севастополь» на Балтийском флоте Г.В. Зернин. В письме от 29 июня 1917 г. он сообщает, что, помимо собирания всех доступных ему газет и журналов на русском и шведском языках (а собрал их Зернин изрядное количество («Дагенс пресс», «Инфондстадебладет», «Известия Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта», «Народная нива», «Волна», «Прибой», «Голос социал-демократа», «Социалист-революционер», «Моряк», «Труженик моря» и др.), он занят опросами очевидцев, пишет собственные воспоминания. Однако пока представить их не может, «...так как в Ревеле уже наблюдался случай ареста одного из офицеров, у которого при обыске прочли его личный дневник и на основании только этого документа посадили неудачника в тюрьму»⁵³.

Символическим (написано 25 октября 1917 г.) может считаться письмо доктора о положении на Балтийском флоте и о его собственной деятельности: «Ввиду того, что у меня накопилось много материалов, мне хотелось бы передать их в музей, но я опасаясь сделать это до тех пор, пока в Петрограде общественная жизнь не войдет в спокойное русло. ... Многие удасться получить в дальнейшем, так как ... рассказчики и очевидцы событий явно опасаются сообщать свои впечатления, так как иногда некоторые из авторов мемуаров попадали в тюрьму (...поручик Васильев в Ревеле). Кроме вышеуказанного, мною будут записаны рассказы ... очевидцев и участников революции в Кронштадте, Гельсингфорсе ... и Або и моих знакомых и флотских и артиллерийских офицеров...»⁵⁴.

В декабре 1917 г. доктор Зернин продолжал переписку с Пресняковым, сообщая, что его работа по «нотированию» рассказов и воспоминаний очевидцев сильно осложняется общей обстановкой и тем, что одному собирать все, относящее к революции на Балтийском флоте, очень сложно: «...Образование же общества из группы лиц очень затрудняется взаимным недоверием. Зачастую один из собирающих материалы не хочет показывать их другому ... В последнее время совершенно ничего не удастся собрать из-за недоверчивости “низов” матросов и излишней осторожности в рассказах со стороны офицерства. Особенно в связи с провокационной деятельностью каперанга 1-го ранга Модеста Иванова возможны грозные эксцессы ... Командир нашего судна (линейный корабль “Севастополь”. — *О.Ш.*) отправился к Иванову, дабы уговорить его не предпринимать шагов, могущих повести к конфликту за неделю до созыва Учредительного собрания. Конечно, если командиру это не удастся, то возможный конфликт осуществится в самой ужасной форме, особенно теперь, когда страх врагов внешних отлетит, темные массы убаюканы песнями демагогов. Недаром М. Спиридонова на митинге у нас усиленно напирала на необходимость яркой борьбы с “командующими классами”. Матросы за этот командующий класс приняли самое бессильное общество в России — офицеров. Каждую минуту можно ожидать новых насилий и оскорблений»⁵⁵. Однако даже в этих условиях Зернин не терял надежды основать отделение общества, например при Гельсингфорском морском университете.

Фактически зимой 1917—1918 г. переписка общества с его иногородними членами обрывается. Отчасти номинальным становится в это время и его существование: с 29 сентября по 9 декабря 1917 г. заседаний общества «Дома-музея памяти борцов

за свободу» не было. Однако затем его задачи по собиранию материалов о Феврале плавно распространились и на Октябрь, и деятельность возобновилась.

Не в последнюю очередь это было связано с финансированием со стороны новой власти. Любопытный факт: если летом 1917 г. власть были лишь благосклонна к обществу, предоставляя ему право самостоятельно решать вопросы своего обеспечения (помещение, впрочем, дали), то в 1918 г. общество «Дом-музей памяти борцов за свободу» вдруг впервые стало получать небольшую государственную поддержку. Сохранившиеся списки членов общества с адресами свидетельствуют, что на 1918 г. в нем состоял 121 человек. Председателем стал «отец» российской Книжной палаты С.А. Венгеров (хотя, вероятно, он еще раньше сменил на этом посту Н.И. Кареева). Около этого периода общество начало получать со стороны власти почти ежемесячно около 5000 руб. Распределялись эти деньги так: содержание заведующего (Венгеров) — 500 руб., секретаря (вдова Богучарского Яковлева) — 500 руб., покупка архивов, книг, портретов и пр. исторических материалов — 4000 руб., канцелярские и типографские расходы — 500 руб. (всего — 5500 руб.)⁵⁶.

К весне 1918 г. относится довольно лестное для общества предложение от Союза российских архивных деятелей (Союза РАД) в лице А.С. Лаппо-Данилевского войти в состав его членов для выработки общих оснований архивной политики, сохранения документов. Известно, однако, что уже к лету того же года ситуация повернулась по-иному, и положение общества ничуть не укрепилось в глазах новой власти (но деньги при этом продолжали отпускаться). Осенью 1918 г. вновь избранный член общества Б.И. Николаевский с тревогой сообщал, что в провинции гибнут архивы бывшей губернской охранки, документы царского министерства внутренних дел, на что получил лаконичный ответ С.А. Венгерова, что спасение местных архивов не является задачей общества.

Период конца 1918 — 1919 г. не был отмечен в жизни «Дома-музея памяти борцов за свободу» ничем существенным. Часть бывших деятельных членов общества выбывала (кто-то уезжал из города, иные просто переставали участвовать в работе), а протоколы продолжали фиксировать попытки оставшихся сотрудников вписаться в новые реалии, решить вопросы быта. Как бы по инерции продолжают собираться какие-то экспонаты, портреты, фотографии, организовываться поездки для фотографирования Шлиссельбургской крепости — места заключения «борцов за свободу».

Однако определенные движения власти вокруг общества не прекращались. Свидетельством этому стало долгожданное решение вопроса о помещении, которое ... и подвело черту под итогом жизни «Дома-музея памяти борцов за свободу». Хотя еще осенью 1917 г. общество временно переместилось в здание рукописного отдела библиотеки Академии наук (куда перевезло и все собранные экспонаты), вопрос о постоянном собственном месте бытования снят не был. Ответ пришел лишь в конце 1920 г., когда обществу предложили переместиться в здание Сената. Там уже начали концентрироваться материалы многих архивов, комиссий, обществ, одним из которых и стало общество «Дом-музей памяти борцов за свободу». Во всяком случае события совпали: переезд всех коллекций и документов в новое помещение и неожиданное прекращение всех известий о деятельности общества. Декабрем 1920 г. завершается ведение его протоколов. Свою задачу оно, как посчитала власть, выполнило. Вероятно, с этого периода начинается передача на госхранение собранных им материалов и экспонатов.

Петроградская «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук»

События Февраля вызвали значительный энтузиазм среди ученого мира. Если историки оказались близки к деятельности Общества «Дома-музея памяти борцов за свободу», «Общества по изучению революции 1917 года», то представители естественных и точных наук Петрограда в самом конце мая 1917 г. объединились в «Свободную ассоциацию для развития и распространения положительных наук в память 23 февраля 1917 г.». Хотя краткая и довольно любопытная деятельность этой ассоциации не была связана с вопросами собирания документов недавнего прошлого, она как бы показала реакцию ученых — естествоиспытателей, представителей точных наук на текущие события.

Целый ряд всемирно известных отечественных ученых и общественных деятелей — таких как И.П. Павлов, В.А. Стеклов, Л.А. Чугаев, А.Е. Ферсман, А.А. Марков, С.П. Костычев, Д.К. Заболотный, В.Г. Короленко, Л.Б. Красин, Н.А. Морозов, В.И. Палладин и др., решили предложить свое видение преобразований в разных отраслях промышленности и сельского хозяйства. У истоков этой Ассоциации (как и Общества «Дома-музея памяти борцов за свободу») стоял Горький, но идеи ученых были куда продуктивнее тех «страстных» призывов к науке, которые он рассылал в «Новой жизни». Читая передовицы известного писателя в «Новой жизни» периода мая — июня 1917 г., пропагандирующие идеи «Свободной ассоциации», невольно вспоминаются слова одного из острологов того периода: «“Новая жизнь” — ежедневная газета разнообразного направления. По вторникам — большевистская, по средам — буржуазная, по четвергам — анархистская, по пятницам — германофильская, по субботам — меньшевистская, по воскресеньям — иногда сытинская, иногда пролетарская, не одинаково: когда, как и куда идет барометр»⁵⁷.

Фактически задумывался как бы иной «образ» Академии наук применительно к наукам точным. Ассоциация должна была подготовить учреждение «Института положительных знаний с хорошо оборудованными исследовательскими отделениями, лабораториями, кабинетами для ученых изысканий и с подобными же учреждениями, а также музеями, библиотеками, аудиториями и т.п.»⁵⁸. Прекрасно разработанный устав, публицистические воззвания, принадлежавшие перу М. Горького, видный президиум (председатель — академик Стеклов, его заместитель — Горький, среди деятельных членов предполагались Красин, Бунин, академик И.П. Павлов и др.), однако, не привлекли к деятельности этой ассоциации финансовой помощи Временного правительства. По сути, ученые продолжали существовать в своем мире, предполагая начать циклы популярных лекций для самообеспечения. Некоторые надежды на финансирование появились, как ни странно, особенно учитывая название этой ассоциации, — лишь с 1918 г. Математики и зоологи, физики и географы с энтузиазмом стали просчитывать стоимость будущих лабораторий для исследований по генетике, экспериментальной зоологии, математических кабинетов, метеостанций, минералогических музеев и пр. (всего более чем на полтора миллиона рублей в исчислении на начало 1919 г.)⁵⁹, доверчиво рассчитывая на помощь власти. И она, действительно, весь 1918 г., хотя и скудно, но финансировала существование руководства ассоциации, скрупулезно отсчитывавшегося за каждую копейку.

Однако этому союзу власти и науки долго просуществовать не пришлось. Политические события весны — лета 1918 г. постепенно приводили к сокращению числа энтузиастов из числа ученых. Уже весной 1918 г. известный в России врач И.И. Ма-

нухин (успешно вылечивший от туберкулеза Горького) вышел из ассоциации, передав через профессора Чугаева, что «следует воздержаться от всякого контакта с современным Правительством, т.к. оно ... не внушает никакого доверия»⁶⁰. Реалии первых лет советской власти, к сожалению, подтвердили это подозрение. Надеждам ученых реализоваться было не суждено, и дальше нескольких брошюр, воззваний, циклов лекций по естественным и точным наукам для рабочих дело не сдвинулось. Ассоциация просуществовала почти два года, но не завоевала доверия власти, которой к тому же на тот момент было не до развития фундаментальной науки. Последний документ — письмо научного отдела Наркомпроса от октября 1919 г. — призывал ассоциацию срочно озаботиться составлением сметы на 1920 г. Однако вопрос повис в воздухе. Горький вскоре уезжает за границу, и ассоциация таким образом лишилась своего главного ходатая. Впоследствии некоторые ее члены вошли в состав уже советских научных организаций.

Петроградское «Общество изучения истории освободительного революционного движения в России»

Несмотря на наступление новых времен и изменение общего курса, идея создания общественных организаций, которые были бы так или иначе причастны к разработке материалов периода 1917 г., на этом не завершилась. Это показывало не идеализм историков, а отражало реальную ситуацию начала 1920-х годов и действительно сохранявшуюся свободу идей и мнений. Так, 17 июня 1920 г. в Петрограде состоялось первое заседание «Общества изучения истории освободительного революционного движения в России»⁶¹. Судя по всему, общество существовало всего один — 1920-й — год, причем его деятельность оборвалась так же неожиданно, как и общества «Дома-музея памяти борцов за свободу». Но связь между этими организациями была: хотя члены «Общества изучения истории освободительного революционного движения в России» не составляли костяк общества «Дома-музея», они готовили свои материалы именно в помощь будущему Музею революции. Размещалось общество на площади Декабристов, в здании Сената, где тогда располагался Историко-революционный архив.

В общество вошли весьма известные к тому времени в России люди: писатели П.Е. Щеголев и литературовед М.К. Лемке, историк-архивист А.А. Шилов, бывшие народнические деятели Н.С. Тютчев, И.В. Аптекман, Э.К. Пекарский, затем к работе присоединился Е.В. Тарле. Один из сохранившихся списков членов общества насчитывает около 30 человек, среди которых присутствовало также немало видных деятелей науки России начала XX в. Председателем общества был избран Лемке, а секретарем — Шилов.

Хотя, судя по названию, общество должен был интересовать широкий круг вопросов, главные задачи сводились к подготовке биографического словаря русских революционных деятелей (вообще это была давняя мечта Венгерова; работу над словарем завершил Шилов в конце 1920-х годов) и учебника по истории для школ. Отрывочные и краткие протоколы с обсуждением хода работ, распределения материалов в словаре, определением подготовительных этапов создания учебника по истории четко показывают стремление дистанцироваться от политической ситуации и по мере возможности избегать «толкований». Щеголев неоднократно говорил о «непартийном» изложении материала, под которым подразумевал «объективность»: статьи «...должны давать фактически проверенные данные о биографии, революци-

онной и литературной деятельности лица и не должны отражать партийное мировоззрение писавшего», — подчеркивал он⁶².

По уставу главной целью стало «всестороннее научное изучение истории освободительного и революционного движения в России... возможно широкое распространение среди народных масс научных знаний об этом движении». Это и подразумевало составление биографического словаря русских революционных деятелей, а по существу, — персонификацию всей многолетней революционной деятельности в России, что не делалось в свое время даже Департаментом полиции. Работу было решено разбить на несколько разделов (по этапам освободительного движения), чтобы ускорить процесс и возможно быстрее начать печатание словаря.

Другим интересным замыслом общества стала идея написания учебника для школ 2-й ступени по истории, которую развивал и даже возглавил Тарле. По его мнению, необходимо было учесть недостатки прежних учебников, обратить внимание на социально-экономическую составляющую исторического процесса, «вести историю народных движений в широком смысле слова, о чем до сих пор ни в одном учебнике не говорилось. Учебник должен обладать стройностью частей, доступностью изложения и быть приспособлен к числу учебных часов. Обозначить же какую-либо старую точку зрения нельзя, так как это будет только связывать автора»⁶³. Итогом этих обсуждений, которые тянулись не одно заседание, стало решение об объявлении конкурса на подготовку такого учебника. Можно добавить, что эти идеи были «поглощены» в итоге обновленным учебником М.Н. Покровского, который вышел в 1920 г. и затем переиздавался вплоть до смерти ученого в 1932 г. десятки раз.

Общество, занимая подчеркнуто аполитичную линию, тем не менее собиралось тесно сотрудничать с советскими органами просвещения и культуры. Летом 1920 г., в дни работы 2-го конгресса III Интернационала в Москве, на заседании разыгралась отчасти комичная (не без привкуса горечи) ситуация. Протокол заседания общества сухо сообщает: «Заслушано предложение председателя о посылке приветственной телеграммы от имени Общества 2-му конгрессу Интернационала следующего содержания: “Изучая русское революционное движение, проходившее в значительной мере под знаменем Интернационала, вновь основанное Общество изучения истории освободительного и революционного движения приветствует 2-й конгресс III Интернационала и его рабочих на пути к международному объединению”. Во время выработки текста телеграммы пришедший член Совета Тарле потребовал пересмотра постановления, считая странным и недостаточно обоснованным политическое выступление Общества, преследующего исключительно научные цели. По его мнению, самый факт посылки телеграммы будет учтен многими как акт заискивания перед властями и не вызовет ничего, кроме презрительной улыбки. Заявление Тарле вызвало горячие прения. Щеголев, решительно не соглашаясь с мнением Тарле по существу, считает правильным указание, что телеграмма будет иметь мало веса, так как Общество ничем не проявило себя. Лемке, возражая Тарле, находит, что рекомендуемое воздержание от политики тоже есть вполне определенная политика, — что вызвало горячую реплику Тарле. Шилов говорит, что лучше воздержаться от посылки телеграммы, — раз этот вопрос воззвал такую горячую полемику среди членов Общества, то еще более горячие возражения он может вызвать в среде всего Общества, и тогда Совет превысит свои полномочия.

Вопрос поставлен на баллотировку. За посылку телеграммы — Лемке, Аптекман, против — Тарле, Щеголев, Шилов. Лемке просит внести в протокол, что он остался при своем особом мнении»⁶⁴.

Таким образом, собравшийся коллектив уже в силу своих идейных расхождений не мог просуществовать долго. Сложности финансирования подвели окончательную черту под существованием общества. Его деятельность уже к концу 1920 г. была признана излишней. Во всяком случае, наметив на своем ставшем последним, восьмом заседании план устройства публичных заседаний с чтением докладов, больше оно не собиралось. Так завершилась еще одна попытка интеллигенции вписаться в круг идей новой власти, зарю которой они так приветствовали.

Итак, наследием самодержавия, падение которого с энтузиазмом было встречено немалой частью мыслящей части общества, явились замечательные традиции организации общественных объединений. То, как строилась работа всех этих комиссий и обществ, как они самоорганизовывались, а отнюдь не декретировались «сверху» и координировали свои труды, весьма поучительно. Именно эти общественные организации, почти каждая из которых старалась взять в свое название слово «освободительная», стали предтечей новой системы организации науки, впервые открыв для историков исследование современности. Эти же общественные объединения проложили самые первые пути к созданию общей картины событий Февральской революции и в какой-то степени начали формировать то, что впоследствии получило наименование «концепция».

Однако спасенные ими и в известной степени «созданные» огромные документальные богатства предреволюционной эпохи и периода 1917 г. совсем скоро начали использоваться не теми, для кого предназначались. Самоотверженная деятельность сотрудников многочисленных общественных организаций весны — лета 1917 г. и ее богатые плоды были фактически проигнорированы советской властью, присвоившей огромную работу по спасению архивов исключительно декрету от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела». При полном умолчании о широком общественном движении по спасению материалов революции большевистская партийная верхушка в 1920 г. создаст свою комиссию по истории Октябрьской революции и РКП (б) (Истпарт) — единственную (если не считать родственных «ветвей» в лице Истмола и Истпрофа), и фактически правительственную, которая также начала собирать материалы по истории революционной России, трактуя ее весьма однобоко. Истпарт вел работу по концентрации материалов, прежде всего, большевистской партии, пользуясь мощью своего значительного административного аппарата, раскинув организационную сеть по всей стране, а также оперируя весьма значительными суммами, тратившимися, в частности, на публикацию собранных документов. Сопоставляя усилия общественности весной 1917 — летом 1918 г., с организационным размахом и возможностями Истпарта (затем и Института Ленина), надо признать их, по крайней мере, равную эффективность.

Сегодня известна историческая перспектива не только этих обществ 1917—1920 гг., но и судьба многих их деятелей. В жизни каждого из них это был лишь небольшой, на первый взгляд, малозначимый эпизод, о котором почти не упоминается ни в изданных воспоминаниях Мельгунова, ни в переписке Преснякова, ни в воспоминаниях Кареева. Однако если суммировать эти так и не зафиксированные «искры памяти», получается чрезвычайно живая картинка из истории научной интеллигенции и общественности России в период между двумя революциями 1917 г. Можно лишь поражаться тому энтузиазму, с которым интеллектуальная элита встречала начало крушения российской государственности. Их энергия была «вознаграждена» с лихвой: часть привыкших к борьбе деятелей встала в оппозицию и к новой, больше-

вистской власти уже в начале 1920-х годов, немало их скончалось в годы Гражданской войны, а многие были просто выдворены из страны. Иных в дни «Академического дела» обвинили в ... «монархизме» — приверженности самому злейшему своему врагу, падение которого было встречено с такой радостью (пожалуй, лишь Валку, да «своевременно» скончавшимся Шахматову, Преснякову и Карееву удалось избежать репрессий). Или это был закономерный итог большинства революций?

- ¹ Реальная помощь Всероссийского Союза городов и Всероссийского Земского союза, образовавшихся в 1915 г. объединенный орган — Земгор (Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов), а также Центрального Военно-промышленного комитета государственным учреждениям, занимавшимся снабжением армии и тыла, не была значительной. По подсчетам ряда историков, ЦВПК и Земгор за все время ведения войны (до октября 1917 г.) освоили более 470 млн руб. государственных средств (не считая частных вложений) против 25 млрд. руб., затраченных государством. Эта деятельность скорее позволяла организациям частных промышленников и земцев вести активную политическую агитацию против власти, чем реально влиять на снабжение армии и помощь тылу (см.: Февральская революция 1917 года: уроки истории: материалы заседания «круглого стола», 12 марта 2007 г. / Фонд «Единство во имя России». М., 2007. С. 23).
- ² См., напр.: *Комаров Н.С.* Создание и деятельность Истпарта (1920—1928 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1958. № 5. С. 153—165; *Пересветов В.А.* Работа Истпарта по собиранию документов по истории Октябрьской революции в 1920—1923 гг. // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 139—150; *Андрухов Н.Р.* У истоков историко-партийной науки: (краткий очерк деятельности Истпарта, 1920—1928 гг.). М., 1979; *Алексеева Г.Д.* Истпарт: основные направления и этапы деятельности // Вопросы истории. 1982. № 9. С. 17—29; и др.
- ³ *Пушкарева И.М.*: 1) Историография Февральской революции в России // Вопросы истории. 1967. № 2. С. 3—21; 2) Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982; *Бурджалов Э.Н.*: 1) Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; 2) Источники и материалы по истории Второй русской революции // Свержение самодержавия: сб. ст. М., 1970. С. 251—282; 3) Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971; *Соболев Г.Л.* Письма в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России в 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. [Вып.] 1. С. 159—173; *Токарев Ю.С.* Протоколы общих собраний заседаний секций, Исполнительного комитета и Бюро Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (март — апрель 1917 г.) // Там же. С. 139—158; Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции. М., 1979; *Городецкий Е.Н.*: 1) Советская историография Великого Октября, 1917 — середина 30-х годов. М., 1981; 2) Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября, 1930—1960-е гг.: очерки. М., 1982; Великий Октябрь и гражданская война в России: проблемы историографии, источниковедения, археографии: межвуз. темат. сб. науч. тр. Калинин, 1987; и др.
- ⁴ *Иванова Л.В.* Профессиональные объединения ученых в 1917—1918 гг. // Великий Октябрь. История, историография, источниковедение: сб. ст. М., 1978. С. 75—88; Общественные организации в политической системе России, 1917—1918 годов: материалы конф. М.; [Тверь], 1991; Общественные организации в политической системе России, 1917—1918 годов: материалы конф., [14—16 нояб. 1989 г. Продолжение]. М.; Тверь, 1992.
- ⁵ *Шумная Т.Г.* От Февральской революции к Музею революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 218—224.
- ⁶ *Осин В.М.* Документальное наследие двух революций 1917 г. в России: его сохранение и использование // Отечественные архивы. 2007. № 6. С. 118—119.
- ⁷ *Аврех А.Я.* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и воплощение // Исторические записки. М., 1990. Т. 118. С. 72—102; *Гальперина Б.Д.* Документальные публикации по истории трех российских революций: (опыт публикатора) // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 162—182; *Гайда Ф.А.* Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия // Вопросы истории. 1996. № 3; Советская историография: [коллективная монография] / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996; *Алексеева Г.Д.* Октябрьская революция и историческая наука // Историческая наука в России в XX в. М., 1997; *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. (Изд. 2-е, доп.: М., 2011); *Сидоров А.В.* Марксистская историографическая мысль 20-х годов. М.; Симферополь, 1998; *Ма-*

- льшева С.Ю. Временное правительство России. Современная отечественная историография. Казань, 2000; Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002; Сидорова Л.А. Духовный мир историков «старой школы»: эмиграция внешняя и внутренняя, 1920-е годы // История и историки, 2003: историогр. вестн. М., 2003. С. 168—192; Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению полит. культуры Российской революции 1917 г. СПб., 2001; Исхаков С.М. Академический центр изучения революций 1917 г. и Гражданской войны в постимперской России: некоторые итоги и перспективы // Падение империи, революция и Гражданская война в России. М., 2010. С. 549—600; и др.
- ⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6685, 6686, 1467; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 70; Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 2261, 2262; Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 167; и др.
- ⁹ Старостин Е.В., Хорхордина Т.И. Архивы и революция. М., 2007. С. 64—65.
- ¹⁰ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 8921. Оп. 1. Д. 87. Л. 6.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 6685. Оп. 1. Д. 6. Л. 9—9 об.; ЦИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 166. Л. 8.
- ¹² ЦИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 166. Л. 1. Мельгунов досконально знал детали того давнего дела: на последних курсах обучения в университете он получил разрешение ректора А.А. Мануйлова работать в архиве университета, где и столкнулся с этим фактом (см.: Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. Изд. 2-е. М., 2012. С. 21).
- ¹³ ЦИАМ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 35. Л. 90.
- ¹⁴ См.: Журнал № 14 заседания Временного правительства от 10 марта 1917 г. // Журналы заседаний Временного правительства, март — октябрь 1917 года: в 4 т. М., 2001. Т. 1: Март — апрель 1917 года. С. 66.
- ¹⁵ ЦИАМ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 356. Л. 3—4; Ф. 2262. Оп. 1. Д. 166. Л. 4—4 об.
- ¹⁶ Там же. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 165. Л. 73, 156, 166, 178.
- ¹⁷ Там же. Л. 2.
- ¹⁸ Там же. Л. 3.
- ¹⁹ Там же. Л. 19.
- ²⁰ Там же. Л. 4—4 об.
- ²¹ Там же. Л. 100—102.
- ²² ГА РФ. Ф. 6685. Оп. 1. Д. 6. Л. 9—9 об.
- ²³ ЦИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 165. Л. 4—4 об.
- ²⁴ Там же. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 357. Л. 1—2; Д. 356. Л. 6.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. 6685. Оп. 1. Д. 6. Л. 9—9 об.
- ²⁶ Там же. Д. 1. Л. 5—5 об.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Шумная Т.Г. Указ. соч. С. 220—221; Путеводитель по фондам личного происхождения Отдела письменных источников Государственного исторического музея. М., 1967. С. 4.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 6685. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
- ³⁰ Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель. М., 1994. Т. 1: Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX — начала XX вв. С. VI; также см.: Максаков В.В. Архив революции и внешней политики XIX и XX вв. // Архивное дело. 1927. Вып. XIII. С. 29—30.
- ³¹ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М., 2003.
- ³² Журналы заседаний Временного правительства, март — октябрь 1917 года. Т. 1. С. 71.
- ³³ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 79.
- ³⁴ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 222.
- ³⁵ Там же. Ф. 6685. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—1 об.
- ³⁶ Там же. Л. 2—2 об.
- ³⁷ Там же. Д. 5. Л. 7.
- ³⁸ Там же. Д. 9. Л. 25—27.
- ³⁹ Сам документ см.: Февральская революция. 1917. Сб. документов М., 1996. С. 109—145.
- ⁴⁰ См.: Пресняков А.Е. Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники, 1889—1927. СПб., 2005.
- ⁴¹ ГА РФ. Ф. 6685. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
- ⁴² Там же. Д. 1. Л. 2—2 об.
- ⁴³ Там же. Д. 2. Л. 4—4 об.
- ⁴⁴ Там же. Д. 6. Л. 30.
- ⁴⁵ Там же. Д. 1. Л. 1—1 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 3—3 об.

- ⁴⁷ Там же. Л. 12—13.
- ⁴⁸ Там же. Л. 8—10.
- ⁴⁹ Там же. Д. 2. Л. 5—8 об.
- ⁵⁰ Там же. Д. 9. Л. 1 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 1—1 об.
- ⁵² Там же. Л. 39—43 об., 35, 31.
- ⁵³ Там же. Д. 6. Л. 26.
- ⁵⁴ Там же. Л. 5—5 об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 10—10 об.
- ⁵⁶ Там же. Д. 9. Л. 34.
- ⁵⁷ ЦГА ИПД СПб. Ф. 8921. Оп. 1. Д. 118. № 7.
- ⁵⁸ СПФ АРАН. Ф. 167. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
- ⁵⁹ Там же. Д. 11. Л. 48—65.
- ⁶⁰ Там же. Д. 6. Л. 15 об.
- ⁶¹ ГАРФ. Ф. 6686. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. Л. 43.
- ⁶⁴ Там же. Л. 40—40 об.

Раздел 3
Международные
отношения, дипломатия

В.И. Голдин (Архангельск)*

Международные отношения на Европейском Севере в годы Первой мировой войны

Первая мировая война внесла глубокие изменения в систему международных отношений. В преддверии ее, когда противоборствующие коалиции — Антанта и Тройственный союз планировали свои военные операции, они исходили из того, что предстоящая война будет краткосрочной, и не предполагали, что Европейский Север может сыграть в ней сколько-нибудь существенную роль. Но суровая реальность войны, именовавшейся в то время Великой, — войны нового типа, длительной и тотальной, потребовала от противников концентрации всех сил и ресурсов и кардинального пересмотра ранее разработанных планов и стратегии ее ведения. В этих условиях Европейский Север, под которым подразумеваются страны Северной Европы, а также северная часть Европейской России и Великое княжество Финляндское, стал играть в войне значительную роль.

Исследования, посвященные данной теме в целом, отсутствуют. Вместе с тем в международной историографии представлены работы, в том числе монографии, посвященные отдельным проблемам и аспектам истории международных отношений на Европейском Севере. Их можно подразделить на несколько групп. Во-первых, следует выделить исследования, посвященные Первой мировой войне в целом и международным отношениям в ней, где находят освещение и те или иные аспекты данной темы¹, а также монографии, где освещаются крупные проблемы, например блокадная политика, которая имела непосредственное отношение к североевропейской международной проблематике². Ко второй группе можно отнести исследования, связанные с изучением внешней политики отдельных государств этого региона в рассматриваемый период и их отношений с другими странами³, в том числе книги, специально посвященные роли малых стран, в том числе и Северной Европы, в международных отношениях⁴. Еще одна группа работ раскрывает сложный комплекс проблем, где рассматривается завершающий этап войны: выход из нее России, революционные процессы 1917 г. и гражданские войны в России и Финляндии, а также реалии международной интервенции здесь⁵. В рамках последней группы можно выделить такое направление, как исследование революционных связей представителей Скандинавских стран и России и фактор «революционизации» в международных отношениях и в мировой войне, использовавшийся, в частности, Германией для ослабления России и поощрения сепаратистских движений здесь⁶.

Целью этой статьи является анализ международных отношений на Европейском Севере в годы Первой мировой войны, раскрытие сложной и противоречивой картины их развития на разных ее этапах, выявление интересов и действий в этом регионе борющихся военных коалиций и нейтральных государств, влияние революционного

* *Голдин Владислав Иванович* — доктор исторических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет, председатель Северо-Западной секции Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций.

и интервенционистского факторов на ход и итоги процессов международного развития здесь.

С началом Первой мировой войны летом 1914 г. Антанта и Тройственный союз стремились реализовать свои замыслы. Германия делала ставку на блицкриг и нанесла главный удар по Франции, стремясь вывести ее из строя и заставить капитулировать. Но вступление в войну России и Великобритании сорвало эти замыслы. Война приобрела затяжной характер и превратилась в войну на истощение противника. Особое значение в ней имела эффективность использования всех внутренних и привлечение внешних ресурсов для ведения военных действий, а также расширение числа военных и иных союзников, выстраивание отношений с нейтральными государствами, в частности из прилегающей к зоне военных действий Северной Европы, и привлечение их на свою сторону.

Великобритания стала инициатором использования в войне против Германии экономической блокады невиданных ранее масштабов. Ее стратегия сводилась к дальнейшей блокаде — действиям на морских коммуникациях на большом удалении от военно-морских баз противника. Предполагалось закрыть для Германии выход из Северного моря в Атлантический океан, чтобы отрезать ее от внешнего мира и разрушить ее океанскую и морскую торговлю, что должно было, учитывая ее зависимость от внешних поставок, вызвать ее экономический, а значит и военный паралич. При этом англичане возлагали особые надежды на мощь своего Большого флота, значительно превосходившего германский, но упор делался не на прямую войну с ним, а именно на обеспечение эффективной экономической блокады Германии и, с другой стороны, на защиту своих морских транспортных коммуникаций. Для осуществления блокады Германии и защиты союзных морских сообщений 8 августа 1914 г. была заключена конвенция между британским адмиралтейством и главным штабом французских ВМФ о действиях в Средиземном море, Атлантическом и Тихом океанах и в Ла-Манше с распределением соответствующих сфер ответственности⁷.

Объявленная блокада должна была сопровождаться ограничением судоходства и расширением мер контроля над морской торговлей нейтральных стран, чтобы предотвратить поставки ими грузов в Германию. Чем далее, тем все более расширялись меры подобного контроля, остановка и осмотр судов нейтральных стран, конфискация тех перевозимых грузов, которые трактовались как контрабанда, незаконная перевозка товаров для противника. Именно эти вводимые меры приводили к росту напряженности в отношениях с нейтральными странами и в том числе с государствами Скандинавии. Вместе с тем в начале войны Великобритания, принимая блокадные меры, стремилась избегать прямого конфликта с нейтральными Скандинавскими странами, ибо опасалась их перехода на сторону Германии. Одновременно она пыталась извлечь максимум пользы из взаимоотношений с ними и прежде всего в торгово-экономической области, обеспечивая удовлетворение своих потребностей.

Германия в первые дни войны, сосредоточив свои основные усилия на сухопутном театре военных действий, тем не менее уже в августе 1914 г. прибегла к минированию морских коммуникаций противника, поставив минные заграждения в Северном море вблизи побережья Англии и в территориальных водах Дании, вблизи острова Лангеланн. Она предпринимала и некоторые действия блокадного характера, аналогичные английским. Например, в октябре 1914 г. немецкие патрульные суда на Балтике стали захватывать нейтральные суда, препровождая их для осмотра в порты Германии. Но эти меры не имели масштаба, подобного английским, да и списки контрабандных товаров не были столь значительными.

Осенью 1914 г. Германия прибегла к использованию нового оружия — подводных лодок в борьбе с военными кораблями (уничтожив уже в сентябре несколько английских крейсеров), а также в торговой войне. И хотя эти действия носили пока ограниченный характер, да и число подлодок было малочисленным (18 к началу войны), их использование в дальнейшем расширилось и несло далекоидущие международные осложнения⁸. Одновременно Германия предпринимала большие усилия для расширения торгово-экономических связей с нейтральными странами и обеспечения поставок через них и с помощью их судов необходимых грузов для предотвращения негативных последствий экономической блокады, проводимой странами Антанты под руководством Великобритании.

2 ноября 1914 г. британское адмиралтейство объявило Северное море военной зоной. Суда, направляющиеся туда и пересекающие линию от Гебридских островов до Исландии через Фарерские острова, должны были делать это на свой страх и риск и с угрозой подрыва судов на минах, указывалось в этом приказе. Чтобы избежать подрыва судов на минах, предлагался специальный маршрут следования — через Английский канал и Дуврский пролив, а затем на север, вдоль восточного побережья Англии, и оттуда к мысу Линнеснес — самой южной точке Норвегии. Но следование указанным маршрутом облегчало англичанам контроль над перевозками грузов⁹.

С первых дней войны особое значение приобретала позиция стран, не входивших в состав борющихся коалиций. Скандинавские страны еще до начала ее, в условиях осложняющейся международной ситуации, провозгласили свой нейтралитет в военных конфликтах, а также пытались консолидировать свои действия. 3 декабря 1912 г. Швеция, Дания и Норвегия подписали декларацию относительно прав и обязанностей нейтральных стран во время морской войны, в которой, в частности, шла речь о единстве их взглядов на нейтралитет и о том, что они не изменят правил его без предварительного согласования друг с другом¹⁰. Вместе с тем отношения этих стран были далеко не простыми, имея в виду в том числе и недавнее (в 1905 г.) расторжение Норвегией унии со Швецией и образование самостоятельного государства, да и их взаимоотношения с участниками будущей мировой войны существенно различались.

Наиболее сложная борьба вокруг нейтралитета развернулась накануне войны в Швеции, которая трудно привыкала к утрате своего былого величия и статусу малой страны и претендовала на роль лидера среди Скандинавских стран. У части шведской элиты, в том числе в королевской семье, были сильны настроения в пользу сближения с Германией. Проводниками немецкого влияния в Швеции выступали консервативное дворянство, лютеранская церковь, военные, деятели науки и культуры. «Русская угроза» Швеции и «трагедия Финляндии» (вошедшей до 1809 г. в состав Швеции, а затем переданной в результате ее поражения в войне к России и подвергавшейся «насильственной русификации») были двумя главными аргументами в пользу сближения с Германией. Усилению в шведском обществе симпатий к ней способствовало и быстрое развитие шведско-германских торгово-экономических связей, опередившее по масштабам и объему аналогичные связи с Англией и Францией.

Германия, со своей стороны, прилагала в довоенные годы большие усилия, направленные на сближение со Швецией и даже включение ее в состав Тройственного союза. Она активно эксплуатировала комплекс страха к России в шведском обществе и умело разыгрывала карту «русской угрозы». Кайзер Вильгельм II был увлечен нордической идеей, испытывал интерес к Северу как к прародине немцев и вынашивал замыслы блока в будущей войне германских народов, включая и шведов. Использовалось и влияние на короля Швеции Густава V его супруги — немецкой прин-

цессы Виктории Баденской. Да и сам Вильгельм в ходе встречи и беседы с Густавом, не скрывая угрозы, убеждал его в том, что в случае войны малые страны не смогут остаться нейтральными и в условиях кризиса Швеция должна быть готова получить ультиматум в течение 24 часов и занять определенную позицию¹¹.

Активны в развитии связей со Швецией были и германские военные. С 1910 г. начались и на протяжении нескольких лет осуществлялись контакты генштабов Германии и Швеции. Немецкая сторона выступала за подписание совместной военной конвенции о согласованных действиях армий в случае германо-русской войны. А по замыслу начальника Генштаба Германии Х. Мольтке Швеция должна была взвалить на себя всю тяжесть войны на Севере. Немцы вынашивали и замыслы втягивания Швеции в войну окольным путем через Финляндию, особенно в том случае, если бы там вспыхнуло антирусское восстание. Правда, немецкая дипломатия придерживалась более пассивной позиции в отношении Швеции и испытывала больший интерес к Дании.

Правительственный кризис 1914 г. в Швеции, тесно связанный с нарастающим в мире конфликтом и опасностью войны и расхождениями между королем и либеральным правительством К. Стаафа по вопросу укрепления шведской обороноспособности, отставка этого кабинета и формирование консервативного правительства Я. Хаммаршельда, новые выборы в парламент — все это были проявления сложной внутренней борьбы в стране, но одной из актуальных проблем дискуссий являлась и ее внешнеполитическая ориентация. В конечном итоге в шведской политической элите возобладала осторожность и здравомыслие, стремление остаться в стороне от приближающейся войны, сохранив позицию нейтралитета. Швеция не пошла на сближение и заключение каких-либо соглашений с Германией.

В России, непосредственно соседствовавшей с Швецией, не было уверенности в том, что она сохранит нейтралитет. Военные считали возможным в ходе будущей войны высадку германско-шведского десанта в Финляндии или Прибалтике, хотя дипломаты были настроены более оптимистично исходя из раскола в Швеции.

Швеция приняла решение о нейтралитете в начавшейся мировой войне 3 августа 1914 г. Но задержка с публичным объявлением об этом привела к тому, что 8 августа в направлении шведской военно-морской базы в Карлсруне была направлена русская эскадра, отозванная в последний момент с получением извещения о нейтралитете Швеции. Вместе с тем, опасаясь негативной реакции Германии, шведский министр иностранных дел К. Валленберг в беседе с немецким посланником Ф. фон Райхенау представил дело так, что это для Берлина «благожелательный нейтралитет» и при благоприятных обстоятельствах Швеция может вступить в войну. Но в действительности это было игрой: шведская элита и общество были в целом настроены в поддержку нейтралитета страны в этой войне. Германия удовлетворилась в это время нейтралитетом Швеции и данными разъяснениями, тем более, что, сделав ставку на блицкриг, и не была особенно заинтересована пока в расширении числа союзников, особенно на северном фланге, где не велись военные действия.

В связи с эволюцией шведской политики в вопросе о нейтралитете заметим, что еще 29 июля 1914 г. Швеция и Норвегия, в недавнем прошлом части одного государства, достигли устной договоренности, что надвигающаяся война не должна привести к военным действиям между ними. 1 августа норвежское правительство сделало публичное заявление о намерении сохранять нейтралитет в только что начавшейся войне. Но одновременно было принято решение о полном укомплектовании гарнизонов береговых укреплений, а флот был приведен в полную боеготовность. В связи

с необходимостью создания запасов продовольствия и топлива был запрещен их экспорт. Возлагая особую надежду на Англию в деле защиты своего нейтралитета, Норвегия вместе с тем опасалась попыток захвата ею или немцами военно-морских баз на своей территории.

Результатом шедшей в течение нескольких дней переписки Норвегии и Швеции, начавшейся по инициативе последней, когда шведы опасались вступления норвежцев в союз с Англией, а норвежцы подозревали Швецию в склонности к Германии, стало их соглашение от 8 августа о «поддержании независимо друг от друга и в максимальной степени нейтралитета соответствующих королевств по отношению ко всем воюющим государствам» и о том, что начало войны ни при каких обстоятельствах не должно «привести к принятию одним королевством враждебных мер против другого»¹².

Дания объявила о своем нейтралитете в войне 2 августа 1914 г. Но германский посол в Дании У.К. Брокдорф-Ранцау направил ее министру иностранных дел Э. Скавениусу ноту, где говорилось, что Германия будет соблюдать государственную неприкосновенность Дании, но независимо от германского желания военные операции могут коснуться ее территории. Германия обратила внимание датского правительства на всю серьезность сложившейся ситуации. В датской ответной ноте от 3 августа указывалось, что правительство верит обещаниям немецкой стороны и надеется, что ее нейтралитет не будет нарушен и военные действия не коснутся территории Дании.

В ответ на германскую акцию по установке минного заграждения в датских территориальных водах в начале августа без предварительного согласования датчане начали минирование проливов Балтийского моря. В дальнейшем датская дипломатия стремилась сохранять добрые отношения и с Германией, и с Англией, оставаясь в стороне от войны, а центр тяжести споров с ними сместился в область судоходства и грузопотоков в связи с блокадной политикой¹³.

Таким образом, провозглашенный каждым из Скандинавских государств нейтралитет имел свои особенности, и вместе с тем они стремились к взаимодействию в начавшейся войне для защиты своих интересов. Швеция была в этом наиболее активна и инициативна. Она претендовала на роль регионального лидера и стремилась возродить в этой сложной ситуации идеи скандинавизма и сплочения соседей под своим руководством. Шведы предлагали создать также «Союз общей защиты прав нейтралов» в области торговли и судоходства, предупреждая нарушения их нейтралитета воюющими странами и противодействуя этому, основываясь на нормах международного права.

Но попытки Швеции и Дании образовать «единый фронт» протестующих нейтральных государств провалились, ибо сначала США, а затем Нидерланды отказались принимать в нем участие. В конечном итоге трем Скандинавским странам, хотя и не без труда, удалось согласовать свои позиции, и в ноябре воюющим странам была направлена нота в защиту торговых прав нейтралов и протеста против минирования морских коммуникаций, принуждения нейтральных судов следовать определенными путями, чрезмерного расширения понятия «контрабанда» и отступления от признанных правил досмотра и конфискации судов¹⁴. В декабре 1914 г. в Мальмё состоялась встреча трех скандинавских королей, высказавшихся за сохранение нейтралитета и развитие тесных связей между этими странами.

Так или иначе, одной из центральных и наиболее дискуссионных тем международных отношений на Европейском Севере в рассматриваемый период оказались проблемы нарушения прав нейтральных стран, установление жесткого контроля над их судоходством и перевозкой грузов со стороны воюющих государств, и прежде всего Великобритании и Германии, с целью повышения эффективности их блокад-

ной политики. Вместе с тем для Швеции, Дании и Норвегии открылись беспрецедентные возможности для улучшения своего экономического положения в результате поставок производимых в них товаров воюющим странам, остро нуждавшимся в них, а также обеспечения через свои территории и с помощью своих судов транзита в них грузов третьих стран и реэкспорта. Это касалось в первую очередь Германии, которой, например, жизненно необходимы были поставки шведской железной руды (они покрывали треть ее потребностей), каменного угля, лесоматериалов и др. Она не могла воевать без норвежской медной руды и серного колчедана. Германия в большом количестве импортировала из стран Скандинавии рыбу и продукцию сельского хозяйства. Например, экспорт свинины из Швеции увеличился за военные месяцы 1914 г. в 10 раз, а свинины — почти в 4 раза по сравнению с 1913 г. В целом же только шведский экспорт в Германию увеличился за 1913—1916 гг. в 2 раза¹⁵.

В этих условиях Великобритания последовательно увеличивала давление на Скандинавские страны. Эту цель преследовал, например, ее Меморандум о правилах торговли с нейтральными странами, принятый в январе 1915 г. Аналогичный меморандум был подготовлен и Францией, а Россия заявила о намерении присоединиться к этим действиям. Германия не только активно противодействовала этим мерам, но и сама расширяла борьбу на море и торговую войну. 4 февраля 1915 г. начальник германского морского генштаба адмирал Х. фон Поль сделал заявление о том, что воды, омывающие Британские острова и Ирландию, включая Английский канал, объявлялись театром военных действий, и было решено всеми средствами препятствовать неприятельскому судоходству в этих районах. С 18 февраля Германия официально объявила о начале подводной торговой войны и уничтожении судов без гарантий спасения их экипажей и пассажиров. Подобная угроза в полной мере относилась и к судам нейтральных стран. Совместный протест Швеции, Дании и Норвегии не дал результатов, и уже 19 февраля был потоплен норвежский танкер.

Но надежды Германии за шесть недель заставить англичан занять примирительную позицию не дали желаемых результатов, тем более что подлодок было пока мало для ведения эффективной торговой войны и блокады Англии. Эффект этой войны был скорее негативен для Германии, ибо вел к ухудшению ее отношений с нейтральными странами.

С другой стороны, действия Англии по блокаде оказались более активны и успешны, и 1915 г. характеризовался усилением английской блокадной политики. 1 марта была принята англо-французская декларация о запрете торговли с Германией. 11 марта был датирован британский «Акт о репрессалиях», включавший в себя меры, направленные на прекращение всякой германской торговли с другими странами как непосредственно, так и через нейтральные государства. Все суда, шедшие в Германию или из нее, захватывались, а их грузы реквизировались. Был расширен список контрабандных товаров. Собравшиеся в марте 1915 г. в Стокгольме представители глав Скандинавских государств заявили протест воюющим странам против их действий, но он был по существу проигнорирован ими.

Великобритания оказывала давление на Швецию, Данию и Норвегию, стремясь заставить их прекратить или свести к минимуму торговлю, а также использование своих судов для транзита грузов в Германию. Этот нажим оказывался более результативным в отношении к Норвегии и наименее удачным в отношении Швеции. Англо-шведские переговоры 1915 — начала 1916 г. не дали результатов, но обострение с весны 1916 г. экономического кризиса в Швеции из-за нехватки сырья и продовольствия заставило шведов быть несколько сговорчивей.

Осенью 1915 г. Великобритания расширила блокаду германского побережья Балтийского моря, относя к контрабанде весь реэкспорт в страны противника. Судовладельцы обязаны были давать гарантии, что их грузы не предназначены для Германии. Суда всех Скандинавских стран, следовавших в Америку и в другие части света, должны были заходить в английские порты для проверки, а для захода в закрытую зону Северного моря требовались специальные разрешения британских властей.

В ноябре 1915 г. Антанта потребовала от нейтральных стран и в первую очередь Скандинавии и США резкого сокращения объема ввозимых товаров и ограничения их «нормальными потребностями», которые определялись средним уровнем импорта каждой страны в предвоенные годы. В частности, специальное соглашение, заключенное между Данией и Великобританией, основывалось на системе «нормирования потребностей» или «рацион-пайке», иначе говоря на «нормах потребностей» Дании до войны¹⁶.

Но и Германия предпринимала ответные действия. В частности, 1915 г. и особенно весна — лето стали временем ее наибольшей активности по вовлечению Швеции в войну на своей стороне. При этом использовались все каналы воздействия, в том числе усилия политиков, бизнесменов, банкиров, общественных деятелей и журналистов, а также финских и шведских «активистов». Эта деятельность была связана и с более масштабными планами создания «Срединной Европы» под германской эгидой и Среднеевропейского союза государств с участием Швеции. Взамен ей обещали военную и иную поддержку, передачу после войны Аландских островов и образование буферного государства в Финляндии. Но в конечном итоге, несмотря на давление и обещания, Швеция сумела доказать целесообразность проведения политики нейтралитета. К началу 1916 г. Германия, убедившись в твердости позиции Швеции и укорененности идей нейтралитета в шведском обществе, пришла к выводу о том, что ей выгоднее иметь Швецию как благожелательного нейтрала, нежели союзника, и взяла курс на усиление прогерманского нейтралитета в этой стране¹⁷.

Швеция и в дальнейшем умело использовала свое важное геополитическое положение, торгово-экономические и транзитные возможности и успешно маневрировала между противоборствующими в войне блоками, получая вознаграждение за оказываемые услуги от каждой из сторон. Это позволяло ей держаться весьма независимо, особенно в сравнении с другими Скандинавскими странами, и даже нередко шантажировать великие державы, а в результате существенно укрепить свои экономические позиции, способствовать развитию своей промышленности, особенно тяжелой, погасить внешнюю задолженность и превратиться в крупного экспортера капитала.

Тем временем Великобритания последовательно усиливала свои действия по блокаде Германии. В марте 1916 г. ею была введена система сертификатов, специальных удостоверений на право беспрепятственного провоза товаров. Они использовались для того, чтобы свести к минимуму торговлю нейтральных государств с Германией и использование их судов в этих целях. Кроме того, в конце 1915 — начале 1916 г. в соответствии с принятым в Великобритании законом о запрещении торговли с неприятелем составлялись черные (а также серые) списки компаний нейтральных стран, нарушавших эти правила, в отношении которых принимались меры воздействия, в том числе бойкот¹⁸.

Вместе с тем блокада Германии оставалась не вполне эффективной, т.к. из нее в значительной мере выпадало Балтийское море. Англичане и русские имели здесь весьма ограниченные военные и иные возможности, и Германия сохраняла в этом регионе активные экономические связи со Швецией и Данией, получая от них необходимые товары. В марте 1916 г. в Копенгагене и в сентябре того же года в Кристиа-

нии состоялись совещания министров иностранных дел трех Скандинавских стран, где обсуждались пути и способы сохранения их нейтралитета и обеспечения торговли и мореплавания, экономической и торговой политики. Но по мере развития войны им все труднее было отстаивать нейтралитет, маневрировать и вести торговлю как с той, так и с другой коалициями.

В условиях продолжавшейся войны в международных отношениях постепенно возрастала роль Европейского Севера России. Это было обусловлено тем, что именно через него страны Антанты и прежде всего Великобритания могли поддерживать связи с Россией. В связи с быстрым ослаблением России, оказавшейся слабо подготовленной к этой войне, а также в условиях, когда на нее в 1915 г. обрушился главный удар стран Четверного союза, именно союзные поставки военных материалов и других необходимых грузов через порты Русского Севера могли помочь сохранить Россию в войне. Всего через них в 1914—1917 гг. было ввезено около 5,5 млн. тонн импортных грузов, а вывезено около 4,5 млн. тонн грузов. Кроме того, в порядке компенсации за союзные поставки через них было отправлено воевать на Западный и Салоникский фронты в 1916 г. около 36 тыс. русских солдат и офицеров, а также около 6800 пленных эльзас-лотарингцев и итальянцев¹⁹.

Комплекс сложных международных вопросов, связанных с транспортировкой грузов и охраной морских коммуникаций, требовал политико-правового урегулирования. Это было сделано заключенными Россией и Великобританией соглашениями 26 апреля 1916 г. «О необходимых мерах по обеспечению перевозки военных грузов в Россию» и 13 февраля 1917 г. «О защите торговых путей в северных водах». Еще в 1915 г. на Север был направлен английский отряд тральщиков и крейсер «Ифигения» для противодействия немецким попыткам минирования морских коммуникаций, а позднее прибыл линкор «Глори», ставший флагманом союзной эскадры. Британский офицер Т.У. Кемп получил статус старшего британского морского начальника Белого моря. Эти меры и укрепление в результате британского влияния в этом регионе России сказались и на последующем развитии внутренних и международных событий здесь.

Важное место в российско-германском противостоянии в годы войны занимало Великое княжество Финляндское. Германия делала ставку на разжигание здесь сепаратизма и ослабление тем самым России. Финляндская тема активно обыгрывалась и в борьбе за привлечение Швеции в войну на стороне Центральных держав. При этом она использовалась в 1914—1916 гг. как место для контактов с финскими сепаратистами и перевалочный пункт для транспортировки финских добровольцев в Германию, в создаваемый здесь егерский батальон.

Осенью 1916 г. Германия расширяет свою подводную войну на Баренцево и Норвежское моря, где проходил и союзный транзит военных грузов в Россию. В сентябре три немецкие подлодки потопили здесь 10 судов, в том числе три норвежских. В связи с подозрением, что эти лодки пришли на Север через норвежские прибрежные воды, и под английским влиянием 13 октября норвежское правительство обнародовало королевский указ о запрете подлодкам пребывать в территориальных водах страны. Но германский посланник в Норвегии прислал ноту протеста и потребовал отменить указ. В результате, как заметил норвежский историк У. Ристе, «норвежское правительство само себя загнало в ловушку, оказавшись между Сциллой английских мероприятий по осуществлению блокады и Харибдой германских угроз». На карту было поставлено сохранение нейтралитета Норвегии. В этой ситуации позиции Великобритании выглядели сильнее, да и симпатии к ней в Норвегии были, несомненно, больше. Но и угрозы, исходящие от Германии, были весомыми. В частности,

предполагалась возможность расширения ею подводной войны. И это стало реальностью: в октябре от ее подлодок погибли 49 норвежских судов, в ноябре — 29, в декабре — 35, а в январе 1917 г. — 40. Кроме того, высказывалось предположение, что Германия может начать бомбардировки южной Норвегии.

В канун Нового года Норвегия получила тяжелый удар от Великобритании. В ответ на нарушения ею соглашений по прекращению экспорта рыбы и меди в Германию 22 декабря англичане прекратили поставки угля в Норвегию. После переговоров, в середине февраля 1917 г. Норвегия полностью прекратила отправку колчедана в Германию в обмен на возобновление поставок английского угля. Вместе с тем она постаралась урегулировать и отношения с Германией, пойдя на некоторые изменения указа по подлодкам, а также пообещав предоставить ей заем и выдать лицензии на экспорт некоторых других товаров²⁰.

1917 г. знаменовал собой начало качественно нового этапа в развитии международных отношений на Европейском Севере. Это было обусловлено рядом обстоятельств: революционные события в России и углубляющийся кризис в стране, что в полной мере сказалось на Русском Севере и Финляндии, а также вылилось в усиление революционных тенденций в странах Северной Европы; расширение блокады и подводной войны; резкое нарастание кризисных явлений и проблем, обусловленных войной. В январе 1917 г. на встрече в Стокгольме главы правительств и министры иностранных дел Скандинавских стран обсудили сложившуюся ситуацию и вопросы расширения торгово-экономических связей. Была подписана декларация о расширении экономического сотрудничества, торговли и мореплавания.

Февральская революция в России, свержение монархии и приход к власти Временного правительства были в целом с удовлетворением встречены в Северной Европе и способствовали активизации отношений с ней. Но в самой России нарастали кризисные явления. Они в полной мере воплотились в отношениях с Финляндией. Несмотря на восстановление Временным правительством ее автономных прав и даже их расширение, отношения между ним и Финляндией как в лице ее элиты, различных политических движений, так и общества осложнялись и приобретали все более конфликтный характер. Здесь быстро усиливались настроения в пользу независимости и создания самостоятельного государства. Временное правительство же недооценивало национальный вопрос и не имело продуманной национальной программы, что сказывалось и на отношениях с Финляндией. Оно, несмотря на быстрое увеличение численности русских войск здесь в связи с опасениями высадки немецкого десанта, не вело последовательной борьбы с сепаратистами. Осложнению ситуации в Финляндии способствовало и обострение внутренней борьбы между различными социально-политическими силами, что также подталкивало элиту к отделению от России. Приход большевиков к власти в Петрограде ускорил этот процесс. В декабре 1917 г. в Финляндии была провозглашена независимость, а 31 декабря она была признана Совнаркомом. Но следствием стало и обострение внутривнутриполитических процессов в Финляндии, а также борьба за влияние на нее между Советской Россией и Германией.

В феврале 1917 г. Германия развернула неограниченную подводную войну, что привело к новому витку эскалации конфликта воюющих держав и растущим потерям нейтралов. Например, Швеция потеряла за 7 месяцев этого года больше судов, чем за 1915 и 1916 гг., что серьезно осложнило ее отношения с Германией. Этому способствовало и то, что на парламентских выборах в сентябре здесь произошел сдвиг влево и было сформировано правительство либералов и социал-демократов. В свою очередь, ухудшение продовольственной ситуации в Швеции и связанные с этим вы-

ступления протеста ставили ее в растущую зависимость от поставок из стран Антанты и ослабляли прогерманскую направленность ее нейтралитета.

Германская подводная война обострила ситуацию в Норвегии. Только с февраля по апрель 1917 г. были потоплены 124 норвежских судна. Рост антинемецких настроений поставил на повестку дня даже вопрос о возможности вступления Норвегии в войну на стороне стран Антанты. Подобный вариант развития событий обсуждался как последними, так и Германией, подготовившей на этот случай даже штабные планы войны с Норвегией. В конечном итоге в странах Антанты возобладало мнение о том, что лучше все же иметь в лице Норвегии не военного союзника, а благожелательного нейтрала²¹. Ситуация в Скандинавии, проблемы сотрудничества и торговли обсуждались на встрече трех королей, состоявшейся в Кристиании в ноябре 1917 г.

Фактором, резко изменившим ситуацию в войне и в международных отношениях, в том числе на Европейском Севере, стал выход России из войны, заключение ею перемирия с Центральными державами и начавшиеся мирные переговоры. Но отказ участвовать в них стран Антанты вскоре поставил Советскую Россию в очень сложную ситуацию.

Заключительный этап мировой войны характеризовался дальнейшим осложнением международных отношений на Европейском Севере. После прихода большевиков к власти 23 декабря 1917 г. в Париже была подписана секретная англо-французская конвенция о разделе сфер влияния в России. Формально она преследовала цель борьбы с врагами в мировой войне, но фактически означала и широкую поддержку антибольшевистских сил, и укрепление английского и французского влияния в стране. Письменно были закреплены «зоны влияния» на Юге России, но в соответствии с достигнутой договоренностью Северная Россия была отнесена к «зоне влияния Великобритании»²². Вместе с тем на совещании было принято британское предложение о поддержании контактов с советским правительством через неофициальных агентов, ибо союзники опасались, что открытый разрыв толкнет большевиков в объятия Германии. Эти функции были возложены на атташе при французской военной миссии в России капитана Ж. Садуля, британского дипломата Р.Б. Локкарта и руководителя американской миссии Красного Креста в России полковника Р. Робинса.

В документах стран Антанты и в первую очередь Великобритании конца 1917 — начала 1918 г., касающихся Русского Севера, переплетались военно-стратегические мотивы, связанные с его ролью межсоюзнической артерии в условиях войны, политические (антибольшевистские) цели, обусловленные желанием не дать распространиться сюда революционному пожару и отгородить регион от Советской России, всячески разжигая и поддерживая здесь сепаратистские настроения, а также экономические интересы, установление контроля над богатейшими природными ресурсами края. Эти намерения ярко воплотились в послании в Лондон в январе 1918 г. начальника британской миссии снабжения в России генерала Ф.К. Пуля: «Из всех планов, о которых я слышал, больше всего мне нравится тот, в котором предлагается создать Северную федерацию с центром в Архангельске... Чтобы укрепиться в Архангельске, — утверждал он, — вполне достаточно одного военного корабля в гавани. Мы смогли бы получить прибыльные лесные и железнодорожные концессии, не говоря о значении для нас контроля над двумя северными портами»²³. Наличие короткого пути, связывающего Русский Север со странами Антанты, пребывание в северных водах союзной военной эскадры, рассматривавшаяся возможность перебросить сюда польских, чехословацких и сербских солдат из внутренних районов России, а также опора на антибольшевистские силы — все это были весомые аргументы для

установления прочного контроля союзников над стратегически важным для них северным регионом России.

Общая ситуация на Европейском Севере резко обострилась после начала Гражданской войны в Финляндии в конце января 1918 г. При этом красные финны получали в ней поддержку Советской России, а белые — со стороны Германии. Оказывая всемерную помощь Белой Финляндии, а затем развернув свою интервенцию (высадкой на Аландских островах в начале марта и на южном побережье, в континентальной Финляндии в начале апреля), Германия вынашивала далекоидущие стратегические замыслы. «Мы надеялись, — вспоминал фельдмаршал П. фон Гинденбург, — привлечением Финляндии на свою сторону затруднить военное влияние Антанты со стороны Архангельска и Мурманского побережья на дальнейшее развитие событий в Восточной России»²⁴. Через территорию Финляндии и с помощью белофиннов предполагалось выйти на побережье Северного Ледовитого океана и прорвать тем самым морскую блокаду Антанты, создать на северном побережье России базы подводных лодок и, опираясь на них, взять под свой контроль северные морские коммуникации. Из Финляндии нетрудно было перерезать Мурманскую железнодорожную магистраль, прервав важную линию сообщения Антанты с центром России.

Завершение Гражданской войны победой белофиннов при поддержке немецких войск весной 1918 г. стоило небольшой стране огромных жертв. Потери белофиннов составили около 5 тыс., а красных финнов — более 25 тыс. (в 1918—1919 гг.), из них лишь около 5 тыс. погибли в боях, а остальные были казнены или умерли от болезней и в концлагерях. Около 10 тыс. красных финнов перебрались в Россию²⁵.

Белофинны вынашивали замыслы создания «великой Финляндии от моря до моря». Приращение территорий предстояло произвести за счет ослабевшей России. Речь шла прежде всего о Восточной Карелии и Мурмане (с выходом на Северный Ледовитый океан) или даже обо всем Кольском полуострове (с выходом к Белому морю). При удачном же стечении обстоятельств в финские планы входило и присоединение Ингерманландии, Петрограда и Эстонии. Для главнокомандующего генерала К.Г. Маннергейма захват Петрограда являлся лучшей гарантией признания Россией финляндской независимости и давал дополнительные шансы на получение территориальной компенсации. Захват Финляндией Мурманской железной дороги привел бы, по мнению руководства этой страны, к разрыву отношений России с Антантой и способствовал бы укреплению финской безопасности²⁶. Этим объяснялись рейды белофиннов на северные российские территории весной — в начале лета 1918 г. и в дальнейшем.

Но ограниченные возможности в реализации подобных замыслов и происходившие процессы укрепления влияния Германии в Финляндии заставляли финское руководство искать поддержки у немцев. Но Германия смотрела на эту тему сквозь призму своих интересов. Она вынашивала планы создания «Срединной Европы» и видела Финляндию не в качестве некоего «великого государства», а в цепи окраинных государств под своей эгидой. К тому же она не хотела, потакая аннексионистским замыслам Финляндии, портить отношений с Россией, последовательно добиваясь от последней выполнения условий Брестского мира. В переговорах Финляндии с Россией немцы стремились последовательно проводить в жизнь прежде всего собственные интересы.

Таким образом, весной 1918 г. на Европейском Севере завязался сложный узел международных проблем с разнообразием целей и интересов его участников: Антанта — Германия — Финляндия — Россия. Страны Антанты стремились удержать под

своим контролем Русский Север как ближайшие морские ворота в Россию и использовать это для решения более глобальной задачи — возвращения России в войну на своей стороне, что означало бы и ослабление большевиков (одним из главных обещаний которых был выход страны из войны), и укрепление позиций союзников в Северной Европе. Германия добивалась того, чтобы Россия полностью порвала свои связи со странами Антанты, а для этого необходимо было установить контроль над Русским Севером и, вытеснив оттуда англичан, создать на Мурмане свои военно-морские базы, тем самым усилив и свое воздействие на страны Северной Европы. Финляндия также вынашивала собственные замыслы, но в условиях германизации страны ей во многом предстояло быть орудием в реализации целей Германии. Советское руководство стремилось остаться в стороне от мировой войны и пыталось лавировать, выигрывая время в надежде на «мировую революцию», стремясь выровнять борющиеся группировки и не допустить их вооруженного столкновения на Русском Севере.

Весной — в начале лета 1918 г. борьба вокруг Русского Севера усиливалась, а обстановка на Мурмане резко осложнилась. Политики и военачальники стран Антанты разрабатывали варианты интервенции в Россию как «по приглашению» или «с согласия» советского правительства, так и без такового. Требования немцев также приобрели ультимативный характер. Возможности советской власти к лавированию были фактически исчерпаны. Все завершилось разрывом 30 июня 1918 г. отношений Мурманского Совета с Москвой, а развернувшаяся на Мурмане летом вооруженная интервенция Антанты перерастала из военно-стратегической акции, как официально это объяснялось, в политическую и антибольшевистскую, что неминуемо втягивало бывших союзников в Гражданскую войну в России со всеми ее рисками и непредсказуемыми последствиями.

Вооруженные действия сил Антанты против советских войск на Мурмане, а особенно захват ими 2 августа Архангельска, одновременно с антисоветским выступлением здесь, знаменовали формирование северного фронта Российской гражданской войны, где войска интервентов играли главную роль. Но реализовать масштабные замыслы продвижения на Котлас и Вологду, не говоря уже о Москве, им не удалось. И к концу мировой войны обнаружился глубокий кризис военно-политической стратегии Антанты на Севере России.

В последний год мировой войны Скандинавские страны стали все больше приспосабливать свой нейтралитет к интересам Антанты. Важным фактором этого стало и вступление в войну на ее стороне США. 30 апреля 1918 г. торговое соглашение с Соединенными Штатами подписала Норвегия. В конце мая того же года было заключено, наконец, торговое соглашение Великобритании и Швеции, переговоры о котором шли не один год. Это позволило англичанам установить почти полный контроль над внешней торговлей Швеции. Но в результате она, придерживаясь большую часть войны прогерманского нейтралитета, в финале сблизилась с победителями, продемонстрировав им свою лояльность.

Норвегия, для которой был характерен проантантовский нейтралитет, вместе с тем практически до конца войны пыталась вести диалог и с Германией, чтобы обеспечить собственную безопасность. В марте она официально подтвердила ей свое намерение сохранять нейтралитет, а в сентябре подписала с ней торговое соглашение. Лишь в начале октября 1918 г. Норвегия согласилась наконец заминировать (и то, уверяя Германию в том, что это антибританская акция) свою трехмильную прибрежную территориальную зону. Это стало частью мощного минного заграждения, устроенного

странами Антанты и протянувшегося от Шотландии до Норвегии, где было поставлено в общей сложности более 70 тыс. мин. Реализация этого замысла была направлена на усиление блокады Германии и противодействие ее подводным лодкам²⁷.

Важным фактором международных процессов на Европейском Севере в 1918 г. становится революционное движение, распространявшееся из России и Финляндии на другие страны и регионы. Полпредом советского правительства в Скандинавии был назначен В.В. Воровский, но его полномочия не были признаны ни в одной из Скандинавских стран, а представители их властей и деловых кругов поддерживали с ним лишь неофициальные контакты. Более тесный характер носило его сотрудничество с левыми кругами этих стран. Революционное движение приобрело наиболее широкий размах в Норвегии. В январе — феврале 1918 г. по примеру Советской России здесь началось массовое создание рабочих Советов, которое охватило практически всю страну, и в марте в Кристиании прошла их общенациональная конференция. Вслед за этим началось и образование Советов солдатских депутатов. Советы стали важным фактором революционизации этой страны, что отразилось и на Норвежской рабочей партии (НРП). Левые социалисты получили большинство на съезде НРП в марте 1918 г., а норвежское рабочее движение стало одним из самых радикальных в Европе.

В норвежском обществе усиливалось движение против дороговизны и войны, за социальные и экономические перемены, а в НРП развернулась борьба между реформистской и революционной альтернативами. В этих условиях правительство и предприниматели вынуждены были вести политику лавирования и идти на определенные уступки. Вместе с тем власти осуществляли и меры противодействия «внутреннему врагу», его революционной угрозе, предполагая использовать для этого не только полицию, но и армию²⁸.

Революционные настроения и движения в Швеции и Дании не получили столь широкого развития, как в других странах Европейского региона. Из социал-демократических партий здесь выделились более левые партии — Социал-демократическая левая партия Швеции и Социалистическая рабочая партия Дании. Но они не пользовались значительным влиянием в своих странах, и в социал-демократических и рабочих движениях здесь преобладали тенденции к реформам, но не к революционному обновлению. Вместе с тем нарастание кризисных явлений, связанных с войной и блокадой, дороговизна и дефицит продовольствия усиливали и в этих странах настроения в пользу скорейшего прекращения войны.

Таким образом, Первая мировая война, ставшая проявлением глобального кризиса в системе международных отношений, продемонстрировала и сложные процессы их развития на Европейском Севере. Значение этого региона в условиях войны возрастало для обеих воюющих коалиций с точки зрения как геополитики и геостратегии, так и в плане экономики, борьбы за ресурсы для выживания и успешного ведения боевых действий. Война внесла глубокие коррективы в теорию и практику нейтралитета и резко ограничила права и возможности нейтральных стран. В условиях тотальной войны и проведения политики блокады противоборствующие стороны активно пытались подорвать внешнюю торговлю друг друга, ограничить судоходство стран-нейтралов и поставить под контроль все перевозки грузов, что сталкивалось с сопротивлением нейтральных стран и в том числе государств Скандинавии.

Мировая война стала временем упорной борьбы за привлечение в свои ряды новых союзников. Но, несмотря на все усилия противоборствующих стран и коалиций, им не удалось вовлечь в свой состав ни одно из государств Европейского Севера. Они активно и последовательно отстаивали свой нейтралитет, хотя характер его сущест-

венно отличался — от прогерманского в Швеции до благожелательного к Антанте (в первую очередь в Великобритании) в Норвегии. Тем не менее, балансируя между воюющими группировками, они смогли убедить, что их нейтралитет более приемлем для них, чем участие в войне. В целом же нейтралитет Скандинавских стран в войне был достаточно гибким и направлен, прежде всего, на обеспечение безопасности своих стран, а лавирование и уступки осуществлялись в отношении тех воюющих государств, которые представляли для них в данный момент наибольшую угрозу. При этом более жестко и умело, используя свое выгодное геополитическое положение, экономические преимущества и заинтересованность обеих воюющих коалиций и отдельных стран, вела себя во взаимоотношениях с ними Швеция. Именно она пыталась стать во главе других Скандинавских стран, используя в том числе и идеи скандинавизма, выступая своего рода региональным лидером, но не преуспела в этом. Не завершились успехом и ее попытки стать во главе движения в защиту международного права.

Крушение в условиях войны империй старого типа привело к росту национально-освободительных движений. Число стран Северной Европы пополнилось в рассматриваемый период за счет вышедшей из состава России и получившей независимость Финляндии.

Нараставший в годы войны кризис охватил и Европейский Север, что вылилось здесь в конечном итоге и в росте революционных настроений и действий. Наиболее ярко и драматично это проявилось в событиях в России и в Финляндии, где революции переросли в гражданские войны, сопровождавшиеся вооруженными интервенциями других государств и коалиций, и обернулись трагедией для их населения. Но исход гражданских войн завершился в этих странах по-разному — в Финляндии победили белые, а в России в конечном итоге верх взяли коммунисты. Таким образом, Первая мировая война существенно изменила характер и привела к глубоким и разнообразным последствиям в системе международных отношений на Европейском Севере.

¹ История первой мировой войны. М., 1975. Т. 1—2; Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998; Мировые войны XX века. М., 2002. Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк; Кн. 2: Первая мировая война: документы и материалы; *Шаццлло В.К.* Первая мировая война, 1914—1918: Факты. Документы. М., 2003; Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. М., 2006; *Zeman Z.A.* A Diplomatic History of the First World War. London, 1971; *Mayer A.* The Persistence of the Old Regime: Europe in the Great War. New York, 1981; *Stevenson D.* The First World War and International Politics. Oxford, 1991; *Hobsbawm E.* The Age of Extremes: A History of the World, 1914—1991. New York, 1994; *Strachan H.* The First World War. New York, 2001. Vol. 1; The Great War and the Twentieth Century. New Haven, 2001; и др.

² *Siney M.C.* The Allied Blockade of Germany, 1914—1916. Ann Arbor, 1957; *Vincent C.P.* The Politics of Hunger: The Allied Blockade of Germany, 1915—1919. Athens, Ohio, 1985; и др.

³ Россия и Первая мировая война. СПб., 1999; *Кан А.С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999; *Рукте У.* История внешней политики Норвегии. М., 2003; *Calgren W.* Neutralität oder Allianz: Deutschlands Beziehungen zu Schweden in den Anfangsjahren des Ersten Weltkrieges. Uppsala, 1962; *Riste O.* The Neutral Ally: Norway's Relations with Belligerent Powers in the First World War. [Oslo; London, 1965]; *Apunen O.* Suomi keiseriallisen Saksan politiikassa, 1914—1915. Helsinki, 1968; *Koblik S.* Sweden: The Neutral Victor. Lund, 1972; *Kaarsted T.* Storbritannien og Danmark, 1914—1920. Odense, 1975; *Schuberth I.* Schweden und das Deutsche Reich im Ersten Weltkrieg. Bonn, 1981; *Åselius G.* The «Russian Menace» to Sweden. Stockholm, 1994; *Salmon P.* Scandinavia and the Great Powers, 1890—1940. London; Cambridge, 1997; *Gatrell P.* Russia's First World War. A Social and Economic History. Harlow, 2005; и др.

- ⁴ *Rothstein R.* Alliances and Small Powers. New York, 1968; *Sverker A.* Sweden's policy of Neutrality. Stockholm, 1987; и др.
- ⁵ *Холодковский В.М.*: 1) Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М., 1967; 2) Финляндия и Советская Россия, 1918—1920. М., 1975; *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере, 1918—1920. М., 1993; Интервенция на Северо-Западе России, 1917—1920 гг. СПб., 1995; *Новикова И.Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. [СПб.], 2002; *Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х.* Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск, 2005; *Rhodes B.D.* The Anglo-American Winter War with Russia, 1918—1919: A Diplomatic and Military Tragicomedy. New York, 1988; *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918. Wien; München; Oldenbourg, 1966; *Vahtola J.* Saksan idänpolitiikan tavoitteet ja Suomen asema kesällä 1918. Oulu, 1989; *Arimo R.* Saksalaisten sotilaallinen toiminta Suomessa 1918. Rovaniemi, 1991; и др.
- ⁶ *Бьёркегрэн Х.* Скандинавский транзит: российские революционеры в Скандинавии, 1906—1917. [М.], 2007; *Kan A.* Hemmabolsjevikerna. Den svenska socialdemokratins, ryska bolsjevikers och men-sjevikers under världskriget och revolutionsåren, 1914—1920. Stockholm, 2005.
- ⁷ *Консетт М.* Триумф невооруженных сил (1914—1918 гг.). М.; Л., 1941; *Каверин И.Н.* За кулисами английской блокады. М., 1955. С. 52; *Новикова И.Н.* «Между молотом и наковальной»: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006. С. 146—152; *Vincent C.P.* Op. cit.; и др.
- ⁸ *Гросс О.* Война на море 1914—1918 гг. М., 1926. Т. 1: Военные действия в Северном море от возникновения войны до начала сентября 1914 г.; *Гибсон Р., Прендергаст М.* Германская подводная война 1914—1918 гг. М., 1935; *Шаццлло В.К.* «Чудо-оружие» в борьбе за моря в годы Первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998; и др.
- ⁹ *Riste O.* Op. cit. P. 57—58; *Riste U.* Указ. соч. С. 123—124.
- ¹⁰ *Кудрина Ю.В., Рогинский В.В.* История Дании. XX век. М., 1998. С. 35.
- ¹¹ *Новикова И.Н.* «Между молотом и наковальной». С. 62.
- ¹² *Riste U.* Указ. соч. С. 119—122.
- ¹³ *Кудрина Ю.В., Рогинский В.В.* Указ. соч. С. 36—37.
- ¹⁴ *Новикова И.Н.* «Между молотом и наковальной». С. 75—76; *Riste U.* Указ. соч. С. 124.
- ¹⁵ *Новикова И.Н.* «Между молотом и наковальной». С. 173, 175.
- ¹⁶ *Кудрина Ю.В., Рогинский В.В.* Указ. соч. С. 39—40.
- ¹⁷ *Новикова И.Н.* «Между молотом и наковальной». С. 83—145, 387—389.
- ¹⁸ *Кудрина Ю.В., Рогинский В.В.* Указ. соч. С. 39—40.
- ¹⁹ *Столяренко М.А.* Англо-русские соглашения о северных портах России в годы первой мировой войны // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. 1961. № 8. С. 48—49.
- ²⁰ *Riste U.* Указ. соч. С. 131—136.
- ²¹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 470. Д. 49. Л. 171; *Riste U.* Указ. соч. С. 138—140.
- ²² *Strakhovskiy L.* The Franco-British Plot to Dismember Russia // Current History. 1931 March. Vol. 33. P. 841; *Волков Ф.Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 28—29.
- ²³ *Ротштейн Э.* Когда Англия вторглась в Советскую Россию... М., 1982. С. 87.
- ²⁴ *Гинденбург П.* Воспоминания Гинденбурга. Пг., 1922. С. 67.
- ²⁵ *Новикова И.Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе. С. 228; *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. СПб., 2005. С. 160.
- ²⁶ *Рупасов А.И.* Гражданская война на Северо-Западе и позиция Финляндии: современная финская историография // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII—XX вв. в зарубежной историографии. СПб., 1994. С. 121; *Новикова И.Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе. С. 240—242, 262—264.
- ²⁷ *Riste U.* Указ. соч. С. 144—145.
- ²⁸ *Голдин В.И.* Революционный хаос в России и Норвегия // Страх и ожидания: Россия и Норвегия в XX веке. Архангельск, 1997. С. 34—37; *Фагертун Ф.* «Красная опасность» для Норвегии // Там же. С. 52—61.

Г.М. Садовая (Самара)*

Россия и Германия в Первой мировой войне: точка зрения В. Ратенау

Известный в Европе в начале XX в. предприниматель, автор многих оригинальных идей, книг и начинаний, германский государственный деятель и дипломат Вальтер Ратенау, незаурядный и нетипичный представитель монополистической финансовой и промышленной буржуазии Германии, сыграл значительную роль в становлении советско-германских отношений.

Советские и российские историки, изучавшие внешнюю политику СССР, уделяли внимание роли Ратенау в советско-германских отношениях 1920-х годов и в подписании Рапалльского договора, но его деятельность в годы Первой мировой войны не освещалась, подчас замалчивалась или даже искажалась. Во многом это связано с тем, что и сама тема Первой мировой войны выделилась в самостоятельный предмет исследований относительно недавно. Как справедливо отмечал самарский историк Б.Д. Козенко, «отечественная историография Первой мировой войны развивалась... в свете созревания и победы Октябрьской революции»¹.

И только в начале 2000-х годов появились статьи Б.И. Грекова, который пришел к выводу, что политическое мышление Ратенау было в равной степени направлено на Запад и на Восток, и Россия занимала в нем такое же место, как Франция, Англия и даже США. «Западничество» Ратенау следует понимать не в географическом смысле, а скорее в смысле его приверженности либеральным ценностям².

В странах Запада давно признан неоспоримый талант Ратенау как организатора военного хозяйства Германии в годы Великой войны, его вклад в послевоенное восстановление Европы и решение репарационной проблемы. Он сделал весьма обоснованные и оправдавшиеся прогнозы развития европейского общества и международных отношений в XX в. Его идеи экономической интеграции Европы лежат в основе Общего рынка, созданного в 50-е годы XX в.³

В ФРГ скрупулезно исследуются все сферы деятельности Ратенау и высказываются при этом противоположные точки зрения. Одни считают его достижения, как технико-индустриального новатора и финансового организатора, незначительными, поскольку на практике он не стал системообразующим предпринимателем и никогда не чувствовал себя полностью принадлежащим к сфере индустрии, а был скорее остро рефлексирующим наблюдателем и аналитиком общественных, научных и культурных тенденций своего времени⁴. Другие, как, например, биограф Ратенау Г. Кесслер, историки Г. Хеккер, В. Кранц, М. Сабров, П. Берглар и др., считают его не только талантливым организатором и выдающимся предпринимателем, но и создателем собственной экономической философии, без которой Германская империя не смогла бы вести войну. Ядром его концепции была идея подчинения частных интересов государственному контролю⁵.

* Садовая Галина Михайловна — кандидат исторических наук, Самарский государственный университет.

Среди немецких историков нет единства в оценке деятельности и взглядов Ратенау в годы Первой мировой войны. Например, Ф. Фишер ставит его в один ряд с такими государственными деятелями, как О. Бисмарк, Б. Бюлов, Т. Бетман-Гольвег, характеризуя при этом как открытого аннексиониста⁶. Другие, напротив, утверждают, что в научных трудах и в практической деятельности Ратенау присутствовал значительный заряд критического отношения к вильгельмовской политике, и прежде всего — к имперским амбициям Германии, и преувеличенно подчеркивают его пацифизм⁷. Х. Бетхер причисляет Ратенау к «немногим людям вильгельмовской эры, которые понимали, что большая политика может вестись не только с помощью золота и военщины»⁸. Ратенау не смог сделать политическую карьеру до войны именно потому, что выступал против принципов аннексионистской политики Вильгельма II, считает немецкий историк Е. Шулин, издатель трудов Ратенау⁹. Биограф Ратенау Э. Федерн-Кольхаас подчеркивала, что «Ратенау был противником войны, предостерегал против нее, но он знал свой долг и выполнял его, отдавая все свои силы...»¹⁰.

Особое внимание к личности Ратенау и его воззрениям обусловлено тем, что в годы войны он проявил себя как позитивно-конструктивный мыслитель и предприниматель, сразу понявший, что начавшаяся война есть тысячелетняя революция, которая изменит не только экономический и политический, но и духовный облик Европы и мира. Противоречивость его натуры как финансиста, промышленника и мыслителя отразилась на всей его деятельности во время войны и на создании концепции «Срединной Европы».

В исторической литературе германские проекты «Срединной Европы», возникшие в XIX в. и реализовывавшиеся в годы Первой мировой войны, практически всегда оценивались исключительно негативно, поскольку исследователи уделяли наибольшее внимание созданию и реализации проектов, предложенных Пангерманским союзом. В основе концепции пангерманистов лежала мысль об объединении всей Европы путем войны вокруг одного ядра — Германии и поглощенной ею Австро-Венгрии. Это объединение предполагалось направить против Англии и славянских стран, главным образом — России. «Срединная Европа» при этом трактовалась как путь к «Великой Германии». Идеи пангерманистов нашли отражение в школьных учебниках, стали частью ментальности немцев.

В годы войны появилась концепция Срединной Европы Ф. Наумана, основанная на идее культурного превосходства Германии и «онемечивания» Европы, обеспеченного германским экономическим и военным могуществом¹¹. Фактически, это была та же, но хорошо завуалированная идея пангерманистов. Как писал немецкий историк Т. Хойс, за рассуждениями Наумана о Срединной Европе стояла замаскированная аннексия и двойная игра¹².

Концепция Срединной Европы Ратенау противостояла этим идеям. На первый план Ратенау выдвигал необходимость экономического сотрудничества и даже партнерства народов Европы. Под «Срединной Европой» он понимал не просто механическое объединение ряда государств, т.е. их прямую аннексию, но прежде всего их экономическое сотрудничество с целью облегчить поиски рынков сбыта для германской промышленности. Позднее речь могла пойти об экономической интеграции развитых капиталистических государств.

Важно, что и свое отношение к России Ратенау формулировал, исходя из собственной концепции «Срединной Европы». Это вызывало противодействие, с одной стороны, военных и политического руководства (Бетман-Гольвега), с другой — видных предпринимателей, например представителей тяжелой промышленности, а

также их сторонников, в частности А. Баллина. Неприятие позиции Ратенау в отношении России было связано, на наш взгляд, и с тем, что он, как и другие предприниматели, работал на войну и соответственно получал прибыли. Однако в своих трудах он всегда проповедовал необходимость отказа от всякой аннексии и призывал к сотрудничеству народов Европы и Америки.

На примере позиции Ратенау можно убедиться в том, что далеко не все промышленники Германии были заинтересованы в возникновении войны, которая самым серьезным образом подорвала их позиции из-за трудностей поставок сырья, сокращения оборотных средств, ограничений в области модернизации производства и т.д. Промышленники (даже Крупп, несказанно обогатившийся) требовали от военного руководства и правительства скорейшего завершения войны. Тем более это касалось Ратенау, принадлежавшего к представителям экспортирующих отраслей промышленности, которые с начала войны выступали против широкой и грубой аннексии как на Западе, так и на Востоке.

Отношение Ратенау к России было не просто противоречивым, но и осложненным тем обстоятельством, что он считал эту страну не европейской, а азиатской. Это означало, по его мнению, что Россия, как и балканские страны, не способна к организации государства и экономики¹³.

Еще перед войной Ратенау, «гроссмейстер капитализма», по выражению немецкого историка П. фон Штрاندмана, входил в число самых влиятельных предпринимателей Германии, среди которых были также А. Крупп, А. Баллин, А. Сименс, Г. Стиннес, А. Тиссен и др. Германская электротехническая индустрия до войны производила 41% продукции всего мирового экспорта и использовала все новейшие достижения науки и техники. Ратенау имел обширные и тесные связи не только с германскими и зарубежными предпринимателями и банкирами, но сознательно внедрялся в ближайшее окружение императора (администрацию двора Гогенцоллернов), в прусскую и имперскую руководящую элиту. Он неоднократно встречался с императором Вильгельмом II, состоял в близких отношениях с канцлером Т. фон Бетман-Гольвегом.

П. фон Штрандман намекает на то обстоятельство, что Ратенау превратился во влиятельного и могущественного предпринимателя не только благодаря собственным талантам и интеллекту, а преимущественно из-за расположения императора, благодаря его авторитету и влиянию не только в Германии, но и в Австро-Венгрии. Так, в 1903 г. при содействии кайзера произошло слияние отделений двух немецких электротехнических компаний — АЭГ (Э. Ратенау) и Сименса. Возникла новая организация — компания беспроводного телеграфа, система «Телефункен». Компании концерна Сименса оказались «не в фаворе»¹⁴, что означало возможность большего влияния АЭГ на международные связи¹⁵. В марте и в начале июля 1914 г. АЭГ получила самые большие заказы от русского флота, как выяснил К. Шольцель¹⁶ на основании архивов фирмы АЭГ во Франкфурте-на-Майне и воспоминаний компаньона Ратенау — Ф. Дейча. За Ратенау шли промышленники экспортирующих отраслей индустрии (строительной, электротехнической, химической) и связанные с ними банки, которые смотрели на военные цели Германии иначе, нежели промышленники так называемых старых отраслей: тяжелого машиностроения и добывающей промышленности.

В 1914 г. в разгар июльского кризиса Ратенау, обсуждая с отцом, Эмилем Ратенау, сложившееся международное положение, высказал мнение, что ни Англия, ни Франция, ни Германия не хотят войны. Он справедливо считал, что Россия для Сер-

бии также является «недостаточным» партнером при возможном военном конфликте, подчеркивая, что «конечно, положение России очень затруднительно, поскольку она может сохранить свои позиции на Балканах только выступая защитницей всех славянских интересов и ставя вопрос о преимуществе господства христиан на Востоке (в отличие от мусульманской Турции). Без сомнения, Россия в первый раз стояла перед вопросом — действительно ли она может выполнить свои обязанности в очевидном экстремальном случае». Вероятно, полагал Ратенау, в России имеется большая партия, которая чувствует себя обязанной вести войну и приведет в движение все рычаги, чтобы ее развязать. В то же время в России происходят рабочие волнения, страна только недавно начала производить и накапливать свои самые современные вооружения и, видимо, не готова к немедленной войне. «Я склонен думать, что дело не дойдет до объявления войны Австро-Венгрии и что вопрос из острой фазы скорее всего перейдет в хроническую»¹⁷.

С другой стороны, Ратенау не считал нужным готовиться к войне из-за противоречий России и Австро-Венгрии по поводу Сербии. Уже перед войной русский рынок давал большие обороты для электроконцерну АЭГ. Отца и сына Ратенау больше заботил вопрос, как возможная война повлияет на эффективность средств, вложенных в Россию, и возможность выполнения предварительных договоров о вооружениях с Россией. По данным на 1913 г., германский ввоз из Англии, Франции, Италии и России составлял 3201,8 млн. марок (29,7%), а из Австро-Венгрии, Болгарии и Турции — 910 млн. марок (8,5% всего ввоза). Точно так же германский вывоз в Австро-Венгрию, Болгарию, Турцию равнялся 1232,9 млн. марок (12,2%), а в Англию, Францию, Италию, Россию — 3501,5 млн. марок (34,7%)¹⁸. То есть «центр тяжести» германской торговли приходился как раз на страны, с которыми Германия в итоге стала воевать. Отсюда ясна постановка вопроса для Ратенау: убить двух зайцев — получить и «Срединную Европу», и в то же время не лишиться богатейших рынков Англии, Франции, Италии и России.

31 июля 1914 г. Ратенау пытался вмешаться в конфликт с Россией, опубликовав «Слово о положении», в котором настаивал на том, что необходимо понять и учесть панславистские притязания России и ее фактическое влияние на Балканах. Сербия считает ее великой славянской державой, и Россия потеряет этот статус, если откажет в защите Сербии. Правительство Германии и народ должны понять, что «война в такой ситуации становится неизбежной». Германия не должна вслепую опускаться до эскалации австро-русского конфликта из-за Сербии¹⁹. В этом контексте вполне можно согласиться с выводом Грекова, что Ратенау не рассматривал «Россию в качестве существенной дестабилизирующей силы в международных отношениях накануне войны и не видел в России антагонистического противника Германии»²⁰.

К войне Ратенау отнесся как к «великому событию новой эпохи», с одной стороны, страстно желая победы Германии и работая на победу, а с другой — оставаясь в душе противником войны. Он мучился этим противоречием, изливался в дневниках и письмах своим друзьям по поводу необходимости активного участия в войне²¹. В конце войны в обращении к немецкой молодежи он писал: «Пацифистом в обычном смысле я не был, потому что не считаю возможным истребить любое зло в мире без остатка. Я считаю войну большим злом, однако не самым большим, что еще может произойти в следующее столетие между народами»²².

Тогда Ратенау был убежден в том, что «Германия через войну все потеряла и через войну все выиграла, война для нее не занятие, а судьба»²³. Уже в первые дни Великой войны он сделал два важных шага: «разработал проект таможенного союза для

Германии, Австро-Венгрии, Бельгии и Франции и в военное министерство представил мысли об организации (централизации) сырья»²⁴. Идеи Ратенау реализовались в создании Военно-сырьевого отдела (Rohstoff-Abteilung) при военном министерстве Пруссии в августе 1914 г. Отдел осуществлял свою деятельность на основе «Закона о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству» от 4 августа 1914 г. По этому закону государственные органы получали право контроля над сырьем и топливом, его использованием для военных нужд, над распределением и выполнением правительственных военных заказов. В тот же день рейхстаг принял «Закон об усилении роли бундесрата в экономических мероприятиях», согласно которому бундесрат уполномочивался предписывать во время войны те меры, какие окажутся необходимыми для устранения экономических неполадок²⁵. Английская газета «Таймс» в октябре 1915 г. назвала учреждение Военно-сырьевого отдела «одной из самых великих идей современности» и выразила опасение, что после войны даже блокированная Германия может занять позицию экономической сверхдержавы²⁶.

В отличие от пангерманцев, которые хотели аннексировать Курляндию, Лифляндию, Польшу и Украину у России, что и было их целью войны на Востоке, Ратенау руководствовался другой программой действий. Еще до войны он неоднократно высказывался в своих книгах, статьях и беседах с императором Вильгельмом II и рейхсканцлером Бетман-Гольвегом, что «военный бог наших дней означает экономическую власть»²⁷. А после удачных военных действий германской армии в Польше, после самого большого наступления на Востоке в 1915 г., его экономический гений удостоился особых похвал. «Если о Фалькенгейне, Гинденбурге и Макензене думают как о великих немецких солдатах, то мы должны отдать должное немецкому предпринимателю доктору Вальтеру Ратенау». Для Антанты Ратенау значил не меньше, чем Гинденбург, Людендорф и Бетман-Гольвег. В немецкой литературе существует точка зрения, что Ленин, живший в Швейцарии и изучавший труды Ратенау, фактически перенес «систему Ратенау» — «военный капитализм» на растущую систему «военного социализма» в России²⁸.

Ратенау возглавлял отдел до марта 1915 г., когда вынужден был покинуть пост из-за травли конкурентов и смерти отца, после которой стал президентом АЭГ. Германские историки единодушны: именно Ратенау стал ключевой фигурой в организации военной экономики²⁹, которая позволила Германии сражаться в течение четырех с лишним лет практически против всего мира, имея слабых в экономическом и военном отношении союзников.

Ратенау понимал, что начавшаяся война нанесет огромный вред экономике Германии, ориентированной в основном на экспорт, ввиду блокады со стороны Великобритании. Поэтому с самого начала военных действий он старался готовить почву для возобновления будущих экономических, финансовых, торговых связей с нынешними противниками. Еще в августе 1914 г. (подчеркнем — до Марны!) Ратенау послал письмо Бетман-Гольвегу, в котором очертил три проблемы будущего послевоенного мира: «Срединная Европа», заключение мира с Францией и новая организация мирового финансового хозяйства. Он писал: «Я считаю не дерзким, а правильным уже сейчас продумать будущий мир с Францией, даже если это может быть решено только после трудной работы с Англией. Я осмелюсь думать, что имеется путь для того, чтобы перечеркнуть далеко идущую конечную игру англичан без угрозы для нашего флота ... Не боясь показаться нескромным, я прошу Ваше превосходительство еще раз обратить внимание на срединно-европейский таможенный союз как на самое большое цивилизованное достижение, которое может подарить нашей истории Война».

Другим элементом укрепления положения Германии, согласно Ратенау, является порядок устройства мирового финансового хозяйства: 1) Франция и Бельгия должны *де-юре* открыть свои рынки, которые прежде были закрыты, всем будущим немецким займам, не облагаемым налогом; 2) новые русские ценные бумаги должны котироваться в обеих странах только путем совместного соглашения Германии и Франции; 3) до окончания войны с Японией ни одна держава, которая с Берлином связана, не должна заключать мир, принимать японские ценные бумаги. Так как Америка долгое время не имела статуса международного кредитора, то Англия должна своими средствами распорядиться так, чтобы самой вести финансовый контроль за вооружением³⁰.

На протяжении войны Ратенау не раз менял позицию в отношении России. До Марны (когда неясен был исход военной операции по захвату столицы Франции) он, как и пангерманисты, вполне принимал вариант широкой оккупации России, включая Москву. После битвы на Марне Ратенау направил письма Бетман-Гольвегу и Людендорфу с предложением создания таможенного союза как главной цели войны, но этот план был отвергнут. Концепция «Срединной Европы» Ратенау выглядела для немецких политиков и предпринимателей странно, поскольку он ратовал за союз с воюющим противником — Францией. В письме к поверенному рейхсканцлера фон Мутиусу он писал 10 октября 1914 г.: «Цель победы на Западе заключается в том, чтобы создать такой мир с Францией, при котором она из врага превратилась бы в союзника»³¹. Исходя из всего этого, Ратенау предлагал принудить Францию к «добровольному миру», который коренным образом изменил бы положение главного врага — Англии. Тогда был бы открыт путь к политическому и экономическому объединению европейских стран под флагом «Срединной Европы» и под германским руководством. Это объединение было бы направлено против Америки и Англии, с одной стороны, и против России — с другой³². Ратенау в своих письмах Бетман-Гольвегу и генералу Людендорфу (30 августа 1915 г.) призывал ускорить создание таможенного союза с Австро-Венгрией ввиду неопределенного и затяжного характера войны, отвергая достижение сепаратного мира с Россией³³.

Ратенау рассудил, что гораздо разумнее заключить с Францией мир не на традиционных условиях прошлого (контрибуция, экспроприация колоний и т.д.), а на основе лишь признания экономического превосходства Германии в таможенном союзе. Такая политика была бы не проявлением слабости, а актом «импозантной дальновидности»³⁴. В случае успеха такого предложения Россия потеряла бы союзника и кредитора в лице Франции. Англия же ввиду противоречий с Россией в Азии не могла бы рассчитывать на нее как на верного союзника. Ратенау кардинально расходился в этом вопросе с канцлером Бетман-Гольвегом. Последний считал Россию главным врагом и хотел скорее разбить Францию, чтобы организовать мощную кампанию на Востоке, надеясь на молниеносную войну³⁵. Ратенау в письме к Людендорфу 6 ноября 1915 г. отвергал заключение сепаратного мира с Россией как военную цель: пока царь у власти — сепаратный мир невозможен. Кроме того, русский народ находится на пике ненависти к Германии. И если придется оккупировать обширные территории России, возникнут большие осложнения. Ратенау не верил в сепаратный мир с Россией: «даже если Вы принудите к этому Петербург... Мир с Францией — самый ощутимый и приведет к миру с Россией».

Сторонники пангерманского варианта военных целей считали: «Бельгия должна включиться в Германию в той же форме, как английские колонии связаны с метрополией. От России мы ожидаем уступки Польши, Курляндии, Эстляндии. Потом мы желаем установления близких экономических отношений между Германией, Фран-

цией, Швейцарией, Австрией, Бельгией и скандинавскими странами. Мы исходим из предпосылки, что Россию и Францию победим, а война с Англией остается нерешенной»³⁶.

Ратенау считал, что после победы над Францией у Германии останется два врага: Англия и Россия. В письме к Людендорфу 30 августа 1915 он поставил два вопроса: 1) как можно расколоть Антанту; 2) с кем должны идти немцы — с Англией или с Россией. Ответ Ратенау выглядел и спекулятивным, и двусмысленным. По его мнению, Англия довольна ролью России в войне и стремится любой ценой ее выиграть, даже при условии прорыва немцев во Францию. Этой попытке Англии, как *неконтинентальной* державы, необходимо противостоять, поскольку ее интересы остаются прямо противоположными интересам Германии. Иначе Ратенау рассуждал об отношении к России: Россия нуждается в финансовой помощи, Франция не может ее больше оказывать, а Англия не может удовлетворить обе державы. Россия нуждается в защите от Англии. «Мы можем финансировать Россию... Россия наш будущий рынок сбыта... У нас нет антирусских интересов; защита нашего восточного фронта дает нам военное преимущество на континенте и независимость от Австрийской империи»³⁷.

В письме к рейхсканцлеру 30 августа 1915 г. Ратенау писал: «Пришло то время, когда необходимо не обсуждение отдельных условий мира, а нужна выработка принципиально новой направленности немецкой политики для решения проблем далекого будущего. Война только тогда имеет конечное решение, когда она изменит расстановку группировки европейских держав». Нельзя думать о сепаратном мире в первую очередь. Как можно подготовить будущие тесные отношения с Россией? Ратенау считал: дело облегчится обращением к расхожим клише антирусской пропаганды. «Россия имеет национальные страдания, но не национальное чувство достоинства. Россия любила всех своих завоевателей так же, как русские крестьяне требуют палки. Русский народ находится в высшей точке кипения ненависти к немцам, это можно преодолеть. Если мы пойдем на Петербург и по возможности на Москву и оккупируем большие территории собственно России, то дисциплина и воздержание немецких солдат, справедливость и неподкупность немецкого управления вскоре станут легендой: Россия будет подготовлена»³⁸. Ратенау откровенно писал: после успехов на Востоке следует обратить все силы для решающего прорыва на Западе. Здесь лежит ключ всей ситуации.

В этот период Российская империя в перспективе рисовалась для Ратенау как объект полуколониальных немецких притязаний. Следуя его логике, даже при занятии больших областей и столиц речь должна идти не о завоеваниях и аннексиях, а о том, чтобы гибко воздействовать на «матушку Россию». Необходимо сочетать «сильные удары (взбучки) с созданием мягкого и справедливого правительства, убежденного в военном и культурном превосходстве Германии. Германия должна наконец вынудить Россию к сепаратному миру и сыграть не только роль будущего финансиста, но и защитника России». В разговоре с генералами Людендорфом и Хофманом, происшедшем 22 ноября 1915 г. в ставке Верховного командования в Ковно, Ратенау настаивал, что военная цель — отрыв России от Антанты и ее связь с Германией, все остальное должно подчиниться этой задаче, включая захват Польши. Людендорф в это время отстаивал аннексию всей русской Польши и создание польского государства под немецким верховенством. Ратенау же видел наиболее благоприятное решение в том, чтобы царя оставить сувереном Польши при условии, что последняя получит собственную конституцию. Как результат, ответственность за нерешенные проблемы и неопределенность границ падет на Россию»³⁹.

После неудачных для Германии и Австро-Венгрии военных кампаний 1916 г. Ратенау приходит к выводу, что война работает против всех воюющих наций, и стал склоняться к мысли о заключении мира с континентальными державами. Большие надежды он возлагал на Людендорфа, который стал фактическим диктатором Германии, придя вместе с Гинденбургом к руководству Верховным военным командованием. В письме к Людендорфу от 31 августа 1916 г. Ратенау писал: «Необходимо политически закончить войну, потому что чисто военное решение исключено»⁴⁰.

После вступления в войну США (апрель 1917 г.) Ратенау утратил интерес к «Срединной Европе» и охладел к таможенному союзу с Австро-Венгрией. Он стал работать на заключение мира, понимая, что «Срединная Европа» привела бы к изоляции Центральных держав и была бы шагом назад. Требуется всемирная кооперация, без США ни вопросы экономики, ни вопросы международной политики решить нельзя⁴¹. Война привела Ратенау к убеждению, что начинается глобализация мира и отдельные группы государств должны войти в более крупные объединения. Все эти мысли содержатся в его работе «О проблемах будущего», опубликованной в 1917 г.: «Мир превращается в бессознательную принудительную ассоциацию, в сплошную общность производства и хозяйства, это ни хорошо, ни плохо, а необходимо... Человечество вырастает в почти совершенный организм с рассудком, нервами, кровью и т.д. От организации к расчлененности нет пути»⁴².

В 1917 г. (во время поисков сепаратного мира с Россией) Ратенау задумывался над тем, чтобы к альянсу Германии и Австро-Венгрии присоединить еще и Россию, дабы обеспечить контроль над Балканами, а Константинополь отдать России как плату за выход из Антанты⁴³. 4 декабря 1916 г. он советовал начальнику штаба армии генералу Г. фон Секту добиться политического и экономического господства на Балканах, учитывая «немецко-австро-венгерско-русское» совпадение интересов в этом регионе. В письме Людендорфу от 19 марта 1917 г. Ратенау выразил мнение, что война с Россией не обнаруживает достаточного полезного эффекта. После подписания мира Россия может попасть в еще большую зависимость от Англии, если последняя будет признана учредителем нового порядка. В другом письме генералу фон Секту Ратенау констатировал согласие с ним в том, что «наша позиция в большей мере зависит от русского развития. Мы должны надеяться, что “катящаяся лавина” — русской революции принесет сюрприз то ли с социалистической, то ли с реакционной стороны, но в любом случае ослабление России доведет ее до развала»⁴⁴.

8 мая 1917 г. Ратенау в письме к Бетман-Гольвегу поднял вопрос о том, что пришло время «схватить быка за рога» и извлечь максимальную пользу из редкой ситуации на Востоке. Австро-Венгрия и Турция будут побуждать Россию к миру. Ввиду внутренней динамики процесса развала России можно допустить, что она отныне открыта для австро-венгерского проникновения⁴⁵. Ратенау пишет: наши агенты и наши средства убеждения должны найти путь к правительству и народному представительству (Советам) России, чтобы парализовать военные амбиции России и окончательно исключить ее из ряда врагов. Подписание сепаратного мира между Австрией и Россией, а затем, возможно, с Турцией и Болгарией означало бы взрыв Антанты. Для Франции предательство России открыло бы возможность выхода из войны. Америка могла бы занять более примирительную позицию, и Англия потеряла бы интерес к ведению войны. Для всего мира война перешла бы в стадию ликвидации. Сам Ратенау считал свои мысли, мягко говоря, «смелыми», но реальными в свете событий того времени (май 1917 г.).

Адмирал Х. фон Хольцендорф (начальник адмирал-штаба в 1915—1918 гг.), не называя имени Ратенау, 9 мая 1917 г. представил идею сепаратного мира статс-

секретарю иностранных дел Циммерману, но она не получила поддержки. Против сепаратного мира выступал влиятельный предприниматель Баллин, который считал, что Россия после австро-германского мира нападет на Германию с еще большей силой. Во время «наступления Керенского» Ратенау поставил в письме к генералу Секту задачу победы над Россией в центр всех военных целей и будущих мирных предложений. В случае решающего военно-политического удара задача немецкого проникновения и усмирения России стала бы достижимой. Как известно, этого не произошло. В письме к профессору Г. Шмоллеру от 12 мая 1917 г. Ратенау писал: «Народ поплатится за своих руководителей, и в этом, я думаю, есть смысл войны. Эта расплата справедлива, так как он (народ) терпит то руководство, которое сам привел к власти»⁴⁶.

Октябрьская революция большевиков, мирный договор в Брест-Литовске, начинающаяся гражданская война в России и предчувствие такой же войны в Германии, затянувшаяся все более бессмысленная и кровавая мировая война повлияли на ревизию взглядов Ратенау. В феврале 1918 г. видные деятели Ф. Науман, Э. Якха и Р. Бош написали заявление генералу Людендорфу с призывом закончить войну ввиду страшной усталости тыла и разочарованности масс в наступательной тактике и подводной войне. Если ослабнет Германия, то после войны и Болгария, и Турция, и даже Австро-Венгрия станут экономическими трофеями Америки. США будут их финансировать и установят политический контроль. «Весь наш политический доход от войны будет разрушен. Австрия тоже хочет окончания войны, в то время как интересы военных партий требуют продолжения войны»⁴⁷. Даже если заключить мир с Россией, а потом победить на Западе, результат для Германии будет неутешительным. Современный ученый, создатель собственной концепции особого пути Германии Г.У. Веллер считает, что военные успехи на Востоке явились «Пирровой победой»⁴⁸.

Военные успехи Германии в России не принесли нужных результатов, поскольку положение тыла все более осложнялось. Поставки по Брестскому миру не выполнялись, на Украине развернулась партизанская война, а внутренние возможности Германии были невелики. Военное ведомство все больше подвергалось критике со стороны промышленников по поводу контроля над экономикой. Гора предписаний и запретов, а также разбухшая бюрократия сосуществовали с повышенными прибылями, спекуляцией и черным рынком. Деловые люди жаждали возвращения к старой свободе и восстановлению нормальных деловых отношений. «Хотя значительное большинство деловых людей, — констатирует Фелдман, — внешне было лояльно по отношению к существующей системе, всеобщая и широко распространенная потеря доверия к власти и системе коснулась и их». В центре дискуссии между правительством и промышленностью стоял вопрос, кто должен руководить демобилизацией и последующей перестройкой переходного хозяйства. Промышленники боялись дилетантов из бюрократии военного ведомства так же, как гражданских бюрократов из имперского хозяйственного ведомства. Особенно опасными считали труды Ратенау и Моллендорфа — самого влиятельного человека в структурах, отвечавших за экономическое планирование военного времени⁴⁹.

19 мая 1918 г. в «Новой свободной прессе» появилась статья под заголовком «Бойкот сырья Вильсоном против срединных держав». В ней излагались предложения крупных предпринимателей, в том числе Ратенау, по установлению государственного контроля распределения сырья между отдельными предприятиями. Промышленники открыто высказывались за прекращение военных действий, поскольку война мешала налаживанию торговых и хозяйственных связей между государствами:

«Перевозить, распределять и оплачивать сырье нельзя с оружием в руках и средствами войны»⁵⁰.

К мысли о необходимости завершения войны приходили и государственные деятели Германии, но прежде они хотели получить максимальную добычу из России. Так, Министерству иностранных дел удалось убедить Верховное главнокомандование (*нем.* Oberste Heeresleitung, далее — ОХЛ) создать на Кавказе самостоятельное грузинское государство, потеснив Турцию. Это стало возможным благодаря тому, что МИД привело аргументы в пользу экономической важности Кавказа. Кроме того, было подчеркнуто, что Турция фактически борется против германского империализма и против продвижения «Срединной Европы» на Восток. Статс-секретарь иностранных дел Р. Кюльман сформулировал политику Германии как попытку пройти между «Сциллой разрыва с Россией и Харибдой разрыва с Турцией»⁵¹. Для этого Германия должна была получить согласие России на отделение Грузии.

16 мая 1918 г. представители немецкой тяжелой индустрии рекомендовали в качестве упреждающей контрмеры против англо-американской конкуренции два мероприятия: финансирование немецкого экспорта в Россию и большие кредиты (при содействии всех крупных банков империи) в самые важные транспортные предприятия на Востоке. Это означало установление немецкого контроля над российским железнодорожным транспортом и реками. Для достижения этой цели они считали достаточной сумму в 2 млрд. марок. Промышленники апеллировали к помощи государства. Оно должно было мобилизовать широкие слои населения для поддержки сбора необходимых средств в целях экономического включения восточных областей в орбиту Германии. Активное участие в разработке этих планов приняли В. Ратенау и его компаньон Ф. Дейч.

Промышленники настаивали на продолжительной военной оккупации Германией и ее союзниками подъездных путей в Европу на севере России, а именно: мурманского побережья, островов Рижского залива, Аландских островов и Финляндии. 1 июня 1918 г. немецкие промышленники через своего ходатая Бауэра потребовали основать при поддержке империи синдикат для экономического проникновения в Россию и Украину⁵². 4 июня 1918 г. состоялась конференция в министерстве экономики, на которой председательствовал Ф. фон Штейн. От крупных банков были представители «Дисконто-банка» и «Банковского дома Варбурга и К°»; от оружейной индустрии — представители фирмы Круппа, от металлургических заводов — группа «Феникс» и представители концерна Стиннеса. Конференция решила ускорить учреждение «синдиката» соответственно пожеланиям тяжелой индустрии. Основной капитал частного предпринимательства должен был формироваться следующим образом: по 50 млн. марок от промышленности и банков, итого 100 млн. марок, а еще 1900 млн. марок получить либо через общественные займы, либо обеспечить непосредственно имперскими средствами, причем от обсуждения финансовых вопросов рейхстаг надо было отстранить. Этот синдикат должен был основать два дочерних общества на Украине и в России. Его целью было контролировать украинские и российские пути сообщения, а также финансировать промышленность обоих государств и согласовывать потребность в сырье и реализации товаров в соответствии с немецкими проблемами. Чтобы создать максимально широкую базу синдикату, конференция выступила за привлечение других банков и предприятий. Военный министр Штейн советовал создать в Москве «Экономический штаб» при немецком представительстве⁵³.

4 июня состоялось расширенное заседание по обсуждению этих вопросов в Министерстве иностранных дел, на котором присутствовали представители ОХЛ,

Министерства хозяйства, Министерства иностранных дел, а также представители Грузии. Накануне между генералом Лоссовым и грузинским представителем А.И. Чхенкели была достигнута предварительная договоренность о Потти. Исходя из условий Брестского мира, Кюльман критиковал канцлера Гертинга за то, что Турция пыталась заключить сепаратный мир с возникшими на Кавказе независимыми государствами. Кюльман рекомендовал сдерживать отношения с Турцией «мягкой рукой» и одновременно действовать в направлении освобождения Грузии от России. Это был только первый шаг в направлении создания закавказского союзного государства⁵⁴. Людендорф согласился с политиками в этом вопросе.

6 июня 1918 г. Кюльман заявил: «Наступает такой момент, когда необходимо высказаться пророчески. Сегодня участвующие в борьбе нации должны общаться друг с другом, ибо это предварительное условие для того, чтобы в отношениях присутствовало в определенной мере доверие, обоюдное приличие и благородство. Пока же всякая попытка зондажа о мирных переговорах рассматривается как ловушка, как фальшивая нота, чтобы посеять раздор между союзниками. Всякое сближение для переговоров тотчас бурно критикуется противниками мира в различных странах... Чисто военными решениями безо всяких дипломатических переговоров мир вряд ли может быть достигнут»⁵⁵. В августе 1918 г. Кюльман, поборник политического выхода из войны, лишился своего поста.

Тем временем набирали силу антивоенные настроения среди рабочего класса. В Рурской области с июня по сентябрь 1918 г. прошли 70 стачек. В июле бастовали 35 тыс. рабочих машиностроительной фабрики Тиссена в Мюльгейме за сокращение рабочего времени до 53 часов в неделю. В конце июля и начале августа забастовали 20 тыс. рабочих военной промышленности в области Ремшейда и Вуппертала. Прошли забастовки на предприятиях военной промышленности в Берлине, Гёрлице, Гамбурге, Магдебурге, Мангейме, Саарбрюкене, Торгау и других местах⁵⁶.

Предприниматели разочаровались в ОХЛ. Военное ведомство рассылало распоряжения о необходимости проведения агитационной работы на военных предприятиях по повышению патриотических настроений. С этой целью рекомендовалось на частных военных предприятиях в массовом порядке распространять газеты всех партий. Военное ведомство организовало проверку своих распоряжений и пришло к выводу, что работодатели сопротивляются агитационной работе, не выделяют помещений для чтения газет. В разъяснительных агитационных материалах подчеркивалось, что мир с Россией, Украиной и Румынией настал благодаря энергичному вмешательству Верховного командования, а МИД оказался бездеятельным, правительство обнаруживает жалкую слабость⁵⁷.

Многих предпринимателей постигло полное разочарование политическим режимом. Росли самоуверенность и сознание собственного достоинства у предпринимателей и инженеров, которые чувствовали, что необходимы для решения жизненно важных задач. Они развивали инициативу в тайных советах и оказывали давление на своих людей в министерствах⁵⁸. Правительство теряло уважение предпринимателей и лишалось их поддержки.

Ратенау больше других верил в Генштаб, но и он разочаровался в военном гении Людендорфа⁵⁹. Гельферих (бывший директор Немецкого банка и Анатолийского железнодорожного общества, а в годы войны — статс-секретарь Министерства внутренних дел, заместитель канцлера) считал, что Людендорф не имел политического инстинкта, был «плебеем, человеком непомерного самолюбия, огромной силы воли и слепым сторонником принципа действия». Поэтому удивительно, что Ратенау так

долго находился с ним в контакте. Психологически для Ратенау поворотным пунктом войны стало позднее лето 1917 г., когда он по случаю своего пятидесятилетнего юбилея в кругу приглашенных 27 лиц из военного ведомства предсказал неудачный исход войны даже в том случае, если Германия победит на Востоке. Вступление США в войну исключает все шансы Германии на победу. Однако в официальном интервью газете «Берлинер Блатт» 6 октября 1917 г. он очень оптимистично оценивал положение империи⁶⁰.

Разногласия политического и военного руководства Германии касались не только вопросов окончания войны, но также методов ведения политики в России, в которой активизировались все оппозиционные большевикам группы, сотрудничавшие с Антантой. Германское руководство считало, что союзники по Антанте заинтересованы в политическом хаосе в России. Это подтверждала военная интервенция, прежде всего в Мурманске и Архангельске, позднее в Баку и Владивостоке (при поддержке американцев и японцев), а также финансовая поддержка всех антибольшевистских сил России и распространение агентурной деятельности (Локкарт, Садуть, Сиссон). В конце мая 1918 г. союзники настойчиво способствовали переходу чехословаков, прежних военнопленных, на антибольшевистские позиции. В это же время левые эсеры в России перешли к открытому террору и покушениям на активных большевиков, например Ленина, и на руководящих немецких представителей. В их намерения входило вызвать кризис в отношениях Германии и России, взорвать политические связи большевиков и немцев.

Самыми активными представителями антибольшевистского направления в Германии были Людендорф, связанные с ним промышленники, католический клир (в частности, кельнский епископ кардинал фон Гартман), Гельферих и, как ни странно, Ратенау⁶¹. Несмотря на разногласия в других вопросах с Людендорфом и Гельферихом, Ратенау занял активную позицию ярого врага большевистского режима.

Новый статс-секретарь иностранных дел П. фон Хинтце поддерживал большевистский режим убедительно и настойчиво: «Политика на сегодняшний день и на много лет вперед утилитарна. Что мы хотим иметь на Востоке? Военный паралич России. Об этом большевики заботятся лучше, чем любая другая партия, и мы должны пожертвовать людьми и деньгами, чтобы сохранить это. Мы не можем требовать, чтобы русские — те или другие — любили нас, когда мы их страну эксплуатируем и прессуем»⁶².

Несмотря на успехи на Востоке, наступил день, вошедший в историю мировой войны как самый черный день германской армии: 8 августа 1918 г. началось ее повсеместное отступление. В течение нескольких дней Германия потеряла все, что выиграла в марте 1918 г. Национальная катастрофа Германии — поражение в войне — явилась не только результатом военных и экономических просчетов диктатуры Гинденбурга — Людендорфа, но и неспособности правящей элиты прислушаться к голосу промышленников и оппозиции, в частности Ратенау. Г. Шмоллер (глава влиятельной школы политэкономии), анализируя поведение либералов, писал: «Ратенау — лучшее, что имеет Германия»⁶³. В последние годы войны власть не могла сплотить вокруг себя влиятельные силы предпринимателей, аграриев, поскольку сама раскололась. Кайзер после отставки Бетман-Гольвега в июле 1917 г. полностью пошел на поводу у Людендорфа⁶⁴. Последний потерял интуицию: вместо того чтобы решать проблемы на Западном фронте, он «увлекся» фронтом Восточным. Людендорф (при согласии Гинденбурга) определенно принимал решения, которые выходили за рамки его профессиональной, то есть военной, компетенции. Теперь, когда

стало ясно, что Германия имеет худшее соотношение людских, материальных и военных ресурсов по сравнению с Антантой, тем более после вступления в войну США, Ратенау развивал мысль о необходимости прекращения войны, «этой бесплодной, лишенной достоинства игры»⁶⁵. В этот период он много выступает, испеляя словом погибающую империю: «...Это антигерманское уродство пожрало само себя, но вместе с тем отдало владычество над миром англосаксам...»⁶⁶.

На всем протяжении войны Ратенау не нашел поддержки ни у военных, ни у канцлера в своем отношении к России. Его многогранная и чрезвычайно парадоксальная личность пугала в Германии очень многих — военную и политическую элиту, конкурентов из тяжелой промышленности. Он не примыкал ни к одному политическому лагерю. Быстро пережив «увлечение» Людендорфом и Гинденбургом, к концу 1917 г., после отставки близкого ему канцлера Бетман-Гольвега, Ратенау превратился в аутсайдера. Он первый (а может быть, и единственный) понял, что настоящая война есть война экономик. «Не армия — гарант силы государства, а экономическая сила... Народы — не добрые враги, а злые конкуренты»⁶⁷. Потому, создавая свою концепцию Срединной Европы, Ратенау исходил из экономических факторов, благоприятных для Германии не только в тот момент, но и в долгосрочной послевоенной перспективе. Исходя из этого, он выстраивал свою политику по отношению к Востоку, прежде всего к России, и к Западу — Франции, Англии и США.

Ратенау не считал Россию главным врагом ни до войны, ни во время войны, ни после, поскольку она не могла быть серьезным экономическим конкурентом Германии. Россию он рассматривал исключительно как сырьевой рынок и как рынок сбыта немецких товаров. Его проект Срединной Европы включал идею таможенного союза центральных государств и других развитых индустриально стран Запада, но при обязательном исключении Англии и России.

До войны и в течение первых двух-трех лет войны Ратенау считал, что Срединная Европа должна быть экономическим объединением, направленным против России. Однако в 1917—1918 гг. он изменил свою точку зрения. После колебаний и шараханий из стороны в сторону в вопросе оккупации России и превращения ее исключительно в зону рынка сбыта немецких товаров Ратенау предложил проект включения России в условный «Срединный Восток» (Балканы, Турция, Болгария). В этом случае у Германии открылось бы больше возможностей для экономического сотрудничества и реализации его концепции европейской интеграции. Принимая во внимание приоритет экономических факторов, Ратенау категорически отрицал территориальные захваты и прямую аннексию. Именно поэтому он не принял Брест-Литовский мир 1918 г., противоречащий его принципам интеграции Европы под эгидой Германии. В этом его поддерживал А. Баллин и фактически весь промышленный бомонд Германии. Промышленники поняли, что в экономическом хаосе они могут спастись, только уйдя от союза с юнкерами и авторитарным государством.

Кр. Шёльцель в биографии Ратенау подчеркивает, что его представления складывались из критического анализа политической и социальной «несвободы» «механизированной» кайзеровской империи, что он «увлекся возможностями интеллектуальной азартной игры, интеллектуального обмана, нравственной комедии»⁶⁸, потому и не смог убедить власть в своей правоте. Самым важным в отношении Ратенау к России является то, что во время войны он фактически разрушал немецкий «русский комплекс»⁶⁹, связанный представлениями об опасности России. Он вынашивал идею установления прочного мира, основанного на правовых, экономических, управленческих, религиозных, культурных принципах, отчетливо сознавая, что это задача далекого будущего.

- ¹ Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3.
- ² Греков Б.И.: 1) Германский политик и промышленник Вальтер Ратенау. Моделирование его представлений о России в 1900—1922 гг. / Ассоциация «История и компьютер». URL: Kleio.asu.Ru/aik/uvug/7/8.html; 2) Германский политик Вальтер Ратенау и его представления о России в 1914—1922 гг.: опыт моделирования // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 2000. № 26.
- ³ См.: Volkov S. Überlegungen zur Ermordung Rathenaus als symbolischer Akt // Ein Mann vieler Eigenschaften. Walther Rathenau und die Kultur der Moderne. Berlin, 1990. S. 99—105.
- ⁴ Hellige H.-D. Walther Rathenau: Ein Kritiker der Moderne als organisator des Kapitalismus // Ibid. S. 45.
- ⁵ Berglar P. Walther Rathenau, seine Zeit, sein Werk, seine Persönlichkeit. Bremen, 1970; Hecker G. Walther Rathenau und sein Verhältnis zu Militär und Krieg. Boppard am Rhein, 1983; Kessler H.G. Walther Rathenau. Sein Leben und sein Werk. Wiesbaden, 1976; Krantz H.W. Die Sozial- und Gesellschaftspolitische Vorstellungen Walther Rathenaus: Inaugural-Dissertation. Zur Erlangung des Doktorgrades / Der Sozialwissenschaftlichen Abteilung der Ruhr-Universität. Bochum, 1975; Sabrow M. Der Rathenau-mord. Rekonstruktion einer Verschwörung gegen die Republik von Weimar. München, 1994; и др.
- ⁶ Rathenau W. Tagebuch, 1907—1922 / Hrsg. und kommentiert von H. Pogge-v. Strandmann. Düsseldorf, 1967. S. 6. Ф. Фишер в сопроводительном слове к «Дневникам Ратенау» писал: «Несмотря на большие заслуги Ратенау как министра Веймарской республики, он был в первую очередь представителем Вильгельмовской Германии...»
- ⁷ Deutschland in Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts. Düsseldorf, 1967. S. 285.
- ⁸ Böttcher H. Walther Rathenau. Persönlichkeit und Werk. Bonn, [1958]. S. 17.
- ⁹ Schulin E. Walther Rathenau. Repräsentant, Kritiker und Opfer seiner Zeit. Göttingen; Zürich; Frankfurt a. M., 1979. S. 58.
- ¹⁰ Federn-Kohlhaas E. Walther Rathenau. Sein Leben und Wirken. Dresden, 1927. S. 181.
- ¹¹ Садовая Г.М. Германия: от кайзеровской империи к демократической республике (1914—1922 гг.). Самара, 2008. С. 64—67.
- ¹² Heuss Th. Friedrich Naumann. Der Mann, das Werk, die Zeit. Stuttgart; Berlin, 1937. S. 535.
- ¹³ Schölzel Ch. Anmerkungen zum Balkanbild Walther Rathenau // Годишњак за друштвену историју. Beograd. 1995. II, 2. S. 151.
- ¹⁴ Pogge von Strandmann Hartmut. Rathenau, Wilhelm II, and the perception of Wilhelminismus // The Kaiser. New Research on Wilhelm II's role in Imperial Germany. Cambridge. 2004. P. 260—264, 267.
- ¹⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 643-К. Оп. 1. Д. 188.
- ¹⁶ Schölzel Ch. Walter Rathenau. Eine Biographie. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2006. S. 206.
- ¹⁷ Idem. Anmerkungen zum Balkanbild Walther Rathenau ... S. 152.
- ¹⁸ Майский В. «Средняя Европа» // Русские записки. 1916. № 5. С. 210.
- ¹⁹ Koenen G. Die «Völkerwanderung von unten» // Der Erste Weltkrieg und die europäische Nachkriegsordnung. Sozialer Wandel und Formveränderung der Politik. Köln; Weimar; Wien, 2000. S. 259.
- ²⁰ Греков Б.И. Германский политик и промышленник Вальтер Ратенау. Моделирование его представлений о России в 1900—1922 гг. ...
- ²¹ Rathenau W. Politische Briefe. Dresden, 1929. S. 67, 263, 296—297.
- ²² Idem. An Deutschlands Jugend // Gesammelte Schriften. Berlin, 1929. Bd. 6: Schriften aus Kriegs- und Nachkriegszeit. S. 176.
- ²³ Federn-Kohlhaas E. Op. cit. S. 237.
- ²⁴ РГВА. Ф. 634-К. Оп. 1. Д. 180. Л. 4.
- ²⁵ Deutschland im Ersten Weltkrieg. 3 Bd. Berlin, 1968. Bd. 1. S. 395.
- ²⁶ Rathenau W. Hauptwerke und Gespräche. München, 1977. S. 561.
- ²⁷ Kessler H.G. Op. cit. S. 135.
- ²⁸ Koenen G. Op. cit. S. 257, 259.
- ²⁹ Sabrow M. Op. cit. S. 71; Rathenau W. Hauptwerke und Gespräche. S. 861; Baudis D. Wirtschaft und Staat in Deutschland vom Ende des 19. Jahrhunderts bis 1918—19. Berlin, 1978. S. 337.
- ³⁰ Rathenau W. Tagebuch, 1907—1922. S. 185—186.
- ³¹ Rathenau W. Politische Briefe. S. 20.
- ³² Europastrategien des deutschen Kapitals, 1900—1945. Köln, 1977. S. 212.
- ³³ Weltherrschaft im Visier: Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis Mai 1945. Berlin, 1975. S. 127—128.
- ³⁴ Europastrategien des deutschen Kapitals ... S. 213.
- ³⁵ Rathenau W. Politische Briefe. S. 61, 67.
- ³⁶ Ibidem. S. 51.
- ³⁷ Ibidem. S. 45.
- ³⁸ Weltherrschaft in Visier. S. 127.

- ³⁹ *Rathenau W.* Tagebuch, 1907—1922. S. 197.
- ⁴⁰ *Idem.* Politische Briefe. S. 91.
- ⁴¹ *Schölzel Ch.* Walther Rathenau. S. 198.
- ⁴² *Rathenau W.* Von Kommenden Dingen. Berlin, 1918. S. 30—31.
- ⁴³ *Schölzel Ch.* Anmerkungen zum Balkanbild Walter Rathenau ... S. 153.
- ⁴⁴ *Rathenau W.* Politische Briefe. S. 84—85, 105, 107.
- ⁴⁵ *Ibidem.* S. 129.
- ⁴⁶ *Hecker G.* Op. cit. S. 378, 380.
- ⁴⁷ Europastrategien des deutschen Kapitals ... S. 415—416.
- ⁴⁸ *Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. München, 2003. Bd. 4. S. 148.
- ⁴⁹ *Feldmann G.D., Homburg H.* Industrie und Inflation. Studien und Dokumente zur Politik der deutschen Unternehmer, 1916—1923. Hamburg, 1977. S. 64, 65.
- ⁵⁰ *Schwarz R.* Rathenau, Goldscheid, Popper-Lynkeus und ihre Systeme zusammengefasst zu einem Wirtschaftsprogramm. Wien, 1919. S. 39—41.
- ⁵¹ *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht: Die Kriegszielpolitik der Kaiserlichen Deutschland, 1914—18. Düsseldorf, 2000. S. 492.
- ⁵² Militär und Innenpolitik im Weltkrieg, 1914—1918: Dokumente. Düsseldorf, 1970. Teil 2. S. 1220.
- ⁵³ *Schölzel Ch.* Walther Rathenau ... S. 231, 232.
- ⁵⁴ *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. S. 492.
- ⁵⁵ Der Interfraktionelle Ausschuss 1917/18. Düsseldorf, 1959. Bd. 1—2. S. 414.
- ⁵⁶ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1966. Bd. 3. S. 66—67; *Mommsen W.-J.* Die Urkatastrophe Deutschlands. Der erste Weltkrieg, 1914—1918. Stuttgart: Klett-Gotta, 2001. S. 112—113.
- ⁵⁷ Militär und Innenpolitik ... Teil 2. S. 951—953, 1211.
- ⁵⁸ *Feldman G.D.* Der deutsche Organisierte Kapitalismus, 1914—1923 // Organiesierter Kapitalismus. Voraussetzungen und Anfänge. Göttingen, 1974. S. 159.
- ⁵⁹ *Hecker G.* Op. cit. S. 273—276.
- ⁶⁰ *Müller Al.* Die Kriegsrohstoffbewirtschaftung 1914—1918 im Dienste des Deutschen Monopolkapitals. Berlin 1955. S. 16, 388.
- ⁶¹ *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. S. 501.
- ⁶² *Ibidem.* S. 504.
- ⁶³ *Schmoller G.* Walther Rathenau und Hugo Preuss: die Staatsmänner des neuen Deutschland. München; Leipzig, 1922. S. 17.
- ⁶⁴ Kaiser Wilhelm II. als Oberster Kriegsherr im Ersten Weltkrieg. Quellen aus der militärischen Umgebung des Kaisers 1914—1918. München, 2005.
- ⁶⁵ *Rathenau W.* Gesammelte Schriften. Berlin, 1929. Bd. 6: Schriften aus Kriegs- und Nachkriegszeit. S. 167.
- ⁶⁶ *Ратенау В.* Новое государство. М., 1922. С. 12—13.
- ⁶⁷ *Rathenau W.* Tagebuch, 1907—1922. S. 284.
- ⁶⁸ *Schölzel Ch.* Walther Rathenau ... S. 207.
- ⁶⁹ Немецкая сущность и русская душа: интервью франкфуртского историка Г. Кенена газете «Welt» 31.01/2006 . URL: / /www.inosmi.ru/world/20060131/225218.html

*В. Пискун** (Украина)

Институциональное становление дипломатии и внешнеполитические ориентации украинских правительств (1917—1918 гг.)

Особый интерес к изучению этой темы проявился после провозглашения независимости Украины в августе 1991 г. Актуализация тематики исторических исследований была обусловлена изменением положения Украины в мировом пространстве и значимостью осуществляемых ею трансформаций для будущего обустройства евразийского пространства. Опыт становления украинской дипломатии в период провозглашения Украинской Народной Республики (УНР) и поиска украинскими политиками того времени внешнеполитических ориентаций стал актуальным и затребованным. Современный украинский историк Н. Несук подчеркивает важность и преемственность ее политики: «Показательно, что лейтмотивом первой международной акции УНР стал лозунг мира и мирных переговоров. Дата принятия этой ноты — 22 декабря 1917 г. — стала основанием для Указа президента Украины о Дне украинской дипломатии»¹, который отмечается в Украине с 1999 г. Вместе с тем обращение к изучению событий периода Украинской революции актуализировалось и через нерешенность длительное время главного вопроса — об украинской государственности. Как справедливо подчеркивал А. Грациози, говоря о Первой мировой войне, хотя она и заканчивалась дважды, двумя мирными договорами, подписанными в 1918 г. в Брест-Литовске между побежденными Центральными государствами и социалистическими республиками Украины и России, которые, в свою очередь, воевали между собой, и в 1919 г. в Версале (а также в Сен-Жермене, в Трианоне и др.), с завершением военных действий война не закончилась. «Наличие больших национальностей, как, например, украинцы, которым не удалось воспользоваться окончанием войны, чтобы создать свое государство, также содействовало тому, что целый регион стал эпицентром стремления к пересмотру договоров, подписанных в 1919 г. Конечно, это стремление не имело необходимой силы для того, чтобы бросить вызов новому европейскому укладу, но оно было готово проявиться, как только возникнет возможность»².

Современная украинская историография

Украинские историки глубоко и всесторонне изучили опыт государственного строительства в период Украинской революции 1917—1923 гг. и, в частности, особенности становления дипломатической службы и внешнеполитических ориентаций украинских правительств. В 2012 г. издан специализированный библиографический справочник. В нем зафиксированы 1147 позиций в следующих рубриках: общие работы

* Пискун Валентина Николаевна — доктор исторических наук, Институт украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского Национальной академии наук Украины.

по истории украинской дипломатии, публикации документов, отдельные издания, авторефераты диссертаций, статьи, воспоминания, международные дипломатические конференции, отношения Украины с отдельными странами и межгосударственными образованиями, дипломатия Западной Украинской Народной Республики (ЗУНР), персоналии дипломатов, подготовка дипломатов³. Но, к сожалению, справочник охватывает только украиноязычные исследования и документы.

Процесс осмысления исторического опыта становления дипломатической службы и внешнеполитических ориентаций в период государственного становления Украины в начале XX в. начался еще в 1920—1930-е годы. Он характеризовался появлением такого жанра, как воспоминания непосредственных участников событий (Д. Дорошенко⁴, А. Шульгина⁵, Н. Зализняка⁶, Ф. Матушевского⁷, Г. Гуммеруса⁸, Д. Левицкого⁹, А. Марголина¹⁰ и др.); публикацией отдельных документов и выходом общих работ¹¹. В советской историографии замалчивались факты о деятельности Украинской Центральной Рады (УЦР) и последующих украинских правительств, а сами они оценивались как буржуазно-националистические. В то же время в зарубежной украинской историографии в 1920—1980-е годы вышло множество работ, в которых на документальной основе с разных позиций освещались факты из истории Украинской революции, в том числе и дипломатического признания Украинской Народной Республики и Украинской Державы (УД) гетмана П. Скоропадского¹².

Современную историографию означенной проблемы, на наш взгляд, следует рассматривать, используя несколько методов. Во-первых, хронологический, который тесно взаимосвязан с историей развития современного украинского государства и его идеологически концептуального самоопределения. Во-вторых, проблемно-тематический, который напрямую зависит от качества использования источниковой базы, ее разнообразия и исследовательской добросовестности. В-третьих, сравнительно-исторический, позволяющий выявлять основные закономерности исторического процесса и экстраполировать их на современность.

Современные подходы новейшей украинской историографии в изучении истории становления дипломатической службы и внешнеполитических ориентаций украинских правительств в начальный период Украинской революции начали формироваться с конца 1980-х годов. Они стали своеобразным продолжением и развитием тех концепций, которые сформировались в зарубежной украинской историографии после Второй мировой войны¹³ и исходили из концептуальных подходов к пониманию сущности Украинской революции как таковой. Я разделяю точку зрения Я. Грицака о том, что первыми украинскими историками, которые попытались теоретически обосновать понятие «Украинская революция» и ее хронологические рамки, были И. Лысяк-Рудницкий и Р. Шпорлюк. Их аргументы сводились к следующему: 1) революцию в Украине нельзя рассматривать просто как региональный вариант Российской революции, поскольку она охватывала и ту часть украинских земель, которые никогда не были составной частью Российской империи — Буковину, Галичину и Закарпатье; поэтому украинский вопрос не был лишь проблемой внутрироссийской, а был частью более широкой проблемы геополитических трансформаций всей Центральной и Восточной Европы; 2) Украинская революция имела иную, нежели Российская, политическую программу. Если в России центральной проблемой была смена политического режима, то задачей Украинской национальной революции было создание государства для нации, лишенной государственного существования; 3) украинцы, как и чехи, словаки и поляки, могут рассматривать 1914 г. как отправную точку своей революции. Эти аргументы в пользу своеобразия революционных событий в Украине, которые дают возможность трактовать их не просто как

региональный вариант Российской революции, а как отдельную, Украинскую революцию, западные историки восприняли без значительных изменений в 1980—1990-х годах. Основные изменения и дополнения касались последнего, хронологического аргумента, и его не так давно развил М. фон Хаген¹⁴. Аргумент касался украинского национального вопроса, ставшего общеукраинским, а обострение его в годы Первой мировой войны способствовало превращению украинского крестьянства в нацию. Грицак проанализировал исследования по этому вопросу также и в других работах¹⁵.

Л. Васильковский, бывший украинский дипломат, попытался впервые в отдельной работе обобщить историю дипломатии периода революции. В частности, им освещены следующие вопросы: начальный период истории украинской дипломатии, позиция Украины по проблемам мировой политики, позитивы и просчеты украинской дипломатии, украинская дипломатическая служба в личностях¹⁶. В этой работе заложены концептуальные основы понятий «украинская дипломатия» и «украинская дипломатическая служба».

Первый период в развитии историографии проблемы на материковой Украине начался с дискуссии о роли М. Грушевского в развитии украинской науки и общественно-политических процессах начала XX в.¹⁷, и продолжался до конца 1991 г., т.е. до провозглашения независимости Украины и осмысления украинскими обществоведами сущности происходящих процессов. Он характеризовался постепенным объединением усилий украинских историков за рубежом и в самой Украине в их стремлении показать историческую правду о революционных событиях 1917—1923 гг., концептуализацией истории УНР и последующих небольшевистских правительств как главной составляющей национально-освободительного движения украинцев и одного из этапов государственного строительства в Украине. В этот же период начался процесс реабилитации выдающихся деятелей периода Украинской революции (М. Грушевского, В. Винниченко, П. Скоропадского, С. Петлюры, Е. Петрушевича, Д. Дорошенко и др.) и публикации их воспоминаний, писем, дневников. На основе общественно-политических преобразований в обществе и государственном строительстве в украинской исторической науке произошли изменения самой научной парадигмы. Если в советской историографии практически не изучался вопрос о становлении украинской дипломатической службы, то на рубеже 1990-х годов он стал одним из наиболее актуальных.

Второй этап в освещении данной проблемы, охвативший 1991 г. — провозглашение независимости Украины, ее международное признание и формирование собственного внешнеполитического курса и до конца десятилетия. В историографии этот период характеризуется концептуализацией проблемы. Основными ее составляющими стали: УНР как субъект международного права, международно-правовые договоры УНР и УД и их оценка, дипломатическая служба и ее приоритеты, Украина в системе международных взаимоотношений. А отсюда и появление публикаций о становлении украинского внешнеполитического курса в 1917—1918 гг., о структуре министерства иностранных дел, установление дипломатических отношений с различными странами, публикация документов, появление первых учебников по истории Украины, где революционные события там рассматриваются с позиции национально-демократического движения. Издание книг зарубежных авторов идет на украинском языке, что способствовало более качественному осмыслению событий национальной истории¹⁸. Результатом проведения научных конференций стала публикация сборников и тем самым своеобразная реабилитация событий, исторических фактов и участников. Особенно знаковой стала международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения Скоропадского и 75-й годовщине провозглаше-

ния Украинской Державы-Гетманата (29.IV.1918 г.), проведенная в 1993 г.¹⁹ На конференции впервые выступала дочь Скоропадского Е. Отт-Скоропадская. Последующая конференция — к 125-летию гетмана и 80-летию возникновения Украинской Державы также подтолкнула исследовательский интерес к этой теме. В современной украинской историографии историк Т. Заруда одним из первых на основе тщательно изученных документов рассмотрел становление и основные направления внешней политики гетмана Скоропадского²⁰. В работах других авторов несколько расширены и детализированы факты, но их интерпретация часто бывает совершенно противоположной. Знаковыми стали конференции к 80-летию юбилею возникновения Украинской Центральной рады и провозглашения ее универсалов в 1997—1998 гг.²¹ Важным фактом была публикация неизвестных документов, в частности переиздание воспоминаний А. Шульгина — первого министра иностранных дел УНР — о начальном этапе деятельности министерства и его научные работы²².

В начале 1990-х годов появились первые публикации, в которых обобщался опыт украинской дипломатии в различных направлениях: Л. Нагорной, Р. Пирога — о внешнеполитической деятельности УНР; Д. Веденева — о становлении украинской дипломатии; В. Пискун, А. Лупандина — о мирных переговорах между Украинской Державой и РСФСР в 1918 г. и др.²³ Тогда же были защищены первые диссертационные работы²⁴. В 1995 г. Институтом истории Украины НАН Украины был издан сборник статей, в котором три раздела посвящены истории Украинской революции: «Украинская революция: эпоха Центральной рады», «Украинская держава», «Украинская Народная Республика под руководством Директории». Автором всех статей является В.Ф. Верстюк. Фактически ему принадлежит формулирование новых подходов в освещении истории Украинской революции, определение ее хронологических рамок (1917—1921), оценочные характеристики Брестского мира, сущности гетманского переворота²⁵. В то же время не получил развития концепт целостности революционных событий в Украине, поскольку история ЗУНР освещалась не в контексте общеукраинских революционных событий. Описание «революционно-освободительного движения на западноукраинских землях и борьба за воссоединение» в освещении одиозного украинского советского историка — активного борца с «украинским буржуазным национализмом» Р.Г. Симоненко, представленная в сборнике²⁶, не внесла ничего нового, а тем более концептуальности. Половинчатые подходы к изучению событий, оценке фактов и дискуссии вокруг роли украинского и большевистско-советского факторов все еще продолжались.

Все же во второй половине 1990-х годов в основном были сформулированы концептуальные подходы в освещении истории украинской дипломатии: ее истоки и развитие тесно связывались с историей становления украинского национально-освободительного движения — деятельностью Центральной рады, созданием независимого украинского государства и этапами его существования. Термин «Украинская революция» стал общепринятым. Большевистский сегмент борьбы за власть в Украине рассматривался как общероссийский, направленный на восстановление российского государства, но на иных идеологических основах. Провозглашение в декабре 1917 г. СССР было совершено незначительной группой большевиков в Украине, представлявших общероссийские партийные интересы. Военное вторжение большевистского войска в пределы Украины рассматривается как агрессия против независимого государства. Эти подходы были изложены и в учебниках по истории Украины²⁷.

В этот же период начались дискуссии о характере революции и взаимоотношений между УЦР и российскими правительствами с участием украинских и российских ученых. В 1997 г. Институтом славяноведения РАН и Институтом «Открытое общество»

был издан сборник статей «Россия — Украина: история взаимоотношений». В статье фон Хагена «Русско-украинские отношения в первой половине XX века» внимание акцентировалось на том, что соперничество, возникшее между киевской Радой и двойной властью в Петрограде, воспроизводилось практически на всех более низких уровнях новых властных структур. Соперничество это концентрировалось вокруг принципов и времени введения автономии в постсамодержавной России. Эта борьба воспроизводилась и в имперской армии, где лозунг украинизации был одним из многих призывов измотанных войной солдат к созданию частей, основанных на территориальном и национальном принципе — от украинцев до сибиряков и евреев. Несмотря на сопротивление влиятельной части командования и офицерского корпуса, политика «национализации» армии прокатилась по империи и повсюду вызвала конфликты с «русским» большинством²⁸.

Одним из активных историков, изучавшим историю Украинской революции, стал в то время В. Солдатенко. В 1999 г. издана его монография²⁹, в которой концептуальная неопределенность позиции автора проявилась в определении хронологических рамок революции (1917—1920). Признавая наличие Украинской революции, автор в то же время подчеркивает, что «говорить о концепции Украинской революции как о чем-то целостном, сформированном, неизменном было бы неправомерно». Двойственность позиции автора проявилась в оценке деятельности большевиков на Украине. Например, «несмотря на то, что съезд (имеется в виду областной съезд большевиков Украины 3—5 декабря 1917 г. — В.П.) формально не имел мандата всех большевистских организаций Украины, его решения содействовали консолидации леворадикальных сил». Автор критикует используемый в работах современных украинских историков термин «первая украинско-большевистская война», акцентируя внимание не на сущности происходящих событий, а на терминологическом аспекте, пытаясь найти оправдание этому событию и называя его «конфликтом»³⁰. В последующих работах Солдатенко пыгается вообще дезавуировать сам термин «война» как неправомерный, называя ее «украинско-российской», «украинско-большевистской» или «украинско-советской»³¹. Таким образом, к концу 1990-х годов сформировался базовый национальный нарратив в изучении истории дипломатической службы и внешнеполитических ориентаций в период Украинской революции.

Третий период — современный, т.е. охватывающий хронологически чуть больше десятилетия XXI в. Он характеризуется некоторой устоявшейся концептуальной определенностью в публикациях и доминантой взвешенных подходов. Именно в этот период появляются новые специализированные издания, освещающие как историю Украинской революции в целом, так и исследуемую проблему в частности. В 2000 г. Дипломатической академией при Министерстве иностранных дел Украины, Генеральной дирекцией по обслуживанию иностранных представительств Киевской городской государственной администрации, историческим клубом «Планета» было учреждено издание научного ежегодника «Україна дипломатична». В рубриках «З відстані століть», «Дослідження. Розвідки», «Портрети дипломатів» представлены публикации из истории украинской дипломатии. С 2002 г. в Институте истории Украины НАН Украины Отделом истории Украинской революции издается сборник научных статей «Проблеми вивчення історії Української революції 1917—1921 рр.». Издано шесть их выпусков. Практически в каждом из них опубликованы статьи по рассматриваемой проблеме. Для освещения нашей темы наибольший исследовательский интерес представляют содержательные публикации А. Кудлай, Р. Пирога, А. Лупандина.

С 2007 г. МИД Украины и Дипломатической академией Украины издается общественно-политический журнал «Зовнішні справи» на двух языках: украинском и английском, где также печатаются статьи по истории дипломатии.

Изучение исторических источников, более открытый доступ к ним и возможность работы в зарубежных архивах позволили исследователям подготовить серьезные монографические работы, к которым относится книга А. Кураева³². Рассматривая особенности политики Берлина и Вены в отношении украинской проблемы в ходе Первой мировой войны, автор вычленяет предпосылки взаимосвязей украинских политических деятелей с Германией и рассматривает динамику проявления собственных интересов последней к Украине³³. Эту же мысль высказывает и немецкий историк Ф. Гольчевский, несколько расширяя хронологические рамки исследования взаимосвязей украинцев с Германией (1914—1939)³⁴.

Исследования В. Соловйовой характеризуются разнообразием подходов, скрупулезностью в изучении документов и собственными интерпретациями некоторых аспектов деятельности украинских дипломатов, критичностью к работе отдельных из них³⁵. На мой взгляд, в статьях и в монографиях этого автора наблюдается хронологическая неопределенность относительно деятельности национальных правительств Украины (обозначен 1921 г.) и дипломатического корпуса в европейских странах (1920 г.). Такие противоречия встречаются и в работах других украинских авторов, хотя, как известно, официальная деятельность украинских дипломатов завершилась 1921—1924 гг.³⁶ В работах В. Матвиенко анализируются усилия украинской дипломатии на территории постимперской России³⁷. В работах И. Дацькива³⁸ акцентируется внимание на взаимосвязи работы дипломатов и службы государственной безопасности страны, анализируются как успехи украинской дипломатии, так и главные ее просчеты и причины поражений. При публикации статей некоторыми украинскими авторами заметно стремление не учитывать наработки предыдущих исследователей³⁹, встречается повтор в названиях публикаций.

Таким образом, последнее десятилетие характеризуется углублением в изучении отдельных деталей институционального разрастания Министерства иностранных дел периода Украинской державы, политического курса УНР и УД в 1918 г. и подытоживанием просчетов внешнеполитического курса украинских политиков.

Источниковая база исследования

Необычайный интерес украинские историки проявляли к публикации документов. Последнее десятилетие характеризуется переизданием воспоминаний украинских дипломатов периода Украинской революции, которые стали библиографической редкостью, и других источников из украинских архивов. Большой интерес для исследователей представляют переизданные воспоминания украинского государственного деятеля, дипломата Н. Галагана⁴⁰ (впервые четырехтомник его воспоминаний «З моїх споминів» был издан в 1930 г.). Главными достоинствами этого издания является не только наличие детальных комментариев, но и публикация документов, касающихся судьбы дипломата после Второй мировой войны. Печатаются ранее неизвестные документы из Государственного архива службы безопасности Украины, в частности приговор Военного трибунала по делу членов «Украинского национального объединения» от 8 апреля 1946 г., по которому Галагану присудили 10 лет лишения свободы «без поражения в правах как не имеющему гражданства СССР и без конфискации имущества»⁴¹.

Взаимоотношения Украины и России в период революции стали определяющим фактором большевистской стратегии развертывания мировой революции. Однако после подписания Брестского договора эти планы кардинально изменились, а СНК РСФСР вынужден был вести мирные переговоры с Украинской Державой гетмана

Скоропадского. Издание протоколов и стенограмм пленарных заседаний⁴² и их анализ помогает пониманию сложности переговоров и в то же время свидетельствуют о том, что российские большевики вынуждены были признать независимость небольшевистской Украины de facto и вести с ней международные переговоры.

Для исследователей значительный интерес представляет сборник документов, где содержатся воспоминания украинских дипломатов: Н. Зализняка, О. Чернина, А. Севрюка об их участии в переговорах в Брест-Литовске, Г. Микитея об украинской миссии в Югославии и др. Опубликованы и документы об установлении дипломатических отношений с европейскими странами⁴³. Украинский историк И. Матяш провела значительную поисковую работу в канадских архивах и на примере ранее неизвестных документов обобщила особенности деятельности украинских дипломатов в период революции⁴⁴. Разностороннюю публикаторско-публицистическую работу осуществляет киевский историк В. Сергийчук. В частности, им исследуются взаимоотношения Украины с Крымом, Турцией и общие вопросы становления украинской дипломатической службы. В подготовленном им сборнике представлены документы из украинских архивов о дипломатических связях Украины с 38 государствами⁴⁵. Недостатком этого издания является отсутствие научных комментариев.

Важное значение для исследователей может иметь специализированный сборник⁴⁶, где подобран целый комплекс ранее не печатавшихся и представляющих огромный интерес документов. В другом сборнике⁴⁷ впервые опубликованы архивные документы, освещающие украинско-немецкие отношения периода Украинской революции, роль внешнеполитической службы и отдельных дипломатов в отстаивании политических, экономических и культурных интересов Украины на международной арене. Характерной особенностью процесса накопления знаний об украинской дипломатии и дипломатах является издание энциклопедической, а также информационно-справочной литературы. Сюда относятся работы В. Стрельского и А. Кучерука⁴⁸. Обобщение накопленного опыта позволило одному из исследователей этой проблемы Веденеву даже подготовить специальный учебник⁴⁹.

Таким образом, за последние 20 лет украинские историки прошли значительный путь в познании истории украинской дипломатии в 1917—1923 гг. Основной особенностью подготовленных материалов является использование большинством историков позитивистской методологии в освещении событий и фактов. Наибольшей их заслугой является публикация источников и переиздание работ, которые уже стали библиографической редкостью. Главным же недостатком этих публикаций является повторяемость тематики исследований (особенно это касается освещения дипломатической службы в период Украинской Державы гетмана Скоропадского)⁵⁰. В то же время биографии дипломатов еще мало изучены за исключением Д. Дорошенко, А. Шульгина, В. Липинского, К. Мациевича и Н. Василько.

Предпосылки и основные этапы становления дипломатической службы украинского государства

Начальный период институционального становления украинской дипломатии большинство исследователей связывают со становлением Центральной рады как органа власти на Украине. В частности, Веденев при этом выделяет три этапа становления дипломатической службы в период УНР, которые совпадают с этапами деятельности

Украинской Центральной рады. «1-й этап: март — ноябрь 1917 г., в этот период продолжалось накопление определенных государственно-правовых, организационных и международных предпосылок к возникновению внешнеполитической службы; 2-й этап: между провозглашением III и IV Универсалов УЦР (20 ноября 1917 — 22 января 1918 гг.), т.е. период, когда начинается самостоятельная деятельность УНР на международной арене и в связи с этим осуществляется процесс практического создания международного аппарата; 3-й этап: 22 января — 29 апреля 1918 г., когда УНР приобретает статус полного суверенитета, активизирует свою внешнюю политику и осуществляет целенаправленную работу по созданию государственной системы внешнеполитических институций»⁵¹. Этот же тезис повторяется и в монографии, изданной Веденевым совместно с Д. Будковым⁵² (в 2004 г. последний исследовал международно-информационную деятельность Украинского государства и защитил кандидатскую диссертацию по этой теме⁵³).

По моему мнению, важно акцентировать внимание на предпосылках становления украинской дипломатии и формирования ее внешнеполитических ориентаций, поскольку они тесно связаны с появлением «украинского вопроса», который актуализировался в ходе Первой мировой войны во внешнеполитических расчетах воюющих государств. К числу этих предпосылок следует отнести деятельность Союза вызволения Украины (Союза освобождения Украины), возникшего в начале Первой мировой войны и включившего вопрос об украинской независимости в контекст международных отношений⁵⁴. Свидетельством тому является их информационно-пропагандистская деятельность и интерес к Украине, возникший как следствие этой деятельности. Немецкий историк Гольчевский подчеркивает, что среди других факторов публикация небольшой брошюры В. Пачевского «Die Schätze der Ukraine» стала толчком к проявлению интереса к Украине в немецких правительственных кругах⁵⁵. Кураев, используя немецкие источники, сделал вывод о том, что позиция Германии в отношении «украинского вопроса» была противоречивой и менялась в зависимости от положения на фронте, а также зависела от решения польского национального вопроса. Идею получить влияние на политическую жизнь Украины и России, которая с марта 1917 г. стала доминирующей в немецкой политике, используя таких деятелей СВУ, как А. Скоропис-Йолтуховский и В. Степанкивский, осуществить не удалось. Все попытки реализовать это намерение, в том числе и через предложение значительных сумм денег руководителям Центральной рады с мая 1917 г. потерпели крах из-за отказа киевских политиков сотрудничать с Германией⁵⁶.

Февральская революция 1917 г. в России стала своеобразным детонатором, подтолкнувшим к действию уже сформировавшееся задолго до этого украинское национальное движение с его главным идеологическим постулатом построения независимого украинского государства. Становление Украинской Центральной рады как органа власти в марте — июне 1917 г. в гибнущей Российской империи стало органичным (хотя и не всеми политическими силами однозначно воспринимаемым) явлением. Американская исследовательница А. Процик справедливо и точно подчеркивала: «С начала революции Милюков никогда не сомневался в том, что главное течение украинского движения, возглавляемое М. Грушевским и В. Винниченко, не имело никакого отношения к немецко-австрийским интригам. Он понимал, что украинские лидеры, реализуя свою национальную цель, стремились полагаться на поддержку народных масс. Достигнутые в этом направлении успехи весной 1917 г. сделали украинское движение чрезвычайно опасным в глазах Временного правительства, которое взяло на себя роль гаранта государственных интересов России»⁵⁷.

Следующую предпосылку в институциональном становлении дипломатии и формировании внешнеполитических ориентаций Украины следует связывать с событиями начала июня 1917 г. в Киеве. Прежде всего, это провозглашение 10 июня I Универсала и создание 15 июня Генерального секретариата — исполнительного органа УЦР⁵⁸. Основные усилия украинских политиков были направлены на легализацию своей деятельности Временным правительством. Последовавшая реакция на это Временного правительства свидетельствует о том, что события в Украине вышли из-под контроля российской власти. Только путем переговоров можно было притормозить нарастающее дезинтеграционное движение⁵⁹. Декларирование украинскими политиками задачи создания демократического федеративного государства в России и проводимая ими в этом направлении работа лишали возможности политического доминирования на постимперском пространстве как Временное правительство, так и большевиков.

В начале 1990-х годов в украинской и российской историографии шла дискуссия о легитимности/нелегитимности этого акта и анализировалась реакция на него Временного правительства. И. Афанасьев констатировал, что «власть явочным порядком приватизируют органы и учреждения, государственно-правовая полномочность которых весьма сомнительна»⁶⁰. Верстюк считает: «Не нужно забывать, что все революционные органы 1917 г. не имели достаточной легитимности. Революции происходят тогда, когда общество не имеет возможности снимать противоречия, в нем существующие, при помощи старых легитимных средств самоорганизации и поэтому создает новые, революционные, которые легитимируются в ходе или после завершения революции»⁶¹. Но и спустя много лет украинские и российские историки не нашли компромиссов в освещении этого вопроса. Так, российский историк И. Михутина, тщательно изучив документы, приходит к выводу, что провозглашение III Универсала было сделано Центральной радой в одностороннем порядке и не было признано ни одним государством⁶². Хотя точно так же и большевики захватили власть в России в одностороннем порядке и не были признаны ни одним из государств мира.

Практически во всех исследованиях украинских авторов (вслед за Василькивским) подчеркивается, что установление зарубежных связей было начато украинским правительством уже летом 1917 г., когда в Киев стали прибывать представители Антанты, а генеральный секретарь межнациональных дел Шульгин встречался в августе в Петрограде с французским послом в России Нулансом. Французы предлагали финансовую и техническую помощь Украине при условии продолжения войны с Центральными государствами. И само собой разумеется, что они не стали бы этого делать, не прозондировав ситуацию в России и на Украине. Но их предложения так и остались не больше чем намерениями.

Еще одной предпосылкой формирования дипломатической службы стало проведение в Киеве 23 сентября 1917 г. съезда народов и областей России. Организованного, УНР практически стала и инициатором новой политики на постимперском пространстве — политики создания демократической федерации с широкими автономными правами республик. Таким образом, авторитет Центральной рады как органа власти значительно возрос⁶³. Многие историки упускают из виду еще одно важное событие. 12 декабря в Киеве состоялся большой политический митинг поработенных народов Австро-Венгрии, инициатором которого были чехи, а главным оратором — Т. Масарик. Они выдвинули концепцию создания «Восточноевропейской Антанты», направленной против Германии. И хотя этот проект был иллюзорным, но следует учитывать, что УНР признавала не только вновь создаваемые государства на территории бывшей имперской России, но и Австро-Венгрии. В то время Масарик

пребывал в Киеве как председатель Чехо-Словацкой Народной Рады. В ходе его переговоров с УЦР Киев признал не существовавшую еще в то время Чехо-Словацкую республику, а чехи — Украину⁶⁴. После подписания Брестского мирного договора эти отношения были дезавуированы и вновь возобновлены в 1919 г.

Внешнеполитические ориентации украинских правительств в 1917—1918 гг. напрямую зависели от сложности задач государственного строительства в Украине, а также обуславливались участием в Первой мировой войне, в которой украинцы оказались в силу пребывания в составе Российской и Австро-Венгерской империй по обе линии фронта. Развитие национально-освободительного движения украинцев в начале века переросло узкие рамки регионального, превратилось в общеукраинское, а война еще больше радикализовала его и вплела в общеевропейский контекст.

Одной из сложных внешнеполитических и идеологических задач, решавшихся в то время украинскими правительствами, стало формирование концепций взаимоотношений с вновь созданными государственными образованиями на территории бывшей Российской империи. И прежде всего с Россией, которая сама по себе не представляла целостного и четко определенного организма. Захват власти большевиками в Петрограде и Москве породил Белое движение сторонников возрождения единой и неделимой России, и оба эти политические образования были яркими противниками существования украинского независимого государства. При этом оба противника своей главной задачей ставили восстановление целостности России, но только на различных идеологических основаниях.

Украинские политики не признали захват власти в России большевиками как общероссийское явление, а отсюда вытекала и поддержка украинским правительством отношений со вновь провозглашенными государствами. Как подчеркивают исследователи, «установление отношений со странами, которые отделились от России, было важным направлением внешнеполитической деятельности правительства Украинской Державы. Признание Украиной государственных новообразований субъектами международного права было удачным тактическим ходом украинской дипломатии. Во-первых, установление между вновь образовавшимися государствами принципиально новых отношений межгосударственного уровня зафиксировало факт распада единой Российской империи на отдельные регионы, которые стремились самоопределиваться. Во-вторых, это должно было бы укрепить положение Украинской Державы, которая сама возникла вследствие подобных процессов. В то же время провозглашение УНР отчасти ограничивало возможности реализации великодержавных стремлений российских большевиков»⁶⁵.

Я разделяю мнение тех авторов, которые считают, что провозглашение III Универсала стало отправной точкой формирования внешнеполитического курса УНР⁶⁶. Подтверждает это и переформатирование 22 декабря 1917 г. Генерального секретариата междунациональных дел в Министерство иностранных дел. На него возлагалось проведение международных отношений и защита интересов украинских граждан. «Нота Генерального секретариата УНР ко всем воюющим и нейтральным странам с предложением общего мира и о неправомерности большевистской России представлять интересы украинского народа» 17 (30) декабря 1917 г. стала своеобразной декларацией о намерениях украинского государства и фиксацией факта его суверенности. III Универсалом Украинской Центральной Рады от 7 ноября 1917 г. была провозглашена Украинская Народная Республика, и этим же актом определено и ее международное положение.

Стремясь к созданию федеративного союза всех республик, которые возникли в тот момент на территории бывшей Российской империи, Украинская Народная Республика в лице Генерального секретариата, говорилось в ноте, «становится на путь самостоя-

тельных международных отношений до того времени, пока не будет создана общегосударственная федеративная власть в России...»⁶⁷. В ноте также указывалось на то, что власть Совета Народных Комиссаров не распространяется на всю Россию, в том числе и на Украину. Вся демократия УНР стремится к миру между всеми воюющими державами, «миру всеобщему», и УНР должна принять участие наравне с другими державами во всех мирных переговорах, конференциях и конгрессах. Одна из сотрудниц МИД Н. Суровцова в воспоминаниях писала о том, что создание Секретариата иностранных дел «означало юридическую независимость Украины». «С того времени в нем были отделы: общий (им ведала я, а у меня работал Полюга*), консульский во главе с Оренчуком**, человек способный и юрист по образованию... а потом создали еще отдел — дипломатический департамент»⁶⁸. Министерству иностранных дел выделили дом Ф. Терещенка на улице Терещенковской, 9. Самого министра А. Шульгина Суровцова оценивает как «убежденного антантофила». Историк Кудлай отмечает, что «интенсивность работы министерства со времени создания постоянно возрастала, штаты институции были незначительными, а техническое обеспечение слабым. Свидетельством тому является просьба генерального секретаря от 21 декабря 1917 г. об ассигновании денег на приобретение оборудования. Она обуславливалась тем, что с конца октября по 5 декабря министерство выдало 318 документов, а с 5 по 20 декабря их уже было 552»⁶⁹. По плану на 1918 г., в штате министерства предусматривалось наличие 88 сотрудников, а в марте 1918 г., в соответствии со списком служащих министерства, их было, за исключением министра, уже 41 чел.⁷⁰ На МИД возлагалась также законодательная работа. Малой Радой были приняты, подготовленные законы «О национально-персональной автономии» от 26 марта 1918 г. и «О гражданстве УНР» от 2 марта 1918 г. Организационная работа включала: охрану интересов украинских подданных за границей УНР, решение вопросов о выезде за границу граждан Украины, о посольствах и миссиях УНР, о возвращении на родину украинцев Галичины и Буковины, оказавшихся во время войны на территории России и сотрудничестве с военными миссиями. Осуществлялось функционирование военно-дипломатической службы (атташата) и подготовка кадров для внешнеполитической деятельности.

Важным этапом в развитии украинской внешнеполитической службы стал IV Универсал УЦР, в котором УНР провозглашалась «самостоятельным, ни от кого независимым государством, свободным, суверенным государством украинского народа». В это время правительство Украины начало работу по созданию сети дипломатическо-консульского корпуса и формированию соответствующей правовой базы. В частности, сотрудниками министерства был подготовлен проект закона «О заграничных учреждениях УНР». Лидер УНР Грушевский в статье «Украинская самостоятельность и ее историческая необходимость» подчеркивал, что провозглашение Украины самостоятельной республикой было вызвано «необходимостью подписания мира», «решительной политикой в борьбе с походом Великороссии на Украину», а также задачей «полного упорядочения социальных экономических и финансовых дел Украины»⁷¹.

УНР стала участницей переговорного процесса в Брест-Литовске между Центральными государствами и Россией сначала как сторонний наблюдатель, а после провозглашения независимости как активный игрок⁷². Участие украинцев в переговорах обуславливалось и тем фактом, что во второй декаде декабря начались военные действия между войсками УНР и Советской России. Подписание УНР Брестского мирного договора 29 января (9 февраля) было вынужденным шагом, но вместе с тем

* Полюга-Шуберт Александр — сотрудник общего отдела МИД и друг Н. Суровцовой.

** Оренчук Василий — консул в Мюнхене с 15 ноября 1918 г.

большинство историков считает его выгодным для Украины и единственно возможным актом в сложившейся международной геополитической ситуации. Украина стала субъектом международного права и была признана независимым государством⁷³, определены ее границы, но в то же время она утратила политическую поддержку со стороны Антанты, а немецкая армия (армия союзников) в скором времени превратилась в обременительный фактор внутренней нестабильности и противоречий в политической среде самой Украины. Новый внешнеполитический курс УНР повлиял на расстановку сил внутри страны и стал своеобразным фактором принуждения к мирным переговорам Советской России с УНР, а впоследствии и с Украинской Державой.

После освобождения Украины от большевистских войск началось формирование первых дипломатических представительств. Министерство успело отправить посольства в Германию (в Берлин — О. Севрюка), Австро-Венгрию (в Вену — А. Яковлива), в Турцию (Царгород — М. Левитского). В дальнейшем организационная работа продолжилась уже во второй половине мая, когда министром иностранных дел стал Д. Дорошенко, а создание дипломатических представительств перешло в руки Шульгина как второго товарища министра. О внешнеполитической преемственности гетманского правительства свидетельствует обращение гетмана, в котором он извещал о том, что подписанный УНР 9 февраля Брестский договор и протокол⁷⁴ к нему от 4 марта 1918 г. «решил утвердить, ратифицировать и выполнять твердо и неустанно теперь и в будущем. Совету Министров Украинской Державы наказать провести обмен ратификационными актами...»⁷⁵, что и было осуществлено весной и летом 1918 г.

Все дипломатические представительства действовали в Западной Европе и других странах на основе закона Украинской Державы от 14 июня 1918 г., в соответствии с которым они подразделялись на посольства 1-го и 2-го разрядов. Самую высокую категорию дипломатических представителей — министров-резидентов аккредитировали главы государств, куда отправлялись посольства. Среди них были посольства Украины в Австро-Венгрии (В. Липинский), Германии (Ф. Штейнгель), Турции (М. Суковкин), Болгарии (А. Шульгин). Все другие дипломатические миссии отправлялись как чрезвычайные, каждый раз со специальными штатами и бюджетом. Работники посольств назначались послом (министром-резидентом). Летом 1918 г. активизировалось установление отношений с нейтральными странами и со странами Антанты. Особенно важно было наладить отношения со Швейцарией (миссию возглавил Е. Лукасевич). Одновременно были созданы украинские консульства в Женеве (возглавлял Е. Сакович) и Цюрихе (А. Вилинский). В Берн также прибыла миссия ЗУНР (Е. Левицкий). 8 октября законом УД создавалось украинское дипломатическое представительство в Финляндии (К. Лосский). Финская делегация прибыла в Украину еще летом, возглавлял ее посол Г. Гуммерус, который оставил интересные воспоминания о своем пребывании в Украине. «Украина Скоропадского была вассальным государством, и это не дискутировалось. Безусловно, она имела собственное Министерство иностранных дел, но о независимой внешней политике не могло быть и речи. Но это старались всеми способами прикрыть, строго придерживаясь форм международной дипломатии. Послы Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии в соответствии со всеми правилами вручили верительные грамоты его величеству гетману. Как *chargé des affaires* Финляндии я также вручил свою верительную грамоту министру иностранных дел Дорошенку через день после прибытия в Киев. В речи, которую я провозгласил в соответствии с протоколом, высказал радость от того, что имею возможность представлять свою страну перед правительством независимой Украины, и указал на общность интересов обеих стран. То, что слова о независимости были не очень серьезными, Дорошенко знал так же хорошо, как и я. На этой же встрече были представлены

консулы Серлакиус и Валден». Гуммерус описал также и свои впечатления от встречи со Скоропадским. «...Внутри дворца, куда его высокоость с женой пригласили меня, Серлакиуса и Валдена 26 августа на завтрак, понятно, нельзя было увидеть никаких намеков на вассальность. Блестящий двор, красочные украинские униформы, достойный порядок торжественности. Скоропадский оставил очень хорошее впечатление своим простым достоинством и любезным поведением. ...То, что признание осуществилось *de jure*, исходило из того, что нигде не писали, что оно осуществилось *de facto*. Насколько мне известно, Финляндия никогда не отменяла своего признания Украины»⁷⁶.

24 июля 1918 г. Германия ратифицировала Брестский договор, что значительно укрепило украинско-немецкие связи. 4—17 сентября гетман побывал в Берлине с официальным визитом. В. Липинский считал, что эта поездка содействовала повышению международного авторитета Украины, имела позитивное влияние на решение проблем Черноморского флота, организацию украинской армии и достижение договоренности в отношении Холмщины и Крыма⁷⁷. Ратифицировали Брестский договор Турция и Болгария. Австро-Венгрия, под давлением польских сил, аннулировала договор. К осени 1918 г. Германия дала согласие на установление отношений Украины со странами Антанты. Учитывая выгоды экономического характера, деловые отношения с Украиной установили и нейтральные государства: Швейцария, Швеция, Норвегия, Дания, хотя и не спешили с юридическим установлением дипломатических отношений с Украиной.

Важно отметить, что Украина имела дипломатические представительства и во вновь создаваемых независимых государствах, которые формировались на руинах Российской империи. В частности, в Вильнюсе (возглавлял И. Красковский), Риге (Н. Бандрицкий), Минске (А. Квасницкий), в Батуми (Е. Засядько), Тифлисе (А. Кулинский) и других городах находились украинские консульства⁷⁸. В РСФСР на основании предварительного договора от 12 июня 1918 г. были открыты генеральные консульства Украины в Москве, Петрограде и консульства в городах: Курске, Туле, Воронеже, Рыбинске, Казани, Саратове, Самаре, Царицыне, Астрахани, Архангельске и др. Российская сторона открыла генеральные консульства в Киеве, Одессе, Харькове и консульства в Полтаве, Чернигове, Каменце-Подольском, Житомире.

Все же самым сложным, по моему мнению, в период правления гетмана Скоропадского был вопрос в геополитическом треугольнике Москва — Петроград (взаимоотношения с большевистским правительством РСФСР), Дон — Кубань (вновь создаваемые государства), Крым. Вопрос с Крымом был решен при участии Германии и с использованием экономических рычагов, вследствие чего в Крыму установилась автономия⁷⁹.

Взаимоотношения УНР с большевиками резко обострились из-за непризнания Центральной Радой главенствующей роли большевиков во всей постимперской России. Отправной точкой конфликта, переросшего в военные действия, исследователи называют ультиматум Совета Народных Комиссаров РСФСР Украинской Центральной раде 4 (17 декабря) 1917 г. за подписью Ленина и Троцкого. В ответ Генеральный секретариат ЦР направил ноту за подписью Винниченко и Петлюры. 4 декабря 1917 г. большевикам не удалось захватить руководство на I Всеукраинском съезде советов, который проходил в Киеве. Орган российских меньшевиков газета «Киевская мысль» 5, 6 и 8 декабря дала интересные материалы первой части съезда, в которых вскрывается подоплека действий большевиков на Украине⁸⁰. Одним из тактических ходов по захвату власти большевиками в Украине стало провозглашение так называемых народных республик и, в частности, УССР.

Ряд украинских исследователей (Лупандин, Веденеев и др.) определяют военные действия Советской России против Украины в декабре как начало войны между двумя

государствами. Михутина связывает военные действия с ходом переговоров в Бресте, что не вполне раскрывает их причины, которые были более глубокими и затрагивали целый комплекс идеологических, экономических и социальных проблем. О войне между УНР и Советской Россией может свидетельствовать оценка события украинской дипломатией того времени. Например, на запросе в телеграмме, пришедшей в МИД из Житомира за подписью губернского старосты 8 февраля 1919 г., сказано: «Прошу дать указание, с какого времени считать начало войны украинского государства с российским правительством». Была наложена резолюция за подписью Шульгина: «Приблизительно с начала декабря. Из момента обмена нотами (второй обмен состоялся уже на Рождество)». И далее на обороте: «Нота большевиков Центральной раде получена 4 декабря 1917 г., последний абзац ноты такой: если удовлетворяющего ответа на эти вопросы не будет получено в течение 48 часов, СНК будет считать Раду в состоянии открытой войны против советской власти в России и на Украине. Очевидно, ответ Генерального секретариата на ноту большевиков от 5 декабря СНК не удовлетворил, из-за этого открытое начало войны следует считать с 6 декабря 1917»⁸¹.

Решение вопроса о прекращении военных действий между двумя государствами стало главной задачей украинского правительства. В борьбе с большевиками (вопрос осложнялся тем, что они, пытаясь захватить власть в Украине, не гнушались никакими средствами, в том числе и созданием в пределах границ Украины марионеточных квазисоветских республик) УНР, а впоследствии и правительство УД опирались на внешнюю силу, т.е. на немецкую военную мощь. Важной составляющей внешнеполитического курса УНР и УД в конце 1917 г. и в 1918 г. стали попытки урегулирования взаимоотношений и подписания мирного договора с правительством СНК России, что легализовало бы процесс взаимного признания и прекращения военных действий.

Главным условием начала переговоров СНК России выдвигал вопрос о признании Радой «контрреволюционности Каледина и его пособников». В обращении СНК об Украинской Центральной раде от 20 декабря 1917 г. подчеркивалось, что, «считая целесообразным открытие деловых переговоров с Радой с целью устранения столкновений, вызванных политикой Рады в отношении к общему фронту и контрреволюционному восстанию Каледина, постановляет: предложить Раде вести переговоры о соглашении на указанных началах и наметить как один из пунктов, где, вероятно, удобно вести переговоры, города Смоленск или Витебск»⁸². Но переговоры так и не состоялись. Подписание Брестского мира от имени России обязывало большевиков прекратить военные действия на территории Украины⁸³. 23 мая 1918 г. начались мирные переговоры между Украинской Державой и Российской Федерацией (название «Федеративная Республика» было утверждено в Конституции, принятой на съезде Советов 20 июля 1918 г.), которые длились почти полгода, но так и не привели к определенному результату. Таким образом, данный вектор внешнеполитических отношений как для УНР, так и для УД закончился полным провалом, что в дальнейшем предопределило и поражение Украинской революции.

Таким образом, в ходе Украинской революции сформировались основы дипломатической службы Украины и были обозначены основные векторы ее внешней политики. На начальном этапе формирования основ государства — после провозглашения III Универсала главным направлением политики УНР была ориентация на страны Антанты. В ходе мирных переговоров в Бресте между Германией и представителями большевистской России украинцы подключились к переговорному процессу и стали субъектом межгосударственных переговоров. Агрессия Советской России в пределы Украины и захвата Киева, повлияли на резкую смену внешнеполитического курса правительства УНР. Подписание Брестского договора с Центральными государствами

усилило українсько-німецькі зв'язи, содействовало прорыву України на міжнародній арені. Однак всередині країни воно породило нестабільність і невдоволеність населення перебуванням війська союзників в межах України. Урядом УНР і УД не вдалося вирішити питання про взаємовідносини з Радянською Росією, а союз з представниками небільшовицької Росії виявився недовговічним і, як показала практика, невигідним для України, оскільки політичною він був бесперспективним. Крім того, він передбачив внутрішню нестабільність держави, що, в свою чергу, дало більшовикам можливість почати нову війну проти України.

- ¹ Несук М. День української дипломатії: історичні підстави визначення // Україна дипломатична: науковий щорічник. Київ, 2003. Вип. 1. С. 518.
- ² Граціозі А. Війна і революція в Європі, 1905—1956 рр.: пер. з іт. Київ, 2005. С. 209—210, 212.
- ³ Українська дипломатія, 1917—1921 рр.: матеріали до бібліографії. Київ, 2012; Бюлетень Галузевого центру науково-технічної інформації з архівної справи та документознавства. 2012. № 17.
- ⁴ Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє минуле, 1914—1920. Мюнхен, 1969.
- ⁵ Шульгин О. Початки діяльності Міністерства Закордонних Справ України // Український самостійник. Мюнхен, 1957. № 4. С. 29—32.
- ⁶ Залізняк М. Перший виступ української держави у світовій політиці // Червона калина: іст. календар-альманах на 1939 рік. Львів, 1938. Т. 18. С. 48—56.
- ⁷ Матушевський Ф. Із щоденника українського посла // З минулого: збірник. Варшава, 1938. С. 138—157.
- ⁸ Воспоминания известного политического деятеля Финляндии Г. Гуммеруса опубликованы в Финляндии на финском и шведском языках в 1934 г., в 1997 г. в Киеве впервые вышли на украинском языке.
- ⁹ Левицький Д. З дипломатичних споминів // Червона калина: іст. календар-альманах на 1939 рік. Львів, 1938. Т. 18. С. 70—78.
- ¹⁰ Марголин А. Україна і політика Антанты: записки єврея і громадянина. Берлін, 1921.
- ¹¹ Ковалів П. Дипломатична діяльність за часи української держави // Червона калина: іст. календар-альманах на 1939 рік. Львів, 1938. Т. 18. С. 129—156; Томашівський С. Під колесами історії: нариси і ст. Берлін, 1922; Кушнір М.: 1) Наша міжнародна політика // Воля. Відень. 1920. Т. 1, № 4. С. 151—155; 2) Україна і конференція миру // Там же. 1919. Т. 6, № 1. С. 5—10; Кушнір-Якименко М. Антанта і Східна Європа // Там же. 1920. Т. 2, № 6. С. 241—244.
- ¹² См.: Онацький Є. По похилій площі: записки журналіста і дипломата. Мюнхен, 1964. Ч. 1—2; Маркус В. Досвід і традиції дипломатії УНР // Правничий вісник. 1963. Кн. 2. С. 29—42; Марітчак О. Дипломатія й визвольні змагання нації: (спомини і рефлексії) // Гомону України на рік 1967: у 50-річчя Укр. нац. Революції і 100-річчя Канади: альманах. Торонто, [1966]. С. 94—104; Косик В. Політика Франції щодо України (1917—1918) // Український історик. 1979. № 1—4. С. 50—53.
- ¹³ Rakowsky J. Franco-British Policy toward the Ukrainian Revolution, March 1918 to February 1919. Case Western Reserve, 1974; Reshetar J. The Ukrainian Revolution, 1917—1920: A Story of Nationalism. New York, 1972; Borowsky P. Germany's Ukrainian Policy during World War I and the Revolution of 1918 // German-Ukrainian Revolutions in Historical Perspective. Edmonton, Toronto, 1984. P. 84—88; Pidhainy O.S. 1) Establishment of Relations the Ukrainian Republic and the Central Powers // The New Review. 1965. Vol. V, N 4. P. 13—25; 2) Diplomatic Recognition of the Ukraine by France and Great Britain // The New Review. (Toronto), 1963. Vol. III, N 1. P. 3—24; Шанковський Л. Українська Народна Республіка й Антанта на переломі 1917 і 1918 років: (до визнання УНР Францією й Англією, 3.1.1918 р.) // Визвольний шлях. Лондон, 1978. Кн. 5. С. 543—549; Кн. 6. С. 702—707.
- ¹⁴ Грицак Я. Українська революція, 1914—1923: нові інтерпретації // Грицак Я. Страсті за націоналізмом: історичні есеї. Київ, 2004. С. 50—51.
- ¹⁵ Нрусак Я. Ukrainiska rewolucja, 1914—1923: Nowe interpretacje // Przegląd Wschodni. 1998. T. V, z. 2 (18). S. 21—39.
- ¹⁶ Васильківський Л. Причинки до історії української дипломатії в 1917—21 роках // Сучасність. 1970. Ч. 6 (114). С. 109—123; Ч. 7 (8) (115—116). С. 140—152; Ч. 10 (118). С. 107—118; Ч. 11 (119). С. 75—92.
- ¹⁷ Див.: Білокінь С. Михайло Грушевський // Літературна Україна. 1988. 21 липня. С. 7; Грушевський М. Спомини // Київ. 1988. № 9—12; 1989. № 8—11; 1992. № 2—3; Сарбей В. Як нам ставитися до М. Грушевського? // Рад. Україна. 1988. 27 серпня. С. 2; Дашкевич Я.: 1) Про М. Грушевського: доповідь львівського історика на засіданні т-ва «Спадщина» у грудні 1988 р. // Зустрічі. (Варшава), 1989. № 19. С. 188—197; 2) Хто такий Михайло Грушевський // Україна: наука і культура. Київ, 1989. Вип. 23. С. 192—201.

- ¹⁸ *Дюрозель Ж.Б.* Історія дипломатії від 1919 року до наших днів: пер. з фран. Київ, 1995.
- ¹⁹ См.: Останній гетьман: ювілейний зб. пам'яті Павла Скоропадського, 1873—1945. Київ, 1993.
- ²⁰ *Заруда Т.* Становлення та основні напрямки зовнішньої політики Української держави // Останній гетьман: ювілейний зб. пам'яті Павла Скоропадського, 1873—1945. Київ, 1993. С. 66—82.
- ²¹ По результатам конференции издан научный сборник в двух томах: Центральна Рада і український державотворчий процес: (до 80-річчя створення Центральної Ради): матеріали наук. конф., 20 берез. 1997 р. Київ, 1997. Ч. 1—2.
- ²² Початки діяльності Міністерства Закордонних Справ України // Розбудова держави. 1993. № 1. С. 22—24; *Шульгин О.* Без території: ідеологія та чин Уряду УНР на чужині / упорядкування Г.В. Стрельський, І.Д. Шевченко. Автентичне відтворення вид. 1934 р. Київ, 1998.
- ²³ *Нагорна Л.П.* Зовнішньополітична діяльність Української Народної Республіки 1917—1918 років // Українська демократична революція 1917—1918 років: матеріали наук.-теорет. конф., [17 квіт. 1992 р.]. Київ, 1992. С. 36—38; *Пиріг Р.* Перші кроки української дипломатії, 1917—1922 рр. // Політика і час. 1992. № 2. С. 54—55; *Русіч Й. Л.* Якою була зовнішня політика Української Народної Республіки в 1917—1920 рр. // Сторінки з історії України: нариси, статті. Дніпропетровськ, 1992. С. 36—41; *Веденєєв Д.:* 1) З історії розвідки і військової дипломатії України // Розбудова держави. Київ, 1993. № 9. С. 17—22; 2) На захисті прав українства: (з історії консульської служби України), [1917—1920 рр.] // Там же. Київ, 1994. № 4. С. 33—35; 3) Ідеологічні засади відродження зовнішньої політики України задоби Центральної Ради // Ідеологія державотворення в Україні: історія і сучасність: матеріали наук.-практ. конф., 22—23 листоп. 1996 р. Київ, 1997. С. 368—370; 4) Зовнішня політика Центральної Ради УНР: до історіографії проблеми // Центральна Рада і український державотворчий процес: (до 80-річчя створення Центральної Ради): матеріали наук. конф., 20 берез. 1997 р. Київ, 1997. Ч. 2. С. 386—391; 5) Становлення зовнішньополітичної служби України в період Центральної Ради // Український історичний журнал. 1997. № 3. С. 79—89; *Піскун В.* Одне писали, інше тримали в «умі»: мирні переговори між Українською Державою та РСФФР 1918 року // Політика і час. 1994. Ч. 2. С. 72—77; *Лупандін О.* Українсько-російські мирні переговори 1918 р. // Історичні зошити. Київ, 1994; *Шевченко І.* Біля витоків становлення української дипломатії доби УНР // Політика і час. 1995. № 9. С. 76—82.
- ²⁴ *Заруда Т.В.* Зовнішньополітична діяльність уряду Української Держави, 1918 рік: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 1995; *Городня Н. Д.* Політика країн Антанти та США щодо державності України в 1917—1919 роках: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 1996.
- ²⁵ Історія України: нове бачення: у 2 т. Київ, 1996. Т. 2. С. 3—101.
- ²⁶ *Симоненко Р.Г.* Революційно-визвольний рух на західноукраїнських землях і боротьба за воз'єднання // Історія України: нове бачення: у 2 т. Київ, 1996. Т. 2. С. 102—143.
- ²⁷ *Грицак Я.* Нарис історії України: формування модерної української нації XIX—XX ст. Київ, 1996.
- ²⁸ *Хаєн М.* Русско-украинские отношения в первой половине XX века // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. URL: <http://litopys.org.ua/vzaimo/vz15.htm>
- ²⁹ *Солдатенко В.Ф.* Українська революція: історичний нарис. Київ, 1999.
- ³⁰ Там же. С. 3, 8, 360, 363.
- ³¹ *Солдатенко В.* Українська революція й пошук зовнішньополітичних орієнтацій УНР // Україна дипломатична: науковий щорічник. Київ, 2003. Вип. 1. С. 375—376.
- ³² *Кураєв О.О.:* 1) Українська проблема у політиці Берліна та Відня у Першій світовій війні (1914—1918). Київ, 2006; 2) Несколько расширенная и дополненная монография: Политика Германии и Австро-Угорщины в Первой мировой войне: украинский напрямок. Київ, 2009.
- ³³ *Кураєв О.О.* Українська проблема у політиці Берліна та Відня у Першій світовій війні. Київ, 2006. С. 273—277.
- ³⁴ См.: *Golczewski F.* Deutche und Ukrainer, 1914—1939. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2010.
- ³⁵ *Соловійова В.В.* 1) Дипломатична діяльність українських урядів у мемуарній літературі // Наукові праці історичного ф-ту. Запоріжжя, 2003. Вип. 16. С. 164—174; 2) Українська дипломатія у країнах центральної Європи 1917—1920 рр. Донецьк, 2004; 3) Дипломатична діяльність українських національних урядів 1917—1921 рр. Київ; Донецьк, 2006; 4) Торговельно-економічна діяльність українських дипломатичних представництв (1917—1920 рр.) // Наукові праці Кам'янець-Подільського державного ун-ту. Іст. науки. Кам'янець-Подільський, 2006. Т. 16. С. 102—110; 5) Консульська служба УНР у центральноевропейському регіоні // Український історичний журнал. 2006. № 3. С. 84—88.
- ³⁶ См.: *Матяш І., Мушка Ю.* Документи ЦДАВО України про діяльність надзвичайної дипломатичної місії УНР в Угорщині // Архівознавство. Археографія. Джерелознавство: міжвідомчий зб. наук. праць. 2005. Вип. 7: Архівна наука та наука в архівах. С. 100—105.
- ³⁷ *Матвієнко В.* Українська дипломатія 1917—1921 років: на теренах постімперської Росії. Київ, 2002.
- ³⁸ *Дацків І. Б.* Дипломатія українських державних утворень у захисті національних інтересів, 1917—1923 рр. Тернопіль, 2009.

- ³⁹ См., например: *Лундин О.* 1) Українсько-російські мирні переговори 1918 р. // Центральна Рада і український державотворчий процес: (до 80-річчя створення Центральної Ради): матеріали наук. конф., 20 березня 1997 р. Київ, 1997. Ч. 2. С. 400—409; 2) Питання економічних відносин між Українською Державою та РСФРР в контексті українсько-російських мирних переговорів 1918 р. // Проблеми вивчення історії Української революції 1917—1921 років: зб. наук. ст. Київ, 2011. Вип. 6. С. 187—216.
- ⁴⁰ *Галаган М.* З моїх споминів (1880-ті — 1920 р.): документально-художнє видання. Київ, 2005.
- ⁴¹ Там же. С. 561.
- ⁴² Мирні переговори між Українською Державою та РСФРР 1918 р. Протоколи і стенограми пленарних засідань: зб. документів і матеріалів. Київ; Нью-Йорк; Філадельфія, 1999.
- ⁴³ Дипломатія УНР та Української Держави в документах і спогадах сучасників: у 2 т. Київ, 2008. Т. 1—2.
- ⁴⁴ *Матяш І.*: 1) Історія української дипломатії в канадських архівах // Науковий вісник Дипломатичної академії України. Київ, 2008. Вип. 14. С. 192—199; 2) Ad fondes: розбудова мережі українських дипломатичних представництв за кордоном // Зовнішні справи. 2008. № 9. С. 57—59; № 10. С. 50—53; № 11. С. 48—49; 2009. № 1. С. 52—54; 3) Ad fontes: формування консульської служби // Там же. 2009. № 3. С. 58—61.
- ⁴⁵ *Сергійчук В.* Неусвідомлення України. Ставлення світу до української державності: погляд у 1917—1921 роки з аналізом сьогодення. Львів, 2002.
- ⁴⁶ Історія української дипломатії: перші кроки на міжнародній арені (1917—1924 рр.): документи і матеріали. Київ, 2010.
- ⁴⁷ Українські дипломатичні представництва в Німеччині (1918—1922): документи і матеріали. Київ, 2012.
- ⁴⁸ *Стрельський Г.В.* Українські дипломати доби національно-державного відродження (1917—1920 рр.): біогр. довід. Київ, 2000; *Кучерук О.* Київ, 1917—1919. Адреси. Події. Люди. Київ, 2008.
- ⁴⁹ *Веденєв Д. В.* Дипломатична служба Української держави, 1917—1923 роки. Київ, 2007.
- ⁵⁰ См., например: *Солдатенко В.:* 1) Зовнішньополітичний курс гетьманської держави П. Скоропадського // Проблеми вивчення історії Української революції: зб. наук. ст. Київ, 2002. С. 16—52; 2) Зовнішньополітичний курс гетьманської держави П. Скоропадського // Україна дипломатична. 2004. Вип. 4. С. 336—354.
- ⁵¹ *Веденєв Д.* Становлення зовнішньополітичної служби України в період Центральної Ради. С. 80.
- ⁵² *Веденєв Д., Будков Д.* Юність української дипломатії: становлення зовнішньополітичної служби Української держави, 1917—1923 роки. Київ, 2006.
- ⁵³ *Будков Д.В.* Міжнародно-інформаційна діяльність Української держави, 1917—1923 рр.: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Донецьк, 2004.
- ⁵⁴ См.: *Патер І.* Союз визволення України та українське питання в політиці Центральних держав 1914—1918 рр. // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність: зб. наук. праць. Львів, 1997. Вип. 3—4. С. 140—162.
- ⁵⁵ См.: *Golczewski F.* Op. cit. S. 69—70.
- ⁵⁶ См.: *Кураєв О.О.* Українська проблема у політиці Берліна та Відня у Першій світовій війні. (1914—1918). С. 274—276.
- ⁵⁷ *Процик А.* Російський націоналізм і Україна в добу революції і громадянської війни // Проблеми вивчення історії Української революції: зб. наук. ст. Київ, 2002. С. 16.
- ⁵⁸ А. Кудлай очень детально изучила структурирование Генерального секретариата, личностный состав генеральных секретарей и их судьбу, а также деятельность Министерства международных дел. См.: *Кудлай О.:* 1) Створення та діяльність Генерального секретаріату першого складу (червень — липень 1917 р.) // Проблеми вивчення історії Української революції: зб. наук. ст. Київ, 2002; 2) Створення та діяльність народного міністерства міжнародних справ Української Народної Республіки (червень 1917 — квітень 1918 рр.). Київ, 2008.
- ⁵⁹ Российский историк В. Булдаков в этом контексте акцентирует внимание на психологических портретах деятелей Центральной рады и Временного правительства и их психополитической совместимости. См.: *Булдаков В.* Временное правительство и Центральная рада: пределы психополитической совместимости лидеров // «Украинский вопрос» и революционные события в России 1917 года. СПб., 2006. С. 13—32.
- ⁶⁰ *Афанасьев И.* Проблема двоевластия и национальные движения на Украине и в Закавказье // Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 325.
- ⁶¹ *Верстюк В.* Центральная рада и Временное правительство (к истории украинско-российских отношений в 1917 году) // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. URL: <http://litopys.org.ua/vzaimo/vz15.htm>
- ⁶² См.: *Михутина И.В.* Украинский Брестский мир: путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной Рады. М., 2007. С. 8—11.

- ⁶³ *Козляков В.Е.* К вопросу о созыве и итогах работы съезда народов России в Киеве (сентябрь 1917 г.) // Беларусь — Украина: гістарычны вопыт узаемаадносін: матэр. Міжнар. навук. канф., Мінск, 18—19 сакавіка 2003. Мінск, 2004. С. 194—199.
- ⁶⁴ *Васильківський Л.* Причинки до історії української дипломатії в 1917—21 роках // Сучасність. 1970. Ч. 6 (114). С. 112—113.
- ⁶⁵ См.: *Лупандин О.* Політика Української Держави щодо державних утворень, що виникли на території колишньої Російської імперії // Проблеми вивчення історії Української революції 1917—1921 рр. Київ, 2002. Вип. 1. С. 135—136.
- ⁶⁶ В. Солдатенко придерживается иного мнения. В частности, он считает, что «...налаживание контактов между Киевом и Ростовом — центром антисоветского заговора генерала Каледина (на предложение Центральной рады к правительствам краев и областей бывшей «тюрьмы народов», кроме атамана Всеволодского Войска Донского, никто не отозвался), расценивалось как усилия вовсе не внешних независимых от советской России субъектов осуществлять собственный курс, а как действия внутренних антигосударственных сил, направленных на ликвидацию власти, все более поддерживаемой народными массами». То есть, после провозглашения УНР, еще некоторое время между Украиной и Россией не осуществлялось трансформирование межнациональных отношений в международные, а развитие событий расценивается им, как «внутренняя война». См.: *Солдатенко В.* Українська революція й пошук зовнішньополітичних орієнтацій УНР. С. 373.
- ⁶⁷ *Сергійчук В.* Указ. соч.
- ⁶⁸ *Суровцова Н.* Спогади. Київ, 1996. С. 75.
- ⁶⁹ *Кудлай А.* Створення та діяльність народного міністерства міжнародних справ Української Народної Республіки (червень 1917 — квітень 1918 рр.) С. 11.
- ⁷⁰ Там же. С. 18.
- ⁷¹ *Грушевський М.* Українська самостійність і її історична необхідність // Народна воля. 1918. 2 березня.
- ⁷² В украинской историографии детально рассмотрены особенности переговоров в Брест-Литовском, а также освещены биографии первых украинских дипломатов. См.: *Коваль В.* До історії української дипломатії: делегація УНР на Брестській мирній конференції // Наукові записки / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України: зб. праць молодих вчених. Київ, 1999. С. 206—220; *Шевченко С.* Микола Любінський і логіка червоного терору: невідомі сторінки українського Розстріляного відродження // Дзеркало тижня. 2008. № 15 (694) 19—25 квітня. И. Михутина, используя комплекс документов, в том числе и украинских, попыталась взвешенно интерпретировать переговоры в Бресте и участие в них украинской делегации. См.: *Михутина И.В.* Указ. соч.
- ⁷³ В. Соловйова подчеркивает, что «сам акт подписания договора был коллективным признанием УНР de jure как независимого государства». См.: *Соловйова В.* Дипломатична діяльність Української Держави в країнах Західної Європи // Україна дипломатична. 2003. Ч. 3. С. 382.
- ⁷⁴ Важной составляющей договора были экономические соглашения. См.: *Гай-Нижник П.* Фінансові взаємини Української Народної Республіки і Української Держави з Німеччиною та Австро-Угорщиною (1918 р.) // Україна дипломатична. 2003. № 3. С. 394—405.
- ⁷⁵ Центральный державный архив вищих органів влади і управління України (ЦДАВО України). Ф. 3766. Оп. 1. Д. 73. Л. 21.
- ⁷⁶ *Гуммерус Г.* Україна в переломні часи: шість місяців на чолі посольства у Києві: пер. з фін. Київ, 1997. С. 71—73.
- ⁷⁷ *Литинский В.* З епістолярної спадщини. Київ, 1996. С. 181—182.
- ⁷⁸ ЦДАВО України. Ф. 3766. Оп. 1. Спр. 9, 22.
- ⁷⁹ Детально о политике УД в отношении Крыма см.: *Матвієнко В.* До питання про самовизначення Криму в 1917—1918 рр. // Український історичний журнал. 2002. № 5. С. 80—92; *Драгоманов-Литинський С.* Скоропадський і Крим. URL: <http://politiko.ua/blogpost30796>
- ⁸⁰ В украинской материковой историографии О. Романчук первым попытался на основе изучения источников охарактеризовать сущность противоречий между УНР и Советской Россией в декабре 1917 г. Его выводы существенно отличались от существовавших в то время концепций видения хода исторических событий в Украине. См.: *Романчук О.К.* Ультиматум: хроніка одного конфлікту між Раднаркомом РРФСР і Центральною Радою. Київ, 1990.
- ⁸¹ ЦДАВО України. Ф. 3766. Оп. 1. Д. 61. Л. 53, 53 об.
- ⁸² Там же. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 3. Л. 30 а.
- ⁸³ Детально политику советского правительства в отношении Украины в 1918 г. и другие аспекты украинско-российских отношений рассмотрел А. Лупандин. См.: *Лупандин О.* Політика радянського уряду Росії щодо України у 1918 р. // Проблеми вивчення історії Української революції 1917—1921 рр. Київ, 2007. Вип. 2. С. 143—157.

Л.В. Ланник (Саратов)*

Брестская система международных отношений и германская военная элита

Брестская система международных отношений была создана 9 февраля — 29 апреля 1918 г., в период между заключением Германией «хлебного мира» с Украиной и до переворота в Киеве и установления гетманского режима. Она, прежде всего, интересна с точки зрения современной политики как пример казавшегося невероятным и противоестественным политического симбиоза, в частности, консервативной кайзеровской монархии, эволюционировавшей в сторону военной диктатуры, и ультралевого большевистского политического режима¹. Обеим сторонам приходилось вплетать громоздкую конструкцию брестских договоренностей в еще более глобальные процессы, причем большевикам — в сценарий мировой революции, а германским военным — в продолжающуюся Первую мировую войну. И тем, и другим приходилось бороться не только и не столько друг с другом, сколько с Антантой, «исключенной» организаторами из системы, но не прекратившей оказывать на нее огромное влияние.

Брестская система международных отношений представляет интерес и как конкретно-исторический процесс взаимодействия двух основных акторов и множества более мелких факторов (объектов), являя в то же время собой пример борьбы, в которой каждая из сторон была неуязвима на своем поле и почти беззащитна на чужом. Новая модель отношений между «победителями» и «побежденными» должна была учитывать и все более угрожающую обстановку в тылу, тем более что еще до подписания мира большевики сделали попытку асимметричного ответа на военное давление, пытаясь организовать всеобщие забастовки в Германии и Австро-Венгрии под антивоенными лозунгами в конце января 1918 г.

Брестская модель была еще и слишком фрагментарна. Ее «несущие конструкции» не согласовывались между собой, и постепенно исчезли надежды на то, что без прямого вмешательства немцев удастся это как-то исправить. Огромная инерция наступления на безбрежные пространства Востока увеличивала уже имеющиеся и добавляла принципиально новые пробелы и конфликты в системе. Пространства, которые она должна была охватить и регулировать, были титаническими по масштабам — от Мурманска до Баку и от Бухареста до Волги — и далеко выходили за рамки самого смелого воображения европейца, существенно превосходя задачу фиксации границ новых (и старых) восточных соседей Германской и Австро-Венгерской империй.

Тем не менее, германские военные, создав довольно непрочный и даже ущербный баланс, настойчиво пытались его улучшить, а потом и попросту удержать. Поэтому феномен соглашения с показательным грифом «Добавочный договор» был неизбежен. Подобный акт сам по себе являлся фактически официальным признанием краха предыдущей модели системы, хотя он и был стилизован под ее «косметический ремонт». Узость первой редакции Бреста, возможно, была продиктована желанием

¹ Ланник Леонтий Владимирович — кандидат исторических наук, Саратовская государственная юридическая академия.

максимально упростить грандиозную задачу, однако инерция распавшейся Российской империи была столь велика, что регулироваться по отдельности эти огромные пространства попросту не могли, хотя созданные Германией правительства новых государств отчаянно не желали признавать этого факта.

Действия германских военных демонстрируют их изобретательность, огромную долю импровизации и прожектерства, сложные компромиссы на грани авантюры с различными политическими силами бывшего запада и юга Российской империи, на которые им приходилось идти в своих заранее обреченных на провал попытках построить нечто устойчивое на огромной и очень пестрой территории, охваченной хаосом гражданской войны и межэтнических конфликтов. Грандиозность масштабов задачи, вставшей перед германскими военными, сравнима только с ее невероятной сложностью: Великая война выявила слабое знание России не только генералитетом кайзеровской армии, но и специалистами, учеными — «знатоками России». Волею судеб на Востоке оказались в рассматриваемый период едва ли не все выдающиеся военные умы Германской империи, «сосланные туда» или оставленные там за «ненадобностью» на Западе в ходе решающего рывка Людендорфа к победе весной — летом 1918 г.

Брестский мир 3 марта 1918 г. не может пожаловаться на недостаток внимания ни со стороны современников, ни со стороны исследователей как в России, так и в Германии, а также в странах бывшей Антанты. Безусловно, детальное изучение перипетий его подготовки, нюансов дипломатической тактики большевиков и их контрагентов, политических демаршей и планов, стремившихся к дезориентации противников договаривающихся сторон, многое прояснило в фактологии проблемы. Характерно, что при огромном внимании к Бресту и его последствиям взгляд германских военных фактически остается за пределами отечественного научного оборота. После волны переводов части германской послевоенной мемуаристики в 1920-х — начале 1930-х годов², затем почти полностью остановившейся, последовали совместные советско-восточногерманские публикации документов в 1960—1970-х годах³, характеризующиеся традиционно высоким качеством и не менее стандартной тенденциозностью в подборе материала⁴. Опубликованные в ФРГ В. Баумгартом почти одновременно с этим архивные материалы и фундаментальная монография по данной теме⁵ остаются до сих пор не востребованными отечественной историографией⁶. Несколько восполнили пробел публикации 1990-х годов, в том числе Ю. Фельштинского⁷, носящие, однако, также довольно предвзятый характер. Стали доступны работы украинских историков, написанные на основе опубликованных на Западе документов⁸, в которых подчас сильно искажаются события за счет презумпции факта существования отдельной, Украинской революции 1917—1918 гг.⁹ После войны свои оценки событиям на Востоке дали как виднейшие специалисты из военной элиты, задействованные в ходе войны на Западе, так и известные военные историки¹⁰.

Историография советско-германских отношений в 1918 г. весьма объемна. Тем не менее, приходится констатировать, что значительного прогресса в изучении темы по сравнению с уровнем 1960—1970-х годов не произошло, причем как в России, так и за рубежом. Очевидно стремление марксистской историографии сделать из военных лишь исполнителей политического заказа со стороны тех или иных, но непременно «реакционных» кругов кайзеровской Германии, а также не менее естественное желание послевоенной германской историографии не акцентировать внимание на достаточно узнаваемом методе действий милитаристов на Востоке.

Целью данной статьи является анализ истории международных отношений на западных окраинах бывшей Российской империи в 1918 г., в особенности отношения

к новому порядку на Востоке той группы людей, которая была одним из его творцов — германской военной элиты, т.к. характерные особенности Бреста были вызваны не только своеобразной моделью ведения переговоров большевиками после демарша Троцкого («ни мира, ни войны»), но и резкими действиями именно военных кайзеровской Германии, причем зачастую ценой открытого конфликта со своим же правительством и особенно дипломатами. Они оставляли за собой последнее слово в решении судьбы Бреста и впоследствии, готовясь в любой момент предпринять крайне рискованные шаги с непредсказуемыми политическими последствиями; причем переворот 29 апреля в Киеве стал только первым из них. Принимая во внимание специфику статуса и полномочий военных в руководстве Германии на завершающем этапе Великой войны, в данном случае важнейшие решения принимались именно ими, а потому важна позиция генералов, а не только дипломатов, хотя именно на них обращают внимание историки международных отношений. Поэтому представляется столь важным проследить эволюцию взглядов германских военных на меняющуюся на глазах обстановку на бывшем Восточном фронте, который вполне мог восстановиться.

Однозначность и эмоциональность оценок Брестского мира, а известное ленинское его определение — «похабный»¹¹ — сейчас сложно опровергнуть, заставляет обратиться к оценке Бреста не первыми его «жертвами», а, возможно, главными, которые по иронии судьбы и являлись его создателями — представителями германской военной элиты.

Вполне логично, что особый интерес должны вызывать оценки не только «пострадавших» от Бреста (прежде всего большевистской России), достаточно известных отечественной историографии, но и его «архитекторов», т.е. представителей германской военной элиты. Брестский мир в том виде, который он принял 3 марта 1918 г., планировался только одной стороной и осуществлялся ею как стратегическая военная операция, результаты которой и были зафиксированы юридически, насколько это вообще было возможно в тех обстоятельствах. При этом германские стратеги обязаны были задумываться о долгосрочном и стабильном функционировании создаваемого таким образом порядка на Востоке. Они были самой заинтересованной в этом стороной, считая «сторонами» этого договора акторов политики, а не ее объектов, а к таковым можно смело причислить, например, Австро-Венгрию и Украину, невзирая на их официальный статус в этой системе.

С советских времен точка зрения германской «военщины» сводится к достаточно однобокой картине неумного и непродуманного аннексионизма, в то время как политика большевистского руководства представляется чрезвычайно изворотливой и почти не просматриваемой для «реакционного» противника. В отечественной историографии по сей день транслируется ленинская оценка расклада сил в германских правящих кругах, деление их в ходе ожесточенных споров вокруг Бреста и после него на «военную» и «дипломатическую» партии¹². Подобную трактовку можно понять в связи с тогдашними политическими мотивами Ленина, объективным недостатком информации или даже намеренной дезинформацией. Тем удивительнее сохранение этой временной и явно конъюнктурной конструкции в историографии вопроса в постсоветской исторической науке. При этом можно констатировать, что в период с февраля по ноябрь 1918 г. представители германской военной элиты вынуждены были сменить несколько стратегий, которые позволили бы, по их мнению, продлить мир на Востоке и упрочить положение Германии после достигнутой ею «победы». Таким образом, именно оценки Брестской системы представителями германской военной элиты позволяют точно определиться не только с ее параметрами и структурой, но и с расстановкой сил в самой Германии.

Задача осложняется еще и тем, что очевидные рубежи 3 марта и 13 ноября 1918 г., т.е. день подписания и день денонсации этого договора соответственно, являются скорее показательными и касаются договора, как юридической реальности, не являясь поворотными пунктами для действовавшей системы международных отношений, более или менее ассоциируемой с Брестскими «соглашениями» (назвать их так довольно сложно, если учесть, что советская сторона демонстративно отказалась даже обсуждать предлагаемые ей условия, к удивлению немцев, подписав их 3 марта «как они есть»). Можно говорить о том, что у периода действия Брестской системы было множество «прологов», периодов, когда прояснялись детали будущей Ostpolitik, и «эпилогов», в ходе которых рушилось все, но факторы, определявшие облик Бреста, лишь постепенно прекращали оказывать свое воздействие, по-прежнему учитывая заинтересованными сторонами. Например, если понимать Брестскую систему как оформленное военное поражение сколько-нибудь правомочных преемников Российской империи, то принципиально она стала складываться если не с момента «Декрета о мире» от 26 октября 1917 г., то уж точно с начала переговорного процесса на фронтах и в Бресте. Таким образом, «пролог» или даже первый этап ее складывания можно начать с ноября 1917 г. С другой стороны, считая «Брестом» оккупацию германскими войсками пространств бывшей Российской империи, следует продлить его действие и своеобразный «эпилог» до середины апреля 1919 г., когда официально завершился вывод войск, а для Прибалтики этот процесс и вовсе характеризуется реорганизацией находившихся там кайзеровских частей во фрайкоры*, сражавшиеся против большевиков до середины осени 1919 г.

Решающая стадия оформления Брестской системы международных отношений стартовала 9—10 февраля 1918 г., когда был подписан мир между Украинской народной республикой и Центральными державами, а большевики в рамках известной формулы Л.Д. Троцкого не выполнили условия германского ультиматума о немедленном подписании мира. Начало боевых действий 18 февраля 1918 г. должно было лишь оформить расстановку сил, принципиально очерчивающую для германского МИДа и ОХЛ** будущий порядок на Востоке: независимая Украина, оккупированная германскими, а возможно, и австро-венгерскими войсками, переход всей Прибалтики под контроль Германской империи и оттеснение большевистских войск на значительное расстояние до тех пор, пока они не согласятся смириться со свершившимся фактом. Если некоторая инерция в оценках германской военной элитой боеспособности бывшей царской армии и присутствовала вплоть до начала вторжения, то развеялась она достаточно быстро. М. Гофман писал 20 февраля: «Свинства в русской армии гораздо больше, чем мы предполагали. Сражаться больше никто не хочет.. Сотни пушек, автомобилей, локомотивов, вагонов... дюжины дивизионных штабов захвачены без всякой борьбы». В последующие дни он прибавлял: «Большевики удирают.. Это самая комическая война, которую только можно себе представить. Она ведется только на железной дороге и на грузовиках...»¹³. Темпами и легкостью продвижения немцев были поражены не только большевики, но и сами немцы. Операции на Востоке были оценены как чисто «железнодорожные»¹⁴, налицо были признаки «головокружения от успехов», территориальных пределов продвижения никто не знал. Гофман писал, что он и подумать не мог когда-либо, что германскими войсками будет взят Харьков¹⁵. Борьба с этой эйфорией и неизбежной инерцией «удара в пустоту» в ОХЛ и не собирались. Начиная боевые действия после победы в ожесточенной борьбе с дипломатами и правительством, военные были убеждены в том, что по-

* От Freikorps (нем.) — добровольческие отряды. Вооруженные формирования в Германии 1918—1921 гг., созданные кайзеровскими офицерами и генералами для борьбы с «большевизацией» Германии.

** От Oberste Heeresleitung (нем.) — Верховное главнокомандование.

рядок могут и должны навести только они, при этом испытывая враждебное недоверие к МИДу, тем более удивительное, что большинство германских дипломатов вышли из военной среды. Тогдашний статс-секретарь по иностранным делам Р. Кюльман, выходец из недавно аноблированной буржуазной семьи, был скорее исключением, нежели правилом¹⁶. Принято упрекать Э. Людендорфа за чрезмерное количество войск на Востоке в решающие месяцы атак на Западе весной — летом 1918 г. По данным Г. Куля, в марте 1918 г. на Востоке было 54 дивизии и 13 бригад, около 1,45 млн. человек, все солдаты были старше 35 лет, и многие были из Эльзаса и Лотарингии¹⁷. К 1 октября 1918 г. на Восточном фронте оставались 540 тысяч солдат и офицеров¹⁸. О. Федюшин полагает, что наличие около 1 миллиона (!) солдат на Востоке весной — летом 1918 г. было тяжелейшей ошибкой Германии за всю Первую мировую войну¹⁹. Г. Куль разбирает эти споры, отстаивая недостаточные, но все-таки выдающиеся результаты оккупации Украины и демонстрируя, что для уменьшения войск на Востоке было сделано все возможное²⁰. Это, учитывая размеры занятых пространств, можно оспорить, но то, что он даже слишком сильно вмешивался в политику на Востоке вместо того, чтобы сосредоточиться на Западе, по крайней мере до начала там рокового кризиса в июле — августе 1918 г. — бесспорно. Собственно, с этим не спорил и он сам: «...Мы оставляли на востоке очень много войск. Но заключенный нами мир пока что держался силой оружия»²¹.

3 марта 1918 г., с точки зрения Бреста как действующей системы, является рубежом достаточно формальным. Куда более важным и показательным является, например, взятие Киева 1 марта 1918 г., в том числе и форма этого события, изображавшая тесный военный союз между германской армией и ею же созданными украинскими войсками. Немцы позволили торжественно вступить в Киев последним как новым союзникам, но В. Гренер оценивал их так: «Они охотно поиграют в декоративных солдатиков. Борьбу они, естественно, предоставят немцам»²². Уже в марте — апреле 1918 г. проявились все последствия дробления восточного гиганта, начатого еще «при жизни» Российской империи: маневры дипломатии воюющих держав вокруг восстановления независимости Польши, явная военная зависимость Румынии от российских дел с момента взятия немцами Бухареста, поддержка финских и закавказских сепаратистов. При том состоянии, в котором оказались союзники Германии зимой 1917—1918 г., эти осколки проигравшей империи выглядели едва ли не более жизнеспособными, чем ее «победившие» младшие партнеры, особенно Османская империя и Австро-Венгрия. Произошла замена одного глобального противостояния несколькими, если не десятком более мелких, при невыясненных, но явно недружелюбных отношениях чуть ли не всех со всеми. Чем более искусственным был поддерживаемый немцами «национальный проект» (Украина, татарская автономия в Крыму²³), тем богаче был набор вызванных им противоречий, тем неожиданнее были последствия первых же действий новых правительств, в том числе попытки эпигонов Российской империи поделить или купить Черноморский флот. Последнее вызывало сильнейшее (и вполне понятное) беспокойство не только у Турции и Болгарии, но и в морских штабах Германии и в ОХЛ, т.к. последнее полагало эти корабли едва ли не своим «призом»²⁴. Однако были и очевидные успехи в оформлении отношений на западных окраинах Российской империи, столь щедро взятых германскими военными на свой баланс. Это, во-первых, победа войск Р. фон дер Гольца²⁵ в войне с красновардейцами в Финляндии, приведшая к власти Э. фон Маннергейма, ставшего достаточно удобным и не беспомощным партнером (по словам Людендорфа: «Совместная работа с генералом Маннергеймом все время протекала успешно и была построена на взаимном доверии»)²⁶. А кроме того, действия литовской Тарибы, направленные на создание ассоциируемого с Германией государства, провозглашение Балтийского герцогства в Прибал-

тике²⁷ и относительно прочная военная диктатура Фалькенгайна на территории Белоруссии, о которой сам он писал, что его деятельность здесь «вроде командования корпусным округом», т.е. полностью административная²⁸. И все это без необходимых «танцев на яйцах» вокруг марионеточного местного правительства²⁹, которые так раздражали германских военных при контактах с Верховной Радой в Киеве. Некоторое время у них господствовала даже эйфория, любование своими решительными методами по наведению порядка там, где все бессильны. Сложные маневры германской дипломатии вызывали у военных почти презрение: «Власть Рады там, куда дошли наши штыки»³⁰; «большевики, с которыми “поженился” МИД, заряжают Украину беспорядками»; «в МИДе никак не поймут, что мы правим, а украинцы пляшут»; «Рада — студенческая сходка, где только кружок нехватает, да униформы ферейна» и т.д.³¹ Однако к концу апреля стало понятно, не только чего можно добиться чисто военными методами, но и чего сделать ими нельзя. Краеугольный камень Брестской системы — независимая, но послушная и щедрая Украина никак не получалась, и Гренер был в отчаянии от бесплодных «поисков с фонарем» людей³², с которыми можно было бы работать. Он очень быстро понял, что «эти грабители (т.е. большевики. — Л.Л.) управятся лучше, чем разнообразные утописты»³³.

Для того, чтобы разобраться со «сплошной чертовщиной» на Украине³⁴, 29 апреля 1918 г. германские военные решаются на дерзкий, но чреватый политическими последствиями ход: был инспирирован государственный переворот, приведший к власти гетмана. Шаг этот знаменовал начало следующего этапа функционирования Брестской системы, отредактированной весьма неловко и достаточно резко. Гетманский режим означал провал разыгрывания «национальной карты» и в перспективе — конфликт и партизанскую войну уже не только с большевиками, но и с националистами на Украине³⁵. Впечатление от развеянной таким образом окончательно легенды о «немцах-освободителях» было самое неблагоприятное. Режим гетмана был обречен стать квазимонархическим и потому пробелогвардейским, а значит, всегда была опасность слишком быстрого возвращения Украины «на грудь матушке-Москве»³⁶, но уже теперь не без интриг Антанты. Более того, Гофман полагал, что Эйхгорн и ОХЛ тем самым «стараятся (конечно, бессознательно) вновь объединить Украину с Великороссией»³⁷. Германских военных все сильнее увлекало юго-восточное направление. Ценность Прибалтики после переноса столицы большевиками в Москву с военной точки зрения упала почти до нуля. Поддержка же Маннергейма была достаточной для того, чтобы не допустить проникновения англичан по Мурманской железной дороге к Петрограду.

Установившаяся на московском направлении демаркационная линия устраивала обе стороны, хотя скандалы вокруг ее нарушения, в том числе в угаре украинского национализма, не утихали. Зато юго-восток притягивал все новые германские силы: 2 мая помощи кайзера запросили донские казаки и атаман П.Н. Краснов попытался обойти препоны в военных и дипломатических кругах Германии, используя династические связи и играя на тщеславии кайзера³⁸. Это сулило дальнейшее продвижение немцев уже без какого бы то ни было обеспечения и оправдания в рамках Бреста, а это не могло не тревожить тех, кто непосредственно отслеживал ситуацию на Востоке: «Я не очень хотел бы, чтобы мы впутывались в донские дела. Когда-нибудь должен же наступить конец нашему восточному наступлению...»³⁹.

Более того, ОХЛ, т.е. Людендорф, уверенное в своем всемогуществе и правоте по всем вопросам, стало встречать тайное сопротивление даже у своих верных соратников, например у Гофмана и в некоторой степени у Гренера, т.к. и тот, и другой сумели достичь определенного консенсуса с дипломатами. Чувствовавший себя «Робинзоном среди военных» посол в Киеве Мумм сумел достаточно удачно работать вместе с Гренером⁴⁰. То,

что Гофман у себя в Брест-Литовске фактически «играет» против Людендорфа, Гренер понял уже в начале апреля 1918 г.⁴¹ Остановить втягивание Германии в вопросы, касающиеся явно большевистской сферы ответственности, не удалось, а в мае 1918 г. между немцами и красногвардейцами вспыхнули открытые бои под Таганрогом, которые теперь было очень сложно списать на партизанщину, неподконтрольную Москве. Майор Ботмер из германского посольства 6 мая оценил отношение правительства в Москве к Германии как «несколько натянутое». Ситуацию крайне обострял вопрос о Черноморском флоте, бежавшем в Новороссийск, и о Крыме, сложно ассоциируемом с Украиной и не подвластном ни одному из великорусских правительств. Новым любимцем германских прожектеров стал и грузинский проект. Там были задействованы военные специалисты высокого уровня — фон Лоссов и Кресс фон Крессенштейн, что вызывало очень сильную ревность турок⁴². Тщетно Г. фон Сект призывал Энвер-пашу обратить внимание на угрозу в Месопотамии и в Палестине⁴³: турки рвались в Закавказье, только подогреваемые германской активностью в этом регионе. Брестская система становилась все более «дырявой», и уже 22 мая 1918 г. НКВД составил краткий список вопросов, которые следует обсудить при дополнении мирного договора⁴⁴. Гофман издевательски писал в конце мая уже о том, что «не имел бы ничего против того, чтобы продвигаться и дальше на восток. Лучше всего добраться до самой Индии»⁴⁵. Итоги нескольких месяцев «мира» Людендорф суммировал так: «На Восточном фронте положение не изменилось — оставалось неустойчивым», причем, по его характеристике, «большевизм вредил нам везде, где только мог», и главное: «Наша политика не способствовала приобретению нами в Великороссии друзей, которые могли бы нам помочь»⁴⁶.

На этом этапе слабость большевиков была осознана, наконец, в полной мере, однако, по иронии судьбы, момент наибольшей беспомощности московского правительства уже миновал. Еще 21 апреля М.Д. Бонч-Бруевич из Высшего военного совета РСФСР интересовался возможностью призыва молодежи для возможного возобновления боевых действий с Германией из-за нарушения ею демаркационной линии, а 12—13 июня разгорелся уже дипломатический скандал с угрозами, что Красная армия окажет самое действенное сопротивление продвижению немцев. При этом Людендорф заявлял, что в действительности все происходит наоборот и «большевистские банды все время проникают в охраняемые нами области»⁴⁷. Мощь собственных войск немцы начали постепенно переоценивать: наступление на Западе поглощало все новые резервы, а оставленные на Востоке войска были не только малочисленными, но и явно второсортными. На Востоке оставлены были ландштурмистские и кавалерийские части, состоявшие из едва годных или «старых», старше 35 лет, солдат, а также из ненадежных эльзасцев⁴⁸. Косвенным признанием этого стало симптоматичное желание Людендорфа «украинизировать» подавление сопротивления на Украине, а подобные меры всегда являются показателем недостатка сил⁴⁹.

Большевики после свержения Верховной Рады стали казаться германскому генералитету и дипломатам слишком слабым правительством, и, уверенные в своем всемогуществе и вдохновляемые дилетантскими проектами кайзера (считавшего, что Россию можно разделить на четыре государства, например на некий «Юго-Восточный союз»), они стали готовиться к свержению большевиков в ближайшее время. Одновременно они озаботились поисками другого партнера, который мог бы рассматриваться как всероссийское правительство и одновременно был бы готов к диалогу с Германией. Обоим условиям, однако, не удовлетворял никто, о чем и уведомлял в своем меморандуме ненавидимый Людендорфом Кюльман, на что Гофман 16 июня снисходительно отметил, что тот «не глуп»⁵⁰. Глава МИДа вполне подтвердил это, произнеся 24 июня

1918 г. свою знаменитую речь в рейхстаге, где, к возмущению военных, заявил, что победы только военными средствами в войне не достичь. Гренер писал 28 июня, что «более неумело сказать было просто нельзя». Но уже 5 июля он же считал, что «если бы пришлось выбирать, то уж лучше пусть остается Кюльман»⁵¹. Это укрепило Людендорфа во мнении, что все неудачи и неясности на Востоке связаны с политикой ненавистного дипломата, и подготовка «короткого удара» на Москву и (или) Петроград ускорила. 29 июня Гренер отметил, что между германскими армиями уже распределены направления наступления, а 30 июня, — что «в данное время ревизии Бреста не избежать»⁵². Однако, помимо этого решительного до одержимости сторонника силовых решений, в германской военной элите были и те, кто предлагал готовить захваты и удары путем политической пропаганды⁵³, в отсутствие которой эффект от действий немцев стоил им все дороже в глазах не только нейтральных стран, но и собственного рейхстага. Итоги германской Ostpolitik за этот период подводились на совещаниях 2—3 июля 1918 г., где было решено при наличии ряда новых территориальных требований все-таки не свергать пока большевиков, параллельно готовя им замену из числа других «сторонников порядка» из монархического лагеря, позволяя последним концентрироваться в Киеве⁵⁴. Посольство в Москве при этом полагало, что большевистское правительство продержится очень недолго, справедливо ожидая от открытия V Всероссийского съезда Советов самых неожиданных поворотов.

В такой обстановке убийство графа Мирбаха в Москве 6 июля 1918 г. могло стать последней каплей, если бы ОХЛ не было так занято на Западе. Состояние нервов Людендорфа внушало серьезные опасения, он все чаще срывался на ультиматумы по самым незначительным поводам⁵⁵. Моментальной военной реакции не последовало, Гофман на Востоке и так «совершенно исключал всякую мысль, что тут замешаны большевики»⁵⁶, а потому и не торопился принимать меры. Мощные эсеровские восстания (Ярославль и др.), в том числе объявление командующим Восточным фронтом М.А. Муравьевым войны Германии, несколько отрезвили Людендорфа: большевики действительно были единственным, пусть и возмутительно неудобным, партнером в России. Стартовал следующий этап эволюции Брестской системы, характеризующийся бесплодным поиском альтернативы большевикам и ростом страха перед торжеством Антанты на всем пространстве Российской империи. Само убийство Мирбаха Людендорф сумел-таки использовать в свою пользу, т.к. в отставку 9 июля наконец-то был отправлен Кюльман. Сам Людендорф писал, что для отставки Кюльмана «решительное значение имело его личное поведение в эти дни»⁵⁷. МИД возглавил адмирал П. фон Хинтце⁵⁸, бывший военным не менее, чем дипломатом, и проявивший себя как «более ловкий человек», «умеющий подойти к Людендорфу», хотя позиции старого и нового статс-секретарей относительно России не очень различались. «...Смешно вот что: он сказал примерно то же, что и Кюльман... По адресу того кричали: “Распни его!”», а речь Зольфа (зам. Хинтце. — Л.Л.) была встречена всеобщим восторгом»⁵⁹. Обреченное на оправдания большевистское правительство сумело вежливо, но твердо отклонить германское требование ввода в Москву батальона охраны посольства⁶⁰, а это означало, что на уровень оккупированной гетманской Украины низвести Советскую Россию не удастся. Германская сторона смогла ответить на это лишь эвакуацией посольства из Москвы, фактически добровольно лишая себя возможности эффективно влиять на ситуацию в большевистской России изнутри.

Теракт 6 июля, фактически оставшийся «неотмщенным», был явным крахом иллюзии всемогущества Германии и «ударов ее кулака» (название операции, начатой 18 февраля 1918 г.), но поскольку Брест распространялся и на Украину, а также оформился не

только как дипломатические отношения со странами-преемниками Российской империи, но и как прямая военная оккупация ее лимитрофов, то такая акция просто обязана была быть двойной. Так и случилось: кроме главного дипломата в России был убит и главный военный диктатор на Украине: 30 июля эсеры взорвали генерал-фельдмаршала Эйхгорна. Германские генералы впервые начали опасаться за свою безопасность. Успехи антибольшевистского движения в Сибири и на Кубани заставили их задуматься о последствиях того, что вскоре «Антанта посадит нового царя без нашего содействия»⁶¹. Брестская система трещала по швам: большевики так и не договорились ни с Финляндией, ни с Украиной, росло влияние Комуча, крепло Белое движение неясного пока потенциала. По оценке К. Гельфериха, в начале августа 1918 г. «сильнейшей опорой большевистского правительства в это критическое время явилось, хоть и *бессознательно и непреднамеренно* (выделено мной. — Л.Л.), германское правительство»⁶². Брестский мир фактически не действовал в Закавказье и вскоре (20 сентября) был разорван большевиками по отношению к Турции окончательно. Тщетно ОХЛ, предвидя это, уговаривало Энвер-пашу ограничить аппетиты и грозило немедленным отъездом всех германских офицеров из турецкой армии⁶³: германскому рывку к бакинскому сырью мешали младотурки. Впервые с августа 1914 г. германо-турецкий альянс был на грани распада.

Все более грозный оборот дел на Западе после «самого черного дня германской армии» 8 августа 1918 г.⁶⁴, пока еще не слишком осознанный ни друзьями, ни врагами Германии на Востоке, заставил ОХЛ снизить масштабы своего вмешательства в дела России и ее мятежных окраин. Гренер отмечал накануне, 7 августа: «Здесь, в Киеве мы... знаем о событиях на Западе настолько мало, как и обыватели на родине...»⁶⁵. Гофман, негодуя, писал 29 августа 1918 г.: «По-видимому, все люди так ослеплены или так глупы, что совершенно не замечают той опасности, которая угрожает нам на Востоке». И чуть дальше: «Мне, однако, кажется при этом, что Людендорф не хочет укрепиться на Востоке»⁶⁶. Остававшиеся на Востоке генералы все более пристально всматривались в неясные контуры катастрофы на Западе, утрачивая контроль над хитросплетениями интриг вокруг Москвы, Киева и Баку. Громадная и непредсказуемая по последствиям операция по смене основного контрагента по Ostpolitik казалась невыполнимой, а большевиков без германской помощи все никак не свергали. К середине августа 1918 г. стало ясно, что коней на переправе не меняют, хотя бежавший из Москвы и ненавидевший большевизм Гельферих 19 августа выражался прямо противоположно: «Пословица “нельзя сходить с коня, пока нет наготове другого” лишь полуправда»⁶⁷. Брестскую систему стали срочно «достраивать» и уточнять, форсировав подготовку проекта Добавочного договора. Отношения с большевиками потеплели до возобновления проектов совместных военных действий Финляндии, Советов и германского экспедиционного корпуса против Антанты на русском Севере. Однако параллельно разрабатывался и проект захвата Петрограда (операция «Шлюссштайн») под маской подготовки к этой операции «союзников»⁶⁸. Горячим поборником этой идеи выступал Гофман, но ему осторожно оппонировал глава МИДа Хинтце⁶⁹.

27 августа 1918 г. был заключен Добавочный договор, знаменовавший собой последний этап функционирования Брестской системы. Характерно, что, несмотря на то, что заключен он был от имени всех Центральных держав⁷⁰, разрабатывала его за них фактически только Германия. Это вызвало острое, но бессильное недовольство ее младших партнеров. Бросалось в глаза, что на уступки теперь пошли обе стороны, а четкость обязательств значительно сужала для германской стороны поддержку все новых «независимых» государств, выкроенных из обломков Российской империи. Оценки договора остаются достаточно разными: от обвинения большевиков в очередном

национальном унижении и ограблении России до резкой критики в адрес пошедшего у них на поводу германского МИДа. Принимая во внимание отчаянное положение большевиков в конце августа 1918 г., следует признать, что они чрезвычайно удачно сблефовали, заставив, например, немцев и отступить в вопросе о Баку, и возратить в обмен на неизбежные поставки золота часть Белоруссии (по крайней мере в отчете Чичерина о заключенных договорах от 27 августа сквозит сдержанное удовлетворение)⁷¹. ОХЛ вынуждено было приказать оккупационным войскам не предпринимать совместных с донскими казаками акций «ради больших выгод»⁷². Трогательное согласие между германскими военными и МИДом, которое, как казалось раньше, было ключом к решению всех проблем, теперь уже ничего не решало. Гофман писал о Хинтце 3 сентября 1918 г.: «Статс-секретарь, безусловно, ясно разбирается в положении. Неприятна только его самоуверенность. К моему изумлению, я убедился, что мы с ним одного и того же мнения о положении в России и о необходимости своевременно повести там наступление. Разногласия только в мелочах и сроках»⁷³. Так или иначе, теперь германская Ostpolitik была «приговорена» к сотрудничеству с большевиками. Это признал 3 сентября заместитель главы германского МИДа фон дер Бусше: «...Мы вынуждены также примириться с большевиками и продолжать вести с ними переговоры»⁷⁴. Пилюлю подслащали только поставки золота, сорванные ими при первой же возможности.

Военную элиту и дипломатов пугали масштабы начатого в конце августа «красного террора». Лишь теперь они поняли, что тот, «кто сует пальцы в котел революции, должен знать о последствиях», как заявил в рейхстаге Хинтце 24 сентября⁷⁵. Возник даже проект ультиматума большевикам о недопустимости подобных мер, но он был совершенно невыполним. Германские войска на Востоке из-за перебросок во Францию таяли, что должно было отразиться на поведении большевиков, ждавших подходящего случая для нового нажима на «германских империалистов», который представился к октябрю. Уже 3 октября Я.М. Свердлов на заседании ВЦИК заявил о том, что Реввоенсовет должен готовить деятельную военную и продовольственную помощь рабочему классу Германии и Австро-Венгрии⁷⁶. К концу сентября военное положение Германии настолько обострилось, что германские военные окончательно утратили возможность взвешенно оценивать не только события, видя за любым из них руку Антанты, но и людей: для Гофмана Хинтце уже оказался «ничтожеством», а 8 октября он же писал, что «Восток он удержал бы и без войск», что, конечно же, полный абсурд⁷⁷. Поводом к такой перемене, возможно, стало то, что оправдываясь в рейхстаге, Хинтце открыто заявил: «Мы имеем мир на Востоке, благодаря Брестскому договору. В наших интересах и в интересах союзников продлевать этот мир максимально долго»⁷⁸. 29 сентября при выходе из войны Болгарии в ходе совещания у кайзера паника охватила даже Людендорфа, потребовавшего перемирия и грозившего отставкой. Брест тем самым для германской военной элиты окончательно вписывался в контекст окончания Великой войны на Западе, хотя задумывался и поддерживался как нечто принципиально отдельное от нее. Германские войска на Востоке растаяли настолько, что и ранее неэффективная оккупация при росте партизанской войны теперь должна была быть и вовсе завершена. К концу октября даже на Западе батальон в среднем насчитывал 450 человек, из них в боевой линии — около 150 человек. В дивизиях было от 800 до 1200 штыков, т.е. вполне по меркам Гражданской войны в России⁷⁹. Людендорф писал: «Наш заслон против большевиков стал очень уж тонким и едва ли был достаточным. Генерал Гофман и я подчеркнули, что опасность большевизма очень велика и настаивали на необходимости сохранить пограничный кордон»⁸⁰. Для этого решения, катастрофического для всей сложившейся системы отношений, нехватало лишь времени и альтер-

нативного плана действий. Этого требовало и финансовое ведомство, а Людендорфу в условиях политических реформ оставалось только уговаривать не делать этого⁸¹.

Октябрь 1918 г. прошел под знаком «парламентаризации» монархии в Германии, ставшей под контроль рейхстага многие военные вопросы и лишившей Хинтце его поста, а также военных успехов Красной армии, паники разваливающегося младотурецкого правительства (турки уже в октябре просили Хинтце содействовать улаживанию отношений с большевиками, обзавясь ни на что, кроме территориальных условий собственно Брестского мира, не претендовать)⁸² и нарастающего кризиса гетманского режима. Новый канцлер, несмотря на весь свой либерализм, еще менее был расположен к большевикам, надеясь на будущее сплочение против них всех держав Запада. МИД во главе с Зольфом и Гофман продолжали даже в середине октября обсуждать проект взятия Петрограда с той горсткой войск, что еще была в распоряжении Обер Оста⁸³, но Ленин уже тогда справедливо отметил, что теперь самый опасный для Советской России империализм — англо-американский⁸⁴. В результате коммунистической пропаганды к этому моменту «мораль и ценность оставшихся на Востоке войск растаяла»⁸⁵. После отставки Людендорфа в конце октября Восток покинул и тот, кто мог достаточно удачно балансировать в сложном наборе украинских «неприятностей»: Гренер возглавил 4-е и последнее ОХЛ. Теперь *Ostpolitik* оказалась без компетентного и военного, и дипломатического «присмотра», подготовка капитуляции поглотила силы всех ведомств Кайзеррейха. Именно поэтому достаточно невинный по сравнению с предыдущими кризис в дипотношениях в связи с высылкой А.А. Иоффе и миссией К.Б. Радека в начале ноября привел к решению, казавшемуся самым простым и понятным: полному их разрыву 5 ноября 1918 г. Возможно, его спровоцировало и то, что в отличие от инцидента 6 июля Советская Россия и не подумала оправдываться, предъявляя встречные претензии⁸⁶. Германия отворачивалась от большевиков, Людендорф даже посчитал, что в связи с этим «мы вновь перешли к состоянию войны с Россией»⁸⁷, считая, что Антанта после открытия Дарданелл (вследствие капитуляции Турции) все равно свергнет их в ближайшее время. Она бросала Восток на произвол судьбы тогда, когда он был к этому совершенно не готов: развал оккупационных частей стал фактом, а пространства Украины были еще слишком нужны для эвакуации людей, ценностей и документов не только оттуда, но и из Османской Турции и Кавказа. Например, через Одессу, сильно рискуя, сумел спастись от интернирования Антантой по Мудросскому перемирию Г. фон Сект⁸⁸.

Итоговая денонсация Брестского мира 13 ноября казалась оформлением уже случившегося крушения системы «кайзеровская Германия — большевики», однако, при всем последующем пафосе освобождения от гнета «германских империалистов», хотели ли ликвидации этой системы в целом большевики — неизвестно и даже весьма сомнительно. Конечно, пересмотр условий партнерства был желанным и неизбежным, но вот разрыв отношений с правительством Германии вообще, тем более с нынешним — революционным Советом народных уполномоченных (СНУ) — совершенно не имелся в виду и оказался довольно неожиданным. Фактически правительство М. Баденского, обеспечив Ф. Эберту преемственность своим последним актом 9 ноября, не меньшую услугу оказало и до этого, взяв на себя рискованную в условиях революции операцию по выдворению большевистского посольства. Это оказалось весьма кстати умеренно-левым, а у Ленина вызывало поначалу лишь недоумение и только впоследствии плохо скрываемое возмущение. В этом смысле можно говорить о том, что денонсация Брестского мира была не ликвидацией системы, а призывом к поиску новой платформы с тем же, по существу, антиантантовским содержанием. Так, в самом тексте акта об аннулировании договора подчеркивалось, что первым же актом нового революционного

правительства Германии был «призыв советского посольства»⁸⁹, что являлось некоторым преувеличением. Однако, поскольку попытка не удалась, позднее торжественное заявление от 13 ноября было обращено в первую очередь в акт ликвидации несправедливости. Шансы на желательный для Советов сценарий были нулевыми, т.к. СНУ Эберта, действующее в союзе с ОХЛ во главе с Гренером, относительно Востока уже вошло в иную систему отношений, что и было оформлено одной из статей Компьенского перемирия. Судьбы пространств, где раньше открыто действовали лишь две силы, предоставлялись третьей — странам-победительницам. Нарочито медленный вывод германских войск, казалось, оставлял шансы на советско-германское взаимопонимание, однако он регулировался Антантой, не собиравшейся содействовать укреплению большевиков. Кроме того, ни правительство, ни даже командование некоторое время не могли быть уверены в том, что войска будут повиноваться им еще хоть какое-то время и окажутся способны к чему-либо еще, помимо отхода на родину. Гофман 22 декабря 1918 г. писал: «Все же я надеюсь, что удастся в порядке отвести войска на родину. Но это становится все более затруднительным. Солдаты слишком глупы, их ничему нельзя научить». А вот его слова 31 декабря: «У нас, к сожалению, свинство: мы Ригу больше не в состоянии удерживать. Войска больше не хотят сражаться»⁹⁰. Перед своим уходом в отставку по состоянию здоровья в январе 1919 г. к ставке на добровольческие отряды призывал и Э. фон Фалькенгайн⁹¹. Позднейшие тайные интриги сторонников нового «союза с дьяволом» против Антанты в германской военной элите в 1919—1920 гг.⁹² относятся уже к совершенно иной, небрестской ситуации, когда 7 мая 1919 г. стали известны параметры «Бреста на Западе», т.е. Версальского мира. Думается, что лучше всего подвел итоги Бреста один из идеологов «консервативной революции» Э. Никиш: «Позиция, которую Германия заняла по отношению к России, решила ее собственную судьбу»⁹³.

Таким образом, Брестская система международных отношений, созданная и пестуемая германской военной элитой несмотря ни на что, за время своего недолгого восьмимесячного существования прошла несколько этапов. При той калейдоскопической быстроте развития событий, которая характерна для России и ее соседей в 1918 г., при лихорадочной изворотливости германского военного и политического руководства одно из оснований Бреста осталось неизменным: он действовал на основе сосуществования исключительно с большевистской Россией. Характерно, что познать столь неудобную им истину несменяемости и неожиданной жизнеспособности большевистского режима германским военным пришлось значительно раньше, нежели всем прочим неприятелям «красной» России. Запоздалым признанием этого стала «дипломатическая капитуляция», т.е. разрыв дипломатических отношений с большевиками по инициативе Германии, тем более показательная, что Брестский мир был продиктован и казался выгодным только для нее.

¹ Достаточно процитировать фразу из дневника В. Гренера от 10 июля: «Своеобразие нынешней обстановки на Востоке в том, что мы — германская монархия — вынуждена в настоящий момент поддерживать русских большевиков, то есть самых крайних из социалистов, à la Ледебур, Гааза и Кон!» См.: *Groener W.* Lebenserinnerungen. Jugend, Generalstab, Weltkrieg. Göttingen, 1957. S. 571.

² *Гофман М.* Записки и дневники, 1914—1918. Л., 1929; *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М., 2005; *Hindenburg P.* Aus meinem Leben. Leipzig, 1920; *Seeckt H.* v.: 1) Aus meinem Leben, 1866—1917 / unter Verwendung des schriftlichen Nachlasses im Auftrage v. D. v. Seeckt, v. F. v. Rabenau; Hrsg. v. F. v. Rabenau. Leipzig, 1939; 2) Seeckt: aus seinem Leben, 1918—1936 / unter Verwendung des schriftlichen Nachlasses im Auftrage v. D. v. Seeckt, v. F. v. Rabenau. Leipzig, 1940.

³ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: [в 2 т.]. М., 1968. [Т. 1: 1917—1918 гг.]; М., 1971. [Т. 2: 1919—1922 гг.].

- ⁴ Характерны даже названия. См., напр.: *Berthold L., Neef H. Militarismus und Opportunismus gegen die Novemberrevolution.* 2. erw. u. überarb. Aufl. B., 1978.
- ⁵ Von Brest-Litowsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman. März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971; *Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges.* Wien; München, 1966.
- ⁶ Лишь часть этих источников введена в отечественный научный оборот, но не историками, а филологами. См.: *Козонкова О.В. Революционная Россия глазами западноевропейского интеллектуала: «Письма из Москвы» (1918) Альфонса Паке // Вестник Саратовского государственного университета.* Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2012. Вып. 1. С. 98—106.
- ⁷ См.: *Ботмер К. С графом Мирбахом в Москве.* М., 2010. См. также и иной взгляд немца из большевистской Москвы: *Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги? М., [2008].*
- ⁸ См. наиболее известную подборку: *Germany and the Revolution in Russia, 1915—1918: Documents from the Archives of the German Foreign Ministry.* L., 1958.
- ⁹ См.: *Федюшин О. Украинская революция, 1917—1918.* М., 2007.
- ¹⁰ См., напр.: *Куль Г., Дельбрюк Г. Крушение германских наступательных операций 1918 г. М., 1935.*
- ¹¹ См.: *Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 92—111.*
- ¹² Там же. С. 333—334. См., напр.: *Нотович Ф.И. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914—1918 гг. [М.], 1947; Кобляков И.К. От Бреста до Рапалло: очерки истории советско-германских отношений с 1918 до 1922 г. М., 1954; Брюнин В.Г. Советско-германские отношения накануне Ноябрьской революции // Ноябрьская революция в Германии: сб. ст. и материалов. М., 1960; Ахтамзян А.А. От Бреста до Киля: провал антисоветской политики германского империализма в 1918 году. М., 1963; Чубарьян А.О. Брестский мир. М., 1964; Дробкин Я.С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967.*
- ¹³ *Гофман М. Указ. соч. С. 240—241.*
- ¹⁴ *Groener W. Tagebuchaufzeichnungen, 1—2 März // Von Brest-Litowsk zur deutschen Novemberrevolution.* Göttingen, 1971. S. 264—266.
- ¹⁵ *Гофман М. Указ. соч. С. 245.*
- ¹⁶ *Goetz W. Die Erinnerungen des Staatssekretärs Richard von Kühlmann.* München, 1952.
- ¹⁷ *Гофман М. Указ. соч. С. 260.*
- ¹⁸ *Куль Г., Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 32, 34—41.*
- ¹⁹ См.: *Федюшин О. Указ. соч. С. 288, 293.*
- ²⁰ *Куль Г., Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 53—57.*
- ²¹ *Людendorф Э. Указ. соч. С. 580.*
- ²² *Groener W. Tagebuchaufzeichnungen, 2 März. S. 264.*
- ²³ См. подр.: *Baumgart W. Op. cit. S. 151—155.*
- ²⁴ См., напр.: *Советско-германские отношения ... [Т. 1]. С. 502—504.*
- ²⁵ См. подр.: *Goltz R. von der. Meine Sendung in Finnland und im Baltikum.* Leipzig, 1920. S. 53—72.
- ²⁶ *Людendorф Э. Указ. соч. С. 638.*
- ²⁷ См. программу целей германского ОХЛ и правительства относительно переустройства Прибалтики, принятую 10—11 марта 1918 г., а также позицию прусских ведомств по дальнейшему развитию отношений с вновь создаваемыми вассалами: *Советско-германские отношения ... [Т. 1]. С. 478—482, 514—517.*
- ²⁸ См.: *Afflerbach H. Falkenhayn: Politisches Denken und Handeln im Kaiserreich.* München, 1994. S. 486—487.
- ²⁹ *Groener W. Lebenserinnerungen ... S. 566, 568.*
- ³⁰ *Idem. Tagebuchaufzeichnungen, 10 März. S. 290.*
- ³¹ Цит. по: *Baumgart W. Op. cit. S. 121, 125, 130 ff.*
- ³² См. его письмо от 13 апреля: *Groener W. Lebenserinnerungen ... S. 568.*
- ³³ *Groener W. Tagebuchaufzeichnungen, 12 März. S. 304.*
- ³⁴ *Гофман М. Указ. соч. С. 246.*
- ³⁵ Перефразируя К. Клаузевица о войне, как продолжении политики, В. Гренер писал: «Мир на Востоке — продолжение войны теми же средствами». См.: *Groener W. Tagebuchaufzeichnungen, 11 Juni. S. 394.*
- ³⁶ *Groener W. Lebenserinnerungen ... S. 568.*
- ³⁷ *Гофман М. Указ. соч. С. 247.*
- ³⁸ См.: *Baumgart W. Op. cit. S. 139—144.*
- ³⁹ *Гофман М. Указ. соч. С. 247.*
- ⁴⁰ См.: *Baumgart W. Op. cit. S. 116.*
- ⁴¹ *Groener W. Lebenserinnerungen ... S. 568.*
- ⁴² См.: *Baumgart W. Op. cit. S. 178—186; Людendorф Э. Указ. соч. С. 674.*

- ⁴³ См.: *Seeckt H. v. Seeckt: Aus seinem Leben, 1918—1936. S. 27—37 ff.* Того же требовал и Людендорф. См.: *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 632—633.
- ⁴⁴ Советско-германские отношения ... [Т. 1]. С. 540.
- ⁴⁵ *Гофман М.* Указ. соч. С. 248.
- ⁴⁶ *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 651, 670, 737.
- ⁴⁷ Советско-германские отношения ... [Т. 1]. С. 511—513, 554—557.
- ⁴⁸ См.: *Куль Г., Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 72—75, 80, 199; *Базаревский А.* Мировая война 1914—1918 гг. Кампания 1918 года во Франции и Бельгии. Т. 1. М.; Л., 1927. С. 46—47, 156—157.
- ⁴⁹ См. его телеграмму Гренеру: *Groener W. Lebenserinnerungen ... S. 400—401.*
- ⁵⁰ *Гофман М.* Указ. соч. С. 248.
- ⁵¹ *Groener W. Lebenserinnerungen ... S. 570.*
- ⁵² *Ibidem.*
- ⁵³ См. меморандум начальника соответствующего отдела в Генштабе полковника Хефтена от 3 июня 1918 г.: Советско-германские отношения ... [Т. 1]. С. 544—551.
- ⁵⁴ Советско-германские отношения ... [Т. 1]. С. 566—578.
- ⁵⁵ См.: *Baumgart W.* *Op. cit.* S. 171—172.
- ⁵⁶ *Гофман М.* Указ. соч. С. 250.
- ⁵⁷ *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 668.
- ⁵⁸ См. подробнее: *Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär: Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903—1918. München, 1998.*
- ⁵⁹ *Гофман М.* Указ. соч. С. 253.
- ⁶⁰ Советско-германские отношения ... [Т. 1]. С. 582—585.
- ⁶¹ *Гофман М.* Указ. соч. С. 251, 253.
- ⁶² *Ботмер К.* Указ. соч. С. 371—396.
- ⁶³ См.: *Baumgart W.* *Op. cit.* S. 191—192, 195—201.
- ⁶⁴ *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 696.
- ⁶⁵ *Groener W. Lebenserinnerungen ... S. 571.*
- ⁶⁶ *Гофман М.* Указ. соч. С. 254.
- ⁶⁷ Советско-германские отношения ... [Т. 1]. С. 597.
- ⁶⁸ См.: *Baumgart W.* *Op. cit.* S. 113—117.
- ⁶⁹ См.: *Ibidem.* S. 307—309.
- ⁷⁰ Советско-германские отношения ... [Т. 1]. С. 605—613.
- ⁷¹ Там же. С. 642—646.
- ⁷² См.: *Baumgart W.* *Op. cit.* S. 146.
- ⁷³ *Гофман М.* Указ. соч. С. 254.
- ⁷⁴ Советско-германские отношения ... [Т. 1]. С. 646.
- ⁷⁵ Цит. по: *Baumgart W.* *Op. cit.* S. 318.
- ⁷⁶ Советско-германские отношения ... [Т. 1]. С. 655.
- ⁷⁷ *Гофман М.* Указ. соч. С. 256, 258.
- ⁷⁸ Цит. по: См.: *Baumgart W.* *Op. cit.* S. 302.
- ⁷⁹ См.: *Куль Г., Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 72—75, 80, 199.
- ⁸⁰ *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 771.
- ⁸¹ См.: *Baumgart W.* *Op. cit.* S. 149—151; *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 772.
- ⁸² См.: *Baumgart W.* *Op. cit.* S. 206.
- ⁸³ См.: *Ibidem.* S. 332—333.
- ⁸⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. X—XIV.
- ⁸⁵ Цит. по: *Baumgart W.* *Op. cit.* S. 347.
- ⁸⁶ Советско-германские отношения ... [Т. 1]. С. 664—668, 670—671.
- ⁸⁷ *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 771—772.
- ⁸⁸ См. подр.: *Seeckt H. v. Seeckt: Aus seinem Leben, 1918—1936. S. 114—115.*
- ⁸⁹ Советско-германские отношения ... [Т. 1]. С. 679—680.
- ⁹⁰ *Гофман М.* Указ. соч. С. 262—263.
- ⁹¹ См.: *Afflerbach H.* *Op. cit.* S. 490—491.
- ⁹² См., напр.: *Koenen G. Der Russland-Komplex: Die Deutschen und der Osten, 1900—1945. München, 2005. S. 294—296.*
- ⁹³ Цит. по: *Нотович Ф.И.* Указ. соч. С. 211. См. также: *Никуш Э.* Политические сочинения. СПб., 2011. С. 58—60.

Г. Мамулия (Франция)*

Кавказ и державы Четверного союза в 1918 г.

В истории народов Кавказа 1918 г. сыграл важнейшую роль. Вырвавшись из провинциальной фазы своей истории в составе Российской империи, Кавказ в 1918 г., как и сегодня, оказался вовлеченным в бурные международные отношения, давшие шанс народам региона приступить к строительству независимых государств.

Тем не менее, несмотря на наличие достаточно богатой исторической литературы, посвященной, прежде всего, отдельным возникшим в 1918 г. государствам Кавказа¹, историография этого вопроса страдает, в частности, одним существенным недостатком — изучением проблемы возникновения кавказских государств в узконациональном контексте, игнорируя тот факт, что Кавказ в 1918 г. рассматривался присутствующими в регионе великими державами скорее единым, а не расколотым на национальные составляющие регионом. Исходя из этого ситуацию, сложившуюся в том или ином государственном образовании Кавказа этого периода, невозможно понять в отрыве от положения в других частях региона. Особенно явно упомянутая тенденция прослеживается в исследованиях, изданных в государствах Кавказа в течение последних двадцати лет².

Гораздо лучше обстоят дела в западной историографии, где уже в 1950—1970-х годах были изданы капитальные исследования, охватывающие если не целый Кавказ, то по крайней мере его южную часть, или Закавказье³. Исключение в этом отношении составляет лишь исследование В. Биля, а также классический труд В. Аллена и П. Муратова, охватывающий, хотя в основном с точки зрения военной истории, события и на Южном и на Северном Кавказе⁴.

В данной статье ставятся следующие цели: проследить генезис и последующее развитие интеграционных проектов, осуществлявшихся в это время местной политической элитой как на Южном, так и на Северном Кавказе; проанализировать роль германского и турецкого факторов в возникновении на Кавказе независимых государств; показать, в какой мере существующие на Кавказе германо-турецко-большевистские противоречия использовались местной политической элитой для достижения своих целей; прояснить значение нефтяного фактора в становлении независимых государств Южного и Северного Кавказа.

Первые попытки консолидации народов Кавказа

В 1917 г. национально-освободительное движение народов Кавказа вступает в качественно новую стадию. После Февральской революции и последовавшим за ней свержением монархии в России имперские тиски, безжалостно удерживавшие в составе империи насильственно инкорпорированные в нее нерусские народы, значи-

* Мамулия Георгий — PhD, Высшая школа общественных наук (Париж).

тельно ослабели, а пришедшее к власти в Петрограде правительство А. Керенского в целом склонялось к федеративному устройству России. Упомянутые события оказали непосредственное влияние на развитие политической ситуации как на Северном, так и на Южном Кавказе.

В мае 1917 г. во Владикавказе состоялся первый съезд Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, включавшего в себя представителей всех горских народов Северного Кавказа. Понимая, что в сложившейся ситуации требование полной независимости Северного Кавказа было невозможно, съезд выразил поддержку деятельности Временного правительства, подчеркнув при этом необходимость сохранения завоеваний Февральской революции на основе дальнейшей федерализации и демократизации российского государства⁵.

В октябре того же года с целью предотвращения национальных столкновений, а также сглаживания все более и более сказывавшихся противоречий между горским и казачьим населением Северного Кавказа было принято решение о вхождении Союза объединенных горцев в Юго-Восточный Союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. Упомянутая региональная организация объединяла в своем составе казацкие войска Дона, Кубани, Терека и Астрахани, горцев Кавказа, а также представителей «вольных народов степей» — ногайцев, караногайцев и туркмен Ставропольской губернии и Терского края. Целью этого Союза было «достижение скорейшего учреждения Российской демократической федеративной республики с признанием членом Союза отдельными ее штатами»⁶. Таким образом, в период между Февральской революцией и Октябрьским большевистским переворотом 1917 г. политические лидеры горцев, исходя из пределов возможного, в основном сосредоточились на достижении политической консолидации народов Северного Кавказа как основы дальнейшей борьбы за независимость.

Аналогичная ситуация сложилась и на Южном Кавказе, где еще в марте 1917 г. был создан Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ), наделенный Временным правительством функциями гражданской администрации этого края. Как и в случае с Северным Кавказом, основной целью ОЗАКОМа являлось поддержание согласия между кавказцами и пришлым русским населением Закавказья. Председателем ОЗАКОМа был назначен русский кадет В. Харламов, в то время как один из руководителей грузинских социал-демократов Акакий Чхенкели был включен в состав этого комитета в качестве представителя Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов на Кавказском фронте, наряду с этим представлявшего в ОЗАКОМе и революционные организации Закавказья⁷.

Весной 1917 г. руководители национал-демократической партии Грузии, понимавшие важность объединения народов Кавказа как единственно возможного фундамента их независимости, приняли меры для установления самых тесных отношений с лидерами Союза объединенных горцев. В мае этого года грузинская делегация, представленная такими видными вождями национал-демократов, как Шалва Амиреджиби, Шалва Карумидзе, Давид Вачнадзе и Дмитрий Чиабришвили, приняла участие в первом съезде Союза объединенных горцев, подробнейшим образом обсудив с местными руководителями вопрос о необходимости согласованных действий народов Северного и Южного Кавказа. На страницах газеты «Сакартвело» («Грузия») — центрального органа национал-демократической партии — Амиреджиби опубликовал восторженную статью, посвященную росту чувства региональной солидарности среди горцев Кавказа⁸.

Октябрьский большевистский переворот в Петрограде перерезал последнюю нить, связывавшую Кавказ с Россией, открыв местным народам тернистый путь к

независимости. 15 октября, день спустя после выборов в Закавказский сейм — законодательный орган, состоявший из местных депутатов в общероссийскую Государственную думу, — ОЗАКОМ сложил свои полномочия, передав власть Закавказскому комиссариату под председательством грузинского социал-демократа Евгения Гегечкори. С формальной точки зрения Закавказский комиссариат должен был управлять Южным Кавказом до восстановления законной власти в Петрограде⁹.

Турецкий фактор

Стремительно развивавшиеся события на Кавказском фронте оказали, однако, свое влияние на ситуацию на Кавказе. Уже в первые месяцы 1918 г. под влиянием большевистской пропаганды дислоцированные на русско-турецком фронте российские войска стали стремительно разлагаться. Целые части и соединения самовольно начали покидать свои боевые позиции, стремясь как можно быстрее возвратиться домой. Созданным положением не преминуло воспользоваться турецкое командование, приказавшее своим войскам занимать оставленные русскими войсками территории. Параллельно с этим активизировалась и турецкая дипломатия, стремившаяся, в нарушение соглашения, заключенного Стамбулом с представителями Комитета освобождения Грузии в 1915 г., использовать это обстоятельство для осуществления в отношении Южного Кавказа политики аннексий. Незадолго до заключения Брест-Литовского мирного договора турки добились от своих германских союзников согласия на аннексию Османской империей областей Карса, Ардагана и Батуми — регионов, захваченных Российской империей у Турции в результате войны 1877—1878 гг.¹⁰ Первоначально немцы не хотели позволить туркам захватить сам Батуми, отлично понимая важность этого города для экономической жизни Закавказья. Во время Трапезундской конференции они склонялись к мнению передать туркам лишь южную часть Батумской области без самого города¹¹.

Следует отметить, что определенную вину за подобный исход событий несли и руководители Закавказья, продолжавшие придерживаться ориентации на мифическую «русскую демократию», несмотря на тот факт, что в Москве в то время находилось уже большевистское правительство. Не воспользовались грузинские социал-демократы и возможностью, объявив независимость Закавказья, попытаться заблокировать турецкие территориальные воцеления с помощью немецкой стороны, подключив к делу руководителей Комитета освобождения Грузии, которым к тому времени удалось завоевать определенные симпатии в Берлине, ознакомив правящие круги Германии с проблемой Грузии и Кавказа¹².

По мере продвижения турецких войск на Кавказ изменилась политика Османской империи и в отношении горцев. Раньше турки соглашались способствовать деятельности горских эмигрантов, тайно проникающих с турецкой территории на Северный Кавказ с целью ведения там пропаганды в пользу независимости этого края. Однако с начала 1918 г. младотурки стали помышлять об установлении над регионом прямого контроля. Так, ингуш Джемал Албогачиев и дагестанец Атабек Учмиев, поддерживавшие связь с немцами еще с начала войны и намеревавшиеся в это время пробраться на Кавказ с турецкой территории для ведения там пропаганды в пользу горской независимости, были задержаны в Стамбуле. Турки заявили Албогачиеву, что он получит право поездки на Кавказ лишь в том случае, если будет вести пропаганду в пользу установления на Северном Кавказе турецкого протектората¹³. В подобном неблагоприятном историческом контексте инициатива руководителей Союза

горцев Северного Кавказа и Дагестана относительно создания единого кавказского государства вряд ли могла быть удачной.

Тем не менее сразу же после большевистского переворота руководство Союза горцев приняло срочные меры для установления связей с политическими деятелями Закавказья. В декабре 1917 г. один из наиболее активных членов правительства Союза горцев Гайдар Баммат (Бамматов) получил поручение «войти в контакт с грузинскими и армянскими национальными советами и, если понадобится, заключать соглашения от имени горского правительства»¹⁴. 28 февраля 1918 г. правительство Союза горцев делегировало на Южный Кавказ особую делегацию в составе Абдул-Меджида (Тапы) Чермоева, Гайдара Баммата, Зубаира Темирханова и Кади Дебирова. В ее задачи входило «принять решительные меры к политическому воссоединению территории и народов Северного Кавказа и Дагестана с Закавказьем», а также «вступить в сношения с Оттоманской империей и союзными ей державами для выяснения возможности активной поддержки названными государствами независимого кавказского государства, находящегося в экономических и военных связях с Турцией и державами Центральной Европы»¹⁵.

В то время, однако, все внимание закавказских руководителей было приковано к переговорам с Турцией, начавшимся в середине марта 1918 г. в Трапезунде. Неправильно оценив создавшиеся реалии, закавказское правительство отказалось провозгласить независимость Южного Кавказа, наивно полагая, что таким образом ей удастся лучше обосновать свою юридическую позицию непризнания касающихся Закавказья условий Брест-Литовского договора. Прибывшие в Трапезунд для ведения переговоров как с закавказской, так и с оттоманской делегацией представители Северного Кавказа, приезд которых фатальным образом совпал с отзывом закавказской делегации в Тифлис и разрывом переговоров, с самого начала оказались в сложном положении. Желая воспользоваться военной и политической помощью Стамбула, представители горцев, стремившиеся одновременно к объединению территорий Северного и Южного Кавказа и созданию на этой основе единого кавказского государства, не могли не осознавать негативных последствий, которыми были чреваты для их планов экспансионистские устремления младотурок. Все это нашло свое отражение в тексте заявления, переданного 14 апреля председателем горской делегации Бамматом Рауф-бею и Чхенкели — главам оттоманской и закавказской делегаций на Трапезундской мирной конференции. Подчеркивая, что «Закавказье не может существовать как самостоятельный государственный организм без воссоединения с территорией горцев Дагестана и Северного Кавказа», а также тот факт, что «создание единого Кавказа властно диктуется соображениями экономическими и политическими», представители Союза горцев выступали за скорейшее заключение мира между Оттоманской империей и Закавказьем. «Мы твердо знаем, что прочный мир и возможность культурного строительства на Кавказе будут созданы лишь тогда, когда мы сумеем войти в добрососедские и дружественные отношения с соседними странами и над скорейшим созданием необходимой для того обстановки мы будем работать и впредь, как работали до сегодняшнего дня, как в Тифлисе, так и здесь в Трапезунде и, если понадобится, и в Константинополе», — говорилось в конце документа¹⁶. По свидетельству Баммата, отправившаяся после срыва трапезундских переговоров в Стамбул горская делегация пыталась склонить руководство младотурок занять более конструктивную позицию в отношении Закавказья¹⁷.

Попытки эти, однако, оказались безуспешными, и, воспользовавшись фактом срыва переговоров, турки возобновили боевые действия, захватив в середине апреля требуемые ими области. 15 апреля турецкие войска вступили в Батуми. В подобных ус-

ловиях руководство Закавказья было вынуждено просить мира, приняв турецкое предложение о возобновлении мирных переговоров в захваченном турками городе. Так как предварительным условием возобновления переговоров турки ставили провозглашение формальной независимости Закавказья, 22 апреля была официально объявлена независимость Закавказской Федеративной Демократической Республики¹⁸.

Батумская мирная конференция и проекты единого Кавказа

Ситуация, создавшаяся на Батумской мирной конференции, позволила как южным, так и северным кавказцам приступить к более активному обсуждению интересующих их вопросов. Способствовало этому и то обстоятельство, что в отличие от переговоров в Трапезунде, которые шли на двустороннем уровне между представителями Османской империи и Закавказья, в Батумской конференции принимала участие и германская сторона в лице немецкого главнокомандующего в Стамбуле баварского генерал-майора Отто фон Лоссова. Выражая мнение военных кругов Берлина, которые, в отличие от крайне осторожных немецких дипломатов, были сторонниками более решительной политики как в отношении большевиков, так и в отношении Турции, фон Лоссов был противником экспансионистских планов младотурок на Кавказе, считая главной задачей турецкой армии операции против англичан в Северном Иране¹⁹.

При этом военно-дипломатическая активность Германии, по мнению генерала, должна была распространяться как на Южный, так и на Северный Кавказ. Подобная позиция фон Лоссова служила надежной базой как для сближения возглавляемой Чхенкели закавказской делегации с северокавказской делегацией Баммата, так и для вовлечения последней в работу Батумской конференции, которая с формальной точки зрения происходила между правительствами Османской империи и Закавказья. Сам Баммат был настолько уверен в неизбежности объединения Южного и Северного Кавказа, что необходимость допуска северокавказской делегации к участию в конференции мотивировал тем, что Северный Кавказ по целому ряду объективных причин уже находится в процессе создания единого государства с Закавказьем. Еще в самом начале Батумской конференции, 8 мая 1918 г. руководитель северокавказской делегации подчеркивал, что Северный Кавказ имеет с Закавказьем «одинаковые экономические и политические интересы», находясь с последним «на стадии образования единого государства», конституция которого будет определена в ближайшем будущем²⁰. Об этом же Баммат и Темирханов сообщали и фон Лоссову, обратившись к нему в тот же день с просьбой о допуске представителей горцев к участию в работе Батумской конференции. «Имея намерение принять участие в переговорах в Батуми, представители горцев обращаются к Вам с просьбой, Ваше превосходительство, информировать имперское правительство Германии и королевское правительство Австро-Венгрии относительно их политических устремлений, уведомив их, до какой степени они могут надеяться на получение помощи Германии с целью осуществления политических идеалов коренных народов Северного Кавказа и Дагестана. Идеала, состоящего в формировании общего государства на всем Кавказе, создание которого в будущем произойдет на основе двух частей Кавказа»²¹.

Позиция представителей Закавказья отчетливо зафиксирована в протоколах двух совещаний членов закавказской делегации, состоявшихся 9 и 11 мая 1918 г. В ходе упомянутых совещаний Нико Николадзе — виднейший общественно-политический деятель Грузии — подчеркивал, что независимость кавказского государства возможна

лишь в случае наличия внешних гарантий. Под последними, несомненно, имелся в виду протекторат Германии, дающий возможность защитить Кавказ от империалистических вождений как большевиков, так и младотурок. Что касается участия в конференции представителей Северного Кавказа, то за ними, по мнению Николадзе, можно было признать лишь полномочия представителей Ингушетии, Чечни и Дагестана (областей Терека и Дагестана), где всегда присутствовали ярко выраженные тенденции к независимости. Будучи хорошо осведомленным относительно национального состава Северного Кавказа, Николадзе, судя по всему, сомневался в возможности отделения от России его западной части, или, как их тогда называли, Кубанской и Черноморской губерний, в которых оставшиеся после депортаций и геноцида XIX в. черкесы составляли меньшинство по сравнению с пришлым славяно-казацким населением²².

Разумеется, обсуждение этих вопросов проходило на фоне искренних симпатий по отношению к представителям горских народов. Не случайно грузинский дипломат Зураб Авалишвили, принимавший участие в работе комиссии, проверявшей полномочия северокавказских делегатов, позднее писал, что «возможному вступлению Горской республики в общекавказскую федерацию все очень сочувствовали и участие Г.-б. Баммата в конференции возражений, конечно, не вызывало»²³.

11 мая Чхенкели торжественно сообщил Баммату, что руководимая им делегация согласна на участие горцев в работе конференции²⁴. Вопрос об участии горцев в Батумской конференции непосредственно привел их руководителей к провозглашению 11 мая, на две недели раньше государств Южного Кавказа, своей государственной независимости. Непосредственной причиной этого послужила позиция фон Лоссова, высказанная им в письме от 10 мая председателю закавказской делегации Чхенкели. В нем германский представитель сообщал, что он в принципе ничего не имеет против участия горцев в работе Батумской конференции. Тем не менее он даст свое окончательное согласие лишь в том случае, если «можно будет признать этих делегатов представителями государства, или союза государств, должным образом сконструированных, декларировавших свою независимость и испросивших признания их свобод и независимости со стороны четырех союзных держав. В этом случае означенные делегаты смогут принять участие в переговорах с правом голоса и с теми же правами, как и делегаты остальных правительств, представленных на конференции»²⁵.

Чрезвычайно важно отметить тот факт, что в связи с объявлением политической независимости Союза горцев встал вопрос о границах этого государства с Закавказьем. В декларации от 11 мая, подписанной председателем правительства Союза горцев Чермоевым и министром иностранных дел Бамматом, сообщалось, что «территория нового государства будет иметь границами на севере прежние географические границы, губерний и областей Дагестанской, Терской, Ставропольской, Кубанской и Черноморской бывшей русской империи на западе — Черное море, на востоке — Каспийское, на юге — границу, подробности коей имеют быть установлены соглашением с закавказским правительством»²⁶. Таким образом, претендуя на историческую горскую территорию Северного Кавказа, простирающуюся вдоль Большого Кавказского хребта от Черного до Каспийского моря, руководство Союза горцев, предвидя создание в будущем единого кавказского государства, подчеркивало, что южные границы Союза горцев с Закавказьем должны были быть установлены на основе особого компромиссного соглашения.

Правительство Союза горцев не могло не считаться и с тем обстоятельством, что потомки изгнанных с Западного Северного Кавказа черкесов, занимая высокие посты в турецкой армии и администрации, являлись основными лоббистами горцев в правительственных кругах Турции. Сочетая кавказский патриотизм с преданностью

Отоманской империи, значительная часть оттоманских черкесов надеялась, в случае победы стран Четверного союза над Россией, вернуться в страну своих предков. Со своей стороны правительство Турции также поддерживало эти устремления, пользуясь потомками мухаджиров в качестве дипломатических и военных экспертов, хорошо знакомых со спецификой местных кавказских условий, и пытаясь с их помощью распространить свое влияние на Северный Кавказ — регион, который наряду с Азербайджаном руководство младотурок относило к сфере своего влияния²⁷.

Тем не менее аннексионистская политика Стамбула в отношении исторических территорий Закавказья в основе подрывала возможность создания жизнеспособного, основанного на учете взаимных интересов кавказского государства. Наиболее ярким образом это проявилось именно на Батумской мирной конференции, где турки, отказавшись от германского посредничества, 26 мая в ультимативной форме предъявили грузинам и армянам территориальные притязания, далеко выходящие за пределы условий Брест-Литовского договора. Наряду с уже занятыми оттоманскими войсками Карсом, Ардаганом и Батуми турки потребовали передачи им также грузинских Ахалцихе и Ахалкалаки, а также армянского Александрополя с установлением оттоманского контроля над железнодорожной веткой Александрополь — Джульфа²⁸. «В этих условиях Турция обеспечивала себе в сущности не только политический контроль над всем Закавказьем, но еще и тесное территориальное примыкание к Азербайджану и к Персии (т.е. персидскому Азербайджану) — иными словами к странам с населением тюркской же породы и тюркской речи»²⁹.

В результате турецкой экспансии, а также вследствие растущих армяно-азербайджанских противоречий произошло событие, имевшее в дальнейшем роковое значение для судеб народов Южного и Северного Кавказа — раскол Закавказья.

Раскол Закавказья и рождение независимых кавказских государств. Германский щит Грузии

26 мая, т.е. в день предъявления турецкого ультиматума, Грузия, пытаясь спастись от нашествия турецких войск с помощью германского посредничества, объявила о своей государственной независимости. Два дня спустя, 28 мая этому примеру последовали Армения и Азербайджан³⁰. В тот же день с целью положить предел экспансионизму младотурок в Поти фон Лоссов и Чхенкели, только что занявший пост министра иностранных дел Грузии, подписали «Временный договор относительно временного урегулирования отношений между Германией и Грузией». Для того, чтобы воспрепятствовать аннексионистским планам Константинополя, в соглашении указывалось, что Грузия рассматривает Брест-Литовский мирный договор, заключенный между странами Четверного союза и Россией, «как основу своих взаимоотношений с Германской империей». В течение всей войны Грузия предоставляла Германии право на исключительное пользование своими железными дорогами с целью переброски войск и военных грузов стран Четверного союза. Для защиты стратегически важного порта Поти и на всем протяжении грузинской транзитной железной дороги выставлялись германские вооруженные патрули³¹.

Как в свое время четко подметил З. Авалишвили, «главная сила этого (основного) соглашения лежит, конечно, а) в фактическом признании грузинского правительства германским и б) в установлении, на время, германского контроля над железными дорогами Грузии»³².

Фон Лоссов опасался, что дальнейшее продвижение турок за пределы, оговоренные Брест-Литовским договором, неизбежно приведет к усилению политико-экономической анархии на Кавказе и тем самым сделает невозможным эксплуатацию богатейших природных ресурсов региона. В частности, грузинского марганца и бакинской нефти, имеющей решающее значение для способности Германии продолжать боевые действия.

Как впоследствии вспоминал военный представитель Австро-Венгерской империи в Турции Й. Помянковский, фон Лоссов заявил ему, что в случае занятия Баку и всего Закавказья турками, «они будут абсолютно неспособны управлять страной и руководить производством нефти. Результатом турецкой экспансии будет лишь обогащение младотурок и нескольких пашей, в то время как в остальном дело будет загублено, чего Германия допустить не может. Нефтяные источники должны быть сохранены и так же, как и другие богатства страны, сделаны доступными для систематического использования в военных целях всеми союзниками»³³.

Тем не менее, турки решили идти напролом и поставить Берлин перед свершившимся фактом. Еще не дождавшись ответа на свой ультиматум, оттоманские войска перешли в наступление, приступив к занятию требуемых областей. Малочисленные и плохо организованные грузинские и армянские воинские формирования оказались не в силах удержать фронт. 4 июня Грузия вынуждена была заключить с Оттоманской империей «договор мира и дружбы», ставивший ее в полную зависимость от Стамбула. Наряду с тяжелейшими территориальными потерями (Батуми, Ахалцихе и Ахалкалаки), в силу дополнительного договора, подписанного в тот же день представителями турецкой и грузинской сторон, турки в пик заключенному несколькими днями ранее германо-грузинскому соглашению устанавливали почти полный контроль над железными дорогами Грузии. Словно насмехаясь над своими германскими союзниками, турки обретали право осуществлять беспрепятственную переброску войск и военных материалов по грузинской территории³⁴.

Ответный ход немцев и грузин не заставил себя долго ждать. Воинские части, спешно сформированные из находящихся на территории Грузии немецких военнопленных и колонистов, подняв германские и грузинские флаги, заняли основные станции на грузинской железной дороге, тем самым воспрепятствовав продвижению турок в направлении Тифлиса³⁵. В телеграмме от 8 июня в резком тоне, похожем на угрозу, генерал-квартирмейстер Эрих фон Людендорф потребовал от Энвер-паши уважительного отношения к немецким охранам постам, размещенным на железной дороге Поти — Тифлис — Александрополь, подчеркнув, что «они являются германскими войсками». Туркам следовало соблюдать условия Брест-Литовского договора и оставить незаконно занятые ими территории. Людендорф особо подчеркивал, что «договоры, заключенные Турцией с государствами Закавказья в обход Германии, Австрии и Болгарии» с самого начала не могут быть признаны Берлином³⁶.

Природные ресурсы Кавказа как предмет вожделий Москвы, Берлина и Стамбула

Понимая, что экспансионистский курс стамбульского правительства приведет в дальнейшем к росту германо-турецких противоречий на Кавказе, Баммат стремился использовать сложившуюся ситуацию в интересах горцев, пытаясь, таким образом, маневрировать между Стамбулом и Берлином. По свидетельству немецких источников,

с помощью своей эрудиции, способности к убеждению и настойчивости Баммату удалось склонить к поддержке своих взглядов фон Лоссова, который еще в середине мая 1918 г. предупреждал генерала Людендорфа относительно опасности турецких экспансионистских планов для германских политических и экономических интересов на Кавказе. С целью воспрепятствовать дальнейшему продвижению турок вглубь территории Закавказья и способствовать государственной консолидации Грузии, которая, в свою очередь, должна была служить ядром для последующего укрепления других государств региона, генерал предложил послать на Кавказ германские войска. В их задачи наряду с выполнением охранных функций должно было входить предоставление учебного кадра для формирования местных кавказских армий. Под влиянием бесед с Бамматом генерал выработал следующий план отправки германских войск на Кавказ: высаженные с занятого германскими войсками Крыма в районе Новороссийска и Туапсе, а также продвигающиеся по железной дороге Тихорецкая — Баку германские соединения в количестве двух дивизий должны были одновременно способствовать созданию северокавказского государства. В самой Грузии должна была быть дислоцирована одна германская дивизия, способствующая созданию боеспособной грузинской армии³⁷.

При этом по ряду политических причин фон Лоссов не считал возможным поддерживать требования горцев о включении в состав их государства черкесского северо-западного Кавказа. В письме Баммату от 15 мая фон Лоссов, в частности, сообщал точку зрения германского правительства относительно северной границы Северного Кавказа. «Вопрос Дагестана и Терской области ясен — нет никакого сомнения в том, что эта территория принадлежит Северному Кавказу. Напротив, вопрос о территории Кубани пока еще недостаточно освещен. С этнографической точки зрения, казаки Кубани близки с населением Украины. Они проживают компактными массами в Кубанской области, организованы и хорошо вооружены. Очевидно, они не эвакуируют их территорию, не позволят третьей силе без их согласия ее аннексировать. Если мы захотим заставить их сделать это силой, в этой стране вспыхнет новая серьезная война. Правительство Германии не может пуститься в подобное предприятие, которое создаст ему новый театр тяжелой войны. Правительство Германии не может допустить, и оно не позволит, чтобы такая акция была предпринята без его согласия третьей силой. Наконец аннексия территории Кубани с применением силы будет представлять нарушение Брест-Литовского договора. Нарушение, которое германское правительство не может допустить.

Исходя из этого, германское правительство придерживается мнения, что на нынешний момент вопрос о Кубанской области должен оставаться открытым точно так, как это имело место в связи с вопросом северо-восточной границы Украины с Россией во время переговоров в Брест-Литовске. Разумеется, германское правительство исследует со своим самым наибольшим благорасположением все решения вопроса Кубани, которые примирят интересы этой области с Северным Кавказом и Закавказьем»³⁸.

Следует отметить, что проект создания северокавказского государства, включающего в свой состав исторические черкесские земли, поддержал Чхенкели. Еще 6 мая, в день прибытия германской делегации в Батуми, Чхенкели в беседе с фон Лоссовым выступил с предложением о отправки на Северный Кавказ около двух-трех германских и стольких же турецких батальонов. Поскольку, по мнению председателя закавказской делегации, территориальные притязания горцев неизбежно приведут к столкновению с терскими казаками, лишь с помощью этой военной силы было бы возможно добиться включения в северокавказское государство исторических горских территорий³⁹.

Надеясь, что предлагаемый им проект получит одобрение в центре, фон Лоссов 17 мая 1918 г. сообщал Чхенкели и Баммату, что поскольку инструкции, полученные им от Берлина, «предвидят возможность» объединения Союза горцев с Закавказьем, он «ничуть не сомневается», что германское правительство положительно отнесется к признанию независимости Северного Кавказа⁴⁰. Тем не менее проект фон Лоссова, рассмотренный после его возвращения из Батуми в Берлин, был подвергнут значительной модификации. Одобрение получила лишь часть предложений генерала, главным образом касающихся посылки германских войск в Грузию. Причиной этого являлось глубокое расхождение взглядов, существовавшее в то время в Берлине между военными и дипломатическими кругами страны, относительно политического курса в отношении вновь возникших государств Кавказа. В отличие от фон Лоссова и Людендорфа, исходивших в основном из военно-стратегических соображений и отлично отдававших себе отчет в важности обеспечения экономических и политических интересов Германии на Кавказе, МИД Германии, руководимый в то время статс-секретарем Рихардом фон Кюльманом, придерживался в этом вопросе более осторожного и строго юридического подхода. По мнению немецких дипломатов, вопрос о признании независимости кавказских государств напрямую был связан как с политикой Германии в отношении большевистской России, с которой страны Четверного союза только что заключили Брест-Литовский договор, покончивший с боевыми действиями на Восточном фронте, так и с отношениями с Оттоманской империей — основной союзницей Германии на Ближнем Востоке. Таким образом, признание Берлином независимости кавказских государств, как и в целом политика, проводимая Германией на Кавказе, не должна была вызвать разрыв ни с Москвой, чреватый возобновлением боевых действий с большевиками, ни со Стамбулом, способный повлечь за собой выход Оттоманской империи из войны на Ближнем Востоке⁴¹.

В то же время находящиеся в чрезвычайно сложной ситуации большевики были готовы согласиться на признание Германией независимости Грузии, но ни в коем случае не Азербайджана и Северного Кавказа, обладающих нефтепромыслами Баку, Грозного и Майкопа и имеющих стратегическое значение для большевистской России. В Москве понимали, что основная опасность для бакинской нефти исходит не от немцев, а от турок, стремящихся любой ценой овладеть Азербайджаном.

4 июня, в тот же день, когда турки заключили договор с Грузией, Стамбул подписал соглашение и с Азербайджаном, в результате которого вся железнодорожная сеть страны переходила под контроль 3-й турецкой армии⁴². В конце июня по приказу военного министра Оттоманской империи Энвер-паши в окрестностях Гянджи, где в то время находилась резиденция азербайджанского правительства, на основе турецкой 5-й кавказской дивизии было начато формирование «Кавказской Исламской армии» — смешанного соединения, состоящего из регулярных турецких солдат и местных азербайджанских добровольцев. Основной целью этого соединения, находящегося под командованием сводного брата Энвера турецкого генерала Киллигиль Нури-паши, было взятие Баку, где с марта 1918 г. власть принадлежала местному Совнаркому во главе с большевиком С. Шаумяном⁴³.

Осознав опасность, нависшую над городом, большевики предложили Берлину следующую сделку: немцы получают право на поставку из Баку нужного им количества нефти при условии, что они удержат турок от захвата города. Этим, собственно говоря, и было обусловлено согласие большевиков на признание Германией независимости Грузии, а также на нахождение немецких войск на грузинской территории. Небезынтересно отметить, что первоначально МИД Германии был даже против юридического признания независимости Грузии, считая, что для обеспечения германских интересов вполне достаточно

и заключения с Тифлисом сугубо экономического соглашения⁴⁴. Об отрицательном отношении МИДа к вовлечению Германии в дела на Кавказе свидетельствует то обстоятельство, что вынужденные в конечном счете уступить военным в деле признания Грузии и отправки в Тифлис германской императорской военной миссии под командованием генерала Кресса фон Крессенштейна, руководители немецкого внешнеполитического ведомства не сочли нужным даже встретиться с последним для дачи инструкций⁴⁵.

Разумеется, в таком международном контексте возможность маневра правительства Союза горцев была весьма ограниченной, заставляя их делать ставку в основном на Стамбул.

Еще во второй половине апреля, во время своего пребывания в столице Оттоманской империи, куда горская делегация отправилась после срыва трапезундских переговоров, Баммату удалось получить устное заверение Мехмеда Талаат-паши и Исмаила Энвер-паши — турецких великого визиря (премьер-министра) и военного министра относительно оказания военной помощи горцам. Турки обещали оказать северокавказцам, в то время уже вступившим в вооруженное противостояние с терскими казаками и русскими колонистами, недовольными стремлением горцев восстановить свою независимость, помощь инструкторами, оружием и боеприпасами. С этой целью в рамках «Кавказской Исламской армии» планировалось осуществить формирование отдельной дивизии, которая должна была быть послана по дороге Тифлис — Владикавказ на помощь борющемуся за свою независимость мусульманскому населению Северного Кавказа⁴⁶.

19 мая, когда положение в Ингушетии и Балкарии особенно осложнилось, Баммат был вынужден вновь поставить этот вопрос перед Рауфом-беем — председателем оттоманской делегации на Трапезундской конференции⁴⁷. 20 мая министр иностранных дел Союза горцев обратился с особым письмом к Чхенкели, прося у закавказского правительства права перебросить турецкую военную помощь на Северный Кавказ по грузинской территории⁴⁸. 8 июня в оккупированном турками Батуми правительство Союза горцев заключило с Оттоманской империей договор о мире и дружбе, который слово в слово повторял соответствующие параграфы текста дополнительного договора, за четыре дня до этого заключенного Грузией со Стамбулом. В результате железнодорожная сеть на Северном Кавказе передавалась под полный контроль турецких войск⁴⁹.

Первоначально против плана использовать турецкие войска для освобождения от большевиков Северного Кавказа не возражал и фон Лоссов. Еще 25 мая, т.е. накануне турецкого ультиматума Закавказью, он писал Баммату, что не имеет ничего против свободного пропуска «через территорию Закавказской республики амуниции, оружия и кадров оттоманских инструкторов, предназначенных для горцев Северного Кавказа», о чем имел специальную беседу с Чхенкели⁵⁰. Это, впрочем, не помешало Лоссову в тот же день направить в германский Генеральный штаб телеграмму, где сообщалось о том, что «взоры турок направлены исключительно на Баку, Владикавказ и обладание всем Кавказом»⁵¹.

Рост германо-турецких противоречий на Кавказе и встречные инициативы кавказцев

Положение изменилось после срыва батумских переговоров, когда немцам стало ясно, что турки используют заключенные с кавказцами договоры исключительно в экспансионистских целях. К тому же ситуация, сложившаяся на самом Северном

Кавказе, также мало способствовало осуществлению подобных планов. В феврале 1918 г. большевики захватили столицу Союза горцев — Владикавказ. В мае ими были заняты города Петровск и Дербент в Дагестане. В то же время на Кубани, на Западном Северном Кавказе оперировала ориентирующаяся на Антанту Добровольческая армия генерала Михаила Алексея, одинаково враждебно настроенная как к государственным новообразованиям Кавказа, так и к странам Четверного союза. В такой ситуации сторонники вмешательства в дела на Северном Кавказе среди германских военных оказались в меньшинстве и победу одержал курс МИДа, считавшего разрыв с большевиками недопустимым.

Со своей стороны, возмущенный экспансионистскими планами младотурок фон Лоссов приказал задержать переброску на Северный Кавказ по Военно-грузинской дороге 37-й турецкой дивизии⁵². В силу этих же обстоятельств письмо Баммата от 14 июня, адресованное дипломатическому агенту Германии на Кавказе графу Фридриху Вернеру фон дер Шуленбургу относительно пропуска по грузинской территории оружия и турецких инструкторов, которых, по словам Баммата, можно было бы перебросить на Северный Кавказ по дороге Мцхета — Владикавказ, не встретило понимания немцев⁵³. В датированном 15 июня ответном письме Баммату фон Шуленбург, который в одном из отчетов этого времени отмечал, что северокавказцы «плавают в абсолютном турецком фарватере»⁵⁴, сообщал, что «вопрос, относительно транспортировки турецких войск по грузинской железной дороге, должен быть урегулирован правительствами Германии и Оттоманской империи»⁵⁵.

Тем не менее северокавказцы не сдавались. В первую же неделю после прибытия 14 июня в Тифлис фон Крессенштейна представителям горского правительства удалось добиться у него аудиенции. На сей раз помимо Баммата в беседе участвовал чеченец Арсамаков (Хаджи Мурат Газават), безо всякого сомнения подключенный к переговорам в качестве человека, известного своими прогерманскими симпатиями и сотрудничавшего с немцами с самого начала мировой войны. Отметив, что русские большевики угрожают не только независимости, но и самому физическому существованию горцев, делегаты обратились к генералу с просьбой: либо самому прийти на помощь северокавказцам, либо дать возможность сделать это туркам. В противном случае горцы будут вынуждены обратиться за помощью к англичанам. Представители северокавказцев также заявили, что они при всех обстоятельствах против протектората или какого-либо тесного политического союза Турции с Северным Кавказом. Кресс ответил, что любое военное вмешательство стран Четверного союза чревато новой войной с Россией, но он тем не менее попытается добиться согласия тифлисского правительства на тайную переброску оружия на Северный Кавказ грузинской стороной⁵⁶.

Баммат должен был временно удовлетвориться этим обещанием. Он, однако, понимал, что Северный Кавказ продолжает быть заложником германо-турецких противоречий и германо-большевистских взаимоотношений. В конце июня по приглашению турецкого правительства Баммат выехал в Стамбул, где должна была состояться конференция с участием представителей стран Четверного союза и кавказцев, на которой все взаимоотношения Турции с Кавказом должны были быть окончательно разрешены. Хотя вследствие германо-турецких противоречий упомянутая конференция так и не состоялась⁵⁷, Баммат попытался повлиять на позицию Берлина через посла Германии в Турции графа Йохана Генриха фон Бернсторфа. По иронии судьбы именно последний являлся одним из наиболее убежденных сторонников недопущения разрыва с большевиками и, исходя из этого постулата, — невмешательства в дела Северного Кавказа⁵⁸.

После встречи, состоявшейся во второй половине июня, с Бернсторфом Баммат сообщал Чермоеву, что германский посол откровенно заявил ему, что «согласно инструкциям, им полученным... его правительство ни под каким видом не может ни дать само, ни допустить кого-либо дать нам военную помощь, так как это было бы нарушением Брест-Литовского договора. Германия не может создавать на Северном Кавказе правительство, которого там фактически нет, т.к. это было бы провокацией войны с Россией, которая для Германии неприемлема. Мое, — писал далее Баммат, — указание, что Грузия находится, с точки зрения правовой, в том же положении, было отпарировано указанием, что московское правительство признает независимость Грузии и ничего против пребывания германских войск в Закавказье не имеет. Что же касается Северного Кавказа, то Россия непримирима, и старания германской дипломатии склонить ее к признанию нашего отделения ни к чему не привели. Мои ссылки на формальные обещания Германии дать нам помощь и поддержку, выраженные в письмах генерала Лоссова, вызвали заявление, что это была политика этого генерала, но она не нашла одобрения правительства»⁵⁹.

По словам Баммата, немецкий посол указал ему и на причины, по которым предложения фон Лоссова не получили поддержки Берлина: «Бернсторф мне вчера, между прочим, сказал, что мы хотим создать правительство заново, что наша столица в руках наших врагов, что мы сами не проявляем самостоятельности и желаем сделать свое политическое дело немецкими руками, что существенная разница между нами и грузинами в том, что в Грузии худо ли, хорошо ли, правительство существует и Германия, стоя на точке зрения Брест-Литовского договора, поддерживает уже образованное до их вмешательства и без них государство, у нас же им пришлось создавать бы нечто новое, чего они не могут, оставаясь формально лояльными в отношении России».

Понимая, что лишь взятие Владикавказа может изменить политику немцев в отношении Северного Кавказа, Баммат требует от Чермоева: «Для нас овладение Владикавказом делается вопросом громадной политической важности, полагаю, что самое допущение нашего представительства на Константинопольской конференции, которая, кажется, все-таки состоится, находится в связи с этим вопросом. Если политическое положение не изменится, я думаю, что нам сделают отвод. Наша политика, как это ни тяжело при нынешних условиях, должна выразиться в некоторой самостоятельности. Надо немцам доказать, что наше население с нами. Надо взять проклятый Владикавказ и создать народное движение. В этом случае Германия изменит свою позицию в отношении нас». В заключение письма Баммат отмечал, что поскольку из-за упомянутых выше обстоятельств на дорогу Мхцета — Владикавказ рассчитывать не приходится, следует воспользоваться дорогой из Азербайджана в Дагестан. С помощью действующего в Турции Черкесского комитета ему удалось добиться согласия оттоманских властей на посылку на Северный Кавказ сформированных из турецких солдат северокавказского происхождения экспедиционных сил под командованием генерала Юсуфа Иззет-паши из черкесов⁶⁰.

Следует отметить, что правительство Грузии неофициально пыталось по мере возможностей оказать помощь горцам, в том числе и оружием, тем более что из занятой большевиками Терской области осуществлялись попытки организации на грузинской территории антиправительственных мятежей. Так, в июле 1918 г. правительством Грузии был с успехом подавлен большевистский мятеж в Душетском районе. В оказании помощи горцам были заинтересованы и германские военные. Предложение фон Крессенштейна о поставке оружия горцам через грузинских посредников получило одобрение генерала фон Людендорфа. Одной из причин, побудивших

начальника германской военной миссии на Кавказе активизировать свою политику в отношении горцев, было то, что, по данным немецкой разведки, во Владикавказе действовала секретная британская военная миссия, поддерживавшая контакты со своими агентами в Тифлисе. Целью англичан было подорвать германское влияние и дестабилизировать обстановку в Закавказье. По мнению фон Крессенштейна, противостоять этому можно было путем «поддержки горских народов оружием и патронами, в основном для винтовок русского образца, так же как и введением в действие мелких частей, на уровне батальона»⁶¹.

Опасность разрыва с Москвой следовало нейтрализовать заявлением, что в данном случае речь идет о ликвидации британского влияния в таком стратегически важном регионе, как Кавказ. Для того, чтобы турки не чувствовали себя окончательно обойденными, генерал был согласен на участие в этой операции от 6 до 8 турецких батальонов. Полагая, что находящиеся в отчаянном положении большевики будут более не в состоянии отказывать горцам в признании их независимости, фон Крессенштейн писал в Берлин, что возникновение буферного горского государства, преграждающего путь русской экспансии в Закавказье, входит в политические и экономические интересы Германии⁶².

11 августа 1918 г. между правительством Грузии и представителями Союза горцев в лице руководителей Ингушского национального совета было заключено тайное соглашение, не подлежавшее оглашению в печати. В обмен на кукурузу (в которой крайне нуждалось население Грузии, отрезанное событиями на Северном Кавказе от кубанского хлеба) грузины поставляли ингушам некие грузы⁶³. Тот факт, что сам договор не уточнял, какие именно грузы должны были быть транспортируемы через грузинскую территорию, не оставляет сомнения, что в данном случае речь шла о тайной поставке оружия и боеприпасов. Тем более что буквально через неделю после подписания этого соглашения ингуши, руководимые одним из лидеров Союза горцев Вассан-Гиреем Джабагиевым, захватили Владикавказ, отбив его у терских казаков и поддерживающих их осетин. Факт грузинской помощи горцам подтверждает и генерал Антон Деникин, отмечающий в своих мемуарах, что для взятия Владикавказа грузины передали ингушам около миллиона патронов⁶⁴. Несомненно, что именно это соглашение имел в виду Чермоев, во второй половине августа сообщивший находящемуся в Стамбуле Баммату «о соглашении с грузинами по вопросу пропуска хлеба взамен провоза по грузинской дороге оружия и припасов»⁶⁵. В результате этой победы ингушам удалось изгнать с исторических ингушских земель казаков, разрушив построенные в целях колонизации их территорий казачьи станицы Терской линии. Дорога, связывающая Тифлис и Владикавказ, отныне была открыта.

Нефтяной фактор решает все

Вскоре Северный Кавказ вновь стал предметом международных переговоров. На сей раз причиной этого послужило резкое изменение ситуации, происшедшее в осажденном турецко-азербайджанскими войсками Баку. Опасаясь денонсации большевиками выгодного для немцев Брест-Литовского договора, Берлин согласился на заключение сделки с Москвой, в соответствии с которой Германия получала право на признания независимости Грузии. Взамен этого к РСФСР отходил как весь Северный Кавказ, так и Баку, откуда Германия должна была получить свою долю нефти. Выработанные в июне — июле эти условия были, наконец, юридически закреплены

особым дополнительным соглашением к Брест-Литовскому договору, ратифицированным германской и советской стороной 27 августа 1918 г. В договоре особо оговаривалось, что Германия обязуется удержать турецкую сторону от каких-либо попыток захвата столицы Азербайджана. Согласно 14-й статье упомянутого протокола, турецкие войска не должны были пересекать установленной линии западнее и южнее Баку⁶⁶. Касаясь этой ситуации, З. Авалишвили, сам в то время находившийся в Берлине и, как видно, неплохо посвященный в кулуарные аспекты германо-большевистских переговоров, с иронией писал, что в задачу Германии входило «как бы придержать турок за шиворот — задача нелегкая, когда речь идет о захвате Баку»⁶⁷.

Ситуация изменилась в середине августа, когда по приглашению бакинского правительства диктатуры Центрокаспия, сменившего еще в конце июля власть большевистского Совнаркома, для защиты Баку от обложивших его турецко-азербайджанских войск в город были введены немногочисленные британские экспедиционные войска под командованием генерала Лионеля Денстервиля⁶⁸. Об этом событии, как, впрочем, и о смене власти в самом Баку, в Берлине узнали лишь 6 сентября после заключения упомянутого дополнительного договора. На состоявшихся сразу же после этого германо-советских консультациях было достигнуто соглашение, в соответствии с которым большевики соглашались на занятие Баку немцами лишь в том случае, если бы последние удержали турок от оккупации города, изгнав оттуда англичан в основном собственными силами. После этого Баку должен был быть вновь возвращен большевикам с соблюдением в дальнейшем условий соглашения от 27 августа⁶⁹.

Пока шли эти консультации, находившиеся под Баку турецко-азербайджанские силы предприняли новое наступление, завершившееся 15 сентября 1918 г. взятием Баку и изгнанием оттуда британских войск⁷⁰. Реакция большевиков не заставила себя ждать. 20 сентября Москва объявила о денонсации условий Брест-Литовского договора в отношении Турции⁷¹. Поставленный перед новым фактом Берлин был вынужден начать новые переговоры, на сей раз со Стамбулом. Напряженность между двумя сторонами достигла такой степени, что раздраженные новыми самовольными действиями турок немцы не исключали возможности проведения против них военной операции. С этой целью генерал Кресс фон Крессенштейн получил приказ разработать план изгнания турок из Баку с временным занятием его германскими войсками. Параллельно с разработкой деталей операции германский Генштаб приступил к усиленной переброске в Грузию германских соединений, составивших к концу сентября 19 000 человек⁷². Наряду с этим велись переговоры и с турками, для чего в сентябре в Берлин прибыл великий визирь Оттоманской империи Мехмед Талаат-паша.

В подобном контексте эскалации германо-турецкого соперничества Северный Кавказ с неизбежностью вновь вовлекался в военно-политические планы как Берлина, так и Стамбула. В данном случае речь шла о проекте германских военных, который, судя по всему, не был согласован с немецкими дипломатами и в значительной степени реанимировал план фон Лоссова. Пшемахо Коцеву, вице-председателю правительства Союза горцев, специально командированному на занятую германскими войсками Украину, было сделано предложение о восстановлении существовавшего в 1917 г. Юго-Восточного Союза⁷³. В частности, речь шла об объединении Союза горцев с казачьими войсками Дона, Кубани, Терека, а также Астрахани и Калмыкии. По расчетам немцев, в случае осуществления такого проекта черкесская территория Западного Северного Кавказа, колонизированная кубанскими казаками, безболезненно объединялась с горцами в единое государственное образование. Наличие же в упомянутом союзе Дона, имеющего общую границу с Украиной, давало дислоци-

рованными там германским войскам возможность быть беспрепятственно переброшенными на Северный Кавказ. В случае объединения с казаками фон Крессенштейн получал право обещать горцам военную помощь в количестве 20 000 винтовок, 192 пулеметов и 32 артиллерийских орудий. Передача вооружения должна была осуществиться через Коцева — черкеса по происхождению, приобретшего к этому времени в глазах немцев репутацию германофила. Немцы полагали, что в отличие от Чермоева, Баммата и Джабагиева Коцев пользовался реальной поддержкой своих соплеменников-черкесов⁷⁴.

По данным немецких источников, Коцев во время своего визита заявлял об имеющихся у него полномочиях подписать договор о вступлении горцев в Юго-Восточный Союз. Тем не менее, судя по отчету, составленному Коцевым после его возвращения в Тифлис, он в реальности не имел ни полномочий, ни желания включать горцев в упомянутое государственное образование. Коцев так же, как и Чермоев, Баммат и Джабагиев, отлично понимал, что в случае согласия на такое объединение политическое преимущество в нем будут сохранять казаки, а не горцы. Кроме того, руководителям горцев пришлось бы окончательно отказаться от планов возвращения на Кубань хотя бы части потомков мухаджиров, что, помимо всего прочего, лишило бы их поддержки влиятельной черкесской диаспоры в Османской империи. Наконец после кровавых августовских боев во Владикавказе, в результате которых ингушам удалось изгнать терских казаков с исторических ингушских земель, достижение согласия с казаками казалось невыполнимым. Не случайно, как отмечал сам Коцев, в результате событий во Владикавказе «отношения с казаками испорчены окончательно»⁷⁵. Тем не менее Коцев не расставался с надеждой, что он сможет получить германскую военную помощь и без подписи о вступлении горцев в Юго-Восточный Союз⁷⁶.

Следует упомянуть, что в Берлине были против вынашиваемого горцами плана изгнания с Кавказа пришлого русско-казацкого населения. Стремясь воспользоваться в своих целях обладавшими хорошей военной выучкой казаками, немцы наряду с этим считали важным поддерживать мир на Северном Кавказе, необходимый для снабжения хлебом отчаянно нуждавшегося в нем населения Закавказья⁷⁷. Исходя из этого, позиция руководства горцев в данном вопросе сближалась с точкой зрения турецкого правительства, которое отнюдь не было против возвращения потомков мухаджиров на свою историческую родину, надеясь тем самым усилить свое влияние в регионе.

Турки, судя по всему, также понимали, что попытка немцев реанимировать Юго-Восточный Союз направлена против них. В этот период «в турецких политических кругах стремительно росли антигерманские настроения. Ходили слухи, что немцы вели переговоры с донским атаманом Красновым (принятым кайзером в Спа) с целью заручиться поддержкой казаков как против турок, так и против англичан в Баку»⁷⁸. Масло в огонь германо-турецких противоречий подлила и неуступчивость турок в деле разграничения сфер влияния и использования войск на Северном Кавказе. Генерал фон Крессенштейн требовал оставить Владикавказ, как, впрочем, и весь Западный Северный Кавказ, в зоне германского влияния, ссылаясь на то, что город является естественным продолжением Военно-грузинской дороги. Наряду с занятием Владикавказа германскими войсками вопрос об эксплуатации грозненских нефтепромыслов должен был также стать предметом отдельного германо-турецкого соглашения. Турецкий посол в Тифлисе Абдул Керим-паша, напротив, считал, что Владикавказ, а также Ингушетия, Чечня и Дагестан должны войти в сферу исключительного турецкого влияния⁷⁹.

Еще в начале августа, т.е. до взятия турками Баку, по инициативе фон Крессенштейна для осуществления сбора сведений относительно сложившейся на Северном Кавказе ситуации в находящийся под контролем горского правительства Владикавказ были посланы представители германской и австрийской миссий в Тифлисе. По свидетельству представителя германской миссии лейтенанта Герберта Фолька, целью этой разведывательной операции являлось добиться того, чтобы «Баку, нефтяной центр Кавказа, стал немецким. С помощью турок или без них. Применение оружие против турок было невозможно. Тем не менее существует другой путь. Мы должны после изгнания слабых большевистских сил во Владикавказе продвинуться к Баку с севера, через оказавшийся в немецких руках Северный Кавказ и Дагестан. С юга Баку также подвергнется атаке со стороны вспомогательной военной экспедиции Мирзы Кучук-хана»⁸⁰.

Упомянутый Кучук-хан, вождь повстанческого движения дженгалийцев в Северном Иране, находясь под большевистским влиянием, командовал вооруженными формированиями в количестве 5000 человек. По свидетельству Денстервиля, задействованные в прямых военных операциях против англичан отряды Кучук-хана находились под командованием германского офицера фон Пасшена и имели в своем составе австрийских инструкторов. Одной из основных задач Кучук-хана было помешать руководимому Денстервилем экспедиционному отряду «Денстерфорс» достичь Энзели на персидском берегу Каспийского моря для дальнейшей переброски в Баку. С этой целью в первой половине июня и второй половине июля 1918 г. формирования Кучук-хана вступили в сражения с англичанами под Менджилом и Рештом в Северной Персии⁸¹.

Таким образом, главной целью планируемой немцами операции был захват Баку, без грозящей разрушить германо-турецкий военный альянс вооруженной конфронтации с осадившей город «Кавказской Исламской армией». Турецкое командование, каким-то образом узнав о намерении немцев, решило сделать все для того, чтобы сорвать это предприятие. При этом действия турецкой стороны изрядно скомпрометировало в глазах немцев находившееся в Тифлисе руководство Союза горцев и, в частности, председателя его правительства Чермоева. Об этом инциденте сообщил вице-председатель правительства Союза горцев Коцев в своем письме на имя Баммата: «Отношения с германцами стали было налаживаться, [но] случилось одно маленькое событие, которое чуть все не погубило. При мне приехал сюда от Нури-паши некий полковник Генштаба Зекки-бей для поездки на Северный Кавказ для информации. Перед его отъездом из Тифлиса Тапа (Чермоев. — Г.М.) ему предложил взять с собой представителей германск[ой] и австрийской миссии. На это Зекки-бей ответил, что ген[ерал] Кресс не находит нужным послать своих людей. Это было при мне. Мы поверили, и Зекки-бей уехал. Поэтому мы были удивлены и взволнованы приходом к нам представителя герм[анцев] и австр[ийцев] с просьбой помочь им проехать “туда, куда проехал Зекки-бей, и за тем, за чем и Зекки-бей”. Причем они сообщили, что последний и не думал сообщать ген[ералу] Крессу и им ни о своей поездке, ни о цели ее. Тапой были приняты меры, чтобы герм[анские] и австр[ийские] офицеры догнали Зекки-бея, но вследствие опоздания с выездом их они его не догнали. Зекки-бей же был и во Владикавказе, и в Назрани, в Национальном совете ингушей, где разговаривал с членами Нац[ионального] совета во главе с В.-Г. Джабагиевым. Причем он там заявил, что помощи Турция дать не может, но что горцы не должны пускать к себе немцев и проч., и повел агитацию среди мулл, как против нашего правительства, так и против немцев. Причем способствовал тому, что когда через два дня герман[ские] и австр[ийские] офицеры доехали до стан[ции] “Казбек”, то там по их

адресу была учинена или инсценирована недружелюбная демонстрация. Они возвратились и доложили по начальству. Все это было приписано чуть ли не попустительству со стороны Тапы, и мы получили от германской миссии два письма: 1) о том, что с нами миссия прерывает всякие отношения впредь до удовлетворения по поводу инцидента; 2) о том, что обещанная помощь по документам из Киева ни в каком случае исполнена быть не может впредь до дачи удовлетворения»⁸².

Хотя, как становится ясным из упомянутого документа, правительство Союза горцев не имело к описанным действиям турок никакого отношения, последним все же удалось внушить немцам недоверие к Чермоеву и его кабинету. Коцеву еще не раз пришлось извиняться за имевший место инцидент, доказывая немцам полную непричастность к нему своего правительства⁸³. Тем не менее туркам, похоже, удалось достигнуть своей цели, вбив серьезный клин между немцами и правительством Союза горцев. Во всяком случае главный участник упомянутого инцидента лейтенант Фольк в своих мемуарах писал о «находящемся в Тифлисе так называемом правительстве Северного Кавказа» в следующих, весьма нелестных выражениях: «Мы знаем, что это правительство является сугубо турецким предприятием. Оно создано не племенами Северного Кавказа. В противном случае оно бы располагалось на севере и очистило бы Северный Кавказ от большевиков. Это теневое правительство турок пытается получить немецкие военные материалы и денежную помощь для того, чтобы способствовать турецкой экспансии на Северном Кавказе. Все остальное — театр». Фольк при этом забыл упомянуть, что сама политика Германии вынуждала горцев искать помощи Турции как единственной державы, более или менее заинтересованной в Северном Кавказе. Чуть дальше Фольк добавил, что «это “северокавказское правительство”, находящееся под председательством грозненского владельца нефти Чермоева, было подкуплено турками суммой в 10 миллионов марок и настроено против Германии»⁸⁴.

Степень правдивости этих утверждений хорошо проверяется упомянутым уже отчетом Коцева, где последний, наряду с прочим, подчеркивает, что «Турция вот уже 5 месяцев никакой помощи не шлет, быть может, не по своей вине». По словам Коцева, для того, чтобы получить хоть какую-то сумму в виде государственного займа от азербайджанского правительства, Чермоев и Джабагиев собирались выехать в Баку, только что взятый турецкими войсками⁸⁵. Косвенно беспочвенность собственных обвинений признал и сам Фольк. По его словам, представители правительства Чермоева уверяли генерала фон Крессенштейна, что «Германия не проявила активности во время переговоров в Батуми в апреле — мае 1918 г. Таким образом, нам было просто неизвестно, представлял ли Северный Кавказ для нее какую-либо ценность... Это было в мае 1918 г., — продолжал свои размышления Фольк. — Мы тянули со временем, турки же — нет»⁸⁶.

По свидетельству датированных сентябрем 1918 г. документов, несмотря на желание получить турецкую помощь, правительство Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана никоим образом не желало оказаться под турецким господством⁸⁷. Подтверждал это и Баммат. Касаясь специфического характера турецко-северокавказских взаимоотношений в 1918 г., он впоследствии отмечал, что, несмотря на определенную помощь, оказываемую турецким правительством Союзу горцев Северного Кавказа, «дружеские отношения с Турцией изначально были обречены на неудачу, так как цели, преследуемые турецкой и кавказской стороной, были различными. Правительство Северного Кавказа стремилось получить гарантии и точку опоры своей независимости, маневрируя между Турцией и Германией. Охотно опираясь на неизменного

врага России Турцию, так же как и на влияние оттоманских черкесов в турецком правительстве и армии, оно тем не менее опасалось захватнических appetитов константинопольского правительства. Потеряв надежду вернуть Аравию, Месопотамию, Палестину и Сирию, Турция могла захотеть восстановить себя, получив компенсацию в других местах. Эти задние мысли довели над отношениями турецкого правительства с народами Кавказа. ...Аppetиты Турции на Кавказе возросли после взятия Баку, эвакуированного англичанами (конец сентября) после его первой оккупации»⁸⁸.

Германо-турецкое соглашение 23 сентября и временная стабилизация ситуации на Кавказе

Скоро, однако, германо-турецкие напряженные отношения пошли на спад, что, со своей стороны, сделало возможным проведение более согласованной политики этих держав в отношении Северного Кавказа. 23 сентября в Берлине Талаат-паша подписал с представителями германской стороны тайный протокол, регулирующий германо-турецкие взаимоотношения на Кавказе. Турецкое правительство обязывалось безоговорочно вывести свои войска из Азербайджана и Армении. В качестве компенсации Стамбул получал право способствовать созданию государства на Северном Кавказе. Турки получали также часть нефти из очищенного ими Баку. На время войны Германия наделялась правом на управление нефтепромыслами и нефтяной промышленностью Баку, а также на контроль железной дороги Тифлис — Баку и нефтепровода Баку — Батуми⁸⁹.

В рамках данного соглашения стала возможной переброска по грузино-азербайджанской железной дороге предназначенных для освобождения Дагестана и Чечни турецких воинских частей, сформированных из солдат северокавказского происхождения. Еще в первой половине сентября Чермоев обратился к правительству Грузии с просьбой дать согласие на продвижение по грузинской железной дороге турецких эшелонов, направляющихся в Дагестан с разрешением перебросить часть войск и оружия на Северный Кавказ по военно-грузинской дороге⁹⁰. По свидетельству Коцева, оружие для экспедиции на Северный Кавказ было предоставлено немцами, перебросившим его с Украины в Поти в рамках соглашения, предварительно заключенного им во время посещения Украины в июле — августе. По его словам, выгруженное в Закавказье оружие «было достаточно для вооружения одной бригады»⁹¹.

В состав предназначенных к посылке в Дагестан войск под командованием турецкого генерала черкесского происхождения Юсуфа Иззет-паши входили 1500 турецких регулярных солдат, большое количество дагестанцев из бывшей «Дикой дивизии» и около 2000 азербайджанских пехотинцев со значительным количеством артиллерии⁹². По данным Коцева, в составе вступивших в Дагестан турецко-горских войск находились 77 офицеров и 500 унтер-офицеров и солдат оттоманской армии⁹³.

В результате быстрой переброски турецко-горских воинских формирований в Дагестан, организованной из Тифлиса Коцевым и Джабагиевым, 9 октября был занят Дербент, а 23 октября — Темир-Хан-Шура. «После взятия последней правительство Республики горских народов Кавказа переехало в свою вторую столицу Темир-Хан-Шуру, где торжественно поднят национальный флаг Союза горцев», — сообщал спустя несколько дней после этих событий грузинскому правительству Коцев⁹⁴. 7 ноября турецко-горские отряды с боями взяли Петровск, выбив оттуда отряд казаков и армян под командованием полковника Лазаря Бичерахова — ставленника англичан, после чего вся территория Дагестана и Чечни оказалась под контролем горского пра-

вительства⁹⁵. Таким образом, к 11 ноября — дню окончания Первой мировой войны — горское правительство в целом контролировало Восточный Северный Кавказ, включавший в себя Дагестан, Чечню и Ингушетию.

Хорошо осознавая важность развития солидарных взаимоотношений народов Кавказа, правительство Союза горцев пыталось по мере возможностей способствовать возрождению идей общекавказского сближения и сотрудничества. В частности, оно предложило свое посредничество в деле урегулирования армяно-грузинского вооруженного конфликта, разразившегося во второй половине декабря 1918 г.⁹⁶ Вспоминая десять лет спустя драматические события 1918 г. на Кавказе, Баммат отмечал, что попытки местных народов к объединению разбились о целый ряд внешне- и внутриполитических факторов: «К сожалению, отношения между народами Закавказья были крайне напряженными. Стремясь получить господствующее положение в Закавказье, немцы и турки плохо ладили друг с другом. Первые опирались на грузин, а вторые на азербайджанцев, что во многом способствовало созданию атмосферы националистических страстей и взаимного недоверия, отнюдь не облегчающей работу по сближению и достижению согласия между этими народами»⁹⁷.

Раскол в мае 1918 г. Закавказской республики на национальные государства имел трагические последствия для последующих судеб народов Кавказа. Тем самым была разрушена основная база, обладавшая потенциалом стать ядром региональной интеграции, столь необходимой как для сохранения независимости народов Кавказа, так и их последующей успешной борьбы с большевистской угрозой, дамкловым мечом нависшей над регионом после окончания Первой мировой войны.

¹ *Уратадзе Г.И.* Образование и консолидация Грузинской Демократической Республики. Мюнхен, 1956; *Suny R.G.* The Making of the Georgian Nation. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1994; *Hovannisian R.G.* Armenia on the Road to Independence 1918. Berkeley; Los Angeles, 1967; *Świętochowski T.* Russian Azerbaijan, 1905—1920: The Shaping of National Identity in a Muslim Community. Cambridge; London; New York, 1985.

² См., напр.: *Мустафа-заде Р.* Две Республики: азербайджано-российские отношения в 1918—1922 гг. М., 2006; *Гасанлы Д.* Русская революция и Азербайджан: трудный путь к независимости, 1917—1920. М., 2011.

³ *Kazemzadeh F.* The Struggle for Transcaucasia (1917—1921). New York, 1951; *Zührer W.* Kaukasien, 1918—1921: Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978.

⁴ *Allen W.E.D., Muratoff P.* Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border, 1828—1921. Cambridge, 1953; *Afanasyan S.* L'Arménie, l'Azerbaïdjan et la Géorgie de l'indépendance à l'instauration du pouvoir soviétique, 1917—1923. Paris, 1981; *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte: Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917—1918). Wien; Köln; Weimar, 1992. Teil II.

⁵ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917—1918 гг.), Горская республика (1918—1920 гг.): документы и материалы. Махачкала, 1994. С. 28—29.

⁶ Там же. С. 74.

⁷ *Уратадзе Г.И.* Указ. соч. С. 20—21.

⁸ Шалва Амирэджиби (1886—1943). Тбилиси, 1997. Кн. I. С. 271—274. Груз.

⁹ *Уратадзе Г.И.* Указ. соч. С. 24.

¹⁰ *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht: Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. Düsseldorf, 1961. S. 483—484.

¹¹ *Zührer W.* Deutschland und die Entwicklung Nordkaukasiens in Jahre 1918 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1978. Bd. 26. S. 43, 56, 60—61.

¹² *Ibidem.* S. 44.

¹³ *Ibidem.* S. 34.

¹⁴ Телеграмма горского правительства Грузинскому национальному совету относительно предоставления полномочий Г. Баммату войти в контакт с Грузинским и Армянским национальными советами // *Горская жизнь*. 1917. 17 дек.

- ¹⁵ Резолюция Временного правительства Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана о принятии срочных мер к политическому воссоединению территории и народов Северного Кавказа и Дагестана с Закавказьем, а также к вступлению в сношения с Османской империей и союзными ей державами для выяснения возможности активной поддержки названными государствами независимости кавказского государства. Владикавказ, 28 февраля 1918 г. // Archives familiales de M. Vammate (Paris, France).
- ¹⁶ Заявление Г. Баммата на Трапезундской мирной конференции от имени горской делегации по поводу необходимости воссоединения Закавказья с Союзом горцев Северного Кавказа и Дагестана. Трапезунд, 14 апреля 1918 г. // Центральный государственный архив Северной Осетии (ЦГА СО). Ф. 5 с/р-9. Д. 11. Л. 50.
- ¹⁷ Le Caucase et particulièrement le Caucase du Nord depuis la fin de l'ancien régime en Russie. Paris, mai 1919 // Archives du ministère des Affaires étrangères (AMAE), (Paris, France). Correspondance politique et commerciale 1918—1940. Série E (Levant). Caucase-Kurdistan. Dossier n°4. Mars 1919 — juin 1919. Fol. 188—225.
- ¹⁸ Fischer F. Op. cit. S. 484.
- ¹⁹ Baumgart W. Deutsche Ostpolitik, 1918: Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966. S. 178; Zührer W. Kaukasien, 1918—1921. S. 65, 67, 70.
- ²⁰ Письмо председателя делегации Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана Г. Баммата председателю делегации Закавказской республики А. Чхенкели относительно допуска представителей Северного Кавказа к участию в работе Батумской конференции. Батуми, 8 мая 1918 г. // Archives familiales de N. Badoual-Keresselidzé (Aix-en-Provence, France). Фр.
- ²¹ Письмо членов правления Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана Г. Баммата и З. Темирханова председателю германской делегации на Батумской мирной конференции генералу О. фон Лоссову и правительству Австрийской империи относительно необходимости создания Кавказской Конфедерации. Батуми, 8 мая 1918 г. // Archives familiales de M. Vammate (Paris, France). Фр.
- ²² Журналы заседаний делегации Закавказской республики на Батумской мирной конференции от 9 и 11 мая 1918 г. // Archives familiales de N. Badoual-Keresselidzé (Aix-en-Provence, France). По словам немецкого историка В. Цюрера, посвятившего истории Кавказа в 1918—1921 гг. монографию, «черкесы после их изгнания со своей первоначальной родины составляли определенную силу лишь в эмиграции. Они придерживались противоречивых взглядов относительно своей будущей роли» (Zührer W. Deutschland und die Entwicklung Nordkaukasiens ... S. 37). Там же Цюрер приводит выдержку из сообщения германского посла в Турции графа Й.Г. фон Бернсторфа, посланного 11 мая 1918 г. для осведомления фон Лоссову в Батуми. Согласно этому документу, «часть преимущественно простого народа, недовольного положением выросшего в числе со времени их прибытия в Турцию черкесов, хотела бы воспользоваться первым же случаем, чтобы вернуться на их почти полностью опустевшую родину с целью жить там в качестве самостоятельного народа. Другая часть, получившая в Турции должности и привилегии, поддерживает аннексионистские устремления турок на Северном Кавказе, надеясь играть у себя на родине такую же роль», как беки у азербайджанцев и дагестанцев (Ibidem).
- ²³ Авалов З. Независимость Грузии в международной политике 1918—1921 гг. Париж, 1924. С. 40—41.
- ²⁴ Письмо председателя делегации Закавказской республики на Батумской мирной конференции А. Чхенкели председателю делегации Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана Г. Баммату относительно согласия закавказской делегации на участие представителей Северного Кавказа в работе упомянутой конференции. Батуми, 11 мая 1918 г. // Archives familiales de N. Badoual-Keresselidzé (Aix-en-Provence, France).
- ²⁵ Письмо председателя германской делегации на Батумской мирной конференции генерала О. фон Лоссова председателю делегации Закавказской республики А. Чхенкели относительно участия представителей Северного Кавказа и Дагестана в упомянутой конференции. Батуми, 10 мая 1918 г. // Ibidem.
- ²⁶ Декларация об объявлении независимости Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана. Батуми, 11 мая 1918 г. // Ibidem.
- ²⁷ Р. Габашвили, один из лидеров грузинских национал-демократов, в своих мемуарах с юмором вспоминал, что и Чхенкели, и Рауф-бей, руководитель османской делегации на Трапезундской мирной конференции, были родом из Абхазии «и, как говорят, из соседних деревень» (Габашвили Р. Мои воспоминания. Мюнхен, 1959. С. 167. Груз).
- ²⁸ Baumgart W. Deutsche Ostpolitik, 1918. S. 179; Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 309—310; Авалов З. Указ. соч. С. 42, 94.
- ²⁹ Авалов З. Указ. соч. С. 42.
- ³⁰ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 330—338.
- ³¹ Arrangement provisoire pour le règlement temporaire des rapports entre l'Allemagne et la Géorgie. 28. 5. 1918. // Личный архив Г. Мамулиа. Mémoire sur les rapports des républiques transcaucasienne et géorgienne avec la Turquie et l'Allemagne à propos de l'effondrement du front russe. A titre de manuscrit. P. 21.

- ³² *Авалов З.* Указ. соч. С. 66. См. также: *Zührer W.* Kaukasien, 1918—1921. S. 77.
- ³³ *Potiankowski J.* Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches. Zürich; Leipzig; Wien, 1928. S. 362.
- ³⁴ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 343—349, 357—360.
- ³⁵ *Vaşnadze D. (Fürst).* Deutsche Blätter in der georgischen Geschichte: Erinnerungen des ehemaligen Bevollmächtigten der georgischen Regierung bei der Kaiserlich Deutschen Delegation im Kaukasus 1918 // Mitteilungen des Bundes der Asienkämpfer. Berlin, 1930. 15. September. S. 98; *Allen W.E.D., Muratoff P.* Op. cit. P. 477.
- ³⁶ *Mühlmann C.* Das deutsch-türkische Waffenbündnis in Weltkriege. Leipzig, 1940. S. 201.
- ³⁷ *Baumgart W.* Das «Kaspi-Unternehmen» — Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1970. Bd. 18, H. 1. S. 58—59; *Zührer W.*: 1) Kaukasien, 1918—1921. S. 72; 2) Deutschland und die Entwicklung Nordkasiens ... S. 39.
- ³⁸ Письмо председателя германской делегации на Батумской мирной конференции генерала О. фон Лоссова председателю делегации Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана Г. Баммату относительно политики Германской империи на Кавказе. Батуми, 20 мая 1918 г. // Archives familiales de M. Bammate (Paris, France). Фр.
- ³⁹ *Zührer W.*: 1) Kaukasien, 1918—1921. S. 60; 2) Deutschland und die Entwicklung Nordkasiens ... S. 36—40.
- ⁴⁰ Письмо председателя германской делегации на Батумской мирной конференции генерала О. фон Лоссова председателю делегации Закавказской республики А. Чхенкели относительно инструкций, полученных им от канцлера Германской империи. Батуми, 17 мая 1918 г. // Archives familiales de N. Badoual-Kereselidzé (Aix-en-Provence, France).
- ⁴¹ *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik, 1918. S. 181—182.
- ⁴² *Zührer W.* Kaukasien, 1918—1921. S. 84—85.
- ⁴³ *Allen W.E.D., Muratoff P.* Op. cit. P. 479.
- ⁴⁴ *Zührer W.* Kaukasien, 1918—1921. S. 82.
- ⁴⁵ *Kress von Kressenstein F.F.* Meine Mission im Kaukasus. Tbilissi, 2001. S. 42.
- ⁴⁶ *Mühlmann C.* Op. cit. S. 199—200.
- ⁴⁷ Письмо председателя горской делегации Г. Баммата председателю оттоманской делегации Халил-бею с просьбой информировать его относительно реализации обещаний, данных представителями Оттоманской империи представителям Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана. Батуми, 19 мая 1918 г. // Archives familiales de M. Bammate (Paris, France).
- ⁴⁸ Письмо председателя делегации Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана Г. Баммата председателю делегации Закавказской республики А. Чхенкели по вопросу о пропуске через территорию Закавказской республики военных кадров и вооружения, предназначенных для горцев Северного Кавказа и Дагестана. Батуми, 20 мая 1918 г. // Archives familiales de M. Bammate (Paris, France). Фр.
- ⁴⁹ Дополнительный договор к Договору о дружбе между императорским оттоманским правительством и правительством объединенных горцев Кавказа. 8 июня 1918 г. // Le Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre-européen (CERCEC), l'École des hautes études en sciences sociales (EHES, Paris). Archives d'Ali Mardan-bey Torpchibachi. Carton n° 3. В связи с заключением турецко-горского договора В. Цюрер справедливо отмечает, что «без всякого сомнения, среди северокавказцев были люди, которые, исходя из собственной слабости, предпочитали царскому угнетению, большевистскому варварству или турецкой реакции поиск связи с современной Германией». Заключение договора с Турцией, очевидно, было вызвано тем обстоятельством, «что они не были убеждены в том, что Германия сможет оказать им реальную помощь» (*Zührer W.* Deutschland und die Entwicklung Nordkasiens ... S. 39).
- ⁵⁰ Письмо дипломатического агента Германской империи на Кавказе графа Ф.В. фон дер Шуленбурга министру иностранных дел Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана Г. Баммату относительно транспортировки по грузинской железной дороге следующих на Северный Кавказ турецких войск. Тифлис, 15 июня 1918 г. // Рукописный фонд института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 69. Л. 195.
- ⁵¹ *Mühlmann C.* Op. cit. S. 199.
- ⁵² *Zührer W.* Deutschland und die Entwicklung Nordkasiens ... S. 40.
- ⁵³ Письмо министра иностранных дел Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана Г. Баммата дипломатическому агенту Германской империи на Кавказе графу Ф.В. фон дер Шуленбургу относительно транспортировки по грузинской железной дороге следующих на Северный Кавказ турецких войск. Тифлис, 14 июня 1918 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Л. 47.
- ⁵⁴ *Zührer W.* Deutschland und die Entwicklung Nordkasiens ... S. 40.

- ⁵⁵ Письмо дипломатического агента Германской империи на Кавказе графа Ф.В. фон дер Шуленбурга министру иностранных дел Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана Г. Баммату относительно транспортировки по грузинской железной дороге следующих на Северный Кавказ турецких войск. Тифлис, 15 июня 1918 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 69. Л. 195.
- ⁵⁶ *Zührer W.* Deutschland und die Entwicklung Nordkasiens ... S. 41.
- ⁵⁷ *Pomiankowski J.* Op. cit. S. 366, 371—372.
- ⁵⁸ *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik, 1918. S. 194.
- ⁵⁹ Союз объединенных горцев ... С. 142.
- ⁶⁰ Там же. С. 143—144.
- ⁶¹ *Zührer W.* Deutschland und die Entwicklung Nordkasiens ... S. 46—47.
- ⁶² *Ibidem.* Хотя в МИДе Германии и сомневались в готовности большевиков признать независимость горцев, немцы предложили Баммату лично отправиться в Москву для ведения переговоров, обещая в таком случае оказать ему дипломатическую помощь. Баммат, однако, проявил не большой интерес к этому предложению, аргументируя свой отказ тем, что дни большевизма и так сочтены. В итоге стороны условились о визите Баммата в Берлин. Он, однако, должен был состояться после визита в Берлин великого визиря Оттоманской империи Мехмеда Талаат-паши, когда ситуация стала бы более ясной (*Ibidem.* S. 48).
- ⁶³ Договор между правительством Грузинской республики и правительством Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана о пропуске транзитных грузов через грузинскую территорию и закупке на Северном Кавказе кукурузы. 11 августа 1918 г. // Bibliothèque de documentation internationale contemporaine (Nanterre) (BDIC). Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 26.
- ⁶⁴ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Берлин, 1924. Т. III. С. 241—242.
- ⁶⁵ Союз объединенных горцев ... С. 157.
- ⁶⁶ См.: *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik, 1918. S. 201—202.
- ⁶⁷ *Авалов З.* Указ. соч. С. 113.
- ⁶⁸ *Kazemzadeh F.* Op. cit. P. 140—141.
- ⁶⁹ *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik, 1918. S. 203—204.
- ⁷⁰ *Kazemzadeh F.* Op. cit. P. 143.
- ⁷¹ *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik, 1918. S. 205.
- ⁷² *Idem.* Das «Kaspi-Unternehmen» ... S. 99—106.
- ⁷³ Небезынтересно отметить, что проект воссоздания Юго-Восточного Союза рассматривался германскими военными, а также кайзером Вильгельмом II еще в июне 1918 г., после возвращения генерала фон Лоссова с Батумской конференции. Во время обсуждения этого вопроса Людендорф заявил, что создание прогерманского кавказского блока в форме Юго-Восточного Союза, куда в то время планировалось включить и Южный Кавказ, было бы желательным противовесом русско-славянскому элементу. Этот план не был осуществлен главным образом из-за сопротивления германских дипломатов. См.: *Zührer W.* Deutschland und die Entwicklung Nordkasiens ... S. 40.
- ⁷⁴ *Ibidem.* S. 50—51.
- ⁷⁵ Письмо вице-председателя правительства Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана П. Коцева дипломатической делегации Союза горских народов Кавказа относительно своей поездки на Украину, Дон и Кубань, политики Германии и Турции в отношении Союза горцев, а также событий на Северном Кавказе. Тифлис, 12 сентября 1918 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 58. Л. 81—87.
- ⁷⁶ Следует отметить, что МИД Германии был также против плана военных по восстановлению Юго-Восточного Союза. В переписке военных с дипломатами объектом критики последних стал майор фон Кокенхаузен — представитель германского командования при донском правительстве генерала П. Краснова. Кокенхаузен обвинялся в том, что, ведя переговоры с Коцевым, слишком откровенно сообщил последнему о германском плане раздела территории бывшей Российской империи на собственно Россию, Украину, Сибирь и Юго-Восточный Союз. Верховное командование опровергло эту критику, заявив, что Кокенхаузен коснулся лишь возможного развития событий. См.: *Zührer W.* Deutschland und die Entwicklung Nordkasiens ... S. 49. Упомянутый план, однако, никак нельзя считать личным мнением Кокенхаузена, так как еще 10 июня 1918 г. эту мысль высказал не кто иной, как германский кайзер Вильгельм II в беседе с атаманом астраханских казаков князем Тундутовым. По словам самого Тундутова, записанным З. Авалишвили, «император-де находит, что Россию надо разделить на 4 части: Великороссию, Украину, Сибирь и Юго-Восточный Союз с Кавказом». См.: *Авалов З.* Указ. соч. С. 78.
- ⁷⁷ *Zührer W.* Deutschland und die Entwicklung Nordkasiens ... S. 43.
- ⁷⁸ *Allen E.D., Muratoff P.* Op. cit. P. 480.
- ⁷⁹ *Zührer W.* Deutschland und die Entwicklung Nordkasiens ... S. 47—50.
- ⁸⁰ *Volck H.* Öl und Mohammed. «Der Offizier Hindenburgs» im Kaukasus. Breslau, 1938. S. 191—192.
- ⁸¹ *Dunsterville L.G.* The Adventures of Dunsterforce. Uckfield, East Sussex, 2007. P. 28—30, 173—174, 155—163, 201—204.

- ⁸² Письмо вице-председателя правительства Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана П. Коцева дипломатической делегации Союза горских народов Кавказа относительно своей поездки на Украину, Дон и Кубань, политики Германии и Турции в отношении Союза горцев, а также событий на Северном Кавказе. Тифлис, 12 сентября 1918 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 58. Л. 82—83.
- ⁸³ Письмо вице-председателя Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана П. Коцева начальнику императорской германской миссии на Кавказе генералу Крессу фон Крессенштейну по поводу инцидента, имевшего место во Владикавказе между представителями горцев и миссий Германской и Австро-Венгерской империй. Тифлис, 11 сентября 1918 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Л. 42.
- ⁸⁴ *Volck H.* Op. cit. S. 194—195.
- ⁸⁵ Письмо вице-председателя правительства Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана П. Коцева дипломатической делегации Союза горских народов Кавказа относительно своей поездки на Украину, Дон и Кубань, политики Германии и Турции в отношении Союза горцев, а также событий на Северном Кавказе. Тифлис, 12 сентября 1918 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 58. Л. 85, 86.
- ⁸⁶ *Volck H.* Op. cit. S. 210.
- ⁸⁷ Обращение правительства Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана к горным чеченцам Аргунского округа. Тифлис, 12 сентября 1918 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Л. 26; Официальное сообщение правительства Республики горских народов Кавказа о необоснованности слухов относительно желания правительства Оттоманской империи присоединить к ней территории горских народов Кавказа, опубликованное в № 25 газеты «Грузия» от 2 октября 1918 года. Тифлис, 30 сентября 1918 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Л. 14—14 об.
- ⁸⁸ *Le Caucase et particulièrement le Caucase du Nord depuis la fin de l'ancien régime en Russie.* Paris, mai 1919 // AMAE. Correspondance politique et commerciale 1918—1940. Série E (Levant). Caucase-Kurdistan. Dossier n°4. Mars 1919—juin 1919. Fol. 188—225.
- ⁸⁹ *Baumgart W.* Das «Kaspi-Unternehmen» ... S. 98—99.
- ⁹⁰ Обращение председателя правительства Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана А.М. Чермоева к правительству Грузинской республики относительно транспортировки по грузинской железной дороге следующих на Северный Кавказ турецких войск. Сентябрь 1918 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Л. 31.
- ⁹¹ *Kosok P.* Revolution and Sovietization in the Northern Caucasus // *Caucasian Review.* Munich, 1956. N° 3. P. 51.
- ⁹² *Zührer W.* Deutschland und die Entwicklung Nordkaukasiens ... S. 51.
- ⁹³ *Kosok P.* Op. cit. P. 51.
- ⁹⁴ Письмо вице-председателя правительства Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана П. Коцева министру иностранных дел Грузинской Республики А. Чхенкели относительно восстановления власти горского правительства на территории Дагестана. Тифлис, 16 ноября 1918 г. // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 79.
- ⁹⁵ *Jabagi (Cabagi) V.-G.* Revolution and Civil War in the North Caucasus — End of the 19th — Beginning of the 20th Century // *Central Asian Survey.* 1991. Vol. 10, N° 1—2. P. 124—125.
- ⁹⁶ Письмо председателя Совета министров и и. д. министра иностранных дел Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана П. Коцева министру иностранных дел Грузинской Республики А. Чхенкели относительно предложения своего посредничества в деле урегулирования армяно-грузинского конфликта. Темир-Хан-Шура, 26 декабря 1918 г. // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 25.
- ⁹⁷ *Bammate H.* Le Caucase et la révolution russe. Paris, 1929. P. 40.

Дж. Гасанлы (Азербайджан)*

Внешняя политика Азербайджанской Республики: первая попытка движения к независимости

Провозглашение независимости Азербайджана 28 мая 1918 г., несомненно, стало важным событием в истории и судьбе азербайджанского народа. Азербайджанская Республика зародилась и существовала в трудный и противоречивый период. Разрушенная революцией Российская империя пыталась восстановиться в границах 1914 г., а потому молодой Азербайджанской Республике пришлось в 1918—1920 гг. проявить большую дипломатическую изворотливость и умение использовать в своих интересах крутые повороты мировой политики. Признание де-факто независимости Азербайджана в 1920 г. Верховным Советом Версаля стало не только результатом меняющейся с осени 1919 г. политической ситуации, но и серьезным дипломатическим достижением азербайджанской делегации на Парижской мирной конференции. Однако новые геополитические процессы, сформировавшиеся по окончании Первой мировой войны, не позволили азербайджанскому народу закрепить это историческое достижение. АДР пала в апреле 1920 г. не в результате политических процессов или региональных противоречий, а как итог сложных дипломатических игр, развернувшихся в мировой политике. На деле новообразовавшиеся в пределах Российской империи молодые республики, в том числе и Азербайджан, трудно интегрировались в международное сообщество, и это, в первую очередь, объяснялось членством России в Антанте-победительнице. Оценивая большевизм как временное и нежизнеспособное явление, союзники не теряли надежд восстановить Россию в прежних границах и были очень осторожны во всем, что ее касалось. Планы Запада на будущее ярко отражены в «14 пунктах» президента США В. Вильсона, считавшегося архитектором нового мира и другом малых народов. Спустя 70 лет, в результате развала СССР 14 республик оторвались от России, но в 1918 г. они еще не значились в программе Вильсона.

После восстановления независимости Азербайджана была проделана большая работа по научно-теоретическому исследованию истории АДР и была воссоздана доскональная научная панорама тех недавних лет. После завоевания Азербайджаном своей независимости проведена огромная работа по обогащению источниковедческой базы истории АДР. Опубликованы документы азербайджанского национального правительства, парламента, национальной армии, Закавказского сейма¹. В этом ряду следует упомянуть издания (наряду со сборниками документов), демонстрирующие шаги азербайджанской дипломатии и отражающие на своих страницах жесткую борьбу за признание независимости Азербайджана, мысли и дискуссии по этому поводу различных историографов. В 2008 г. был опубликован сборник документов из архивов Великобритании, способствующий освещению ряда темных мест истории АДР и ее внешней политики. Эта публикация во многом обогатила источниковедческую базу истории АДР². За последние годы появились энциклопедические издания,

* *Гасанлы Джамиль* — доктор исторических наук, профессор, Университет «Хазар» (Баку).

освещающие историю АДР, жизнь, творчество и деятельность активных строителей нового государства³.

В связи с переоценкой идеологических ценностей социально-политические процессы начала XX в., национально-демократическое движение, деятельность АДР и его роль в истории азербайджанской государственности, внешняя политика азербайджанского правительства и в целом сложные события 1917—1920 гг. были заново изучены, сорваны шоры и запреты, опубликованы фундаментальные монографии и публицистические произведения, основанные на вновь открытых архивных документах. Под напором среднего и молодого поколений азербайджанских историков рухнули многолетние идеологические баррикады, наполнились исторической правдой зияющие провалы памяти, исторические личности получили реальную реабилитацию⁴.

Русская революция 1917 г. и начало дипломатической борьбы за Кавказ

Независимость Азербайджана была провозглашена 28 мая 1918 г., однако Центральный Кавказ вошел в систему международных отношений гораздо раньше. К концу Первой мировой войны резко возросла потребность в горячем, что увеличило интерес воюющих стран к Кавказу и борьба за нефть поставила Баку в центр притяжения противостоящих военных блоков. Противоречивые изменения, происшедшие на Кавказском фронте, и политические потрясения русской революции 1917 г. затронули весь Центральный Кавказ, в том числе и Азербайджан.

В результате Февральской революции 1917 г. в России не только была свергнута монархия, но тяжелый урон был нанесен имперским устоям страны и расширилось национально-освободительное движение в этой бывшей «тюрьме народов». Свержение самодержавия ускорило политические процессы на Кавказе. По инициативе депутатов Государственной думы от Центрального Кавказа 9 марта для руководства регионом был создан Особый Закавказский комитет во главе с кадетом В.А. Харламовым.

После Октябрьского переворота в Петрограде 11 ноября в Тифлисе состоялось собрание политических организаций, действующих на Центральном Кавказе. Выступивший с большой речью лидер грузинских меньшевиков Н. Жордания напомнил, что на протяжении последних ста лет народ в Закавказье трудился плечом к плечу с Россией и считал себя «неразрывной частью российского государства». А теперь пришла беда, связь с Россией потеряна и Закавказье осталось одно. Надо подняться и спасти себя или же погибнуть в пучине анархии⁵. По предложению Жордания для управления регионом было принято решение о создании Закавказского комиссариата, который будет действовать до тех пор, пока Учредительное собрание не решит вопрос о власти. 14 ноября был объявлен состав этого правительства, в котором были представлены все национальности Закавказья, а возглавил его грузинский меньшевик Е.П. Гегечкори.

С образованием Закавказского комиссариата положение русской армии на Кавказском фронте оказалось весьма двусмысленным, во всяком случае ни у кого не было сомнений, что продолжать войну с Турцией нет никакой возможности⁶. В конце ноября 1917 г. по указанию Энвер паши командующий 3-й турецкой армией Вехиб паша обратился к командующему Кавказским фронтом генералу Пржевальскому с предложением заключить перемирие. Закавказский комиссариат, обсудив это предложение, выразил согласие на этом с условием, что турки не будут проводить пере-

дислокацию своих войск и спровоцировать Антанту⁷. 21 ноября Пржевальский сообщил турецкому командованию о решении комиссариата. Спустя несколько дней небольшая делегация в составе А. Смирнова, В. Тевзая, генерала Вышинского и дашнака Джамалияна прибыла в Эрзинджан, где 5 (18) декабря состоялось подписание условий перемирия, состоявших из 14 пунктов⁸.

Эрзинджанское перемирие было временным соглашением, поэтому 16 января 1918 г. Вехиб паша направил генералу Одишелидзе послание, где правительство Турции приглашало Закавказский комиссариат принять участие в Брест-Литовских переговорах и обещало использовать все имеющиеся возможности для официального признания нового государства. Это был важный шаг на пути к признанию независимости Закавказья.

Закавказский комиссариат никак не мог определить свое отношение к турецким предложениям. Наконец решили рассмотреть этот вопрос в Закавказском сейме (парламенте), открывающемся 10 (23) февраля, и сообщили об этом турецкому командованию. После предварительных обсуждений идеи создания нового органа верховной власти грузинская фракция предложила по примеру отколовшейся от Российской империи Польши назвать парламент сеймом. В последние дни существования Временного правительства большевики Закавказья поддерживали эту идею⁹.

Вопрос о мире и связанные с ним проблемы обсуждались в различных фракциях сейма, где уточнялись позиции сторон. 26 февраля свое заседание провела азербайджанская фракция. Ее председатель М.Э. Расулзаде дал всесторонний анализ ситуации в Азербайджане и вокруг него. Фракцию беспокоило, что армянские воинские части, возвращающиеся с Кавказского фронта, оседают в Баку, английские части на Ближнем Востоке продвигаются в Северный Иран — Южный Азербайджан и возникает угроза захвата Баку, а немцы активизировались на Кавказе и хотят прибрать к рукам бакинскую нефть. Фракция хотела заключением мирного договора с Турцией добиться стабилизации ситуации в Закавказье.

3 марта 1918 г. Советская Россия подписала Брест-Литовский договор и этим актом официально отказалась от подготовленного два месяца назад Лениным и Сталиным декрета «О Турецкой Армении». В договоре указывалось, что Россия сделает все возможное, чтобы очистить Восточную Анатолию и вернуть ее Турции, а русская армия будет эвакуирована из провинций Ардаган, Карс и Батум¹⁰.

Однако на Трабзонской конференции (официально открылась 14 марта) представители Закавказья выразили протест против статей Брестского договора, касающихся Кавказа¹¹. Турки в ответ заявили, что если Закавказье было бы заинтересовано в исходе Брестских переговоров, то оно должно было оформить свои права на основе норм международного права и принять меры к тому, чтобы быть признанным другими государствами. Поэтому, если теперь Закавказье и будет признано, оно все равно не сможет протестовать по поводу упущенных возможностей¹². Турция, уставшая от пережевывания одних и тех же вопросов за столом переговоров, 24 марта (6 апреля) предъявила Закавказью ультиматум с требованием в течение 48 часов дать четкий ответ: признает Закавказье Брест-Литовский мирный договор или нет. Вместе с тем отмечалось, что если Закавказье хочет вступить с Турцией в договорные отношения, то оно должно объявить о своем суверенитете, и только после этого могут начаться дипломатические переговоры¹³.

В отличие от Трабзона, в Тифлисе события разворачивались в несколько ином направлении. Сразу после получения ультиматума было созвано экстренное заседание сейма. Е. Гегечкори, И. Церетели, Х. Карчикян, Ю. Семенов и другие в своих

выступлениях считали необходимым оказать сопротивление и фактически требовали объявить Турции войну. Призыв к ней был ясно слышен в выступлениях грузинских и армянских депутатов. 13 апреля было принято решение объявить Турции войну с Закавказьем, которая длилась недолго — всего 8 дней. 15 апреля в Стамбуле было официально объявлено о взятии Батума, 22 апреля турки выступили с мирной инициативой¹⁴, и сейм принял предложение о начале мирных переговоров.

Тем временем оставшиеся в Трабзоне делегаты также не сидели сложа руки. После того, как переговоры прервались на неопределенный срок, Энвер паша посетил Трабзон и Батум. В Трабзоне он принял азербайджанских делегатов¹⁵, которых интересовало видение Энвер пашой политической структуры Закавказья, а главное — будущие взаимоотношения двух братских народов — азербайджанцев и турок-османов, особенно если учесть, что именно Энвер паша определял политику Турции. Он отметил, что Азербайджан, Грузия и Армения с общим сеймом должны принять форму федерации или конфедерации и тесно сотрудничать с Турцией. В случае если не удастся создать единое закавказское государство, тогда независимый Азербайджан, имеющий общую границу с Турцией, может завязать с Османской империей более тесные отношения. По поводу Трабзонских переговоров М. Гаджинский сообщил, что Нури паша — брат военного министра Энвер паши вместе с 300 военными инструкторами в ближайшее время через территорию Ирана прибудет в Азербайджан¹⁶.

Перед заседанием сейма 22 апреля 1918 г. в первой половине дня состоялось собрание мусульманской фракции, где было твердо решено поддерживать А. Чхенкели — сторонника провозглашения независимости Закавказья и мирных переговоров¹⁷. 22 апреля глубокой ночью абсолютным большинством голосов сейм провозгласил образование Закавказской Демократической Федеративной Республики¹⁸. 26 апреля он утвердил состав правительства независимого Закавказья и заслушал заявление правительства. Возросшая роль азербайджанцев немедленно отразилась на составе правительства. В кабинете Чхенкели (он же стал министром иностранных дел) Ф.Х. Хойский занял пост министра юстиции, Н. Усуббеков — министра народного просвещения, Х. Мелик-Асланов — министра путей сообщения, М. Гаджинский — министра торговли и промышленности, И. Гейдаров — государственного контролера¹⁹. 28 апреля новообразованная Закавказская Демократическая Федеративная Республика была признана Османской империей.

После признания Закавказской Федерации турецкое правительство согласилось провести новый раунд мирных переговоров в Батуме и, признавая их важность, прислало туда еще более представительную делегацию во главе с исполняющим обязанности министра юстиции и министра иностранных дел Х. Ментеше. Для участия в мирной конференции из Стамбула прибыл морской министр Джамал паша. В свою очередь делегация Закавказья состояла из 45 человек, что объяснялось сложностью политического положения Закавказья²⁰. Однако в делегации решающую роль играли: от Грузии — Чхенкели и Николадзе, от Азербайджана — Расулзаде и Гаджинский, от Армении — Качазнуни и Хатисян²¹.

14 мая Халил бек в Батуме вручил закавказским делегатам ноту с требованием впустить турецкие войска в Закавказье для предотвращения наступления английских войск на Баку. Он объяснил, что полевым командирам дано указание в случае, если против армии не будет применено оружие, не обижать местное мирное население²². В свою очередь азербайджанские делегаты требовали разрешить ввод турецких войск на территорию Закавказья, чтобы преградить путь войскам бакинского Совета народных комиссаров на Гянджу. Осложнение обстановки в Закавказье по-разному

отражалось на интересах соперничающих соседей, и это определяло разброд мнений среди делегатов Батумской конференции. Туркам было известно намерение Германии, пройдя через Азербайджан, вторгнуться в Центральную Азию, Афганистан и Индию и нанести там удар по позициям враждебных государств²³.

Начиная с середины мая не только азербайджанская, но и грузинская фракции пришла к решению пригласить вооруженную силу из-за рубежа. 14 мая состоялось тайное заседание Грузинского национального совета, где было принято решение при посредничестве генерала фон Лоссова обратиться к правительству Германии с просьбой взять Грузию под свою опеку. На самом деле в момент принятия этого решения грузинские эмиссары в Берлине уже получили согласие Германии на оказание покровительства Грузии²⁴. Для проведения секретных переговоров с генералом Лоссовым была создана комиссия во главе с лидером меньшевиков Жордания.

По условиям втайне подписанного 25 мая, но пока не объявленного договора, Германия в качестве первого шага направляла в Грузию сначала 5 тыс., а затем 12 тыс. солдат²⁵. Таким образом, 26 мая Грузинский национальный совет объявил о независимости Грузии и был сформирован кабинет министров во главе с Н. Рамишвили. Первым внешнеполитическим шагом нового правительства было подписание заранее подготовленного соглашения с Германией. С 28 мая Грузия вступила под опеку Германии.

Провозглашение независимости Азербайджана

Для обсуждения кризисной ситуации, возникшей в связи с роспуском сейма, члены азербайджанской фракции 27 мая собрались на свое чрезвычайное заседание. Учитывая сложность положения, собрание единогласно решило взять на себя функции управления Азербайджаном и провозгласило себя Национальным советом Азербайджана. Расулзаде был избран его председателем. 28 мая состоялось первое заседание Национального совета, на котором присутствовали 26 человек. После бурных прений Национальный совет принял решение немедленно объявить о государственной независимости Азербайджана и провозгласить соответствующий акт²⁶. Затем совет поручил Хойскому сформировать азербайджанское правительство. После часового перерыва был заслушан его доклад о составе кабинета министров: председатель Совета министров и министр внутренних дел Ф.Х. Хойский, военный министр Х.П. Султанов, министр иностранных дел М.Г. Гаджинский, министр финансов и министр народного просвещения Н. Усуббеков, министр юстиции Х. Хасмамедов, министр торговли и промышленности М.Ю. Джафаров, министр земледелия и министр труда А. Шейхульисламов, министр путей сообщения и министр почт и телеграфа Х. Мелик-Асланов, государственный контролер Дж. Гаджинский²⁷. Таким образом, Азербайджанский национальный совет выполнил важную историческую миссию. Расулзаде об этом писал: «Провозглашая свою декларацию от 28 мая 1918 г., Национальный совет подтвердил существование азербайджанской нации. Теперь слово “Азербайджан” означало не просто географический, этнографический и лингвистический термин, а приобрело политическую сущность»²⁸.

Как только было сформировано правительство Азербайджана, 30 мая информация об образовании республики радиотелеграфом была направлена министрам иностранных дел ведущих стран мира. В радиограмме сообщалось: «Так как Федеративная Закавказская Республика раздроблена была отделением от нее Грузии, На-

циональный Азербайджанский совет объявил 28-го текущего месяца независимость Азербайджана, состоящего из Восточного и Южного Закавказья, и провозгласил Азербайджанскую Республику. Уведомляя Вас о вышеизложенном, имею честь просить Ваше Превосходительство сообщить об этом Вашему правительству. Временное пребывание моего правительства будет в Елизаветполе. Председатель Совета министров Азербайджанской Республики Фатали Хан Хойский»²⁹.

Начатые закавказским правительством батумские переговоры были продолжены вновь созданными национальными республиками, причем каждая из них выдвинула свои условия мира. Батумские переговоры завершились 4 июня подписанием со всеми тремя республиками договоров «О мире и дружбе». В тот же день был подписан «Договор дружбы между Императорским оттоманским правительством и Азербайджанской Республикой». Со стороны Турции договор подписали министр юстиции Ментеше и главнокомандующий Кавказским фронтом Вехиб паша, а с азербайджанской — министр иностранных дел Гаджинский и председатель Национального совета Расулзаде. Это был первый договор, подписанный Азербайджанской Республикой с иностранным государством. В важнейшей для Азербайджана 4-й его статье указывалось, что оттоманское правительство обязуется оказывать помощь вооруженной силой правительству Азербайджанской Республики, если таковая потребуется для обеспечения порядка и безопасности в стране³⁰.

Азербайджанские делегаты в Батуме, получив всестороннюю информацию о ситуации в республике, решили, опираясь на ст. 4 данного договора, просить военной помощи у оттоманского правительства. С этой целью Расулзаде и Гаджинский провели соответствующие переговоры с представителями Оттоманской империи³¹. Принимая просьбу азербайджанской делегации, османское правительство искало способ, как направить войска в Азербайджан, чтобы не вызвать протест Германии. Поэтому было принято решение создать совместную «Кавказскую исламскую армию», состоящую из османских войск и азербайджанских добровольцев. По мнению Энвер паши, таким образом можно было смягчить германское сопротивление³². Османские военные части стали стягиваться к Гяндже, а 5-я дивизия под командованием Мюрсель паши (состоявшая из 257 офицеров и 5575 солдат³³) в начале июня вошла в город. В Гянджу также прибыл Нури паша со своим штабом.

После 18-дневной деятельности в Тифлисе переезд Национального совета и правительства в Гянджу не был особенно удачным. После первого правительственного кризиса 17 июня был сформирован второй кабинет под руководством Хойского, в который вошли 6 человек из предыдущего правительства и 6 новых министров. 19 июня состоялось распределение министерских портфелей: Ф.Х. Хойский — премьер-министр и министр юстиции, М.Г. Гаджинский — министр иностранных дел и временно министр контроля, Б. Джаваншир — министр внутренних дел, Х. Мелик-Асланов — министр путей сообщения, А. Амирджанов — министр финансов, Х. Султанов — министр сельского хозяйства, Н. Усуббеков — министр народного образования, А. Ашуров — министр торговли и промышленности, Х. Рафибейли — министр народного здравоохранения и призрения. Вошедшие в состав правительства А.М. Топчибашев, Х. Хасмамедов и М. Рафиев стали министрами без портфеля. Временно руководство министерством почт и телеграфа поручили Х. Мелик-Асланову, а руководство министерством продовольствия — А. Ашурову.

23 июня, учитывая осложнение ситуации в Азербайджане, правительство объявило военное положение на всей территории страны³⁴. Германские представители в Тифлисе тормозили продвижение турецкой армии к Баку. Поэтому 24 июня команду-

ющий Восточной группой войск Вехиб паша телеграфировал пребывающему в Гяндже Нури паше о том, что на территории Азербайджана не может находиться другая армия, кроме османской³⁵.

Одним из первых шагов второго правительства было утверждение 17 июня состава делегации на Стамбульскую конференцию государств Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария). Учитывая, что эта конференция должна сыграть важную роль в жизни Азербайджана, правительство утвердило состав делегации из трех человек — Расулзаде, Хасмамедов, А. Сафикурдский. Правительство наделило их полномочиями вести переговоры по политическим, экономическим, финансовым и военным проблемам со всеми участниками конференции, а также заключать с ними договоры³⁶.

Борьба за освобождение Баку

На завершающем этапе Первой мировой войны Баку превратился в главный объект борьбы между Германией, Англией, Османской империей и Советской Россией. Сотрудник британских спецслужб П. Хопкирк, работавший на Ближнем Востоке, так пишет о событиях в Баку: «В конце прошлого века Баку был одним из богатейших городов в мире. Обнаружение нефтяных залежей в этой окраине царской империи стало причиной того, что различные народы устремили сюда свои взоры. Сюда ринулись искатели приключений и авантюристы всех мастей. Специалисты подсчитали, что Баку был в состоянии осветить и обогреть весь земной шар. Нефтью было пропитано все вокруг Баку... Добыча нефтяных месторождений Баку одно время превосходила нефтедобычу всех нефтяных колодцев США вместе взятых»³⁷.

После провозглашения независимости Азербайджана Бакинский совет и его исполнительный орган — Совет народных комиссаров не только не признали национальное правительство, но и всеми средствами (политическими, экономическими, военными и дипломатическими) выступили против него. Турецкое продвижение в направлении Баку сильно обеспокоило Советскую Россию, а также бакинский Совет народных комиссаров, стремящийся распространить свою власть на весь Азербайджан. 12 июня С. Шаумян по телеграфу сообщил Ленину и Сталину о выступлении бакинских военных частей на Гянджу. Затем 18 июня народный комиссар по военно-морским делам Г. Корганов сообщил в бакинский СНК о том, что ситуация складывается в пользу большевиков³⁸. По маршруту движения в округах вновь началась резня и грабеж местного населения. Это было результатом того, что 70% рядового и 100% офицерского состава армии Бакинского совета составляли армяне³⁹. О том, что командный состав войск бакинского Совнаркома в основном состоял из армян, применявших насилие в отношении местного мусульманского населения, как позднее рассказывал и участвовавший в походе Сурен Шаумян⁴⁰.

Однако наступление азербайджано-турецких войск остановило продвижение большевиков. Сражение под Гейчаем с 27 июня по 1 июля решило исход борьбы. 20 июля освободившая Шамахи и продвинувшаяся до ворот Баку Исламская армия приостановила борьбу за город, и причиной тому было ужесточение дипломатической борьбы вокруг него. В начале июля 1918 г. в германском консульстве в Стамбуле был подготовлен отчет, где отмечалось: «Если нам удастся договориться с большевиками, тогда нефтепромыслы и нефтяные запасы Баку попадут в наши руки. Если, напротив, большевики будут вынуждены покинуть город, то они подожгут промыслы,

и в таком случае ни мы, ни турки не сможем воспользоваться нефтяными запасами. А без нефти Кавказская железная дорога вскоре остановится»⁴¹.

Оставшись без эффективной военной помощи Советской России, бакинский Совнарком связал свои надежды с дипломатической помощью Москвы. Начавшиеся в конце июня германо-советские переговоры привели к заключению предварительного соглашения. Это подтверждает и Ленин в телеграмме Сталину от 30 июня: «Сегодня, 30 июня, получено сообщение от Иоффе из Берлина, что Кюльман имел предварительный разговор с Иоффе. Из этого разговора видно, что немцы согласны принудить турок прекратить военные операции дальше брестской границы, установивши нам точную демаркационную линию. Обещают не пускать турок в Баку, но желают получать нефть. Иоффе ответил, что мы будем строго придерживаться Бреста, но вполне согласны с принципом давать, чтобы получать. Обратите сугубое внимание на это сообщение и постарайтесь передать его Шаумяну поскорее, ибо теперь есть серьезнейшие шансы удержать Баку. Часть нефти, конечно, мы дадим»⁴².

Под сильным давлением немцев при непосредственном вмешательстве генерала Людендорфа активные военные действия турок временно были приостановлены. Вся переписка Энвер паши находилась под контролем германских советников, служивших в турецкой армии, поэтому в своих официальных приказах он требовал приостановить наступление на Баку⁴³. На самом деле приказы и телеграммы Энвер паши о прекращении штурма Баку были обманом и носили характер маневра. В одном официальном приказе Энвер паша требовал остановить движение на Баку, но другим секретным приказом немедленно отправлял необходимое количество солдат, оружия и снаряжений для Кавказской исламской армии, требуя немедленно штурмовать город, не допуская вмешательства немцев. И даже считал возможным вступить в бой с немецкими частями, мешающими идти на Баку⁴⁴.

Активизация военных действий в конце июля и концентрация азербайджано-турецких войск под Баку ускорили германо-русское соглашение. Германский Генштаб, испугавшись удачных военных операций Турции в Азербайджане, с начала августа стал открыто вмешиваться в события. 4 августа генерал Людендорф сообщил Энвер паше, что если военные действия в Азербайджане не прекратятся, то немецкие офицеры будут отозваны из османского главнокомандования. Он писал: «Я не могу допустить, чтобы действия турецких правящих кругов, противоречащие условиям мирного договора, привели к опасности новой войны с Россией»⁴⁵.

Пока продолжались германо-русские переговоры в Берлине и Москве, фронтовые неудачи бакинского Совнаркома осложнили его положение в Баку. На повестку дня встал вопрос: как защищать город или же кому его сдавать? 24 июля на митингах рабочих-немусульман лидеры эсеров, меньшевиков и дашнаков уже открыто требовали пригласить англичан, чтобы защититься от турко-азербайджанского наступления. 25 июля состоялось экстренное заседание Бакинского Совета, на котором Степан Шаумян выступил с докладом о политическом и военном положении. В результате ожесточенных прений 259 голосами против 236 была принята резолюция о приглашении в Баку англичан и создании коалиционного правительства.

31 июля бакинский Совнарком сообщил о сложении своих полномочий. В Баку было создано марионеточное правительство, называемое «Диктатура Президиума Временного исполнительного комитета Центрокаспия и Советов», опиравшееся на эсеров-дашнаков-меньшевистский союз и подконтрольное Армянскому национальному совету. После свержения СНК и установления Диктатуры Центрокаспия министр иностранных дел Гаджинский шифрограммой описывал Расулзаде обстановку на

Бакинском фронте: «В Баку большевистская власть свергнута, Шаумян и другие арестованы, их заменили меньшевики и дашнакчаканы, а также все вообще русские и евреи. Сила у них большая. Я доложил об этом Халил паше. Надо экстренно двинуть еще одну дивизию из Батума. Это возможно только в том случае, если турки сдадут грузинам Абастуман и Ацхур, о чем Халил паша просил Энвер пашу. Вам также надо действовать в этом направлении, иначе Баку пропал. У врагов масса снарядов, дальнобойных пушек и аэропланов. Если у нас этого не будет, то даже после взятия нами Баку враги могут сжечь и разрушить его»⁴⁶.

Одним из первых шагов Диктатуры Центрокаспия была попытка ускорить приход англичан в Баку. В первые августовские дни на экстренном заседании эсер Л. Уманский пытался всех убедить, что надо потерпеть всего два дня и что помощь союзников уже близка. Он убеждал, что если турки войдут в город, то спасти население от ужасной трагедии сможет только приход англичан⁴⁷. Вскоре выяснилось, что план англичан принадлежал дашнакам, ведущим переговоры с Л. Денстервиллем в Энзели.

Англичане были сильно обеспокоены победами турок в боях за Баку. С одной стороны, беспокойство это было вызвано тем, что германо-турецкий блок завладел бакинской нефтью, а с другой — не исключено было желание Нури паши двигаться дальше в Среднюю Азию, Афганистан и Индию. Англичанам было известно о тайной переписке кайзера Вильгельма II с эмиром Афганистана Хабибуллою и об усилении германской разведки в Афганистане. Информация об успехах Исламской армии, распространяемая турками в Иране и Афганистане, нервировала англичан⁴⁸. По генеральному плану британского правительства движение Турции на Восток должно было быть пресечено в Баку.

4 августа первый английский отряд под командой полковника Стокса прибыл в Баку⁴⁹. Чуть позже, между 9—17 августа, три батальона, одна батарея полевой артиллерии и несколько броневигов, представляя собой британскую армию, вошли в город⁵⁰. Хопкирк об этом пишет так: «Когда 17 августа 1918 г. британцы причалили в сонном Бакинском порту, от былого блеска города оставались только тени воспоминаний. После войны и революции Баку стал напоминать Шанхай в 1949 г., когда его захватили коммунисты»⁵¹.

Узнав, что информация о бесчисленных британских войсках, высаживающихся в Баку, — всего лишь слухи, Исламская армия приступила к решающей операции за освобождение города. Денстервиль, как и Бичерахов, очень скоро понял, что его пригласило марионеточное правительство, а оборона города бесперспективна. 31 августа в своем письме «диктаторам» Денстервиль отмечал, что затягивание обороны города есть лишь пустая трата времени и бессмысленные человеческие потери. По его мнению, в таком положении ни одна сила в мире не сможет спасти Баку от турок⁵². Как военный специалист, Денстервиль объяснял свою позицию тем, что местное население (азербайджанцы. — *Дж.Г.*) враждебно относится к силам, не пускающим турок в Баку⁵³.

Приход англичан в Баку чуть изменил ситуацию, но Советская Россия всеми способами продолжала попытки вернуть себе богатый нефтью Азербайджан. На переговорах в Берлине в конце августа Германия соглашалась на прекращение турецкого наступления на Баку лишь с тем условием, что Советская Россия выставит из Баку англичан. Ленин 23 августа телеграфировал в Ташкент Ф.И. Колесову: «Немцы согласны гарантировать ненаступление на Баку, если мы выгоним оттуда англичан»⁵⁴. Наконец германо-российские переговоры, проходившие в Берлине в течение трех месяцев, завершились 27 августа подписанием втайне от Турции соглашения, дополняющего Брестский договор. Шестой раздел соглашения был посвящен Кавказу. В 13-й статье

Россия соглашалась с тем, что Германия признает Грузию в качестве суверенного государства. 14-я статья касалась непосредственно Азербайджана. В ней указывалось: Германия на Кавказе за пределами Грузии не будет оказывать военной помощи никакому третьему государству. Она использует свое влияние, чтобы военные силы третьего государства не заходили на территорию, ограниченную руслом р. Куры до д. Петропавловск, вдоль границ Шемахинского уезда до д. Айриоба, вдоль границ Бакинского, Шемахинского и Кубинского уездов до северных морских границ Бакинского уезда. Россия обязуется всеми силами и средствами увеличить добычу нефти в Бакинской области и ежемесячно четвертую ее часть переправлять в Германию⁵⁵. Не названным в соглашении третьим государством была именно Турция, которая вместе с азербайджанскими частями уже перешла установленную демаркационную линию.

Хотя соглашение от 27 августа было подписано тайно, его содержание недолго оставалось в секрете, и турецкая пресса обнародовала его, сопровождая ожесточенной критикой. 1 сентября Расулзаде сообщал азербайджанскому правительству: «По сведениям из Берлина, между большевиками и Германией заключен дополнительный договор, по которому из кавказских государств большевики признали только независимость Грузии, и немцы не возразили против желания России обеспечить за собой Баку и его нефтяные районы, тем более что большевики обещали немцам и их союзникам часть бакинской добычи. Сообщение поразило всех, газеты напечатали его с возмущением. Талат паша собирается в Берлин. Надо во что бы то ни стало взять, взять и взять Баку»⁵⁶. 12 сентября азербайджанская депутация в Стамбуле посетила посольство Германии и вручила ноту протеста от имени азербайджанского правительства. Копии этой ноты были переданы в министерство иностранных дел Турции, в посольства Австро-Венгрии и Болгарии, а также в диппредставительства нейтральных стран⁵⁷.

В начале сентября международное положение изменилось в пользу Антанты, и это ослабило интерес Германии к соглашению от 27 августа. Расулзаде сообщал, что прошло то время, когда Германия думала о победе. С другой стороны, усиление Британии в Баку могло привести к образованию второго фронта. Поэтому Германия срочно произвела рокировку в своей азербайджанской политике. Немцы поняли свою ошибку в отношении Баку и сообщили об этом делегации Северного Кавказа на переговорах в Берлине⁵⁸. Не меньшую роль в отказе от соглашения 27 августа сыграло и давление Турции и Азербайджана.

Летом и осенью 1918 г. была проведена тщательная военная и дипломатическая подготовка, после чего 15 сентября началось генеральное наступление на Баку. В тот же день английские вооруженные силы покинули город⁵⁹. Вслед за англичанами и войска Центрокаспия покидали линию фронта. Руководство бакинского Совнаркома, арестованное правительством Центрокаспия, с помощью одного из членов этого правительства А. Велунца и при пособничестве А. Микояна было освобождено из тюрьмы и в тот же вечер покинуло город⁶⁰. 15 сентября азербайджано-турецкая армия освободила Баку. После дня объявления независимости 28 мая это была вторая знаменательная дата в судьбе Азербайджана.

Вступление войск союзников в Баку

Осенью 1918 г. германо-турецкий блок потерпел поражение в мировой войне. 30 октября Оттоманская империя была вынуждена принять тяжелые условия Мудросского перемирия. Это поражение оставило горький след в судьбе Азербайджанской Ре-

спублики. В соответствии со ст. 11 Мудросского перемирия османская армия должна была немедленно покинуть Южный Азербайджан и Закавказье. Османским частям давалась одна неделя для того, чтобы покинуть Баку, и один месяц, чтобы уйти из Азербайджана. В соответствии со ст. 15 подконтрольная османскому государству по Батумскому договору Закавказская железная дорога передавалась союзникам, которые получили право занять Батум. И наконец «Турция не сделает никаких возражений против оккупации Баку союзниками»⁶¹. С турецкой стороны это перемирие подписал Рауф Орбай — в прошлом руководитель турецкой делегации на переговорах в Трабзоне, а в момент подписания морской министр в кабинете Иззет паши. 3 ноября условия Мудросского перемирия были объявлены официально. Чрезвычайный посланник и полномочный министр АДР в Стамбуле Топчибашев в тот же вечер посетил Рауф бека и выразил протест по поводу включения в текст перемирия статей о передаче Баку и Азербайджанской железной дороги союзникам⁶². Рауф бек оправдывался тем, что союзники придрались к наличию турецких войск в Азербайджане и заставили принять эти дискриминационные статьи⁶³. 4 ноября Топчибашев представил письменный протест заместителю министра иностранных дел Турции Р. Хикмет беку. В письме отмечалось, что оттоманское правительство признало независимость Азербайджана, однако теперь подписало договор, касающийся Баку — столицы Азербайджана, тем самым нарушив существующие правила и обычаи международного права и облегчив англичанам захват Азербайджана⁶⁴.

В тот же день, 10 ноября премьер-министр Хойский и исполняющий обязанности министра иностранных дел А. Зиядханлы обратились телеграммой к Вильсону с просьбой способствовать признанию независимости Азербайджанской Республики мировыми державами. В телеграмме отмечалось: «Прежде, чем обратиться к великим державам Европы, азербайджанский народ и правительство уповают на Вас как известного гуманиста и защитника угнетенных народов с надеждой на помощь и признание»⁶⁵.

Чрезвычайный посланник в Стамбуле Топчибашев в своем письме Хойскому от 31 октября настоятельно советовал начать переговоры с англичанами, расквартированными в Реште и Энзели⁶⁶. Поэтому уже в первых числах ноября 1918 г. делегация в составе Н. Усуббекова, А. Агаева и М. Рафиева срочно отправилась в Энзели и начала переговоры с британским командованием в Северном Иране⁶⁷. Переговоры с генералом В. Томсоном шли нелегко. Вначале он вообще отрицал существование государства под названием Азербайджан, но после длительных дискуссий заявил: «По нашей информации, нет такой республики, созданной волеизъявлением всего азербайджанского народа, а есть только правительство, образованное благодаря интригам турецкого командования. Но раз вы настойчиво утверждаете обратное, мы проверим все на месте и вынесем соответствующее решение»⁶⁸.

17 ноября, выполняя условия Мудросского перемирия, английские войска вошли в Баку⁶⁹. 18 ноября азербайджанское правительство выступило с официальным заявлением по поводу ввода туда войск Антанты. В нем отмечалось, что войска союзников входят временно и только в Баку с целью концентрации военной власти в своих руках. По достигнутому соглашению, они не вмешиваются во внутренние дела страны и столицы. Все правительственные учреждения при этом должны работать в прежнем режиме и вопрос о самоопределении народов России в конечном счете будет решен на международном мирном конгрессе (Парижской мирной конференции. — *Дж.Г.*). В этом заявлении отмечалось, что пока неизвестно, каким будет окончательное решение Азербайджанского Учредительного собрания касательно

дальнейшей политической судьбы страны. Вместе с тем сложившаяся ситуация требует от политического руководства Азербайджана обеспечивать порядок в стране. Также выражалась уверенность в том, что войска союзников не будут нарушать суверенные права азербайджанского народа⁷⁰.

После нескольких дней знакомства с реальной ситуацией в Баку генерал Томсон осознал, что заверения русских кадетов типа «Азербайджан — это выдумка нескольких сотен политических аферистов» очень далеки от истины. Он объявил, что британское командование с глубоким уважением относится к азербайджанскому правительству и его премьер-министру, и до организации нового коалиционного правительства Хойский и его кабинет останутся единственной действующей властью в стране⁷¹. В ноябре 1918 г. в своем сообщении в Лондон Томсон характеризовал председателя Совета министров Хойского следующим образом: «Он умный человек, юрист и умело создал идеальную государственную структуру, лучшую из всех известных нам на Кавказе... При встрече со мной он с глубокой досадой описывал измену армян»⁷².

В самые тяжелые для республики дни Национальный совет делал важные шаги в целях ослабления кризиса. За день до принятия англичан в Баку, 16 ноября Национальный совет рассмотрел этот вопрос, и 19 ноября был принят «Закон о выборах». Законы «Об образовании Азербайджанского парламента» и о выборах сыграли важную роль в дальнейшей судьбе Азербайджана. В азербайджанском парламенте должно было быть 120 депутатов: по национальному признаку 80 мест выделялось азербайджанцам, 21 — армянам, 10 — русским. Евреи, немцы, грузины и поляки получили по 1 месту, Совет профсоюзов и Союз нефтепромышленников — по 3 места⁷³.

Первое заседание парламента открыл председатель Национального совета Расулзаде 7 декабря 1918 г. В конце своей речи он призвал парламентариев «ставить интересы родины и благополучие народа выше партийных интересов»⁷⁴. Затем Расулзаде сделал акцент на важности избрания председателя парламента. После серьезных обсуждений председателем был избран находившийся в Стамбуле Топчибашев, его заместителем — Г. Агаев, а секретарем — Р. Векилов.

Одной из важнейших задач было формирование нового правительства. Партия «Мусават» обладала в парламенте наибольшим влиянием, но не настолько, чтобы единолично формировать правительство. Поэтому возникла необходимость в коалиционном правительстве. Эта миссия была поручена Хойскому. Состав правительства был объявлен 26 декабря. В нем три портфеля достались русским, два — армянам. Однако последние отказались входить в правительство. В новом кабинете Хойский занял посты председателя Совета министров и министра иностранных дел, С. Мехмандаров — военного, М. Асадуллаев — торговли и промышленности, И. Протасов — финансов, К. Лизгар — продовольствия, Х. Мелик-Асланов — путей сообщения, А. Сафикюрдский — почт и телеграфа, М. Гаджинский — государственного контроля, Т. Макинский — юстиции, Х. Султанов — земледелия, Р. Хойский — социального обеспечения, Е. Гиндес — здравоохранения, Н. Усуббеков — просвещения и религиозных дел, Х. Хасмамедов — внутренних дел.

28 декабря Томсон объявил о признании правительства АДР. В его заявлении отмечалось, что созданное под руководством Хойского коалиционное правительство является единственной законной властью на всей территории Азербайджана и союзное командование окажет этому правительству всестороннюю помощь⁷⁵. Чуть позже, 22 января 1919 г. приехавший в Баку главнокомандующий английскими войсками на Балканах и Кавказе генерал Дж. Мильн подтвердил это заявление Томсона. Во время

переговоров с Хойским Мильн еще раз заявил, что союзное командование признает правительство АДР как единственную власть на территории Азербайджана и «что эта власть будет поддержана союзным командованием всеми способами»⁷⁶. Возникшие были сложности в связи с появлением союзников в Баку, усилиями политических деятелей Азербайджана не только были устранены, но в результате большой дипломатической работы азербайджанская демократия была де-факто признана союзным командованием.

Азербайджан и Парижская мирная конференция

Осенью 1918 г. страны-участницы Четверного союза поочередно подписали акты о капитуляции. С ноября 1918 г. началась серьезная подготовка к мирной конференции, призванной закрепить результаты мировой войны, официально подтвердить статус стран-победительниц, упорядочить структуру послевоенных отношений и урегулировать спорные вопросы.

Члены азербайджанского правительства еще в ноябре 1918 г. в процессе переговоров в Энзели с главнокомандующим войсками союзников генералом Томсоном получили заверения о том, что будут участвовать в работе мирной конференции⁷⁷. Позднее, официальный представитель правительства Великобритании генерал Мильн в своих заявлениях отмечал, что Азербайджанская Республика будет участвовать в Парижской мирной конференции⁷⁸.

28 декабря завершилось формирование третьего кабинета Хойского, и в тот же день он утвердил состав делегации на Парижскую конференцию, руководителем которой назначили председателя парламента Топчибашева, а его заместителем — члена правительства Гаджинского. В состав делегации включили двух членов парламента — А. Агаева и Э. Шейхульисламова. Консультантами назначили М.Я. Мехтиева, Дж. Гаджибейли и М. Магеррамова.

20 января 1919 г. азербайджанская делегация прибыла в Стамбул. К тому времени Топчибашев провел здесь большую работу. В первые дни января он встретился с представителями союзных и нейтральных стран в Стамбуле и вручил им ноту протеста Азербайджанской Республики по поводу Мудросского договора, провел переговоры с иранскими и русскими дипломатами, а также был принят 11 января турецким султаном⁷⁹. 6 января Топчибашев встретился с дипломатическим представителем США Хэйком и просил оказать содействие в применении к Азербайджану «14 принципов» В. Вильсона и признании независимости Азербайджана⁸⁰. 10 января он вел переговоры с представителем Голландии Ван дер Виллебуа. Еще 30 декабря Топчибашев вручил шведскому послу С. Аншарсвельду меморандум о современном состоянии Азербайджана. По взаимному согласию с этим меморандумом должны были ознакомиться действующие в Стокгольме диппредставительства великих держав. 12 января Аншарсвельд писал Топчибашеву: «Присланный Вами 30 декабря меморандум о современном состоянии Азербайджана я переслал в Стокгольм в Министерство иностранных дел королевского правительства Швеции»⁸¹. Английский верховный комиссар Р. Вебб также сообщил Топчибашеву, что полученный 30 декабря меморандум он отослал правительству Великобритании⁸².

В то время, как представители всех республик, образованных на юге бывшей Российской империи, кроме армян, оставались еще в Стамбуле, во Франции 18 января 1919 г. состоялось торжественное открытие Парижской мирной конференции.

В повестке дня конференции было много вопросов, но «русский вопрос» стоял в центре внимания.

22 января на заседании Совета Десяти «русский вопрос» был всесторонне обсужден. Было оглашено обращение Вильсона ко всем противоборствующим силам в России, в котором им рекомендовалось, придя к временному соглашению, остановить военные действия; большевикам, белогвардейским правительствам и новообразованным на территории Российской империи государствам до 15 февраля собраться для переговоров на острове Иль де Принц (Принцевы острова) в Мраморном море неподалеку от Стамбула⁸³. Здесь же должны были присутствовать представители Франции, Англии, США и Италии⁸⁴. Однако ни одна из кавказских республик, кроме горской, не изъявила желания участвовать в «русской» конференции⁸⁵.

Несмотря на англо-французское давление в Стамбуле, 28 января представители Грузии и Азербайджана отказались участвовать в работе этой конференции. По их мнению, она должна была решать спорные вопросы противоборствующих сил внутри России и способствовать воссозданию единства русского народа. Представители Азербайджана и Грузии вели борьбу за признание своей независимости именно от России и поэтому садиться за стол переговоров с бывшими или нынешними российскими властями были не намерены. Гаджинский сообщил правительству, что считает недопустимым участие в этой конференции⁸⁶.

Таким образом, идея проведения конференции на Принцевых островах себя не оправдала, но отношение к ней новых республик и обеих противоборствующих сторон, представлявших Россию, продемонстрировали всю глубину противоречий по поводу будущего населявших эти земли народов.

После трехмесячного ожидания, 22 апреля на итальянском корабле делегация Азербайджана отправилась по маршруту Стамбул — Солоники — Пирей — Мессина — Неаполь. 2 мая делегаты были уже в Риме и 7 мая поездом отправились в Париж⁸⁷.

По прибытии в Париж азербайджанские делегаты немедленно приступили к работе. Первым важным шагом было доработать подготовленный еще в Стамбуле Топчибашевым, Агаевым и Гаджибейли «Меморандум Республики Кавказский Азербайджан Парижской мирной конференции», перевести его на оба языка конференции — французский и английский и опубликовать отдельной брошюрой⁸⁸.

В связи с этим Топчибашев отмечал, что «все внимание теперь направлено на подготовку меморандума для представления мирной конференции...»⁸⁹. К нему была приложена качественно отпечатанная цветная карта, составленная на основании документов азербайджанской делегации и отпечатанная под руководством французского географа Дж. Фореста⁹⁰. Вместе с меморандумом члены делегации работали и над следующими документами: «Этнический и антропологический состав населения Кавказского Азербайджана»⁹¹, «Экономическое и финансовое состояние Кавказского Азербайджана»⁹², которые могли способствовать лучшему ознакомлению с этой республикой. Рукописи обоих документов были готовы уже 1 июня 1919 г. и были розданы участникам мирной конференции, а чуть позже изданы в виде брошюр.

В мае азербайджанские представители имели встречи с делегациями Польши, Грузии, Горской республики, Армении и Ирана. 23 мая азербайджанские делегаты встретились с членом английской делегации сэром Л. Маллетом и обменялись с ним мнениями по поводу политической, военной и экономической обстановки, а также о статусе войск союзников в Азербайджане⁹³. Впервые вопрос о Центральном Кавказе, включая Азербайджан, был по инициативе Вильсона рассмотрен 2 мая на заседании Совета Четырех, куда входили главы правительств США, Великобритании, Франции и Италии⁹⁴.

Обсуждения вопроса о Проливах и предоставления мандатов на Кавказ усилили интерес руководства США к проведению встреч с представителями кавказских республик. И вообще американские представители в Версале хотели знать мнение новообразованных кавказских государств по обсуждаемым вопросам. С этой целью Вильсон в конце мая принял азербайджанскую делегацию, и судьба распорядилась так, что эта встреча состоялась именно 28 мая — в первую годовщину независимости Азербайджана. В первой половине дня Топчибашева принял американский дипломат Г. Моргантау, который в годы войны был послом США в Турции, а в 1919 г. исполнял обязанности заместителя председателя комитета американской помощи на Ближнем Востоке⁹⁵. Ими были обсуждены некоторые важные детали предстоящих во второй половине дня переговоров между Вильсоном и азербайджанской делегацией. Учитывая богатые природные ресурсы Азербайджана и его мощный промышленный потенциал, Моргантау намекнул на возможность ориентации американского капитала на Азербайджан и оказания американской финансовой помощи азербайджанскому правительству⁹⁶.

Во второй половине дня азербайджанская делегация была принята президентом Вильсоном. По этому поводу Топчибашев писал: «Наиболее крупным явлением надо считать прием нашей делегации президентом Вильсоном, ибо обыкновенно он, как и остальные главы государств Антанты сам не принимает делегаций»⁹⁷. Сообщение о приеме Вильсоном азербайджанской делегации пришло по радио 31 мая. Об этом же писали и французские газеты, распространявшиеся в Батуме⁹⁸. В эти дни в Азербайджане торжественно отмечалась первая годовщина независимости. Выступавший на праздничном заседании парламента председатель Совета министров Н. Усуббеков выразил надежды на мирную конференцию, заявив: «Независимость Азербайджана — свершившийся факт. Я совершенно спокойно жду последнего слова мирной конференции. Не думаю, что представители самых цивилизованных народов мира останутся безразличными к мечтам и чаяниям азербайджанских тюрков (азербайджанцев. — *Дж.Г.*). В противном случае у меня возникли бы сомнения в цивилизованности этих народов, и азербайджанские тюрки, в будущем осуществляя свое святое право на самоопределение, были бы правы, обвиняя эти культурные народы в фанатизме и религиозном противостоянии»⁹⁹.

Признание независимости Азербайджана Верховным Советом Версаля

Датой основательного поворота в судьбе новообразованных на территории бывшей Российской империи республик стало 17 ноября 1919 г., когда премьер-министр Д. Ллойд Джордж выступил в английском парламенте. Не случайно он дважды упомянул тогда Азербайджан и Грузию. Это выступление было отражением происходящих в России событий, в первую очередь поражения Колчака и отступления Деникина с занимаемых позиций.

Беспокойство великих держав и, в первую очередь, Англии было вызвано распространением большевизма в регионах Среднего и Ближнего Востока, стоит только ему перевалить через Кавказский хребет. В связи с этим британский верховный комиссар на Кавказе О. Уордроп еще 19 сентября 1919 г. в секретной телеграмме на имя лорда Керзона настаивал на признании независимости Азербайджана и Грузии. Чтобы уточнить некоторые вопросы, лорд Керзон в телеграмме от 4 октября напоминал

Уордропу: «Очень трудно определить процедуру соответствующего или безопасного признания закавказских республик, ожидающих своего статуса от мирной конференции или Лиги наций»¹⁰⁰.

В конце ноября в Париже состоялась беседа Ллойд Джорджа с заместителем госсекретаря США Полком, в ходе которой еще более прояснилось отношение английского премьера к новым государствам на территории бывшей Российской империи. Он открыто заявил своему собеседнику, что помогать Колчаку и Деникину больше не имеет смысла, их поражение бесспорно, а посылаемое им оружие и военное снаряжение, по сути, достается Красной армии. Ллойд Джордж также предупредил Полка, что единая большевистская Россия может превратиться в большую опасность для Европы. Поэтому он высказал мысль, что следует признать независимость Грузии, Азербайджана, Украины, Бессарабии, Прибалтики, Финляндии и, может быть, Сибири¹⁰¹. 29 ноября Полк сообщил об этой беседе госсекретарю США Р. Лансингу.

Теперь политика Великобритании в отношении Азербайджана прояснилась, и в первые дни декабря британский МИД передал Н. Усуббекову через Уордропу следующую телеграмму: «Правительство Англии защищает независимость Азербайджана и относится к Азербайджану с большим уважением»¹⁰². В первые дни января 1920 г. Уордроп почти ежедневно по телеграфу информировал союзников и английское правительство о том, что армия Деникина отступает на юг, а силы большевиков преследуют его. Он предлагал срочно укрепить позиции закавказских республик, а также Горской Республики. Для этого их надо признать, т.к. «если Англия не активизируется, то кавказские республики будут вынуждены договориться с большевиками»¹⁰³.

Усиление большевистской угрозы на Кавказе подтолкнуло страны Антанты к тому, чтобы серьезно обдумать сложившуюся ситуацию и сделать решительные шаги. Все понимали, что появление Красной армии в регионе означает проникновение большевизма на Ближний и Средний Восток, в Иран и Переднюю Азию. Поэтому вопрос о признании Азербайджана и Грузии обсуждался на состоявшейся по предложению Великобритании 10 января сессии Верховного Совета Парижской мирной конференции. Здесь присутствовали главы правительств и министры иностранных дел Англии, Франции и Италии, представители США и Японии на конференции и их послы во Франции. С информацией выступил английский премьер, предупредивший, что большевики продвигаются вдоль Каспия, и если они разобьют Деникина и захватят Каспийское море, то станет вероятным их объединение с турками, имея в виду начавшееся в Турции национальное движение во главе с Мустафой Кемаль пашой. В таком случае кавказские государства попадут в безвыходное положение. Поэтому Ллойд Джордж предложил найти разумный путь обеспечения их оружием и военным снаряжением¹⁰⁴. Военным экспертам было поручено изучить значение военной помощи Кавказу для борьбы с большевиками и вместе с британскими представителями сделать об этом доклад Верховному Совету¹⁰⁵. А после полудня заседание Верховного Совета продолжалось на уровне министров иностранных дел. По инициативе лорда Керзона был обсужден политический аспект этой проблемы, и он заявил, что Ллойд Джордж намерен поставить вопрос о признании независимости Азербайджана и Грузии, а армянский вопрос будет решаться вместе с турецким.

11 января Верховный Совет союзников по предложению Керзона принял следующее решение: «Союзнические и объединенные государства совместно признают правительства Азербайджана и Грузии де-факто»¹⁰⁶. Таким образом, 11 января 1920 г. независимость Азербайджана была фактически признана Парижской мирной конференцией. А 12 января Объединенный военный комитет союзников направил

свою информацию по кавказскому вопросу в адрес Верховного Совета конференции. Сообщение подписали: президент Объединенного военного комитета маршал Ф. Фош, английский представитель генерал Саквилл-Уест и представитель Италии У. Кавалеро¹⁰⁷. В тот же день британская делегация подготовила соответствующий проект документа, где предлагалось оказать Грузии и Азербайджану политическую, военную, финансовую и продовольственную помощь, обратив особое внимание на необходимость защиты Батума и Баку. Каспийское море следовало закрыть для флота большевиков, а флот Деникина добровольно потопить или передать англичанам¹⁰⁸.

15 января представители Азербайджана и Грузии были приглашены в МИД Франции. Топчибашева и Магеррамова, а также Церетели и З. Авалова встретили генеральный секретарь МИД Франции Ж. Камбон, английский представитель Ф. Керр и представитель Италии маркиз де ла Торрета. Камбон торжественно вручил Топчибашеву текст решения о признании Азербайджана де-факто¹⁰⁹. Он напомнил, что отныне Азербайджан и Грузия как независимые страны имеют право официально обращаться по всем важным вопросам к мирной конференции¹¹⁰. Во второй половине дня состоялось обсуждение военной помощи Азербайджану и Грузии. Для участия в Совете военных экспертов в Париж срочно прибыли военный министр Великобритании У. Черчилль, начальник имперского Генерального штаба фельдмаршал Г. Вильсон, первый лорд адмиралтейства У. Ланг, адмирал лорд Битти и другие военные эксперты¹¹¹. 17 января собрались Вильсон, Битти, представитель МИД Англии Р. Васиттарт, а также делегации Азербайджана и Грузии. Цель совещания состояла в определении размеров военной помощи в случае нападения большевиков на Азербайджан и Грузию. Посылка войск на Кавказ не обсуждалась, речь шла только о помощи в виде продуктов. На вопрос Битти, сможет ли Азербайджан без посторонней помощи организовать свою военно-морскую оборону, Топчибашев прямо ответил отрицательно¹¹².

19 января Верховный Совет с участием глав правительств вновь всесторонне обсудил вопрос о кавказских республиках. В тот день азербайджанская делегация участвовала в работе мирной конференции в полном составе. Был зачитан меморандум, подготовленный английской делегацией по поручению Верховного Совета от 10 января. Однако с предложениями военных экспертов категорически не согласился Ллойд Джордж, сказавший, что военные ничего не смыслят в политике. «Если Кавказ нельзя удержать без посылки туда армии и если отправленное оружие будет потеряно, то логично отказаться от помощи. Надо ли именно так понимать решение военных?» — спросил Ллойд Джордж маршала Фоша¹¹³. Тот справедливо полагал, что защитить Кавказ можно только силой оружия. Таким образом, Клемансо, Фош и Черчилль выступили за отправку войск на Кавказ, а Ллойд Джордж считал нужным ограничиться лишь поставками оружия и снаряжения. Предлагая оказать военную помощь Азербайджану и Грузии, Ллойд Джордж в то же время пытался выяснить возможность рационального использования этого оружия, опасаясь его перехода, как и оружия Деникина, в руки большевиков. Председатель конференции Ж. Клемансо спросил у представителей Азербайджана и Грузии: какая угроза беспокоит эти страны и смогут ли они, в связи с запросом Ллойда Джорджа, эффективно воспользоваться помощью союзников?¹¹⁴

От имени обеих республик выступил Церетели, который отметил их большую заинтересованность в помощи союзников и сказал: «Я говорю от имени и грузинской, и азербайджанской делегаций. Оба государства одинаково ожидают нападения большевиков, однако неизвестно, сможем ли мы защититься или нет. Если поступит по-

мощь Антанты, большевики могут отложить наступление. Во всяком случае, если мы собираемся защищаться, то есть нужна в сильной помощи». На вопрос Клемансо: «Хотите ли вы армию?» — Церетели ответил, что это был бы наилучший вид помощи, поскольку большевики, рано или поздно, двинутся на Кавказ. Затем Ллойд Джордж принялся подробно расспрашивать о вооруженных силах Азербайджана. Магеррамов заявил, что закон об армии уже прошел обсуждение в парламенте и при наличии необходимого оружия и снаряжения за короткое время можно поставить под ружье 100 тыс. человек. Ллойд Джордж спросил: «Есть ли у вас армия сегодня?», на что Магеррамов ответил: «У нас есть маленькая армия, под командованием азербайджанских генералов находится пятидесятитысячная, хорошо обученная армия. Но оружие есть лишь у 10—12 тысяч солдат».

Когда с подобным же вопросом Ллойд Джордж обратился к грузинам, Церетели ответил, что у них регулярная армия состоит из 16 батальонов численностью в 15 тыс. хорошо обученных солдат. «Если у нас будет оружие, в течение двух недель сможем мобилизовать 50 тыс. новобранцев. Кроме того, мы можем положиться и на помощь народных масс, вдохновленных обретенной независимостью». Ллойд Джордж спросил, есть ли в Грузии обязательная воинская повинность, на что Церетели ответил, что когда-то служившие в царской армии грузинские офицеры считались лучшими в русских войсках. На вопрос Ллойда Джорджа, получают ли азербайджанские юноши военную подготовку, Магеррамов ответил, что раньше азербайджанцы в армию не призывались, но в начале войны из добровольцев, отличившихся в мусульманской Железной дивизии, была создана особая группа. В царской армии были на хорошем счету офицеры-азербайджанцы, а с момента образования республики уже вся молодежь служит в армии. Лорд Керзон взял слово и спросил азербайджанских делегатов: «По имеющимся у меня сведениям, часть азербайджанских солдат являются турками. Не помешает ли наличие турецких солдат будущей битве с большевиками?» На это Магеррамов ответил, что после оккупации Азербайджана Россией большая часть населения обратилась за помощью к Турции. А когда турецкая армия освобождала Кавказ, определенную часть турецких офицеров составляли бывшие жители Азербайджана и Дагестана. Когда турецкая армия покинула Кавказ, то 50 человек предпочли остаться в Азербайджане. Они кавказцы, и «мы уверены, что они, как и все другие народы будут биться с большевиками за нашу свободу»¹¹⁵. Подводя итог заседанию, Ллойд Джордж считал нужным срочно оказать помощь Азербайджану и Грузии вооружением, снаряжением и обмундированием. Что же касается посылки в Азербайджан и Грузию армии, то он признал невозможность такого шага, считая, что кавказским республикам следует укреплять свою обороноспособность и особенно обороноспособность Баку за счет собственных вооруженных сил¹¹⁶.

Таким образом, после торжественных дат 28 мая и 15 сентября 1918 г. в судьбе Азербайджана появилась третья дата. Признание независимости Азербайджана Парижской мирной конференцией 11 января 1920 г. открывало большие возможности в плане его растущего сотрудничества с членами мирового сообщества. Однако интеграция Азербайджанской Республики в систему международных отношений прервалась апрельской оккупацией со стороны Советской России, а ее дипломатические представители в Париже стали первой волной азербайджанской политической эмиграции. Анализ двухлетней дипломатической деятельности АДР позволяет сделать вывод, что главной задачей республиканского правительства и его внешнеполитического ведомства были выработка курса, отвечающего национальным интересам азербайджанского народа, реализация этого курса в сложной международной обста-

новке и борьба за признание Азербайджанской Республики мировым сообществом. Изучение внешнеполитического курса азербайджанского правительства в 1918—1920 гг. подтверждает мысль о том, что главной линией азербайджанской дипломатии была защита независимости Азербайджана, его вхождение в систему международных отношений и постепенное превращение в равноправного партнера западных стран и ведущее государство региона. Решая эту задачу, азербайджанская дипломатия прошла показательный путь от ориентации на Турцию в первые месяцы независимости до момента признания де-факто Верховным Советом Парижской мирной конференции.

- ¹ Азербайджанская Демократическая Республика (1918—1920 гг.). Законодательные акты: (сб. док.). Баку, 1998; Азербайджанская Демократическая Республика (1918—1920 гг.). Парламент. Стенографические отчеты. Баку, 1998; Азербайджанская Демократическая Республика (1918—1920 гг.). Внешняя политика: документы и материалы. Баку, 1998; и др.
- ² Азербайджанская Демократическая Республика. Архивные документы Великобритании. Баку, 2008.
- ³ Азербайджанская Демократическая Республика: энциклопедия. Баку, 2004. Т. I. Азерб.; Баку, 2005. Т. II. Азерб.; Азербайджанская национальная энциклопедия. Баку, 2007. Азерб.
- ⁴ *Азамалиева Н., Худиев Р.* Азербайджанская Республика. Страницы политической истории, 1918—1920 гг. Баку, 1990; *Дарабади П.* Военные проблемы политической истории Азербайджана начала XX века. Баку, 1991; *Насибзаде Н.* Внешняя политика Азербайджана (1918—1920). Баку, 1996. Азерб.; *Мусаев И.* Политическое положение в Нахчыванской и Зангезурской областях Азербайджана и политика зарубежных стран (1917—1920). Баку, 1996. Азерб.; *Багирова И.* Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века, 1900—1917. Баку, 1997; *Балаев А.* Азербайджанское национальное движение, 1917—1918 гг. Баку, 1998; *Юсифзаде С.З.* Первая Азербайджанская республика: история, события, факты англо-азербайджанских отношений. Баку, 1998; *Сулейманов М.* Азербайджанская армия (1918—1920). Баку, 1998. Азерб.; *Генюшев А.* Борьба горцев Северного Кавказа за свободу в 1917—1920 годах. Баку, 2000. Азерб.; *Гасымов М.* Азербайджанская политика великих держав в годы первой мировой войны (1914—1918). Баку, 2000—2001. Ч. I—II. Азерб.; *Пашиев А.* По следам нераскрытых страниц. Баку, 2001. Азерб.; *Искендеров А.* Историография проблемы тюрко-мусульманского геноцида в Азербайджане. Баку, 2006. Азерб.; *Гафаров В.* Вопрос об Азербайджане в российско-турецких отношениях (1917—1922 гг.). Баку, 2011. Азерб.; и др.
- ⁵ *Жордания Н.* За два года. Тифлис, 1919. С. 51—52.
- ⁶ *Авалов З.* Независимость Грузии в международной политике (1918—1921). Париж, 1924. С. 30.
- ⁷ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 11—12.
- ⁸ *Kurat A.* Türkiye ve Rusya. Ankara, 1990. S. 332—333.
- ⁹ *Беленький С., Манвелов Н.* Революция 1917 года в Азербайджане. Баку, 1927. С. 28.
- ¹⁰ *Ключников Ю., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926. Ч. II. С. 123—127.
- ¹¹ Первое заседание Трапезунской конференции, 14.03.1918 г. // Le Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre-europeen (CERCEC), l'Ecole des hautes études en sciences sociales (EHESS). Archives d'Ali Mardan-bey Topçibachi. Carton n° 3. P. 19; Доклад делегации Закавказского сейма по ведению переговоров о мире с Турцией, 1918 г. // Государственный архив Азербайджанской Республики (ГА АР). Ф. 970. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
- ¹² *Berkuk İ.* Büyük Harpda Şimali Kafkasyadaki faaliyetlerimiz ve 15.fırkanın hareketi ve müharibeleri // Askeri mecmua. 1934. № 35.
- ¹³ *Гаджинский М.* Памятка управляющего делами делегации Закавказского сейма по ведению переговоров о мире с Турцией, 22.02—01.04.1918 г. // CERCEC, EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Topçibachi. Carton n° 3. P. 14.
- ¹⁴ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 199.
- ¹⁵ Протокол совместного заседания всех мусульманских фракций Закавказского сейма, 01.05.1918 г. // ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.
- ¹⁶ Там же. Л. 33.
- ¹⁷ Там же. Л. 25.
- ¹⁸ *Swietochowski T.* Russia and Azerbaijan. Borderland Transition. New York, 1995. P. 66.
- ¹⁹ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 229.
- ²⁰ *Kurat N.* A.G.E. S. 464.
- ²¹ *Swietochowski T.* Russian Azerbaijan, 1905—1920: The Shaping of National Identity in Moslem Community. Cambridge, 1985. P. 125.

- ²² Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 269—270.
- ²³ *Гатамов Р.Г.* Азербайджанский фактор в германо-османских отношениях (1917—1918 гг.): автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. Баку, 2005. С. 18. Азерб.
- ²⁴ *Baykara H.* Azerbaycan İstiklal Mücadilesi Tarihi. İstanbul, 1975. S. 257—258.
- ²⁵ *Sünbül T.* Azerbaycan Dosyası. Ankara, 1990. S. 84.
- ²⁶ Протокол № 2 заседания Мусульманского национального совета, 28.05.1918 г. // ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1. Л. 50.
- ²⁷ Собрание узаконений и распоряжений правительства Азербайджанской Республики. 1919. № 1. Ст. 1. С. 6; ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.
- ²⁸ *İstiklal.* (Berlin), 1933. 28.05.
- ²⁹ Радиограмма председателя Совета министров Ф.Х. Хойского министрам иностранных дел ряда государств о провозглашении Азербайджана независимой республикой. 30.05.1918 г. // ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 4. Л. 9—10.
- ³⁰ Договор дружбы между императорским османским правительством и Азербайджанской Республикой. 04.06.1918 г. // Там же. Ф. 894. Оп. 2. Д. 88. Л. 2.
- ³¹ *Kurat N.* A.G.E. S. 530.
- ³² *Kemal Ö.* Ermeni meselesi. İstanbul, 1986. S. 164.
- ³³ *Насибзаде Н.* Указ. соч. С. 63.
- ³⁴ Адрес-календарь Азербайджанской Республики. Баку, 1920. С. 22.
- ³⁵ *Türkiye Cumhuriyeti Genelkurmay Başkanlığı Askeri Tarih ve Stratejik Etüd Arşivi.* K. 3827. D. 38. F. 2.
- ³⁶ Постановление Совета министров об отправке делегации на международную конференцию в Стамбуле, 18.06.1918 г. // ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 138. Л. 3—5.
- ³⁷ *Hopkirk P.* On Secret Service East of Constantinople: The Plot to Bring Down the British Empire. London, 1994. P. 331—332.
- ³⁸ Г. Корганов — С. Шаумяну, 18.06.1918 г. // Архив политических документов при Управлении делами президента Азербайджанской Республики (АПД УДП АР). Копийный фонд. № 374. Л. 20.
- ³⁹ *Swietochowski T.* Russian Azerbaijan ... P. 137; *Kazemzadeh F.* The Struggle for Transcaucasia (1917—1921). N.Y., 1951. P. 131.
- ⁴⁰ Собрание азербайджанской группы содействия испарту ЦК ВКП (б). Доклад С. Шаумяна, 11.07.1927 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 84. Оп. 3. Д. 283. Л. 53.
- ⁴¹ *Панця Г.* Политика Германии в Закавказье в 1918 г. Тбилиси, 1971. С. 58—59.
- ⁴² В.И. Ленин об Азербайджане. Баку, 1970. С. 125.
- ⁴³ *Сулейманов М.* Кавказская исламская армия и Азербайджан. Баку, 1999. С. 215. Азерб.
- ⁴⁴ *Yüceer N.* Birinci Dünya Savaşında Osmanlı Ordusunun Azerbaycan ve Dağıstan Hareketi. Ankara, 1996. S. 65.
- ⁴⁵ *Swietochowski T.* Russian Azerbaijan ... P. 134.
- ⁴⁶ Шифрограмма М.Г. Гаджинского М.Э. Расулзаде о взятии Баку, 20.09.1918 г. // АПД УДП АР. Ф. 277. Оп. 2. Д. 8. Л. 13—16.
- ⁴⁷ Бюллетень Центрокаспия. 1918. 2 авг.
- ⁴⁸ АПД УДП АР. Ф. 303. Оп. 1 а. Д. 31. Л. 6—7.
- ⁴⁹ Воспоминания о революционных событиях в Баку и Азербайджане в 1917—1918 гг. Февральский переворот. 1917 г. Из воспоминаний Блюмина, 1922 г. // АПД УДП АР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 20. Л. 20.
- ⁵⁰ Ministère des Affaires Etrangères de France. Archives Diplomatique. Correspondance politique et commerciale, 1914—1940. Série «Z» Europe, 1918—1940. Sous-Serie USSR Europe — Russie service russe d'information et d'edudes (SRIE) XLI Caucase — Azerbaïdjan (1918—1920). Direction des Affaires Politiques et Commerciales Caucase Republique d'Azerbaïdjan Evenements Annees 1918—1919. Vol. 832. F. 2.
- ⁵¹ *Hopkirk P.* Op. cit. P. 331.
- ⁵² *Allen W.E.D., Muratof P.* Caucasian Battlefields: A History of the Wars and Turco—Caucasian Border (1828—1921). Cambridge, 1953. P. 495.
- ⁵³ *Fatemi N.S.* Diplomatic History of Russia, 1917—1923. N.Y., 1952. P. 143—144.
- ⁵⁴ В.И. Ленин об Азербайджане. С. 140.
- ⁵⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 443—444.
- ⁵⁶ Письмо председателя азербайджанской делегации в Стамбуле М.Э. Расулзаде министру иностранных дел М.Г. Гаджинскому, 01.09.1918 г. // ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.
- ⁵⁷ Нота председателя азербайджанской делегации в Стамбуле М.Э. Расулзаде посланнику императорского германского правительства графу Вальдбургу, 12.09.1918 г. // Там же. Д. 8. Л. 8—9; Д. 16. Л. 3.
- ⁵⁸ Письмо председателя азербайджанской делегации в Стамбуле М.Э. Расулзаде министру иностранных дел М.Г. Гаджинскому, 01.09.1918 г. // Там же. Ф. 894. Оп. 10. Д. 154. Л. 11.
- ⁵⁹ *Les Anglais battus à Bakou* // Ministère des Affaires Etrangères de France. Archives Diplomatique. Vol. 832. F. 3.

- ⁶⁰ Более подробно см.: Свидетельские показания А.И. Микояна по делу Фунтикова, данные 20 марта 1926 г., 20.03.1926 г. // РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 283. Л. 40; *Батулин Ю.* Досье разведчика: опыт реконструкции судьбы. М., 2005. С. 106; *Hopkirk P.* Op. cit. P. 252—357.
- ⁶¹ *Ключников Ю.В., Сабанин А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 188.
- ⁶² Письмо чрезвычайного посланника и полномочного министра Азербайджанской Республики А.М. Топчибашева председателю Совета министров Ф.Х. Хойскому, 14.11.1918 г. // ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 34. Л. 18.
- ⁶³ Запись беседы чрезвычайного посланника и полномочного министра Азербайджанской Республики А.М. Топчибашева с морским министром Турции Рауф беем, 03.11.1918 г. // Там же. Д. 151. Л. 1—2.
- ⁶⁴ Запись беседы чрезвычайного посланника и полномочного министра Азербайджанской Республики А.М. Топчибашева с советником министра иностранных дел Турции Р. Хекмет беем, 04.11.1918 г. // Там же. Л. 4.
- ⁶⁵ *Mehmetzade M.B.* *Azerbaycan Milli Harekatı.* Berlin, 1938. S. 99.
- ⁶⁶ Письмо чрезвычайного посланника и полномочного министра Азербайджанской Республики А.М. Топчибашева председателю Совета министров Ф.Х. Хойскому, 31.10.1918 г. // ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 34. Л. 17.
- ⁶⁷ *Зиядханлы А.* Азербайджан. Баку, 1919. С. 59. Азерб.
- ⁶⁸ Дипломатическому представителю Азербайджана в Грузии, 26.10. 1918 г. // АПД УДП АР. Ф. 277. Оп. 2. Д. 18. Л. 1.
- ⁶⁹ Les troupes anglo-russes sont à Bakou // Ministère des Affaires Etrangère de France. Archives Diplomatique. Vol. 832. F. 14.
- ⁷⁰ Азербайджан. 1918. 19 нояб.
- ⁷¹ *Swietochowski T.* *Russian Azerbaijan ...* P. 142.
- ⁷² Азербайджанская Демократическая Республика. Архивные документы Великобритании. С. 75.
- ⁷³ Закон об образовании азербайджанского парламента, 19.11.1918 г. // ГА АР. Ф. 895. Оп. 10. Д. 2. Л. 24.
- ⁷⁴ Азербайджанская Демократическая Республика (1918—1920 гг.). Парламент. Стенографические отчеты. Баку, 1998. Т. 1. С. 36.
- ⁷⁵ Азербайджан. 1918. 10 дек.
- ⁷⁶ Там же. 1919. 25 янв.
- ⁷⁷ *Раевский А.* Английская интервенция и мусоватское правительство: к истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку, 1927. С. 33.
- ⁷⁸ ГА АР. Ф. 970. Оп. 3. Д. 4. Л. 6.
- ⁷⁹ Там же. Л. 3.
- ⁸⁰ Записи беседы чрезвычайного посланника и полномочного министра Азербайджанской Республики А.М. Топчибашева и американского дипломатического представителя в Турции Хэйка, 06.01.1919 г. // ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 151. Л. 45.
- ⁸¹ Письмо шведского посланника в Турции С. Анкархверда чрезвычайному посланнику и полномочному министру Азербайджанской Республики А.М. Топчибашеву, 12.01.1919 г. // Там же. Ф. 970. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
- ⁸² Письмо британского верховного комиссара в Стамбуле Р. Вебба главе представительства мирной делегации Азербайджанской Республики А.М. Топчибашеву, январь 1919 г. // Там же. Д. 139. Л. 2.
- ⁸³ *Ключников Ю., Сабанин А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 219—220.
- ⁸⁴ М.Г. Гаджинский — председателю Совета министров Азербайджанской Республики Ф.Х. Хойскому, 27.01.1919 г. // ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 66. Л. 3.
- ⁸⁵ *Foreign Relations of the United States. Russia, 1919.* Washington, 1937. P. 43—44.
- ⁸⁶ М.Г. Гаджинский — председателю Совета министров Азербайджанской Республики Ф.Х. Хойскому, 27.01.1919 г. // ГА АР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 66. Л. 3.
- ⁸⁷ Там же. Д. 70. Л. 3.
- ⁸⁸ La République de l'Azerbaïdjan du Caucase. Paris, 1919; Claims of the Peace Delegation of the Republic of Caucasian Azerbaijan Presented to the Peace Conference in Paris. Paris, 1919.
- ⁸⁹ Письмо председателя делегации Азербайджанской Республики на Парижской мирной конференции А.М. Топчибашева председателю Совета министров Азербайджанской Республики, 08—10.06.1919 г. // ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 143. Л. 9.
- ⁹⁰ История. (Баку), 1991. 23 февр.
- ⁹¹ Délégation Azerbaïdjanienne à la Conférence de la Paix. Composition Anthropologique et Ethnique de la Population de l'Azerbaïdjan du Caucase. Classé 1er juin 1919 // Ministère des Affaires Etrangère de France. Archives Diplomatique. Vol. 638. F. 44—52.
- ⁹² Délégation de l'Azerbaïdjan à la Conférence de la Paix à Paris. Situation économique et financière de la République de l'Azerbaïdjan du Caucase. Classé 1er juin 1919 // Ibid. F. 29—43.
- ⁹³ Письмо Министерства иностранных дел председателю делегации Азербайджанской Республики на Парижской мирной конференции А.М. Топчибашеву, 14.03.1919 г. // ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 141. Л. 12.

- ⁹⁴ Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.). М., 1949. С. 346.
- ⁹⁵ Who's who in America? Chicago, 1950. Vol. 2. P. 383.
- ⁹⁶ Conversation of A.M. Topchibashov, Head of Delegation of the Azerbaijan Republic at Paris Peace Conference with W. Wilson, President of the USA, 28.05.1919 // CERCEC, EHESS. Archives d'Ali Mardanbey Topchibachi. Carton № 4. P. 29—30.
- ⁹⁷ Письмо председателя делегации Азербайджанской Республики на Парижской мирной конференции А.М. Топчибашева председателю Совета министров Н.Ю. Усуббекову о приеме делегации президентом США В. Вильсоном, 28.05.1919 г. // ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 146. Л. 7.
- ⁹⁸ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 168. Л. 2.
- ⁹⁹ Азербайджан. 1919. 30 мая.
- ¹⁰⁰ Азербайджанская Демократическая Республика. Архивные документы Великобритании. С. 310.
- ¹⁰¹ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919, Russia. P. 126.
- ¹⁰² Свидание с представителями иностранных держав во время зангезурских событий, 1919 г. // АПД УДП АР. Ф. 276. Оп. 9. Д. 12. Л. 47.
- ¹⁰³ Ullman R. Anglo-Soviet Relations, 1917—1921. London, 1968. P. 322.
- ¹⁰⁴ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919. Washington, 1946. Vol. IX. P. 851.
- ¹⁰⁵ Ibid. P. 837—838.
- ¹⁰⁶ Ibid. P. 959; Bulletin d'Information de l'Azerbaïdjan. Paris, 1920. 17 Janvier, № 7. P. 1.
- ¹⁰⁷ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919. Vol. IX. P. 902—903.
- ¹⁰⁸ Ibid. P. 903—904.
- ¹⁰⁹ Audition des Delegates de l'Azerbeïdjan et de la Georgie. Procès — Verbal. séance du jeudi 15 janvier 1920 // CERCEC, EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Topchibachi. Carton n° 4/III. P. 17—18.
- ¹¹⁰ Авалов З. Указ. соч. С. 241.
- ¹¹¹ Там же. С. 243—244.
- ¹¹² Там же. С. 245.
- ¹¹³ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919. Vol. IX. P. 891.
- ¹¹⁴ Ibid. P. 893.
- ¹¹⁵ Ibid. P. 895—896.
- ¹¹⁶ Mir Yacoub. Le Probleme du Caucase. Paris, 1933. P. 123.

С.М. Исхаков* (Москва)

Представители мусульманских народов Европейской России, Сибири, Кавказа, Крыма и Центральной Азии на Парижской мирной конференции

Многие десятилетия в историографии существует миф о наличии планов расчленения потерявшей устойчивость и развалившейся после Февральской революции 1917 г. Российской империи, которые вынашивались на Западе в контексте Первой мировой войны и Гражданской войны в бывшей империи. Большое значение при этом придавалось тому, что происходило на Парижской мирной конференции, какие шли переговоры между ее участниками и о чем говорили лидеры победивших стран.

Одним из главных вопросов этой конференции, призванной решить послевоенное устройство мира, стало, как отмечается в современной историографии, решение национально-территориальных проблем в таком многонациональном регионе, как Центральная Европа. Речь шла о разделе территорий прекратившей свое существование Австро-Венгерской империи и границах возникших на ее месте новых государств, т.е. освобождении малых народов бывшей империи на основе принципа самоопределения народов, что и было сделано. Что касается Российской империи, то было очевидно, что важное место в повестке займет «русский вопрос», т.е. разрешение национально-территориальных проблем бывшей романовской монархии и урегулирование отношений с новыми государствами, возникшими на ее месте, прежде всего с Советской Россией.

В современной историографии появились публикации, в которых освещается внешняя политика молодых мусульманских правительств¹, но до сих остается запутанным вопрос о том, как относились страны-победительницы к устремлениям ряда мусульманских народов Европейской России и Сибири, Кавказа, Крыма, Туркестана, создавших свою государственность на постимперском пространстве в 1917—1920 гг. Еще менее изучено, как видели решение, кратко говоря, «мусульманского» вопроса представители мусульманского населения этих и других территорий, какие выдвигали планы, как шли переговоры по этому вопросу между западными политиками и мусульманскими дипломатами, ибо все это нуждается в изучении на современном научном уровне.

Прежде всего, следует понимать, что у мусульманских народов бывшей Российской империи имелись к русской власти давние претензии, удовлетворять которые они пытались с помощью европейских правительств еще в самом начале XX в. В апреле 1904 г. группа татар провела в Казани нелегальное собрание, участники которого обсудили и составили на десяти страницах обращение, призывавшее европейские державы воздействовать на российское правительство, которое сильно ущемляло права мусульманского населения. В документе, переведенном на французский язык, говорилось, что европейским государствам необходимо постараться склонить русскую власть к восстановлению свободы совести и религии и всех прав мусульман

* Исхаков Салават Мидхатович — доктор исторических наук, Институт российской истории, заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций.

в Российской империи, а Петербургу в своих же собственных интересах следует растопить ненависть, которую он сам фактически вселил в мусульманских подданных. Данное обращение было переправлено в Европу². Это была первая попытка общественных деятелей прибегнуть к помощи извне, напрямую обратившись к европейским политикам за поддержкой, чтобы урегулировать отношения мусульманского населения с властью, которая тем самым проявляла, в сущности, свою несостоятельность в плане управления этой частью общества.

После подавления Первой русской революции некоторым мусульманским политикам, активно участвовавшим в общественной жизни и несогласным с навводимым властью жестким порядком и развязанной в стране антимусульманской кампанией, пришлось уехать за рубеж. Находящиеся в эмиграции мусульманские деятели решили, что крайне необходимо и очень своевременно прояснить возможные перспективы послевоенного статуса своих народов уже в ходе непосредственных встреч и переговоров как с официальными лицами, так и с различными европейскими политиками. С этой целью татары Ю. Акчура, А. Ибрагимов и азербайджанцы А. Агаев, А. Гусейн-заде* организовали в 1915 г. в Стамбуле специальный Комитет по защите прав мусульманских тюрко-татарских народов в России (*Comité pour la Defense des Droits des Peuples Turco-Tatar Musulmans de Russie*). Цель этого комитета, который возглавил Акчура, состояла в том, чтобы представить европейской общественности требования этих народов. Четыре делегата комитета — Ю. Акчура, М. Бегкан**, А. Гусейн-заде и М.Э. Челебзаде*** совершили в конце 1915 г. поездку, в ходе которой были приняты премьер-министрами Австрии, Венгрии и Болгарии, а также министром иностранных дел Германии³. Сначала в конце ноября делегация прибыла в Вену, где 8 декабря была принята министром-председателем К. Штюргком и заместителем министра иностранных дел Я. Форгачем. 12 декабря делегация прибыла в Будапешт, где встретилась с премьер-министром И. Тисой⁴. Правительствам этих стран был представлен ряд материалов, в том числе меморандум под названием «*Denkschrift des Komitees zum Schutze der Rechte der mohammedanischen turkish-tatarischen Völker Russlands*» («Меморандум Комитета по защите прав мусульманских тюрко-татарских народов в России»). В этом документе, изданном в Будапеште в 1915 г.⁵, содержались следующие требования: восстановить государственность этих народов, освободить от русского влияния Бухарское и Хивинское ханства, а также предоставить казахам административную автономию. Кроме того, европейцам был представлен документ под названием «*Die gegenwärtige Lage der mohammedanischen Turko-Tataren Russlands und ihre Bestrebungen*» («Настоящее положение мусульман тюрко-татар в России и их усилия»), который в 1916 г. был издан в Берне отдельной брошюрой⁶. Этот текст, написанный Акчурой, также был издан по-французски в 1916 г. в Лозанне⁷. 12 января 1916 г. членов делегации принимал в Берлине министр иностранных дел Г. фон Ягов и его заместитель А. Циммерман, а в феврале 1916 г. в Софии состоялась их встреча с премьер-министром Болгарии В. Радославовым и членами Национального собрания⁸. В ходе всех этих визитов делегаты получили заверения, что как Германия,

* *Акчури* (*Акчура*) *Юсуф* (1876—1935) — юрист, экономист, социолог, философ, историк, журналист, участник общероссийского мусульманского движения. Эмигрант. *Ибрагимов Абдрашед* (1857—1944) — мулла, богослов, публицист, участник общероссийского мусульманского движения. Эмигрант. *Агаев (Агаоглы) Ахмед бек* (1869—1939) — публицист, просветитель, преподаватель, общественный и политический деятель Азербайджана и Турции. Эмигрант. *Гусейн-заде Али-бек* (1864—1940) — ученый, публицист, переводчик. Эмигрант.

** По другим данным, *Бейджан Мукимеддин* или *Мукимджан (Муким-Бек)* — житель Старой Бухары, учитель, джадид-прогрессист, эмигрант.

*** *Челебзаде (Челебиев) Мемет Эсад* (1888—1934) — крымский татарин, богослов, поэт, эмигрант.

так и Австро-Венгрия окажут им всяческую помощь. В Габсбургской империи опыт решения подобных проблем уже имелся. Мусульманское население Боснии и Герцеговины до Первой мировой войны получило религиозную автономию, о которой мусульмане в Российской империи еще могли только мечтать.

Действия и заявления членов этой делегации довольно резко комментировались в печати стран Антанты. К примеру, уважаемая парижская газета «Le Temps» 14 декабря 1915 г. поместила заметку под заголовком «Между монголами», в которой сообщалось, что делегация тюрко-татарского населения России, которое составляет 20 миллионов человек, находясь в Будапеште, вручила премьер-министру И. Тисе меморандум, где излагалась необходимость «создания Казанского ханства с нейтрализацией территории между Волгой и Каспийским морем, чтобы сохранить цивилизацию этого населения».

Возражая против таких выпадов, бакинская газета «Ачыг Сёз» («Ясное слово») 28 декабря 1915 г. перепечатала статью из оренбургской газеты «Вакт» («Время»), в которой ее главный редактор Ф. Каримов* писал: «Не найдется ни одного мусульманина, который бы поднимал вопрос о восстановлении Казанского ханства или обмолвился об этом хоть одним словом... Русские мусульмане, хотя бы и те, которые обитают по Волге и Уралу, сами очень хорошо понимают, что, составляя меньшинство в узкой полосе посредине такой... страны, как Россия, они не могут образовать ханства и управлять им...»⁹. Конечно, никакой архаизации в предложении татарских дипломатов на самом деле не было. Речь шла исключительно о современно организованной культурно-национальной и административной автономии вроде той, что уже имелась в Австро-Венгрии. На этом фоне политика Петербурга/Петрограда в отношении собственного мусульманского населения выглядела неприглядно, дискредитировала в мусульманском мире имидж царя и России в целом. Появление дипломатов-мусульман в Европе вызвало раздражение в русском правительстве, что нашло свое отражение и на страницах центральной прессы.

В статье «Мечта мусульман», опубликованной в московской газете «Русские ведомости» 18 декабря 1915 г., известный русский востоковед и тюрколог В.А. Гордлевский сначала разъяснил положение российских мусульман объективным образом: «Жизнь мусульман действительно опутана сетью ограничений... Признание правительством за мусульманами прав на самоопределение составляет главную мечту их; между тем законодательство определенно проводит противоположную точку зрения, урезывая во всем мусульман... Но эти мечты так скромны, что, казалось бы, они не должны встречать на своем пути преград; ведь мусульмане только просят, чтобы были отменены ограничения, установленные для них». Но затем 17 января 1916 г. Гордлевский в той же газете, но уже в ином духе написал: «Слухи о петиции, с которой будто бы депутация от российских мусульман обратилась к графу Тисе, вызывают смех: у татар, несомненно, есть нужды, но они спокойно ждут, будучи убеждены, что правительство — когда придет время — само пойдет навстречу желаниям народа». Последний комментарий показывает, что даже более или менее беспристрастные ученые-исламоведы вынуждены были игнорировать сам факт существования каких-либо обращений к правящим кругам и общественности в Европе со стороны акчуринского комитета, взявшего на себя непростую и ответственную инициативу представлять на международном уровне интересы многомиллионного мусульманского населения Российской империи. Ссылка Гордлевского на правительство свидетельствует, какова была истинная позиция властей в отношении требований мусульманского населения, которое

* Каримов Фатих (1870—1937) — татарин, писатель, издатель, общественный деятель, в 1917—1918 гг. член Всероссийского мусульманского совета.

хотело получения равных с русскими возможностей для функционирования своей религии, своих традиций и сохранения национальной культуры и образования.

То, что предложения этой неофициальной делегации вызвали большой интерес у европейских политиков, было замечено не только европейскими учеными, но и русскими революционерами. К примеру, находившийся в Европе В.И. Ленин в конспекте изданной в 1916 г. в Германии книги Т. Егера (Т. Jaeger), посвященной Персии («Persien und die persische frage» (Weimar, 1916)), сделал выписку о том, что особая делегация мусульман из России объезжала ряд европейских правительств с целью «принести им свои жалобы на русский гнет и *требовать* освобождения от русского гнета и *восстановления своих прежних государств*». Именно тогда Ленин обратил внимание на бюллетени, которые издавало появившееся недавно в Женеве общество «Прогресс ислама»¹⁰. У советских историков европейский вояж нескольких тюркских эмигрантов вызывал негодование. В русской печати и официальной переписке, к примеру, писал известный татарский историк И.Р. Тагиров, всячески раздувались слухи о связях панисламистов с немцами, ссылаясь на какую-то тюрко-татарскую делегацию к графу Тисе, которая будто бы изложила план создания Казанского ханства¹¹.

В постсоветской историографии также отсутствует сколько-нибудь глубокий анализ первого зарубежного опыта этих мусульманских политиков, вставших, в сущности, на дипломатическую стезю. К примеру, Е.И. Воробьева (ныне Кэмпбелл, США) полагается исключительно на мнение помощника заведующего мусульманским отделом Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел царского правительства С.Г. Рыбакова, который не был склонен доверять газетным сообщениям из Европы, не исключая возможность провокации со стороны Германии¹².

С.М. Червонная (ныне работает в Европе) реанимировала устаревшую точку зрения, согласно которой под руководством Акчуры этот комитет якобы разрабатывал планы создания независимого от России Туркестана и восстановления Крымского и Казанского ханств¹³. И.Н. Новикова (Москва), исходя из распространенного взгляда, пишет, что поддержка сепаратизма малых народов России заняла не последнее место во внешней политике Германии практически с первых дней Первой мировой войны¹⁴. Что же требовали дипломаты-мусульмане?

В марте 1916 г. по инициативе некоторых литовских, украинских, балтийских немцев и других эмигрантских политиков и с помощью германского Министерства иностранных дел в нейтральной Швейцарии была создана «Ligue des peuples allogènes de Russie» («Die Liga der Fremdvölker Russlands», «Лига инородческих народов России»). Первой крупной акцией этой организации стала публикация в либеральной стохгольмской газете «Dagens Nyheter» 10 мая 1916 г. текста посланной 9 мая телеграммы-обращения на имя президента США В. Вильсона от имени многих населяющих Россию нерусских народов. Послание характеризовало в крайне неприглядном свете политику русского государства в отношении нерусских народов и мусульман в частности. «Мы, русские магометане, в количестве 25 миллионов, обвиняем русское правительство в том, что нас вечно угнетали, — отмечалось в этом коллективном обращении. — Нам незаконно препятствуют в исправлении своих религиозных обрядов и подвергают политическому преследованию. Нас лишили нашей земли, чтобы подарить ее разным русским фаворитам и вельможам. Всячески препятствуют развитию нашей культуры, на всех поприщах мы подвергаемся ограничениям. Во время войны нет никакой справедливости. Нас преследуют и обращаются с нами жестоко». Авторы телеграммы просили помощи и защиты, закончив это обращение словами: «Таким образом, Россия сама оттолкнула нас. Она и впредь будет продолжать преследование... пока не достигнет своей цели уничто-

жения инородцев в качестве отдельных народов». В качестве представителей российских мусульман телеграмму подписали Агаев, Акчура, Гусейн-заде и Ибрагимов¹⁵.

Как интерпретируется этот факт некоторыми современными российскими исследователями? И.Н. Новикова, специально изучавшая этот вопрос, ошибочно считает, что телеграмма была послана 9 апреля 1916 г. Что касается работы Лиги, то, на ее взгляд, она находилась в руках отдельных, якобы самых радикальных представителей национальных движений и, в сущности, не поддерживалась «угнетенными народами»¹⁶. Ставя эти кавычки, она выражала свое несогласие с этим историческим фактом. По мнению других историков, проблемы жизни нерусских народов в Российской империи получили вследствие этой телеграммы широкий общественный резонанс и в странах Антанты, особенно в Англии, где правящие круги пришли к выводу о целесообразности поддерживать недовольство этих народов против русского правительства, лишив тем самым монополии в данном вопросе Германию, где уже в первые дни Первой мировой войны тщательно разрабатывалась программа революционизирования России и стимулирования в ней межнациональных конфликтов¹⁷. С самого начала войны Германия, стремясь использовать в своих интересах межнациональные трения в войсках Антанты, устроила для части взятых ею в плен французских и британских военнослужащих-мусульман¹⁸, а затем и для российских мусульман отдельные лагеря, но этот прием не принес немцам никаких результатов.

О телеграмме, которая остро критиковала проводившийся русской властью курс на стирание самобытности многих нерусских, в том числе мусульманских, народов, стало сразу же известно в Петрограде, где эта новость вызвала отклики и реакцию на разных уровнях. Так, 10 мая 1916 г. в петроградской газете «Новое время» появилась заметка под устрашающим названием «Агенты германской пропаганды», где было сказано, что «компания собравшихся в Стокгольме самозванных представителей русских инородцев» жалуется в этой телеграмме «на якобы угнетение Россией входящих в состав нее нерусских народностей» и с помощью этой «инородческой агитации» пытается поссорить Россию с союзниками и ввести в заблуждение президента США. Данное обращение к президенту США, подчеркнул, к примеру, депутат Государственной думы, будущий глава Временного правительства А.Ф. Керенский, «несомненно отражает настроение народностей, населяющих Россию. В начале войны такого настроения не было... Национальный вопрос в стране назрел, и его надо поставить на первую очередь, ибо он важнее всяких земских и городских реформ». В докладе министру внутренних дел А.А. Хвостову летом 1916 г. сообщалось, что все, кто подписал телеграмму, стремились возбудить среди американцев и союзников России недовольство русским правительством, притесняющим нерусские народы¹⁹, т.е. существование подобной дискриминации признавалось на правительственном уровне.

В МИД России также изучали ситуацию, сложившуюся вокруг акчуринской группы в Европе. Об этом, в частности, свидетельствует конфиденциальная справка, направленная в МИД экспертом по мусульманским проблемам М. Шахтагинским* 8 июня 1916 г., где он довольно жестко заметил, что «этим искателям приключений... кажется, что наступившая политическая конъюнктура благоприятствует играть роль, выдавая себя за представителей и радетелей русских мусульман»²⁰. То, что смогли сделать несколько мусульманских дипломатов в Европе, озадачило не только таких правых политиков, как Шахтагинский, но и некоторых современных татарских историков.

* Шахтагинский Мохаммед-ага (1846—1931) — азербайджанец, публицист, востоковед, педагог, депутат II Государственной думы.

По утверждению И.Р. Тагирова, глава мусульманской фракции Государственной думы К.-М. Тевкелев* с ее трибуны заявил, что сказанное в этой телеграмме от лица российских мусульман «представляется клеветой на последних»²¹. Дело, однако, в том, что в опубликованных стенографических отчетах Государственной думы нет никаких подобного рода комментариев не только со стороны Тевкелева, но и других членов мусульманской фракции. Публичное отрицание самоочевидных фактов, которые были прекрасно известны мусульманскому населению, грозило им потерей доверия со стороны своих избирателей и означало позорное окончание политической карьеры.

Тем временем делегация мусульман, в том числе А. Агаев, Ю. Акчура, М. Бейджан, А. Гусейн-заде, А. Ибрагимов²², приняла участие в работе 3-го конгресса созданного еще перед войной в Париже Союза народов. В Лозанну приехали представители 27 народов, населяющих Российскую империю. Они публично обсуждали здесь как внешнюю, так и внутреннюю политику ее²³. По некоторым данным, на этом конгрессе, состоявшемся в Лозанне 27—29 июня 1916 г., присутствовали в различные дни от 40 до 400 представителей практически всех малых народов Европы. Депутат Государственной думы и кадетский лидер П.Н. Милюков, совершая поездку по Франции, специально нанес визит в Швейцарию в июне 1916 г., чтобы провести переговоры с представителями Лиги иностранных народов России, однако договориться ни о чем не смог²⁴. Он, по-видимому, пытался склонить кого-то из них к тому, чтобы на этом представительном международном форуме не делалось каких-либо заявлений против национальной политики русской власти.

А такая острая критика прозвучала. Так, выступая от имени татарского народа, Акчура заявил, что, несмотря на то, что русское правительство взимало очень высокие налоги со своих татарских подданных, оно не тратило ни гроша на их духовные и культурные нужды. «Татары прежде всего хотят для себя культурной автономии. Война очень дорого стоила татарскому народу», но кровь его сынов служит лишь укреплению и размаху российского империализма. Если татарский народ получит режим, способствующий его свободному развитию, — прогнозировал он, — то он внесет свой вклад в общий прогресс человечества». После Акчуры выступил казах С. Ахмедов^{***}, который подчеркнул, что казахи требуют национальной и религиозной автономии и возвращения отнятых у них русскими переселенцами земель; вообще казахи «хотят иметь такие же права, что и русские». Черкес И. Беданок^{****} заявил, что оккупация русскими его родины является несправедливостью и черкесы считают, что сотрудничество с русским народом стало невозможным: «Мы просим сознательное человечество рассудить нас и избавить от московского ига». Дагестанец Сеид Тахир аль-Хусейни^{*****} сказал, что полтора миллиона мусульман Северного Кавказа и Дагестана находятся постоянно в осадном положении и потому просят европейцев избавить их от управления из русской столицы. После него выступил неназванный представитель Бухары, который поддержал дагестанца.

* *Тевкелев Кутлуз-Мухамед* (1850—1919) — татарин, полковник, депутат I—IV Государственных дум, участник общероссийского мусульманского движения.

** В русской армии служило до 1,5 млн. татар и башкир, что составляло до 10% общей ее численности. Число мобилизованных мусульман превышало численность армии турецкого султана, воевавшей против России.

*** *Ахмедов Сафа* — скорее всего, псевдоним. Возможно, Юсупов (Жусипов) Ахмед-Сафа (Ахмедсафа) (? — после 1930 г.) — казах Тургайского уезда Тургайской обл., учитель, в 1917—1920 гг. активный участник алашского движения. По данным охраны, представителем казахов на этом конгрессе был некий Нуреддин (ГАРФ. Ф. ДПОО. Оп. 1916 г. Д. 336. Т. 2. Л. 1 об.).

**** Псевдоним. По данным охраны, представителями черкесов были Ахмед Саид бей и Джемаль Албогаджиев (Там же. Л. 1).

***** Возможно, Саид Тахир эфенди — религиозный деятель.

В итоге конгресс принял Декларацию прав народов. В ней провозглашалось право любого народа на свободное волеизъявление и на признание юридическим лицом, являющимся субъектом международного права. Подчеркивалось, что ни завоевание, ни мирное присоединение не дают кому-либо права решать судьбы народов или их территорий. Что касается народов, занимающих определенную территорию, то они имели право на автономию, в регионах же со смешанным населением представителям того или иного этноса предоставляется культурно-национальная автономия. Кроме территории, суверенные народы имели право на подобающие условия жизни и на развитие по пути цивилизованных народов²⁵.

Выступления мусульманских участников данного форума обнаруживают глубокое недовольство мусульманского населения Российской империи системой и практикой управления как со стороны центрального правительства, так и со стороны местных администраторов. Возглавляемая Акчурой делегация на конгрессе добилась принятия резолюции о самостоятельности Туркестана, Кавказа, Поволжья и Крыма. Вообще в Европе тогда делегации удалось достичь признания прав тюркских народов на самоопределение. При этом мусульманские дипломаты во главе с Акчурой работали в негласном контакте с членами бюро*, созданного в Петрограде в феврале 1916 г. для помощи мусульманской фракции Государственной думы²⁶. Однако крайне сомнительным является утверждение казанского историка, специалиста по мусульманским депутатам Д.М. Усмановой о том, что председатель мусульманской фракции Тевкелев сам был участником этого конгресса в Лозанне²⁷. Вспоминая Тевкелева, Шахтагинского и некоторых других думцев-мусульман, М. Чокаев**, находясь в Европе, писал в 1935 г.: «Вынужденный и официальный патриотизм некоторых не может покрыть собою настроение народа в целом. Внутри России мы безмолвны. Нет силы кричать. Нет путей для открытого выражения наших пожеланий»²⁸. Единственной свободной трибуной для этого была Европа, где перед общественностью и правительствами выступали дипломатические эмиссары российских мусульман, прекрасно осведомленные о подлинных их настроениях, отношении к власти и государству.

Мусульманские представители стали участниками крупной международной политической организации — «Союза народов». Небольшая группа представителей различных мусульманских народов фактически получила со стороны ряда европейских государств признание права тюркско-мусульманских народов Российской империи на самоопределение и на административную и культурно-национальную автономию в рамках российского государства вне зависимости от итогов мировой войны.

Игнорируя все эти исторические факты, ряд представителей современной историографии делает попытку патриотизировать их мышление. Так, утверждается, что, исходя из поведения российских мусульман не только на фронтах Первой мировой войны, но и в тылу, «принципы государственности и чувство гражданского долга перед отечеством являлись для них якобы важнее всяких религиозных и национальных чувств и обязанностей»²⁹. Делается же такой вывод на основании изучения материала

* В это бюро входили известные мусульманские общественные деятели А. Валидов (Башкирия), И. Леманов (Крым), М. Чокаев (Туркестан), А. Цаликов (Северный Кавказ) и др.

** *Чокаев Мустафа* (1890—1941) — казах, член Алаш-Орды, председатель Туркестанского краевого мусульманского совета, член Туркестанского комитета Временного правительства, член Всероссийского Учредительного собрания, член Временного народного совета автономного Туркестана (1917—1918 гг.). В январе 1918 г. возглавил правительство Туркестанской автономии («Кокандской автономии»), разгромленной большевиками в феврале 1918 г. После колчаковского переворота уехал в Грузинскую республику, где представлял Комитет по созыву Туркестанского Учредительного собрания. В 1921 г. эмигрировал в Европу.

о поведении мусульман-военнослужащих, попавших в германский плен. Кроме того, сохраняется точка зрения о пантюркистских настроениях. Так, казахский историк Г.К. Кокебаева, как и многие современные авторы, под влиянием этого историографического анахронизма пишет, что во время войны якобы «значительная часть интеллигенции тюркских народов России поддерживала Турцию»³⁰.

После падения самодержавия в 1917 г. на постимперском пространстве на практике началось осуществление того, что на самом деле предлагалось мусульманскими дипломатами еще во время их переговоров с европейскими политиками в 1915—1916 гг. и что было в духе принятой на Лозаннском конгрессе Декларации прав народов. Процесс политического диалога между западными политиками и представителями мусульманских народов в условиях Гражданской войны в России затем продолжился, но ничего общего с пантюркизмом и панисламом все это не имело.

В начале 1918 г. находящиеся в Швейцарии туркестанец Мирза-Ахмед Рахим* и казах Салим Муса обратились к Вильсону после его знаменитой речи 8 января 1918 г. в американском конгрессе, выражая просьбу к американскому народу защитить право находящихся «в отчаянии» тюркских народов Туркестана и Казахстана на самоопределение. Данная акция вызвала сенсацию в Лозанне³¹. Незадолго до начала работы Парижской мирной конференции лидер фракции партии «Мусават» в парламенте провозглашенной 28 мая 1918 г. Азербайджанской республики М.Э. Расулзаде** писал в бакинской газете: «...Взоры всего мира обращены сейчас на Париж. Париж — столица народа, давшего миру исторический пример свержения ига деспотизма, Париж — родина “Декларации прав человека”, политических заповедей всего революционного мира, занят теперь составлением “Закона о правах народов” всего мира. И если эти законы будут в такой же мере священны и признаны, как “Декларация прав человека», то тогда прекрасная столица Франции Париж будет столицей всех народов». Что же касается самих азербайджанцев, то по мнению лидера ведущей политической партии Азербайджана, «нужно, чтобы мы тут, на месте, тоже работали и доказали, что мы заслуживаем того, что мы требуем. Этим мы сделаем полдела; помимо этого, желательно было бы, чтобы демократия Америки и Западной Европы в вопросе устройства судеб малых народностей проявила бы все свое влияние»³².

В конце 1918 г. крымскотатарский представитель А.С. Айвазов***, находясь в Стамбуле, получил из Крыма указание поехать в Париж и добиваться участия в мирных переговорах, чтобы поднять там вопрос о судьбе Крыма, но не поехал и вернулся в Крым в феврале 1919 г.³³ Вместо него туда собрался ехать Дж. Сейдамет****. В интервью стамбульской газете «Икдам» он в феврале 1919 г. заявил, что в Конституции Крымской Народной Республики, объявленной в декабре 1917 г. в Крыму, сказано, что Крым должен быть представлен на мирной конференции. «Мы... — подчеркнул Сей-

* Возможно, Мирза-Ахмедов Мир-Адилъ — реформатор-интеллектуал, член Временного народного совета автономного Туркестана (1917—1918 гг.).

** *Расулзаде Мамед Эмин* (1884—1955) — азербайджанец, публицист, в 1917 г. один из лидеров партии «Мусават», депутат Закавказского сейма (1918 г.), в 1918 г. председатель Национального совета Азербайджана, депутат азербайджанского парламента (1918—1920 гг.). С 1922 г. в эмиграции.

*** *Айвазов Асан Сабри* (1878—1938) — крымский татарин, учитель, журналист, в 1917—1918 гг. председатель крымскотатарского курултая, активный участник революционных событий в Крыму в 1917—1920 гг.

**** *Сейдаметов (Сейдамет) Джафер* (1889—1960) — крымский татарин, юрист, прапорщик, один из лидеров крымскотатарского движения, депутат Всероссийского Учредительного собрания, в январе 1918 г. председатель крымскотатарского правительства, министр иностранных дел в 1-м Крымском краевом правительстве. В ноябре 1918 г. уехал в Европу. Эмигрант.

дамет, — настоим... на том, чтобы вышеупомянутое постановление Конституции проводилось в жизнь»³⁴. 8 ноября 1918 г. был создан Комитет по созыву Туркестанского Учредительного собрания, который возглавил Чокаев. В таком качестве он собрался выехать в США и Европу, но вместе с другими членами Всероссийского Учредительного собрания был арестован колчаковцами, которые 18 ноября 1918 г. совершили в Омске переворот. Чокаеву удалось бежать, но поездка в Европу была сорвана.

В конце 1918 г. находившееся под властью А.В. Колчака Национальное управление мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири предприняло усилия, чтобы направить своих представителей на мирную конференцию. Для поездки в Европу нужны были значительные средства. 2 декабря 1918 г. татарская газета «Маяк», которая издавалась в г. Петропавловске, опубликовала обращение Г. Исакова*, который являлся одним из этих представителей, о том, что необходимо собрать 100 тыс. рублей для татарской делегации. Он подчеркнул при этом, что если татарские представители не примут участия в этой конференции, то все вопросы, которые волновали татар, не решатся. Этот призыв вызвал отклик среди татар, оказавшихся в Сибири, о чем свидетельствуют цифры, опубликованные в их прессе, о собранных денежных суммах, которые направлялись в адрес упомянутого управления, находившегося тогда в Петропавловске.

Глава этой делегации С. Максудов**, находясь в марте 1919 г. в Финляндии, обратился к британским властям с просьбой предоставить ему визу для поездки в Лондон, чтобы встретиться с их представителями и охарактеризовать положение мусульман в России и в Туркестане. Цель Максудова заключалась в том, чтобы вопрос о культурно-национальной автономии мусульман Европейской России и Сибири поставить в повестку мирной конференции при обсуждении проблем России. В британском МИДе, однако, посчитали, что визит Максудова окажет негативное влияние на британскую политику в Средней Азии, породив у здешних мусульман тщетные надежды, и что визит такого крупного политика, как Максудов, вызовет протест со стороны российских представителей. Получив отказ в визе, Максудов расстроился, полагая, что на британских чиновников оказали влияние дипломаты как колчаковского МИДа, так и царского посольства в Лондоне³⁵. И он оказался прав относительно отношения как царских, так и белых дипломатов.

Как признавал глава Временного правительства Северной области Н.В. Чайковский, приехавший в январе 1919 г. в Париж для участия в мирной конференции, различные белые правители продолжали понимать задачу «собрания российского государства» в смысле методов XVI и XVII вв. и тем ставили достижение объединения центра и окраин на точку замерзания, так как правительства малых народов, входивших ранее в состав империи, считали, что отношения должны быть построены на основе соглашения, а не

* *Исаков (Исхаки) Гаяз (Мухамметгаяз)* (1878—1954) — татарин, писатель, журналист, драматург, переводчик, участник общероссийского мусульманского движения, делегат Национального парламента мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири (1917—1918 гг.). В 1920 г. прибыл в Париж. Эмигрант.

** *Максудов (Максуду) Садрутдин* (1878—1957) — татарин, юрист, историк, публицист, писатель, депутат II и III Государственных дум, участник общероссийского мусульманского движения. В 1917 г. член Туркестанского комитета Временного правительства, депутат Национального парламента мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири (1917—1918 гг.), председатель Коллегии по осуществлению культурно-национальной автономии мусульман внутренней России, председатель Национального управления мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири (1917—1918 гг.), председатель Заграничного представительства татар-мусульман внутренней России на Парижской мирной конференции. Эмигрант.

принуждения или насильственного покорения их центральной властью³⁶. Именно из-за этого подхода существовало принципиальное расхождение между царскими/белыми дипломатами и мусульманами. Поэтому главная задача последних состояла в том, чтобы доказать победившим державам, решающим судьбы народов, право на самостоятельное существование. Для этого важно было ознакомить европейское сообщество, общественное мнение с тем или иным народом, представить его страну в исторической ретроспективе, показать, что мусульмане в прошлом имели свою государственность и обладали всеми возможностями самостоятельного государственного бытия.

«Обширный Туркестан, трижды превосходящий своей территорией европейскую Францию, населенный народами старейшей арабско-персидской культуры, привык за ряд тысячелетий иноземного владычества ценить собственную свободу и уважать свободу других, — указывалось в радиограмме, отправленной 21 февраля 1919 г.* главой образованного 8 ноября 1918 г. Комитета по созыву Туркестанского Учредительного собрания Чокаевым из Асхабада в Париж, на имя председателя мирной конференции Ж. Клемансо, президента США Вильсона и государственного секретаря США Р. Лансинга. — Завоеванный полвека назад Россией, край этот с его даровитым восьмимиллионным населением и бесчисленными природными богатствами в течение долгих десятилетий подвергался насилиям со стороны» Центра. После падения самодержавия в 1917 г. депутаты Всероссийского Учредительного собрания от Туркестана стали, как сказано в документе, «горячими сторонниками европейской культуры и политического устройства их страны по образцу» США. «Туркестан наряду с другими автономными областями России составляет нераздельную часть Российской Демократической Федеративной Республики как Туркестанский штат** ее и является суверенным в устанавливаемых федеральной конституцией пределах». Комитет по созыву Туркестанского Учредительного собрания, констатируя, что «находящееся в процессе болезненного переустройства российское государство лишено в настоящее время единого представительства, которое было бы авторитетно для всех его частей, утративших между собой со времени Октябрьского переворота живую, органическую связь», — информировал Чокаев руководство мирной конференции, добавив, что «Туркестан не может признать ни за одним из существующих ныне правительств России права на представительство его самобытных политико-экономических и национально-культурных интересов». Поэтому «до создания в Туркестане объединенной демократической власти и ввиду отсутствия за границей правомочных лиц Комитет по созыву Туркестанского Учредительного собрания берет на себя обязанность заявить международному мирному конгрессу, что представляемой им стране должна быть обеспечена возможность суверенного существования, в пределах единства Российской Демократической Федеративной Республики, по воле населяющих Туркестан народов». В итоге Комитет обращался с просьбой об обеспечении мирным конгрессом территориального единства Туркестана и признания за краем «права на свободное автономное существование в братском содружестве с народами России»³⁷.

Спустя несколько лет, находясь в Европе, Чокаев объяснил, что имелось в виду под просьбой о помощи международного сообщества: «Конкретно это “обеспечение воз-

* Датируется на основании утверждения Чокаева, что эта радиопеша была отправлена им 21 февраля 1919 г. из Баку через представителя французского правительства (Российский государственный военный архив. Ф. 461-к. Оп. 1. Д. 417. Л. 216; Чокаев М. Национальное движение в Средней Азии // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М., 2002. С. 678).

** Вопреки этому общеизвестному историческому факту, некоторые современные авторы, например, казахский историк Г.К. Кокебаева, предпочитают писать, что после Февральской революции в силу «назревших внутренних предпосылок» восточные народы стремились отделиться от России (Кокебаева Г.К. Германия — Россия — СССР: политика, война и плен. Алматы, 2009. С. 270).

возможности суверенного волеизъявления населяющих Туркестан народов” нам... представлялось в следующем виде: на территорию Туркестана вводятся соединенные воинские силы государств Антанты под... командой... представителя нейтральной державы. Силы эти остаются в Туркестане до тех пор, пока там не создается прочное автономное правительство, опирающееся на Туркестанское Учредительное собрание и способное само поддерживать должный правопорядок и охранять неприкосновенность своей территории. Мы не скрывали от себя, что в случае успеха реакции в России Туркестану придется защищать свои национально-суверенные права всеми доступными путями, не останавливаясь даже перед провозглашением своей национальной независимости под протекторатом будущей Лиги наций. Таким образом, даже для тех туркестанцев, кто слыл за людей “прочной российской ориентации”, в перспективе наступал какой-то определенный момент, когда и они считали для себя возможным и даже необходимым обращаться к помощи и поддержке посторонних внешних сил. ...Мне как председателю Комитета предложено было ехать в Европу для личного поддержания просьбы Комитета, но из-за паспортных затруднений выехать не удалось»³⁸.

Чокаев имеет в виду поручение Временного народного совета автономного Туркестана. Его председатель С. Шериф* и секретарь М.-А. Мирза-Ахмедов 11 марта 1919 г. подписали документ о том, что на мирную конференцию в Париж в качестве представителей Туркестанской автономии направлены С.-Н. Мирджалилов** и М. Бехбуди***. Последний, однако, вскоре был убит, другому посланцу также не удалось выполнить это поручение.

Некоему эмиссару Временного народного совета автономного Туркестана все же удалось добраться в сентябре 1919 г. до Харькова, который был занят тогда белыми. Как сообщила местная газета 27 сентября 1919 г., этот представитель (фамилия не называлась в целях его безопасности) приводил в своем докладе, с которым он ехал в Париж, сведения о действиях советской власти в Туркестане, когда после падения туркестанского правительства в отношении мусульман, составлявших свыше 95% всего населения, обрушились репрессии. В результате политики большевиков голод достиг небывалых размеров. По официальным советским сведениям, от него здесь погибли не менее 800 тыс. человек. Некоторые кишлаки и аулы вымерли поголовно. Новая власть не церемонилась с мусульманами, и на этой почве шла непрестанная борьба, в которой перевес сил был на стороне большевиков, владевших аппаратом власти и вооруженной силой из 25 тыс. венгров — бывших военнопленных, при большевиках ставших солдатами «интернациональных» частей. При помощи этой мадьярской гвардии, а также броневых частей и артиллерии большевики и сохраняли свое господство в Туркестане.

Временный народный совет автономного Туркестана, по свидетельству этого его представителя, фактической власти не имел, но влияние его на мусульманское население

* *Шериф-Ходжаев Садриддин* (? — после 1933 г.) — богослов, член, затем председатель Временного народного совета автономного Туркестана (1917—1919 гг.), председатель ЦК политической партии «Иттихад ве Теракки» (создана в начале 1918 г.), которая выступала за независимость Туркестана. В 1920 г. арестован в Ташкенте большевиками и приговорен к смертной казни, которая по амнистии была заменена пятилетним тюремным заключением. Совершил побег из тюрьмы и примкнул к басмачам. В 1923 г. перебрался в Афганистан, а оттуда в Персию, стал муллой в Мешхеде.

** *Мирджалилов (Мир-Джалилов) Саид-Насыр* — член Временного народного совета автономного Туркестана (1917—1919 гг.), казначей Кокандского правительства (январь — февраль 1918 г.).

*** *Бехбуди Махмуд Ходжа* (1875—1919) — член Временного народного совета автономного Туркестана (1917—1918 гг.), один из активных организаторов Кокандской автономии. После ее разгрома большевиками сотрудничал с советской властью. В марте 1919 г. по дороге в Ташкент арестован на территории Бухарского ханства и через два месяца казнен.

ние было довольно велико и он вел агитацию против большевиков, особенно среди сельского населения. Политическая платформа этого Совета была такова: Туркестан является одним из штатов Российской Демократической Федеративной Республики и ни за одним из существующих на территории России правительств данный Совет не признает права представительства самобытных культурно-национальных, политических и экономических интересов Туркестана, поскольку это является прерогативой Туркестанского Учредительного собрания, полномочия которого должны были определяться федеральной конституцией. Этот дипломат также сообщил газете, что при посредстве Комитета по созыву Туркестанского Учредительного собрания Временный народный совет автономного Туркестана поддерживает дипломатические отношения с Парижем и Вашингтоном, куда он также намеревался отправиться³⁹. Эта последняя фраза означает, на мой взгляд, что этим дипломатом мог быть сам Чокаев, который, прибыв в Харьков, не смог проехать дальше из-за «паспортных затруднений», т.е. не получил французскую визу. В чем же была причина такого отношения французской дипломатии? «Во Франции, — отмечал в феврале 1919 г. русский дипломат С.Д. Сазонов, — начинают понимать пользу для себя воссоздания сильной России...»⁴⁰, т.е. как единого российского государства в пределах бывшей романовской империи. Как и в других подобных случаях, препятствия, чинимые белыми и европейскими дипломатами, сделали невозможным своевременное прибытие этого туркестанского представителя на мирную конференцию.

В отличие от Чокаева, министру иностранных дел Горской республики Г. Бамматову* удалось в начале 1919 г. попасть сначала в Швейцарию, где он вел переговоры с американскими дипломатами, которые были настроены уже несколько иначе. Один из них, П.А. Стоувэл, сообщал из Берна 5 февраля 1919 г. в Париж, где находился госсекретарь США, что Бамматов сообщил ему: его правительство очень ждет приглашения принять участие в конференции на Принцевых островах и готово вести переговоры с любым, в том числе и большевистским, правительством в России, если того пожелает американский президент. Бамматов также заявил, что его страна надеется оказаться под защитой Лиги наций как независимое государство и искренне желает, чтобы США получили от Лиги наций мандат на территорию его республики⁴¹. Исходившее от Д. Ллойд Джорджа и В. Вильсона 22 января 1919 г. предложение о созыве конференции на Принцевых островах для обсуждения возможностей прекращения гражданской войны в России, по выражению американиста С.В. Листикова, «потянуло» за собой и национальную проблему. У большинства новых государств эта инициатива, однако, понимания не встретила⁴².

О том, что мусульманские политики направлялись участвовать в работе этой конференции, было, разумеется, известно большевикам, которые также препятствовали их намерениям, исходя из своих расчетов. Так, на данную конференцию в качестве представителя башкирского народа был направлен Ш. Манатов**. Добравшись до Баку, он дал интервью, в котором заявил, что требования Башкирии на мирной конферен-

* *Бамматов Гайдар* (1890—1965) — кумык, юрист, кандидат в члены Всероссийского Учредительного собрания (1917 г.), министр иностранных дел Горской республики. В конце 1918 г. выехал в составе ее делегации на Парижскую мирную конференцию. Эмигрант.

** *Манатов Шариф* (1892—1936) — башкир, после Февральской революции возглавил Башкирский областной совет (с августа 1917 г.), член Всероссийского Учредительного собрания, с декабря 1917 г. член Башкирского правительства, затем заместитель председателя Комиссариата по делам мусульман внутренней России при Наркомнаце РСФСР, большевик (с мая 1918 г.), принятый в РКП (б) по личной рекомендации И.В. Сталина. Летом 1919 г. оказался в Грузии, затем в Стамбуле, где был арестован французами, но бежал. С октября 1920 г. представитель Наркомнаца РСФСР при правительстве Башкирской АССР, затем на других ответственных должностях в разных частях СССР.

ции сводятся к признанию ее национальной автономии в составе России⁴³. Намерение Манатова поехать в Париж вызвало недовольство среди руководства Башкирского ревкома. На его заседании 19 мая 1919 г. было решено направить телеграмму, написанную А. Валидовым*, председателю РВСР Л.Д. Троцкому с просьбой сообщить в Париж о лишении Манатова таких полномочий. Кроме того, было решено самому Башревкому послать участникам мирной конференции телеграмму «о лишении полномочий представителя башкирско-киргизского народа и Туркестана» Чокаева, а представителям других стран Востока следует оставить конференцию⁴⁴. Из этого следует, что, во-первых, Валидов понимал: обращаться к Сталину, который, надо полагать, и направил Манатова в Париж, бесполезно. Во-вторых, Валидову, который был заместителем Чокаева по Комитету по созыву Туркестанского Учредительного собрания, было, естественно, известно, что в Париже весной 1919 г. должен был появиться именно Чокаев, причем не только как представитель Туркестана, но и башкир и казахов, населявших территорию современного Казахстана. Чтобы не допустить его участия в этой конференции, башкирские руководители пытались скомпрометировать его, и это у них получилось. Поэтому осенью 1919 г. Чокаев предпринял еще одну попытку попасть на мирную конференцию, но она также оказалась неудачной. В-третьих, Валидов вообще был против того, чтобы представители других мусульманских народов, прежде всего из бывшей империи, прибывшие на мирную конференцию, могли в ней участвовать.

Чтобы не допустить татарских представителей в Париж, колчаковцы также использовали некоторых башкирских деятелей. В начале июня 1919 г. управляющий МВД А.Н. Гаттенбергер сообщил в Управление делами верховного правителя и Совета министров, что следует довести до сведения мирной конференции протест нескольких башкирских деятелей против того, что Г. Исхаков и С. Мамлеев** являются уполномоченными мусульман России⁴⁵. Колчаковское правительство поставило в известность своего министра иностранных дел С.Д. Сазонова, который находился в Париже, и официальных представителей других стран в Омске, что эти лица, на их взгляд, не являются представителями всего мусульманского населения освобожденной от большевиков России, в частности башкир⁴⁶.

25 июля 1919 г. глава Национального управления мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири Ибн. Ахтямов*** направил письмо управляющему колчаковского МИДа о том, что Г. Исхаков находится в Токио, где не может получить визу для поездки в Англию от английского посла, который ссылается на полученные им соответствующие сведения из Омска. Возражая против такого отношения, Ахтямов указывал, что Исхаков является известным татарским писателем, депутатом Нацио-

* *Валидов Ахмед-Заки* (1890—1970) — татарин (по другим данным — башкир), историк, депутат Национального парламента мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири (1917—1918 гг.), депутат Всероссийского Учредительного собрания, лидер башкирского движения. Под его командованием башкирские войска воевали на стороне атамана А.И. Дугова, затем адмирала А.В. Колчака, с 1919 г. на стороне советской власти; председатель Башкирского ревкома, член РКП (б). В июне 1920 г., добровольно оставив пост одного из руководителей Башкирской АССР, отправился в Туркестан, где присоединился к басмаческому движению и стал одним из его лидеров. Эмигрант.

** *Мамлеев Султанбек* (1888—?) — татарин, член Всероссийского мусульманского совета (1917—1918 гг.), депутат Национального парламента мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири (1917—1918 гг.).

*** *Ахтямов Ибниамин* (1877—1941) — татарин, эсер, помощник присяжного поверенного, депутат IV Государственной думы, комиссар Временного правительства по делам мусульман Уфимской губ., депутат Национального парламента мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири (1917—1918 гг.), заместитель председателя Национального управления мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири (1917—1918 гг.).

нального собрания мусульман Европейской России и Сибири и его представителем на Парижской мирной конференции. Ахтямов просил сообщить все это английскому послу в Токио⁴⁷.

В начале июля 1919 г. Максудов получил в российском посольстве в Париже телеграмму из Токио, отправленную Г. Терегуловым*, который заменил С. Мамлеева. В ней содержалась просьба помочь в получении английской и французской виз⁴⁸. Максудов обратился с этим вопросом к знакомому французскому дипломату, который пообещал свою поддержку. В августе 1919 г. разрешения на их въезд были направлены в Японию, но об этом Исхаков узнал только в январе 1920 г. Поэтому Максудову в Париже пришлось еще раз ходатайствовать насчет виз для Исхакова и Ф. Туктарова**, заменившего Терегулова, и они только в конце марта 1920 г. прибыли в Париж⁴⁹, где уже в январе мирная конференция прекратила свою работу. Их миссия была сорвана колчаковскими дипломатами, но меморандум (Декларация мусульман), подготовленный татарскими политиками, все же попал в Париж⁵⁰. Вот что в нем, в частности, было отмечено:

«С падением старого русского правительства и с провозглашением гражданских свобод в 1917 г. турки, как и остальные национальности России... горячо принимаются за организацию своей национальности и за восстановление разрушенных старым правительством национальных учреждений.

...Возлагая большие надежды на Всероссийское Учредительное собрание, в котором должна была быть выработана и установлена Конституция российского государства, турки готовились к этому Собранию и лихорадочно принялись организовывать свои национальные учреждения. Туркестан, Казакстан⁵¹, Кавказ и Крым провозглашают себя автономными штатами Российской Федеративной Республики. Каждое из них собирает свое правительство и объявляет созыв местного Учредительного собрания, чтобы выработать основные законы автономного штата для внесения на рассмотрение и утверждение Всероссийского Учредительного собрания. Турки внутренней (Поволжья и Прикамья) России и Сибири на основе всеобщего избирательного голосования созывают в г. Уфе Национальное собрание (Миллят меджлиси), которое вырабатывает Основные законы культурно-национальной автономии также для внесения на рассмотрение и утверждение Всероссийского Учредительного собрания. Это Национальное собрание выбирает свой исполнительный орган — Центральное национальное управление турков внутренней России и Сибири, состоящее из трех ведомств: духовного, просвещения и финансового. Центральное национальное управление организует на местах свои отделения, губернские, городские и деревенские национальные управления.

...К созыву Учредительному собранию турки всей России успели создать свои национальные учреждения и принялись за органическую национальную и общегосудар-

* *Терегулов Гумер* (1883—1938) — татарин, юрист, меньшевик, депутат Национального парламента мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири (1917—1918 гг.), член Ведомства просвещения Национального управления мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири, депутат Всероссийского Учредительного собрания. Эмигрант.

** *Туктаров Махмуд Фуад* (1880—1938) — татарин, адвокат, журналист, татарский эсер, член Всероссийского Учредительного собрания. Эмигрант.

*** Исхаков, находясь в 1919 г. в Харбине, передал Декларацию эсеру Е.Е. Лазареву — депутату Всероссийского Учредительного собрания и министру просвещения Комуча, который затем уехал в Европу. Таким путем Декларация попала на Версальскую мирную конференцию.

**** Казахстан.

ственную работу. ...Антибольшевистское настроение и организованность тюрков сразу обратило на себя внимание большевиков, и все тюркские правительства были объявлены большевиками “контрреволюционными и буржуазными”. Поэтому большевики открыли борьбу против тюркских правительств...

В настоящее время все тюрки находятся в невероятно тяжелых условиях и переносят все ужасы, творимые двумя борющимися силами в России: монархистами — правительство Колчака и анархистами — советская власть. Тюрки, стремящиеся к установлению государственности и организации народовластия, не могут, конечно, признавать ни той и ни другой власти и поэтому находятся в тисках этих двух, равно пагубных сил. Настоящее положение таково, что ни один вопрос, требующий благоустройства России, относится ли это к ликвидации гражданской войны, ведущейся на многочисленных фронтах между анархистами и монархистами, касается ли это государственного устройства и экономического возрождения или, например, очень сложного в России и требующего безотлагательного решения вопроса национального, — ни один из этих вопросов не может быть решен только собственными силами российского народа: народы России для этого слишком истощены и экономически, и духовно. Теперь, когда общественно-политические, социально-экономические и государственно-национальные вопросы решаются в международном масштабе, нет никакого сомнения, что все вопросы, касающиеся России, также будут решены в международном масштабе.

...Ни один вопрос, касающийся России, не может и не должен быть решен без участия представителей российских тюрков, тюрков, в течение столетий несших государственное бремя России, переносивших гонения русских правительств и наконец потерявших в эту ужасную войну миллионы своих лучших сынов... Представители тюрков должны быть приглашены и допущены на эти заседания и совещания с правом решающего голоса.

...Ввиду того, что на мирной конференции будут решаться вопросы войны и мира, внешней и колониальной политики, а также и вопрос о национальном самоопределении народов, т.е. вопросы, в решении которых заинтересована каждая национальность, представители 30-миллионного тюркского населения должны быть приглашены и допущены на мирную конференцию с правом решающего голоса.

...Всем российским тюркам должно быть предоставлено широкое и полное право на национальное самоопределение по свободному усмотрению самих тюрков.

...Всякие военные действия и приготовления к войне должны быть прекращены с установлением прочного мира для всех народов Европы, Азии и Африки и с предоставлением каждому из них права на полное национальное самоопределение»⁵⁰.

В меморандуме делегации Горской республики Парижской мирной конференции, датированным 9 мая 1919 г., содержался призыв признать ее независимость, разрешить делегации участие в конференции, принять республику в состав Лиги наций. В письме министра иностранных дел Горской Республики Бамматова министру иностранных дел Великобритании А. Бальфуру от 16 мая 1919 г. было выражено мнение, что когда представитель союзников генерал-майор У. Томсон, командующий британскими войсками на Кавказе, обратился с письмом, датированным 27 ноября 1918 г., к главе горского правительства, то тем самым правительство Англии признало де-факто правительство Горской республики⁵¹.

По прибытии в Париж весной 1919 г. делегация Азербайджанской республики обратилась к президенту США Вильсону. 28 мая 1919 г. делегация была им принята. Пред-

седатель делегации А.М. Топчибашев* во время приема обратился к нему с речью, в которой подчеркнул, что «у нас есть все данные к самостоятельной независимой жизни», что делегация будет выслушана на конференции, а республика будет допущена к участию в работе Лиги наций. «Мы заявляем... что не можем признавать власти ни Колчака, ни Деникина, или кого другого, если кто-нибудь захочет быть носителем власти на всю бывшую Россию; мы знаем и будем признавать для Азербайджана лишь власть нашего парламента и нашего правительства». На это американский президент сказал, что вопрос о признании Азербайджана не может быть разрешен раньше «русского вопроса» и предложил подать конференции соответствующий меморандум. В этом меморандуме, подписанном Топчибашевым, были изложены следующие требования: признать полную независимость Азербайджана, имеющего свою территорию, свое население, свой парламент, свое правительство и свою армию; допустить представителей азербайджанского правительства к работе мирной конференции и в Лигу наций и др.⁵²

В совместном заявлении делегаций Республик Азербайджана (Топчибашев), Эстонии, Грузии, Латвии, Северного Кавказа (А.М. Чермоев**), Белоруссии и Украины председателю Парижской мирной конференции Клемансо от 17 июня 1919 г. содержалась просьба незамедлительно признать их политическую независимость, констатируя, что эти республики «образовались и существуют свободным волеизъявлением народов этих государств. Конституция этих республик находится в стадии разработки, и их взаимные сношения с соседними государствами находятся на пути к закреплению их и будут определены соответствующими Учредительными собраниями, которые уже избраны или будут избраны на основании всеобщего голосования. Решения органов государственной власти в России, каковы бы они ни были, не могут никоим образом относиться к самостоятельным государствам: Азербайджану, Эстонии, Грузии, Латвии, Северному Кавказу, Белоруссии и Украине, и взаимные отношения между этими государствами и Россией могут быть урегулированы только как между государствами независимыми и самостоятельными, тогда как вышеприведенная переписка может быть истолкована как отрицание этого права»⁵³.

В совместном заявлении делегаций Республик Эстонии, Латвии, Грузии, Северного Кавказа (Чермоев, Баммат, И. Гайдаров***), Азербайджана (А.А. Шейхульсламов****, М. Магеррамов*****) Парижской мирной конференции от 28 июня 1919 г. указывалось, что установление окончательного режима в их республиках будет осуществлено не русским Учредительным собранием, а мирной конференцией, действующей в соответствии с волей населения, выраженной Национальными собраниями этих но-

* *Топчибашев Али-Мардан бек* (1865—1934) — азербайджанец, депутат I Государственной думы, один из основателей Азербайджанской республики (1918—1920 гг.), председатель ее парламента (1918—1920 гг.). Эмигрант.

** *Чермоев Абдул-Меджид* (1882—1937) — чеченец, ротмистр Чеченского конного полка, нефтепромышленник, депутат IV Государственной думы, премьер-министр Горской республики (май — декабрь 1918 г.). В конце 1918 г. выехал в составе ее делегации на Парижскую мирную конференцию. Эмигрант.

*** *Гайдаров Ибрагим бек* (1879—1949) — лезгин, дворянин, инженер, депутат III Государственной думы, член Закавказского сейма (1918 г.), министр почт и телеграфа Горской республики, участник Парижской мирной конференции. Эмигрант.

**** *Шейхульсламов Акбер Ага* (1891—1961) — азербайджанец, член Закавказского сейма (1918 г.), депутат парламента Азербайджанской республики, министр земледелия и труда первого кабинета министров независимого Азербайджана. Эмигрант.

***** *Магеррамов (Магеррамов) Мамед* (1895—1982) — азербайджанец, член Национального совета Азербайджана, депутат парламента Азербайджанской республики, член ее правительственной делегации на Парижской мирной конференции. Эмигрант.

вых государств⁵⁴. Все подобные призывы не оказали никакого влияния на подготовку Версальского мирного договора, который был подписан 28 июня 1919 г.

В Париже 17 июля 1919 г. по инициативе известного французского социалиста А. Тома, председателя Общества защиты прав национальностей бывшей России, началась конференция представителей социалистических партий всех новых республик, образовавшихся на территории бывшей Российской империи⁵⁵. В конференции участвовали представители Грузии, Украины, Белоруссии, Латвии, Эстонии, Литвы, Кубани, Азербайджана (Шейхульисламов), Северного Кавказа (Гайдаров). Конференция приняла декларацию с целью ознакомить общественность Западной Европы с политическими и национальными требованиями новых республик. В ней было указано:

«Самая большая ошибка, какую могла бы совершить демократия Европы, заключалась бы во взгляде как на “русские внутренние дела” на ту борьбу, которую ведут наши независимые государства для защиты своего существования против покушений извне как со стороны реакции, так и со стороны русского большевизма. Эту борьбу за признание права располагать своей судьбой наши народы ведут ценою невероятных усилий, которые позволили им сохранить свое национальное существование, создать демократические государства и таким образом избежать ужасов реакции и гражданской войны»⁵⁶.

Проблемы этих молодых государств обсуждались и во время конференции II Интернационала, которая состоялась 1—9 августа 1919 г. в швейцарском городе Люцерн. Один из ее участников, лидер французских социалистов П. Рендель по ее итогам написал 10 августа 1919 г., что независимость нерусских народов бывшей Российской империи была признана на этой международной социалистической конференции посредством резолюции, собравшей большинство голосов. Он считал, что эта независимость была признана II Интернационалом, который засвидетельствовал такое признание и собственным примером, так как все эти народы получили свое прямое представительство⁵⁷.

В меморандуме, который был опубликован в первом номере (сентябрь 1919 г.) специального парижского журнала под названием «Восточная Европа. В защиту молодых республик Востока», Топчибашев отмечал, что, несмотря на почти столетнее вынужденное нахождение под властью царизма, азербайджанцы никогда не переставали думать и стремиться к самостоятельной социально-политической жизни. Поэтому азербайджанцы одними из первых восторженно откликнулись на призывы к самостоятельной жизни на началах гражданской, политической и религиозной свободы. Но когда в России революция превратилась во всеобщую народную смуту, поведшую к захвату центральной власти большевиками, для азербайджанцев стало ясно, что этим свободам угрожает большая опасность. Тогда они образовали самостоятельную Азербайджанскую республику. Этот знаменательный акт в жизни мусульманского народа имел особое значение, так как во всем мире ошибочно считалось, что народы, исповедующие ислам, рождены быть под управлением лишь своих султанов, шахов и вообще монархов и что поэтому им чужд республиканский образ правления. Взгляд этот неправилен, ибо если исходить из того же Корана, то в нем имеется немало положений чисто выборного, общественно-народного и вообще республиканского характера. И лишь мусульманские автократы, далекие от истинного понимания жизненных интересов народных масс, и косное и продажное мусульманское духовенство, находившееся в услужении у первых, затемняло настоящий смысл исповедуемого ими учения, держа народные массы в ежовых рукавицах монархизма.

Весь народ азербайджанский глубоко верил в свою будущность и, рассчитывая на свои личные силы и неисчерпаемые природные богатства, надеялся, что его независимость будет признана мирной конференцией и что молодая Азербайджанская республика получит возможность под покровительством Лиги наций зажить самостоятельной социально-политической жизнью, чтобы принять посильное участие в общей созидательной работе народов в деле отстаивания жизненных интересов демократии, мирного существования народов и общечеловеческого прогресса⁵⁸.

В совместном заявлении делегатов Республик Азербайджана (Топчибашев), Северного Кавказа (Чермоев), Эстонии, Кубани, Латвии, Литвы и Украины на имя Клемансо от 8 октября 1919 г. было сказано: их государства были организованы на демократических началах и оказались вынуждены защищать себя от разрушительной силы красных и белых. Кровавая гражданская война, которую эти две стороны ведут между собой в самой России, не мешает им нападать на эти демократические государства, которые нуждаются в моральной и материальной помощи, и их независимость должна быть официально признана, чтобы получить международную помощь и защититься от всех этих агрессий. Вопрос о независимости новых государств должен быть решен немедленно и не дожидаясь разрешения русского внутреннего кризиса, потому что очевидно для всех, кто понимает ситуацию в России, что этот кризис будет долгим и решение не может быть достигнуто путем вооруженного успеха ни той, ни другой стороны. В заявлении вновь отмечалось горячее желание их народов присоединиться к Лиге наций, признать каждую из упомянутых республик в качестве независимого государства⁵⁹.

В конце 1919 г. в результате парламентских выборов во Франции в новом парламенте большинство получили правые депутаты. Во Франции, как писал очевидец этих событий Топчибашев, «восторжествовала политика нынешнего кабинета Клемансо, поддерживающая, между прочим, начала необходимости воссоздания “единой, неделимой России” с игнорированием стремлений маленьких народов к независимости!.. Очень уж сильно здесь влияние буржуазных элементов, вложивших когда-то свои капиталы в русские займы и предприятия»⁶⁰. В этом заключалась главная причина отношения французского правительства к требованиям мусульманских дипломатов о признании независимости их республик.

Председатель делегации и Национального совета мусульман Европейской России и Сибири Максудов как официальный представитель 10 миллионов мусульман этих регионов обратился с воззванием, датированным 10 января 1920 г. (именно в этот день вступил в силу Версальский мирный договор), к Верховному Совету и к мирной конференции, в котором отмечал, что российские мусульмане после окончания войны ожидали от победы союзников морального вознаграждения — больше национальной свободы, так как считали, что заслужили это ценой жизни сотен тысяч своих сынов, павших на полях сражений, защищая интересы союзников. Вместо свободы в России мусульмане испытывали на себе самый отвратительный гнет. Это воззвание было передано французским представителям⁶¹. Момент был выбран не случайно.

10 января 1920 г. по предложению Великобритании была созвана сессия Верховного Совета мирной конференции — ее высший орган, состоящий из представителей пяти главных союзных держав (Великобритания, Франция, Италия, Япония, США). Выступая с докладом, британский министр иностранных дел лорд Дж. Керзон обрисовал ситуацию на Кавказе, где успехи большевиков становились реальной угрозой, отступающие деникинцы могли ворваться в Закавказье, а кемалисты, договорившись

с Москвой, могли вторгнуться в закавказские республики. Ситуация сложилась кризисная, поэтому Керзон предложил немедленно признать де-факто Азербайджан и Грузию. Поддержав британского представителя, премьер-министр Франции Клемансо предложил включить в повестку дня следующего заседания вопрос о признании независимости Азербайджана и Грузии. 11 января 1920 г. Верховный Совет принял решение, согласно которому союзные государства признают правительства Азербайджана и Грузии де-факто. 15 января 1920 г. в МИД Франции были приглашены азербайджанцы Топчибашев, Магеррамов, грузины И. Церетели, З. Авалов, и генеральный секретарь министерства Ж. Камбон официально уведомил их о решении конференции признать де-факто Азербайджан и Грузию⁶².

16 января премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж на заседании представителей США, Великобритании, Италии заявил, что мусульмане во всем мире будут очень рады, если победившие державы признают Азербайджанскую и Горскую республики, которые были мусульманскими государствами. Вопрос о признании этих республик рассматривался британским лидером не только как фактор в борьбе с наступлением Советской России на Кавказ, но и как важный элемент британской политики в мусульманском мире. На заседании Верховного Совета 19 января 1920 г. обсуждался вопрос о снабжении Азербайджанской, Горской и Грузинской республик оружием и военным снаряжением, для чего были приглашены представители Грузии и Азербайджана, подробно отвечавшие на вопросы о ситуации в их республиках⁶³.

К началу 1920 г. Антанта вынуждена была признать успехи большевиков в России в борьбе с белыми. Тем самым «русский вопрос» был снят с повестки дня, и Антанта решила прекратить вооруженную борьбу с Советской Россией. Несколько изменилась вместе с тем и позиция Антанты по отношению к новым республикам, в том числе к мусульманским. Стремление ряда народов отделиться от России и зажить самостоятельной политической жизнью учитывалось правительствами Франции, Англии, Италии и Японии, но эта политика не соответствовала взгляду на «русский вопрос» со стороны США. Государственный секретарь США Б. Колби в ноте, адресованной 10 августа 1920 г. послу Италии, обосновал позицию своей страны в отношении, по выражению В.В. Романова, непризнания государств, образовавшихся на территории Российской империи, уважением ее территориальной целостности, а исключение допускалось лишь для Финляндии, Польши и Армении⁶⁴. Действительно, в этом документе сказано, что следует уважать «территориальную целостность и настоящие границы России» и в эти границы следует включить всю *бывшую* (выделено мной. — С.И.) Российскую империю» за исключением Финляндии, Польши и Армении⁶⁵. Но речь шла не о восстановлении территориального устройства самодержавной монархии, которая для руководства США была архаизмом. Как верно отмечает С.В. Листиков, американские лидеры, придерживаясь линии на сохранении целостности России, требовали ясного определения прав национальностей в составе будущего российского государства и заявляли, что будут добиваться их четкого соблюдения⁶⁶. Вильсон очень часто подчеркивал необходимость восстановления единой Демократической Федеративной России, в которой все народы могли иметь свою национальную автономию⁶⁷. Таким образом, американцы не признали Азербайджанскую, как, впрочем и Грузинскую, республику как суверенное государство, но допускали право всех народов бывшей империи, в том числе азербайджанского, на то или иное решение их национально-территориального устройства в составе единого государства.

Позиция западных держав по «мусульманскому» вопросу была очевидной для наблюдательных мусульманских политиков. Так, уже через несколько дней после на-

чала работы Парижской мирной конференции невозможность достижения мусульманскими дипломатами их задач на международной арене совершенно верно объяснил А. Муфти-Заде*, находясь в Симферополе: «Мы в сфере влияния союзников, не признающих разделения России и отрицательно относящихся к элементам, стремящимся к политическому обособлению. Нам, татарам, это надо хорошо помнить...»⁶⁸. Спустя два года Топчибашев, давая интервью парижской газете «Le Temps» 8 февраля 1921 г., констатировал, что даже признание союзниками де-факто Азербайджанской республики и других новых республик все же оставляло место невыгодным для окраинных государств суждениям: в фактическом признании иногда хотели видеть как бы возможность при известных условиях возврата к прежнему положению вещей. Как верно пишет Дж. Гасанлы, западные державы не были готовы признать факт развала Российской империи и тем более признавать новые государства на ее территории и на самом деле не теряли надежд восстановить царскую империю в прежних границах⁶⁹. Поэтому, как отмечает Г.К. Кокебаева, западные державы не склонны были оказывать дипломатическую помощь восточным народам в их отделении от России⁷⁰. Все это сказалось на попытках представителей мусульманских народов бывшей империи попасть на мирную конференцию, а тем, кому все же это удалось, пришлось испытать на себе колониальную психологию западных дипломатов.

Таким образом, дипломатическая сторона деятельности мусульманских политиков показывает цели и задачи, которые были выдвинуты мусульманской общественностью в ходе революционного процесса, охватившего Российскую империю в начале XX в., в особенности в 1917—1920 гг., в период ее распада. Несмотря на Гражданскую войну в России, политический диалог между европейскими политиками и представителями мусульманских народов продолжался. Основой его являлся принцип свободного самоопределения народов. Во имя достижения этой цели велась борьба мусульманских народов за осуществление своих попранных прав и чаяний. Перед руководством этих государств стояла, прежде всего, задача отстоять право на самостоятельное существование. Пути достижения этой цели были различны и определялись конкретной международной обстановкой, которая стремительно менялась в связи с окончанием Первой мировой войны. Некоторым представителям мусульманских правительств удалось попасть на Парижскую мирную конференцию.

Победившие державы, с одной стороны, заявляли о своей приверженности принципу свободного самоопределения народов, но, с другой — фактически отказали всем мусульманским народам царской империи, несмотря на признание де-факто азербайджанского правительства, стать на путь самостоятельной государственной и политической жизни. Более того, свержение британскими войсками парламента и правительства Юго-Западной Кавказской демократической республики, большинство населения которой составляли мусульмане, в апреле 1920 г. показывает, что западная демократия не могла допустить существования независимого от нее мусульманского государства, несмотря на ряд громких заявлений, которые прозвучали из уст западных лидеров на Парижской мирной конференции.

Провозгласившие свою независимость мусульманские республики, возникшие на месте развалившейся Российской империи, возлагали большие надежды на Парижскую мирную конференцию, рассчитывая получить признание со стороны мировых держав и стать равноправным членом международного сообщества, чтобы обеспечить

* *Муфти-Заде Амет* — крымский татарин, мурза, присяжный поверенный, кадет, гласный Симферопольской городской думы (1919 г.).

суверенитет и свою территориальную целостность, но разрешения «мусульманского» вопроса не произошло из-за позиции Лондона, Парижа и Вашингтона.

- ¹ См., напр.: *Кармов А.Х.* Дипломатия Горской (Северо-Кавказской) республики в 1918 — начале 1919 г. // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНИ РАН. 2002. Вып. 9. С. 3—19; *Гасанли Дж.П.* История дипломатии Азербайджанской Республики: в 3 т. М., 2010. Т. 1: Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики (1918—1920): пер. с азерб.; и др.
- ² *Landau J.M.* An Early Appeal by Russia's Muslims for International Support // Journal of the Institute of Muslim Minority Affairs. 1990 July. Vol. 11, N 2. P. 234—242.
- ³ *Zetterberg S.* Die Liga der Fremdvölker Russlands, 1916—1918: Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischem Propagandakrieg unter den Fremdvölkern Russlands im Ersten Weltkrieg. Helsinki, 1978. S. 70.
- ⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 151. Оп. 482. Д. 4323. Л. 19, 20; *Туран А.* Али бек Гусейнзаде. М., 2008. С. 9.
- ⁵ См.: *Die Welt des Islams.* 1916. VI, 1—2. S. 33—35.
- ⁶ *Kirimli H.* National movements and national identity among the Crimean Tatars (1905—1916). Leiden, 1996. P. 203—204.
- ⁷ *Akchura Y.* L'état Actuel et les Aspirations des Turco-Tatares Musulmans en Russie. Lausanne, 1916.
- ⁸ *Туран А.* Указ. соч. С. 9.
- ⁹ Цит. по: *Климович Л.* Ислам в царской России: очерки. М., 1936. С. 320.
- ¹⁰ *Ленин В.И.* Тетради по империализму // Полн. собр. соч. Т. 28. С. 704, 709, 734.
- ¹¹ *Тагиров И.Р.* Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль — июль 1917 года). Казань, 1977. С. 72.
- ¹² *Воробьева Е.И.* Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия: вторая половина XIX века — 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 166—167.
- ¹³ *Червоная С.М.* Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 162.
- ¹⁴ *Новикова И.Н.* «Национальный фактор» во внешней политике Германии в годы первой мировой войны // Беларусь і Германия: гісторія і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 22 красавіка 2004 г. Мінск, 2004. С. 154.
- ¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДПОО. Оп. 260. Д. 74. Л. 38, 39 об., 41 об., 42; *Les Annales des Nationalités.* 1916. N 4—5. P. 76; *Kirimli H.* Op. cit. P. 204.
- ¹⁶ *Новикова И.Н.* «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006. С. 325, 329.
- ¹⁷ *Греков Б.И.* Национальный аспект внешней политики Германии в годы первой мировой войны (Лига нерусских народов России) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 422, 425, 427—428; *Слоку Дж.У.* Кто и когда были «инородцами»? : эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. М., 2005. С. 520, 530—531.
- ¹⁸ *Ревякин А.* «Этническое оружие» Антанты: (союзное командование и военнопленные противника в годы первой мировой войны) // Первая мировая война: страницы истории. Черновцы, 1994. С. 68.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 54. Д. 241. Л. 1—3.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4323. Л. 27.
- ²¹ Цит. по: *Тагиров И.Р.* Дорогой свободы и братства. Казань, 1987. С. 144—145.
- ²² *Туран А.* Указ. соч. С. 9.
- ²³ Ингушетия и ингуши. М., 2002. С. 97.
- ²⁴ *Греков Б.И.* Указ. соч. С. 429.
- ²⁵ *Les Annales des Nationalités.* 1916. N 9—11. P. 261—262, 263, 264; *Compte rendu sommaire de la III-me Conférence des Nationalités réunie à Lausanne 27—29 juin 1916.* Lausanne; Ouchy, [1916]. P. 30—32, 43—45.
- ²⁶ *Исхаки Г.* Идель-Урал. Казань, 1991. С. 48; *Исхаков С.М.* Мухаммед-Гаяз Исхаки: из политической биографии писателя // Вопросы истории. № 8. С. 24; № 9. С. 6.
- ²⁷ Государственная дума Российской империи. М., 2006. Т. 1: 1906—1917. С. 629. Эта ошибка стала распространяться. Так, А.Ю. Хабудинов на страницах другого справочного издания пишет, что Тевкелев будто принимал участие в конгрессе в Лозанне (Ислам в Санкт-Петербурге: энцикл. словарь. М.; Н. Новгород, 2009. С. 241).
- ²⁸ Российский государственный военный архив. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 142. Л. 72—73.
- ²⁹ *Гатаулина Л.Р.* Религиозно-политическая пропаганда среди российских военнопленных-мусульман в Германии (1914—1922): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. С. 22.

- ³⁰ Кокебаева Г.К. «Исламская» политика Германии и судьба военнопленных-мусульман // Вестник КазНУ. Серия востоковедения. 2005. № 4. С. 25.
- ³¹ Кокебаева Г.К. Германия — Россия — СССР ... С. 271—272.
- ³² Азербайджан. 1919. 24 янв.
- ³³ Последняя рукопись Сабри Айвазова. Дело партии «Милли Фирка». Симферополь, 2009. С. 72. (Рассекреченная память. Крымский вып.; т. 1).
- ³⁴ Азербайджан. 1919. 1 марта.
- ³⁵ Dündar A.M. İngiliz Belgelerinde Sadri Maksudi Arsal ve “Rusya Müslümanları”nın Özgürlük Çabalarının Görmezden Gelişi // Yirmi Birinci Yüzyılda İdil—Ural. İstanbul, 2008. S. 353—356.
- ³⁶ ГАРФ. Р-5805. Оп. 1. Д. 244. Л. 43—44.
- ³⁷ Наша газета. (Ташкент), 1919. 22 марта.
- ³⁸ Чокаев М. Указ. соч. С. 678—679.
- ³⁹ Южный край. (Харьков), 1919. 27 сент.
- ⁴⁰ Внешняя политика контрреволюционных «правительств» в начале 1919 г.: (из документов Парижского посольства) // Красный архив. 1929. Т. 6 (37). С. 84.
- ⁴¹ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Russia. Washington, 1937. P. 43—44.
- ⁴² Листиков С.В. Белая дипломатия о позиции США и европейских держав по вопросу о территориальной целостности России (Версальская мирная конференция 1919 г.) // Американский ежегодник, 2010. М., 2010. С. 92.
- ⁴³ Азербайджан. 1919. 8 марта.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 3. Д. 1. Л. 29—29 об.
- ⁴⁵ Там же. Ф. Р-1700. Оп. 1. Д. 57. Л. 51.
- ⁴⁶ Заря. (Омск), 1919. 12 июня.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 281. Л. 5.
- ⁴⁸ Айда А. Садри Максуди Арсал: пер. с тур. М., 1996. С. 126—127.
- ⁴⁹ Цвиклински С. Новый документ о пребывании Садри Максуди в Париже в 1919 г. // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2006. № 1. С. 64.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 225. Л. 3—9, 9—14 об.
- ⁵¹ Там же. Ф. Р-6144. Оп. 1. Д. 16. Л. 38, 59.
- ⁵² Азербайджанская Республика: документы и материалы, 1918—1920 гг. Баку, 1998. С. 281—282, 286—288.
- ⁵³ Азербайджан. 1919. 2 сент.
- ⁵⁴ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Russia. P. 766—767.
- ⁵⁵ Посланцы Азербайджана на Парижской мирной конференции. Баку, 2010. С. 169.
- ⁵⁶ Азербайджан. 1919. 7 нояб.; Борьба. 1919. 9 нояб.
- ⁵⁷ Renaudel P. Les Nationalités allogènes de Russie et l’Internationale ouvrière // L’Europe Orientale. 1919. N. 1. P. 3—5; Азербайджан. 1919. 14 нояб.
- ⁵⁸ La République de l’Azerbaïdjan // Europe Orientale. 1919. N 1. P. 18—21.
- ⁵⁹ Eastern Europe. For the defence of the new Eastern Republics. 1919. N 4. October 16. P. 118—120.
- ⁶⁰ Топчибашев А.М. Письма из Парижа. Баку, 1998. С. 103.
- ⁶¹ Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Serie E. Sous-serie Russie d’Asie. Dossier 40. F. 135—142. Ксерокопия документа предоставлена Б.И. Садыковой (Казахстан).
- ⁶² Гасанлы Дж.П. Русская революция и Азербайджан: трудный путь к независимости, 1917—1920. М., 2011. С. 527—528, 531.
- ⁶³ Documents of British Foreign Policy, 1919—1939. First Series. London, 1948. Vol. II: 1919. P. 893, 897, 914—920.
- ⁶⁴ Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913—1921 гг.). М.; Тамбов, 2005. С. 289.
- ⁶⁵ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920. Washington, 1936. Vol. III. P. 468.
- ⁶⁶ Листиков С.В. Указ. соч. С. 99.
- ⁶⁷ Романов В.В. Указ. соч. С. 289.
- ⁶⁸ Таврический голос. (Симферополь), 1919. 27 февр.
- ⁶⁹ Гасанлы Дж.П. Русская революция и Азербайджан ... С. 606.
- ⁷⁰ Кокебаева Г.К. Германия — Россия — СССР ... С. 272.

**Раздел 4
Из архива
Научного совета РАН
по истории социальных
реформ, движений
и революций**

*П.В. Волобуев** (Москва)

Первая мировая война и исторические судьбы России**

1. В этой аудитории*** нет необходимости разъяснять, что избранная мною в качестве темы доклада проблема является одной из самых сложных для конкретно-исторического исследования и не под силу одному человеку, будь он семи пядей во лбу. Решение этой ключевой проблемы усложняется тем, что приходится иметь дело по крайней мере с тремя Россиями. Это Россия царская, Россия демократическая, просуществовавшая всего 8 месяцев в 1917 г., и Россия советская, ставшая в 1922 г. Советским Союзом. Отдаленное эхо Первой мировой войны можно услышать и в России четвертой — посткоммунистической и постсоветской. Вот почему я предпринял попытку историко-социологического осмысления данной весьма актуальной проблемы.

2. Пожалуй, ни один народ не воевал в XX веке столько, сколько народы России. В войнах, особенно мировых, участвовали несколько поколений, а фактически весь народ. Без преувеличения Россия вынесла на своих плечах основную тяжесть двух мировых войн, хотя и та, и другая были коалиционными. По количеству жертв в обеих войнах она превзошла всех других участников. Для сравнения: если во Второй мировой войне людские потери стран Западной Европы, за исключением Германии, были значительно меньше, чем в Первой, то Россия, наоборот, превысила на несколько порядков по этому показателю Первую мировую войну.

3. Но не только этими страшными демографическими последствиями оставили войны свой след в истории нашей страны. Войны, в особенности Первая, ввиду масштабности вызванных ими политических, социальных и революционных сдвигов и потрясений наложили неизгладимую, определяющую печать на историю России, предопределив в решающей степени драматический, а во многом и трагический характер ее исторической судьбы в XX столетии. Так, П.Н. Милоков, бывший в период его политической и государственной деятельности активным «империалистом», позднее в своих «Воспоминаниях» писал «о трагедии русского участия в Первой мировой войне»¹.

4. Если Первую мировую войну со стороны Германии Фриц Фишер в 1969 г. называл «войной иллюзий»², то со стороны России ее можно назвать бессмысленной или ненужной войной. Полагаю, что участие в ней не отвечало широко понятым национальным интересам страны и большинства ее населения. К такому выводу пришел в своих мемуарах А.Ф. Керенский, признав, что «великая война самым глубочайшим образом противоречила национальным интересам и задачам России в 1914 году»³.

* *Волобуев Павел Васильевич* (1923–1997) — историк, академик РАН, в 1988–1997 гг. председатель Научного совета АН СССР «История Великой Октябрьской социалистической революции», в 1991 г. получившего название «История революций в России».

** Рукопись. Подлинник. 8 л.

*** Речь идет об участниках международной конференции «Первая мировая война и XX век», которая состоялась в Москве 24–26 мая 1994 г.

Такой опытный политик, как С.Ю. Витте, в дни июльского кризиса 1914 г. заявил французскому послу М. Палеологу, что «эта война — безумие». Ни территориальное расширение и без того обширной империи, ни бредовая идея водрузить крест на Святой Софии в Константинополе, ни «благочестивый долг помогать своим кровным братьям»-сербам ничуть, по мысли Витте, не оправдывали вступление России в войну вместо поиска мирного выхода из кризиса⁴. Широко известна провидческая записка бывшего министра внутренних дел П.Н. Дурново, который, отражая интересы правых, прогермански настроенных кругов, возражал против участия России в мировой войне.

5. Но, как известно, Россия была к 1914 г. прочно включена в сложившуюся в Европе систему союзов и, будучи членом Антанты, вынуждена была следовать в русле блоковой политики. К этому ее побуждали и собственные империалистические интересы, в частности, говоря словами Милокува того времени, «окончательное разрешение вековых задач нашей ближневосточной политики», т.е. приобретение Босфора и Дарданелл вместе с Константинополем «в полное обладание России»⁵.

6. Будучи сторонником концепции многовариантности исторического процесса, в данном конкретном случае я тем не менее полагаю, что старая Россия фатально была обречена на поражение в Великой войне. Правда, со стороны иных демократических публицистов приходилось слышать, что России следовало бы продержаться в 1917—1918 гг. еще полгода-годик, не заключать сепаратного мира с Германией, и она оказалась бы вместе с союзниками среди победителей со всеми вытекающими отсюда последствиями.

7. Итак, что же настраивает меня ретроспективно на пессимистический взгляд на перспективы участия России в Первой мировой войне?

А. Известно, что Россия в начале XX века не завершила индустриальной модернизации и потому отставала в технико-экономическом отношении от передовых стран Европы, в том числе в несколько раз от своего потенциального противника — Германии. Это не могло не сказаться отрицательно на ее военно-техническом потенциале.

Б. Включившись в предвоенную гонку вооружений и затратив громадные суммы на перевооружение армии и воссоздание флота (по величине военных расходов Россия занимала второе после Германии место в мире), правящие круги не обеспечили выполнения принятых военных и военно-морских программ. Несмотря на хвастливые, а по сути провокационные заявления военного министра В.А. Сухомлинова о готовности России к войне, она в действительности не была к ней готова. Хотя рядовой и офицерский состав русской армии был вполне боеспособен, армия была в несколько раз хуже, чем германская, вооружена тяжелыми орудиями, пулеметами, самолетами и другой новейшей техникой. Уже осенью 1914 г. фронты столкнулись с острым дефицитом вооружений, в т.ч. винтовок и боеприпасов. В самой армии, по признанию А.И. Деникина, в годы войны «в отношениях между офицерами и солдатами была трещина», которая в 1917 г., после Февральской революции, превратилась в «полный разрыв»⁶.

В. Страна вступила в войну в состоянии острого общественно-политического кризиса и политической нестабильности. Царская монархия, находящаяся в состоянии морально-политического разложения (генерал А.И. Деникин позднее писал о «распутинском периоде русской истории»), не смогла выступить в качестве консолидирующего все классы и социальные слои центра. Провозглашенное либерально-буржуазной оппозицией «священное единение» на период войны из-за однозначно реакционной политики царизма (вплоть до намерений прикрыть Государственную

думу) и его военных поражений продержалось менее года — до весны — лета 1915 г. Политические кризисы и межпартийная борьба имели место и в других воюющих странах, но, кроме России, они нигде не вылились в открытую конфронтацию между высшей государственной властью и общественностью.

Г. Несмотря на громадные пропагандистские усилия казенных и буржуазно-помещичьих газет (СМИ), народные массы не воспринимали войну как Отечественную. Начало войны, провозглашенной оборонительной, вызвало патриотический подъем, особенно среди имущих классов, городского населения, в т.ч. рабочего класса. Стихийный патриотизм крестьянства носил пассивный характер. Тот же Деникин свидетельствует, что армия не сумела воспитать в солдате «национального самосознания» и чувства «здорового патриотизма» и солдаты рассуждали так: «прикажут — пойдем»⁷. Только свойственные русскому солдату стойкость, выносливость, способность к самопожертвованию и героизм поддерживали боеспособность армии. Но чем дольше затягивалась война, тем больше солдаты переставали понимать, из-за чего они проливают кровь.

8. Особо следует отметить, что большая война воочию показала, что Российской империи ввиду ее военно-технической, экономической и политической отсталости стало не по силам нести тяжесть имперских обязанностей, бремя великой державы. К тому же союзники по Антанте, хотя и оказывали России значительную финансовую и материально-техническую помощь, систематически не выполняли принятых на себя обязательств. Они не считались с военными возможностями России, рассматривая ее как «неистощимый источник боевой силы». Они требовали от нее такой военной активности на Восточном фронте, которая бы максимально облегчала их положение на Западном, не говоря уже о спасении от неминуемого поражения (так было в начале войны, в 1916 г. и в июне 1917 г.).

9. Война не сгладила, а, наоборот, обострила и углубила общественно-политический кризис, в который Россия вступила на рубеже XIX—XX вв. Неизбежные тяготы войны распределялись в России крайне неравномерно. Буржуазия наживалась на военных поставках, положение рабочего класса, несмотря на рост зарплаты, ухудшалось. Из-за массовых мобилизаций (в армию за годы войны было мобилизовано 15,5 млн. человек, на $\frac{3}{4}$ — из деревни) подорваны были производительные силы сельского хозяйства. Война резко усилила социальную поляризацию российского общества, заложив мины под его и без того непрочную стабильность.

10. Война потребовала напряжения всех материальных и людских сил страны, мобилизации всех ее ресурсов. Несмотря на традиции государственного вмешательства в экономику, правительство из-за некомпетентности и неповоротливости бюрократического аппарата не сумело организовать военную экономику на уровне требований Великой войны. Правда, удалось совместными усилиями правительства и крупной буржуазии добиться роста военного производства, что отразилось на общем приросте промышленного производства в 1916 г.

Однако работа промышленности и особенно транспорта была дезорганизована уже в самом начале войны. Созданная правительством под давлением буржуазии и по примеру стран Запада система центральных регулирующих органов не смогла обеспечить нормальное функционирование промышленности и транспорта. К 1917 г. хозяйственная разруха стала исторической реальностью. В аграрной стране, располагавшей избытками зерна, правительственные органы в центре и на местах не смогли наладить регулярное продовольственное снабжение не только городов и промышленных центров, но даже армии. На страну надвинулась угроза голода. Военные рас-

ходы покрывались в основном за счет денежной эмиссии. Это обстоятельство и рост дороговизны привели к обесценению рубля.

Факторов, вызывавших рост недовольства народных масс, становилось с каждым месяцем все больше. В стране накапливался горячий материал, чреватый грозным революционным пожаром. Призрак революции обретал реальные очертания. Дилемма: война ли убьет революцию или, напротив, революция убьет войну, стала предметом горячего интереса в правящих, оппозиционных и революционных кругах.

11. Первая мировая война положила отсчет качественно новому периоду в отечественной истории — завершению буржуазно-демократического цикла революций и начало циклу глубоких социальных революций социалистического типа, переросших в гражданскую войну. Никто в предвоенные и особенно военные годы не сделал столько для приближения революции и, следовательно, собственной гибели, как царь Николай II и придворная камарилья. Поражения на фронте, беспредел в тылу, разложение в «верхах» власти подорвали авторитет монархии в глазах масс, а «министерская чехарда» привела к параличу власти. Царь и его окружение задались утопической идеей — восстановить неограниченную самодержавную власть вразрез со всеми тенденциями XX века. С другой стороны, русская буржуазия за годы войны окрепла экономически и политически и в страхе за свое будущее требовала своего привлечения к управлению страной. Образование Прогрессивного блока (август 1915 г.) ознаменовало факт крупнейшего значения — крах третьеиюньской системы, на которой с 1907 г. держалась русская государственность. В стране к концу 1916 г. сложился по сути блок революционных и оппозиционных сил, направленных против правящей клики. Царь и его окружение оказались в полной изоляции.

12. Стихийный революционный взрыв 23 февраля 1917 г. перерос в скоротечную победоносную Вторую буржуазно-демократическую революцию, решившую одну из главных исторических задач — свержение ненавистного царского самодержавия. Но с ликвидацией царской монархии как политического и идеологического стержня империи рухнула как карточный домик Российская империя. На смену ей пришла по сути буржуазно-демократическая республика — самая свободная и передовая по условиям того военного времени. Старая монархическая Россия ушла в небытие.

13. Пришедшее к власти буржуазно-республиканское правительство столкнулось со сложнейшими проблемами, и главной среди них была проблема войны и мира. Всплеск революционного патриотизма («оборончества») в массах поддержал уверенность П.Н. Милокова в том, что революция совершена ради успешного продолжения войны до «победного конца» в союзе с «доблестными союзниками». Но оказалось, что страна выдохлась и не в состоянии была продолжить войну. Отношение к ней послужило водоразделом между либеральной общественностью, умеренными социалистами — меньшевиками и эсерами, с одной стороны, и радикальными кругами революционного лагеря, представленными прежде всего большевиками во главе с Лениным — с другой. Большевики верно угадали неистребимое стремление народных масс к миру и возглавили мощное антивоенное движение трудящихся и прежде всего солдатских масс, приведшее в конечном счете их к власти. Попытки меньшевиков и эсеров демократизировать унаследованную Временным правительством от царизма империалистическую политику, провозгласив лозунги «мира без аннексий и контрибуций» и всеобщего демократического мира, лишь на время отсрочили роковую развязку. Правительство Керенского как правительство войны было обречено. К тому же война, вырыв пропасть между имущими классами и большинством трудя-

щихся, сузила политическое пространство для проведения назревших реформ. Международный авторитет России как великой державы резко упал.

14. Вопрос о соотношении войны и революции не является столь простым, как кажется, хотя Л.Д. Троцкий и писал, что «война часто объявлялась в истории матерью революции». Здесь существует сложная диалектическая взаимосвязь. Главное состоит в том, что сила революции заключена в слабости ее противников. Первая мировая война политически и идейно ослабила потенциал сначала царизма, а затем буржуазно-демократической власти. Россия оказалась на перепутье исторических путей развития. Альтернативы в 1917 г. были таковы: капитализм или социализм, демократия или диктатура (в революционной или контрреволюционной форме).

15. Революционизирование масс, мощное советское движение, родившееся в толще народных масс, широкомасштабное антивоенное движение, аграрная революция позволили большевикам, обещавшим измученному народу немедленный мир, прийти к власти. Октябрьская революция, возглавленная ими, была великой народной и социальной революцией, ориентированной на конечную цель — социализм. Вопрос о роли Октябрьской революции особый, но мое мнение однозначно: это был прорыв в будущее, к новому обществу. Декрет о мире, принятый 26 октября 1917 г., открывал путь к всеобщему демократическому миру. Но по вине правящих кругов стран Антанты и германского блока этот шанс не был использован. Большевицкое правительство вынуждено было, как известно, принять грабительские условия Германии и заключить «похабный» и унижительный Брестский мир. Международная изоляция России. Предыстория сепаратного мира в годы войны. Кадеты и генерал А.И. Верховский. Решились на этот шаг большевики. Немцы после Бреста оккупировали 18 губерний, в том числе 14 целиком, из 50 в Европейской России.

16. Аннулирование Брестского мира советским правительством после Ноябрьской революции в Германии. Радость союзников — освобождение от обязательств по тайным договорам.

17. Самое трагическое, говоря словами А. Зайцова, состоит в том, что «наша гражданская война перелилась непосредственно из ...мировой».

Ужасы и бедствия гражданской войны. Озлобление и озверение.

18. Версальская конференция. Игра на антибольшевизме и антисоветизме тогда и в 1945 г.

19. Итак, Россия явилась первой жертвой Великой войны, внося в ее победу огромный вклад. Такова ирония истории. Благодарные союзники ответили нам военной интервенцией.

¹ Милуков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 93.

² См.: Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 108.

³ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 80.

⁴ См.: Мэсси Р. Николай и Александра. М., 1990. С. 246—247.

⁵ См.: Родина. 1993. № 7. С. 44.

⁶ Деникин А.И. Старая армия. Париж, 1929. С. 43—50.

⁷ Там же. С. 50—51.

П.В. Волобуев (Москва)

Первая мировая война и историческая судьба России*

Переосмысление отечественной истории, осуществляемое в последнее десятилетие российскими историками, подвело к необходимости по-новому оценить место и роль Первой мировой войны в исторических судьбах России. Не касаясь эволюции историографических взглядов по данной проблеме, отметим, что Первая мировая война подтвердила правоту революционных марксистов-большевиков, утверждавших, что она открыла эпоху войн и революций. Действительно, в XX в. человечество пережило больше, чем прежде, революций, две «горячих» мировых войны, одну «холодную» и множество локальных.

Первая мировая война, будучи первой в XX столетии, явилась событием не только глобального, но и эпохального масштаба. По сути именно с нее следовало бы датировать начало нашего века. Для России же она была таким грандиозным событием, которое наложило неизгладимый и длительный отпечаток на ее историческую судьбу в последующие десятилетия XX в., причем в орбите ее воздействия оказались три России: царская, буржуазно-демократическая и советская. В этой связи, генерализируя и предвзято общий вывод, можно было бы сказать, что царская и либерально-демократическая России стали жертвами этой войны, а Советская Россия обязана ей своим «рождением», ибо, не будь войны, победа Октябрьской революции была бы невозможна. Россия вступила 1 августа 1914 г. в войну, которую, в отличие, например, от Германии, мало кто, в том числе и сам царь Николай II, желал и которой боялись все. Представляется, что участие в Первой мировой войне не отвечало национальным интересам страны. К такому же выводу пришел в своих мемуарах А.Ф. Керенский, признав, что «великая война самым глубочайшим образом противоречила национальным интересам и задачам России в 1914 году»¹. А такие видные в конце XIX — начале XX в. государственные деятели, как С.Ю. Витте и П.Н. Дурново, в самый канун войны решительно высказывались против участия в ней России, причем последний провидчески предсказал все ее трагические для страны последствия, в том числе революцию. Вероятно, нейтралитет мог бы быть оптимальным выходом для России.

Но в 1914 г. Россия была прочно включена в сложившуюся в Европе систему союзов и, как член Антанты, в силу логики блоковой политики и собственных империалистических интересов оказалась вовлеченной в войну. В ряду захватнических целей войны едва ли не основное значение имело, как писал П.Н. Милоков, «окончательное разрешение вековых задач нашей ближневосточной политики», т.е. захват Босфора и Дарданелл в полное владение Россией вместе с Константинополем². Известную роль сыграли и опасения перед экспансионистскими планами Германии в отношении России.

Россия приняла активное участие в предвоенной гонке вооружений (по величине военных расходов она занимала второе после Германии место в Европе), но не смогла к 1914 г. выполнить принятые ранее программы по перевооружению армии и воссозданию военно-морского флота. Несмотря на хвастливые, а по сути провокационные заявления бездарного военного министра генерала В.А. Сухомлинова о готовности

* Машинопись. 9 л. Подпись — автограф. Опубликовано: *Volobuev P. The Great War and the Destiny of Russia // World War I and the XX Century: Acts of the International Conference of Historians, Moscow, 24–26 May, 1994. Moscow, 1995. P. 62–66.*

русской армии к войне, фактически она не была к ней готова. Если все воюющие державы, необоснованно рассчитывавшие на кратковременность войны, не были подготовлены к длительной войне, то Россия оказалась неподготовленной, с точки зрения мобилизационных запасов вооружения, и к войне скоротечной. Уже осенью 1914 г. на фронтах нехватало снарядов, винтовок и другого вооружения. По боевой подготовке русская армия не уступала германской, хотя среди ее генералитета было немало бездарных военачальников. В военно-техническом отношении русская армия заметно уступала германской, особенно по тяжелой артиллерии, пулеметам, авиации и другой новейшей технике. Это преимущество противника, а также союзников России по Антанте Франции и Англии хотя и несколько сгладилось в ходе войны, но осталось в конечном счете непреодоленным³. Понятно, что дефицит вооружения и снаряжения в русской армии, сохранившийся на протяжении всей войны, заметно снижал ее боеспособность и был одной из главных причин ее поражений и громадных людских потерь. Они составили около 4 млн. солдат и 77 тыс. офицеров убитыми и ранеными, 2,3 млн. пропавшими без вести, причем относительные потери России были значительно выше, чем у союзников. Такие потери компенсировались мобилизацией в армию громадных людских масс — 15 млн. человек⁴. В самой армии, по признанию генерала А.И. Деникина, в годы войны «в отношениях между офицерами и солдатами была трещина», которая в 1917 г. после Февральской революции превратилась в «полный разрыв»⁵.

Самым главным в негативном воздействии войны на Россию явилось резкое обострение кризиса общественно-политической системы и свойственных ей противоречий, что в конечном счете предопределило военное поражение страны и привело к революционному краху царизма. Российский кризис вписывается во всемирно-исторический контекст, так как сама Первая мировая война была проявлением кризиса мировой капиталистической системы и европейской цивилизации.

В отличие от других стран, Россия вступила в войну в условиях политической нестабильности и обострения общественных противоречий между властью и народными массами, прежде всего рабочим классом, между властью и либерально-буржуазной оппозицией, между господствующими классами и угнетенными «низами» и т.п. Царская монархия, находившаяся уже к началу войны в состоянии морально-политического разложения (А.И. Деникин позднее писал о «распутинском периоде русской истории»), не смогла выступить в качестве консолидирующей все общество силы. Напротив, она стала едва ли не главным дестабилизирующим и дезорганизующим фактором.

Провозглашенное либерально-буржуазной оппозицией «священное единение» на период войны из-за однозначно реакционной политики царизма и военных поражений весной и летом 1915 г. продержалось лишь до лета и сменилось острой конфронтацией власти и оппозиции. В результате этого жертвой войны стала Третьеиюньская политическая система как основа российской государственности. Ни в одной воюющей стране не было такого раскола и борьбы между правящими кругами и обществом, как в России. Патриотический подъем в начале войны, особенно среди имущих классов, интеллигенции, городского населения, в т.ч. рабочего класса, ввиду неспособности правительства вести победоносную войну уже в 1915 г. сменился «патриотической тревогой». Стихийный же патриотизм крестьянства носил пассивный характер и угасал по мере затягивания войны.

Великая война воочию показала, что Российской империи вследствие ее технико-экономической и политической отсталости стало не по силам нести бремя имперских «обязанностей». Царское правительство из-за некомпетентности и неповоротливости государственного аппарата не сумело мобилизовать материальные и людские ресурсы страны и организовать военную экономику, отвечающую потребностям большой войны. Было бы, однако, неверным не видеть, что России совместными уси-

лиями правительства и буржуазии удалось все же добиться существенного роста военного производства и удовлетворить в 1916 г., хотя и не полностью, потребности армии в вооружении и снаряжении. Промышленное производство за годы войны выросло в 1916 г. на 21,5% по сравнению с 1913 г. но в 1917 г. снизилось до 77,3%⁶. Тем не менее около одной трети потребностей русской армии в вооружении и снаряжении покрывалось за счет иностранных поставок, в т.ч. до половины (к ноябрю 1916 г.) винтовок и пулеметов, не говоря уже о тяжелой артиллерии, автомобилях и авиамоторах⁷.

Война стала основной причиной хозяйственной разрухи, принявшей к концу 1917 г. катастрофические масштабы. Слабость железнодорожной сети привела вначале к перебоям, а затем и к дезорганизации перевозок металла, топлива, сырья, продовольствия. В аграрной стране, располагавшей избытком зерна, правительственные органы в центре и на местах не смогли обеспечить нормальное продовольственное снабжение не только населения городов, но даже армии. На страну надвигалась угроза голода, а хлебные бунты в Петрограде, как известно, послужили поводом к Февральской революции. К моменту Октябрьской революции государственный долг увеличился по сравнению с довоенным временем в 5,5 раза и достиг колоссальной суммы в 49 млрд. руб. Из них на внутренние займы приходилось 37,8 млрд. руб. и на внешние — 11,2 млрд. (за время войны они увеличились на 7,2—7,7 млрд. руб.), тогда как национальный доход в 1913 г. составлял около 16,4 млрд. руб.⁸ Подлинным бичом для населения и экономики стали инфляция и рост дороговизны. Таким образом, мы вправе констатировать, что война, породив хозяйственный кризис, отбросила народное хозяйство России далеко назад, усилив ее отставание от развитых стран Запада.

Стихийный революционный взрыв 23 февраля 1917 г. на почве несправедливого распределения тягот войны перерос во Вторую буржуазно-демократическую революцию, решившую одну из главных исторических задач — свержение царской монархии. Но с ее ликвидацией как политического и идеологического стержня империи рухнула как карточный домик и сама Российская империя. Таков один из главных результатов участия России в Первой мировой войне. Она положила начало качественно новому периоду отечественной истории — завершению буржуазно-демократического цикла революций и началу нового цикла — глубокой социальной революции социалистического типа. Пришедшая на смену империи буржуазно-демократическая республика, возглавляемая либералами и умеренными социалистами (меньшевиками и эсерами), не смогла решить самый сложный вопрос о выходе России из войны. Страна обессилила, а народные массы после кратковременного всплеска революционного патриотизма не хотели продолжения войны до «победного конца». Большевики верно угадали настроения народных масс, их стремление к миру и возглавили мощное антивоенное движение, которое наряду с другими слагаемыми революционного процесса привело в конечном счете их к власти. Не кто иной, как В.И. Ленин подчеркивал, что «Россия могла бы прожить годы и десятилетия (в другой статье он даже назвал срок в 30 лет. — *П.В. Волобуев*) без революции против капиталистов. При войне это объективно невозможно: либо гибель, либо революция против капиталистов»⁹. Отсюда и сформулированная Лениным альтернатива: либо капитализм, либо переход к социализму. Декрет о мире, принятый 26 октября 1917 г. II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, лишь теоретически открывал путь ко всеобщему демократическому миру, ибо не мог быть принят ни союзниками по Антанте, ни противниками — Германией и Австро-Венгрией. Молодая Советская Россия оказалась в международной изоляции. Советское правительство, объявив о демобилизации армии, уже неспособной продолжать войну, вынуждено было 3 марта 1918 г. подписать сепаратный униженный, «похабный», по определению В.И. Ленина¹⁰, Брестский мир с Германией и ее союзниками. Ценой громадных территориальных, материальных и финансовых потерь Россия вышла из Первой мировой войны. Даже по-

сле аннулирования 13 ноября 1918 г. Брестского мира и распространения советской государственности на всю территорию бывшей Российской империи (за исключением Царства Польского, Финляндии и Прибалтики) Россия временно перестала быть великой державой, и ее геостратегическое положение пришлось «исправлять» в 1939—1945 гг.

Было бы неверно и односторонне по конечному результату изображать дело так, что Россия только терпела в ходе войны одни поражения. Русская армия, несмотря на недостаток вооружения, одерживала над противником и крупные победы, сковывая на Восточном фронте до 40%, а иногда и более вооруженных сил Центральных держав¹. Россия оказала неоценимую услугу своим союзникам, нередко принося в жертву коалиционному делу свои национальные интересы. Союзники, хотя и оказывали немалую военно-техническую и финансовую помощь России, проявляли, говоря словами Д. Ллойд Джорджа, свое корыстолюбие, эгоизм и узость стратегических взглядов², воздерживаясь от активных военных операций на Западном фронте в трудное для русской армии время и срывая обещанные ей поставки оружия и боеприпасов. Нет сомнения, что победа Антанты без вклада России в войне была невозможна.

Самое трагическое в последствиях Первой мировой войны состоит в том, что она переросла в кровавую Гражданскую войну. «Наша гражданская война, — справедливо писал эмигрантский военный историк, — перелилась непосредственно из внешней... Она от нее неотделима»³. И дело не только в классовой пропасти, разделившей красных и белых, но в происшедших в России глубоких нравственных и психологических сдвигах — в образовании, говоря словами Н.А. Бердяева, милитаристского типа людей⁴, их озверении, одичании, беспредметном озлоблении. После мировой войны в стране остались горы оружия и не только на складах, но и у населения. Красная армия, например, вплоть до середины 1919 г. снабжалась в основном из запасов военного времени⁵. Белые в свою очередь получали оружие от союзников, в т.ч. за счет заказов царского и Временного правительств.

Так в муках и крови рождалась новая Россия. Поистине прав был Н.А. Бердяев, когда писал, что с началом войны «Россия и вся Европа вступают в великую неизвестность, в новое историческое измерение»⁶.

¹ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 80.

² Милоков П.Н. Чего ждет Россия от войны? Пг., 1915. С. 57.

³ Подробнее см.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. VI. С. 561.

⁴ См.: Там же. С. 560—561.

⁵ Деникин А.И. Старая армия. Париж, 1929. С. 43—50.

⁶ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VI. С. 563.

⁷ См.: Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 317—319.

⁸ См.: Его же. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960. С. 89, 91, 111, 514—526; Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 379—380.

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 31.

¹⁰ Там же. Т. 35. С. 382.

¹¹ См.: Степанов А. Россия в Первой мировой войне // Свободная мысль. 1994. № 9. С. 60.

¹² Емец В.А. Очерки внешней политики России, 1914—1917. М., 1977. С. 202.

¹³ Зайцов А. 1918 год: очерки по истории русской гражданской войны. Париж, 1934. С. 17.

¹⁴ См.: Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 323.

¹⁵ См.: Присяжный Н.С. Экономическая чума: военный коммунизм в России. Ростов н/Д, 1994. С. 161.

¹⁶ Бердяев Н. Указ. соч. С. 6.

Научное издание

**Россия и Первая мировая война:
экономические проблемы, общественные настроения,
международные отношения**
Сборник статей

*Утверждено к печати
Ученым советом Института российской истории
Российской академии наук*

Редактор: О.А. Пруцкова
Макет и оформление: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати 20.11.2014
Формат 70×100/16. Гарнитура NewtonТТ.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26. Уч.-изд. л. 29,0.
Тираж 300 экз.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

